Памяти Е.М. Примакова,
выпускника Московского
института востоковедения,
профессора МГИМО

В книге использованы фотографии
И. Лилеева, И. Дробышева, А. Степанова, Е. Кубышкиной
и архивов *А.А. Ахтамзяна, А.В. Штанова, С.Л. Тихвинского*

ГЛАВЫ ИЗ ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Лазаревский институт

●

Московский институт востоковедения

●

МГИМО

МГИМО УНИВЕРСИТЕТ

АСПЕКТ ПРЕСС

Москва

2015

УДК 378
ББК 74.58
Г52

Редакционная коллегия
А.В. Торкунов (отв. ред.), М.А. Волхонский,
А.В. Мальгин, А.П. Пятнов, Ю.К. Суворова

Авторский коллектив
Л.Б. Алаев, А.Н. Алексахин, Е.В. Воевода, М.А. Волхонский,
Е.Л. Гладкова, С.Б. Дружиловский, И.В. Дьячков, Л.М. Ефимова,
Е.В. Колдунова, А.В. Мальгин, М.А. Сапронова, Н.В. Степанова, Ю.К. Суворова,
В.В. Сумский, А.А. Фомин, С.В. Чиронов, А.В. Штанов

МГИМО выражает благодарность за предоставленные материалы и помощь:
А.Н. Артизову, руководителю Федерального архивного агентства;
С.В. Мироненко, директору Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ);
С.В. Чернявскому, директору Российского государственного исторического архива (РГИА);
М.Р. Рыженкову, директору Российского государственного архива древних актов (РГАДА);
А.И. Вислому, генеральному директору Российской государственной библиотеки

Главы из истории московского востоковедения. Лазаревский институт – Московский институт востоковедения – МГИМО. / Под общ. ред. Академика РАН А.В. Торкунова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2014. 384 с.: илл.

Г52

ISBN 978–5–7567–0816–5

Книга выходит в свет к 200-летию Лазаревского института восточных языков. Юбилейное издание включает себя историю уникального учебного заведения, открытого в Москве в 1815 году, и заложившего основу школы московского востоковедения. Традиции Лазаревского института в деле подготовки востоковедов-профессионалов были продолжены в созданном на его базе в 1921 г. Московском институте востоковедения, а затем на базе МГИМО, в состав которого вошел МИВ в 1954 г. В книге прослеживается история трех учебных заведений, связанных нитями живой преемственности.

Для широкого круга читателей.

УДК 378
ББК 74.5

Издание подготовлено при поддержке Ассоциации выпускников МГИМО

Спонсор издания АО КБ «ИНТЕРПРОМБАНК»

Интерпромбанк

ISBN 978–5–7567–0816–5

© МГИМО МИД России, 2015

Оглавление

Введение……7
Глава 1
«Подготовление полезных слуг Отечества…». Лазаревский институт в 1815–1848 гг.……11

§ 1. Из Новой Джульфы в Москву: история рода Лазаревых……13
§ 2. Придворный, государственный деятель, предприниматель и меценат: портрет основателя института И.Л. Лазарева……25
§ 3. Создание Московского армянского учебного заведения господ Лазаревых ……30
§ 4. От училища к институту. 1818–1840-е гг.……40
§ 5. Структура, управление, состав учащихся Лазаревского института в 1830-е – 1840-е гг.……69
§ 6. «К распространению знаний Восточных языков». Теория и практика преподавания восточных языков в Лазаревском институте……76
§ 7. «К умножению сведений о народах и странах Азийских». Лазаревский институт – один из первых центров востоковедения Российской империи……80

Глава 2
«Заведение, где будут изучать восточные языки в обширном размере». Научное востоковедение в стенах Лазаревского института (1848–1917 гг.)……89

§ 1. Реформа 1848 г. ……91
§ 2. Лазаревский институт в 1848 – конце 1860-х гг. От реформы к кризису.……100
§ 3. Преобразования Лазаревского института в 1868–1872 гг.……124
§ 4. Специальные классы. Управление, учебный процесс, студенты. 1872–1917 гг. ……133
§ 5. Лазаревский институт и «Восточная комиссия» в Москве.……183
§ 6. Подготовка дипломатов. Лазаревский институт и Учебное отделение Азиатского департамента МИД.……189

Глава 3

Московский институт востоковедения. 1921–1954 гг...... 203

§ 1. От Лазаревского института к Московскому институту востоковедения: эпоха преобразований. 1917–1921 гг..... 205
§ 2. МИВ – центр московского востоковедения. 1921–1954 гг..... 221

Глава 4

МГИМО-Университет..... 249
§ 1. Становление востоковедных школ МГИМО..... 251
§ 2. Востоковедные школы. Преподавание языков и международные исследования..... 258
§ 3. Исследовательские центры МГИМО, занимающиеся проблематикойВостока..... 319
§ 4. Воспоминания востоковедов «О МИВе и о мире»..... 342

Примечания..... 364

Введение

Среди важнейших юбилейных дат 2015 г. особое место отведено двухсотлетию создания в Москве Лазаревского института восточных языков. Почему память об училище для детей армянской общины, отстроенном и открытом в Москве спустя три года после наполеоновского нашествия и пожара 1812 г., заслуживает бережного отношения сегодня, в начале XXI в.?

С одной стороны, история учебного заведения, нареченного именем его создателей – армянских купцов и благотворителей Ивана и Екима Лазаревых – остается яркой страницей в истории России как многонациональной страны и евразийской державы. Начав с создания пансиона, где дети армян имели бы возможность полноценно освоить и родной, и русский язык, параллельно занимаясь риторикой, философией, математикой, физикой и получая образование европейского уровня, попечители училища быстро открыли его для представителей других народов. Тем самым училище превратили, как сказали бы сегодня, в интернациональное учебное заведение.

С другой стороны, попечители – как представители народа, испокон веков имевшего теснейшие торговые связи с арабо-мусульманским Востоком, – очень скоро поняли, что могут быть полезны России, готовя в стенах училища будущих государственных мужей, владеющих персидским, турецким, арабским языками. Пойдя по этому пути, они превратили свое детище в первую отечественную школу «живых восточных языков». Ее воспитанники вносили весомый вклад в разработку и проведение российской восточной политики с середины XIX в.

Вниманию читателя представляется богатая история учреждения, известного с 1815 г. как «Армянское Лазаревых училище». За сто с лишним лет своего существования Лазаревский институт, развивавшийся как первоклассный учеб-

но-исследовательский центр с великолепной библиотекой, успел дать жизнь особой, московской школе востоковедения. В отличие от Петербурга, где делался акцент на «кабинетное» изучение древней и средневековой истории и культуры Востока, в Москве, отнюдь не пренебрегавшей фундаментальными знаниями, во главу угла ставились все-таки другие задачи. Чем дальше, тем больше государство нуждалось в востоковедах-практиках – дипломатах, администраторах, военных, деловых людях, владеющих редкими языками, знакомых с современными реалиями незападных стран и готовых отстаивать интересы России в пределах своей профессиональной компетенции. Не случайно император Александр I, а вслед за ним и Николай I поручили «особое попечение» над училищем своим ближайшим сподвижникам – А.А. Аракчееву и А.Х. Бенкендорфу. Лазаревское училище выполняло важную роль культурного центра. Богатую библиотеку училища не раз посещали А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, А.А. Фет, Ф.И. Тютчев и другие выдающиеся представители русской культуры.

Потребность в специалистах по Востоку стала еще более острой в эпоху русских революций начала XX в., совпавшую по времени с «Пробуждением Азии» – модернизацией Японии, реформами Ататюрка, широким подъемом освободительных движений в колониях и полуколониях Запада, включая Китай, Индию, Иран, Индонезию. Осознание того, что мир вступает в эпоху, когда Восток уверенно вернет себе всемирно-историческую роль, побудило советское правительство вплотную заняться вопросом реорганизации востоковедного образования и науки. Меры, принятые с этой целью, привели, в частности, к тому, что в 1921 г. в Москве на базе Лазаревского института, а также востоковедных отделений ряда других вузов был учрежден Московский институт востоковедения (МИВ). К преподаванию в нем привлекались ученые и педагоги с мировыми именами – Х.К. Баранов, Е.А. Беляев, Е.Э. Бертельс, Г.Н. Войтинский, В.А. Гордлевский, Н.И. Конрад. В учебном плане все более заметное место отводилось дисциплинам социально-экономического цикла, курсам по текущим проблемам мирового хозяйства и международной политики. В списке изучаемых языков значились не только языки стран Ближнего и Среднего Востока, но также китайский, хинди, индонезийский, японский.

Едва ли не лучший критерий качества образования, предоставляемого тем или иным вузом, – профессиональный и человеческий уровень его воспитанников. Чтобы понять, чем был МИВ после окончания Великой Отечественной войны, в конце 40-х – начале 50-х годов прошлого века, вспомним имена Якова Бергера, Юрия Галеновича, Татьяны Григорьевой, Льва Делюсина, Роберта Ланды, Георгия Мирского, Бориса Парникеля, Евгения Примакова, Игоря Рогачёва, Нодари Симония, Фарида Сейфуль-Мулюкова, Юлиана Семёнова, Олега Ульциферова, Николая Федоренко. За каждым из этих имен – история блестящего успеха в науке или дипломатии, педагогической, литературно-публицистической или го-

сударственной деятельности, а в случае Евгения Максимовича – едва ли не во всех этих областях разом. Кто-то из этой плеяды успел получить диплом МИВ, а кому-то вручили уже диплом МГИМО, ибо в 1954 г. согласно решению, принятому в высших партийно-государственных сферах, МИВ был присоединен к МГИМО (основанному, как известно, десятью годами раньше).

Как и при трансформации Лазаревского института в МИВ, реорганизация была продиктована стремлением привести отечественное образование и науку в соответствие с поворотным моментом в истории: рушилась колониальная система Запада, а Советский Союз впервые устанавливал связи с десятками новых независимых государств Азии и Африки. Думается, искомый результат был достигнут. В востоковедном сообществе Москвы МГИМО, укрепленный кадрами, пришедшими из МИВ, стал достойным партнером академических центров – институтов РАН. Работая с ними в режиме непрерывного профессионального диалога, совместных исследовательских и издательских проектов, МГИМО старается делать все возможное, чтобы московское востоковедение не теряло своей специфики и высокого жизненного тонуса.

Думаю, что МГИМО возводит свое родословие к Лазаревскому институту и МИВ далеко не с формальной точки зрения. В своей востоковедной ипостаси наш Университет выступал и выступает как продолжатель их традиций. Подобно Лазаревскому институту и МИВ, МГИМО твердо стоит на том, что основа основ востоковедного знания – хорошая лингвистическая подготовка. В Университете ведется преподавание 24 восточных языков. Отдельные же студенты приступают к изучению китайского, японского, корейского, тайского или индонезийского языка еще до поступления в вуз, в период занятий на подготовительных курсах редких языков. Так же как в институтах-предшественниках, изучение восточного языка в МГИМО непременно дополняется изучением как минимум одного западного. Ведь на английском, французском, немецком и других европейских языках сформировался необъятный массив востоковедной литературы, осваивать которую – пожизненный долг востоковеда-профессионала.

Одной из «фокусных точек», где сходятся нити преемственности между тремя институтами, является научная библиотека, начало которой положило уникальное книжное собрание Лазаревского института (гордостью его была коллекция старинных рукописей на восточных языках). Сегодня наша библиотека насчитывает десятки тысяч единиц хранения, среди которых – 176 рукописей и более 21 тысячи редких изданий XIII – начала XX в., служащих незаменимым подспорьем студентам-востоковедам и их наставникам. Старейшая из рукописных книг – медицинский трактат на арабском языке, написанный в 1281 г. В свое время он был привезен из Сирии и подарен Лазаревскому институту его профессором А.Е. Крымским. Что касается старейшего печатного издания, то это сочинение французского гуманиста, астронома и востоковеда Гийома Постеля «De la république des Turcs», увидевшее свет в 1560 г.

В МГИМО, как некогда в Лазаревском институте, языковые занятия сочетаются с лекционными курсами по истории Востока в целом и отдельных его стран, по их культурно-религиозным традициям, особенностям социальной структуры, современного экономического и политического развития. При этом упор (с поправкой на изменившиеся времена) делается на моменты, которые реально значимы для будущих дипломатов, юристов-международников и экономистов, т.е. востоковедов-практиков.

МГИМО – учреждение, в котором, так же как в Лазаревском институте, ежедневная передача знаний учащимся посредством языковых, лекционных и семинарских занятий сочетается с проведением научных исследований (т.е. производством новых знаний). Сегодня в Университете помимо кафедры востоковедения работает целый ряд подразделений, занятых (целиком или частично) актуальными востоковедными изысканиями. Среди них – Центр исследований Восточной Азии и ШОС, Центр ближневосточных исследований, Центр партнерства цивилизаций, Центр региональных политических исследований, а в течение пяти последних лет – и Центр АСЕАН.

Размышляя о соотношении традиционного и современного в том, что делает МГИМО сегодня, нельзя не упомянуть, что с начала 1990-х годов мы приступили к преподаванию языков Закавказья и Центральной Азии. В Лазаревском институте их изучение диктовалось внутригосударственными потребностями и началось по прямому указанию Николая I для «приготовления к службе в Закавказском крае» (в октябре 1834 г. император посетил Училище), в МГИМО их изучают ради поддержания, а порой и восстановления нормальных межгосударственных связей с нашими ближайшими соседями. Налицо тот случай, когда, отдавая дань доброй традиции, мы откликаемся на веление времени.

Глубоко символично, что 200-летие Лазаревского института стало главной темой III Международного форума выпускников МГИМО 22–24 октября 2015 г. в столице Армении – гостеприимном Ереване – с участием гостей из нескольких десятков стран.

Этот юбилей заставляет задуматься и о том, что нити преемственности, тянущиеся от Лазаревского института к МИВ и от него к МГИМО, – свидетельство неразрывности уз, связующих Россию самодержавную, Россию советскую и Россию, ищущую новых путей развития в XXI в. Свидетельство яркое и далеко не единственное.

Анатолий Торкунов,
ректор МГИМО МИД России, академик РАН

ГЛАВА 1

«Подготовление полезных слуг Отечества…». Лазаревский институт в 1815–1848 гг.

§ 1. Из Новой Джульфы в Москву: история рода Лазаревых

Семья Лазаревых (Егиазаряны, Лазаряны), с именем которой связано основание одного из первых российских центров востоковедения, были уроженцами знаменитого армянского города Нор-Джуга (Новая Джульфа). С начала XVI в. территория Армении, как и всего Закавказья, стала ареной ожесточенных войн между Персией и Османской империей. Во время очередной турецко-персидской войны в 1605 г. по приказу шаха Аббаса I был разрушен богатый торговый город Джульфа, армянское население которого было переселено в окрестности Исфахана. Основанная здесь шахом армянская колония получила название Новая Джульфа. Среди переселенцев оказался сын мелика Егиазара Манук, потомки которого дали начало многим известным армянским фамилиям, в том числе Лазаревым. Один из его сыновей, Егиазар II, занимал должность начальника Исфаханского монетного двора и службы охраны шахских сокровищ при дворе шахов Сефи I (правил в 1629–1642 гг.) и Аббаса II (1642–1666 гг.)[1]. Сын Егиазара II – Манук II также занимал важные должности при дворе шахов.

Шах Аббас I *(1571–1629)*

Из жалованной Лазарю Назаровичу Лазареву на дворянское достоинство Высочайшей грамоты Императрицы Екатерины II

«А как Нам донесено, что находящийся в Империи нашей Армянин Лазарь Лазарев, с детьми его Иваном, Миною, Христофором и Иоакимом, произошел от благородной в Армении фамилии, о чем засвидетельствовано представленными от него подлинными от Царя Теймураса Грузинскаго и от Патриарха Армянскаго грамотами, так что предок его Манук Лазарев, по пресечении в Армении Государской фамилии, и по разделении онаго государства на разные владения, был владельцем некоторой части; но Шах Аббас первый, продолжая многие годы против их без всякого успеха войну, примирился и ласкою довел до того, что многие знатные фамилии согласились иметь жительство в столичном городе Испагани, которым и даны были увольнения от всяких военных служб; а для приласкания некоторых жаловал в статские чины для одной чести; потом долговременная праздность произвела от оных склонность к коммерции; в числе сих владельцев и он Манук Лазарев вызван; от сего рожден сын Лазарь, который при втором Шахе Аббасе был главным Начальником над монетным Персидским двором и хранителем сокровищ; от онаго рождены дети Манук и Сафар, а от Манука Назарет, от сего же между прочим Лазарь, и сей в бытность его в Персии, по знаемости Двору Персидскому, от Шаха Надыра был употребляем во многия комиссии, даже был начальником в управлении Джульфы, а по замешательству и опасности в оной, выехал от Лазарь с детьми, с имением в нашу Империю; поселившись же здесь завел знатную мануфактуру и оказывал с детьми своими Нам многия услуги, за что Мы, в 1774 году 20 Мая, его Лазаря Лазарева, его детей и их потомков пожаловали в Российские Дворяне»[2].

Панорама Исфагана. *Гравюра по рис. К. Бруина 1704 г.*

Главная площадь Исфагана (Мейдан). *Гравюра по рис. К. Бруина 1704 г.*

Новая Джульфа на протяжении ста лет являлась крупнейшим торговым и ремесленным центром Персии с преимущественно армянским населением. В городе находилось 17 церквей, а также монастырь, при котором были организованы библиотека армянских рукописей и школа с преподаванием иностранных языков и коммерции. В 1630-х годах в Новой Джульфе появилось учебное заведение, которое современники называли университетом. В нем изучали музыку, поэтику, грамматику, философию и естественные науки. Здесь же в 1638 г. Хачатур Кесараци и его сподвижники основали первую армянскую типографию, в которой были отпечатаны «Псалтырь», «Часослов» и «Жития святых отцов» с цветными миниатюрами.

Караван-сарай Джедде в Исфагане. *Гравюра по рис. К. Бруина 1704 г.*

Царь Алексей Михайлович
(1629–1676).
Неизвестный художник второй половины XVII в.

Посольский приказ.
Гравюра из книги А. Олеария «Описание путешествия в Московию...».
Середина 1630-х – первая половина 1640-х годов

Алмазный трон
царя Алексея Михайловича

Шах Аббас II *(1632–1667)*

Церковь Николая Чудотворца
в Столпах. *1669 г.*

Артамон Сергеевич Матвеев
(1625–1682). Неизвестный художник

В руках армянских купцов из Новой Джульфы сосредоточилась вся внешняя торговля Персии драгоценными камнями и шелком-сырцом. С середины XVII в. они по примеру европейских негоциантов стали объединяться в мощные торговые компании, которые имели своих представителей в странах Европы, Азии и Африки[3]. В марте 1660 г. в Москву прибыл Ходжа Закар [Захар Сагратов (Саградов)], сын богатого джульфинского купца Саграта Шариманова (Шериманяна), с девятью товарищами. Представители Армянской торговой компании Джульфы поднесли русскому царю Алексею Михайловичу многочисленные подарки, в том числе знаменитый «Алмазный трон», изготовленный армянскими мастерами из сандалового дерева и украшенный золотом, серебром, алмазами и жемчугом. В ходе переговоров в Посольском приказе Захар Сагратов согласился стать не только поставщиком для царского двора «узорочных товаров» (драгоценных камней, ювелирных украшений, шелковых тканей), но также посредником в найме в Персии мастеров-ювелиров[4].

Выдержка из записей Посольского приказа

«1668 года апреля в 13 день в Посольском приказе допрашиван шахова ближнего человека купчина армянин Захарей, мочно ли ему в своей земле промыслить великому государю каменья дорогово и запон и иных узорочных товаров и птиц индейского и мастеровых людей золотописцев и золотого и серебряного дела мастеров и алмазников резцов, которые режут на всяких каменьях и всяких мастеровых людей. И купчина армянин Захарей говорил... А мастеровых де всяких людей в шахове области много и он де их великому государю в Московское государства призывать учнет. А ково призовет и тех к великому государю вывезет или с прикащиком своим вышлет... А великому де государю всякими узорочьи и мастеровыми людьми отец ево и он промышлять готовы для ево великого государя милости и для того что царское величество с шаховым величеством в братцкой дружбе и любви и они де ему великому християнскому государю во всем работати и служити рады, а не для своей прибыли»[5].

Посольство армянских купцов пробудило в Москве интерес к усилению торгово-экономических связей с Персией. В 1662 г. ответное русское специальное посольство направилось к шаху Аббасу II с целью добиться льготных условий для торговли русских купцов в Персии. Обмен посольствами в течение пяти лет завершился заключением в Москве 31 мая 1667 г. торгового договора, согласно которому армянская компания обязалась весь персидский шелк-сырец направлять в Русское государство, а затем уже через его территорию в страны Западной Европы. Этот договор, подтвержденный в 1673 г., а затем в 1711 г., сыграл большую роль в дальнейшем развитии армяно-русских экономических, политических и культурных связей.

Установившиеся во второй половине XVII в. тесные русско-персидские торговые отношения создали благоприятные условия для переселения в Россию

Император Петр I
(1672–1725). Художник П. Деларош

Вступление Петра I в Тарки. *Художник Ф. Рубо*

Царь Вахтанг VI
(1675–1737). Неизвестный художник

армянских купцов, художников, мастеров-ювелиров. В это время в Москве на Посольском дворе, на улице Ильинка, появляется армянская церковь, а в Белом городе в районе улицы Покровка строятся дворы армянских купцов. Так, в Столповом переулке (будущий Армянский переулок) обосновались Степан Ромоданский и Григорий Лусиков, которые в 1667 и 1673 гг. от имени персидского шаха вели переговоры с главой Посольского приказа А.С. Матвеевым о заключении и подтверждении торгового договора.

С начала XVIII в. численность армянской общины в Москве значительно выросла. Указ Петра I Правительствующему сенату от 2 марта 1711 г. подтвердил значительные льготы армянским купцам на торговые операции в пределах России, а также для транзитной торговли с западноевропейскими странами. В числе прочего в нем говорилось: «Персидский торг умножить и армян как возможно приласкать и облегчить в чем пристойно, дабы дать тем охоту для большего их приезда»[6]. Правда, в июне 1719 г. указом особые при-

вилегии армянской компании были отменены, а армянские купцы, торговавшие в России, по своим правам были приравнены к остальным иноземцам-купцам[7].

В 1720-х годах Персия вошла в период острого военно-политического кризиса. На ее территорию вторглись афганские племена, которые осадили и взяли Исфахан. Этим решила воспользоваться Османская империя, чтобы снова овладеть территорией Закавказья вплоть до побережья Каспийского моря. Планы Стамбула угрожали торговым и политическим интересам России в Закавказье. В июле 1722 г. начался Персидский (или Каспийский) поход Петра I, в ходе которого были занято несколько персидских провинций вдоль побережья Каспийского моря. Обозначившиеся трудности со снабжением войска и удержанием занятых прибрежных областей, а также угроза полномасштабной войны с Османской империей и Персией вынудили императора отказаться от дальнейших активных военных действий, в том числе от оказания помощи царю Картли Вахтангу VI и армянским меликам, и заключить с противниками мирные договоры. Согласно Петербургскому договору 1723 г. с Персией к России перешли Дербент, Баку, Гилян, Мазандаран и Астрабад. Константинопольский договор 1724 г. признал занятие турецкими войсками значительной части Закавказья.

Армянская церковь Успения Богородицы на Пресне. *1746 г.*

Понимая тяжелое положение, в котором оказалось армянское население в результате вторжения турецких войск в Закавказье, а также учитывая выгоды, которые могла бы получить Россия от переселения армян на южные его окраины, Петр I издал в 1723 г. специальный манифест, призывавший армянское население к переселению в Россию. В результате сильно выросли старейшие армянские общины в Астрахани и Москве, куда вместе с выехавшим по приглашению Петра I царем Картли Вахтангом VI прибыли сотни знатных армянских семейств. Они обосновались в Земляном городе в районе Пресни, куда была перенесена армянская церковь Успения Богородицы. В то же время армяне продолжали селиться в районе Покровки, где уже жили многие выходцы из Новой Джульфы – Мирзахановы, Деляновы, Арапетовы.

Из Манифеста Петра I к армянскому народу. 3 июня 1723 г.

«Божиею милостию мы, Петр Первый, император и самодержец всероссийской и прочая, и прочая, и прочая.

Честному народу армянскому, обретающимся в Персии, наша императорская милость и поздравление.

Вам известно, что из древних времян между нашим империем и Персидским государством всегда отправлялась добрая коррешподенция и свободное купечество ко обоих сторон пользе и прибыли, которое потом приклю-

чившимся в Персии замешании пресеклось… И Божиею помощию учинилось, что городы, на берегах Каспискаго моря лежащие, чрез которое оное купечество всегда в нашу империю шло, под вашу протекцию отдались, и понеже оное купечество от большой части от вашего народа отправлялось, и для того армяня, как те которые в Персии обретаются, так и особливо те, которые в множественном числе в разных городех нашей империи живут и торг свой имеют, нас всеподданнейше просили, дабы с вами армяны, в Персии обретающимися, оное купечество возобновить и возстановить. И мы, с особливой ко оному народу имеющейся нашей императорской милостью, чрез сие объявляем, дабы они внутрь нашего государства безо всякого опасения приезжали, и ежели пожелают селились и жили, и торги свои свободно и без всякого препятствия отправляли, обнадеживая, что мы, не токмо их купечество защищать и к свободному отправлению оного всякое потребное вспоможение учинить повелели, но и еще, для вящей прибыли и пользы некоторыми особливыми привилегиями снабдевать и всемилостивейше жаловать будем…»[8].

В 1721 г. вместе с волной армянских переселенцев в Россию прибыл Игнатий Франц Шериман. Имея покровителя в лице А.П. Волынского, он быстро завел связи при российском дворе, в частности вступив в созданную бароном П.П. Шафировым, графами П.А. Толстым и Ф.М. Апраксиным компанию «Штофных и прочих шелковых парчей мануфактуры». Опытный армянский негоциант возглавил московское отделение компании, а вскоре получил разрешение на

Лазарь Назарович Лазарев
(1700–1782). Художник И. П. Аргунов

Анна Екимовна Лазарева
(1710–1770). Художник И. П. Аргунов

«Генеральный план императорского столичного города Москвы…». *1767 г.*

организацию собственной мануфактуры, располагавшейся в 1721–1724 гг. в Москве на территории Посольского двора. В 1725 г. Шериман купил несколько земельных участков в Столповом переулке, на пространстве от Кривоколенного до Златоустинского переулка, где построил большой каменный дом.

В 1735 г. Шериман перенес свою шелковую мануфактуру в село Фряново Московского уезда Московской губернии. Наряду с этим он поставлял из Персии сырье для первой казенной шелковой мануфактуры в Москве, деятельностью которой заведовал Данила Яковлевич Земской, взявший по просьбе Шеримана к себе на службу его родственника, Лазаря Назаровича Лазаряна (Лазарева). Внук Манука II, Лазарь (Егиазар) Назарович родился 3 апреля 1700 г. в Новой Джульфе, унаследовав богатое имение и дом. В 1719 г. за близость к шаху Солтан Хусейну I он был избран начальником родного города[9], а в 1720 или 1721 г. после усиления политического кризиса в Персии перебрался в Россию.

Земской порекомендовал взять молодого Лазарева в качестве переводчика на отплывавший в Персию торговый караван[10]. Последующие годы Л.Н. Лазарев провел в постоянных торговых поездках между Москвой, Санкт-Петербургом и Новой Джульфой. В родной Новой Джульфе у Лазаря Назаровича оставались

Златоустинский монастырь в Москве.
Рисунок XVIII в.

его жена Анна Екимовна, четыре сына – Ованес (Иван) (23.11.1735–24.10.1801), Минас (Мина) (17.10.1737–18.01.1809), Хачатур (Христофор) (12.12.1741–11.06.1774), Оваким (Еким, Иоаким) (1744–24.01.1826) и дочь Анна (?–18.05.1800)[11].

Между тем после стабилизации в правление Надир-шаха (1736–1747 гг.) в Персии снова наступил политический кризис, связанный с борьбой за шахский трон. Тогда Лазарев, распродав имущество, в 1750 г. вывез свою семью в Астрахань, а через некоторое время перевез в Москву. Здесь в 1758 г. Лазарь Назарович купил владения и дом в Столповом переулке у Захара Игнатьевича Шеримана (который унаследовал их от отца И.Ф. Шеримана в 1752 г.) за 4300 рублей. На генеральном плане Москвы инженер-майора С.М. Горихвостова 1767 г. обозначены владения Л.Н. Лазарева: сложный, с «уступами», дом, расположенный в глубине двора, и несколько флигелей по Столпову переулку. В 1774 г. вокруг главного дома, флигелей, домовых служб и кладовых Лазарев приказал разбить прекрасный сад, который ограничивался Малым Златоустинским переулком на юге и стенами Златоустовского монастыря с западной стороны. В 1777 г. Лазарь Назарович провел раздел имущества между детьми, согласно которому дом в Столповом переулке достался Мине и Екиму, а они через четыре года продали его сестре Анне, в замужестве княгине Сумбатовой. После ее смерти дом снова перешел к Мине Ла-

Главный дом.
Усадьба Фряново

Императрица Екатерина II *(1729–1796).*
Художник В. Эриксен

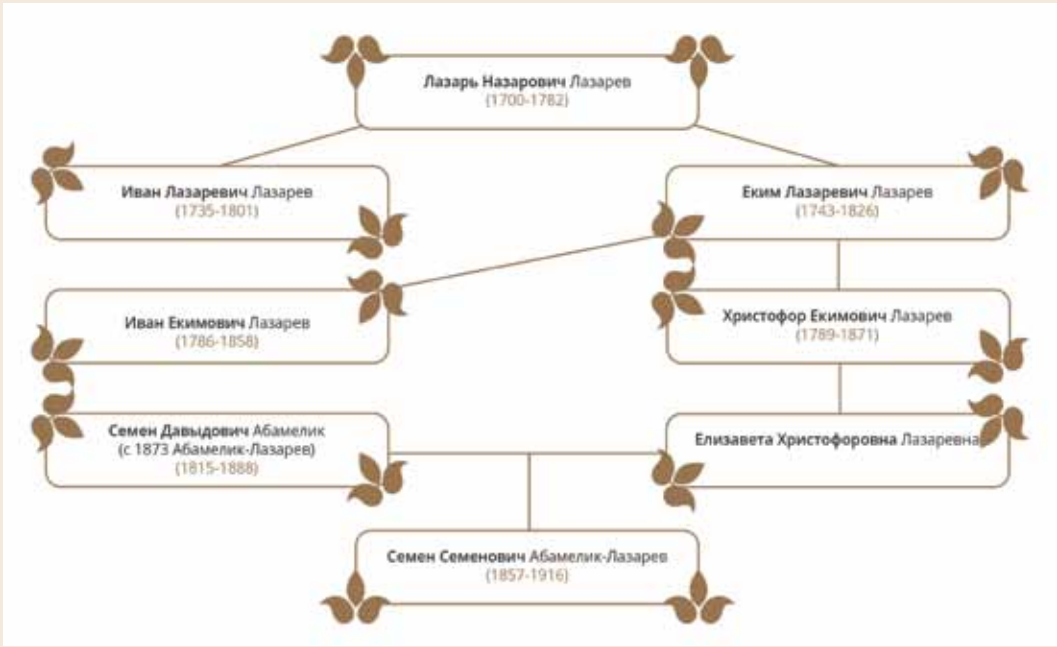
«Предхорная» комната Екатерининского дворца.
На стенах шелковые обои Фряновской мануфактуры

Узор «Павлин».
Шелковые ткани Фряновской мануфактуры

заревичу, который впоследствии передал это владение под строительство здания для армянского училища.

В том же 1758 г. Л.Н. Лазарев приобрел шелковую мануфактуру Шериманов в селе Фряново. В короткое время он превратил мануфактуру в одно из лучших предприятий России по производству шелка и стал поставщиком императорского двора. Управляющий Фряновской мануфактурой дал следующую характеристику деятельности Лазарева по благоустройству мануфактуры: *«Оный Лазарь Назарович Лазарев употребив большие капиталы на покупку еще от разных помещиков к той фабрике крестьян и выписывая из чужих краев лучших мастеров, привел фабрику в цветущее состояние»*[12]. Мануфактура Лазаревых отличалась не только хорошим качеством изделий, выпуская парчу, штоф, бархат на европейском уровне, но и предложением умеренных цен при выполнении заказов высочайшего двора. Не случайно в жалованной грамоте

Герб дворянского рода Лазаревых.
Эстонский исторический архив. Ф. 854. Оп. 1. Д. 1099.



Лазаревы и Абамелик-Лазаревы, основатели и попечители Лазаревского института

ГЕРБЪ РОДА ЛАЗАРЕВЫХЪ.

Щитъ раздѣленъ горизонтально на двѣ части, изъ коихъ въ верхней въ золотомъ полѣ изображено черное орлиное Крило; въ нижней части въ голубомъ полѣ видѣнъ лежащій золотый Левъ. Щитъ увѣнчанъ обыкновеннымъ Дворянскимъ Шлемомъ съ Дворянскою на немъ Короною и время строусовыми перьями. Намотъ на немъ голубой, подложенный золотомъ.

Предокъ фамиліи Лазаревыхъ, какъ засвидѣтельствовано грамотами отъ Царя Теймураса Грузинскаго и отъ Патріарха Армянскаго, Манукъ Лазаревъ по пресеченіи въ Арменіи Государевой фамиліи, былъ Владѣльцемъ нѣкоторой части Армянскаго Государства. Сынъ Мануха, Лазарь находился

при второмъ Шахѣ Абассѣ главнымъ Начальникомъ надъ Монетнымъ Персидскимъ дворомъ и Хранителемъ сокровищъ. Внукъ сего Лазаря, Лазарь Лазаревъ въ бытность его въ Персіи употребляемъ во многія Коммисіи и былъ Начальникомъ города Жулфы; а наконецъ съ дѣтьми своими выѣхалъ въ Россію и завелъ знатную Мануфактуру. Въ 1774мъ году Маія 20го дня онъ Лазаревъ, за оказанныя имъ многія заслуги по Указу блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Государыни Императрицы ЕКАТЕРИНЫ Второй всемилостивѣйше пожалованъ съ дѣтьми его и ихъ потомками въ Россійскіе дворянъ. Все сіе выписано изъ представленной копіи съ Диплома, пожалованнаго въ 1776мъ году Октября 9го дня помянутому Лазарю Лазареву на дворянское достоинство.

Описание герба Лазаревых «Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской Империи». Часть III. С. 142

Екатерины II на дворянство Лазаревым, данной 3 октября 1776 г., особо подчеркивалось в качестве заслуги создание Лазарем Назаровичем *«знатной мануфактуры»*. Впрочем, продукция мануфактуры пользовалась спросом не только в России, но и за рубежом. Кроме того, Лазарь Назарович считался крупным поставщиком хлопка-сырца в Европу, за что в 1768 г. получил от императрицы Марии Терезии титул барона Священной Римской империи[13]. В 1782 г. Лазарь Назарович скончался, оставив своим детям дворянский титул и богатое наследство.

§ 2. Придворный, государственный деятель, предприниматель и меценат: портрет основателя института И.Л. Лазарева

Старший сын Лазаря Назаровича и Анны Екимовны Лазаревых – Иван Лазаревич Лазарев – сделал блестящую карьеру при дворе императрицы Екатерины II. В 1760 г. отец направил своего старшего сына в Санкт-Петербург к своему родственнику купцу Григорию Сафрасу (Ходжеминасову), занимавшемуся поставками драгоценных камней в Россию и Западную Европу, а также их ювелирной обработкой. Григорий Сафрас на первых порах взял племянника под покровительство и помог ему наладить собственное ювелирное дело. Введенная при российском дворе еще при императрице Елизавете Петровне мода на драгоценности позволила Ивану Лазаревичу быстро обзавестись связями в придворных кругах.

Случай помог И.Л. Лазареву обратить на себя внимание самой императрицы. В начале 1764 г. Екатерина II заказала придворному ювелиру Ж. Позье драгоценную рамку для своего нагрудного портрета, предназначавшегося для награждения графа Г.Г. Орлова. Ювелир, сделав работу и получив 6600 рублей, сразу после этого выехал с семьей на родину, в Женеву. Однако императрице не понравилась корона, венчавшая рамку. Переделать обрамление портрета императрицы поручили И.Л. Лазареву. В его ювелирной мастерской сняли корону и вставили 140 бриллиантов, после чего портрет стал стоить 9 тысяч рублей. Императрица оценила искусство ювелиров мастерской Лазарева. В августе того же года, когда стало окончательно ясно, что Ж. Позье не вернется в Санкт-Петербург, Иван Лазаревич был назначен придворным ювелиром[14].

Именно Лазарев помог светлейшему князю Г.Г. Орлову приобрести для Екатерины II знаменитый алмаз «Орлов», увенчавший императорский скипетр. В 1767 г. Григорий Сафрас купил алмаз у персидского шаха и переправил его на хранение в Амстердамский банк. Согласно составленному в 1771 г. завещанию Сафрас поручил И.Л. Лазареву продать бриллиант, поделив прибыль с ним поровну. В 1773 г., выкупив у дяди половину стоимости камня за 125 тысяч рублей, Иван Лазаревич уступил бриллиант светлейшему князю Г.Г. Орлову за 400 тысяч рублей, с рассрочкой уплаты суммы в семь лет. 24 ноября 1773 г. на празднестве в честь именин Екатерины II при полном собрании дипломатического корпуса светлейший князь Орлов преподнес императрице великолепный подарок[15].

После истории с алмазом карьера И.Л. Лазарева пошла вверх. В период русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Лазарев выступал советником правительственных кругов по восточным делам. Одновременно Иван Лазаревич стал одним из лидеров движения армян России за создание в Закавказье независимого Армянского государства под российским протекторатом. В 1779 г. он вместе с епархиальным начальником всех армян, живущих в России, архиепископом Иосифом (Аргутинским) участвовал в совещании, созванном светлей-

Иван Лазаревич Лазарев
(1735–1801). Художник И.Б. Лампи Старший

Светлейший князь Григорий Григорьевич Орлов
(1734–1783). Художник К. Л. Христинек

шим князем Г.А. Потемкиным по вопросу организации военной экспедиции в Закавказье. В 1783 г. Лазарев был привлечен к разработке проекта переселения армян из Крыма на Дон, в результате осуществления которого появился город Новый Нахичевань (Нор-Нахичеван; Нахичеван на Дону, ныне – в составе города Ростова-на-Дону). Во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Лазарев стал политическим советником главнокомандующего российскими войсками генерал-фельдмаршала светлейшего князя Г.А. Потемкина-Таврического. Российские власти поддерживали начинания Лазарева и других лидеров российских армян по созданию благоприятных условий для армянских переселенцев в России. В указе императрицы Екатерины II к армянам говорилось: *«Соизволяем Вам пользоваться в государстве нашем не токмо всеми теми правами и преимуществами, каковыми все подданные Наши от Нас и предков Наших издревле наслаждаются но сверх того…»*[16]. Далее следовал длинный список различных льгот и привилегий, предоставлявшихся армянским переселенцам: освобождение от уплаты подушной подати, различных пошлин, рекрутского набора и других государственных повинностей.

Придворный ювелир Жереми Позье
(1716-1779). Неизвестный художник

Бриллиант «Орлов» в императорском скипетре

Значимой частью общественной деятельности Ивана Лазаревича Лазарева и его братьев была благотворительность. Они не жалели средств на строительство храмов, богаделен, приютов. На деньги Ивана Лазаревича в Царском Селе была выстроена школа для детей из бедных семей. Во всех принадлежавших ему имениях сооружались храмы и больницы. Лазаревы широко помогали своим соотечественникам: используя связи и огромные материальные средства, они активно участвовали в создании армянских храмов, учебных заведений и типографий в возникавших на юге Российской империи городах с преимущественно армянским населением.

Благотворительностью активно занимались также младшие братья И.Л. Лазарева. Мина Лазаревич, получив на государственной службе чин надворного советника, вышел в отставку и полностью посвятил себя благо-

Аллегория на победу Екатерины II над турками и татарами.
Художник С. Торелли

Светлейший князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический
(1739–1791). Неизвестный художник

Архиепископ Иосиф (Аргутинский-Долгорукий)
(1743–1801). Неизвестный художник

творительной деятельности среди армянских общин. На его деньги в Москве была построена армянская церковь на Ваганьковском кладбище. Другой брат, Христофор Лазаревич, начал в 1770 г. на свои деньги строительство армянской Крестовоздвиженской церкви в Столповом переулке. Строительство храма предположительно по проекту архитектора Ю.М. Фельтена завершил в 1790 г. уже после смерти брата И.Л. Лазарев.

Средства на благотворительность Лазаревы получали благодаря своей предпринимательской деятельности. В 1780 г. по предложению генерал-прокурора Сената князя А.А. Вяземского, управлявшего также и государственными финансами, казна заключила с И.Л. Лазаревым договор на перевозку разменной медной монеты с государственных монетных дворов на Урале (Аннинский завод, и Екатеринбург) в Санкт-Петербург и Москву. Одновременно Лазарев получил право обмена части медной монеты на ассигнации в своих конторах в двух столицах, а также Нижнем Новгороде, Перми и Екатеринбурге. За успешную деятельность в Государственном банке Иван Лазаревич в 1786 г. получил чин коллежского советника и был введен в состав правления Государственного заемного банка.

Минас Лазаревич Лазарев
(1735–1801). Художник И. Б. Лампи Старший

Не оставлял без внимания Иван Лазаревич Лазарев и свои промышленные предприятия. Получив в 1777 г.

Церковь Воскресения Христова на Армянском кладбище в Ваганькове. *1808 г.*

Церковь Святого Креста в Армянском переулке (Сурб Хач). *1781 г.*

Юрий Матвеевич Фельтен *(1730–1801). Художник С.С. Щукин*

во владение мануфактуру во Фрянове, он расширил и усовершенствовал производство: на мануфактуре стали производить более 30 наименований тканей. В 1771 г. Лазарев заключил договор с графом А.С. Строгановым на шестилетнюю аренду соляных промыслов в Прикамье, в 1778 г. выкупил у него Чермозский завод, а затем Хохловский завод. Весной 1784 г. Лазарев, лично осмотрев соляные промыслы в Усолье, а также Чермозский завод, остался недоволен состоянием производства из-за низкой производительности труда и архаичного оборудования. Вскоре он построил в Прикамье еще два железоделательных завода — в 1789 г. Кизеловский, а в 1798 г. Полазнинский[17].

В последние десятилетия своей жизни Иван Лазаревич Лазарев уделял все больше внимания просвещению и приобщению «армянского юношества» к европейским наукам и культуре. Духовное и культурное развитие армян постепенно стало главной идеей деятельности Лазаревых в России. Вероятно, в середине 1780-х годов, когда братья Лазаревы активно занимались судьбой армянских переселенцев, у них

Чермозский завод. *Художник И.Н. Поляков*

появилась мысль о необходимости основать в Москве или Санкт-Петербурге армянские учебные заведения, которые могли бы распространять европейское просвещение среди армян не только России, но и всего мира. В 1785 г. в одном из своих писем Иван Лазаревич ясно выразил свои пожелания: *«По окончании обязательства моего с казною, если нечаянным неким приключением не будет расстроено состояние мое, желание имею начать откладывать погодно всего до двухсот тысяч рублей капитала… для заведения и содержания училища в пользу нации своей»*[18].

Окончательно мысль о необходимости основать особое учебное заведение для армян оформилась у Ивана Лазаревича в 1791 г., после гибели в одном из сражений русско-турецкой войны 1787–1791 гг. единственного сына – Артемия Ивановича Лазарева, премьер-майора, адъютанта светлейшего князя Г.А. Потемкина-Таврического. Памятником сыну, вероятно, должно было стать учебное заведение, проект которого в 1799 г. составил архимандрит Григорий Тер-Степанян (Степанов) Араратский. Предполагалось, что это будет приют для обучения около 30 учеников, в котором будут преподавать двое учителей. В проекте подробно описывалась планировка приюта: для проживания учеников отводилось 4 комнаты, учителям – 2 комнаты, для обучения – 3 комнаты; в нем обязательно должны были быть лазарет, баня, столовая, кухня, кладовая, помещения для прислуги[19]. Однако осуществить задуманное Иван Лазаревич Лазарев не успел.

§ 3. Создание Московского армянского учебного заведения господ Лазаревых

Чуть более чем за полтора года до смерти, 4 января 1800 г., И.Л. Лазарев составил завещание, которым оставлял все свое имущество младшему брату Екиму Лазаревичу Лазареву. Отдельным пунктом Иван Лазаревич предписывал своему наследнику внести после его смерти в Московский опекунский совет 200 тысяч рублей ассигнациями, чтобы *«имеющею составиться*

Артемий Иванович Лазарев
(1768–1791). Художник И. Б. Лампи Старший

из процентов значительною суммою соорудить со временем приличное здание для воспитания и обучения бедных детей из армянской нации»[20].

Желая исполнить волю брата, Еким Лазаревич взял за основу уже составленный проект учебного заведения. Единственное внесенное в него изменение касалось увеличения численности учеников (до 40 воспитанников) и учителей (до 3–4 опытных преподавателей). Учебная программа включала богословские и философские науки, а также глубокое изучение языков – армянского, русского, латинского и одного из новых иностранных языков[21]. Открыть его планировалось в Новой Нахичевани.

Однако к 1810 г. Еким Лазаревич изменил свое мнение, твердо решив основать армянское учебное заведение в Москве. Под него он планировал отдать часть владений Лазаревых в Столповом (Армянском) переулке. Впоследствии директор Лазаревского института Г.И. Кананов оценивал этот шаг как хорошо продуманное решение: *«Вопреки мнению тех, которые вменяют в ошибку основателям учреждение заведения для армянских уроженцев не по близости от их мест жительства, мы видим в этом выборе главное и счастливейшее условие его прочности и процветания... Между тем, Москва разом удовлетворяла все требованиям. В ней уже с давних лет существовала значительная колония армян… Но сверх того она, как средоточие русской образованности, с своим знаменитым Университетом, открывала все способы наилучшего развития всякого учебного заведения. Относительно же питомцев основанного Лазаревыми заведения она представляла еще одно неоцененное условие: знакомила их с языком, жизнью, нравами того общества и государства, которого согражданами они должны были сделаться со временем»*[22].

Основание училища для армянских детей стало для Лазаревых общим семейным делом. В письме сво-

Еким Лазаревич Лазарев
(1743–1826). Художник В.А. Тропинин

им сыновьям Ивану и Христофору Еким Лазаревич с крайней тревогой писал: *«Это важное дело, полезное и национальное… Весь мир глядит на нас. Может быть, начав дело, понеся затраты, мы не сможем завершить его и среди народов и наций, своих и чужих, опозоримся»*[23]. Желая ускорить ход дела, Е.Л. Лазарев решил сразу выделить на сооружение здания и первое его обзаведение свыше 300 тысяч рублей. В одном из писем Еким Лазаревич писал: *«...Я собрал ту сумму, в первые четыре года вступления в наследство и внес по назначению в Санктпетербургский опекунский совет. А из получаемых в течение времени процентов, по недостатку оных, с присовокуплением от себя более ста тысяч рублей выстроил в Москве, на принадле-*

жащем мне, с одобрения начальства, месте, по плану, им же утвержденному, приличное предмету каменное здание»[24].

Собрав необходимую сумму, Еким Лазаревич погрузился в хлопоты, связанные с проектированием здания училища, а также поиском преподавателей. В архивах сохранились планы и рисунки проекта фасада здания училища, датированные 1810 г.[25]. На одном из рисунков портала главного корпуса имеется надпись: *«1810 года майя дня армянское учебное заведение. Иждивением господ Лазаревых»*[26]. Что касается поиска преподавателей, то, не найдя их на Кавказе, Еким Лазаревич решил в 1811 г. обратиться к главе венецианских мхитаристов с просьбой рекомендовать двух ученых монахов для будущего армянского училища. Для Лазарева это был довольно смелый шаг, учитывая напряженные отношения, которые сложились между Армяно-григорианской, Русской православной и Римско-католической церквями. Однако Е.Л. Лазарев писал: *«…в науке не принимается в соображение вероисповедание, а требуется лишь образованный человек, сведущий и честных правил и нравственности. Так поступают образованные и просвещенные народы, в университетах которых часто читают лекции профессора совершенно разных вероисповеданий, причем в храме наук с них вовсе не требуется одной определенной религии»*[27].

Подготовка к открытию училища была прервана Отечественной войной 1812 г. Во время занятия французскими войсками Москвы были разграблены и сожжены дом Лазаревых на Мясницкой улице, а также склады Фряновской мануфактуры на Покровке. В огне в особняке погибли обширная библиотека, собрание картин, старинная мебель; на складах сгорели большие запасы шелковых тканей. В общей сложности Лазаревы, согласно сохранившемуся прошению их поверенного Снеткова на имя императора Александра I, понесли убытки на сумму в полмиллиона рублей[28]. При этом Лазаревы принимали участие в формировании на свои средства ополчения, а их заводы на Урале в срок выполняли большие заказы Военного министерства.

Монастырь Мхитаристов в Венеции. (Сан Лазаро дельи Армени)

Колоссальные разрушения, нанесенные пожаром Москвы, к удивлению, не затронули владения Лазаревых в Армянском переулке, где Еким Лазаревич планировал возвести здание училища. В «Материалах для истории Лазаревского института восточных языков» приводится следующая легенда: *«Примечательно то, что напротив вблизи Лазаревского Института, возле зданий Армянского Исповедания Церкви, в доме г. Лазаревых, принадлежащем в Царствование Царя Алексея Михайловича, любимцу его, Боярину Артамону Матвееву, жил в 1812 году Французский благонамеренный Генерал; как он, а больше еще приближенный Императора Наполеона, некто из Армян, любимый Мамелюк Рустан, испросили у Наполеона повеление, чтобы весь квартал, от Покровки до Мясницкой улицы, и все то, что принадлежит Армянской Церкви, было сохранено и не подвергалось бы пламени, для чего были повеления и военные Французские караулы, что соблюдалось до выхода Французов. Но когда внезапно Французы*

Пожар Москвы. *Гравюра И. Клара*

Портрет Рустама Разы, мамелюка императора Наполеона.
Художник Г. Верне

выступали и когда Генерал уже выехал, тогда начали Французы и другие поджигать дома этого квартала, однако усердие и бдительность некоторых пребывающих в Москве тогда Армян и еще соседей отвратили бедствия пожара, и тем единственно спасена была эта часть древней Столицы»[29].

Архитектурно-строительным восстановлением города руководила специально созданная Комиссия о строении Москвы, которую в 1813 г. возглавил выдающийся зодчий О.И. Бове. Именно в ней был рассмотрен и утвержден проект здания армянского училища Лазаревых. Среди архивных материалов сохранился большой лист с изображением фасада здания училища, где по порталу был выведен текст: *«Армянское народное училище»*. На обороте документа имеется следующая надпись: *«На подлинном и копии подписано… сии фасады комиссиею для строений в Москве рассматривались... 2-е декабря 1813»*[30]. Изучение архивных материалов позволило исследователям прийти к выводу, что существовало четыре варианта проекта здания Лазаревского училища. Три из них датированы еще 1810 г. Последний проект, известный благодаря гравюре А.А. Флорова, является наиболее близким к реально возведенному зданию. Известно, что проекты были составлены двумя крепостными архитекторами – И.М. Подъячевым и Т.Г. Простаковым. В «Обзоре Лазаревского института…» в качестве архитекторов здания упоминались также действительный статский советник Ф.К. Соколов и академик А.И. Мельников, которые входили в состав Комиссии о строении Москвы и, внеся частные дополнения, одобрили проект двух крепостных архитекторов.

Талантливый архитектор Тимофей Григорьевич Простаков был крепостным генерала от инфантерии А.М. Римского-Корсакова и получил свободу в уже преклонном возрасте. В 1838 г. Академия художеств *«во внимание к хорошим познаниям по части худо-*

Возле Калужских ворот, Москва, 19 октября 1812 г.
Художник Х.В. Фабер дю Фор

Москва после пожара 1812 г.

жеств присвоила Т.Г. Простакову звание свободного неклассного художника архитектуры»[31]. Архитектор Иван Матвеевич Подъячев был крепостным Лазаревых. В 1835 г. Академия художеств *«за хорошие успехи в архитектуре по заданной от совета оной программы, удостоила его звания свободного художника, с предоставлением права по силе всемилостивейшее дарованных Академии привилегий пользоваться с его потомством вечною и совершенною свободою и вступить в службу, в какую пожелает»*[32].

Артемий Екимович Лазарев *(1791–1817).*
Гравюра А.А. Осипова

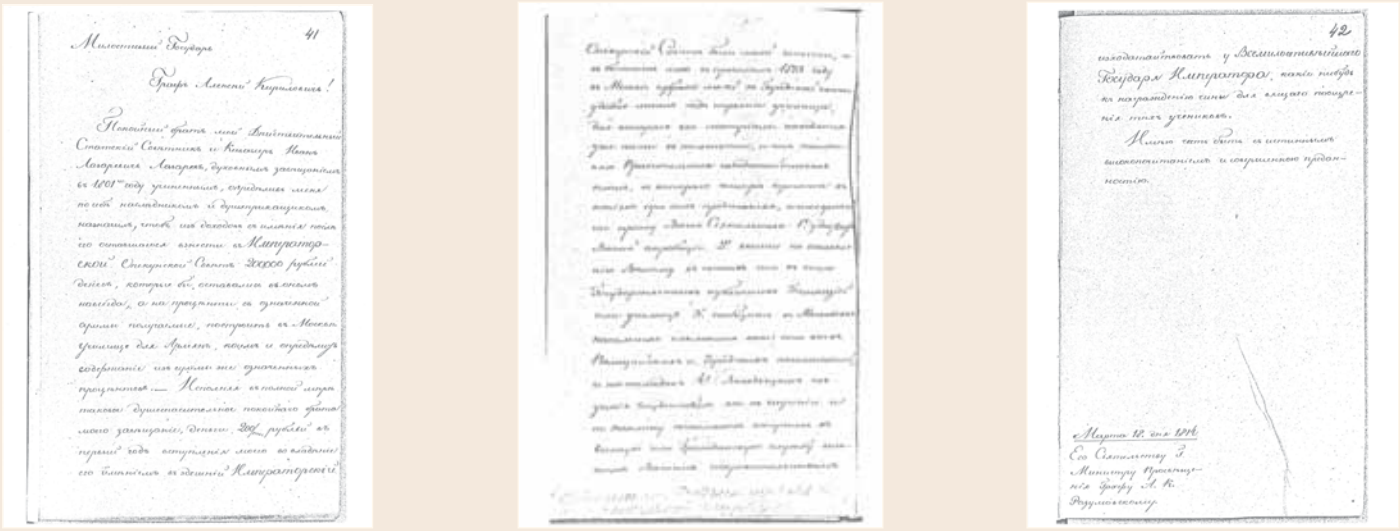
С 1814 г. И.М. Подъячев занимал должность архитектора, а с 1816 г. – эконома армянского училища.

В начале 1813 г. началось строительство комплекса зданий училища. Судя по записи в «Обзоре Лазаревского института...», в 1814 г. был уже готов правый флигель, который включил в себя *«старый каменный дом предков гг. Лазаревых»*[33]. Очевидно, именно в нем еще до окончания строительства главного здания начались занятия в училище. Об этом свидетельствует прошение Е.Л. Лазарева от 18 марта 1814 г. к министру народного просвещения гр. А.К. Разумовскому с просьбой разрешить открыть в Москве училище.

Прошение Екима Лазаревича Лазарева на имя министра народного просвещения гр. Алексея Кирилловича Разумовского от 18 марта 1814 г.

«Милостивый Государь
Граф Алексей Кириллович!

Покойный брат мой Действительный Статский Советник и Кавалер Иван Лазаревич Лазарев, духовным



Прошение Е.Л. Лазарева министру народного просвещения графу А.К. Разумовскому об открытии армянского училища. *18 марта 1814 г.*

завещанием в 1801-м году учиненным, определив меня по себе наследником и душеприказчиком, назначил, чтоб из доходов с имения после его оставшегося взнести в Императорский Опекунский Совет 200.000 рублей денег, которые бы оставались в оном навсегда, а на проценты с означенной суммы получаемые, построить в Москве Училище для Армян, коим и определить содержание из суммы же означенных процентов. Исполняя в полной мере таковое душеспасительное покойного брата моего завещание, деньги 200 тыс. рублей в первый год вступления моего во владение его имением в здешней Императорский Опекунский Совет мной взнесены, и в бытность мою в прошлом 1813 году в Москве избрано мной в Городской части удобное место под строение училища, для которого все материалы находятся уже почти в готовности, и от тамошнего Правительства исходатайствован план, с которого четыре чертежа в копиях при сем представляя, всепокорнейшее прошу Ваше Сиятельство: 1-е удостоить Вашей апробации, 2-е ввести по соизволению Вашему в состав или в число Государственных публичных Гим-

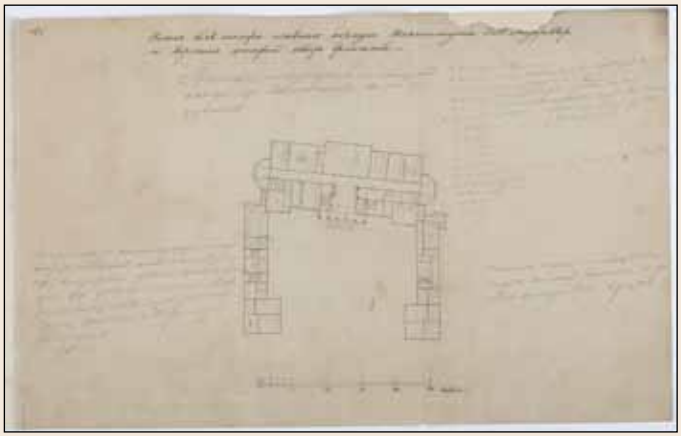
Граф Алексей Кириллович Разумовский (*1748–1822). Художник Г. Людвиг*

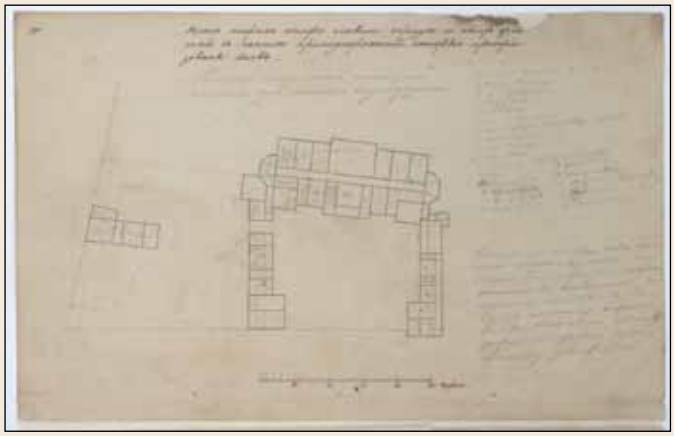
назий или училищ, 3-е сообщить в Московское начальство исключить оное от всех Полицейских и Городских повинностей, и напоследок, 4-е Выходящим из учения студентам кои по выучении и по экзамену пожелают вступить в военную или Гражданскую службу высоким Вашим покровительством исходатайствовать у Всемилостивейшего Государя Императора, какие нибудь к награждению чины для вящего поощрения тех учеников.

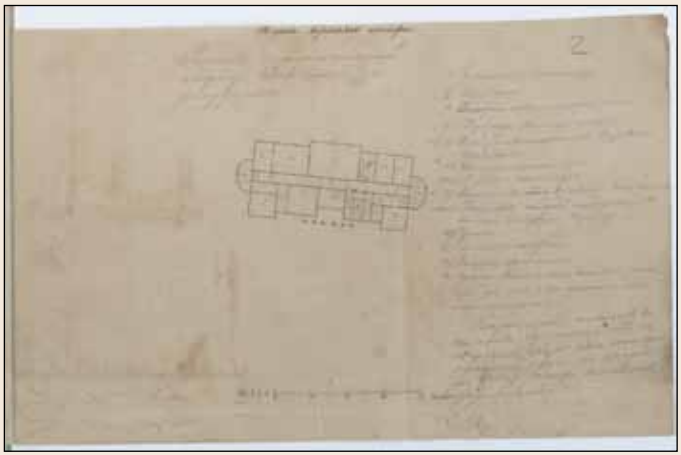
Имею честь быть с истинным высокопочитанием и совершенною преданностию»[34].

10 мая 1814 г. состоялись *«с полною и блистательною церемониею»* освящение и закладка камня на месте сооружения главного здания училища[35]. За ходом строительства зданий вместе с архитекторами наблюдал смотритель Александр Аракелов; в 1819–1820 гг. «смотрение» за ходом дел осуществлял архитектор А.Г. Григорьев. В 1816 и 1817 гг. дополнительные средства на сооружение здания училища пожертвовала супруга Е.Л. Лазарева Анна Сергеевна (около 50 тысяч рублей ассигнациями), еще 50 тысяч рублей супруги пожертвовали от имени их сына Артемия, погибшего

Лазаревский институт. *Гравюра*







Планы здания Лазаревского института.
РГИА Ф. 880. Оп. 5. Д. 198. Л. 2–4

в 1813 г. в сражении под Лейпцигом во время заграничных походов Российской армии 1813–1814 гг.[36]. Только в 1823 г. окончательно были закончены главный корпус и два флигеля здания училища. Между флигелями вдоль улицы была сооружена ограда с воротами посередине. В основании ограда была каменной, чугунную фигурную решетку изготовили на Чермозском заводе Лазаревых. За оградой перед фасадом главного здания находился парадный двор-курдонер. Ансамбль зданий армянского училища, выполненный в модном тогда стиле ампир, получился красивым и особенно изящным. Внешний вид ансамбля зданий, как и внутренняя обстановка училища (классные комнаты, снабженные картами и математическими инструментами, богатая библиотека, минералогический кабинет) получили высокую оценку современников.

Из журнала «Северный архив» 823 г., № 21

«…Принадлежности сего Заведения суть: 1-е обширное новое здание с хорошим садом. Внутри сего прекрасного строения находится великолепная зала, для учебного собрания, классные покои, также для жительства учеников и учителей комнаты, удобно расположенные. 2-я Библиотека, Попечителем и сыновьями его подаренная, состоящая из 3000 томов отборных на разных языках творений и 3-е ими же в дар заведения доставленные: Минеральный кабинет, Математические инструменты, Географические карты, разные учебные книги и прочия хозяйственные принадлежности по цене более 30 000 рублей… В заключение сего описания, да будет также известно, что как наружность, так и внутренность огромного учебного заведения, состоящего в пяти отдель. ных смежных зданиях, заключает в себе красивую,

правильную, притом в новейшем вкусе архитектуру с хозяйственным расположением. На главном корпусе находится фронтон, с одного фасада в коллонаде, а с другого, к саду, в пилястрах. В приличных местах в барельефе изображены учебные символы с надписями, кои суть: а) Армянский Лазаревых Институт Восточных языков, б) Основан в 1815 году…»[37].

***

Артемий (Арутюн) Манукович Аламдарян
(1796–1834)

Во время строительства зданий училища Е.Л. Лазарев продолжал поиски преподавателей для него. В 1813 г. ему порекомендовали священника Артемия (Арутюна) Мануковича Аламдаряна. Он родился в1796 г. в Астрахани, получил образование в астраханском Агабабовском училище, затем занял там должность младшего учителя армянского языка[38]. Приняв приглашение стать преподавателем в Лазаревском училище, Аламдарян первым делом приступил к разработке учебных пособий: составил понятную для армянских детей русскую грамматику, одновременно работал над учебными программами по риторике, философии, логике и физике. В 1814 г. Аламдарян набрал первую группу из десяти учеников и начал преподавание. Практически все предметы он вел сам, только для преподавания русского языка был приглашен специальный учитель. К маю 1815 г. из десяти учеников у Аламдаряна осталось только шесть, которые после официального открытия занятий в Лазаревском училище 12 мая 1815 г.[39] вошли в число его первых воспитанников. О троих из них в сентябре 1816 г. с восторгом отозвался друг семьи Лазаревых, известный языковед Александр Макарович Худобашев в письме к Екиму Лазаревичу: *«Три из них представили свои переводы с русского и латинского на армянский язык; успехи их настолько велики, что по окончании ими курса, их смело можно было бы оставить при учебном заведении в качестве помощников учителей»*[40]. Вместе со своими учениками в училище в качестве преподавателя, прежде всего армянского языка, перешел Аламдарян.

В училище в первую очередь принимались ежегодно 30–40 воспитанников армянского вероисповедания, в возрасте от 10 до 14 лет, которые должны были содержаться за счет капитала, пожертвованного основателями училища. Из этого числа 10 человек были из числа *«детей несостоятельного армянского духовенства»*. Помимо этих *«лазаревских воспитанников»* в училище могли обучаться несколько юношей на средства, вносившиеся некоторыми состоятельными армянами. В то же время, хотя училище задумывалось как прежде всего армянское учебное заведение, в его стенах сразу же стали обучаться *«дети других наций из дворян и чиновников»*. Поэтому с первых дней своего существования училище стало русско-армянским учебным заведением.

Плата за полного пансионера со всем содержанием составляла 600–700 рублей, за полупансионера – 300–400 рублей, а за приходящего только на учебные занятия – 250 рублей ассигнациями. Кроме того, на различные классные потребности (книги, бумагу, перья, карандаши и чернила) дополнительно взималось по 50 рублей ассигнациями ежегодно. Принимавшиеся в училище дети должны были знать основы Закона Божия и начала арифметики, уметь читать и писать. Весь курс обучения должен был составлять два года. Учебная программа училища в соответствии с первоначальным замыслом Е.Л. Лазарева преследовала цель дать ученикам *«элементарное учение»*[41].

Список первых воспитанников Московского армянского учебного заведения господ Лазаревых. 1816 г.[42]

Число учеников	*Имена и лета учеников находящихся во вновь открытом Армянском Московском господ Лазаревых Училище. Москва июля 1-го дня 1816 года*	*Сколько лет обучался*	*Сколько месяцев обучался*	*Лета каждого ученика*
1.	*Яков Арзановы*	*3*		*17*
2.	*Давид*	*3*		*13*
3.	*Иоаким Давидов*	*2*		*13*
4.	*Гавриил Макартумов*		*10*	*12*
5.	*Мартын Степанов*		*4*	*13*
6.	*Илия Петровы*	*2*		*8*
7.	*Павел*	*1*		*7*
8.	*Василий Варламов*		*2*	*6*
9.	*Артемий Иоаннесов*		*8*	*16*
	Примечание: *первые пять учеников под № 1.2.3.4 и 5-м состоят с 1-го июля лета сего 1816 года на содержании Училища и живут ныне в особо отведенной для них комнате, прочие же четыре ученика на коште своем, но пользуются всеми преподаваниями на счет училища. Дьяконы Аврам Богданов и Павел Сергеев по просьбе своей в праве тоже пользоваться преподаваниями Армянского, Российского и Латынского языков.*			

§ 4. От училища к институту. 1818–1840-е гг.

15 июня 1818 г.[43] Е.Л. Лазарев, оставив за собой звание попечителя, передал фактическое управление учебной и хозяйственной частью училища своим сыновьям Ивану Екимовичу и Христофору Екимовичу[44], что оказалось ключевым фактором в дальнейшей судьбе учебного заведения.

Старший из братьев, Иван Екимович, родился 1 февраля 1786 г., получил образование в лучшем в Москве на то время среднем учебном заведении – Благородном пансионе при Московском университете, затем поступил на военную службу в гвардию, но вскоре перешел на гражданскую службу. Его брат, Христофор Екимович, родился 1 июня 1789 г., окончил Главное евангелическое училище в Санкт-Петербурге, а затем Главный педагогический институт. В 1801 г.

Иван Екимович Лазарев
(1786–1858). Художник С.К. Зарянко

Христофор Екимович Лазарев
(1789–1871). Художник С.К. Зарянко

Христофор Екимович был определен на службу юнкером в Московский архив Коллегии иностранных дел. Дальнейшая его служебная карьера была полностью связана с российским внешнеполитическим ведомством. В 1804 г. он был *«перемещен к делам коллегии»*, а в 1811 г. – в Азиатский департамент. С 1815 г. Христофор Екимович исполнял должность директора Лазаревского училища[45].

Братья Лазаревы поставили перед собой цель уравнять основанное их семьей училище в плане учебной программы с государственными гимназиями, так как лишь в этом случае оно могло превратиться в крупный образовательный и культурный армянский центр. Для этого необходимо было усовершенствовать учебную программу. Кроме того, введение гимназических дисциплин сделало бы учебное заведение Лазаревых более популярным в глазах русского дворянства и купечества, привлекая в его стены большее количество

ФОРМУЛЯРНЫЙ СПИСОКЪ.

Формулярный список Христофора Екимовича Лазарева.
АВПРИ. Ф. Департамента личного состава и хозяйственных дел. Оп. 464. Д. 1923. Л. 24–27 об.

пансионеров и полупансионеров, а значит, повышая доходы частного учебного заведения. При этом Лазаревы не собирались отказываться от изначальной своей цели — создать учебное заведение, способное давать армянскому юношеству хорошее европейское образование. Поэтому в училище должно было сохраняться преподавание армянского языка, а также дисциплин, входивших в курс подготовки армянских священнослужителей. Лазаревы сознательно взяли курс на создание в учебном заведении нескольких параллельных друг другу учебных курсов — для армянских воспитанников и пансионеров и для русских пансионеров и полупансионеров.

В 1815–1825 гг. сформировался особенный образовательный профиль будущего Лазаревского института. Позднее директор института Г.И. Кананов писал: *«Учебное заведение Лазаревых должно было сразу отвечать трем основным целям*: *быть национальным светильником образования для армян; быть рассадником восточного языкознания в России; сделаться школою общеобразовательною для всех»*[46]. В то же время сложный образовательный профиль учебного заведения порождал ряд трудноразрешимых вопросов: как совместить в среднем учебном заведении преподавание общеобразовательное и специальное, чтобы они не мешали, не противоречили друг другу? Как отвести в общеобразовательном курсе достойное место для национального образования[47]? Именно на решение этих сложных вопросов были в дальнейшем направлены все преобразования учебного заведения Лазаревых.

В 1818 г. учебная программа училища расширилась, а весь курс обучения был разделен на три класса: нижний, средний и высший. В число преподаваемых дисциплин вошли: «*1) Закон Божий (Греко-Российской и Армянской церкви), 2) Логика, 3) Математика, 4) География и Статистика, 5) История, 6) Словесность:*

Московский университет. *1820-е годы. Литография*

а) Российская; б) Армянская; в) Латинская; г) Французская; и д) Немецкая, 7) Искусства: а) рисование, б) чистописание и в) танцеванье»[48]. Данный перечень дисциплин не являлся окончательным, и из года в год вводились все новые дисциплины. В 1821 г. в списке дисциплин значились *«краткая опытная физика, естественная история, наука государственного хозяйства, наука о правах, коммерческие науки, персидская словесность»*[49]. В 1823 г. в училище уже преподавали *«словесность Арабскую, и Турецкую»*[50].

Лазаревы продолжали вкладывать большие средства в развитие материальной части училища: позади главного здания был разбит регулярный сад; учреждена больница с опытным врачом; Иван и Христофор Екимовичи *«умножили Библиотеку и Минеральный кабинет до превосходной степени с значительным пожертвованием из собственного их капитала, совокупно ценою на 30 тыс. рублей»*[51]. Активно рекламировали Лазаревы свое учебное заведение на страницах периодических изданий Москвы и Санкт-Петербурга, информация о нем появилась на страницах российских и иностранных путеводителей. Так, например, в газете «Московские ведомости» регулярно публиковались заметки об *«Армянском учебном заведении Гг. Лазаревых»*, приглашавшие представителей российского дворянства и купечества отдавать в него своих детей.

Заметка о деятельности Московского армянского учебного заведения господ Лазаревых

«По завещанию покойного Действительного Статского Советника и Командора Ивана Лазаревича Лазарева, родным его братом, наследником и душеприказщиком Иоакимом Лазаревичем Лазаревым, для воспитания и просвещения Армянской нации, находящейся в России, учреждено в Москве учебное заведение, которое, сверх определенной на оное покойным Иваном Лазаревичем суммы, весьма значительным пожертвованием из собственного капитала Иоакима Лазаревича Лазарева, устроено и приведено во всех частях к желаемой цели. Ныне же он Г. Лазарев, яко Попечитель сего заведения предположил, сверх имеющагося полнаго комплекта тридцати воспитанников, на иждивении онаго состоящих, способы образования из умеренной платы распространить в оном и на детей других наций (дворянскаго и купеческаго сословий) числом до двадцати пансионеров. По сему совет сего учебного заведения извещает родителей, желающих отдать детей своих, что таковые могут о сем отнестись в оный Совет, состоящий в дом заведения, что между Мясницкой и Покровкой против Армянской церкви… Воспитанники сего учебнаго заведения находятся всегда под присмотром достойных надзирателей, пользуясь при том приличным содержанием; а учителями избраны аттестованные и опытные чиновники... Сверх учения и содержания воспитанники имеют в сем заведении общия учебныя пособия: библиотеку, минеральный кабинет, глобусы, ландкарты и эстампы…»[52].

Удачным ходом со стороны Лазаревых стало превращение *«Акта»* – церемонии вручения выпускникам училища аттестатов – в торжественное, праздничное

для всего московского общества событие. 12 мая 1819 г. в день основания учебного заведения было с большим успехом проведено первое такое публичное испытание выпускников училища. В 1820 г. нескольким воспитанникам вручили похвальные аттестаты. На следующий, 1821 г. пять из двенадцати окончивших училище воспитанников смогли пройти испытания в Московском университете, что подтвердило за Лазаревским армянским училищем репутацию учебного заведения с основательной образовательной подготовкой. Оно получило известность за пределами не только Москвы, но и России, притягивая талантливых армянских детей из разных концов Ближнего Востока и Европы.

Из заметки, опубликованной в № 12 газеты «Московские ведомости» от 9 февраля 1821 г.

«1821 года 29 числа Января в 6 часов пополудни, Армянское учебное заведение Господ Лазаревых имело во второй раз по основании своем публичное испытание в присутствии многих знаменитых посетителей, собравшихся для одобрительного обозрения сего нового в здешней столице разсадника наук… В Законе Божием, в Грамматике: Российской, Армянской, Латинской, Французской, Немецкой и Арифметике, потом в Словесности вышеупомянутых языков, в Логике и Риторике, в Географии, Истории, в Алгебре и Геометрии, при чем Московскаго Университета Г. Ординарный Профессор и Кавалер Федор Иванович Чумаков сам предлагал учащимся вопросы в науках Математических.

В продолжении сего испытания произнесены были речи: Ректором сего заведения Архимандритом Серафимом на Армянском языке, о истинном просвещении; потом воспитанниками: Поляковым на Немецком, Яраловым на Французском, Меликовым на Латинском и Российском; в заключение же всего действия на Российском и Латинском языках произнесены речи поступившими не задолго пред сим из сего учебного заведения в Императорский Московский Университет двумя братьями Арзановыми, которые по законном испытании удостоены звания Студентов...

Знаменитые посетители удостоили сие вновь устроенное учебное заведение благосклонными отзывами и лестными похвалами»[53].

Памятник Лазаревым. *1822 г. Архитектор-художник Т.Г. Простаков*

12 декабря 1822 г. Лазаревы еще раз собрали московское общество в особняке в Армянском переулке, на этот раз по случаю открытия памятника основателям учебного заведения. В главном экзамен-зале училища по случаю торжества собралось «приличное собрание» в лице московского губернского начальства, генералитета, знатных особ. Торжественную речь на армянском языке перед собравшимися произнес армянский архимандрит и ректор училища Иоаким Салантьян[54], оду собственного сочинения продекламировал преподаватель училища, титулярный советник Александр Дмитриевич Смирнов. В саду училища, где воздвигли чугунный с мраморными изображениями памятник, перед его открытием собрали всех учеников. На пьедестале с правой стороны внизу располагался беломраморный горельеф Ивана Лазаревича Ла-

зарева, под его портретом была помещена надпись в духе классицизма:

От древня пламени Армении рожденный,
Россией-матерью благой усыновленный,
Гайканы ваших от сирот не позабыл!
Рассадник сей души признательной творенье.
Даруя чадам здесь покой и просвещенье,
Отчизне той и сей он долг свой заплатил.

С левой стороны обелиска под горельефным портретом Екима Лазаревича Лазарева располагалась другая надпись:

Сей брата своего достойнейший ревнитель.
Начатый подвиг им устроил, расширил,
Соплеменных покров, безродных охранитель,
Для церкви, для наук, для бедных жил.

***

Постоянный приток желающих пройти обучение в училище, а также успешные выпуски закончивших курс воспитанников подтолкнули попечителей ходатайствовать о даровании училищу *«Высочайше утвержденного устава по примеру других учебных заведений»*. Но Лазаревское училище по ряду признаков выпадало из системы средних учебных заведений Российской империи, только начавшей оформляться в начале XIX в. Программа включала обучение армянскому языку, изучение армянской литературы, чего не было в курсе государственных гимназий, к которым в целом по учебной программе было близко созданное Лазаревыми училище.

В этих условиях братья Лазаревы стали искать возможность закрепить через устав особый статус для своего детища. Уже в 1817 г. они впервые обратились в Министерство народного просвещения с просьбой позволить училищу называться *«Армянской Лазарева академией»*, а также уравнять его в правах с Московской практической академией коммерческих наук и другими подобными учебными заведениями. Представленный проект устава был рассмотрен Главным правлением училищ, но отклонен под предлогом, что училище Лазаревых не может называться академией, поскольку не является чисто научным заведением, занимающимся *«единственно усовершенствованием наук и обогащением их новыми открытиями»*[55].

Князь Александр Николаевич Голицын *(1773–1844). Художник К.П. Брюллов*

Понимая, что преимуществом училища перед другими средними образовательными учреждениями может быть преподавание восточных языков, попечители в 1823 г. представили министру духовных дел и народного просвещения князю А.Н. Голицыну новый проект устава учебного заведения под названием *«Армянская Лазарева гимназия высших наук и восточных языков»*. Согласно проекту в новой гимназии должны были преподаваться армянский, персидский, турецкий и арабский языки. Параграф 4-й проекта устава ясно определял основную цель училища: подготовка лиц из армян и представителей других национальностей,

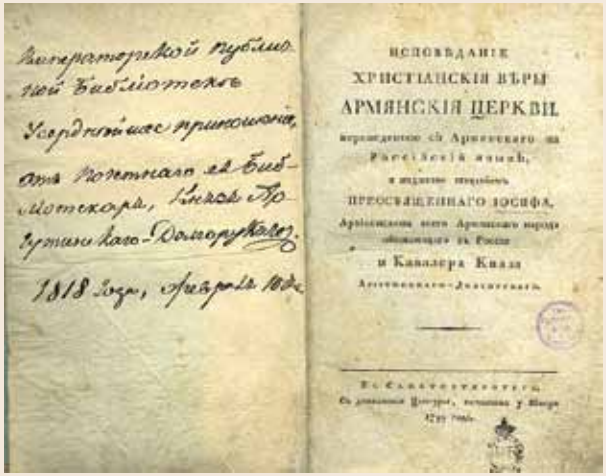
«нужных по политическим и торговым отношениям империи», к государственной службе, для того чтобы, *«с одной стороны, удовлетворять настоящие потребности в учителях и переводчиках сих языков, с другой – способствовать... полезному распространению исторических и статистических сведений о народах и странах азиатских»*[56]. Ученый комитет при Главном правлении училищ, ознакомившись с прошением Лазаревых, предложил принять для училища новое название, а также приравнять его в правах к другим гимназиям. Составить проект устава и штата гимназии Лазаревых Ученый комитет предложил Московскому университету. Однако *«на сем дело сие и остановилось»*[57].

Натолкнувшись на непонимание со стороны Министерства народного просвещения, Иван и Христофор Екимовичи Лазаревы нашли своеобразный способ, чтобы придать училищу официальный статус. Поскольку министерство не могло принять необычную учебную программу училища с преподаванием армянского и других восточных языков, было решено попробовать вывести училище из-под его прямого ведения. Кроме того, Лазаревы хотели также защитить свое учебное заведение от вмешательства местных властей. В «Обозрении Лазаревского института...» прямо говорилось, *«что Основатели, благотворители Института, несмотря на общественную цель добра и человеколюбия в просвещении, встречали множество разнородных неприятностей и затруднений от местных главных Начальств»*[58]. Подтверждением этого служит упоминание о конфликте Лазаревых с московским военным генерал-губернатором графом А.П. Тормасовым, который препятствовал строительству здания училища[59].

Для исполнения своего замысла Лазаревы решили поставить во главе своего учебного заведения влиятельного при дворе государственного деятеля.

Михаил Михайлович Сперанский
(1772–1839). Художник П.А. Иванов

В качестве возможного покровителя выбор пал на всесильного в то время при дворе императора Александра I главного начальника военных поселений генерала от артиллерии графа Алексея Андреевича Аракчеева. Это решение подсказал Лазаревым их старинный друг, известный государственный деятель Михаил Михайлович Сперанский, с которым Иван Лазаревич Лазарев, вероятно, познакомился в 1795 или 1796 г. в доме князя А.Б. Куракина, у которого молодой тогда Сперанский служил домашним секретарем. Вскоре Лазарев привлек Сперанского в качестве редактора к работе над книгой «Исповедание христианской веры армянской церкви», которая в 1799 г. была издана в Санкт-Петербурге. Затем М.М. Сперанский участвовал в составлении «Записки об армянах, поселившихся в России», а также редактировал правила относительно попечительства Лазаревых над армянскими церквями в Санкт-Петербурге и Москве[60]. Когда в марте 1812 г. Сперанский был арестован и сослан сначала в Нижний Новгород, а затем в Пермь, Лазаревы под-


Императорской публичной библиотеке
Усердно[е]йшее приношение
от Почетного ея Библиотекаря, Князя Петра Ивановича Долгорукаго.
1818 года, Января 18го дня.

ИСПОВѢДАНІЕ
ХРИСТІАНСКІЯ ВѢРЫ
АРМЯНСКІЯ ЦЕРКВИ,
изложенное отъ Армянскаго на Россійскій языкъ,
и изданное повелѣніемъ
ПРОСВѢЩЕННАГО ІОСИФА,
Архіепископа всего Армянскаго народа обитающаго въ Россіи
и Кавалера Князя
Армянскаго-Долгорукаго.

Титул книги «Исповедание христианской веры армянской церкви». СПб., 1799

держали опального государственного деятеля морально и материально. По свидетельству биографа М.М. Сперанского барона М.М. Корфа, приехавший в Пермь по делам своих заводов Христофор Екимович Лазарев, узнав о пребывании здесь Сперанского, «*поспешил доставить заточенному все возможные там удобства жизни и старался развлекать и утешать его*»[61]. В 1816 г., находясь уже в своем новгородском имении Великополье, Михаил Михайлович в одном из писем к Е.Л. Лазареву писал: «*Милостивый государь, Яким Лазаревич, я не могу оставить моего уединения, не принеся Вам истинной моей благодарности за все знаки внимания и участия в судьбе моей, когда не многие смели или хотели признавать себя даже и в знакомстве со мной*»[62]. Вернувшись в марте 1821 г. в Санкт-Петербург, М.М. Сперанский в течение долгого времени жил в одном из принадлежавших Лазаревым домов на Невском проспекте. Конечно, Михаил Михайлович не мог забыть оказанной ему помощи и постарался помочь Лазаревым в решении вопросов, касавшихся их учебного заведения. Он лично составил первый проект прошения на имя императора[63].

Граф Алексей Андреевич Аракчеев *(1769–1834). Художник Дж. Доу*

Прошение Лазаревых к императору Александру I о передаче Армянского учебного заведения под главное начальство графа А.А. Аракчеева

«Всеавгустейший Монарх! Всемилостивейший Государь!

За бесчисленные милости от щедрот Монарших на Армянскую нацию излиянные, род Лазаревых не мог принести лучшей благодарности, как употребив свои избытки для утверждения между однородцами своими отечественной их религии и истиннаго просвещения.

В сей мысли попечением и иждивением рода Лазаревых сооружены в обоих Столицах храмы Божии и снабжены постоянными доходами. В сей же мысли устроено ими в Москве Армянское учебное заведение. При обширном помещении и со всеми нужными учебными пособиями в 1815 году оно открыто.

Семилетний опыт удостоверил в истинной пользе нашего заведения. В нем сверх наук, высшим училищам свойственных, будут преподаваемы восточные языки,

и сим восточное сие заведение, как единственное в своем роде, отличается от всех прочих. Но тот же опыт показал, что учебное заведение сие, на особенных правилах и еще для особой нации устроенное, требует покровительства, особых прав и устава. Армянская нация почла бы себя счастливою, если бы таковое покровительство возложено было на Генерала от артиллерии Графа Алексея Андреевича Аракчеева. По его достоинствам и по общему к нему уважению, сим покровительством Армянское учебное заведение получило бы особенный знак Монаршего к нему внимания, уверенность для родителей, поощрение и надежду для воспитанников.

Цель сего общеполезнаго Заведения состоит в том, чтоб доставить способ к образованию юношества на службу Государственную и к классическому изучению восточных языков, толико нужных по политическим отношениям России, в коей не имеется еще восточного Института.

Армянский Патриарх прошением на Высочайшее Имя, при сем прилагаемом, испрашивает той же Монаршей милости.

Примите, Всемилостивейший Государь! с свойственною Вам благостию сие всеподданнейшее прошение и не отриньте общаго желания нации, в глубине сердец Вашему Императорскому Величеству всегда преданный и верный

Всемилостивейший Государь
Вашего Императорскаго Величества
Верноподданные:
Основатель и Попечитель Еким Лазарев,
Статский Советник и Кавалер Иван Лазарев,
Коллежский Советник и Кавалер Христофор Лазарев,
Июня 19 дня 1824 года.
Москва»[64].

Внеся в первоначальный проект ряд изменений и дополнений, в июне 1824 г. Лазаревы обратились к императору Александру I с прошением передать училище

Император Александр I *(1777–1825).*
Художник Дж. Доу

под главное начальство графа А.А. Аракчеева. Аналогичное прошение направил и Святейший Верховный Патриарх всей Армении, Эчмиадзинский Католикос Епрем (Ефрем) I Дзорагехци. Одновременно попечитель испросил письмом согласие графа А.А. Аракчеева занять должность главного начальника училища. Интересно, что предложение попечителей училища поддержал и министр народного просвещения: в письме к графу А.А. Аракчееву А.М. Шишков в декабре 1824 г. писал, что поскольку армянское училище Лазаревых не подчиняется министерству, а является особым учебным заведением, созданным в первую очередь для образо-

вания армянских детей, то оно может быть поставлено в ведение особого начальника[65].

Хлопоты Лазаревых, поддержанные М.М. Сперанским, увенчались успехом. На заседании 8 августа 1824 г. Комитет министров подробно рассмотрел их прошение. Ознакомившись с мнениями министра народного просвещения и графа А.А. Аракчеева, выразившего свое согласие стать главным начальником училища, Комитет согласился удовлетворить просьбу Лазаревых. Через два месяца, 8 ноября 1824 г., журнал Комитета министров был высочайше утвержден, а 30 июня 1825 г. вышел Указ по 1-му департаменту Правительствующего сената о подчинении армянского училища главному начальству генерала от артиллерии графа Аракчеева[66]. 17 января 1825 г. граф А.А. Аракчеев сообщил Екиму Лазаревичу о благоприятном исходе его ходатайства.

Письмо графа А.А. Аракчеева попечителю Екиму Лазаревичу Лазареву от 17 января 1825 г.

«Милостивый Государь мой
Еким Лазаревич!

Его Императорское Величество, всемилостивейши снисходя на всеподданнейшее ваше прошении, Высочайше повелеть изволил: учрежденное вами в Москве Армянское учебное заведение подчинить главному моему начальству. Извещая вас, Милостивый Государь о сем, я ныне сообщаю об оном Московскому Военному генерал-губернатору Князю Д.В. Голицыну, и через Министра Просвещения Попечителю тамошнего Учебного округа.

Мне весьма приятно будет в звании Начальника заведения, делающего особливую честь фамилии Лазаревых, содействовать его успехам, сообразно с благотворительною целию его основателей.

С почтением имею честь быть, Милостивый Государь мой, Ваш покорный слуга, Граф Аракчеев»[67].

Гавриил Степанович Батеньков *(1793–1863).*
Литография К. Зеленцова

Между тем, зная сложный характер главного начальника военных поселений, М.М. Сперанский помог Лазаревым наладить с ним личные отношения. Он познакомил их с ближайшим доверенным лицом графа А.А. Аракчеева подполковником Г.С. Батеньковым. Об этом свидетельствует письмо Михаила Михайловича от 23 декабря 1824 г., в котором он писал Екиму Лазаревичу: *«Гаврила Степанович Батеньков, мой искренний приятель, будет живою моею у вас грамотою... Пользуясь особенными милостями у графа Алексея Андреевича, он побеседует с вами и об училище вашем и будущем его устройстве. Никто лучше его не может быть истолкователем ваших мыслей и предположений у главного вашего начальника (гр. Аракчеева), который званием сим, кажется совершенно доволен, и без сомнения постарается быть полезным сему заведению»*[68]. Действительно, всесильный А.А. Аракчеев оказался доволен своей новой должностью. В письмах М.М. Сперанского к Лазаревым упоминается, что Иван Екимович Лазарев проездом даже гостил в Грузино – знаменитом имении А.А. Аракчеева. Однако училище Лазаревых, уравненное в правах с гимназиями, в то же

Вид каменного дома с приезда от собора в селе Грузино.
Художник И.С. Семенов

время не получило устава. Этот вопрос являлся достаточно сложным в силу необычной учебной программы, и в его решении Лазаревы особенно надеялись теперь на протекцию нового главного начальника. Их ожидания отчасти оправдались, поскольку Аракчеев немедленно взялся за составление устава, затребовав от Лазаревых необходимые сведения.

Из письма графа А.А. Аракчеева к Екиму Лазаревичу Лазареву от 26 апреля 1825 г.

«Милостивый государь мой, Еким Лазаревич!

Удовлетворяя желанию вашему иметь выписку из Журнала Комитета Гг. Министров, Высочайше утвержденного в 8-й день Ноября 1824 года, о подчинении главному моему начальству Учебного Армянского вашего в Москве заведения, я препровождаю при сем оной копию.

К общему сведению сия самая выписка будет напечатана в Сенатских Ведомостях; в Русском же Инвалиде помещено объявление при сем в копии прилагаемое.

Иван Екимович и Христофор Екимович представили мне сведения о настоящем положении сего заведения, и между прочим, проект штата и устава онаго. Они конечно известили уже вас о тех дополнительных актах кои необходимы для прочнаго основания уставав. Получив оные я займусь окончательными соображениями устава, и ежели бы представились в нем нужными какие перемены, или дополнения, – не нарушая впрочем принятых вами главных оснований, – то исправя оный, я предварительно доставлю его к вам и потом уже внесу установленным порядком на Высочайшее утверждение...»[69].

Согласно «Обзору Лазаревского института...» в Штабе военных поселений по распоряжению А.А. Аракчеева были составлены в разных видах проекты устава Лазаревской гимназии[70]. В 1826 г. по распоряжению Аракчеева проект устава был направлен в Министерство народного просвещения. Кроме того, главный начальник гимназии Лазаревых ввел для учащихся гимназии форменную одежду: мундир темно-зеленого цвета с красным кантом со стоячим воротником черного цвета, а также форменную фуражку под цвет одежды[71]. Однако смена царствований, события на Сенатской площади в Санкт-Петербурге 14 декабря 1825 г. – все это отодвинуло решение вопроса об уставе гимназии Лазаревых на несколько лет.

***

Вероятно, вопрос об уставе Лазаревской гимназии еще долго «лежал бы под сукном», если бы не важные внешнеполитические события, произошедшие на южных окраинах Российской империи. 10 (22) февраля 1828 г. в деревне Туркманчай близ Тебриза был подписан мирный договор, который завершил русско-персидскую войну 1826–1828 гг. В результате к Российской империи была присоединена Восточная Армения, в чем Лазаревы приняли непосредственное участие. Еще в сентябре 1826 г. Христофор Екимович Лазарев *«вследствие Высочайшей воли»* получил от вице-канцлера графа К.В. Нессельроде предписание

14 декабря 1825 года на Сенатской площади.
Акварель К.И. Кольмана

Император Николай I *(1796–1855).*
Художник В.А. Голике

«находиться при Генерал-Адъютанте Графе Бенкендорфе для исполнения возлагаемых на него поручений по внешним и внутренним азийским сношениям»[72]. Лазареву был поручен сбор информации о положении дел в Персии, Османской империи и Закавказье. Составленные им доклады через графа А.Х. Бенкендорфа передавались императору Николаю I. В своих докладах Х.Е. Лазарев выступал сторонником проекта возрождения Армянского царства в границах Российской империи по образцу Царства Польского или Великого княжества Финляндского. Император Николай I ввиду приближавшейся русско-турецкой войны частично

Взятие штурмом крепости Эривань 1 октября 1827 года.
Гравюра К.П Беггрова с оригинала В.И. Мошкова

Медаль за русско-персидскую войну 1826–1828 гг.

Заключение мира в Туркманчае. 10 февраля 1828 г.
Гравюра В.И. Мошкова

Лазарь Екимович Лазарев *(1786–1871).*
Гравюра В.И. Мошкова

пошел навстречу армянским деятелям. Своеобразным компромиссом стало создание Армянской области и внесение изменений в императорский титул: указом Правительствующего сената император был провозглашен «Государем Армянской области»[73]. В докладах Х.Е. Лазарева содержались в числе прочего и предложения по переселению армянского населения из Персии в создаваемую Армянскую область, так как, согласно статьям Туркманчайского мирного договора, правительство Персии обязалось не препятствовать ему. Осуществление этой важной миссии было поручено полковнику Лазарю Екимовичу Лазареву, под командованием которого из Персии переселилось 40 тысяч армян[74].

Для управления вошедшими в состав Российской империи территориями Закавказья требовались чиновники, хорошо знавшие не только местные языки – армянский, грузинский, азербайджанский, но также и культурные особенности жизни местных народов. В этом контексте в правительственных кругах сформировался взгляд на гимназию Лазаревых как на учебное заведение, которое могло бы выпускать хорошо подготовленных для службы в Закавказье чиновников, что было связано в первую очередь с преподаванием там восточных языков. С другой стороны, в Санкт-Петербурге не могли не обратить внимания на детище Лазаревых в рамках начавшего активно развиваться в на-

Переселение 40 000 армян из Персии в Россию.
Художник В.И. Мошков

чале XIX в. отечественного востоковедения, не только приобретшего отчетливые институциональные формы, но и постепенно выходившего за пределы удовлетворения сугубо практических нужд государства.

Потребность в подготовке профессиональных переводчиков с восточных языков обнаружилась с начала XVIII в., когда одним из важнейших направлений внешней политики Российской империи стало выстраивание отношений со странами Востока. Государству оказались нужны чиновники, владевшие восточными языками, для работы как непосредственно в государственных учреждениях и российских миссиях за рубежом, так и в административных учреждениях на присоединенных территориях (Кавказ и Закавказье, земли Прикаспия, Средняя Азия и Казахстан), в губернских канцеляриях, на таможнях и таможенных постах, в судах и т.п. Не полагаясь на толмачей из местного населения, которые часто при переводе искажали содержание переводимых фраз, плохо владея русским языком и к тому же защищая клановые интересы, правительство справедливо считало необходимым иметь лояльных власти служащих из числа российских подданных православного вероисповедания для общения с населением Востока. Основная ответственность за подготовку толмачей и переводчиков восточных языков была возложена на Коллегию иностранных дел, на основе которой в 1802 г. начало формироваться Министерство иностранных дел Российской империи. В 1732 г. в Коллегию иностранных дел из Московской духовной академии поступили первые пять учеников для изучения арабского, турецкого и персидского языков[75]. С этого времени при ней постоянно находились ученики, изучавшие различные восточные языки, так что к началу XIX в. здесь накопили большой опыт языковой подготовки чиновников внешнеполитического ведомства.

Исторически воротами Российской империи на Восток считались Астрахань и Казань, которые превратились в центры, где изучались и преподавались восточные языки. В 1749 г. в Астрахани и Кизляре были открыты школы азиатских языков, в которых готовили переводчиков и толмачей турецкого, персидского, татарского, армянского и калмыцкого языков. Для обучения принимались мальчики от 7 до 12 лет из дворянских, офицерских, ротмистрских, подьяческих, переводческих и толмачевских детей[76]. В 1765 г. решением астраханского губернатора в школу были приняты десять солдатских детей для изучения турецкого языка. Первоначальное правило, устанавливавшее прием только русских мальчиков, вскоре было изменено в связи с нехваткой дворянских детей, «своею охотою» шедших в школу, и принимать стали всех российских подданных, в том числе «инородцев». При обучении иностранным языкам использовались прямой метод, метод погружения (направление на практику в калмыцкие улусы) и переводной метод. Переводу уделялось особое внимание, так как учеников готовили именно к переводческой деятельности. Однако учителя не име-

Казанский университет.
Гравюра В.С. Турина

Казанская гимназия.
Гравюра В.С. Турина

ли специальной подготовки, поэтому эффективность обучения зависела непосредственно от педагогических и лингвистических способностей того или иного преподавателя. В первый год работы школы не были снабжены учебными материалами, поэтому учителя использовали в обучении те книги, которые имелись у них самих. Через два года выяснилось, что ученикам не хватает общего образования и необходимо ввести обучение общеобразовательным предметам – истории, физике, географии, философии, общественным наукам (основам экономики и политики) и военному делу. Школы азиатских языков просуществовали около двадцати лет и внесли существенный вклад в подготовку специалистов для Коллегии иностранных дел, Военной коллегии и губернских административных органов. В 1781 и 1795 гг. предпринимались попытки возродить старую школу на новом уровне, но они были безуспешными.

В 1769 г. императрица Екатерина II указом от 12 мая повелела *«учредить единожды на всегда при Казанской гимназии, для охотников класс того* (татарского. – *М.В.*) *языка»*. В 1788 г. гимназия закрылась из-за недостатка средств на ее содержание, однако в 1798 г. открылась вновь с классом для подготовки переводчиков татарского языка[77]. В 1782 г. вышел указ об учреждении народных училищ, в котором предписывалось в губерниях *«лежащих к стороне татарской, персидской и бухарской»* обязательно в училищах кроме местных языков также вводить изучение арабского языка *«как такового, от коего все в той стороне употребляемые диалекты имеют свое происхождение и посредством которого можно будет завести лучших переводчиков во всех сих языках, нежели до сего времени мы их имеем»*[78].

Со временем потребность Российской империи в знавших восточные языки чиновниках только росла, что требовало изменения подхода к системе их подготовки. При этом необходимо было не только количественно расширить, но также качественно изменить систему преподавания восточных языков. По мнению Н.И. Веселовского, главный недостаток школ, где в XVIII в. изучались восточные языки, заключался в их исключительно практической направленности. Ученики с практическими знаниями не могли впоследствии стать хорошими учителями. *«Чтобы положить у нас прочное основание преподаванию восточных языков, с обеспечением от всяких случайностей относительно недостатка в преподавателях, требовалось ввести изучение этих языков в университеты, где к ним были бы применены требования науки»*, – писал Веселовский.

5 ноября 1804 г. был высочайше утвержден устав Московского, Казанского и Харьковского университетов, согласно которому в число предметов университетского преподавания в рамках одной кафедры были введены восточные языки – арабский и персидский. Ввиду недостатка в университетах профессуры для

Михаил Николаевич Мусин-Пушкин *(1795–1862). Неизвестный художник*

преподавания восточных языков пришлось приглашать востоковедов из Западной Европы. Ранее других университетов, в 1807 г., преподавание на кафедре восточных языков началось в Казанском университете. В год открытия Казанского университета Коллегия иностранных дел подала следующий запрос: *«Для снабжения Коллегии искусными переводчиками Татарскаго языка распорядить так, чтобы всегда трое находящихся на казенном содержании Студентов Казанскаго Университета по склонности своей и по выбору Начальства особливо приготовляемы были для оной должности»*[79]. В том же году на кафедру восточных языков Казанского университета был приглашен известный востоковед-арабист и нумизмат Х.Д. Френ, который в 1815 г. стал сотрудником Академии наук в Санкт-Петербурге, а три года спустя основал Азиатский музей Академии наук. С 1812 г. в Казанском университете велось обучение татарскому языку, а в 1828 г. учреждена кафедра турецко-татарского языка. В результате активной деятельности попечителя Казанского университета М.Н. Мусина-Пушкина в скором времени здесь открылись новые кафедры: в 1833 г. – монгольского, в 1837 г. – китайского, в 1839 г. – армянского, в 1842 г. – санскритского, в 1844 г. – маньчжурского языков[80]. Студенты, изучавшие восточные языки, после трехлетнего курса оставлялись при университете еще на два года для практических занятий. Этот двухгодичный курс составлял при университете особое учреждение – Восточный институт. С его появлением Казанский университет стал признанным центром отечественного востоковедения. В 1822 г. совет Казанского университета постановил ввести в Казанской гимназии преподавание арабского и персидского языков, чтобы повысить уровень их изучения в университете. По мере расширения преподавания восточных языков в Казанском университете аналогичный процесс происходил и в гимназии. Так, вслед за монгольским языком, введенным в 1833 г., здесь стали преподавать армянский, китайский и маньчжурский. По уставу 1836 г. восточные языки в Казанской гимназии были разделены на три разряда: 1) арабско-персидский, 2) турецко-татарско-персидский и 3) монголо-турецко-татарский. Преподавание восточных языков начиналось с 4-го класса. Устав были призван обеспечить в гимназии подготовку достаточного количества переводчиков[81].

В Московском университете реальное преподавание восточных языков началось с 1811 г., когда ординарным профессором кафедры восточных языков стал А.В. Болдырев – выпускник университета и его будущий ректор, основатель Московской школы востоковедения, автор знаменитого учебника арабской грамматики, арабской и персидской хрестоматий. Однако в 1837 г. преподавание прекратилось, а кафедра восточных языков оставалась вакантной до 1852 г. «за неимением преподавателей». В Санкт-Петербурге преподавание восточных языков началось в 1816 г. в Глав-

Граф Александр Христофорович Бенкендорф *(1782–1844). Копия Е. Ботмана с картины Д. Крюгера*

ном педагогическом институте, который в 1819 г. был преобразован в Санкт-Петербургский университет. В отличие от других университетов здесь были образованы две кафедры – арабского и персидского языков; с 1822-го началось преподавание турецкого языка. Кафедры восточных языков входили в состав Филологического факультета, обучались на них только желающие.

***

26 января 1826 г. скончался фактический основатель и попечитель гимназии Еким Лазаревич Лазарев. Должность попечителя занял его старший сын Иван Екимович, а должность директора стал исполнять Христофор Екимович Лазарев. Через год, в 1827 г., ушел в отставку граф А.А. Аракчеев, вместе с этим сложив с себя обязанности главного начальника гимназии Лазаревых. Необходимо было снова искать покровителя для учебного заведения. В январе 1828 г. И.Е. и Х.Е. Лазаревы решили обратиться с прошением к императору Николаю I о назначении главным начальником гимназии начальника III Отделения Собственной его императорского величества канцелярии генерал-адъютанта, генерал-лейтенанта Александра Христофоровича Бенкендорфа. Отдельно ходатайство об этом направил армянский епархиальный архиепископ Иоаннес.

Из прошения Армянского епархиального архиепископа Иоаннеса императору Николаю I от 13 января 1828 г.

«Всемилостивейший Государь!

Священная воля Благословенного Императора Александра об Армянском Лазаревых учебном заведении последовала в Высочайше утвержденном 8 Ноября 1824 года положении Комитета Господ Министров и в указе 30 июня 1825 года, при сем в подлиннике прилагаемом, между прочим изображено: "Министр Народного Просвещения, представляя Комитету Министров, с своей стороны присовокупляет, что Армянское училище, Лазаревыми в Москве учрежденное, без всякого нарушения общих правил может быть изъято от зависимости Министерства Народного Просвещения, и как особенного рода заведение, служащее большею частию для образования детей из Армян, состоять в ведомстве особого Главного Начальства, от которого зависеть уже будет начертать и правила для сего заведения".

Подкрепляемый сею Священною волею и Царским Вашего Императорского Величества милосердием, от лица Верховного Патриарха всея Армении и от всея его паствы, дерзаю принести следующую просьбу:

В продолжении более полувека неутомимым попечением и значительным иждивением рода Лазаревых, сооружены в обеих столицах храмы Божии и снабжены постоянными доходами. От той же фамилии оказаны вспомоществования особенными капиталами в пользу Армян разных городов. Наконец в 1815 году она приняла патриотический подвиг упро-

чить благосостояние своих соотечественников учреждением, без всякого пособия от казны, в Москве Армянского института... Двенадцатилетний опыт удостоверил уже в существенной пользе сего института. В нем сверх наук, высшим училищам свойственных, преподаются восточные языки и сим заведение сие отличается от прочих.

Но тот же опыт показал, что Институт сей на особенных правилах и для особого народа устроенный, не иначе может процветать, как при удостоении его особенного Монаршего покровительства и при сохранении особого Главного начальства.

Я соединяю мольбу мою со всеми верными церкви нашей Армянами, дабы Высочайшим соизволением Главного Начальника над восточным сим институтом возложено было ныне на Генерал-Адъютанта Вашего Императорского Величества Александра Христофоровича Бенкендорфа. В достопамятную эпоху Священного Вашего помазания, я познал лично душевныя его качества и опыты покровительства к существующему племени Армян... В звании Главного Начальника восточного института, Генерал Бенкендорф, по стремлению ко всему полезному, примет существенныя меры к прочному его благосостоянию в образовании юношества к военной и гражданской службе, особенно для южнаго края России, Грузии и новопокоренных областей.

Августейший Монарх! Внемли милостиво гласу воззывающих и непрестанно молящихся у Престола Царя Царей о здравии и благоденствии всего Августейшего дома Твоего.

Всемилостивейший Государь

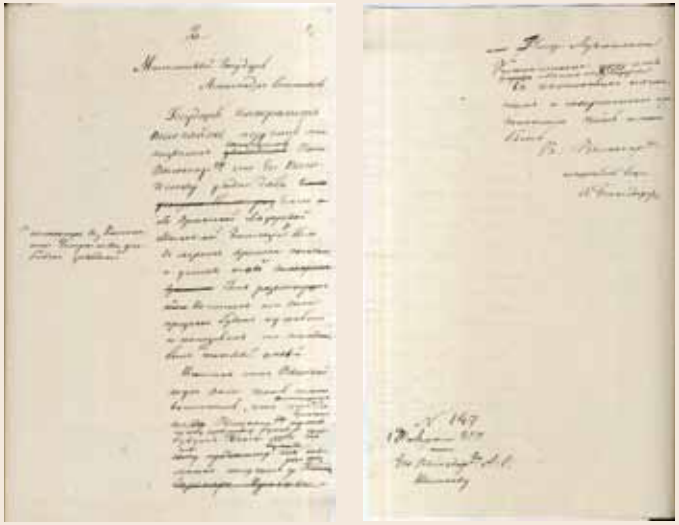
Вашего Императорского Величества

Верноподданнейший и усерднейший Богомолец Иоаннес Епархиальный Архиепископ обитающих в России Армян.

Астрахань, Генваря 15, 1828 года»[82].

Годом ранее, в начале 1827 г., министр народного просвещения А.С. Шишков вновь отклонил представленный Лазаревыми проект устава, потребовав четко определить, будет ли гимназия общеобразовательным или специальным учебным заведением по преподаванию восточных языков. Однако Лазаревы не хотели превращать свое учебное заведение в узкоспециализированное училище по подготовке переводчиков восточных языков. В ответе министру они подчеркивали, что гимназия существует уже более десяти лет, в течение которых одни выпускники поступили в Московский университет, а другие успешно служат переводчиками. Они настаивали на необходимости сохранить в гимназии как широкую гимназическую общеобразователь-

Александр Семенович Шишков *(1754–1841). Художник Дж. Доу*



Письмо А.Х. Бенкендорфа министру народного просвещения А.С. Шишкову о скорейшем рассмотрении дела об «Армянской Лазаревой Московской гимназии».
18 апреля 1827 г. ГАРФ. Ф. 1717. Оп. 1. Д. 11. Л. 2

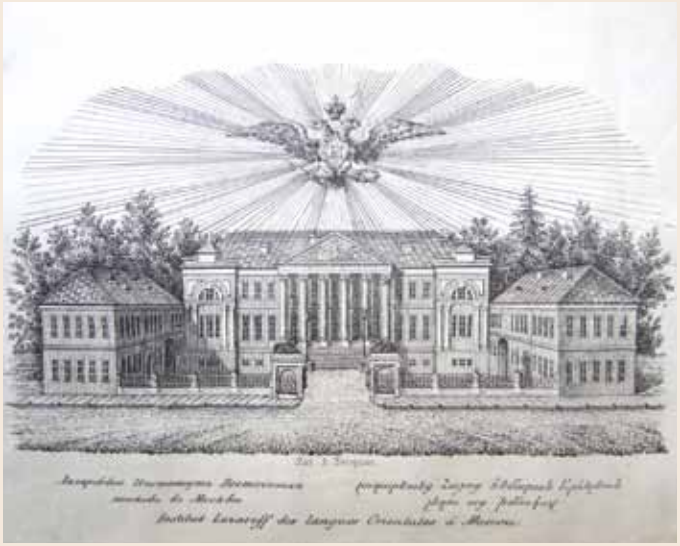
Андрей Карлович Шторх *(1766–1835)*

ную учебную программу, позволявшую выпускникам поступать в университеты, так и специализированную программу изучения восточных языков. Лазаревы особенно подчеркивали, что главная цель основанного ими учебного заведения состояла в том, *«чтобы юношеству не только армянскому, но и всем желающим доставлять способы к образованию в науках и особенно к теоретическому и практическому изучению восточных языков»*[83].

Для разрешения вопроса об уставе «Лазаревых гимназии» в сентябре 1827 г. Комитет устройства учебных заведений поручил академику А.К. Шторху, одному из видных экономистов начала XIX в., подготовить его учебный план и устав. Детально ознакомившись с деятельностью учебного заведения Лазаревых и убедившись в серьезной постановке в нем преподавания восточных языков, а также подготовки учителей и священнослужителей для армянских училищ и храмов, академик ходатайствовал о придании ему статуса лицея или института. В своем отчете А.К. Шторх особенно подчеркнул большую пользу изучения восточных языков в Лазаревской гимназии[84].

На заседании 26 декабря 1827 г. Комитет устройства учебных заведений определил дать учебному заведению Лазаревых новое название – «Лазаревых Институт Восточных языков»[85]. В январе 1828 г. Комитет устройства учебных заведений постановил, чтобы Лазаревы приняли участие в составлении нового устава вместе с членом Комитета действительным статским советником А.К. Шторхом; также Комитет рекомендовал при работе над уставом *«принять во внимание мнения действительного статского советника Аделунга и статского советника Френа»*[86]. Между тем в феврале 1828 г. статс-секретарь Н.Н. Муравьев согласно воле императора Николая I препроводил на рассмотрение министра народного просвещения всеподданнейшие прошения статских советников И.Е. и Х.Е. Лазаревых, а также армянского архиепископа Иоаннеса о подчинении гимназии Лазаревых главному начальству

Христиан Данилович Френ
(1782–1851). Литография

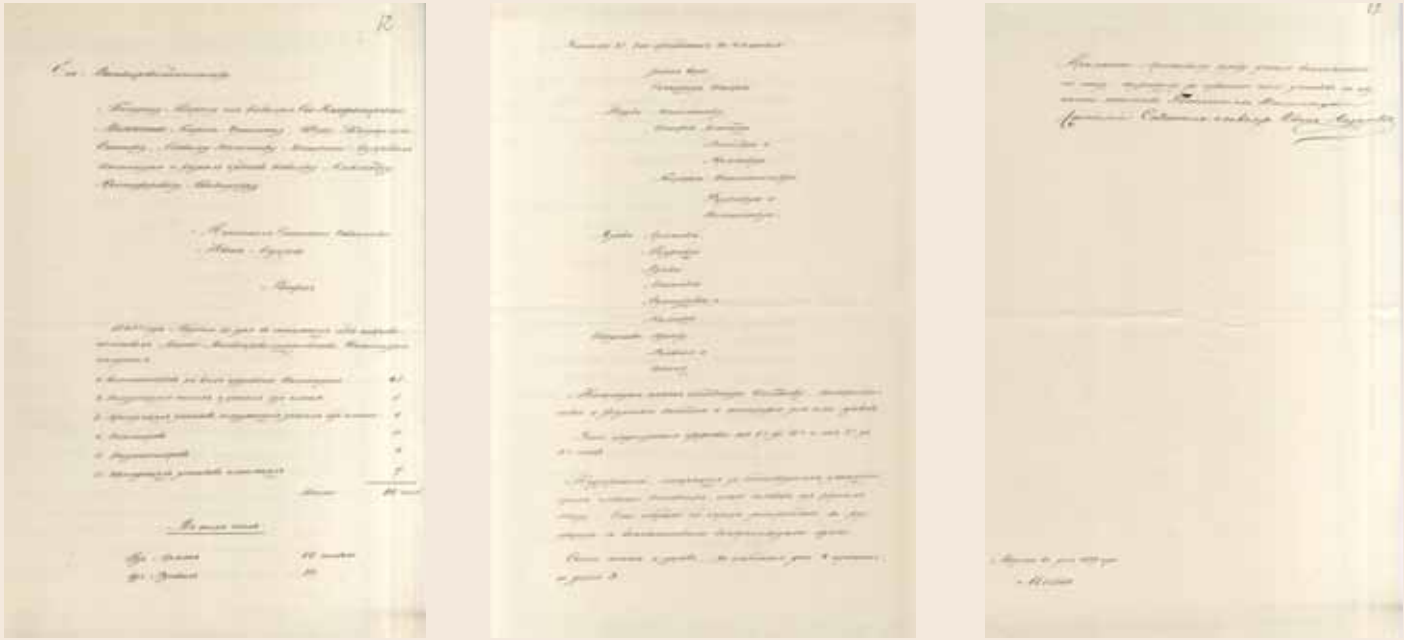


Лазаревский институт.
Гравюра К.П. Беггрова

А.Х. Бенкендорфа[87]. В марте 1828 г. на одном из заседаний Комитета устройства учебных заведений оба вопроса были рассмотрены одновременно. Рассмотрение проекта устава института было решено отложить, поскольку Министерством народного просвещения намечалась общая реформа системы учебных заведений в Российской империи. При этом Комитет снова подтвердил в журнале принятое ранее новое название учебного заведения Лазаревых – *«Армянский Лазаревых институт восточных языков»*. Что касается вопроса о подчинении Лазаревского института главному начальству А.Х. Бенкендорфа, то члены Комитета, не видя препятствий к положительному решению, в то же время особо подчеркнули, что *«Институт не должен выходить из общего заведывания Министерства Народного Просвещения и при подчинении его новому Начальству»*. В том же месяце журнал Комитета устройства учебных заведений был высочайше утвержден[88].

Несомненно, что в Министерстве народного просвещения испытывали определенное недоверие к Лазаревскому институту. С одной стороны, институт отличался от казенных заведений учебной программой, включавшей изучение армянского и других восточных языков, а с другой – существовал на частные пожертвования.И тот и другой факт вызывал в ведомстве беспокойство. В частности, в министерстве опасались, что институту не хватит средств на собственное содержание.

Однако новый главный начальник института был совершенно уверен как в пользе существования института, так и будущем учебного заведения. Территориальные приобретения Российской империи в Закавказье, прежде всего Восточная Армения, делали для правительственных кругов особенно актуальным покровительство армянскому учебному заведению, которое могло взять на себя подготовку крайне необходимых для российской администрации на Кавказе и в Закавказье переводчиков и чиновников со знанием восточных языков. Положительно в правительственных кругах оценивалась деятельность института по



Рапорт попечителя Лазаревского института восточных языков И.Е. Лазарева главному начальнику института А.Х. Бенкендорфу за 1829 г. ***ГАРФ. Ф. 1717. Оп. 1. Д. 11. Л. 12–13***

подготовке лояльной Российской империи армянской элиты. Каждый год из стен института выходила европейски образованная, со знанием как своего родного, так и русского языка армянская молодежь, которая шла учителями в армянские школы, священниками в армянские храмы, переводчиками, чиновниками, военными – на государственную службу. Особо привлекательным для правительства выглядел тот факт, что Лазаревский институт мог содержаться за счет собственных средств, без финансовых вливаний из государственной казны. Материальная сторона вопроса была особенно тщательно, с немецкой педантичностью изучена А.Х. Бенкендорфом, о чем свидетельствует подробное перечисление им всех доходных статей института в письме к министру народного просвещения. Вывод о пользе Лазаревского института для Российской империи был однозначно положителен.

Из отношения генерала-адъютанта А.Х. Бенкендорфа к министру народного просвещения, адмиралу А.М. Шишкову от 12 апреля 1828 г.

«На отношение Вашего Высокопревосходительства, касательно Армянского Института, честь имею ответствовать.

В следствие Высочайшей воли, последовавшей на всеподданнейшие прошения Архиепископа Иоаннеса... и Статских Советников Лазаревых, о подчинении Армянского их Института в Москве главному моему начальству, я с особенным удовольствием приемлю сие звание и сопряженные с оными обязанности. Зависящими средствами готов содействовать к преуспеянию сего ***общеполезного восточного рассадника****, тем более, потому, что* ***общая цель Института состоит в том, чтобы доставить юношеству способы к воспитанию***

и образованию в науках, служащих приготовлением на службу военную и гражданскую. *Сверх того* ***юношество Армян****,* ***обитающих под покровительством России*** *и усердную преданность новому своему отечеству оказавших, получив образование в Главном Учебном Заведении,* ***с большею удобностью соединится с коренными Россиянами****.*

Институт сей основан Фамилею Лазаревых и упрочен на грядущие времена значительными их пожертвованиями, состоящими в основном капитале, в зданиях и в обзаведении, простирающимися по общему отчету в 1828 году до 800 тысяч рублей. По отзывам и по согласию учредителей в пользу Института поступать будут на содержание суммы, означенные подробно в прежних сведениях, представленных к Вашему Высокопревосходительству и в Комитет устройства Учебных заведений.

Двенадцатилетний опыт удостоверил уже в существенной пользе и в цветущем состоянии Восточного Института…

Из сих доводов явствует, что капитала на прикрытие всех издержек не токмо достаточно, но при хозяйственных мерах может быть еще приращение, притом заведение сие образует в себе, так сказать, общественный и главный рассадник всего Армянского народа, коего сословия разных городов ревностным соучастием усилят все средства, а от сего естественно составится и возрастет новый капитал. Сверх того, Институт сей заслуживает особенного внимания еще потому, что частными лицами, без всякого ободрения и без всякого пособия от казны основан, к существенной пользе Правительства и ко благу целой нации.

А по сим уважительным причинам Лазаревы испрашивают, дабы по силе Высочайше утвержденного 8-го Ноября 1824 года положения Комитета Господ Министров и в следствие Указа 30 Июня 1825 года оказано было Институту Высочайшее покровительство в знак поощрения учредителей и в воздаяние оказанной преданности Армянского племени.

Я со своей стороны по вступлении в лестное препоручение главного заведывания Институтом, рассмотрев и сообразив все нужные обстоятельства, буду в возможности сделать мое заключение к исходатайствованию и утверждению тех преимуществ, кои следуют и по сущей справедливости и по истинной пользе»[89].

Учитывая ту важность, которую придавал А.Х. Бенкендорф деятельности института Лазаревых, неудивительно его быстрое покровительственное вмешательство в ряде случаев, касавшихся обеспечения пока еще немногих полагавшихся этому учебному заведению привилегий. Так, 9 апреля 1829 г. в письме к московскому военному генерал-губернатору князю Д.В. Голицыну шеф жандармов настоятельно просил положительно решить поднятый Лазаревыми вопрос о про-

Светлейший князь Дмитрий Владимирович Голицын
(1771–1844). Художник Ф. Рисс

длении освобождения института от всех городских повинностей (которыми он пользовался в 1816–1828 гг.). К неприятному удивлению попечителей института, в 1828 г. Московская шестигласная дума и губернское правление распорядились взыскать с него поземельные деньги за 1826, 1827 и 1828 гг. – по 900 рублей за каждый год. Примечательна концовка письма А.Х. Бенкендорфа: *«Прошу вас, милостивый государь, буде вы изволите найтить сие также справедливым, приказать освободить сей Институт от платежа всех повинностей,* ***или же позволить мне утрудить о сем Государя Императора»***[90]. Соответствующее решение московского военного генерал-губернатора не заставило себя долго ждать. Уже 10 мая 1829 г. Московская шестигласная дума получила распоряжение о сложении недоимок, а также об освобождении от городской повинности института Лазаревых[91].

Предписание московского военного генерал-губернатора Московской шестигласной думе, от 10 мая 1829 г. об освобождении от городской повинности Лазаревского института

«Предписываю Градской Думе, числящуюся на доме Московского Армянского Института в недоимке за 1826, 1827 и 1828 годы сумму полупроцентного сбора с пенными на оную деньгами сложить, и из счетов исключить; и как по основанию 4 пункта 11§ Высочайше Конфирмованного 13-го Апреля 1823 года положения все казенные дома и публичные заведения от сбора с оценки освобождены, дом же Армянского Училища не есть здание, частному лицу принадлежащее, но учебное заведение, находящееся под казенным ведением; то по уважению сего и на будущее время дом сей от городских повинностей освободить»[92].

Показателем высокого значения, которое в правительственных кругах придавали Лазаревскому институту, стали приемы в его стенах в 1829 и 1830 гг. делегаций высокопоставленных представителей Персии и Османской империи. Российские власти с удовольствием демонстрировали им учебное заведение, готовившее профессиональных чиновников со знанием восточных языков. В ноябре 1829 г. институт посетил персидский принц Хосров-Мирза со своей свитой. Воспитанники заведения продемонстрировали принцу знание турецкого, армянского и французского языков, обратившись к нему с приветственными речами. Затем Хосров-Мирза обозрел библиотеку, минеральный кабинет и классы[93]. В январе 1830 г. Лазаревский институт посетила группа турецких дипломатов – посланник трехбунчужный паша Гюрджу Халил Рифат, министр султана и хранитель государственной печати Неджиб-эфенди, а также секретарь турецкого посольства Сарим-эфенди. Для турецких дипломатов была произнесена пансионером института князем Григорием Ивановичем Манук-беем на турецком языке речь, в которой кратко излагалась история «возрождения Армян в благотворной России», а также основные вехи

Персидский принц Хосров-Мирза *(1813–1875). Художник В. Берже*

создания и деятельности института. Как отмечалось в «Московских ведомостях», Гюрджу Халил Рифат-паша и Неджиб-эфенди с удовольствием пообщались на турецком языке с преподавателями и воспитанниками, особенно с уроженцами Стамбула (Константинополя). Турецким дипломатам были поднесены эстампы и книги на восточных языках, напечатанные в типографии института[94].

***

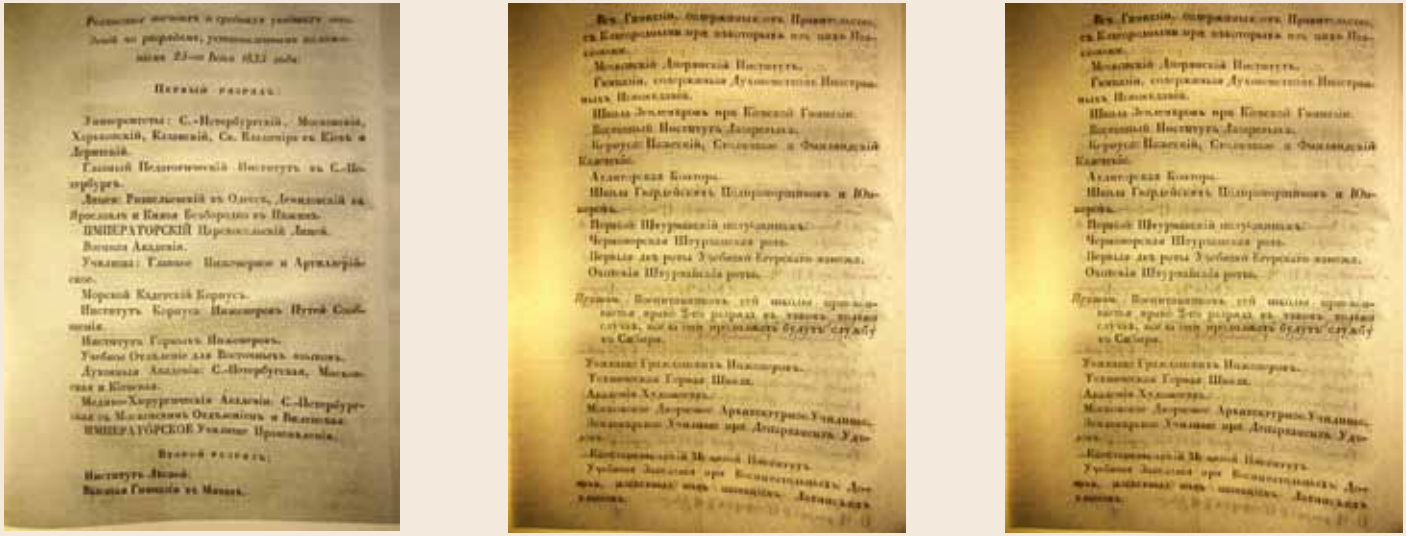
4 октября 1834 г. произошло очень важное для института событие – император Николай I в сопровождении главного начальника училища графа А.Х. Бенкендорфа посетил Лазаревский институт восточных языков.

Из описания посещения императором Николаем I Лазаревского института 4 октября 1834 г.

«Его Величество Государь Император НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ, в сопровождении Главного Начальника Александра Христофоровича Бенкендорфа, соизволил осчастливить Лазаревых Институт Восточных Языков Высочайшим Своим посещением в четвертый день Октября 1834 года во 2-м часу по полудни, и, с свойственным Его Императорскому Величеству благосердием приняв от Командира Института Генерал-майора Римана рапорт о состоянии Института, соизволил обозревать подробно все части сего заведения, основанного и содержимого фамилиею Лазаревых без всякого пособия от Правительства. Во время достопамятнаго посещения, Его Императорское Величество удостоил высокой чести расспрашивать Командира Института Генерал-майора Римана обо всем касающемся до Института, говорить с учителем Турецкаго языка Аракелом Шагумовым и воспитанниками Семеном Кондивцовым, недавно привезенным из Англии, и Тергукасовым, уроженцем Тифлисским. По обозрению Института, Государь Император благоволил изъявить Высочайшее свое удовольствие за устройство и найденный порядок Главному Начальнику Института Г. Генерал-Адъютанту Графу Александру Христофоровичу Бенкендорфу, а вскоре официально объявлено о сем достопамятном для Института событии…»[95].

Визит императора Николая I, который остался доволен состоянием института, найденными здесь дисциплиной и порядком, предвещал близкие преобразования в жизни учебного заведения. Через графа А.Х. Бенкендорфа император объявил *«Высочайшее благоволение Восточному Лазаревых Институту за благоустройство заведения и за пользу, приносимую Институтом»*[96]. В свою очередь главный начальник института в знак своего расположения к подведомственному ему учебному заведению обратился 18 октября 1834 г. в совет Лазаревского института с предложением нашить на воротники мундиров десяти отличившимся в учебе и нравственном поведении ученикам золотые петлицы[97]. Вскоре по пред-

Сергей Семенович Уваров *(1786–1855). Художник В.А. Голике*



Список учебных заведений второго разряда Российской империи. *1835 г.*

ставлению А.Х. Бенкендорфа *«Высочайшими указами были пожалованы чинами, орденами и другими наградами Попечитель, Директор, Командир, Инспектор и другие чиновники «за усердную службу при Институте»*[98].

В середине 1830-х годов под руководством министра народного просвещения С.С. Уварова полным ходом шла реформа учебных заведений Российской империи. Согласно высочайше утвержденному мнению Государственного совета от 25 июня 1834 г. все высшие и средние учебные заведения империи должны были быть распределены по нескольким разрядам. 17 августа 1834 г. министр народного просвещения обратился к графу А.Х. Бенкендорфу с предложением включить состоявший в его ведении Лазаревский институт во 2-й разряд. Получив согласие, С.С. Уваров внес общее представление в Государственный совет[99]. Высочайшим указом от 20 ноября 1835 г., утвердившим расписание высших и средних учебных заведений, Московский Армянский Лазаревых институт восточных языков был помещен во второй разряд наравне с гимназиями, корпусами и институтами[100].

Через некоторое время главный начальник института представил на имя императора докладную записку от 28 июня 1837 г. о даровании Лазаревскому институту прав и преимуществ наравне с учебными заведениями 2-го разряда. Николай I поручил рассмотреть дело института Комитету министров. На заседаниях 3 и 31 августа 1837 г. Комитет, рассмотрев записку графа А.Х. Бенкендорфа и выслушав особое мнение С.С. Уварова, принял решение удовлетворить прошение главного начальника института. Указом Правительствующего сената от 21 октября 1837 г. закрепленные в журнале Комитета министров права Института Лазаревых были подтверждены и обнародованы. Чиновникам и преподавателям были присвоены права действительной государственной службы с присвоением каждой должности в институте соответствующего класса по Табели о рангах.

Из журналов Комитета Министров
3–31 Августа 1837 г.

«Слушаны записка Генерал-Адъютанта Графа Бенкендорфа, от 28 Июля за № 3, 344, о даровании

Московскому Армянскому Лазаревых Институту Восточных языков прав и преимуществ казенных и частных учебных заведений 2-го разряда, и отношение к Управляющему делами Комитета Министров, от 21 июня за № 3,710, по тому же предмету.

Комитет, по рассмотрении сего дела, находил с одной стороны, что Восточный Лазаревых Институт существует более 20 лет, без всяких пособий от Правительства, а с другой, что не только многие частные благотворительные заведения пользуются правами, превосходящими те, кои испрашиваются ныне Институту Лазаревых, но даже и домашние Наставники, Положением 1 июля 1834 года предоставлено право Государственной службы и производства в чины. Посему Комитет, не встречая особенных препятствий присвоить некоторые права и служащим в Институте Лазаревых, соответственно мнению Главного Начальника оного, полагал:

1). Лица, занимающие в Московском Лазаревых Институте Восточных языков нижеследующие должности, считать состоящими в действительной Государственной службе.

2). Должности сии по расписанию должностей Гражданской службы по классам отнести: Попечителя Института к V, Директора к VII, Инспектора классов к VIII, Старших Учителей Словесности, наук и Восточных языков к IX, Младших учителей Грамматики и Европейских Иностранных языков к X, Учителей рисования и чистописания и Комнатных Надзирателей к XII, и Письмоводителя и Экономa к XIV классам.

3). Всем состоящим в сих должностях предоставить право на чинопроизводство по Положению 25 июня 1834 года и дополнительным к оному постановлениям, относя их к тем разрядам, к коим каждый из них по учебному своему аттестату принадлежит.

4). За сим на учителей означенного Института не распространять преимуществ, дарованных особыми постановлениями лицам, служащим по учебному ведомству Министерства Народного Просвещения.

Заключение сие Комитет имел счастие повергнуть на Высочайшее ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА разрешение, донося, что Управляющий Министерством Народного Просвещения по делу сему остался при особом мнении, изложенном в отзывах Тайного Советника Уварова к Генерал-Адъютанту Графу Бенкендорфу.

На сие положение Комитета последовало собственноручное ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА повеление: "Быть по мнению Комитета".

Комитет в заседании 31 Августа определил: сообщить о том Генерал-Адъютанту Графу Бенкендорфу к исполнению выпискою из журнала.

На подлинном подписано: Управляющий делами Комитета, Статс-Секретарь Бахтин»[101].

Добившись для Лазаревского института прав учебных заведений 2-го разряда, главный начальник занялся приведением в порядок его внутреннего распорядка. В отношении от 30 сентября 1837 г. граф А.Х. Бенкендорф предписал совету института *«учинить все зависящие распоряжения, равно в точность соблюдать и исполнять все те правила, которые законом и указами повелены для всех учебных заведения второго разряда»*. Для приведения внутреннего распорядка института в соответствие с общеимперским законодательством главный начальник предложил взять за основу изданное в 1830 г. «Постановление Восточного Лазаревых института». Для начала же граф А.Х. Бенкендорф обратил внимание Совета на необходимость в определенные законом сроки обязательно представлять Министерству народного просвещения сведения и отчеты по учебной части. Соответственно попечителю и совету теперь

СОБРАНІЕ
высочайшихъ
УКАЗОВЪ И АКТОВЪ,
1839.

Титул книги «Собрание высочайших указов и актов, относящихся до Московского Армянского Лазаревых Института Восточных языков». СПб., 1839

разрешалось пользоваться печатью с изображением Государственного герба и учебными атрибутами. Кроме того, главный начальник института указал на обязательность ношения форменной одежды воспитанниками и пансионерами *«для приличия и единообразия»*[102].

Сама работа над приведением в соответствие «Постановления...» института с указами и законами об учебных заведениях 2-го разряда вызвала ряд новых вопросов. Уже устоявшаяся структура управления институтом несколько отличалась от принятой в гимназиях, лицеях и корпусах. Соответственно, необходимо было законодательно подтвердить эти особенности. В первую очередь речь шла о закрепленном в «Постановлении...» правиле о передаче по наследству в фамилии Лазаревых звания и должности попечителя института. Также необходимо было добиться разрешения на существование в институте такой структуры, как совет, куда входили попечитель, директор, инспектор и некоторые из старших учителей. Кроме того, Лазаревы хотели законодательно закрепить правило об обязанности воспитанников, окончивших институт с отличием, прослужить в нем после окончания шесть лет в должностях старших и младших учителей. Оставались и другие вопросы. Кому начальство института должно было направлять финансовые отчеты? Должен ли врач при больнице института считаться государственным служащим (поскольку он не был упомянут в предыдущем указе)? Какие мундиры должны были теперь носить преподаватели и чиновники института?

Все эти вопросы граф А.Х. Бенкендорф внес на рассмотрение Комитета министров. Новое ходатайство встретило сопротивление со стороны министра народного просвещения: С.С. Уваров в очередной раз указывал на ненадежность финансовых источников содержания института[103]. В реальности, скорее всего, речь шла просто о ведомственной ревности. Министерство не хотело мириться с существованием учебного заведения, которое находилось лишь под номинальным его ведением и отличалось от других образовательных учреждений Российской империи особым порядком управления и учебной программой. Тем не менее Комитет министров пошел навстречу главному начальнику института графу А.Х. Бенкендорфу. Высочайше утвержденным журналом Комитета министров от 29 марта и 26 апреля 1838 г. за институтом были утверждены все испрошенные дополнительные права.

Лазаревский институт. *Литография*

Из журналов Комитета министров о дополнительных правах, пожалованных Лазаревскому институту, от 29 марта и 26 апреля 1838 г.

«...Комитет считал, что хотя с одной стороны нельзя не признать справедливости замечаний Министерства, но с другой не возможно не принять в уважение, что пожертвования учредителя и его наследников заключающиеся в наличном капитале, строениях и разных к заведению принадлежностях, простираются до весьма значительной суммы; что помянутый Институт, возвышаясь беспрерывно в благосостоянии своем, в продолжении 22-летнего своего существования содержался исключительно собственными средствами и успел уже оказать пользу и что по сей причине, не только не может быть ни какого опасения на счет дальнейшего существования оного, напротив предполагать должно, что заведение сие особенно при ближайшем надзоре за ним Правительства, постепенно приходить будет в лучшее положение. Обстоятельства сии конечно не дают Институту права пользоваться всеми вообще преимуществами, предоставленными казенным учебным заведениям, но тем не менее нельзя отказать в даровании оному некоторых из просимых преимуществ, и особенно таких, которыя не составляя исключительно принадлежности казенных учебных заведений будут служить знаком обращаемого Правительством на сие заведение внимания и могут доставить оному вящие способы к своему усовершенствованию.

Комитет в дополнение положения своего, Высочайше утвержденного 31 Августа 1837 года, полагал:

1). Оставя Институт Лазаревых в общем заведывании Министерства Народного Просвещения, дозволить учредить при оном для управления по части устройства внутреннего, учебного и хозяйственного, особый Совет на правилах, коим имеют быть преподаны для сего Главноуправляющим над Институтом, составя Совет сей из Попечителя, Директора, Инспектора и некоторых Старших Учителей.

2). Звание Попечителя присвоить старшему в роде Лазаревых, но с тем, чтобы он утверждаем был в сем звании не прежде, как по достижении надлежащего чина и чтобы при несовершеннолетии его попечительство над Институтом поручаемо было учрежденной над ним опеке; в случае же пересечения сего рода, в звание Попечителя назначить одного из ближайших родственников Лазаревых или избрать другое лице Армянского происхождения…

3). О назначении Попечителя представлять на Высочайшее утверждение; определение же Директора и прочих чиновников при Институте предоставить Попечителю и Совету оного с утверждения Главначальствующего.

4). Отчеты о приходе и расходе сумм, присвоенных Институту из процентов с пожертвованных учредителями и их наследниками капиталов и из особых доходов, равно как по нравственной и учебной части, по окончании года представлять чрез Попечителя и Совет Главному Начальнику Института и Министерству Народного Просвещения…»[104].

Комитет министров обязал воспитанников после окончания института прослужить в нем шесть лет в должностях старших и младших учителей. При этом Комитет министров поставил условие, что занять должность учителя воспитанник мог только после окончания с успехом полного курса университета, а также сдачи испытания для получения «надлежащей ученой степени». Положительно был решен вопрос о форменной одежде преподавателей и учащихся института, что являлось важным внешним признаком того, что институт приобрел официальный статус. Попечителю, директору, инспектору, учителям и другим чиновникам института разрешалось носить мундир и

мундирные фраки того же фасона, который носили в гимназиях Московского учебного округа, с той разницей, что на пуговицах должен был быть не губернский, а государственный герб. В отношении шитья на мундире попечитель института был уравнен с почетным попечителем гимназии. Учащимся института предписывалось носить мундир темно-зеленого цвета с красным кантом, со стоячим воротником черного цвета и желтыми пуговицами с государственным гербом[105].

Одновременно Комитет министров, очевидно, по настоянию министра народного просвещения, отклонил ходатайство начальства института о дозволении выпускать воспитанников, обучавшихся греческому языку, с чином IV класса. Кроме того, в журнале Комитета были скрупулезно перечислены те параграфы устава гимназий и училищ, утвержденного 8 декабря 1828 г., которые не могли быть распространены на Лазаревский институт. В заключение журнала Комитет министров, очевидно, желая предотвратить новые ходатайства о расширении прав института, жестко подчеркнул: *«Засим никаких более прав и преимуществ Институту сему не представлять и всякое о том домогательство на будущее время устранять»*[106].

Несмотря на первоначальное недоверие министра народного просвещения С.С. Уварова к Лазаревскому институту, его отношение к учебному заведению постепенно смягчилось. В мае 1838 г. министр *«по случаю отсутствия Главноначальствующего над Московским Лазаревых Институтом»* лично направил попечителю Лазаревского института Ивану Екимовичу Лазареву составленное в министерстве *«росписание Института по разрядам мундиров»*[107]. В феврале 1839 г. министр на основании положения Комитета министров предписал попечителю предоставить отчеты о финансовой, а также учебной деятельности института для внесения в общий ежегодный отчет Министерства народного просвещения[108]. Руководство Лазаревского института незамедлительно исполняло все требования министерства. 17 июня 1840 г. С.С. Уваров *«изволил почтить Институт восточных языков своим посещением»*. Очевидно, министр решил устроить инспекцию институту, который вызывал у него определенное неприятие. Как следует из рапорта командира института генерал-майора П.П. Римана графу А.Х. Бенкендорфу, проверка окончилась благополучно, поскольку С.С. Уваров убедился в основательности даваемого в институте образования в рамках гимназической программы.

Вид на резиденцию патриарха в Эчмиадзине.
Гравюра из многотомного издания L'Univers Pittoresque. Париж, 1838 г.

Из рапорта командира Лазаревского института генерал-майора П.П. Римана главному начальнику института графу А.Х. Бенкендорфу

«1840 года Июня 17-го Его Высокопревосходительство Г. Министр Народного Просвещения Сергей Семенович Уваров изволил почтить Институт восточных языков своим посещением. Прежде всего, Г. Министр изволил войти в залу собрания, где выстроены были воспитанники всех классов. Тут приказал сделать в присутствии своем испытания старшим ученикам из некоторых предметов: Истории Русской и Всеобщей, Латинского, Немецкого и Восточных

языков, при чем сам воспитанникам делал вопросы, на которые они, к удовольствию его, отвечали удовлетворительно. При сем находился профессор Давыдов, заведывающий учебною частью и некоторые преподаватели. После Г. Министр присутствовал в столовой за обедом воспитанников. Прощаясь с начальствующими лицами и преподавателями Института Его Высокопревосходительство за все благоустройство изъявил полное свое удовольствие»[109].

Одной из особенностей учебного заведения Лазаревых с первых дней существования являлась подготовка в его стенах будущих священнослужителей армяно-григорианского исповедания. В связи с успешным завершением интеграции Лазаревского института в систему учебных заведений Российской империи его руководство решило придать официальный статус обучению армянских воспитанников, готовившихся принять духовное звание, для чего планировалось учредить при институте Духовное отделение[110]. Составленный проект был сначала направлен на рассмотрение в Эчмиадзинский Армяно-григорианский синод, который своим постановлением от 21 июля 1839 г. его одобрил, а затем направил управляющему Министерством внутренних дел графу А.Г. Строганову[111]. После внесения уточнений, предложенных главным начальником института графом А.Х. Бенкендорфом, министром народного просвещения С.С. Уваровым, а также Министерством внутренних дел, проект *«правил Духовного отделения»* поступил на рассмотрение Комитета министров. 31 января 1841 г. был высочайше утвержден журнал заседания Комитета министров от 21 января того же года, в котором министры высказали одобрение прошению Эчмиадзинского синода[112]. Духовное отделение Лазаревского института предназначалось для детей несостоятельной части духовенства, которые могли приобрести хорошее образование, сочетавшее светские и богословские дисциплины.

Граф Александр Григорьевич Строганов
(1795–1891). Литография

В отделение принималось ежегодно от 15 до 20 воспитанников, которым кроме общих предметов читались особые лекции по догматическому богословию Армяно-григорианской церкви, курс толкования Священного Писания, а также объяснение литургии и церковная история. Специально для размещения духовного отделения было решено расширить помещения института, соединив два флигеля с главным корпусом галереями.

Правила об учреждении при Лазаревском институте «особого отделения для воспитания Армянского юношества из духовного звания». 31 января 1841 г.

«§ 1. Для достижения цели правительства к улучшению состояния Армянской Церкви и образованию духовенства оной, учреждается при Лазаревых Институте Восточных языков в Москве особое отделение, посвященное собственно на приготовление юношей из духовного сословия Армянского исповедания к поступлению, или в духовное звание, или учителями

в Армянские Семинарии по епархиям, или же в должности по Эчмиадзинскому Армяно-Григорианскому Синоду, Армянским Консисториям и Духовным Правлениям. В сем отделении состоит от 15 до 20 воспитанников.

§ 2. Для тех из воспитанников, кои по предназначению начальства Института, преимущественно посвятят себя духовному званию, сверх предметов, по уставу Института положенных, назначаются особенные лекции.

§ 3. Лекции сии заключают в себя: курс Догматического Богословия, согласно правилам вероисповедания Армяно-Григорианской Церкви, курс толкования Священного Писания, объяснение литургии и Церковной Истории. Сверх того объясняются обязанности истинного пастыря церкви к своему сану, правительству и к людям вообще…

§ 6. Для достижения цели, предполагаемой учреждением сего нового отделения, Армяно-Григорианские церкви в обеих столицах и Московский Лазаревых Институт соединяются под одно общее в хозяйственном отношении управление…

§ 15. По соединении таким образом С. Петербургских и Московских Армянских церквей и Лазаревых Института под одно общее в хозяйственном отношении управление, потребная часть из доходов Армянских церквей в обеих столицах, преимущественно церквей С. Петербургских, ежегодно обращается на содержание духовного отделения при Институте…»[113].

В том же 1841 г. в институте было решено открыть пятый класс. В постановлении совета института говорилось: *«Для расширения пределов классов в Институте и для доставления оному всех способов к существованию и процветанию наравне с лучшими учебно-воспитательными заведениями Совет Института положил открыть в сем году пятый высший класс; попечитель и директор определили и сумму на*

ВЫСОЧАЙШИЕ
УКАЗЫ И АКТЫ,
АРМЯНО-ГРИГОРИАНСКАГО ИСПОВѢДАНІЯ
РОССІИ
МОСКВА
1842.

Титул книги «Высочайшие указы и акты, относящиеся до церквей армяно-григорианского исповедания в России и до особого духовного отделения при Московском Армянском Лазаревых Институте Восточных языков, с обзором основания Армянских церквей в столицах и учреждения института». М., 1842

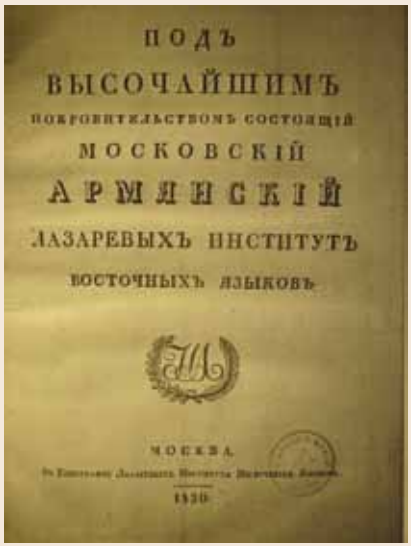
таковое расширение здания»[114]. Удлинение учебного курса еще на один класс позволяло значительно улучшить преподавание, более равномерно распределив нагрузку между классами. По мнению попечителя Ивана Екимовича и директора Христофора Екимовича Лазаревых, теперь институт мог *«надежнее приготовлять воспитанников своих к университету»*[115].

§ 5. Структура, управление, состав учащихся Лазаревского института в 1830-е – 1840-е гг.

К середине 1840-х годов Лазаревы благодаря эффективному управлению и значительным финансовым вливаниям смогли превратить основанный ими институт в одно из лучших средних учебных заведений

Российской империи, сохранив при этом своеобразие учебной программы. Лазаревы рассматривали институт в числе прочего *«как центральное главное заведение Армянского народа для прочих училищ сей нации»*. Перед институтом ставилась и научная цель – *«употреблять зависящие от него средства… к умножению сведений о народах и странах Азийских»*[116]. Постоянно подчеркивалась Лазаревыми и задача формирования в стенах института новой армянской элиты в рамках элиты Российской империи, которая могла бы стать своего рода посредником в отношениях России с народами и государствами Востока. *«Юношество Армян, обитающих под покровительством России и усердную преданность новому своему Отечеству оказавших, получив образование в национальном центральном учебном заведении, в скором времени соединится с коренными Россиянами. Из разных Южных городов Империи и из новопокоренных Областей Армении, даже из отдаленных других стран, сыны ея стекаются в Россию. Рассадник сей образует в себе семя, от которого торговля и политика сближением с народами Азийскими могут пожать свои плоды»*, – говорилось в опубликованном в 1830 г. «Постановлении Московского Армянского Лазаревых института восточных языков»[117].

К 1830 г. сформировалась и в целом устоялась структура управления институтом. Находясь под общим ведением Министерства народного просвещения, институт в то же время состоял «под высочайшим покровительством» и непосредственно подчинялся главному начальнику, который назначался особым указом императора. В 1825–1827 гг. эту должность исполнял генерал от артиллерии граф А.А. Аракчеев, затем, в 1828–1844 гг., – генерал от кавалерии граф (с 1832 г.) А.Х. Бенкендорф. Следующим в иерархии шел попечитель института, должность и звание которого должны были передаваться старшему представителю рода Лазаревых, а в случае пресечения мужской линии звание попечителя должно было перейти к ближайшим родственникам армяно-григорианского вероисповедания. В том же случае, если не осталось бы и родственников, то попечителя над-


ПОДЪ
ВЫСОЧАЙШИМЪ
ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ СОСТОЯЩІЙ
МОСКОВСКІЙ
АРМЯНСКІЙ
ЛАЗАРЕВЫХЪ ИНСТИТУТЪ
ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ
МОСКВА.
1830

Титул книги «Под высочайшим покровительством состоящий Московский Армянский Лазаревых Институт Восточных языков». М., 1830

ПОСТАНОВЛЕНІЕ
МОСКОВСКАГО
АРМЯНСКАГО
ЛАЗАРЕВЫХЪ ИНСТИТУТА
ВОСТОЧНЫМЪ ЯЗЫКОВЪ
ГЛАВА ПЕРВАЯ.
СОСТАВЪ, ЦѢЛЬ И ОБЩЕЕ ОСНОВАНІЕ.

«Постановление Московского Армянского Лазаревых Института Восточных языков». 1830 г.

лежало избрать из числа армян с согласия армянского епархиального архиепископа[118]. Попечителями института состояли Еким Лазаревич Лазарев (1815–1826 гг.) и Иван Екимович Лазарев (1826–1858 гг.).

Все управление Лазаревским институтом по внутренним учебным и хозяйственным вопросам осуществлялось через совет, который возглавлялся попечителем, а в его отсутствие директором. Входившие в совет директор, инспектор, двое из старших преподавателей, а также двое приглашенных из числа родителей или родственников воспитанников института назывались действующими членами. Совет рассматривал и решал вопросы определения набора предметов в каждом из классов, способов преподавания, выбора учебников, распределения учебного времени, приема в институт новых воспитанников, а также назначения выпускаемым из института воспитанникам степеней, выдачи наград и аттестатов. Совет также решал различные хозяйственные вопросы, в том числе изыскания финансовых средств на содержание института. Один раз в неделю совет собирался на заседание, во время которого обязательно велся журнал[119].

Непосредственным начальником института считался директор, кандидатура которого избиралась попечителем, а затем представлялась на утверждение главного начальника. При выборе кандидата на должность директора во внимание принимались не только его качества как администратора, но также научные познания. Директор обязан был делать ежемесячные доклады попечителю о ходе дел в институте, на основе которых уже составлялись ежегодные отчеты, представлявшиеся главному начальнику, а также по ведомству Министерства народного просвещения. В 1818–1848 гг. должность директора института исполнял Христофор Екимович Лазарев[120].

Ближайшим помощником директора института являлся инспектор; до середины 1820-х годов эта должность также называлась «ректор». Согласно правилам он избирался директором и должен был *«быть сведущ в науках и некоторых языках, примерной нравственности, тверд в Христианских правилах и деятелен»*. Как правило, инспектор помимо своих административных обязанностей также преподавал какую-либо из учебных дисциплин[121]. В 1815–1822 гг. должность ректора занимал архимандрит Серовбе (Серафим) Карнеци, который разработал устав 1817 г. и правила училища 1818 г. Его сменил Микаел (Михаил) Салатьян (1822–1826 гг.). В «Обзоре Лазаревского института» о нем говорилось следующее: *«Вместо вышеписанного* (Серафима Карнеци. – *М.В.*) *поступил известный ученый и первый арменист Архимандрит Михаил Салатьян, оказавший значительные успехи в образовании юношества, особенно в Армянской словесности. При нем напечатаны труды его питомцев, его учеников. Сей Архимандрит Михаил принес очевидные плоды…»*[122]. Затем непродолжительное время должности инспекторов исполняли: по учебной части – ординарный профессор Московского университета Дмитрий Ефимович Василевский (1826–1828 гг.), а по хозяйственной – полковник Пребстинг. В 1828–1832 гг. должность инспектора занимал профессор Казанского университета Иван Федорович Краузе, *«успешно действовавший как по учебной, так и по распорядительной части»*[123]. Его на долгие 10 лет (1832–1842 гг.) сменил ординарный профессор Московского университета статский советник Иван Иванович Давыдов. В своем «Историческом очерке Лазаревского института…» профессор А.З. Зиновьев дал следующую характеристику деятельности И.И. Давыдова: *«В продолжении нескольких лет, следя за ходом учения и за преподаванием всех предметов, постоянно посещая классы, присутствуя на всех экзаменах и в педагогических совещаниях, он вполне удовлетворял отеческой заботливости основателей. В это время составлен конспект учебных предметов,*

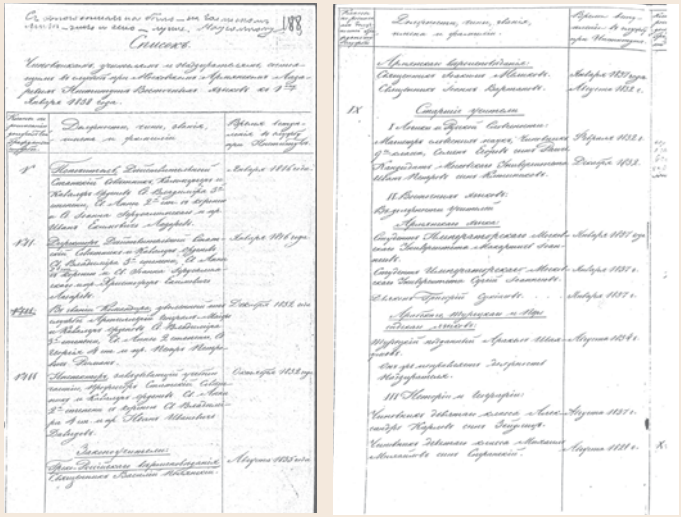
Иван Иванович Давыдов *(1794–1863). Литография*

избраны лучшие руководства и опытные наставники, и вообще учебная часть приведена в систему; словом, в учебном и педагогическом отношениях Институт уже не уступал ни одному из Московских равностепенных с ним училищ»[124].

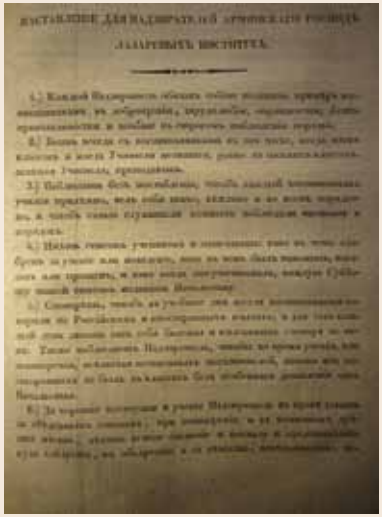
В помощь И.И. Давыдову инспектором по хозяйственной и распорядительной части сначала был в 1832 г. определен преподаватель немецкого языка Франц Карлович Шлейхер (занимал должность около года), а затем генерал-майор Петр Петрович Риман, должность которого по личному распоряжению императора Николая I в 1834 г. стала называться «командир института». В «Обзоре Лазаревского института» говорилось: *«Когда Государь Император Николай I-й осчастливил Высочайшим посещением Лазаревский Институт, в сопровождении Генерал-Адъютанта Графа Бенкендорфа, тогда вместо названия Инспектора или Управляющего, Высочайше было повелено Генерал-Майору Риману называться, как военному, Командиром Института. Он заведывал всею хозяйственною и распорядительною частию, а Профессор и Академик Статский Советник Давыдов был назначен Инспектором Института по учебной части. При этом совокупном управлении Институт процветал и увеличивался как в систематическом курсе правильных преподаваний, так в полном комплекте учащихся, особенно возрастало число своекоштных платящих пансионеров разных наций… Около 12-ти лет продолжалось это местное Управление…»*[125]. В 1842–1848 гг. инспектором был профессор Московского университета Федор Лукич Морошкин[126].

В штат института входили также законоучителя православного и армяно-григорианского вероисповеданий, старшие и младшие учителя, надзиратели, доктор или штаб-лекарь, эконом (экзекутор), письмоводитель, бухгалтер, цензор и распорядитель типографии института. Все они избирались или увольнялись советом, решения которого утверждались попечителем. Помощниками директора и инспектора являлись надзиратели – *«люди испытанной нравственности, с достаточными сведениями в науках и свободно объясняющиеся на Французском, Немецком или на одном из Восточных языков»*. Надзиратели должны были безотлучно находиться при воспитанниках и пансионерах в свободное от учебы время. Они имели общий стол с воспитанниками, присутствовали при подготовке уроков, дежурили ночью в комнатах, наблюдая за всеми их действиями и поступками. Надзиратели вели дневные записи о поведении и прилежании воспитанников, на основе которых составлялись еженедельные ведомости для сведения начальства института[127]. Хозяйственную часть

Федор Лукич Морошкин *(1804–1857)*



Список чиновников Лазаревского института за 1838 г.
РГИА Ф. 880. Оп. 5. Д. 154. Л. 188–189 об.



Наставление надзирателям Лазаревского института. *1830 г.*

учебного заведения вел эконом, который одновременно исполнял обязанности экзекутора. В правилах института особенно подчеркивалось, что главной его обязанностью являлись *«деятельность, бескорыстие и усердие к пользам Института»*. В его ответственность входила вся материальная сторона института, *«в провизии и вещах заключающаяся»*[128]. При институте действовала больница под надзором «опытного Доктора», которому помогали фельдшер и смотрительница («кастелянша»)[129].

Преподавательский состав института Лазаревы старались формировать из профессуры и преподавателей Московского университета и других государственных учебных заведений, а также из числа собственных выпускников. Преподавание армянского богословия, риторики и логики, как правило, вел викарный архимандрит московских армянских церквей[130]. К старшим учителям относились преподаватели богословия и Закона Божия, наук словесных, нравственно-политических, физико-математических, восточных языков; к младшим учителям – преподаватели нижнего и приготовительного классов, а также преподаватель искусств.

Дети принимались в институт в возрасте от 10 до 14 лет один раз в год. При поступлении в совет института подавалось прошение и свидетельства: о крещении; о происхождении; о прививке оспы от врача. От поступающих детей требовались начальные познания Закона Божия, чтения, письма и арифметики. Детей принимали не только в первые классы, их могли принять сразу в средние классы по результатам экзамена, сданного преподавателю института в присутствии инспектора. В то же время существовало правило, согласно которому ученики, принимавшиеся во второй средний класс, должны были быть не моложе 11 лет.

С 1830 г. в Лазаревском институте ежегодно могли одновременно учиться до 100 и более учеников (совокупно по всем классам), которые делились на две группы: воспитанников и пансионеров, помещавшихся в отдельных спальных помещениях. Из числа воспитанников в институт принималось от 30 до 40 детей армян, которые содержались исключительно за счет пожертво-

ванного Лазаревыми капитала, а также за счет особых доходов учебного заведения. В их числе обязательно были 10 воспитанников из семей несостоятельного армянского духовенства. Эти ученики, окончив институтский курс, обязаны были поступить в духовное звание. Остальные воспитанники-армяне также избирались советом из числа детей малосостоятельных лиц. При этом совет института вынужден был требовать предварительного представления свидетельства от местных духовных или гражданских властей о материальном состоянии семьи. Окончившие институт воспитанники на основании правил казенных учебных заведений *«в знак признательности за образование»* должны были прослужить шесть лет в должности учителей либо при Лазаревском институте, либо в других армянских училищах на территории Российской империи[131]. Лазаревский институт отправлял своих выпускников в армянские школы Астрахани, Тифлиса, Новой Нахичевани и многих других городов. С просьбой прислать учителей обращались в институт даже из Персии и Египта[132].

Помимо детей из армянских семей в Лазаревский институт принимали на платной основе *«разных наций пансионеров, полупансионеров и приходящих учеников»* из семей дворян, чиновников и лиц других свободных состояний. Полные пансионеры, находившиеся в институте постоянно, платили 750 рублей в год. Полупансионеры платили 450 рублей в год и оставались в институте лишь днем, *«находясь только при обыкновенных классических учениях, имея один обеденный стол и получая классические потребности»*. Ученики, приходившие только на занятия, платили по 250 рублей. Пансионеры, полупансионеры и приходящие ученики армянского происхождения платили меньше – 650 рублей, 350 рублей и 150 рублей ассигнациями соответственно[133].

Согласно «Постановлению...», действовавшему с некоторыми изменениями в 1830–1848 гг., в Лазаревском институте преподавали следующие дисциплины:

Закон Божий Греко-Российского и Армянского вероисповеданий;

Науки нравственно-политические: а) Логика и нравоучение; б) Политическая история и Статистика;

Науки Физико-Математические: а) Арифметика, Геометрия, Тригонометрия и Алгебра; б) Физика и Натуральная История;

Науки словесные: а) Грамматика и Риторика; б) История, География и Древности;

Языки:

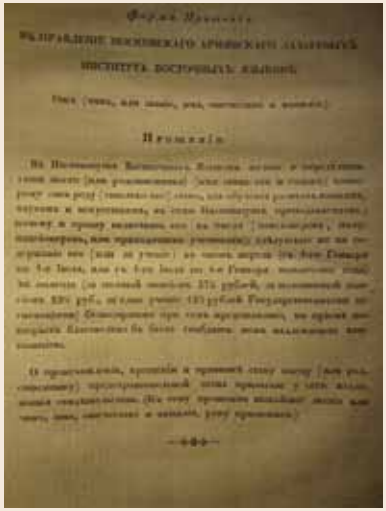
А. Европейские: 1. Российский, 2. Латинский, 3. Французский, 4. Немецкий;

Б. Азиатские: 1. Армянский, 2. Арабский, 3. Турецкий, 4. Персидский;

6. Изящные Искусства: а) Чистописание, b) Рисование, c) Черчение планов, d) Танцование и e) Музыка[134].

Пансионеры и полупансионеры за отдельную плату могли обучаться фехтованию и получать дополнительные занятия по музыке[135]. Для воспитанников, которые готовились к принятию духовного звания, были введены дополнительные лекции по *Догматическому богословию* и *Церковной истории*. Воспитанники, готовившиеся стать учителями, получали возможность приобрести первый опыт преподавания, проводя занятия для нижних классов института[136].

Согласно «Положению…» 1830 г. полный учебный курс в Лазаревском институте составлял семь лет и делился на четыре разряда: высший, средний, нижний и приготовительный. По два года воспитанники и пансионеры института учились в приготовительном, втором и третьем классах, один год – в четвертом классе. После преобразований в 1837 и 1838 гг. учебный курс сократился до шести лет: в первом приготовительном классе воспитанники учились два года, во втором классе – два года, в третьем и четвертом – по одному году[137].



Форма прошения о зачислении в Лазаревский институт. *1830 г.*

Учебный год длился одиннадцать месяцев, до июля, который «по общему положению, назначался для отдыха». Кроме воскресных и табельных (праздничных) дней учебный день длился с 8 до 12 и с 14 до 18 часов и имел жесткий распорядок. В 5 часов утра ученики вставали, умывались, одевались. В 6 часов их собирали на молитву, в 7 часов ученики завтракали, а затем шли повторять уроки, в 8 часов начинались занятия в классах. С 12 до 14 часов ученики обедали, отдыхали, а затем шли заниматься гимнастикой, после чего снова готовились к урокам. После занятий в классах с 14 до 18 часов следовали полдник, отдых и прогулка. С 19 часов ученики должны были повторять уроки. В 20 часов следовал ужин, затем вечерняя молитва[138].

Руководство института тщательно следило за успеваемостью учеников. В каждом классе велась книга, находившаяся в ведении инспектора, куда учителя обязаны были по окончании занятия записывать как «отличнейших в благонравии и успехах», так и «ленивых и худого поведения». Впрочем, следили не только за учениками. Инспектор должен был ежедневно посещать классы и следить за тем, чтобы учителя, *«следуя в преподаваниях определенным для каждого предмета руководствам, непременно оканчивали курс»*. Он также должен был обращать внимание на то, чтобы учителя *«не занимались предпочтительно некоторыми учениками по какому-либо пристрастию и обращали особенное внимание на малоуспевающих»*. Время прихода и ухода каждого учителя в классы отмечалось в особых журналах. За отсутствие без уважительной причины учителям делались замечания, а также осуществлялись вычеты из жалованья[139].

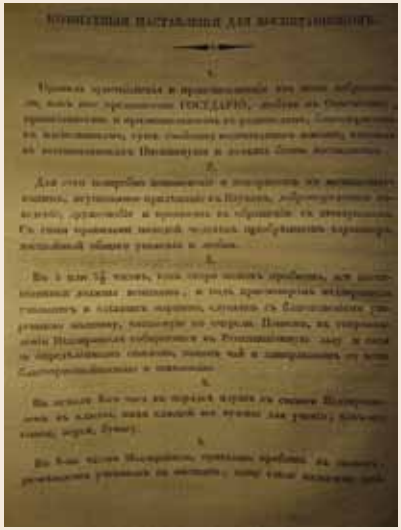
В «Постановлении Московского Лазаревского института восточных языков» особо оговаривались следующие принципы: *«Главный предмет учения должен состоять в раскрытии и образовании способностей юношей; потому не довольно одних объяснений, нужно возбуждать собственное действие ума учащихся, заставлять самих учеников рассуждать, повторять сказанное и потом уже, когда они совершенно ясно и подробно поймут предложенное, далее продолжать лекции»*[140]. Учителя подробно инструктировались относительно формы и содержания занятия. В их задачи входило внушить ученикам, что *«преподавание их есть только руководство, познание же приобретается не иначе, как собственными усилиями»*. Преподавателю надлежало учитывать возраст учеников и их способности. В нижних классах рекомендовалось больше объяснять и чаще повторять, но при этом стараясь через вопросы и задания побуждать самих детей рассуждать и соображать. В высших классах усилия учителя по развитию самостоятельного мышления учеников должны были быть удвоены. Особо оговаривалось, что *«простое диктование уроков, служащее лишь к механическому затверженію наизусть, бесполезно»*. Преподавателям необходимо было обращать особенное внимание на малоуспевающих, а также снисходительно относиться *«к слабостям, к недостатку способностей и к неумыш-*

ленным проступкам». В то же время снисходительность не должна была *«быть похожа на пристрастие или излишнее мягкосердечие»*, а строгость преподавателей иметь вид *«запальчивости или суровости»*[141].

После летних каникул в июле ученики сдавали в присутствии попечителя, директора и инспектора экзамены за прошедший учебный год. По результатам испытаний составлялся список учеников для перевода в следующий класс. Двух или трех наиболее отличившихся учеников награждали похвальными листами и книгами *«за печатью Института и подписью Попечителя, Директора и Инспектора»*. В случае если воспитанник или пансионер не мог более оставаться в институте, но при этом имел явные успехи в науках и языках, ему выдавалось свидетельство об обучении в институте за подписью директора и инспектора. Воспитанники, которые не смогли продемонстрировать никаких успехов в течение двух лет (пансионеры – трех лет), исключались из института без всякого свидетельства. После окончания годовых или выпускных экзаменов назначался день, на который приглашались родители и родственники учащихся, гости из числа представителей военных, гражданских и духовных властей Москвы, профессуры Московского университета. В этот день на ежегодном Торжественном акте учителя и ученики произносили сочиненные ими на разных языках речи, а затем отличившимся за год ученикам вручались аттестаты и награды[142].

§ 6. «К распространению знаний Восточных языков». Теория и практика преподавания восточных языков в Лазаревском институте

Несмотря на то что главной отличительной особенностью учебной программы Лазаревского института являлось, несомненно, преподавание в нем восточных языков, до 1848 г. оно не считалось обязательным. Только армянские воспитанники в обязательном порядке должны были изучать армянский язык на протяжении всего институтского курса. Что касается преподавания воспитанникам трех других языков — арабского, персидского и турецкого, то оно велось *«по назначению Начальства Института, смотря по способностям каждого»*. Пансионерам и полупансионерам было предоставлено право выбора в отношении их изучения. В зависимости от способностей, пожеланий родителей и разрешения начальства института они могли выбрать для изучения некоторые из восточных языков. В этом случае учащийся освобождался от изучения немецкого языка, но был обязан, как и все прочие пансионеры, изучать полный курс остальных предметов[143].

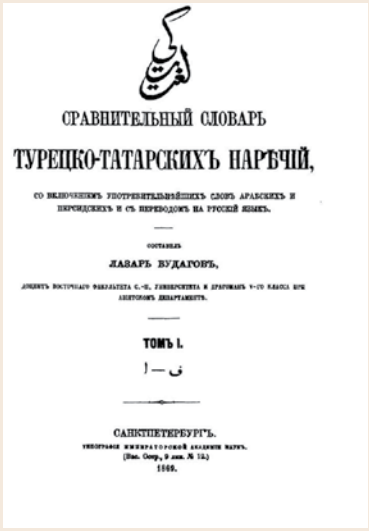


Комнатные наставления воспитанникам Лазаревского института. *1830 г.*

Программа изучения восточных языков строилась руководством института на следующем принципе: *«Изучение восточных языков для легчайшего способа начинается с молодых лет учащихся»*. Жестко определялся порядок изучения языков. В «Постановлении институ-

КРАТКІЙ
РОССІЙСКО-АРМЯНСКІЙ
СЛОВАРЬ,

Титул книги «Краткий Российско-Армянский словарь, сочиненный армянским священником Артемием Аламдаровым». М., 1821


СРАВНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ
ТУРЕЦКО-ТАТАРСКИХЪ НАРѢЧІЙ,
ЛАЗАРЬ БУДАГОВЪ,
ТОМЪ I.
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Титул книги «Сравнительный словарь Турецко-Татарских наречий». Том I. СПб., 1869

та» 1830 г. говорилось: *«Должно начинать с Арабского, как основания обоих других. Через два года после Арабского следует приступить к изучению Персидского и потом чрез год заниматься Турецким, начиная с Грамматики и продолжая упражнениями в чтении лучших писателей, разговорах и сочинениях»*[144]. Соответственно этому правилу выстраивался и учебный план. Так, армянский язык воспитанники начинали изучать с первого нижнего класса. С третьего класса начинали заниматься арабским и персидским языками, с четвертого класса – турецким языком.

Особо следует отметить, что основной акцент в обучении восточным языкам делался на практическое овладение ими, тогда как изучению теории отводилась вспомогательная роль. Лекции *«Восточных языков»*, включавшие в себя *«общий взгляд на Историю, Географию и Литературу Армян, Арабов, Персов и Турок, равно и прочих Восточных Народов, вводились факультативно, «для усовершенствования… по мере надобности в то время, когда воспитанники, оказав уже успехи, приготовятся к окончательному курсу наук и Восточных языков»*[145]. В практическом же освоении восточных, как и других иностранных языков большую роль в институте играли внеклассные занятия. *«Познание иностранных языков сверх обучения в классах укрепляется изустным употреблением в комнатах, чему особенно способствуют надзиратели, объясняясь с воспитанниками на иностранных языках и исправляя делаемые ими в разговорах погрешности»*, – говорилось в институтских правилах[146].

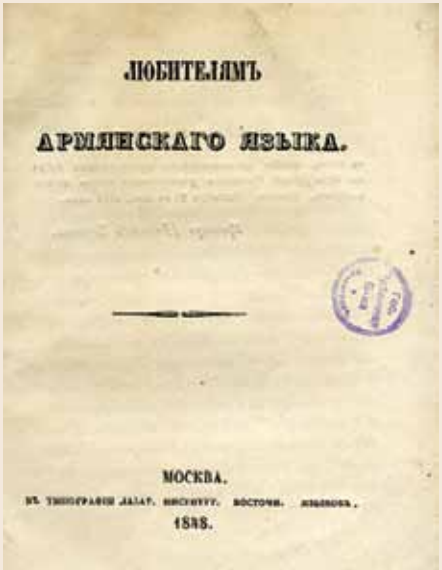
Необязательность изучения восточных языков вела к тому, что общее число лиц, их изучавших, было в несколько раз меньше общей численности учащихся. Так, в 1837 г. из 88 учащихся восточными языками занимались всего 8 человек. В 1848 г. из 30 учащихся первого класса 16 изучали по одному восточному языку, во втором классе из 22 учащихся один занимался тремя языками, 8 учеников – одним; в третьем классе из 24 учащихся один изучал три языка, 2 человека – два, а некоторые из них – по одному; в четвертом классе из 22 учащихся

лишь 12 изучали восточные языки, из них 10 человек занимались персидским языком, один – турецким и один – турецким и персидским. В пятом классе из 13 человек восточными языками занимались всего четверо[147].

В «Постановлении института» 1830 г. говорилось: *«Для преподавания Восточных языков определяются искусные и опытные наставники. Для практических упражнений в разговорах и сочинениях назначаются учителя из природных Азиатцев, а для изъяснения Синтаксических правил и лучших писателей, также и для преподавания Истории Азиатских народов имеется Ориенталист»*[148]. Однако в реальности руководство института постоянно сталкивалось с нехваткой квалифицированных преподавателей восточных языков. В начальный период своего существования, когда созданное Лазаревыми учебное заведение рассматривалось прежде всего как армянский культурный и просветительский центр, преподавателями в нем служили преимущественно армяне. Основатели института могли рассчитывать на ресурсы армянской общины в Российской империи, а также армянской зарубежной диаспоры. Поэтому неудивительно, что первыми преподавателями в Лазаревском училище стали наиболее видные деятели армянского просветительского движения первой половины XIX в. из числа духовенства: Артемий Аламдарян, Серафим Карнеци и Михаил Салатьян.

Выше уже упоминалось, что Артемий Аламдарян являлся первым преподавателем института, автором первых учебных программ и пособий. Он преподавал в училище с 1815 по 1824 г., затем перейдя на должность инспектора в Нерсесяновскую школу в Тифлисе. Для учащихся училища в 1821 г. он издал составленный им «Армяно-русский словарь» и «Грамматику армянского и русского языков», которые значительно облегчили преподавание армянского языка[149].

Первый ректор Лазаревского училища Серафим Карнеци, приглашенный из Конгрегации мхитаристов,


ЛЮБИТЕЛЯМЪ

АРМЯНСКАГО ЯЗЫКА.

МОСКВА.

1848.

Титул книги «Любителям армянского языка». М., 1848

являлся знатоком европейских и восточных языков, прекрасно разбирался в древнеармянской рукописной литературе. Он стал известен своим переводом Нового Завета на турецкий язык, сделанным специально для турецких армян, не владевших родным языком. Его перу также принадлежал «Путеводитель из Багдада в Эчмиадзин», содержавший ценную этнографическую, историческую и географическую информацию[150].

Сменивший Серафима Карнеци на посту ректора архиепископ Михаил Салатьян был прекрасным арменистом и знатоком древних языков. В фонде Абамелик-Лазаревых в РГИА сохранилась следующая его характеристика: *«Архиепископ Михаил Салатян, известный богослов, арменист и сведущий в латинской и греческой словесности, изучивший русский язык, обучался в Азии, потом в Риме, в Венеции и был в разных путешествиях по Европе и Востоку. Еще находился потом ректором и законоучителем армянского вероисповедания в Лазаревском институте в продолжение почти 20 лет и издал богословские и другие книги на армян-*

ском и латинском языках»[151]. В Лазаревском училище он преподавал богословие, армянскую литературу, риторику, логику, эстетику. Салатьян являлся автором более десяти книг, в основном учебного характера, в том числе изданной в 1827 г. «Новой грамматики древнеармянского языка для учащихся училища, основанного в Москве сиятельными господами Лазаревыми», а также «Методики Риторики» и «Краткой хронологической истории армян»[152].

Найти таких преподавателей восточных языков, которые не только хорошо владели бы им, но и могли системно, с учетом последних достижений европейского востоковедения их преподавать, было крайне трудно. Эта задача еще более усложнилась, когда в начале 1830-х годов руководство Лазаревского института решило искать учителей для каждого из восточных языков отдельно, чтобы сделать преподавание более эффективным. В результате приходилось приглашать преподавателями восточных языков лиц, не имевших специального образования, что, естественно, сказывалось на качестве преподавания. Сохранилась следующая характеристика одного из преподавателей персидского языка в институте в 1830-е годы: *«Он почти не может преподавать персидский язык, не знавши сам правил и хорошей методы, ибо из 12 учеников 3 человека начинают только еще читать, а прочие кончили азбуку»*[153]. В поисках преподавателей Лазаревы использовали свои широкие связи в странах Европы, Ближнего и Среднего Востока. Они вели оживленную переписку с различными учебными и научными центрами в Вене, Париже, Венеции, Константинополе, Каире, интересуясь последними достижениями востоковедения, появлявшимися новинками научной и педагогической литературы.

В итоге Лазаревым удалось пригласить в институт в качестве преподавателя турецкого и арабского языков Аракела Филипповича Шахумова. Он родился в 1809 г. в Смирне, где получил хорошее образование, выучив армянский, турецкий, французский, итальянский и новогреческий языки. Затем он совершенствовал свои знания языков в Египте, где четыре года изучал турецкий и арабский языки в заведении Мухаммед Али-паши, получив по окончании полный аттестат. В 1831 г. он прибыл в Москву, где поступил в 1834 г. надзирателем и преподавателем турецкого и арабского языков в Лазаревский институт[154]. Кроме того, Шахумов устроился преподавателем татарского языка в Константиновский межевой институт. В 1845 г. он выдержал испытание в Санкт-Петербургском университете на звание старшего учителя арабского и турецкого языков, показав отличные знания и получив свидетельство на право преподавания этих языков в средних и высших учебных заведениях[155].

Другим источником преподавательских кадров для Лазаревского института стал Московский университет. В 1804 г. там была учреждена кафедра восточных языков, а с осени 1811 г. в университете начал преподавать адъюнкт кафедры восточных языков, фактический основатель Московской школы востоковедения Алексей Васильевич Болдырев. Он родился 16 марта 1780 г. в семье штаб-лекаря. Первоначальное образование получил в гимназии при Московском университете, в 1801 г. поступил в университет, где два года проучился на философском и один год на юридическом факультете. В 1805 г. получил степень кандидата новейшей литературы, а на следующей год был утвержден магистром философии и свободных наук. В том же 1806 г. Болдырева направили за границу для изучения восточных языков. В Париже он учился в школе крупнейшего в то время арабиста и ираниста барона А.И. Сильвестра де Саси. По возвращении А.В. Болдырев был назначен адъюнктом по кафедре восточных языков Московского университета. В 1815 г. он стал экстраординарным, а в 1818 г. – ординарным профессором. В 1832 г. А.В. Бол-

дырев был назначен деканом словесного отделения, в 1833–1837 гг. занимал должность ректора Московского университета. Его блестящая карьера прервалась в связи с публикацией в 1836 г. в № 15 журнала «Телескоп» знаменитого «Философического письма» П.Я. Чаадаева, которое А.В. Болдырев допустил к печати в качестве цензора[156].

В истории Лазаревского института А.В. Болдырев оставил заметный след как через своих учеников, так и благодаря подготовленным им учебным пособиям и переводам с арабского и персидского языков. Академик И.Ю. Крачковский дал высокую оценку изданной Болдыревым в 1824 г. «Арабской хрестоматии»[157]. Через год Болдырев опубликовал в литографированном виде в двух частях «Персидскую хрестоматию». В мае 1832 г. он обратился в совет Московского университета со следующим прошением: *«Персидская хрестоматия, изданная мною в 1825 г., будучи употребляема во всех российских университетах и других учебных заведениях, в которых преподается персидский язык, вся вышла… и для удовлетворения многих требований… я составил новую персидскую хрестоматию»*[158]. Новое издание «Персидской хрестоматии» вышло в свет в 1833 г. и оставалось единственным пособием вплоть до публикации «Образцов персидской письменности» Мирзы Абдуллы Гаффарова[159]. За время своей преподавательской деятельности в Московском университете А.В. Болдырев подготовил целый ряд ученых-востоковедов, тем самым заложив основу Московской школы востоковедения.

Один из учеников А.В. Болдырева – Лазарь Захарович Будагов (1812–1878) был приглашен в Лазаревский институт преподавателем персидского языка. Он родился в Астрахани. Начальное образование получил в местном армянском училище. Окончив астраханскую гимназию, Л.З. Будагов поступил в Московский университет, но полный курс не окончил. В течение двух лет он преподавал в Лазаревском институте. В 1840 г. окончил полный курс Казанского университета. Три года после окончания университета он состоял преподавателем персидского и татарского языков в Тифлисской гимназии. С 1845 по 1870 г. Л.З. Будагов в должности приват-доцента преподавал в Санкт-Петербургском университете, одновременно служа драгоманом в Азиатском департаменте МИД. Его главным научным трудом стал «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий», изданный в Санкт-Петербурге в 1868–1870 гг. в трех выпусках. Кроме того, в 1844 г. он издал «Краткий учебник татарского языка», а в 1857 г. – «Практическое руководство к турецко-татарскому адербейджанскому наречию»[160]. После отъезда Л.З. Будагова из Москвы преподавание персидского языка в Лазаревском институте было возложено на Т.И. Таврищева. Таким образом, на некоторое время Лазаревскому институту удалось обеспечить преподавание турецкого, арабского и персидского языков.

§ 7. «К умножению сведений о народах и странах Азийских». Лазаревский институт – один из первых центров востоковедения Российской империи

Лазаревы рассматривали основанное ими училище, превратившееся затем в институт, не только как чисто образовательное учреждение, но также как научный, культурный центр, который в первую очередь должен был заниматься изучением истории и культуры армянского народа, а затем и востоковедением в целом. Развитие востоковедения в стенах училища, а затем института началось с попытки реализации армянской национальной просветительской программы. Интерес Лазаревых и их единомышленников из числа

армянской московской и петербургской элиты к истории древнего Армянского царства, к армянской культуре являлся частью общественно-политического национального движения, главной целью которого с начала XVIII в. было возрождение в том или ином виде армянской государственности. В период русско-персидских войн 1804–1813 и 1826–1828 гг. надежды армянской элиты на возрождение Армянского государства под протекторатом Российской империи особенно усилились. В это время в Санкт-Петербурге и Москве одна за другой публикуются книги по истории Армении: в 1809 г. вышел в свет сделанный Овсепом Иоаннисяном русский перевод знаменитой «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци; в 1811 г. опубликована книга Г. Хубова «Описание достопамятных происшествий в Армении с 1778 по 1809 г.»; в 1813 г. – автобиографическая книга «Жизнь Артемия Араратского»; в 1816 г. с французского на русский язык переведена книга Шахана Джрпета «Любопытные извлечения из древней истории об Азии»[161]. Не случайно именно в это время у Лазаревых возникла идея основать при своем училище «Общество любителей древности».

Постановление «Общества любителей древности, учрежденного при Армянском учебном заведении Гг. Лазаревых»

«...Потомки Гайканов, чувствуя потерю отечества, столько известного в древности, долгом себе поставляют воскресить память его начертанием славных событий. Армения достойна сего по многим отношениям; ибо дела сего Царства имели значительное влияние на некоторые Державы. Любовь и ревность необходимо должны одушевлять чад Армении к изысканию важных происшествий отечества, вскрыть оное из-под мрака времен, подобно светильнику, горящему под спудом, и показать, что сие Государство процветало некогда славою с прочими своего века. Изыскания об Армении откроют следы к любопытным познаниям древности, и одушевят потомков ее к достойному воспоминанию знаменитых предков своих, и к прославлению их подвигов. Для сей благонамеренной цели составилось в Москве при Армянском учебном заведении Гг. Лазаревых Общество любителей древности. Оно имеет предметом изыскание достославных событий о Древней Армении. В произведениях общества любитель Истории найдет для себя много занимательного; а отрасли древних Армян усмотрят начало, возраст, славу, могущество и причины падения своего Царства. Чрез сие сведение более утвердится в сердцах их приятное воспоминание об отчизне...»[162].

4 августа 1823 г. общество *«восприяло свое действие»*. Председателем общества стал Еким Лазаревич Лазарев. Его основной обязанностью было рассмотрение и одобрение к печати представляемых в общество «любопытных предметов о Древней Армении» – статей и материалов по древней армянской истории. Как говорилось в постановлении об учреждении общества,

Титул книги «Армянская история, сочиненная Моисеем Хоренским». СПб., 1809

ОПИСАНІЕ
ДОСТОПАМЯТНЫХЪ
ПРОИЗШЕСТВІЙ
въ
АРМЕНІИ
случившихся въ послѣдніе тридцать лѣтъ, т. е. отъ Патріаршества Симеонова (1779 г.) до 1809 года.

сочиненіе
Князя Егора Хубова.

Съ Армянскаго Перевелъ Армянскія церкви Архид'аконъ Іосифъ Іоаннесовъ.

Печатано на основаніи ВЫСОЧАЙШАГО ПОВЕЛѢНІЯ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
въ Типографіи І. Іоаннесова 1811 года.

Титул книги князя Егора Хубова «Описание достопамятных происшествий в Армении». СПб., 1811

Давид Артемьевич Делянов *(1763–1837). Художник Дж. Доу*

одобренные председателем статьи должны были переводиться на русский язык и помещаться в московских и петербургских журналах. Со временем планировалось опубликовать все статьи в одном сборнике под названием «Феникс Армении». На первом заседании общества 4 августа 1823 г. было также решено *«избирать предметы как Церковные, так и Гражданские, по порядку историческому»*. Общество должно было вести журнал своей деятельности. Регулярные собрания членов общества планировалось проводить в зале армянского училища Лазаревых[163].

Ближайшими помощниками председателя являлись его сыновья Иван Екимович, Христофор Екимович и Лазарь Екимович Лазаревы. В число почетных членов общества вошли лучшие представители духовной и светской армянской элиты Российской империи того времени: епархиальный архиепископ армян в России преосвященный Иоаннес, епархиальный архиепископ армян в Грузии преосвященный Нерсес, епархиальный архиепископ армян в Бессарабии преосвященный Григорий, генерал-майор Д.А. Делянов, генерал-майор князь Д.С. Абамелик, майор артиллерии И.И. Арапетов, князь Д.Б. Аргутин-

Иван Иванович Арапетов *(1774–1846). Неизвестный художник*

Артемий (Арутюн) Араратский
(1774–1831)

Титул книги Я. и Д. Арзановых
«Опыт начертания истории Царства Армянского», М., 1827

ский-Долгорукий, статский советник А.М. Худобаев[164]. В число действительных членов был включен Артемий Араратский, ставший известным благодаря публикации в Санкт-Петербурге в 1813 г. своей автобиографии «Жизнь Артемия Араратского», которая имела успех среди русского образованного общества. Значительное место в ней занимали описания этнографического и фольклорного характера. В 1814 г. Артемий Араратский преподнес в дар Императорской Публичной библиотеке рукописный сборник древнеармянских духовных гимнов-шараканов с превосходными миниатюрами.

Интересно, что в качестве сотрудников в состав общества были включены два выпускника Лазаревского училища, студенты Московского университета братья Яков и Давид Арзановы. Об обществе в отечественной историографии содержится мало сведений. К плодам его деятельности можно отнести издание в 1827 г. братьями Арзановыми «Опыта начертания истории армянского государства». Как известно, свой труд Арзановы писали под покровительством Е.Л. Лазарева, пользуясь советами профессоров Московского университета А.Ф. Мерзлякова и М.Т. Каченовского. Поставив перед собой цель написать полную историю Армянского царства, авторы, однако, смогли довести свое повествование только до династии Аршакуни. Характерно, что в книге ясно видна идея восстановления Армянского царства под протекторатом Российской империи. В целом труд Арзановых заслуживает внимания прежде всего потому, что он стал первым опытом изложения истории Армении на русском языке[165]. Книга была издана тиражом 100 экземпляров, при этом особо оформленный первый экземпляр с дарственной надписью был вручен лично попечителем Лазаревского института императору Николаю I. Что касается самого общества, то оно прекратило свое существование со смертью его фактического основателя Е.Л. Лазарева в 1826 г.

Алексей Федорович Мерзляков
(1778–1830). Неизвестный художник

Михаил Трофимович Каченовский *(1775–1842).*
Гравюра Г.И. Грачева

Александр Александрович Писарев
(1780–1848).
Художник. Дж. Доу

К концу 1820-х годов учебное заведение Лазаревых, получив статус института, стало главным армянским образовательным и культурным центром Российской империи. При этом, являясь средним учебным заведением, он ориентировался в своей учебной программе на Московский университет, куда стремились поступить после окончания институтского курса многие воспитанники и пансионеры. Поэтому руководство института предприняло попытку создать в университете кафедру, на которой их выпускники смогли бы продолжить изучение армянского языка и культуры. Лазаревы, как «армянские просветители», хотели получить для армянского языка и культуры место в системе высших учебных заведений империи.

В этом смысле идеальным вариантом стало бы учреждение *«кафедры Армянского языка и Армянской словесности»* в Московском университете. 10 октября 1829 г. Иван Екимович Лазарев обратился к попечителю Московского университета генерал-май-

ору Александру Александровичу Писареву с просьбой сделать представление министру народного просвещения об учреждении в Московском университете кафедры армянского языка. В качестве аргументов попечитель Лазаревского института указывал в прошении, с одной стороны, на зарубежный опыт, а с другой – на политическую необходимость. И.Е. Лазарев ссылался на учреждение кафедры армянского языка и словесности в Парижском университете, которая успела стать известной благодаря публикации произведений армянских авторов IV–V вв. В качестве политической необходимости создания кафедры И.Е. Лазарев обращал внимание на увеличение численности армянского населения в Российской империи, особенно после присоединения в 1828 г. Восточной Армении, в связи с чем в большом количестве требовались учителя и чиновники со знанием армянского языка[166]. Несмотря на приведенные Лазаревым аргументы и готовность помочь с поиском преподавателей и учебных пособий, светлейший князь К.А. Ливен ответил отказом, сославшись на невозможность иметь во всех университетах отдельные кафедры для каждого из восточных языков из-за нехватки преподавателей. В то же время он сообщал, что Министерство народного просвещения *«обратило уже внимание на необходимость изучения в нашем отечестве восточных языков и в том числе Армянского»*, для чего было решено основать в Санкт-Петербурге при университете большое отделение, *«объемлющее все восточные языки»*[167]. Кафедра армянского языка была основана при Санкт-Петербургском университете лишь в 1849 г.

Неотъемлемой частью создаваемого Лазаревыми образовательного и научного центра должна была стать библиотека, формированию которой с первых дней существования учебного заведения уделяли особое внимание. На нее Лазаревы периодически выделя-

ОБРАЗЦЫ ЛИТЕРАМЪ.

МИТТЕЛЬ.

Увидѣвъ въ Словѣ, яко въ зерцалѣ, многіе клѣ сынове Божескихъ, тѣчь и сыновъ человѣческихъ, какъ благочестивыхъ, яко хранящихъ, такъ и нечестивыхъ, невѣрующихъ примѣры, должно всѣдому изъ насъ послѣдовать правдѣ.

ЦИЦЕРО КРУПНОЕ.

Владиміръ установилъ Святополка, однакожъ не любилъ его и, кажется, предвидѣлъ въ немъ будущаго злодѣя. Современный Лѣтописецъ Нѣмецкій, Дитмаръ, говоритъ, что Святополкъ, Правитель Туровской области, женатый на дочери Польскаго Короля Болеслава, хотѣлъ, по наущенію своего тестя, овладѣть.

ЦИЦЕРО ТОНКОЕ.

Но Святополкъ имѣлъ только дерзкаго злодѣя. Онъ послалъ умѣрить бояръ въ любви своей, обѣщая дать ему новыя владѣнія, и въ то же время, тайными ковами въ Вышгородѣ, собрать знатнѣйшихъ Бояръ на Совѣтъ. «Хотимъ ли доказать имъ вѣрность свою?» говорилъ новый Гвидонъ. Бояре согласившіеся, чтобы они ради полезнаго за него слова.

КОРПУСЪ КРУПНОЙ.

Онъ немедленно отправилъ гонца въ Муромскому Князю Глѣбу, сказать ему, что Владиміръ боленъ и желаетъ видѣть его. Глѣбъ, обманутый сею ложною вѣстію, съ малочисленною дружиною отправился въ Кіевъ, дорогою онъ узналъ съ ужасомъ и потерялъ себя отъ.

ПЕТИТЪ РОМАНЪ.

АРМЯНСКІЯ.

ՖՐԱՆՁՈՒՍՑԿԻՅ.

Ex Rhetorica. De Dispositione Oratoria, quae duplex assignatur; artificiosa praecipue adhibetur in Oratione; ejus partes recensentur: Exordium, Divisio, Narratio, Confirmatio et Epilogus. Singulorum praecepta atque exempla.

Par sa position géographique, la Russie est de tous les états du continent celui qui paroît le plus propre à servir d'entrepôt à l'Europe et à l'Asie. D'un côté des fleuves et des canaux unissent la Baltique à la mer Caspienne, et font de Nijnei Novgorod et d'Astrakhan des marchés où le commerce acquerrait une haute importance si la sûreté en était garantie.

ГРЕЧЕСКІЯ.

ПЕРСИДСКІЯ.

ГРУЗИНСКІЯ.

МОСКВА.

Въ Типографіи Армянскаго Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ.

Образцы шрифтов для типографии Лазаревского института
ГАРФ Ф. 1717. Оп. 1. Д. 11. Л. 41

ли значительные суммы, попечители целенаправленно приобретали книги, выходившие в Российской империи, а также в Западной Европе. Существовал и другой источник пополнения библиотеки – дары преподавателей, бывших воспитанников, благотворителей. В 1836 г. библиотека института насчитывала порядка 8 тысяч томов. Наряду с ними там хранилась коллекция манускриптов на армянском, персидском, арабском, турецком и многих других языках, которая имела исключительное значение для развития Московской школы востоковедения. Среди уникальных экземпляров коллекции можно отметить Лазаревское Евангелие, датированное 887 г.

Настойчиво и энергично Лазаревы добивались создания при институте типографии. Специально для ее размещения в 1828 г. у светлейшей княжны М.А. Салтыковой был приобретен участок земли с каменным домом, который располагался между зданиями Лазаревского института и домом Веневитинова. В Санкт-Петербурге у Иосифа Иоаннесова были приобретено оборудование основанной им в 1812 г. армянской типографии. Всего на нужды типографии Лазаревы выделили 30 тысяч рублей. Добиваясь от властей разрешения на открытие при институте типографии, Лазаревы воспользовались покровительством главного начальника училища графа А.Х. Бенкендорфа. В июне 1829 г. последовало разрешение, а затем торжественное открытие типографии[168].

Распоряжение министерства внутренних дел о разрешении И.Е. Лазареву открыть в Москве типографию от 4 июня 1829 г.

«Министерство Внутренних дел, Департамент Полиции Исполнительной. Отделение 1-е, стол 1-й.

4 июня 1829 года № 1657.

О дозволении Статскому Советнику Лазареву открыть в Москве типографию.

Господину Московскому Военному Генерал-Губернатору, Генералу от Кавалерии Князю Дмитрию Владимировичу Голицыну.

Основываясь на отзыве Вашего Сиятельства, от 28 минувшего Маия № 68-й о благонадежности Статскаго Советника Лазарева содержать в Москве типографию, купленную им обще с братьями его для Московскаго Армянскаго Института, я на основании Высочайше утвержденнаго 5-го Февраля сего года положения Комитета Гг. Министров, имею честь предоставить вам, милостивый государь, дозволить помянутому Статскому Советнику Лазареву открыть в Москве типографию, снабдить его на сей предмет свидетельством и обязать подпискою, чтобы все существующия и впредь последовать могущия узаконения, правила и постановления Правительства для содержания типографий и литографий были им Лазаревым исполняемы во всей точности, о времени же открытия им типографии, покорнейше прошу Ваше Сиятельство почтить меня уведомлением.

На подлинном: Управляющий Министерством Внутренних Дел, Действительный Тайный Советник Федор Енгель.

Исправляющий должность Директора Действительный Статский Советник Покровский»[169].

Через некоторое время стало ясно, что типография не приспособлена для издания литературы по востоковедению, на европейских и восточных языках. Тогда Лазаревы приобретают новые машины, шрифты. К концу 1830-х годов типография института имела уже 21 образец шрифтов для европейских и восточных языков. В газетах сообщалось: *«...круг действий сей типографии с 1830 г., после умножения станов и после устройства различных потребностей, распространился, книгопечатанье с успехом продолжается на 13 языках, европейских и азиатских, кои суть: рос-*

СОБРАНІЕ АКТОВЪ,
ОТНОСЯЩИХСЯ
КЪ ОБОЗРѢНІЮ ИСТОРІИ
АРМЯНСКАГО НАРОДА.
ЧАСТЬ I.
МОСКВА.
1833.

Титул книги «Собрание актов, относящихся к обозрению истории Армянского народа». Ч. I. М., 1833

сийский, армянский, латинский, греческий, французский, немецкий, английский, итальянский, венгерский, грузинский, сербский, турецкий и персидский»[170].

Издательская деятельность Лазаревского института в это время стала заметным явлением культурной жизни российского общества. В институтской типо-графии издавались учебники, хрестоматии, словари, а также книги по истории армянского народа, армянские литературные памятники. С 1833 по 1838 г. в типографии института вышло три тома «Собрания актов, относящихся к обозрению истории армянского народа», ставшего первым опытом публикации исторических документов по истории Армении на русском языке по правилам российской исторической науки того времени. В «Собрании актов» были опубликованы документы из «Полного собрания законов Российской империи», из материалов Московского главного архива Министерства иностранных дел; вошли сюда также газетные и журнальные статьи русских и иностранных авторов. В третьей части издания были опубликованы документы, касавшиеся основания и деятельности Лазаревского института. В целом «Собрание актов» да-

Лазаревское Евангелие. 887 г.
Хранится в Институте древних рукописей, Матенадаран (Ереван)

вало широкие сведения по истории, географии Армении, о литературе, языке, образовании и просвещении, о религии и Церкви, об отдельных армянских деятелях.

В 1836 г. Министерство иностранных дел выразило желание издать подготовленный действительным статским советником Александром Макаровичем Худобашевым «Армяно-русский словарь». Подобный словарь был крайне необходим не только для учебных заведений, но также для российских миссий и консульств. Интересно, что рукопись словаря была передана Министерством иностранных дел на экспертизу в Лазаревский институт. С разрешения министерства И.Е. Лазарев взял на себя все расходы, связанные с изданием словаря. В 1837 г. он выкупил у автора рукопись, после чего в типографии института в 1838 г. был напечатан первый тираж словаря[171]. Однако содержание типографии дорого обходилось институту, поэтому с начала 1840-х годов было решено сдать ее в аренду при условии, что арендаторы будут печатать все, что потребуется институту.

ГЛАВА 2

«Заведение, где будут изучать восточные языки в обширном размере». Научное востоковедение в стенах Лазаревского института (1848–1917 гг.)

§ 1. Реформа 1848 г.

1848 г. стал важной вехой в развитии Лазаревского института – был утвержден его новый Устав. Отправной точкой для подготовки этого преобразования стал 1844 г., когда скоропостижно скончался отправившийся для лечения за границу его главный начальник – граф А.Х. Бенкендорф. Согласно прошению Лазаревых 12 октября 1844 г. эту должность занял преемник графа А.Х. Бенкендорфа в качестве начальника III Отделения Собственной его императорского величества канцелярии и шефа жандармов граф А.Ф. Орлов.

Высочайший указ о назначении Графа Орлова Главноначальствующим Лазаревского института

«Указ Правительствующему Сенату. Шефу Жандармов, Командующему Императорскою Главною Квартирою, Нашему Генерал-Адъютанту, Генералу от Кавалерии, Графу Орлову Всемилостивейше повелеваем быть Главноначальствующим над Московским Лазаревским Институтом восточных языков, с оставлением при всех им ныне занимаемых должностях и званиях.

На подлинном собственно Его Императорского Величества рукою подписано:

Николай[1]*».*

Император Николай I *(1796–1855).*
Художник О. Верне

Князь Алексей Федорович Орлов *(1787–1862).*
Художник Ф. Крюгер

Светлейший князь Михаил Семенович Воронцов *(1782–1856).*
Художник Ф. Крюгер

В том же 1844 г. произошло еще одно событие, которое повлияло на дальнейшую судьбу Лазаревского института. В должность наместника на Кавказе вступил граф (с 1845 г. князь) М.С. Воронцов, получивший огромные полномочия, которые должны были, по мысли Николая I, помочь ему завершить Кавказскую войну и окончательно присоединить Кавказ к Российской империи. В качестве одного из главных инструментов для выполнения поставленной перед ним задачи князь М.С. Воронцов рассматривал политику в сфере образования, что было связано с постоянным кадровым голодом, низким профессиональным уровнем и, следовательно, низким авторитетом в глазах местного населения российской администрации на Кавказе. Несмотря на привилегии, которые имели чиновники, соглашавшиеся служить на Кавказе, их количество, а главное — нравственный и профессиональный уровень очень часто оставляли желать лучшего[2].

Выход из порочного круга наместник видел в создании условий для широкого привлечения к управлению краем уроженцев Кавказа. Князь М.С. Воронцов справедливо полагал, что включение представителей элиты народов Северного Кавказа и Закавказья в состав местной российской администрации значительно ускорило бы процесс интеграции края в состав Российской империи. Однако для этого необходимо было дать кавказским уроженцам соответствующее образование. В то же время наместник вынужден был исходить из ситуации ограниченности образовательных средств и возможностей в пределах управляемого им края. Поэтому политика как Тифлиса, так и Санкт-Петербурга в этой сфере вынужденно основывалась на двух принципах – практическая польза от получаемого образования для государственной и военной службы, а также экономия – минимизация затрат государства на организацию образовательного процесса. В целом

в политике князя М.С. Воронцова в сфере образования исследователи выделяют три основных направления: 1. Открытие новых учебных заведений; 2. Увеличение мест в уже имевшихся на Кавказе учебных заведениях; 3. Перевод на регулярную основу уже имевшейся практики обучения кавказцев в высших учебных заведениях[3].

В 1848 г. было принято «Положение» о Кавказском учебном округе, в котором подчеркивалась невозможность открытия там высших учебных заведений. Организация на Кавказе высшего учебного заведения требовала значительных затрат, тогда как Российская империя несла колоссальное финансовое бремя продолжавшейся Кавказской войны. В этой ситуации выходом стало направление кавказской молодежи для получения образования в Санкт-Петербург и Москву. Чтобы поставить эту практику на регулярную основу, администрация наместника разработала проект *«Положения о воспитании Кавказских и Закавказских уроженцев, на счет казны, в высших и специальных учебных заведениях империи»*, который был доработан после обсуждения в Кавказском комитете. 11 июня 1849 г. «Положение о воспитании…» было введено в действие. В нем регламентировалась численность «кавказских воспитанников», а также определялись учебные заведения, в которых они должны были проходить подготовку. Сто шестьдесят человек обучались в восемнадцати российских высших учебных заведениях. Прием воспитанников проходил ежегодно согласно установленной квоте. «Кавказские воспитанники» готовились не только к гражданской или военной службе, но также к деятельности в сфере «торговли и промышленности». После окончания обучения молодые специалисты обязаны были прослужить на Кавказе не менее шести лет. Полученное уроженцами Кавказа образование было источником служебных привилегий и фактором, способствовавшим карьерному росту[4].

Преобразования в сфере образования, которые стали проводить кавказский наместник и Кавказский комитет, напрямую затронули Лазаревский институт. Первые пять учеников из закавказских уроженцев *«для приготовления себя на службу в тамошнем крае»*[5] были направлены в институт еще в 1843 г. по воле Николая I. Во всеподданнейшем отчете за 1843 г. главный начальник института граф А.Х. Бенкендорф писал: *«Считаю долгом засвидетельствовать пред Вашим Императорским Величеством, что Попечитель, Директор и все чиновники Института, исполнявшие с примерным рвением и усердием свои обязанности, приняли с чувством верноподданнической благодарности Всемилостивейшее Вашего Императорского Величества назначение воспитывать пять юношей Закавказских уроженцев в сем заведении и поставляют себе в священную обязанность исполнить державную волю Вашу, на счет приуготовления сих юношей для службы в Закавказском крае, и тем оправдать высокое внимание Вашего Императорского Величества к сему Восточному учебному заведению»*[6]. Надзор за закавказскими воспитанниками в институте, как и за всеми другими «кавказскими воспитанниками» в других учебных заведениях, осуществлял Кавказский комитет.

В 1846 г. с Высочайшего разрешения в Москву командировали управляющего делами Кавказского комитета статс-секретаря В.П. Буткова, чтобы провести испытание *«кавказских уроженцев, воспитывающихся в Лазаревском институте»*. Проверка показала, что *«воспитанники учатся весьма удовлетворительно, заботливость о них начальства примерная, порядок во всем заведения отличный»*[7]. Тем не менее управляющий остался недоволен общим состоянием дела обучения «закавказских воспитанников» не только в Лазаревском институте, но также в других, в том числе высших, учебных заведениях. Кавказский комитет ожидал, что воспитанники будут выходить из стен

институтов и университетов уже полностью подготовленные к гражданской и военной службе на Кавказе. На деле же выяснилось, что учебная программа Лазаревского института, как, впрочем, и Санкт-Петербургского университета, не соответствовала *«предположенной Государем Императором цели приготовления из Закавказских уроженцев чиновников для этого края, основательно знающих туземные языки»*[8].

В представленной по результатам инспекции записке В.П. Бутков указал, что курс учения в институте, ограниченный пятью классами, слишком краток, если учесть, что в него входят все предметы гимназического курса, а сверх того еще восточные языки. Не устраивало управляющего также то, что институтский курс, в частности преподавания восточных языков, не был окончательным, а предполагал дальнейшее обучение в Московском университете, хотя в нем не было отделения восточных языков. В результате, как писал В.П. Бутков, *«кавказские воспитанники не только не могут усовершенствоваться в главном предмете их образования – восточной словесности, но легко могут забыть все то, что они прошли по этой части в Лазаревском институте»*. Управляющий также считал недопустимым, что *«воспитанники этого заведения не пользуются почти никакими правами, даже не имеют тех прав, кои предоставлены воспитанникам Тифлисской гимназии»*[9].

Владимир Петрович Бутков *(1813–1881)*

Осип Иванович Сенковский *(1800–1847). Художник П.Ф. Соколов*

Интересно, что необходимость преобразований в Лазаревском институте оказалась с точки зрения Кавказского комитета тесно связанной с положением дел в Санкт-Петербургском университете. С начала XIX в. правительство прилагало значительные усилия, чтобы создать в Санкт-Петербурге крупный центр востоковедения. Еще в 1810 г. С.С. Уваров выступил с проектом создания специального училища для изучения восточных языков, однако он не был реализован. В 1816 г. преподавание востоковедческих дисциплин началось в Главном педагогическом институте, который в 1819 г. был преобразован в Санкт-Петербургский университет. В 1829 г. профессор О.И. Сенковский представил проект *«об устройстве в С.-Петербургском Университете особого отделения восточных языков и словесностей»*, реализация которого, несмотря на одобрение, затягивалась. Между тем преподавание восточных

Граф Сергей Семенович Уваров *(1786–1855). Неизвестный художник*

языков в университете неуклонно расширялось: по уставу 1835 г. были учреждены кафедры монгольского и татарского языков; в 1845 г. началось преподавание армянского, грузинского и татарского (азербайджанского) языков, которые не были присоединены к разряду восточной словесности, поскольку вводились только для пяти «закавказских воспитанников»[10].

Однако проводивший инспекцию в университете статс-секретарь В.П. Бутков пришел к неутешительным выводам. По его мнению, поступавшие в университет «закавказские воспитанники», не имея хорошего среднего образования, вынуждены были слушать *«множество предметов, кои не слушаются прочими студентами»*. Большая нагрузка усугублялась плохим знанием русского языка; попытка преподавать воспитанникам помимо других предметов еще семь восточных языков приводила к тому, что они *«по необходимости начинают с азбуки и никак не могут успеть изучить сии языки так, как бы следовало»*. Кроме того, университетская система не позволяла иметь за «закавказскими воспитанниками» жесткого надзора, *«который особенно необходим для Закавказских уроженцев, еще довольно слабых в своих понятиях о пользе и необходимости учения»*[11]. Подводя итог, В.П. Бутков писал: *«Для отвращения всех сих затруднений и приготовления для Закавказского края таких переводчиков, которые имели бы твердые и обстоятельные познания в тех именно восточных языках, кои наиболее употребительны за Кавказом… необходимо, чтобы Закавказские уроженцы приготовлялись к этому с юношеского возраста и чтобы приготовление это имело целью не одни восточные языки, но и науки юридические, более или менее необходимые для губернского чиновника»*. Поскольку в казне не было средств, чтобы «учредить особое восточное отделение» при одной из гимназий Санкт-Петербурга или же усилить преподавание в Санкт-Петербургском университете, то единственный выход В.П. Бутков видел в том, *«чтобы приготовление означенных чиновников сосредоточить исключительно в Московском Лазаревых Институте»*[12].

Для реализации этой меры управляющий делами Кавказского комитета предложил следующий план действий: *«1. Рассмотреть курс Института и сделать его окончательным, так, чтобы воспитанники, выслушавшие в Институте весь курс, поступали уже не в университет, а прямо на службу. 2. Для этого... применить к Институту уставы, изданные для... лицея... но с тем, чтобы* ***посвятить Институт, сверх предметов обыкновенного гимназического курса, еще восточным языкам, а также наукам: юридическим для тех, кто будет приготовляться на службу, и коммерческим для тех, кто пожелает готовиться к торговле****. 3. Предоставить воспитанникам Института те права и преимущества, кои предоставлены воспитанникам означенных выше лицеев и за тем Институт, для единообразия, может быть потре-*

буется ***назвать Московским Лазаревским лицеем****. 4. Воспитывать в этом заведении, на казенный счет, постоянно 30 закавказских уроженцев, т. е. то самое число, какое назначено воспитывать ныне в Лазаревском институте и С.-Петербургском университете, с тем чтобы отпускаемая ныне на них из государственного казначейства сумма отпускалась уже в Лазаревский институт на усиление его штата»*[13].

Иван Екимович Лазарев *(1786–1858).*
Гравюра с портрета художника С.К. Зарянко

Главный начальник института граф А.Ф. Орлов, являвшийся по совместительству также членом Кавказского комитета, полностью поддержал предложенный план преобразования института. Составление нового устава он предложил поручить одновременно попечителю Ивану Екимовичу Лазареву и В.П. Буткову. Проект нового Устава должен был быть внесен на рассмотрение именно Кавказского комитета, поскольку *«Лазаревский Институт теперь исключительно посвящен образованию народа, населяющего Кавказский и Закавказский край, а при новом устройстве будет иметь еще особую цель – приготовление для этого же края переводчиков»*[14]. Отдельные статьи проекта должны были быть направлены на рассмотрение в Министерство народного просвещения. Мнение графа А.Ф. Орлова было утверждено императором Николаем I.

Однако предложенный Кавказским комитетом план преобразования Лазаревского института подвергся жесткой критике со стороны министра народного просвещения графа С.С. Уварова, для которого оставалась неясной цель предполагаемой реформы учебного заведения. *«Всякое учебное заведение тем с большим успехом достигает своей цели, чем оно представляет менее сложности…* – писал министр. – *К сожалению, предполагаемый Лазаревский лицей… не удовлетворяет такому требованию. В нем полагается: во-первых, соединить в сжатом виде и приготовительное и высшее учебное заведение, т.е. гимназию и собственно лицей… Во-вторых, в самом лицее или в высших классах заведения предполагается совместить три совершенно разнородные цели образования воспитанников, с приготовлением их: а) для службы гражданской в сопредельных с Азиею провинциях; б) для торговли с востоком, и в) на службу по духовному ведомству Армянского исповедания, так что все вообще воспитанники существенно разделяются не на два разряда, как сказано в одной из статей проекта, а на три… Таковая разнородность естественно производит несоразмерное с объемом заведения скопление учебных предметов и замешательство в распределении их, ко вреду сего заведения»*[15].

Особенно жесткому разбору графа С.С. Уварова подверглись разделы проекта, касавшиеся изучения в учебном заведении иностранных, в том числе восточных, языков. Министр обратил особое внимание на то, что в число общих для всех воспитанников изучаемых языков должны были войти русский, французский,

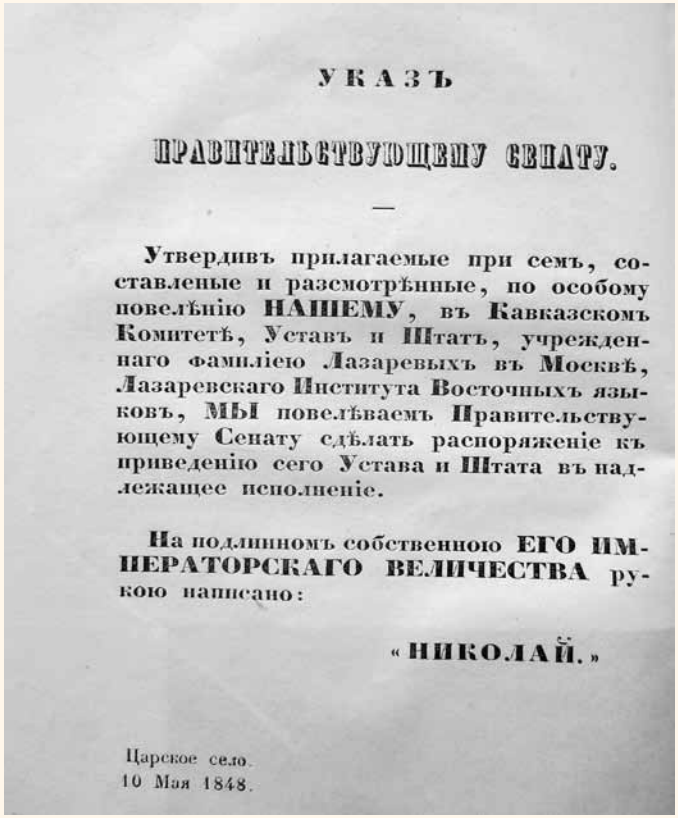
арабский, персидский и турецкий, кроме того, для тех, кто хотел поступать на государственную службу, обязательным был бы латинский, а для предназначавших себя в торговлю – английский язык. Помимо этого воспитанники-армяне обязаны изучать армянский, а «закавказские воспитанники» – грузинский, армянский, татарский (азербайджанский). По мнению министра, *«обучение столь многим языкам в одно и то же время, способное произвесть совершенное смешение в понятиях молодых людей и притупить их способности, не обещает решительно никакой пользы»*[16].

Со своей стороны министр предлагал ограничиться для проектируемого Лазаревского лицея в качестве главной цели только подготовкой *«переводчиков и чиновников для гражданской службы в Закавказском крае, также духовных лиц Армянского исповедания»*. В случае, если финансовые возможности попечителей не позволили бы выделить из Лазаревского института отдельно гимназию и лицей, то тогда в составе института предлагалось создать шесть гимназических и три лицейских класса. Подход графа С.С. Уварова был прагматичным и учитывал прежде всего ясно обозначившуюся в 1840-х годах потребность кавказской администрации в притоке в этот край хорошо образованных чиновников из числа местных уроженцев. Поэтому министр предложил графу А.Ф. Орлову в связи с тем, что *«дело идет здесь об образовании для гражданской службы Закавказских уроженцев и о приготовлении для тамошнего края способных чиновников и переводчиков»*, подключить к разработке проекта устава Лазаревского лицея кавказского наместника князя М.С. Воронцова[17].

Критика со стороны министра народного просвещения заставила графа А.Ф. Орлова более четко обозначить цель инициированного Кавказским комитетом преобразования Лазаревского института. На деле комитет преследовал не только узкопрактическую цель подготовки переводчиков и чиновников, речь шла о более широком замысле. В ответном письме графу С.С. Уварову от 12 марта 1848 г. граф А.Ф. Орлов вынужден был в принципе согласиться, что преподавание в одном учебном заведении одновременно сжатых гимназического и лицейского курса, да еще при наличии трех отделений, *«произведет скопление и замешательство в распределении учебных предметов»*. С другой стороны, главный начальник института исходил из реальных возможностей учебного заведения. Поэтому предложение разделить институт на гимназию и лицей или ввести внутри него шесть гимназических и три лицейских класса было отвергнуто, поскольку для этого не было необходимых средств. По мнению графа А.Ф. Орлова, главная цель Лазаревского института ***«состоит в обучении восточным языкам, не только приуготовительном, но общем и высшем, обнимающем преподавание восточных языков в том размере, как они читаются в С.-Петербургском университете»***[18]. Таким образом, речь шла о том, чтобы ввести в Лазаревском институте наравне с общей гимназической учебной программой также университетский курс преподавания восточных языков. Согласно § 52 составленного проекта устава института весь курс обучения должен был делиться на восемь классов, из которых шесть являлись бы гимназическими, а два – специальными или высшими, предназначенными для преподавания восточных языков. Таким образом, правительство, не тратя своих средств, достигало давно поставленной цели – создания специального учебного заведения для изучения восточных языков. Желая окончательно прояснить главную цель реформы института, граф А.Ф. Орлов писал: *«В заключение долгом считаю присовокупить, что преобразованием Лазаревского Института… откроется в Москве заведение, которого именно для Москвы при настоящих торговых сношениях ее с Востоком не достает, **за-***

ведение, где будут изучать восточные языки в обширном размере и которое, таким образом, будет заменять восточный факультет университета, не требуя никаких издержек со стороны казны»[19].

29 апреля 1848 г. подготовленный проект устава Лазаревского института был рассмотрен на заседании Кавказского комитета, который его одобрил с небольшими изменениями. Члены комитета в качестве поощрительной меры решили предоставить тем из учащихся института, кто *«кончит в Институте, сверх общего курса, еще весь полный курс восточных языков»,* право получить по выходе из института сразу XII чин по Табели о рангах[20]. 10 мая 1848 г. император Николай I утвердил журнал Кавказского комитета и подписал указ Правительствующему сенату о преобразовании Лазаревского института.



УКАЗЪ

ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

—

Утвердивъ прилагаемые при семъ, составленые и разсмотрѣнные, по особому повелѣнію НАШЕМУ, въ Кавказскомъ Комитетѣ, Уставъ и Штатъ, учрежденнаго фамиліею Лазаревыхъ въ Москвѣ, Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ, МЫ повелѣваемъ Правительствующему Сенату сдѣлать распоряженіе къ приведенію сего Устава и Штата въ надлежащее исполненіе.

На подлинномъ собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

«НИКОЛАЙ.»

Царское село.
10 Мая 1848.

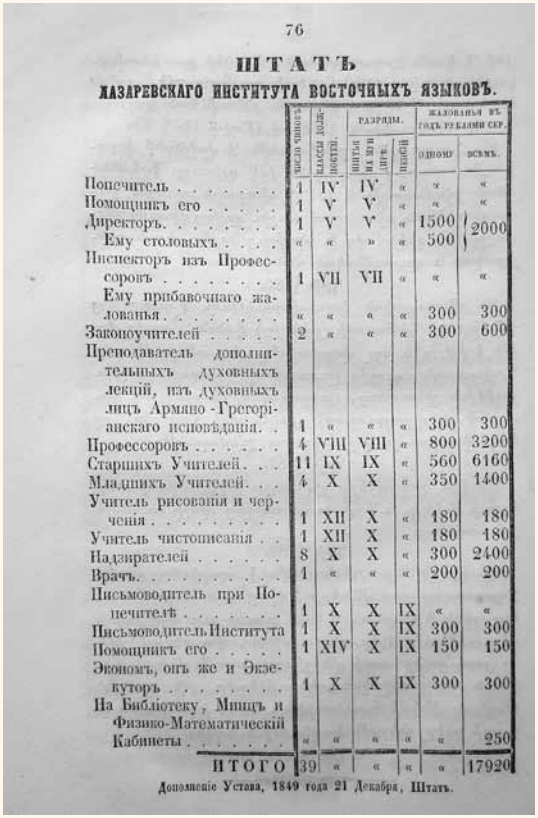
Указ Правительствующему сенату об утверждении Устава и штата Лазаревского института восточных языков. 10 мая 1848 г.

Из журнала Кавказского комитета 29 апреля 1848 г.

«Слушана внесенная, по особому Высочайшему повелению записка Генерал-Адъютанта Графа Орлова, от 17-го Апреля 1848 г., о преобразовании Московского Армянского Лазаревых Института восточных языков.

Комитет, рассмотрев проект Устава и Штата Лазаревского Института восточных языков, нашел, что этот проект составлен совершенно согласно с основаниями, одобренными уже Государем Императором для преобразования сего заведения. По мнению Комитета, нельзя не отдать полной справедливости благотворительной и полезной цели Лазаревского Института. Содержимый на иждивении фамилии Лазаревых и на счет капиталов, ею пожертвованных, не требуя никаких пособий со стороны казны, этот Институт, в продолжении 23-х лет существования своего образовал 750 воспитанников. С изданием нового устава предполагается значительно расширить круг преподавания в этом заведении восточных языков и сравнить его с тем курсом, который введен в С.-Петербургском университете. Комитет, принимая во внимание, что и при таком расширении курса Институт будет по-прежнему содержаться собственными способами, находит во всех отношениях полезным и необходимым присвоить Институту такия права, кои присвоены прочим подобного рода заведениям и кои соответствуют пространству вновь вводимого в Институте восточных языков учебного курса…

Комитет… признал необходимым для поощрения… воспитанников к изучению именно восточной словесности тем из них, кто кончит в Институте, сверх общего



76

ШТАТЪ

ЛАЗАРЕВСКАГО ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ.

	Число чиновъ	Классы должностей	Разряды: Шитья на мундирѣ	Разряды: Пенсіи	Жалованья въ годъ рублями сер.: Одному	Жалованья въ годъ рублями сер.: Всѣмъ
Попечитель	1	IV	IV	«	«	«
Помощникъ его	1	V	V	«	«	«
Директоръ	1	V	V	«	1500	2000
Ему столовыхъ	«	«	»	«	500	
Инспекторъ изъ Профессоровъ	1	VII	VII	«	«	«
Ему прибавочнаго жалованья	«	«	«	«	300	300
Законоучителей	2	«	«	«	300	600
Преподаватель дополнительныхъ духовныхъ лекцій, изъ духовныхъ лицъ Армяно-Грегоріанскаго исповѣданія	1	«	«	«	300	300
Профессоровъ	4	VIII	VIII	«	800	3200
Старшихъ Учителей	11	IX	IX	«	560	6160
Младшихъ Учителей	4	X	X	«	350	1400
Учитель рисованія и черченія	1	XII	X	«	180	180
Учитель чистописанія	1	XII	X	«	180	180
Надзирателей	8	X	X	«	300	2400
Врачъ	1	«	«	«	200	200
Письмоводитель при Попечителѣ	1	X	X	IX	«	«
Письмоводитель Института	1	X	X	IX	300	300
Помощникъ его	1	XIV	X	IX	150	150
Экономъ, онъ же и Экзекуторъ	1	X	X	IX	300	300
На Библіотеку, Минцъ и Физико-Математическій Кабинеты	«	«	«	«	«	250
ИТОГО	39	«	«	«	«	17920

Дополненіе Устава, 1849 года 21 Декабря, Штатъ.

Штат Лазаревского института восточных языков. 1848 г.

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ АКТЪ

ЛАЗАРЕВСКАГО ИНСТИТУТА

ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ,

ПО СЛУЧАЮ ВЫСОЧАЙШЕ ДАРОВАННЫХЪ ПРАВЪ

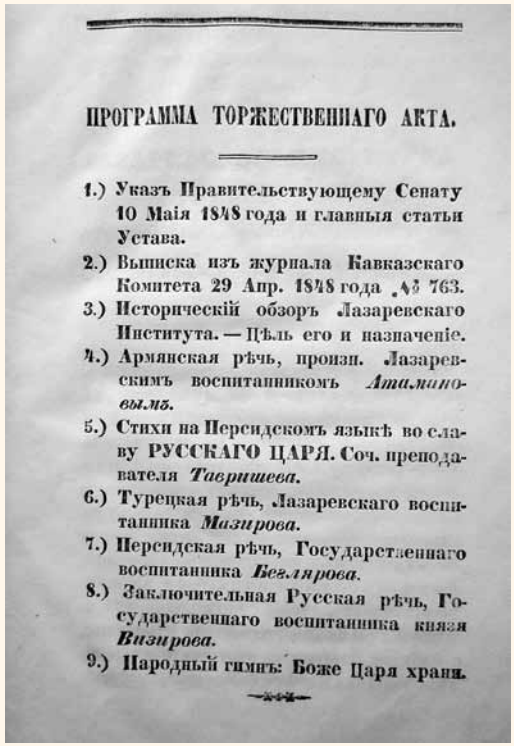
въ 10 день Мая

1848 ГОДА.

МОСКВА.

1848.

Титул книги «Торжественный акт по случаю дарованных прав Лазаревскому институту в 10 день Мая 1848 года». М.,1848



ПРОГРАММА ТОРЖЕСТВЕННАГО АКТА.

1.) Указъ Правительствующему Сенату 10 Маія 1848 года и главныя статьи Устава.
2.) Выписка изъ журнала Кавказскаго Комитета 29 Апр. 1848 года № 763.
3.) Историческій обзоръ Лазаревскаго Института. — Цѣль его и назначеніе.
4.) Армянская рѣчь, произн. Лазаревскимъ воспитанникомъ *Атамановымъ*.
5.) Стихи на Персидскомъ языкѣ во славу РУССКАГО ЦАРЯ. Соч. преподавателя *Тавришева*.
6.) Турецкая рѣчь, Лазаревскаго воспитанника *Мазирова*.
7.) Персидская рѣчь, Государственнаго воспитанника *Беглярова*.
8.) Заключительная Русская рѣчь, Государственнаго воспитанника князя *Визирова*.
9.) Народный гимнъ: Боже Царя храни.

Программа Торжественного акта по случаю дарованных прав Лазаревскому институту. 10 мая 1848 г.

курса, еще весь полный курс восточных языков, предоставить право на чин не 14, а 12 класса, подобно тому, как это право даровано студентам Ришельевского лицея.

Исправив сообразно этому проекты Устава и Штата Лазаревского Института восточных языков, Комитет положил: представить их, при проекте особого Указа Правительствующему Сенату, на Всемилостивейшее благоусмотрение Его Императорского Величества.

Государь Император, на журнале Комитета, в 10-й день Мая Высочайше изволил написать собственноручно: "Исполнить".

Представленные Его Величеству проекты а) указа Правительствующему Сенату; б) Штата Лазаревско-

го института восточных языков удостоились в тот же день: первый Высочайшего подписания, а последние Высочайшего Его Императорского Величества утверждения»[21].

Реформа Лазаревского института была отмечена состоявшимся в стенах учебного заведения 10 сентября 1848 г. торжественным актом, на котором при стечении большого количества гостей были объявлены новая цель и назначение института согласно утвержденному уставу. Деятельность попечителей института была отмечена *«отличным Монаршим благоволением, в ознаменование которого они получили ордена Св. Анны 1-й степени»*[22].

Из «Обозрения Лазаревского института»

«Сентября 20 дня 1848 года был в Лазаревском Институте торжественный акт, по случаю введения новаго ВЫСОЧАЙШЕ дарованного Устава и Штата в 10-й день Мая 1848 года. Блистательно и великолепно было торжество при первых Сановниках и при стечении значительного числа публики. Все общество Армянской нации с Духовенством находились. Произнесены были речи. Богатое угощение обедом при военной музыке происходило. Провозглашаемы были тосты: Гимн "Боже Царя Храни" при начале и конце сопровождал акт. При открытии акта присутствовали: высшее духовенство, Московский военный Генерал-Губернатор Граф Закревский, Сенаторы, Генералы, Профессоры и другие. Всех было до 100 особ»[23].

§ 2. Лазаревский институт в 1848 – конце 1860-х гг. От реформы к кризису

Практически сразу после утверждения нового Устава практика показала обоснованность замечаний графа С.С. Уварова относительно количества планировавшихся к преподаванию в институте предметов, в том числе иностранных языков. Нагрузка оказалось чрезмерной для учащихся. В результате в течение 1848–1849 гг. устав и штаты института были скорректированы. Для гимназического курса изучение латинского языка стало обязательным только для учащихся, предполагавших поступать в университет; для желающих после окончания института поступить сразу на гражданскую или военную службу обязательным стало русское законоведение. Все воспитанники института, кроме обучавшихся на духовном отделении, обязаны были обучаться одному из восточных языков по собственному выбору – турецкому, персидскому или татарскому, *«с пособием арабского»* (арабский язык считался обязательным при изучении любого из этих трех восточных языков). Что касается закавказских уроженцев, то они должны были изучать каждый свой родной язык – армянский, грузинский, татарский (азербайджанский).

ИСТОРІЯ АРМЕНІИ
МОИСЕЯ ХОРЕНСКАГО
М. О. ОМИНА
МОСКВА.

Титул книги «История Армении Моисея Хоренского». М., 1893

В штате института появилась должность помощника попечителя, на которую утвердили Христофора

Иван Христофорович Лазарев *(1844–1851). Художник С.К. Зарянко*

Екимовича Лазарева. Это было связано с постепенным отходом от дел по состоянию здоровья попечителя института Ивана Екимовича Лазарева. Большую часть его обязанностей стал исполнять Христофор Екимович, ранее занимавший должность директора. Все эти дополнения были одобрены Кавказским комитетом и утверждены 21 декабря 1849 г. императором Николаем I[24].

Однако и на этом преобразования не закончились. 7 февраля 1851 г. братья Лазаревы обратились к графу А.Ф. Орлову с прошением учредить при институте «Приготовительное отделение, коего главное назначение должно состоять в обучении детей первоначальным сведениям и в приучении их к новому образу жизни и училищной дисциплине». В прошении попечители обращали внимание главного начальника института на тот факт, что в институт в числе прочих принимались «дети самых бедных родителей», которые не имели возможности дать своим детям необходимое начальное образование. В результате, по мнению попечителей, «отсутствие всяких приготовительных сведений, с одной стороны, а с другой, резкий переход к новому порядку имеют нередко последствием, что воспитанники, не одаренные большими способностями, не успевают за своими товарищами, лучше их приготовленными, и посему или оставляются на нескольких лет в низших классах Института, в ущерб другим кандидатам, ожидающих вакансий, или вследствие этой невозможности успевать, предаваясь унынию, делаются равнодушными к учению»[25].

Поводом к учреждению нового отделения стала смерть 26 ноября 1850 г. семилетнего сына Христофора Екимовича Лазарева Ивана – единственного наследника рода Лазаревых по прямой мужской линии. В память о нем братья Лазаревы решили пожертвовать капитал в 60 тысяч рублей серебром, проценты от которого должны были пойти на содержание «Приготовительного отделения малолетнего Ивана Лазарева». В него должны были приниматься ежегодно 14 детей «самых бедных родителей из Армян, преимущественно сироты не моложе осьми лет». Впрочем, в отделение могли приниматься также пансионеры с ежегодной оплатой обучения в размере 200 рублей серебром. В нем обучали следующим предметам: чтению и письму на русском и армянском языках, первым арифметическим правилам, а также основам Закона Божия. Обучение длилось от одного до двух лет, в зависимости от подготовки ученика. По окончании курса ученики сдавали экзамен и переводились в начальные гимназические классы института. В качестве учителей и надзирателей должны были выступать те воспитанники-выпускники института и университета, которые согласно уставу должны были отслужить в институте в течение шести лет. Высочайшим указом от 17 февраля 1851 г. «Приготовительное отделение малолетнего Ивана Лазарева» было учреждено при Лазаревском институте.

Высочайшее повеление, объявленное Правительствующему Сенату от 17 февраля 1851 г.

«Монаршая Благодарность.

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛЕНИЕ, объявленное Правительствующему Сенату.

Февраля 17. (Г. Управляющим Министерством Юстиции.) Действительные Статские Советники и Камергеры: Попечитель Лазаревского Института восточных языков Иван Лазарев и Помощник Попечителя сего Института Христофор Лазарев, признавая полезным учредить при означенном Институте Приготовительное Отделение по особо составленному ими проекту, пожертвовали на содержание сего Отделения, от имени умершего, 26 Ноября 1850 г., в малолетстве Ивана Христофоровича Лазарева, капитал в шестьдесят тысяч рублей серебром.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР, по всеподданнейшему о сем докладу, вполне соизволяя как на учреждение при Лазаревском Институте означенного Отделения, с тем, чтобы оно, согласно желанию учредителей, именовалось Приготовительным Отделением малолетнего Ивана Лазарева, так и на принятие жертвуемого Гг. Лазаревыми капитала в шестьдесят тысяч рублей серебром, Высочайше соизволил повелеть: за сей новый знак усердия Действительных Статских Советников Ивана и Христофора Лазаревых к пользам Института, изъявить им благодарность ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА.

О таковом Высочайшем повелении, сообщенном Г. Генерал-Адъютантом Графом Орловым, он Г. Управляющий Министерством Юстиции, предложил Правительствующему Сенату, присовокупляя, что ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО, прочитав представленный Лазаревыми и при сем прилагаемый проект постановления для учреждения при Лазаревском Институте восточных языков Приготовительного Отделения, Высочайше соизволил проект сей утвердить»[26].

Последним всплеском преобразовательной активности правительства в отношении Лазаревского института стала попытка Кавказского комитета, курировавшего 20 ежегодно поступавших в институт «закавказских воспитанников», освободить их от изучения арабского языка. В течение 1852/53 учебного года совет института несколько раз вынужден был рассматривать на своих заседаниях этот вопрос. В итоге совет отклонил предложение Кавказского комитета, вынеся следующее решение: *«…язык арабский в Институте не составлял и не составляет предмета особого изучения. Согласно уставу, он преподается как пособие для лучшего сознательного разумения турецкого, татарского и персидского языков, в которые он входит только как элемент ученый... Без этого пособия изучение восточных языков, преподаваемых в Институте, было бы в высшей степени односторонне и не носило бы на себе никакого ученого характера, необходимо сопряженного с названием Института как высшего учебного заведения»*[27].

***

В утвержденном 10 мая 1848 г. уставе о целях института говорилось следующее: *«Лазаревский институт посвящается изучению восточных языков и их литературы. Независимо от этого в Институте преподаются все предметы общего гимназического курса, необходимые для лиц, приготовляющих себя к поступлению в Университеты или прямо на службу государственную, а также для торговли»*[28]. Кроме того, в Лазаревском институте продолжило существовать Духовное отделение для подготовки юношей армян из духовного сословия для службы по «ведомству армяно-григорианского исповедания».

Система управления Лазаревским институтом была сохранена в прежнем виде. Во главе учебного заведения стоял главный начальник, особо назначавшийся императором и *«действовавший по сей обязанности под непосредственным Высочайшим ведением Его Вели-*

чества». В 1844–1860 гг. эту должность занимал граф (с 1856 г. князь) А.Ф. Орлов, а в 1860–1870 гг. – государственный секретарь, член и управляющий делами Кавказского комитета Владимир Петрович Бутков. Непосредственное управление институтом осуществляли попечитель, директор, инспектор, совет и правление. Попечителем до 1858 г. оставался Иван Екимович Лазарев. После его кончины (6 февраля 1858 г.) это звание перешло к Христофору Екимовичу Лазареву, занимавшему ее до смерти 9 декабря 1871 г. Согласно уставу по своим правам попечитель института приравнивался к попечителям университетов. Его главной обязанностью являлось *«изыскание средств к приведению заведения в цветущее состояние и высший надзор за действиями всех вообще лиц, составляющих Институтское управление»*[29]. Должность помощника попечителя в 1849–1858 гг. занимал Х.Е. Лазарев.

Средства на содержание Лазаревский институт по-прежнему получал, во-первых, в виде процентов с пожертвованных Лазаревыми капиталов; во-вторых, в виде доходов с недвижимого имущества (прежде всего доходных домов в Санкт-Петербурге и Москве) и типографии; в-третьих, в виде платы, получаемой с родителей пансионеров и полупансионеров[30]. В 1853 г., чтобы увеличить доходы института, братья Лазаревы передали в его владение дом на Мясницкой улице с большим участком земли. После кончины И.Е. Лазарева (планировавшего в 1857 г. пожертвовать институту 50 тысяч рублей серебром) Х.Е. Лазарев в память о брате, прибавив еще 10 тысяч рублей серебром, пожертвовал институту 60 тысяч рублей серебром. В 1860 г. он пожертвовал капитал в 30 тысяч рублей, с которого ежегодно институту должны были выплачивать 6%. Кроме того, попечитель каждый год выделял относительно небольшие суммы в 200 или 500 рублей на различные нужды института – ремонт зданий, покупку мебели для квартиры директора и др.[31].

Из отношения Главного Начальника Лазаревского института к Попечителю от 22 марта 1858 г. за № 390

«Милостивый Государь! Христофор Иоакимович!

...Его Императорское Величество, отдавая полную справедливость усердию Вашего Превосходительства и покойного брата Вашего Ивана Иоакимовича на пользу народного просвещения, и рассмотрев с особым вниманием отчет о состоянии Лазаревского Института восточных языков за 1857 год, Всемилостивейше соизволил повелеть:

1) По случаю кончины Действительного Статского Советника Ивана Иоакимовича Лазарева, назначить Ваше Превосходительство Попечителем Лазаревского Института восточных языков, с производством Вас Милостивый Государь, во внимание к ревностной службе особому усердию Вашему на пользу заведения в Тайные Советники.

2) С назначением Вас Попечителем установленную Высочайше утвержденными 21-го Декабря 1849 года дополнением и изменением некоторых §§ Устава Лазаревского Института восточных языков и штатов сего заведения должность Помощника Попечителя Лазаревского Института упразднить и по сему случаю отменить дополнение к §§ 11 и 13 Устава Института.

3) Деньги, вновь пожертвованные в пользу Лазаревского Института восточных языков покойным братом Вашим Иваном Иоакимовичем Лазаревым пятьдесят тысяч руб. сер. и Вами, Милостивый Государь, в память сего брата Вашего десять тысяч руб. сер. принять в пользу означенного Института, предоставить начальству оного сделать из этого капитала употребление, наиболее для сего заведения выгодное и полезное и 4) Дом, находящийся в Москве, в Мясницкой части, пожертвованный братом Вашим Иваном Иоакимовичем и Вашим Превосходительством в 1853 г. в пользу Института, принять теперь же со всеми к нему принад-

Семен Ильич Зеленой *(1812–1892)*

Януарий Михайлович Неверов *(1810–1893)*

лежащими строениями и землями в полную собственность Лазаревского Института.

О такой Высочайшей воле сообщая Вашему Превосходительству для зависящих распоряжений и поздравляя Вас, Милостивый Государь, с новыми знаками Монаршей к Вам милости, я имею честь препроводить к вашему Превосходительству засвидетельствованную копию с Высочайшего Его Императорского Величества Указа, данного Правительствующему Сенату 20-го сего Марта о назначении Вас Попечителем Лазаревского Института с производством в Тайные Советники»[32].

Кроме того, с конца 1840-х годов Лазаревский институт активно получал материальную поддержку со стороны армянской общины в виде учреждения стипендий. Так, в 1848 г. в институте была учреждена стипендия московского купца 3-й гильдии И.М. Касперова, который пожертвовал учебному заведению 50 тысяч рублей ассигнациями с тем, чтобы часть процентов с этой суммы (25 тысяч рублей) ежегодно отпускалась на обучение в институте одного мальчика из числа сирот армянского купечества[33]. В том же 1848 г. житель Тифлиса Иван Мнацаканов внес в Московский опекунский совет капитал в 15 тысяч рублей серебром *«для воспитания из процентов постоянно двух мальчиков из бедных Армян Закавказского края в Московском Лазаревском Институте восточных языков»*[34]. В 1856 г. князь К.Д. Аргутинский-Долгорукий пожертвовал капитал в 13 тысяч рублей серебром *«для воспитания на проценты с части сего капитала пансионера в Лазаревском институте»*[35].

Как и ранее, главным лицом в институте после главного начальника и попечителя являлся директор. В уставе 1848 г. о его правах говорилось следующее: *«Директор Лазаревского института есть непосредственный Начальник и полный хозяин оного по всем вообще частям»*. По своим правам он был приравнен к ректорам университетов или директорам лицеев, гимназий. Непосредственным помощником директора *«по всем вообще частям управления»* являлся инспек-

тор. Поскольку его главной обязанностью было наблюдение за учебной частью, то в уставе оговаривалось, что инспектор должен назначаться из числа профессоров института[36].

Преобразование Лазаревского института сопровождалось переменами в составе его непосредственного руководства. Должность директора в 1849–1855 гг. исполнял подполковник (с 1853 г. полковник; позднее адмирал) Семен Ильич Зеленой, до этого служивший помощником инспектора в Морском кадетском корпусе. По отзыву автора «Исторического очерка Лазаревского института…», он *«в короткое время оказал желаемые усовершенствования институту. При нем окончены все начатые перестройки, и число учащихся могло быть увеличено»*[37]. В 1856–1861 гг. должность директора занимал близкий родственник семьи Лазаревых – Николай Давыдович Делянов. Он родился 25 ноября 1816 г. в семье генерал-майора Давыда Артемьевича Делянова и Марии Екимовны Лазаревой. Окончил Школу гвардейских прапорщиков и был выпущен в 1837 г. корнетом в лейб-гвардии Кирасирский полк. В 1851 г. Н.Д. Делянов женился на Елене Абрамовне Хвощинской, вышел в отставку и уехал на несколько лет за границу. В 1861 г. Н.Д. Делянов подал в отставку с поста директора Лазаревского института, однако в 1869 г. вновь вернулся в институт в этом качестве.

После отставки Н.Д. Делянова должность директора в июне 1861 г. – мае 1864 г. занимал известный русский педагог и писатель Януарий Михайлович Неверов. Он родился в 1810 г. в селе Верякуши Ардатовского уезда Нижегородской губернии. Начальное образование получил в Арзамасском уездном училище, в 1827 г. поступил в Московский университет, где стал одним из активных участников литературно-философского кружка Н.В. Станкевича. Окончив университетский курс, Я.М. Неверов переехал в Санкт-Петербург, где работал сотрудником «Журнала Министерства народного просвещения». В 1836 г. он уехал в Берлин, где был определен на должность корреспондента Археографической комиссии за границей. После возвращения в Россию в 1839 г. он стал инспектором Рижской гимназии, с 1846 г. – директором народных училищ Черниговской губернии, а с декабря 1850 г. – директором училищ Ставропольской губернии. Я.М. Неверов много сделал для повышения уровня преподавания в учебных заведениях Ставропольской губернии. Его получившая широкую известность педагогическая деятельность и особенное отношение к учившимся в Ставропольской гимназии уроженцам Северного Кавказа, вероятно, привлекли внимание руководства Лазаревского института. После отставки Я.М. Неверова вследствие конфликта с властями Ставропольской губернии он был приглашен в Лазаревский институт.

В мае 1864–1868 гг. директором Лазаревского института был профессор Иван Кондратьевич Бабст. Выпускник Московского университета, он в 1845–1851 гг. преподавал курс истории в Московском сиротском институте, затем в Казанском университете читал политэкономию и статистику. Вернувшись в Москву, он занял должность профессора на кафедре политической экономии и статистики Московского университета (до 1874 г.), в 1867–1881 гг. одновременно служил управляющим Московским купеческим банком. Карьере И.К. Бабста способствовал тот факт, что в 1863 г. он был приглашен для преподавания статистики цесаревичу Николаю Александровичу. Эта обязанность требовала от И.К. Бабста длительного пребывания в Санкт-Петербурге, что, очевидно, не мешало ему выполнять свои обязанности в Московском университете и Лазаревском институте.

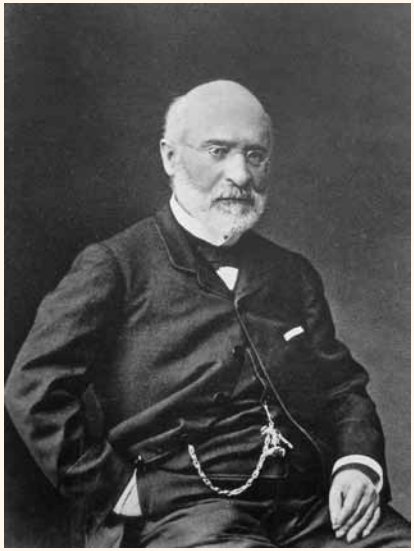
Должность инспектора института еще с 1847 г. занимал известный филолог и историк – статский совет-

Иван Кондратьевич Бабст *(1823–1881)*

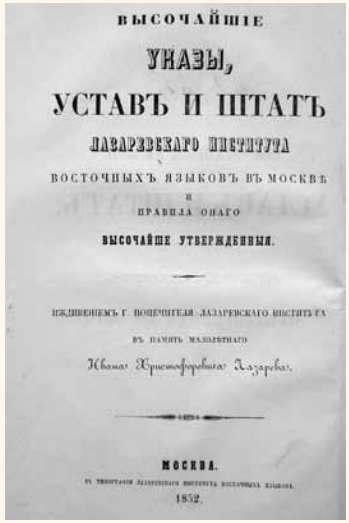
Алексей Зиновьевич Зиновьев *(1801–1884)*

ник Алексей Зиновьевич Зиновьев. В 1821 г. он окончил Московский университет, а на следующий год был назначен преподавателем латинского и русского языков в Московский университетский Благородный пансион. Интересно, что в 1827 г. А.З. Зиновьев готовил к поступлению в пансион М.Ю. Лермонтова. После защиты в 1827 г. магистерской диссертации «О начале, ходе и успехах критической российской истории» он был назначен в 1830 г. профессором российской словесности, а также инспектором в Демидовский юридический лицей в Ярославле. Затем с октября 1855 г. по 1861 г. должность инспектора института занимал профессор Никита Осипович Эмин. В марте 1861 г. исправляющим должность инспектора был назначен Георгий Ильич Кананов. Он родился в 1834 г. в городе Кизляре. Окончив Ставропольскую гимназию, поступил на историко-филологический факультет Московского университета. За успехи в учебе Кананов был оставлен при университете по кафедре всеобщей истории. В 1861 г. он пришел в Лазаревский институт в качестве преподавателя всеобщей истории, и последующие 35 лет его жизни были целиком и полностью связаны с институтом[38]. Посвятив себя в большей степени административной деятельности, Г.И. Кананов оставил после себя несколько научных трудов: «Очерк о зейтунских армянах во время восстания в шестидесятых годах», «Европа и Турция в армянском вопросе»[39], «Армяне в России». Отдельно стоит указать на составленные им юбилейные очерки, посвященные 50-летию и 75-летию Лазаревского института[40].

Все вопросы по учебной части Лазаревского института решались на заседаниях совета института, в который входили директор, инспектор, а также профессора и старшие учителя. Кроме того, по распоряжению попечителя в совет могли быть включены *«лица посторонние, известные своею ученостью или опытностью в воспитании юношества»*. Хозяйственная и полицейская части передавались в распоряжение правления, куда входили директор, инспектор и четыре члена совета по выбору попечителя (при этом трое



Никита Осипович Эмин *(1815–1890)*


ВЫСОЧАЙШІЕ
УКАЗЫ,
УСТАВЪ И ШТАТЪ
ЛАЗАРЕВСКАГО ИНСТИТУТА
ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ ВЪ МОСКВѢ
И
ПРАВИЛА ОНАГО
ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫЯ.
ИЗДАНІЕМЪ Г. ПОПЕЧИТЕЛЯ ЛАЗАРЕВСКАГО ИНСТИТУТА
ВЪ ПАМЯТЬ МАЛОЛѢТНАГО
Ивана Христофоровича Лазарева.
МОСКВА.
1852.

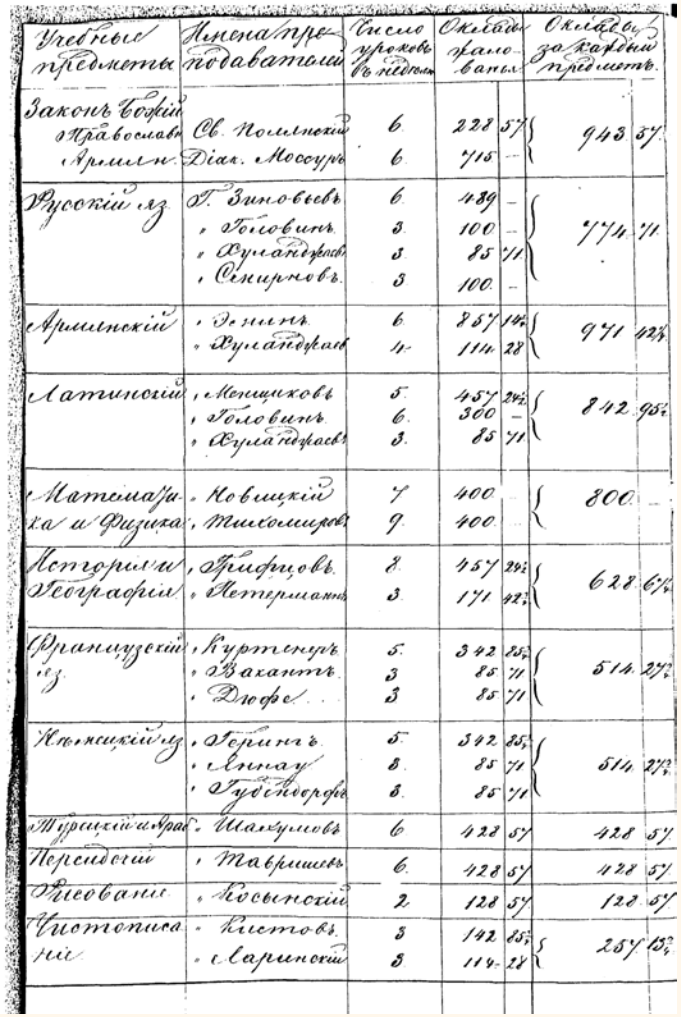
Титул книги «Высочайшие Указы, Устав и Штат Лазаревского института». М., 1852

из них должны были быть постоянно проживавшими в Москве армянами[41]). Полицейская часть в институте поручалась ведению эконома, который по совместительству являлся экзекутором. При институте по-прежнему действовала больница с врачом «для пользования больных».

По Уставу 1848 г. Лазаревский институт получил все права и преимущества, предоставленные лицеям ведомства Министерства народного просвещения. Институт был освобожден от квартирной повинности (постоем и деньгами), от употребления гербовой бумаги, от платежа весовых денег за отправление писем и посылок, от уплаты пошлин на ввоз из-за границы всех необходимых для учебного процесса вещей (книги и оборудование). Все преподаватели и служащие института имели определенные законами чины и права государственных служащих. Так, директор, инспектор, законоучители, профессора, старшие и младшие учителя, надзиратели, а также их семьи получили право на пенсию и единовременные пособия[42].

Все воспитанники Лазаревского института теперь разделялись на пансионеров (проживавших в институте) и полупансионеров (приходивших в институт на учебу). Число пансионеров ограничивалось 140 воспитанниками, при этом оговаривалось, что «если место позволит, число это может быть увеличено, по представлению Директора»[43]. Однако после реформы 1848 г. оказалось, что здание института не в состоянии вместить предполагавшееся количество учеников: прежние дортуары, классы, столовая и прочие помещения оказались недостаточными по размеру. Лишь благодаря хозяйственной распорядительности директора и инспектора были быстро проведены необходимые перестройки, позволившие увеличить количество учащихся.

Из 140 воспитанников 4 являлись пансионерами императора, 14 – «кавказскими» и «закавказскими» воспитанниками; 30 – «лазаревскими пансионерами»; 20 – воспитанниками Духовного отделения и содержались за счет доходов санкт-петербургских и московских армянских церквей. При приеме в институт воспитан-



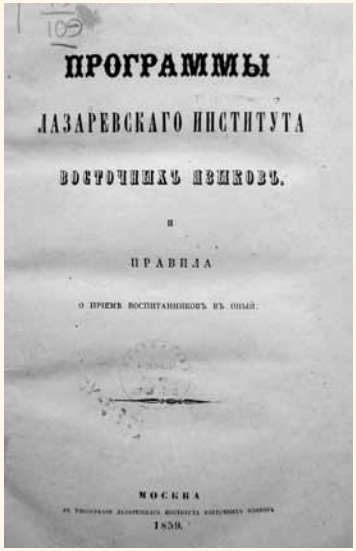
Учебные предметы	Имена преподавателей	Число уроковъ въ недѣлю	Оклады жалованья		Оклады за каждый предметъ	
Законъ Божій Православн.	Св. Полянскій	6	228	57	943	57
Армян.	Діак. Моссуръ	6	715	–		
Русскій яз.	Г. Зиновьевъ	6	489	–	774	71
	„ Головинъ	3	100	–		
	„ Хуланджаевъ	3	85	71		
	„ Смирновъ	3	100	–		
Армянскій	„ Эминъ	6	857	14¼	971	42¼
	„ Хуланджаевъ	4	114	28		
Латинскій	„ Меншиковъ	5	457	24½	842	95½
	„ Головинъ	6	300	–		
	„ Хуланджаевъ	3	85	71		
Математика и Физика	„ Новицкій	7	400	–	800	–
	„ Тихомировъ	9	400	–		
Исторія и Географія	„ Грифцовъ	8	457	24½	628	67½
	„ Петерманнъ	3	171	42¾		
Французскій яз.	„ Куртенеръ	5	342	85¾	514	27¾
	„ Вахантъ	3	85	71		
	„ Дюфе	3	85	71		
Нѣмецкій яз.	„ Горингъ	5	342	85¾	514	27¾
	„ Аннау	3	85	71		
	„ Губендорфъ	3	85	71		
Турецкій и Араб.	„ Шахумовъ	6	428	57	428	57
Персидскій	„ Тавришевъ	6	428	57	428	57
Рисованіе	„ Косынскій	2	128	57	128	57
Чистописаніе	„ Кистовъ	3	142	85¾	257	13¾
	„ Ларинскій	3	114	28		

Список преподавателей Лазаревского института 1848 г.
РГИА. Ф. 880. Оп. 5. Д. 204. Л. 24об.

ников из малоимущих армянских семей совет требовал представлять свидетельства о бедности: *«По Уставу все узаконенные свидетельства на бесплатных требовать, и без свидетельств не принимать. О бедности должны быть свидетельства от высшего Духовенства, от Епархиального Архиепископа или от Консистории и еще от гражданского Начальства, или же от Городского Общества, дабы под видом бедных и сирых не пользовались, как это встречалось, состоятельные: ибо право на бесплатные питомцы принадлежит одним бедным и сиротам из Армян»*[44]. Кроме того, в институте появились пансионеры, которые содержались на средства других благотворителей (например, двое «касперовских» воспитанников). Остальные 70 пансионеров воспитывались за счет платы, вносившейся их родителями. Плата за одного пансионера составляла 300 рублей серебром, а за полупансионера – 160 рублей серебром в год. Плата вносилась равными долями два раза в год. Прием воспитанников происходил два раза в год: в январе и июле. Поступавшие обязаны были сдать экзамен на умение читать и писать на русском или армянском языке, а также на знание первых правил арифметики[45].

Длительность общего институтского курса устанавливалась в восемь лет. Он делился на шесть гимназических и два высших класса. В гимназических классах Лазаревского института преподавали следующие дисциплины: 1. Русская словесность; 2. Математика и физика; 3. География с включением статистических сведений; 4. История всеобщая и русская; 5. Русские законы; 6. Латинский язык; 7. Немецкий язык; 8. Французский язык. Кроме того, преподавались искусства: 1. Каллиграфия, 2. Рисование и черчение, 3. Танцевание и гимнастика[46].

Гимназический курс в институте имел свои особенности. Так, здесь не предусматривалось преподавание обязательного для классической гимназии греческого языка. Немецкий и латинский языки преподавались по выбору учащихся, при этом латинский язык был обязателен только для тех воспитанников, кто собирался поступать в университет. Изучение восточных языков – армянского, арабского, персидского, турецкого, грузинского и татарского (азербайджанского) – начиналось в третьем гимназическом классе, а завершалось в двух высших. По мысли составителей устава, воспитанники, начав изучать восточные языки еще в гимназических

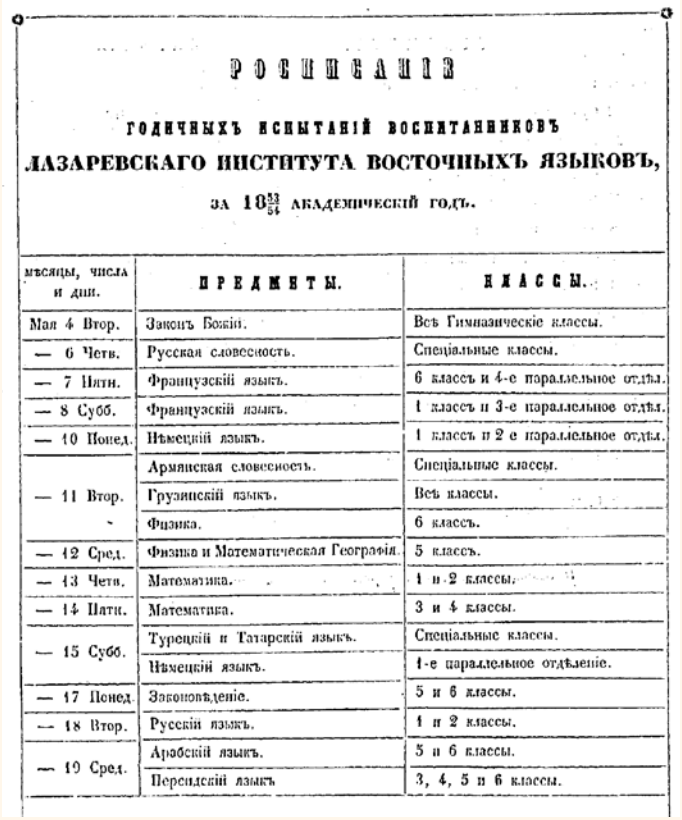

ПРОГРАММЫ
ЛАЗАРЕВСКАГО ИНСТИТУТА
ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ.
и
ПРАВИЛА
О ПРІЕМѢ ВОСПИТАННИКОВЪ ВЪ ОНЫЙ.
МОСКВА
1859.

Титул книги «Программы Лазаревского института восточных языков о приеме воспитанников в оный». М., 1859 г.

классах, должны были ко времени окончания института овладеть ими на уровне студентов Санкт-Петербургского университета. Как и прежде, в институте действовала система внеклассных занятий восточными языками с надзирателями, которые обязательно должны были знать один из восточных языков. Согласно § 47 устава Лазаревского института все его воспитанники обязаны были изучать один из восточных языков по собственному выбору: турецкий, персидский или татарский «с пособием языка Арабского». Кроме того, на основании § 34 «Положения о воспитании Кавказских и Закавказских уроженцев» все армяне, грузины и татары (азербайджанцы), уроженцы Северного Кавказа из числа «закавказских и кавказских воспитанников» должны были обучаться своим родным языкам[47].

Что касается программы старших классов, то, как говорилось в уставе, *«последние классы преимущественно назначаются для чтения восточной литературы, для практических упражнений в восточных языках и для преподавания русской словесности»*[48]. В 1855 г. обязательным для лицейских классов был сделан французский язык *«как важное пособие при изучении восточных языков»*. Затем в лицейских классах ввели законоведение, а также краткий обзор истории русского законодательства. В 1859 г. инспектор Н.О. Эмин предложил совету ввести в лицейских классах в качестве обязательного предмета латинский язык. По мнению инспектора, латынь была необходима воспитанникам *«уже потому, что большая часть восточных лексиконов и других учебных пособий составлены на этом языке»*. Но попечитель решил отложить проведение этой меры до утверждения Министерством народного просвещения нового гимназического устава[49]. В 1861 г. при директоре Я.М. Неверове в институт пригласили особого репетитора, уроженца Персии Г. Самханова-Лукаша для усиления практических занятий по персидскому языку. Одновременно в первом лицейском классе *«ввели упражнения в восточной каллиграфии»*. Я.М. Неверов также первым обратил внимание совета института и попечителя на необходимость учреждения для лицейских классов кафедры истории и географии Востока, без чего востоковедческое образование выпускников этих классов было бы неполным. Вопрос был отложен и положительно решен только в 1872 г., в ходе кардинального преобразования Лазаревского института[50].

В институте было два особых отделения, имевшие свои учебные программы. Воспитанникам Духовного отделения преподавали русский и один из европейских языков (французский или немецкий), армянский язык и один из трех восточных языков (турецкий, персидский или татарский), математику, физику, географию, историю, чистописание, рисование. Вероятно, учащимся предоставляли право выбрать один из восточных языков с учетом факта широкого расселения армянского населения в Персии, Османской империи и Закавказье. Будущий армяно-григорианский священ-



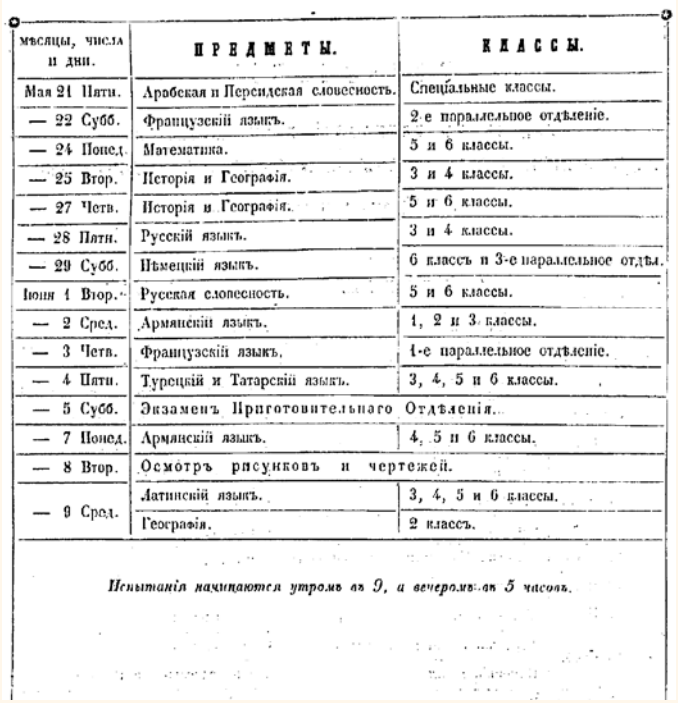
РОСПИСАНІЕ

ГОДИЧНЫХЪ ИСПЫТАНІЙ ВОСПИТАННИКОВЪ

ЛАЗАРЕВСКАГО ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ,

ЗА $18\frac{53}{54}$ АКАДЕМИЧЕСКІЙ ГОДЪ.

МѢСЯЦЫ, ЧИСЛА И ДНИ.	ПРЕДМЕТЫ.	КЛАССЫ.
Мая 4 Втор.	Законъ Божій.	Всѣ Гимназическіе классы.
— 6 Четв.	Русская словесность.	Спеціальные классы.
— 7 Пятн.	Французскій языкъ.	6 классъ и 4-е параллельное отдѣл.
— 8 Субб.	Французскій языкъ.	1 классъ и 3-е параллельное отдѣл.
— 10 Понед.	Нѣмецкій языкъ.	1 классъ и 2 е параллельное отдѣл.
— 11 Втор.	Армянская словесность.	Спеціальные классы.
	Грузинскій языкъ.	Всѣ классы.
	Физика.	6 классъ.
— 12 Сред.	Физика и Математическая Географія.	5 классъ.
— 13 Четв.	Математика.	1 и 2 классы.
— 14 Пятн.	Математика.	3 и 4 классы.
— 15 Субб.	Турецкій и Татарскій языкъ.	Спеціальные классы.
	Нѣмецкій языкъ.	1-е параллельное отдѣленіе.
— 17 Понед.	Законовѣденіе.	5 и 6 классы.
— 18 Втор.	Русскій языкъ.	1 и 2 классы.
— 19 Сред.	Арабскій языкъ.	5 и 6 классы.
	Персидскій языкъ	3, 4, 5 и 6 классы.



МѢСЯЦЫ, ЧИСЛА И ДНИ.	ПРЕДМЕТЫ.	КЛАССЫ.
Мая 21 Пятн.	Арабская и Персидская словесность.	Спеціальные классы.
— 22 Субб.	Французскій языкъ.	2-е параллельное отдѣленіе.
— 24 Понед.	Математика.	5 и 6 классы.
— 25 Втор.	Исторія и Географія.	3 и 4 классы.
— 27 Четв.	Исторія и Географія.	5 и 6 классы.
— 28 Пятн.	Русскій языкъ.	3 и 4 классы.
— 29 Субб.	Нѣмецкій языкъ.	6 классъ и 3-е параллельное отдѣл.
Іюня 1 Втор.	Русская словесность.	5 и 6 классы.
— 2 Сред.	Армянскій языкъ.	1, 2 и 3 классы.
— 3 Четв.	Французскій языкъ.	1-е параллельное отдѣленіе.
— 4 Пятн.	Турецкій и Татарскій языкъ.	3, 4, 5 и 6 классы.
— 5 Субб.	Экзаменъ Приготовительнаго Отдѣленія.	
— 7 Понед.	Армянскій языкъ.	4, 5 и 6 классы.
— 8 Втор.	Осмотръ рисунковъ и чертежей.	
— 9 Сред.	Латинскій языкъ.	3, 4, 5 и 6 классы.
	Географія.	2 классъ.

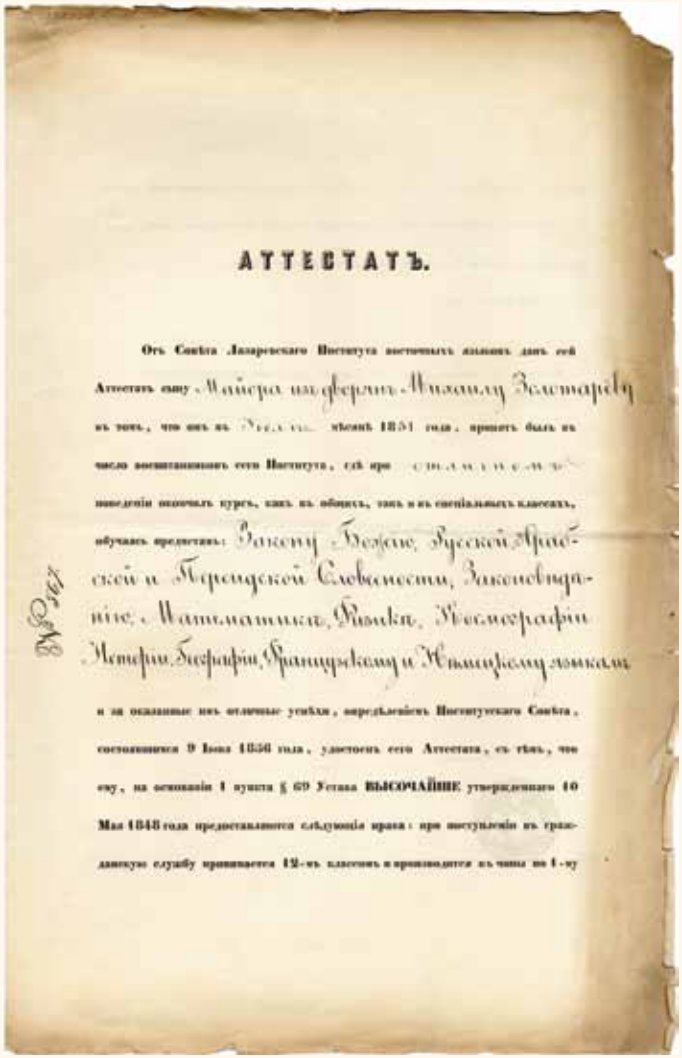
Испытанія начинаются утромъ въ 9, а вечеромъ въ 5 часовъ.

«Расписание годичных испытаний воспитанников Лазаревского Института восточных языков за 1853/54 академический год».
РГИА. Ф. 880. Оп. 5. Д. 204. Л. 218–218 об.

ник должен был знать язык (помимо армянского), на котором могли говорить в местности, где будет располагаться его приход. Кроме Закона Божия учащимся на Духовном отделении читались дополнительные лекции по догматическому богословию, толкованию Священного Писания, литургии и церковной истории. Для воспитанников, готовившихся после окончания института заняться коммерческой деятельностью, кроме общих гимназических дисциплин читались дополнительные курсы «бухгалтерии, науки о торговле и товароведения»[51]. В 1855 г. совет института постановил не переводить воспитанников Духовного отделения в лицейские классы, а оставлять их еще на два года в последнем, шестом гимназическом классе для занятия богословскими предметами и чтения духовной литературы. В мае 1861 г. по инициативе директора Я.М. Неверова это правило было отменено и воспитанников Духовного отделения стали переводить в лицейские классы, где они наряду с обычной программой должны были также изучать богословские дисциплины[52].

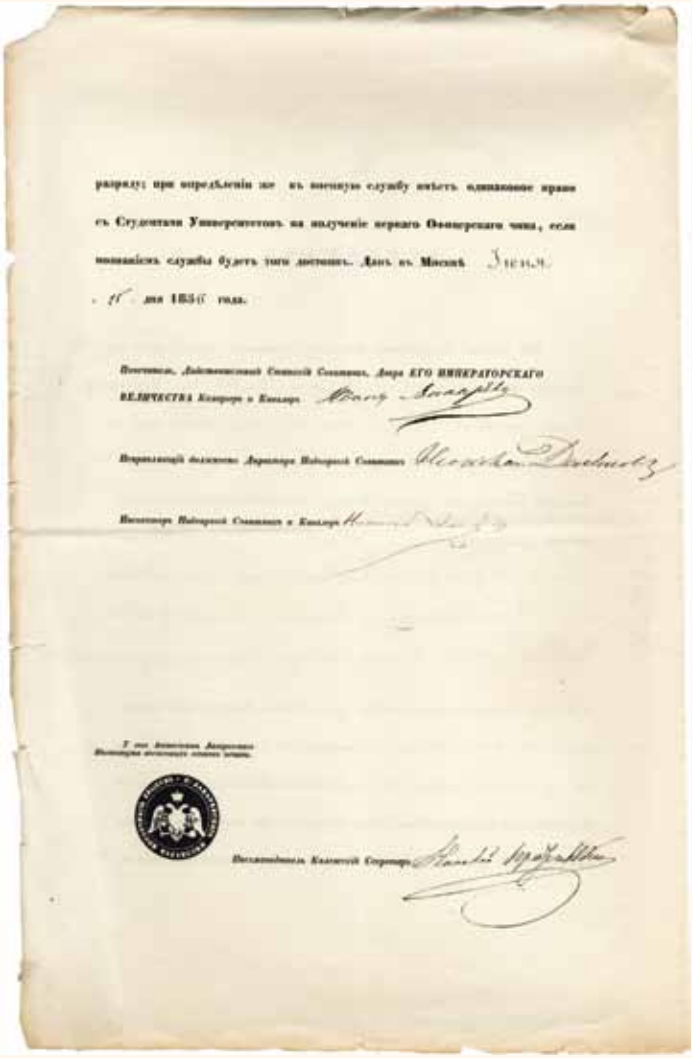
Из «Отчета о состоянии Лазаревского института восточных языков в 1861/62 академическом году»

«…В отношении к специальности нашего заведения изучению восточных языков, в истекшем году исходатайствовано у Господина попечителя разрешение для усиления практических занятий учащихся в Персидском



АТТЕСТАТЪ.

Отъ Совѣта Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ данъ сей Аттестатъ сыну Майора изъ дворянъ Михаилу Золотареву въ томъ, что онъ въ [illegible] мѣсяцѣ 1851 года, принятъ былъ въ число воспитанниковъ сего Института, гдѣ при отличномъ поведеніи окончилъ курсъ, какъ въ общихъ, такъ и въ спеціальныхъ классахъ, обучаясь предметамъ: Закону Божію, Русской, Арабской и Персидской Словесности, Законовѣдѣнію, Математикѣ, Физикѣ, Космографіи, Исторіи, Географіи, Французскому и Нѣмецкому языкамъ и за оказанные имъ отличные успѣхи, опредѣленіемъ Институтскаго Совѣта, состоявшимся 9 Іюня 1856 года, удостоенъ сего Аттестата, съ тѣмъ, что ему, на основаніи 1 пункта § 69 Устава ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго 10 Мая 1848 года предоставляются слѣдующія права: при поступленіи въ гражданскую службу принимается 12-мъ классомъ и производится въ чины по 1-му



разряду; при опредѣленіи же въ военную службу имѣетъ одинаковое право съ Студентами Университетовъ на полученіе перваго Офицерскаго чина, если познаніемъ службы будетъ того достоинъ. Данъ въ Москвѣ Іюня 16 дня 1856 года.

Подписалъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Кавалеръ и Кавалеръ [illegible]

Исправляющій должность Директора Надворный Совѣтникъ [illegible]

Инспекторъ Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ [illegible]

У сего Аттестата Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ печать.

Письмоводитель Коллежскій Секретарь [illegible]

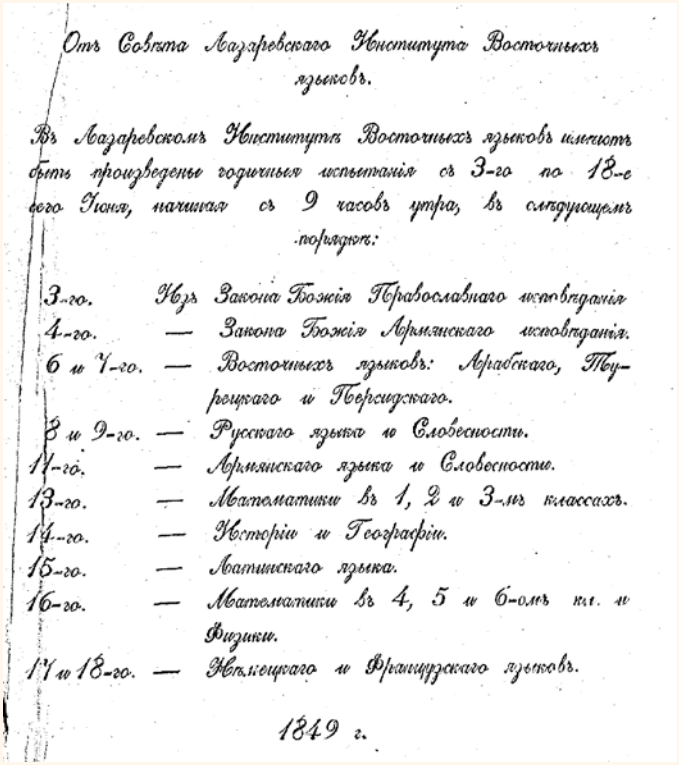
Аттестат об окончании Лазаревского института восточных языков воспитанника Михаила Золотарева. 25 июня 1856 г.
АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 148. Л. 2–2об.

языке иметь при Институте особого репетитора с жалованием 120 р. в год – (оно возросло до 156 рублей), на каковую должность и определен природный персиянин, принявший православную веру, Г. Самханов-Лукаш. Кроме назначенных часов для разговоров с воспитанниками на Персидском языке, Г. Самханов присутствует при обеде и завтраке учащихся в лицейских классах, чтобы иметь случай чаще упражнять их в беседе на изучаемых ими языках персидском и турецком, и даже на уроках Гг. профессоров. Но преподавание восточных языков требует непременно ближайшего знакомства с историей и географией востока, как то признает и первона-

чальный устав института; а потому весьма желательно было бы учреждение в нем особой кафедры для этих предметов, на что Директор имел честь обратить внимание Г. Попечителя и, с его согласия, обстоятельство это предположено иметь в виду при предполагаемых изменениях в Институтском уставе. Такая мера, кроме несомненной пользы для учащихся, возвысила бы и научную славу Института, коей он пользуется между иностранными арменологами. Доказательством доброй репутации нашего института между прочим служит недавно поступившая в него просьба французского арменолога Пишара, автора сочинения "Etude sur Moise de Khorene", готовящего к изданию Армянскую грамматику на французском языке. В просьбе своей Г. Пишар изъявляет желание войти в деятельные сношения с институтом и носить звание его члена, что со стороны институтского совета принято было радушно и от имени его Директор вошел в переписку с Г. Пишаром; а о назначении его членом института представил Г. Попечителю…»[53].

В период директорства Н.Д. Делянова были внесены изменения в порядок учебного дня воспитанников Лазаревского института. Все классные занятия были сосредоточены в первой половине дня и сокращены по времени. По новым правилам урок теперь длился один час десять минут. Принятый до этого режим, когда классные занятия шли также во второй половине дня, был признан *«неудобным для воспитанников»*, поскольку у них не оставалось времени для самостоятельной подготовки к занятиям[54].

По уставу 1848 г. выпускники Лазаревского института получили существенные права и привилегии. Так, окончивший с успехом полный курс, *«удостоенный похвальных аттестатов»* выпускник Лазаревского института при поступлении на гражданскую службу сразу получал XII класс (губернский секретарь) по Табели о рангах. На практике получение этого чина давало временное преимущество для чиновничьей карьеры, поскольку в обычном случае для его получения необходимо было прослужить минимум три года, начиная с чина коллежского регистратора. При определении на военную службу выпускник Лазаревского института, так же как и выпускник университета, имел право на получение первого офицерского чина[55]. Воспитанники института, окончившие только гимназический курс, были приравнены *«во всех правах с воспитанниками, кончившими курс в Губернских Гимназиях»*. Воспитанники, решившие поступить на государственную службу, получали без экзамена чин XIVкласса (коллежский регистратор). Что касается выпускников Духовного отделения, то они



От Совѣта Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ.

Въ Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ языковъ имѣютъ быть произведены годичныя испытанія съ 3-го по 18-е сего Іюня, начиная съ 9 часовъ утра, въ слѣдующемъ порядкѣ:

3-го. Изъ Закона Божія Православнаго исповѣданія
4-го. — Закона Божія Армянскаго исповѣданія.
6 и 7-го. — Восточныхъ языковъ: Арабскаго, Турецкаго и Персидскаго.
8 и 9-го. — Русскаго языка и Словесности.
11-го. — Армянскаго языка и Словесности.
13-го. — Математики въ 1, 2 и 3-мъ классахъ.
14-го. — Исторіи и Географіи.
15-го. — Латинскаго языка.
16-го. — Математики въ 4, 5 и 6-омъ кл. и Физики.
17 и 18-го. — Нѣмецкаго и Французскаго языковъ.

1849 г.

Расписание выпускных экзаменов учащихся Лазаревского института в 1849 г.
РГИА. Ф. 880. Оп. 5. Д. 204. Л. 107 об.

поступали в распоряжение духовного начальства Армяно-григорианской церкви. Воспитанники, *«приготовляющиеся для торговли»*, по окончании института получали равные права с выпускниками *«Коммерческого пансиона в С.-Петербурге»*. Отличникам предоставлялась возможность отправиться за границу *«для усовершенствования в науках и торговых делах»*[56]. Отличившиеся учащиеся гимназических классов Лазаревского института получали при выпуске золотые и серебряные медали, которые давали детям из купеческого или мещанского сословия *«звание Почетного гражданина»*. Вопрос об учреждении для отличившихся выпускников института золотой и серебряной медалей был положительно решен правительством в 1852 г. благодаря ходатайству попечителя[57].

Отношение Кавказского комитета Ивану Екимовичу Лазареву об учреждении золотой и серебряной медали для отличившихся воспитанников института от 29 февраля 1852 г.

«Милостивый Государь,

Иван Иоакимович.

Предположение Вашего Превосходительства, изложенное в отношении Вашем, Милостивый Государь, от 23 Ноября 1851 года, № 301, об учреждении для награждения отличных воспитанников Лазаревского Института восточных языков, золотой и серебряной медалей с изображением на лицевой стороне портретов основателей сего заведения, а на обороте особой надписи, было сообщено во всей подробности, на заключение Г. Министру Народного Просвещения.

Медаль за благонравие и успехи, вручавшаяся отличникам по окончании Лазаревского института. *РГИА. Ф. 880. Оп.5. Д. 211. Л. 22*

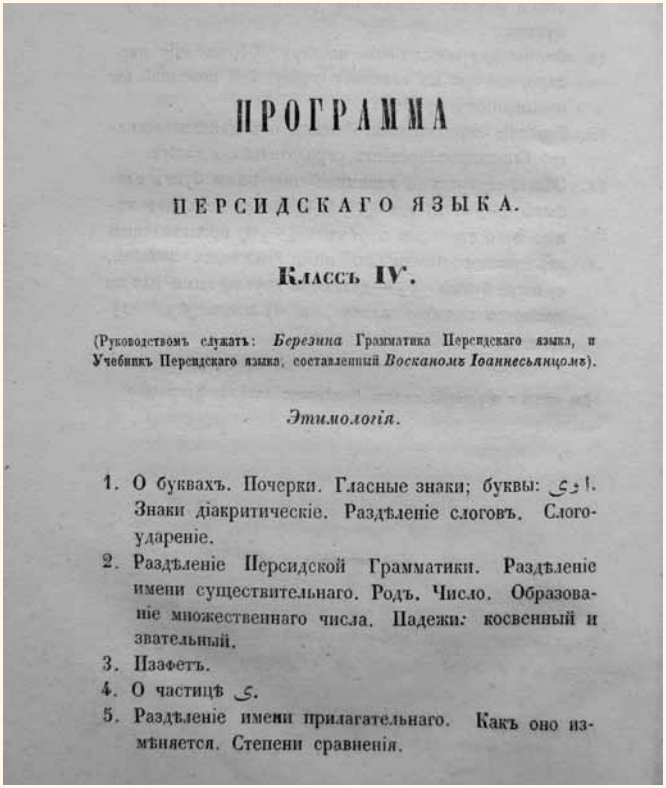
Ныне Князь Платон Александрович отозвался, что предполагаемое на лицевой стороне медали грудное изображение основателей Лазаревского Института он с своей стороны находит не совсем приличным и потому полагает заменить оное портретом Государя Императора, или Государственным гербом.

Сообщая о сем Вашему Превосходительству и препровождая для Вашего, Милостивый Государь, соображения доставленные Г. Министром Народного Просвещения, копии с Высочайше утвержденных рисунков медалей для награждения воспитанников Гимназий и Студентов Университетов и Лицеев, я имею честь покорнейше Вас просить почтить меня доставлением Вашего окончательного по настоящему предмету мнения, причем возвратить и прилагаемые копии с рисунков.

Примите, Ваше Превосходительство, уверение в моем совершенном почтении и преданности.

В. Бутков»[58].

Согласно уставу все государственные и «лазаревские» пансионеры обязаны были прослужить шесть лет: *«Пансионеры Его Величества там, где по докладу Главного Начальника Института, ГОСУДАРЕМ ИМПЕРАТОРОМ будет назначено; пансионеры Кавказского и Закавказского края, непременно в этом крае, по назначению Главного Начальства оного; воспитанники Лазаревские по усмотрению Попечителя Института, или при Институте в должностях Репетитора, Надзирателей, младших Учителей всех предметов и старших Учителей собственно восточных языков, или при Армянских Училищах, на общем основании»*[59]. В то же время устав дозволял некото-



ПРОГРАММА

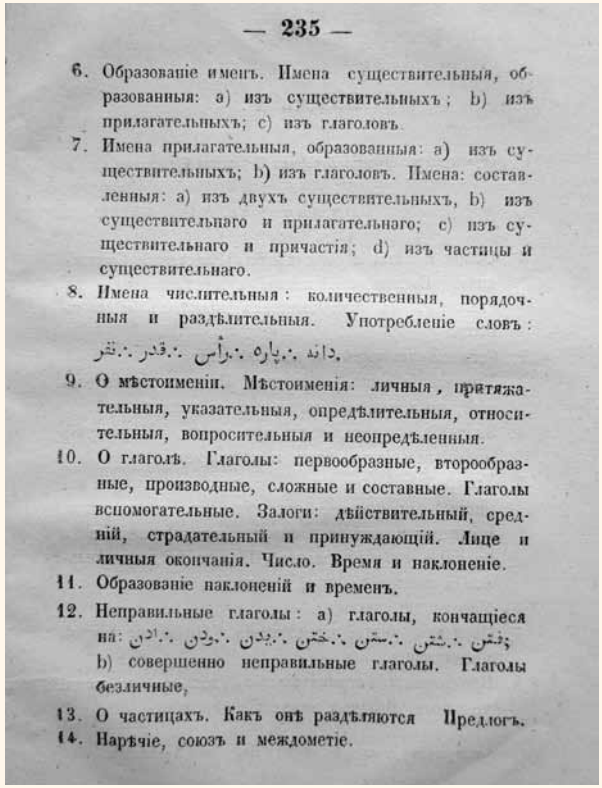
ПЕРСИДСКАГО ЯЗЫКА.

Классъ IV.

(Руководствомъ служатъ: *Березина* Грамматика Персидскаго языка, и Учебникъ Персидскаго языка, составленный *Восканомъ Іоаннесьянцомъ*).

Этимологія.

1. О буквахъ. Почерки. Гласные знаки; буквы: ا و ی. Знаки діакритическіе. Раздѣленіе слоговъ. Слогоудареніе.
2. Раздѣленіе Персидской Грамматики. Раздѣленіе имени существительнаго. Родъ. Число. Образованіе множественнаго числа. Падежи: косвенный и звательный.
3. Изафетъ.
4. О частицѣ ی.
5. Раздѣленіе имени прилагательнаго. Какъ оно измѣняется. Степени сравненія.



— 235 —

6. Образованіе именъ. Имена существительныя, образованныя: a) изъ существительныхъ; b) изъ прилагательныхъ; c) изъ глаголовъ.
7. Имена прилагательныя, образованныя: a) изъ существительныхъ; b) изъ глаголовъ. Имена: составленныя: a) изъ двухъ существительныхъ, b) изъ существительнаго и прилагательнаго; c) изъ существительнаго и причастія; d) изъ частицы и существительнаго.
8. Имена числительныя: количественныя, порядочныя и раздѣлительныя. Употребленіе словъ: دانه ∴ پاره ∴ سر ∴ قدر ∴ نفر.
9. О мѣстоименіи. Мѣстоименія: личныя, притяжательныя, указательныя, опредѣлительныя, относительныя, вопросительныя и неопредѣленныя.
10. О глаголѣ. Глаголы: первообразные, второобразные, производные, сложные и составные. Глаголы вспомогательные. Залоги: дѣйствительный, средній, страдательный и принуждающій. Лице и личныя окончанія. Число. Время и наклоненіе.
11. Образованіе наклоненій и временъ.
12. Неправильные глаголы: a) глаголы, кончащіеся на: دادن ∴ ودن ∴ یدن ∴ ختن ∴ ستن ∴ شتن ∴ فتن; b) совершенно неправильные глаголы. Глаголы безличные.
13. О частицахъ. Какъ онѣ раздѣляются Предлогъ.
14. Нарѣчіе, союзъ и междометіе.

Программа преподавания персидского языка на четвертом году обучения. 1859 г.

рым из «лазаревских» пансионеров с разрешения попечителя поступать сразу на государственную службу. Другим дозволялось поступить в университет при условии, что после его окончания они все равно будут обязаны шесть лет прослужить либо при институте, либо на Кавказе.

С 1848/49 по 1870/71 учебный год гимназические классы Лазаревского института окончили 357 человек. Высшие классы имели 21 выпуск и 125 выпускников. Таким образом, примерно каждый третий из обучавшихся в Лазаревском институте получил серьезные знания по восточным языкам в лицейских классах. Выпускниками специальных классов были в основном русские и армяне. Так, в первых 15 выпусках был 101 студент, в том числе русских – 49, армян – 47, грузин – 1 и иностранцев – 4[60].

***

После реорганизации Лазаревского института в 1848 г. встал вопрос о приглашении туда высококвалифицированных преподавателей. Ведущим преподавателем армянской словесности в этот период являлся Никита Осипович (Мкртыч) Эмин. Он родился в 1815 г. в Персии, но вскоре вместе с семьей переехал в город Калькутту в Британской Индии, где получил начальное образование в армянском училище. В 1829 г. он совершил большое морское путешествие и прибыл в Москву, где поступил в Лазаревский институт. После его окончания Н.О. Эмин поступил в Мо-

ВСЕОБЩАЯ

ИСТОРІЯ

ВАРДАНА ВЕЛИКАГО

МОСКВА

Титул книги Вардана Великого «Всеобщая история». М., 1861

сковский университет. В 1838–1866 гг. он преподавал в Лазаревском институте. В мае 1844 г. Н.О. Эмин был назначен *«помощником инспектора с возложением на него обязанности непосредственно заведовать всею восточною частью учения в институте»*[61]. В 1850 г. за работу «О народных исторических песнях древней Армении» после положительных отзывов С.И. Назарянца и М. Мсерьянца он получил звание профессора кафедры армянской словесности в высших специальных классах Лазаревского института. В 1851 г. Н.О. Эмин был избран членом Парижского Азиатского общества.

Главным направлением его научной деятельности было собирание, перевод и публикация древних армянских исторических, литературных памятников. Так, в 1858 г. Н.О. Эмин опубликовал в русском переводе «Историю Армении Моисея Хоренского» с примечаниями и приложениями[62]. За поднесенный императору Александру II через министра народного просвещения экземпляр этого труда он был *«всемилостивейше пожалован бриллиантовым перстнем с рубином»*. Несколькими годами ранее, в «Записке о предположениях настоящего и будущего издания древних армянских рукописей разных отдаленных столетий», составленной самим попечителем Х.И. Лазаревым в 1854 г., предлагалась программа издания Лазаревским институтом армянских древних рукописей. В частности, в ней говорилось: *«Со многими лицами в России и в чужих краях, предпочтительно же с армяно-католическими архиереями, архимандритами, профессорами Венецианской св. Лазаря и Венской армянских академий и с некоторыми парижскими профессорами-арменистами, возникла и продолжалась переписка и сношения основателей Лазаревского института и их настоящих преемников-наследников о возможном отыскании и приобретении древних, более примечательных армянских рукописей, имеющих общую любопытную связь с древнейшими государствами и народами в прежние отдаленные столетия. Ныне обнаружилось, что любознательный инспектор Лазаревского института профессор г. Эмин приобрел и имеет в числе пяти армянских рукописей такие летописи, которые заслуживают большого уважения и значения в исторических отношениях и открытиях»*[63].

Братья Лазаревы заинтересовались этим проектом, о чем свидетельствует завязавшаяся в середине 1850-х годов переписка между ними и Н.О. Эмином. Попечители заказали в Армяно-католической академии в Вене новые армянские шрифты и матрицы. В письме к Лазаревым профессор Н.О. Эмин писал: *«По внимательном рассмотрении всех шрифтов, образцы которых через г-на Дюлорье доставлены из Вены… я нашел, что эти шрифты по своему разнообразию, красоте и отчетливости отделки действительно заслуживают полного одобрения, и нет сомнения, что приобретение сих матриц вполне обогатит типографию институтскую. Я совершенно разделяю*

мнение г-на Дюлорье, что все эти шрифты без изъятия необходимы для нашей типографии, дабы при печатании какого-нибудь сочинения на языке армянском иметь уже под рукою все нужное как для текста, так и для примечаний и т.д.»[64]. Кроме армянских шрифтов в Вене и Париже было приобретено новое типографское оборудование.

В 1859 г. руководство Лазаревского института передало Н.О. Эмину типографию в аренду. В 1860 г. он подготовил к печати и издал на армянском языке «Историю агван Мовсеса Каганкатваци»[65] и «Хронографию Мхитара Айриванского»[66], в 1861 г. – «Всеобщую историю Вардана Великого»[67] (на русском языке) и «Историю Сюникской провинции Степаноса Сюникского»[68], в 1864 г. – «Всеобщую историю Степаноса Таронского»[69] (на русском языке). Однако, будучи блестящим ученым, Н.О. Эмин оказался не слишком удачливым коммерсантом. В начале 1863 г. он был вынужден расторгнуть с институтом договор об аренде типографии, которая была сдана А.И. Мамонтову. В 1866 г. согласно прошению Н.О. Эмина он был уволен от должности профессора Лазаревского института. В 1870–1871 гг. он занимал должность директора 5-й мужской гимназии в Москве, а в 1871 г. вернулся в Лазаревский институт в качестве ординарного профессора специальных классов.

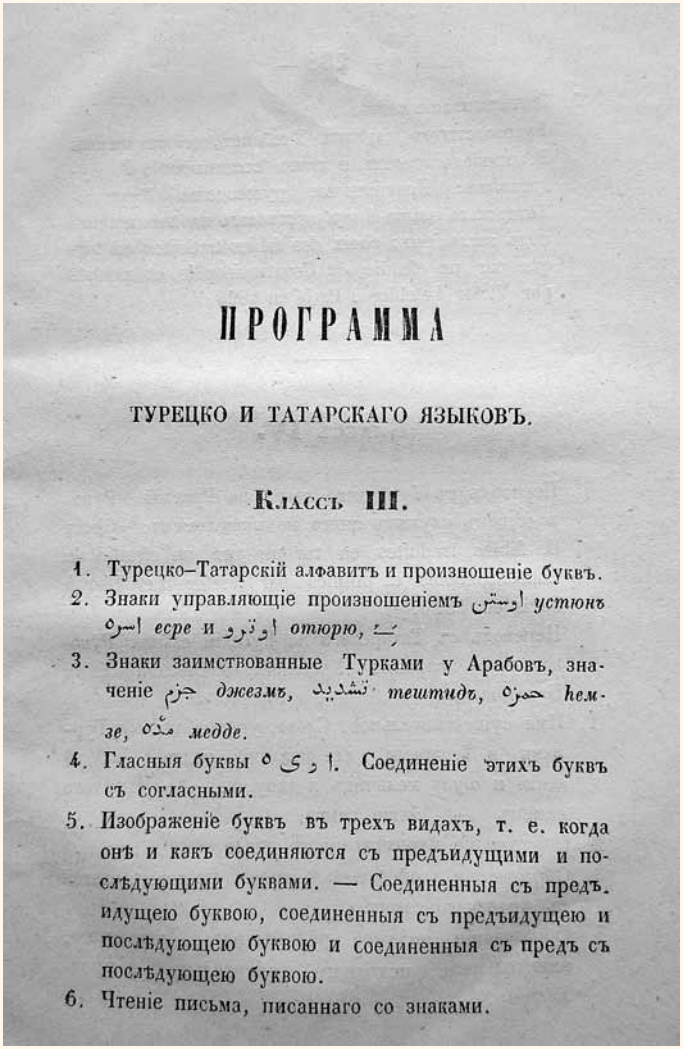
Другим замечательным ученым-востоковедом, иранистом, преподававшим в 1850-–1860-х годах в стенах Лазаревского института, был профессор Степан Исаевич Назарянц. Он родился в 1814 г. в Тифлисе, где закончил Нерсесяновское училище. Высшее образование С.И. Назарянц получил в Дерптском университете, который окончил со степенью кандидата философских наук. В январе 1841 г. он приехал в Санкт-Петербург, имея рекомендательное письмо профессора М.П. Розберга к министру народного просвещения С.С. Уварову. Большую поддержку С.И. Назарянцу оказали также востоковеды Х.Д. Френ и М.И. Броссе, по рекомендации которых министр определил его на Восточное отделение Профессорского института. После года пребывания в Санкт-Петербурге С.И. Назарянц 10 июня 1842 г. занял должность адъюнкта кафедры армянского языка Казанского университета. Научные интересы молодого ученого касались арменистики и иранистики. Казанский период оказался плодотворным для С.И. Назарянца: в марте 1847 г. он защитил магистерскую диссертацию по истории армянской литературы, а в мае 1849 г. получил степень доктора армяно-персидско-турецкой словесности за работу, посвященную творчеству Фирдоуси. Одновременно ученый занимался изучением наследия поэта Саади Ширазского, в частности стал одним из первых исследователей и переводчиков его поэмы «Гулистан»[70]. Итогом научных исследований С.И. Назарянца в Казанском университете стал курс лекций по персидской поэзии[71]. В связи с тем, что по уставу 1848 г. в Лазаревском институте должна была быть создана кафедра персидско-арабского языка, а также желая по разным причинам переехать в Москву, С.И. Назарянц подал прошение на занятие этой кафедры. 9 октября 1849 г. он был утвержден в новой должности. В течение 1849/50 учебного года до прихода в институт тюрколога Л.Э. Лазарева С.И. Назарянц вел занятия по турецкому языку. С 1 января 1850 г. он преподавал также латинский язык, а с 1866 г. – армянский. Кроме того, на него был возложен надзор за преподаванием «закавказским воспитанникам» грузинского, татарского и армянского языков. С 7 января 1850 г. по распоряжению Кавказского комитета С.И. Назарянц был также назначен «исправляющим должность» преподавателя армянского и татарского языков в других учебных заведениях Москвы[72]. Стремясь поднять уровень знаний учащихся специальных классов Лазаревского института, ученый за незначительное вознаграждение читал им дополни-

Степан Исаевич Назарянц *(1812–1879)*

Марий Иванович Броссе *(1802–1880)*

тельные лекции по курсу восточной литературы, много работал над составлением учебных планов, программ курсов и учебных пособий.

Давним стремлением С.И. Назарянца было создание в России армянского журнала. В 1844 г. он сделал первую попытку добиться разрешения на его издание, но получил отказ от попечителя Казанского университета. Тогда он обратился к кавказскому наместнику с просьбой позволить издавать журнал в Тифлисе, но и здесь не получил разрешения[73]. Снова вопрос об издании армянского журнала ученый поднял в Москве, подав в 1854 г. соответствующий проект попечителю Лазаревского института. В нем С.И. Назарянц писал: *«Дети Армении, усыновленные Россией, воспитанные под отеческим попечением ее, обогащенные плодами русского просвещения и науки, – дети Армении, понимая всю святость своих отношений к России, чем и каким путем могут сколько-нибудь воздать долг признательности к Благотворительнице? Без сомнения, глубоким чувством любви и признательности к русской стране, духовно-нравственным усвоением сокровищ русской мысли, изучением исторических судеб русского народа, пониманием его гражданского быта, наконец, передачею этих приобретений армянам на их национальном языке и вместе введением в круг русского просвещения и цивилизации. Осуществление столь важных целей возможно только при основании литературного органа, как духовно-нравственного проводника русской мысли и образования к местам, служащим средоточием армянского народонаселения. Таким литературным органом послужит предполагаемый журнал, тем более что в настоящее время нет в России ни одного повременного издания на армянском языке…»*[74]. Однако и Иван Екимович Лазарев ответил на это прошение отказом, сославшись на затруднения, связанные с цензурой и предложив отложить издание журнала «до более благоприятных обстоятельств». Лишь в 1858 г. С.И. Назарянцу совместно с известным армянским общественным деятелем М.Л. Налбандяном удалось начать издание армянского журнала «Юсиспайл» («Северное сияние»). По оценке армянских исследователей, журнал сыграл большую роль в становлении армянской литературы: вокруг издания объединились лучшие армянские писатели и поэты того времени. Среди прочих с журналом активно сотрудничали талантливый писатель Рафаэл Патканян и поэт Смбат Шахазиз, которые были тесно связаны

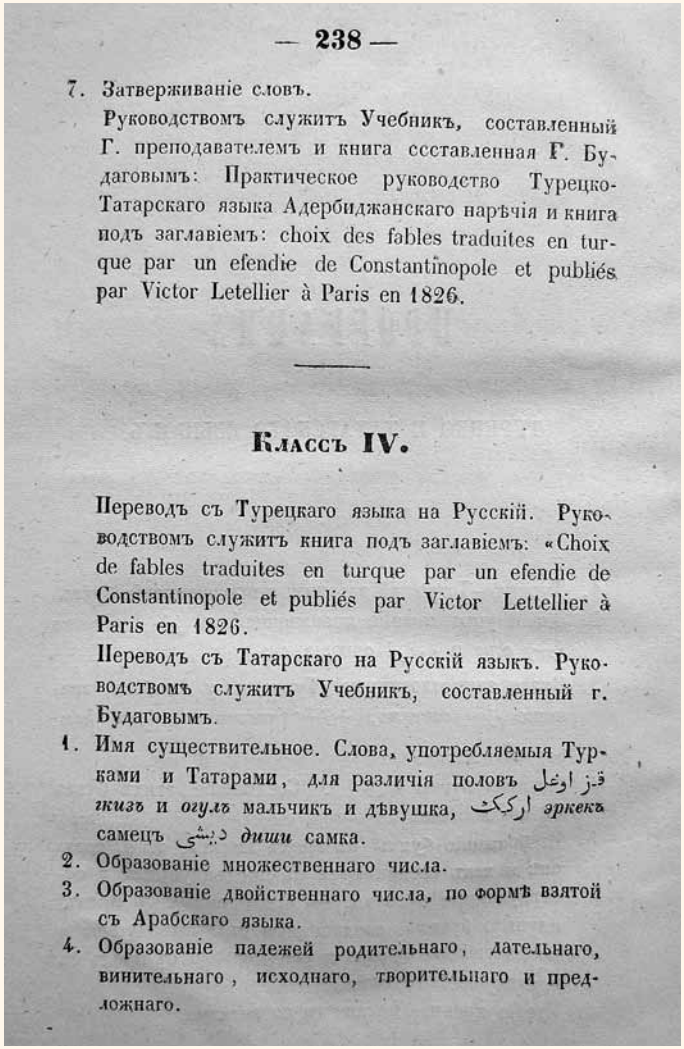


ПРОГРАММА

ТУРЕЦКО И ТАТАРСКАГО ЯЗЫКОВЪ.

Классъ III.

1. Турецко–Татарскій алфавитъ и произношеніе буквъ.
2. Знаки управляющіе произношеніемъ اوستن *устюнъ* اسره *есре* и اوتورو *отюрю*, ـٖـ
3. Знаки заимствованные Турками у Арабовъ, значеніе جزم *джезмъ*, تشديد *тешдидъ*, همزه *хемзе*, مدّه *медде*.
4. Гласныя буквы ا و ى ه. Соединеніе этихъ буквъ съ согласными.
5. Изображеніе буквъ въ трехъ видахъ, т. е. когда онѣ и какъ соединяются съ предъидущими и послѣдующими буквами. — Соединенныя съ предъ. идущею буквою, соединенныя съ предъидущею и послѣдующею буквою и соединенныя съ предъ съ послѣдующею буквою.
6. Чтеніе письма, писаннаго со знаками.



— 238 —

7. Затверживаніе словъ.

Руководствомъ служитъ Учебникъ, составленный Г. преподавателемъ и книга ссставленная Г. Будаговымъ: Практическое руководство Турецко-Татарскаго языка Адербиджанскаго нарѣчія и книга подъ заглавіемъ: choix des fables traduites en turque par un efendie de Constantinopole et publiés par Victor Letellier à Paris en 1826.

Классъ IV.

Переводъ съ Турецкаго языка на Русскій. Руководствомъ служитъ книга подъ заглавіемъ: «Choix de fables traduites en turque par un efendie de Constantinopole et publiés par Victor Lettellier à Paris en 1826.

Переводъ съ Татарскаго на Русскій языкъ. Руководствомъ служитъ Учебникъ, составленный г. Будаговымъ.

1. Имя существительное. Слова, употребляемыя Турками и Татарами, для различія половъ قز اوغل *гизъ* и *огулъ* мальчикъ и дѣвушка, اركك *эркекъ* самецъ ديشى *диши* самка.
2. Образованіе множественнаго числа.
3. Образованіе двойственнаго числа, по формѣ взятой съ Арабскаго языка.
4. Образованіе падежей родительнаго, дательнаго, винительнаго, исходнаго, творительнаго и предложнаго.

Программа преподавания турецкого и татарского языков на третьем и четвертом годах обучения. 1859 г.

с Лазаревским институтом: первый получил здесь образование, а второй, окончив его в 1862 г., остался здесь преподавателем армянского языка и литературы. Сыграв свою роль, журнал в 1864 г. прекратил свое существование[75].

Не оставлял С.И. Назарянц и научных исследований. В 1857 г. в типографии Лазаревского института он опубликовал книгу «Розовый кустарник шейха Муслехеддина Саади Ширазского»[76]. Кроме того, сохранив связи в Казанском и Санкт-Петербургском университетах, других учебных заведениях, С.И. Назарянц много сделал для привлечения в Лазаревский институт молодых востоковедов. В конце 1869 г. С.И. Назарянц оставил должность профессора восточных языков

Михаил Лазаревич Налбандян *(1829–1866)*

Смбат Симонович Шахазиз *(1841–1908)*

в институте, перейдя на должность инспектора при Нерсесяновском армяно-духовном народном училище в Тифлисе.

В 1850 г. по рекомендации С.И. Назарянца в Лазаревский институт в качестве старшего преподавателя турецкого и татарского (азербайджанского) языков в гимназических классах был приглашен Лазарь Эммануилович Лазарев. Он родился в 1822 г. в Персии, откуда был вывезен русским чиновником и помещен в Тифлисскую гимназию. В 1842 г., окончив гимназический курс, Л.Э. Лазарев поступил преподавателем в высшие классы Елизаветпольской гимназии, откуда и был приглашен в Лазаревский институт. В 1853 г. он выдержал кандидатский экзамен в Санкт-Петербургском университете, а в 1862 г. защитил диссертацию на степень магистра восточной словесности по теме «Разбор поэмы Мухаммеда Фазули: Лейлэве-Меджнун». С 1863 г. Л.Э. Лазарев вел занятия в специальных классах и активно работал над созданием учебных пособий, а также словарей восточных языков. В 1864 и 1866 гг. вышли две его работы: «Турецко-татарско-русский словарь наречий: османского, кавказского и крымского с приложением краткой грамматики» и «Сравнительная хрестоматия турецкого языка наречий османов и азербайджан с применением русских разговоров и пословиц». Бывший студент специальных классов Х.И. Кучук-Иоаннесов вспоминал о Л.Э. Лазареве: *«Турецкую грамматику он проходил со студентами по своему руководству, помещенному в начале его турецко-татарского словаря. Упражнение в чтении сначала происходило тоже по этому словарю, потом читали разные отрывки из сравнительной его хрестоматии турецкого языка»*[77].

С 1866 г. круг преподаваемых Л.Э. Лазаревым дисциплин расширился, поскольку *«преподавание же персидского языка, по случаю увольнения г. Измайлова от службы, разделено между профессорами персидской словесности Назарьянцем и турецко-татарской словесности Лазаревым, впредь до принятия нового отдельного преподавателя»*[78]. В новых условиях профессор начал работать над словарем и грамматикой персидского языка; в 1871 г. получил звание экстраор-

Лазарь Эммануилович Лазарев *(1822–1884)*

динарного профессора. Подготовленный им к изданию «Русско-турецко-татарско-персидский словарь» включал 6 тысяч слов и был снабжен приложениями – краткой грамматикой персидского и турецко-татарского языков. Словарь был составлен по следующему принципу: русское слово, турецкое слово арабским шрифтом, затем это же слово в русской транскрипции, после этого персидское слово арабским шрифтом и снова это же слово в русской транскрипции. Рукопись получила одобрение цензуры, однако в связи со смертью автора 18 января 1884 г. словарь так и не вышел в свет.

Среди преподавателей Лазаревского института с конца 1840-х годов появились и его бывшие воспитанники. Одним из них был уже упоминавшийся выше Махмуд Кедраллиевич Измайлов. Он родился в 1829 или 1830 г. в семье купца третьей гильдии. В 1842 г. его отдали на воспитание в Лазаревский институт, окончив который в 1847 г. он поступил на историко-филологический факультет Казанского университета. В 1851 г. М.К. Измайлов окончил его кандидатом с «отличным успехом». Как «кавказский воспитанник» он получил назначение в Тифлис помощником столоначальника Закавказской казенной палаты. В октябре 1852 г. М.К. Измайлов был переведен старшим учителем в Лазаревский институт, где проработал в течение тринадцати лет, преподавая арабский и персидский языки.

Другим воспитанником института, ставшим его преподавателем, был Воскан Кеворкович Иоаннисянц. Он родился в 1828 г., образование получил в Лазаревском институте. В 1848 г., сдав в Санкт-Петербургском университете экзамен на звание учителя персидского и азербайджанского языков, он был направлен на два года в Персию для совершенствования на практике в персидском и азербайджанском языках. После возвращения в Москву он вступил в должность старшего учителя в Лазаревском институте. За время работы в институте В.К. Иоаннисянц подготовил и издал несколько работ по арменистике, а также учебник персидского языка. В 1860 г. он переехал в Тифлис, где стал преподавателем азербайджанского языка в губернской гимназии.

Грузинский язык в Лазаревском институте преподавали с июля 1849 г. священник М.С. Гургенидзе, а с 1860 г. – князь П.Г. Накашидзе. Учебными пособиями по грузинскому языку для учащихся института являлись вышедшая в 1802 г. *«Краткая Грузинская Грамматика»*, а также изданный в 1820 г. *«Самоучитель, содержащий в себе грамматику, разговоры, нравоучения и лексикон, на Российском и Грузинском языках»*[79].

***

Середина 1850-х годов стала переломным временем для отечественного востоковедения. Закончился период, когда его развитие определялось появлением большого числа учебных центров в различных городах Российской империи – Казани, Москве, Санкт-Петербурге, Одессе и др. На повестке дня стоял вопрос о концентрации весьма ограниченных материальных

ресурсов и ведущих специалистов в одном научном и образовательном востоковедческом центре. В Министерстве народного просвещения и среди университетской профессуры велись дискуссии о возможном его местонахождении. В основном обсуждались три варианта – Казань, Москва и Санкт-Петербург. В 1854 г. попечитель Лазаревского института писал его директору: *«Здесь был частный комитет из профессоров под председательством попечителя С.-Петербургского учебного округа г. Мусина-Пушкина. Разные были мнения. Одни полагали при Педагогическом институте присовокупить восточное отделение… Другие полагали присоединить к Лазаревскому институту. Третьи считали необходимым оставить (при учебном отделении Азиатского департамента)… Все эти мнения отвергнуты»*[80].

Конечно, Санкт-Петербург с Академией наук, Азиатским музеем, кафедрами восточных языков в университете, учебным отделением при Азиатском департаменте МИД, а также богатым собранием восточных книг и рукописей Публичной библиотеки являлся наилучшим местом для учреждения главного востоковедческого центра. 22 октября 1854 г. император Николай I утвердил Положение об образовании при Санкт-Петербургском университете особого факультета восточных языков с девятью кафедрами: арабского, персидского, турецко-татарского, монголо-калмыцкого, китайского, еврейского, армянского, грузинского и маньчжурского языков. Весь курс обучения на факультете был рассчитан на четыре года, а для желавших совершенствоваться в восточных языках был добавлен еще один, пятый курс. Кроме студентов-стипендиатов на факультет было разрешено допускать своекоштных студентов. При открытии факультета 27 августа 1855 г. на него зачислили 44 студента[81].

В связи с открытием факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета во второй половине 1855 г. было закрыто Восточное отделение в Казанском университете. Однако вскоре губернские власти в Поволжье и Сибири столкнулись с нехваткой переводчиков и чиновников, знавших восточные языки. В связи с этим в апреле 1861 г. в Казанском университете снова было разрешено открыть для всех желающих преподавание арабского и турецкого языков, а с осени 1863 г. – персидского языка. Однако в 1868 и в 1872 гг. в Казанском университете последовательно были упразднены арабско-персидская и турецко-татарская кафедры. Преподавание восточных языков полностью переместилось в учительские гимназии и школы для инородцев[82].

Что касается Москвы, то здесь востоковедение сохранилось благодаря Лазаревскому институту, а также вернувшейся из небытия в 1852 г. кафедры восточных языков Московского университета. К этому времени ряд принципов и особенностей Лазаревского института успели себя зарекомендовать с положительной стороны. Не вызывала сомнений полезность существования среднего специального учебного заведения для совместного обучения русских, армян и других уроженцев Кавказа. В рамках гимназических классов институт с успехом продолжал выполнять задачу воспроизводства армянской элиты, лояльной русской культуре и российской государственности. Так же как и в первой половине XIX в., из его стен продолжали выходить хорошо подготовленные армяно-григорианские священнослужители и учителя армянских школ. Хорошо была поставлена подготовка чиновников из числа «закавказских» и «кавказских» воспитанников, которые получали не только классическое гимназическое образование, но также возможность не забыть свой родной язык, необходимый им для последующей службы на Кавказе.

Между тем в конце 1850-х годов стали явно проявляться просчеты, допущенные в системе преподавания

восточных языков в Лазаревском институте. В рамках гимназических классов одновременно осуществлялась подготовка сразу по нескольким направлениям: учителей для армянских школ; армяно-григорианских священнослужителей; чиновников и переводчиков для кавказской администрации. В результате восточные языки в этих классах стали восприниматься как излишняя нагрузка, а «закавказские» и «кавказские» воспитанники стали смотреть на занятия восточными языками в гимназических классах как на повинность, «связанную с кавказскими стипендиями»[83]. Что касается других воспитанников, то многие, если не большинство, стремились после окончания гимназических классов поступить в университет, а не продолжать обучение в специальных классах, в связи с чем обучение восточным языкам им казалось бессмысленным. Таким образом, гимназические классы Лазаревского института так и не смогли стать специальной средней школой по изучению языков Востока. В то же время стало очевидным, что отведенных для высших, лицейских классов двух лет явно не хватает для освоения предписанной университетской программы изучения восточных языков. Кроме того, между учебными программами гимназических и высших, лицейских классов со временем обнаружились диспропорции. В результате учащиеся приходили в лицейские классы недостаточно подготовленными, что в свою очередь мешало дальнейшему успешному усвоению программы восточных языков. Таким образом, в отношении системы преподавания восточных языков устав 1848 г. не дал ожидаемых результатов. Как писал Г.И. Кананов, профессора и преподаватели скоро убедились в том, *«на каких неверных и шатких основаниях построено было в Институте учебное дело»*[84].

Конец 1850-х – 1860-е годы стали временем поиска решения возникших проблем, что совпало с реформой всей системы российского образования. Первым инициативу в отношении реформы системы преподавания в Лазаревском институте проявил инспектор Н.О. Эмин, который в 1859 г. подал попечителю соответствующую записку. В ней он обосновывал необходимость введения в гимназических классах института общей для всех гимназий учебной программы – усиления преподавания латинского языка, отмены обучения законоведению, введения естественных наук. Попечитель поручил рассмотреть записку на заседании совета, который 22 апреля 1860 г., согласившись с мнением инспектора, постановил разработать проект нового учебного плана. Отставки с должности инспектора Н.О. Эмина, а затем с должности директора Н.Д. Делянова приостановили этот процесс. Новый директор Я.М. Неверов, разделяя мнения совета о необходимости преобразований, снова поставил вопрос о подготовке нового учебного плана. Однако как раз в это время в Министерстве народного просвещения шла работа над новым гимназическим уставом, в связи с чем решено было дождаться его утверждения, а затем внести изменения в учебный план Лазаревского института[85].

Одновременно институт начал сталкиваться с финансовыми затруднениями, поскольку средств, получаемых в виде процентов с капитала Лазаревых и платы за воспитанников, едва хватало для оплаты труда профессоров и учителей. В этой ситуации попечитель Х.Е. Лазарев постепенно пришел к убеждению, что единственным способом обеспечить в будущем существование Лазаревского института является его передача в прямое ведение Министерства народного просвещения[86].

В 1864 г. сменивший Я.М. Неверова на посту директора И.К. Бабст по поручению Х.Е. Лазарева создал комиссию по пересмотру учебной программы института, в которую вошли инспектор Г.И. Кананов, профессор Н.О. Эмин, С.И. Назарянц и др. Работа комиссии выявила две точки зрения на возможные пути преобразования института, в центре дискуссии оказался вопрос

о дальнейшей судьбе преподавания восточных языков. И.К. Бабст выступал за свертывание их преподавания и превращение Лазаревского института в ординарную гимназию. Его оппонентом выступал Г.И. Кананов, считавший необходимым не только сохранить, но и усилить преподавание востоковедческих дисциплин в институте на иных основаниях. В итоге остальные члены комиссии поддержали Г.И. Канонова и пришли к выводу, что необходимо четко разделить курсы гимназических и специальных классов. Гимназический курс должен был быть приравнен по числу классов и преподаваемым предметам к утвержденной правительством 19 ноября 1864 г. новой гимназической программе. Что касается специальных классов, то для них должен был быть установлен трехлетний срок обучения, который целиком посвящался бы интенсивному изучению восточных языков[87].

Из «Отчета о состоянии Лазаревского института восточных языков в истекшем 1864/64 академическом году»

«В ноябре месяце получено было предписание Его Превосходительства Г. Попечителя о назначении под председательством директора комиссии… для рассмотрения институтского устава и представления соображений касательно его преобразования сообразно с новыми возникшими требованиями.

Приступая к своим занятиям, комиссия положительно определила с самого начала свой взгляд на задачу, ей предложенную. Лазаревский Институт, таково было ее мнение, по своему назначению и по цели, с которой он был учрежден, не может уклониться от общего строя гимназического образования. В силу своего устава Институт предназначается для изучения восточных языков, но независимо от сей специальной цели в гимназических его классах преподаются все предметы общего гимназического курса и молодые люди поступают по окончании экзамена в университет…

Значительное большинство воспитанников Лазаревского Института предпочитает, как это доказал многолетний опыт, поступать по окончании курса в общих гимназических классах в университет, а не в специальные классы Института, куда поступают, главным образом, воспитанники, приготовляющиеся для службы на Кавказе, и своекоштные воспитанники из природных Русских, имеющие в виду цель поступить после окончания курса в Институт восточных языков, находящийся при Министерстве иностранных дел, и затем посвятить себя дипломатическому поприщу на Востоке. В настоящее время, когда устав гимназий изменяется, Институту необходимо руководствоваться сим уставом. Это необходимое условие его дальнейшего существования, и без этого он потеряет всякую притягательную силу для зажиточных Армян, предпочитающих отдавать своих детей в свой родной Институт, в полной уверенности, что им открывается дорога в университет.

Исходя от сих основных положений, Комиссия пришла к убеждению: что Лазаревский Институт, сохраняя за собой свою специальную цель – практическое изучение восточных языков для подготовления молодых людей к службе на Востоке и в наших юговосточных украинах, должен состоять по-прежнему из гимназических и специальных классов; но к шести уже существующим гимназическим классам необходимо прибавить седьмой, дабы сравнить гимназический курс преподавания с курсом классических гимназий по новому утвержденному уставу, и дабы воспитанники гимназических классов Института получили солидное гимназическое образование для поступления в университет; что это необходимо и для успешного занятия восточными языками, ибо строгая классическая подготовка облегчит изучение сих последних; что такое преобразование, наконец, в такой же точно степени необходимо и для

воспитанников духовного отделения и окажет благотворное влияние на будущую их деятельность…

Преподавание восточных языков (кроме армянского для армян и грузинского для грузин) должно, по мнению комиссии, совершенно быть исключено из гимназических классов, чтобы не нарушать целости и строгости гимназического курса. Оно сосредоточивается в специальных классах, но дабы преподавание их было полнее и молодые люди имели более времени и возможности изучать восточные языки, необходимые для будущей их практической деятельности, то вместо двух специальных классов полагается три.

При такой организации Лазаревский Институт вполне и с успехом достигнет цели, положенной в основание его устава…»[88].

Необходимо было как можно скорее приступить к реализации намеченных преобразований, поскольку новый гимназический устав уже вошел в силу, вследствие чего выпускники Лазаревского института могли лишиться права поступать в университеты. Поэтому уже в 1865 г. с разрешения главного начальника В.П. Буткова началось постепенное внедрение новой учебной гимназической программы (с акцентом на изучение древних языков) с параллельным вытеснением из гимназических классов преподавания восточных языков, которое в расширенном объеме сосредотачивалось в специальных классах.

§ 3. Преобразования Лазаревского института в 1868–1872 гг.

Преобразования в институте шли полным ходом, однако в 1868 г. попечитель Х.Е. Лазарев после продолжительных совещаний с И.К. Бабстом, находившимся в то время в Санкт-Петербурге, с согласия главного начальника В.П. Буткова решил отказаться от преподавания в нем восточных языков с целью сохранить Лазаревский институт в общей системе учебных заведений Министерства народного просвещения. Очевидно, именно директор убедил попечителя в том, что без этой меры невозможно будет вообще сохранить учебное заведение после его кончины. В результате по представлению главного начальника института 14 апреля 1868 г. появилось Высочайшее повеление об устройстве Лазаревского института после кончины последнего попечителя из фамилии Лазаревых на следующих основаниях: *«1. Оставить Лазаревский институт восточных языков до кончины попечителя на существующем ныне основании, по смерти его заведение это, со всем принадлежащим ему движимым и недвижимым имуществом, долженствующим оставаться неприкосновенной собственностью оного, передать в ведение Министерства народного просвещения и вместе с тем ввести Институт в общую систему учебных заведений ведомства сего Министерства... учредить звание почетного попечителя... 2. С целью постепенного подготовления Лазаревского института к означенному выше преобразованию вводить в Институте полный курс классических, с двумя древними языками, гимназий, применяя к сему заведению и другие постановления, высочайше утвержденные 19 ноября 1864 г. уставом гимназий...»*[89]. Как позже писал Г.И. Кананов: *«Таким образом, разумно выработанная комиссиею реформа Института была внезапно приостановлена на полпути. Вместо ожидаемой реорганизации преподавания восточных языков явилась необходимость, в силу нового закона, приступить к закрытию лицейских классов»*[90]. Лазаревский институт должен был превратиться в одну из обычных московских гимназий.

Идея ликвидации лицейских классов в Лазаревском институте вызвала протесты со стороны не только профессуры института, армянской интеллигенции, но и всего московского образованного общества. В октябре 1868 г. директор Лазаревского института И.К. Бабст

Николай Давыдович Делянов *(1816–1897)*

Иван Давыдович Делянов *(1818–1897)*

обратился к попечителю с просьбой о продолжительном восьмимесячном отпуске для предстоящего чтения лекций по политической экономии великому князю Владимиру Александровичу. Просьба была удовлетворена, однако попечителю стало ясно, что директор, не нашедший взаимопонимания с преподавательским составом Лазаревского института, не сможет в дальнейшем исполнять свои обязанности. 26 ноября 1868 г. И.К. Бабст был уволен с должности «по домашним обстоятельствам»[91].

В апреле 1869 г. новым директором Лазаревского института стал уже занимавший ранее эту должность Николай Давыдович Делянов. Одной из главных задач руководства института стал поиск нового сильного покровителя для изменения Высочайшего повеления 1868 г., а также последующего проведения реформ и сохранения за Лазаревским институтом статуса одного из крупных центров востоковедения в Российской империи. Коллизия заключалась в том, что главный начальник института В.П. Бутков поддержал преобразование Лазаревского института восточных языков в простую классическую гимназию. Между тем брат нового директора и зять попечителя, Иван Давыдович Делянов, занимал в это время пост товарища министра народного просвещения. Было решено обратиться к министру народного просвещения графу Д.А. Толстому с просьбой принять звание главного начальника Лазаревского института. Инспектор института Г.И. Кананов подготовил и сделал министру личный доклад о преимуществах института как востоковедческого учебного заведения. Граф Д.А. Толстой *«отнесся с горячим интересом к вопросу о возобновлении изучения восточных языков и о восстановлении прав Института»*. В результате В.П. Бутков был уволен от должности главного начальника Лазаревского института. Одновременно, 21 апреля 1870 г., вышел Высочайший указ «О принятии Министерству народного просвещения начальства над Лазаревским институтом восточных языков и о назначении министра народного просвещения графа Д.А. Толстого на должность главного начальника»[92]. Приняв в свое ведение институт, министр сразу начал деятельную подготовку к преобразованию учебного заведения. В первую

очередь граф Д.А. Толстой ходатайствовал перед императором Александром II об оставлении при Лазаревском институте классов для изучения восточных языков. Итогом ходатайства стало новое Высочайшее повеление от 30 мая 1870 г., содержавшее положение о том, чтобы «оставить при Лазаревском Институте специальные классы»[93].

Отношение Министерства народного просвещения попечителю Лазаревского института Христофору Екимовичу Лазареву о специальных классах от 9 июля 1870 г.

«Министерство Народного Просвещения, Департамент, Разряд средне-учебных заведений 9 июля 1870 г. № 5675. По Высочайшему повелению.

Господину Попечителю Лазаревского Института Восточных языков.

Государь Император, по всеподданнейшему докладу Г. Министра Народного Просвещения, по званию Главноначальствующего Лазаревским Институтом Восточных языков 30 мая / 11 июня сего года Высочайше соизволил на оставление при Лазаревском Институте специальных классов на прежнем основании, как по отношению к присвоенным Высочайше утвержденным 10 Мая 1848 года Уставом Института правам, так и по отношению к учебному их устройству.

О Высочайшем повелении этом, за отсутствием Графа Дмитрия Андреевича, имею честь уведомить Ваше Превосходительство для зависящих распоряжений в разрешение представления за № 31, присовокупляя, что вышеизложенное сообщено мною вместе с сим, Г. Статс Секретарю Гулькевичу и доведено до сведения Правительствующего Сената.

Управляющий Министерством

Товарищ Министра, Статс Секретарь И. Делянов»[94].

Император Александр II *(1818–1881).*
Художник И.А. Тюрин

После личного двухдневного осмотра всех частей Лазаревского института граф Д.А. Толстой провел 25 августа 1870 г. под своим председательством заседание при участии директора, инспектора, профессоров и преподавателей. Министр поддержал мнение преподавателей института о необходимости сохранить его востоковедческий профиль. Учитывая изначальную специфику учебного заведения, граф Д.А. Толстой согласился применительно к гимназическим классам сохранить в них «обучение армянских детей их природному языку». Что касается специальных классов, то министр рекомендовал усилить в них преподавание

Граф Дмитрий Андреевич Толстой *(1823–1889). Художник И.Н. Крамской*

восточных языков и даровать выпускникам необходимые права с тем, чтобы студенты-ориенталисты не стремились уходить в университеты. Для этого было предложено увеличить курс специальных классов до трех лет с тем, чтобы уравнять в правах студентов и профессоров института со студентами и профессорами университетов. В число предметов преподавания граф Д.А. Толстой предложил внести: армянскую и персидскую словесность, турецкий, татарский, грузинский и арабский языки, историю Востока, восточную каллиграфию и практику в восточных языках, а кроме того, русскую словесность с тем, чтобы дать возможность студентам «восточного происхождения» вполне овладеть русским языком. Все эти предложения были представлены министром народного просвещения в специальном всеподданнейшем докладе.

Из представления Главноначальствующего Лазаревским Институтом восточных языков графа Д.А. Толстого об устройстве специальных классов при этом заведении от 8 мая 1871 г.

«Обозрев в Августе прошедшего года Лазаревский Институт, я во всеподданнейшем отчете по этому обзору довел до Высочайшего Его Императорского Величества сведения следующие мои соображения:

Преподавание восточных языков, введенное в курс по уставу 1848 года, оказалось поставленным не вполне удачно. Это произошло от того, что в Институте заключалось собственно два различных учебных заведения: гимназия для мальчиков от 10 до 17 лет и высший курс восточных языков для окончивших гимназическое учение. При этом воспитанники Института обязывались обучаться одному из восточных языков еще в гимназических классах, пользуясь льготами по другим предметам гимназического курса. Последствием этих, несовместных с требованием педагогики, мер было то, что молодые люди поступали в высшие курсы недостаточно подготовленными в общеобразовательном отношении. Вследствие такой постановки гимназического преподавания не достигалась и цель специального изучения восточных языков, в виду краткости времени, отведенного на их прохождение (всего два года). Следствием же ограниченности предоставляемых окончившим курс прав сравнительно с университетом был переход $^{9}/_{10}$ обучавшихся в Институте в университет и опустение специальных классов.

Этот опыт явно указывает на необходимость двух мер: 1) строгого сохранения гимназического курса, без всякой примеси, кроме обучения армянских детей их природному языку и 2) такого устройства преподавания восточных языков, которое было бы в свою очередь также полно и предоставляло соответственные и достаточные права для занимающихся оными, дабы уни-

верситеты не отвлекли студентов-ориенталистов от этой специальности, столь необходимой для России.

Первая мера уже приведена в исполнение: гимназический курс устроен правильно. Остается установить правильное преподавание восточных языков для тех из окончивших гимназический курс, которые пожелают им обучаться.

По совещании с специалистами, я полагал бы необходимым постановить, чтобы: 1) курс восточных языков продолжался не два года, как было прежде, а три, 2) чтобы сообразно с сим содержание и права профессоров, преподавателей и окончивших курс студентов были уравнены во всем с Университетами, как это сделано ныне для Демидовского Лицея и 3) специальные курсы восточных языков составить из следующих предметов: армянской и персидской словесности, турецкого, татарского, грузинского и арабского языков, истории Востока, восточной каллиграфии и практики…»[95].

Доклад министра о необходимости преобразования Лазаревского института был одобрен императором Александром II. После этого граф Д.А. Толстой предложил совету института *«составить план преподавания восточных языков в специальных курсах Института, соображения о правах преподавателей этих курсов и воспитанников оных, а также штат курсов»*[96]. Для разработки проекта была составлена особая комиссия из профессоров института. Черновой вариант устава и штатов в начале 1871 г. был направлен главному начальнику института графу Д.А. Толстому, а затем передан на рассмотрение в министерства. Замечания на проект последовали со стороны двух министерств – внутренних и иностранных дел. В частности, министр внутренних дел А.Е. Тимашев настаивал на сокращении курса обучения для будущих священнослужителей и нецелесообразности изучения грузинского языка всеми кавказскими стипендиатами. На эти замечания обстоятельной запиской ответил инспектор института Г.И. Кананов, который особо подчеркнул: *«Образовательный курс, как прочная основа всяких специальных занятий, столько же необходим для духовных воспитанников, как и для всех учащихся, – и в этом отношении именно Лазаревский институт может доставить своим духовным стипендиатам то, чего они не могут получить нигде, ибо во всей империи не имеется такого общеобразовательного заведения, в котором преподавание полного гимназического курса соединялось бы с основательным изучением армянского языка и армяно-григорианской религии»*[97]. Что касается замечания об изучении грузинского языка, то Г.И. Кананов сослался на мнение комиссии, разработавшей новый устав гимназических классов института: *«…изучение грузинского языка для всех кавказских стипендиатов, а не для одних только грузин, комиссия, ввиду местных условий Кавказского края, позволяет себе остаться при прежнем своем мнении, а именно, “что знание грузинского языка не только желательно, но и необходимо для всех кавказских стипендиатов”»*[98].

Со стороны Министерства иностранных дел также последовали замечания на проект устройства специальных классов. По мнению Азиатского департамента МИД, предусмотренные проектом цели учебной программы вряд ли могли быть достигнуты учащимися в течение трех лет. Азиатский департамент рекомендовал увеличить курс до четырех лет. На это существенное замечание совет института и Министерство народного просвещения вынуждены были дать развернутый ответ, в котором указывались следующие доводы в пользу именно трехлетнего учебного курса: *«1) учреждаемые при Лазаревском Институте Специальные классы должны отвечать иным целям, нежели восточный факультет С.-Пе-*

Александр Егорович Тимашев *(1818–1893)*

Георгий Ильич Кананов *(1834–1897)*

тербургского университета; они должны преследовать не исключительно ученую цель и будут вмещать в себя молодых людей, ищущих практической деятельности и служебной карьеры, а для таковых четырехлетний курс служил бы только отталкивающим, а не привлекающим средством; 2) …Следует при этом принять во внимание, что при четырехлетнем курсе потребовалось бы большее число преподавателей, а следовательно и денежных средств, так как увеличение против показанного в проекте числа лекций превышало бы силы профессоров; 3) серьезность и полнота изучения восточных языков не могут нимало пострадать при таком распределении лекций, которые показаны в проекте»[99]. Несмотря на замечания, в Министерстве иностранных дел более чем сочувственно отнеслись к проекту преобразования специальных классов Лазаревского института. В своем отзыве товарищ министра В.И. Вестман особо отметил, что «мысль поднять в Лазаревском Институте уровень изучения восточных языков вполне совпадает с видами Министерства иностранных дел, подавая ему надежду своевременно наполнять ряды желающих поступить на драгоманскую службу хорошо приготовленными молодыми ориенталистами»[100]. Проект не встретил препятствий со стороны других министерств и в силу того, что был найден способ избежать дополнительных затрат казны. Устройство специальных классов требовало более 18 тысяч рублей. По предложению графа Д.А. Толстого на эти цели была обращена сумма 18 365 рублей, ранее предназначавшаяся на ежегодное содержание при Ришельевской гимназии в Одессе тридцати пансионеров из армян[101]. Кроме того, в начале 1871 г. согласно решению министра в специальные классы института были переданы пять стипендий из Московского университета, учрежденных в свое время правительством в честь фамилии Лазаревых и именовавшихся Лазаревскими.

После обсуждения в министерствах проект преобразования специальных классов был внесен на рас-

Владимир Ильич Вестман *(1812–1875)*

смотрение в Кавказский комитет, который при условии внесения в проект ряда поправок его одобрил. 16 июня 1871 г. император Александр II в Эмсе утвердил журнал Кавказского комитета, а также проект устройства при Лазаревском институте восточных языков специальных классов. 8 июля 1871 г. правление Лазаревского института обратилось в правление Московского университета с просьбой о «шестикратном напечатании» в «Московских ведомостях» в отделе извещений объявления об открытии с 1 сентября преподавания в специальных классах Лазаревского института восточных языков[102].

Объявление в «Московских ведомостях» о приеме в преобразованные специальные классы Лазаревского института восточных языков 1871 г.

«Правление Лазаревского Института восточных языков имеет честь довести до общего сведения, что с 1 сент. сего года начнется преподавание в Специальных Классах Лазаревского Института с значительным расширением учебного курса по вновь составленной программе, а равно и с присвоением Специальным Классам по Высочайше утвержденному 16 июня сего года уставу новых служебных прав.

Желающие вступить в Специальные Классы Института должны до 1 сентября представить прошение на имя директора Института. Молодые люди, достигшие 17-летнего возраста и кончившие курс в средне-учебных заведениях, принимаются, по предъявлении своего свидетельства, без экзамена; те же, кои получили домашнее воспитание, будут допущены к испытанию по всем предметам гимназического курса в самом Институте, начиная с 17 августа. Допускаются ко вторичному испытанию для вступления в Специальные Классы Института и те из молодых людей, которые не могли сдать своего вступительного экзамена в университет или другие высшие учебные заведения.

Но сверх того, по усмотрению начальства Института, принимаются в Специальные Классы не в число студентов, но сторонних слушателей все желающие выучиться какому-нибудь из преподаваемых восточных языков.

За право учения в Специальных Классах взымается 50 рублей в год. Сторонние слушатели вносят ту же плату, если хотят слушать полный курс; за каждый же отдельный предмет они обязаны платить 5 р. ...

Полный курс учения в Специальных Классах трехгодичный, преподаваемые в них языки и предметы суть следующие: языки – арабский, персидский, турецкий и татарский, армянская словесность, русская словесность, грузинский язык, история Востока, восточная каллиграфия и практика. Для практического изучения языков имеются особые преподаватели, и потому будет обращено особенное внимание на то, чтобы учащиеся приобретали навык изъясняться по употребительнейшим из восточных языков.

Студенты Специальных Классов, с успехом окончившие полный курс и удостоенные аттестата, получают при вступлении в гражданскую службу право на чин X и XII класса, с причислением по чинопроизводству к первому разряду»[103].

Андрей Николаевич Попов *(1841–1881)*

3 сентября 1871 г. прошло первое заседание совета специальных классов под председательством директора Н.Д. Делянова в присутствии инспектора Г.И. Кананова, профессоров армянской словесности Н.О. Эмина, персидской словесности С.И. Назарьянца, русской словесности А.Н. Попова, доцента грузинского языка И.Л. Серебрякова-Окромчеделова и преподавателя практики турецкого языка С.Е. Сакова. В ходе заседания был зачитан высочайше утвержденный проект устройства специальных классов, а затем на основании § 18 проекта секретарем совета был избран профессор А.Н. Попов[104]. 14 декабря 1871 г. особая комиссия Лазаревского института окончательно закончила разработку детального учебного плана и штата Лазаревского института.

Незадолго до окончания этой работы, 9 декабря 1871 г., скончался попечитель Лазаревского института Х.Е. Лазарев. В память о нем на средства, собранные по подписке среди армян, был заказан его мраморный бюст, который поместили рядом с портретами его отца и брата в актовом зале Лазаревского института. Согласно завещанию, составленному Х.Е. Лазаревым за месяц до своей кончины, Лазаревскому институту передавалось 6 тысяч рублей «для присоединения к неприкосновенному его капиталу», а также 200 тысяч рублей из ожидавшихся выкупных платежей[105].

Донесение директора Лазаревского института попечителю Московского учебного округа, графу П.А. Капнисту о постановке в актовом зале института мраморного бюста Х.Е. Лазарева от 9 Ноября 1883 г.

«Его Сиятельству

Господину Попечителю Московского Учебного Округа.

В 1868 году между населяющими Россию армянами возникла мысль о постановке в актовом зале Лазаревского Института восточных языков бюста покойного последнего Попечителя Института Действительного Тайного Советника Х.Е. Лазарева и об учреждении при заведении имени Лазарева одной или нескольких стипендий в память заслуг, оказанных фамилиею гг. Лазаревых. Вследствие чего и с Высочайшего разрешения, последовавшего 3 мая 1868 г., была открыта подписка и собрана была тогда же сумма (2459 р.), из коих часть употреблена на изготовление и постановку в зале Института мраморного бюста, а остальные от подписки деньги, предназначенные для учреждения стипендий, согласно желанию армянского общества, хранились до сего времени у ктитора Московской армянской церкви г. Паниева.

В настоящее время хранившаяся у г. Паниева сумма в количестве 1326 р. 71 к., по требованию моему представлена в Институт, а сим последним 29 минувшего Октября сдана в Московское Губернское Казначейство для приобщения к специальным средствам Института.

Директор Лазаревского Института
Г. Кананов»[106].

Елизавета Христофоровна Лазарева *(1832–1904).*
Художник С.К. Зарянко

Князь Семен Давыдовича Абамелик
(с 1873 г. Абамелик-Лазарев) (1815–1888).
Художник С.К. Зарянко

Согласно уставу 1848 г. «в случае пресечения фамилии Лазаревых» в звание его попечителя должен был вступить «один из ближайших ей родственников армянского исповедания». Еще в 1860 г. Х.Е. Лазарев обратился с ходатайством о «назначении по смерти своей попечителем института и столичных армянских церквей И.Д. Делянова с его мужеского рода наследниками, а в случае неимения оных – генерал-майора князя Абамелика»[107]. Тогда Х.Е. Лазарев связывал свои надежды с внуком Христофором – сыном Ивана Давыдовича Делянова и Анны Христофоровны Лазаревой, однако в мае 1864 г. одиннадцатилетний Христофор скончался. После этого будущим преемником Х.Е. Лазарева стал его зять, генерал-майор князь Семен Давыдович Абамелик, женатый на другой дочери попечителя, Елизавете Христофоровне Лазаревой.

Незадолго до смерти, 3 ноября 1871 г., Х.Е. Лазарев подал новое прошение в Сенат о передаче своему зятю фамилии Лазарев: «В октябре месяце 1871 г. скончался в Брюсселе отставной генерал-майор Лазарь Лазарев, оставив меня в моем роде последним. С моей кончиной род Лазаревых, возведенный в дворянское достоинство 20 мая 1774 года, угаснет… Находясь на закате дней моих, желал бы передать зятю моему отставному генерал-майору князю Семену Давыдовичу Абамелику… свою фамилию Лазарев»[108]. 16 января 1873 г. высочайше утвержденным мнением Государственного совета князю С.Д. Абамелику было дозволено принять фамилию тестя и потомственно именоваться князем Абамелик-Лазаревым. Ранее в декабре 1871 г. князь принял на себя де-факто должность попечителя Лазаревского института.

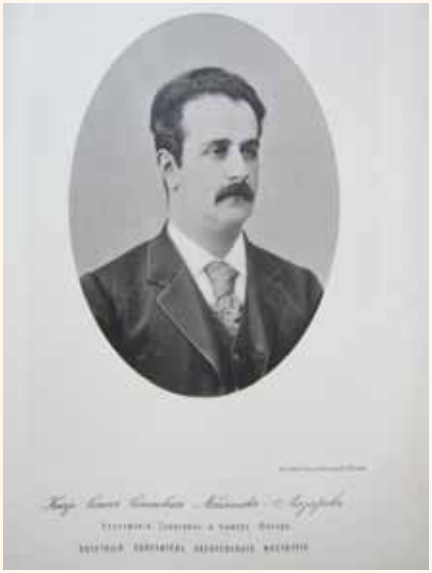
§ 4. Специальные классы. Управление, учебный процесс, студенты. 1872–1917 гг.

Пройдя все ведомственные инстанции, 16 декабря 1872 г. новый устав Лазаревского института был утвержден императором Александром II. Согласно ему упразднялась должность главного начальника института, а сам он перешел в ведение Министерства народного просвещения. В остальном система управления Лазаревским институтом в целом сохранила свой прежний вид.

Согласно § 7 нового устава звание попечителя Лазаревского института было заменено на звание «почетный попечитель». Там же, в § 12, говорилось: «Звание Почетного Попечителя Лазаревского Института принадлежит Князю Семену Давыдовичу Абамелику, а после смерти его, переходит на основании Высочайших повелений 31 Января 1841 года и 20 Декабря 1871 года в потомство его по праву первородства по мужской линии, но исключительно к лицам Армяно-Григорианского исповедания»[109].

Таким образом, новым попечителем Лазаревского института в декабре1871 г. стал князь Семен Давыдович Абамелик. Он родился 15 октября 1815 г. Окончил Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, затем служил в лейб-гвардии Гусарском полку, вышел в отставку в 1859 г. в чине генерал-майора. Настоящим призванием князя была живопись, которой он увлекся еще в молодости. Он писал портреты, копии с картин К.П. Брюллова и Ж.Б. Грёза, расписывал храмы, за икону Св. Стефана Пермского Академия художеств в 1865 г. удостоила его звания художника[110].

В 1888 г. после смерти князя С.Д. Абамелик-Лазарева звание и должность почетного попечителя Лазаревского института принял на себя его сын – князь Семен Семенович Абамелик-Лазарев. Он родился в Москве в 1857 г. Окончив историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, князь С.С. Абамелик-Лазарев под влиянием профессора А.В. Прахова занялся научными исследователями в области истории искусств. В начале 1880-х годов он вместе с А.В. Праховым и В.Д. Поленовым совершил путешествие по странам Передней Азии. Результатом этого путешествия стала не только знаменитая серия картин В.Д. Поленова на евангельские сюжеты, но также обнаружение в ходе проведенных князем С.С. Абамелик-Лазаревым археологических раскопок среди развалин Пальмиры каменной плиты, датированной 137 г. и содержавшей текст таможенного тарифа, записанного на двух языках – арамейском и греческом. Все собранные в ходе этой экспедиции материалы, в том числе «пальмирский тариф», были опубликованы в 1884 г. в роскошно изданной книге-альбоме «Пальмира». За открытие «Пальмирского таможенного тарифа» князь С.С. Абамелик-Лазарев был избран действительным членом Русского археологического общества, а также адъюнктом француз-



Семен Семенович Абамелик-Лазарев *(1857–1916)*

Адриан Викторович Прахов *(1846–1916). Художник И.Н. Крамской*

Василий Дмитриевич Поленов *(1844–1927). Художник И.Е. Репин*

ской Академии надписей и изящной словесности. 1 мая 1884 г. с соизволения императора Александра III князь в Париже принял пожалованный ему французским правительством знак отличия по народному просвещению. Сам памятник стараниями российского посла в Константинополе и бывшего воспитанника Лазаревского института И.А. Зиновьева был подарен турецким султаном Абдул-Хамидом II российскому императору Николаю II. С большими трудностями плита была перевезена в Санкт-Петербург и помещена в коллекцию Эрмитажа. В 1895 г. князь С.С. Абамелик-Лазарев снова посетил Египет, Палестину и Сирию, где провел раскопки. В изданной через два года книге «Джераш. Археологическое исследование…» князь писал: «Из найденных мною в Джераше надписей большинство оказались изданными, но и в них по вывезенным мною эстампажам или фотографиям можно было сделать кое-какие исправления»[111]. В книге было опубликовано сообщение приват-доцента Санкт-Петербургского университета Б.А. Тураева о «пальмирских барельефах с набатейскими надписями». Поездки и исследования, проведенные князем С.С. Абамелик-Лазаревым в 1880–1890-х годах, составили одну из интересных страниц истории развития отечественной археологии Древнего Востока.

В должности почетного попечителя Лазаревского института восточных языков князь С.С. Абамелик-Лазарев содействовал изданию целого ряда научных работ профессоров и преподавателей специальных классов. При нем были построены новые здания института: в 1890 г. слева от главного здания были возведены гимнастический зал и хозяйственный корпус по проекту архитектора А.Ф. Мейснера; в 1905 г. строятся здания для библиотеки и больницы по проекту архитектора А.Т. Аладжиева. Следуя семейной традиции, князь в 1913 г. завещал институту остававшийся в его собственности один из домов по Армянскому переулку (№ 7) с условием, что он будет носить имя его родителей «Дом князя Семена Давыдовича и княгини

ПАЛЬМИРА.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

КНЯЗЯ С. АБАМЕЛИКЪ-ЛАЗАРЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Титул книги «Пальмира. Археологическое исследование князя С. Абамелик-Лазарева…». СПб., 1884

Пальмирский таможенный тариф. 137 г.

Руины Пальмиры

Александр Фелицианович Мейснер
(1859–1935)

Елизаветы Христофоровны Абамелик-Лазаревых». Доход от сдачи квартир внаем должен был поступать на содержание пансионеров-стипендиатов «из русско-подданных армяно-григориан и не более пяти персидско-подданных в память о происхождении Лазаревых из Персии»[112].

Отношение почетного попечителя института к директору Лазаревского института об осмотре им здания института от 12 октября 1874 г.

«В проезд мой ныне через Москву я поставил себе обязанностью посетить Лазаревский Институт восточных языков, чтобы осмотреть произведенные в нем в минувшем и текущем годах перестройки в старом корпусе и перестройки новых при нем помещений по планам, утвержденным г. Министром Народного Просвещения.

Осмотрев упомянутые перестройки, я, к удовольствию моему, нашел, что все работы произведены, сколько можно судить по наглядности, тщательно, при том с необходимою прочностью.

Расположение классных и спальных помещений произведено весьма удовлетворительно и по возможности просторно.

Что же касается до помещения, в котором ныне устроен госпиталь, то если строго и критически отнестись к общему плану перестроек в Институте, нельзя не заметить, что комнаты в нем низки и лестница, ведущая в госпиталь, узка и довольно крута.

Затем я заметил на некоторых наружных стенах незначительную сырость, на которую необходимо было обратить внимание и принять меры к устранению ея.

Мне еще неизвестно, какая сумма употреблена до сих пор на произведенные перестройки и постройку новых помещений, но полагаю, что в этом случае не была упущена из вида экономическая сторона дела и что расходы не превзойдут тех, кои были назначены по сметам.

Вообще говоря, я и в нынешний раз нашел в Лазаревском Институте внешний порядок заведения превосходным, относя который к постоянной Вашей заботливости, вменяю себе в обязанность выразить Вашему Превосходительству за все виденное мною искреннюю мою признательность, покорнейше прося Вас, Милостивый Государь, передать мою благодарность и ближайшим Вашим сотрудникам по управлению вообще и в особенности по хозяйственной части заведения.

Почетный Попечитель
Князь Семен Абамелик-Лазарев»[113].

С апреля 1869 по 1881 г. должность директора института занимал Николай Давыдович Делянов. Под его ближайшим руководством был разработан проект устава специальных классов и всего Лазаревского института. При нем в 1873–1874 гг. была завершена перестройка главного корпуса института и прилегавших к нему зданий. *«Одиннадцатилетний период времени,*

когда во главе заведения стоял Н.Д. Делянов, оказался светлою эпохою, когда были положены начала того развития, которое продолжается и в настоящее время», – справедливо отметил Г.И. Кананов в речи, произнесенной на акте 24 октября 1890 г.[114].

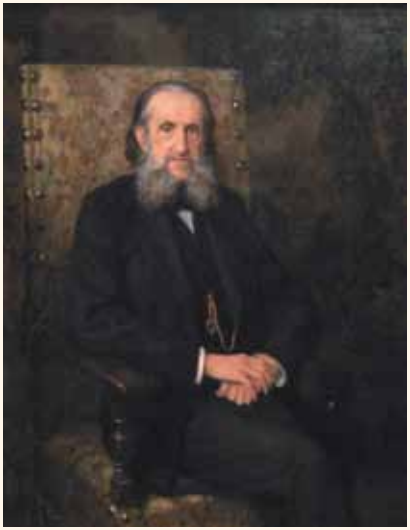
По уставу 1872 г. Лазаревский институт восточных языков состоял из одного приготовительного, семи гимназических и трех специальных классов. Кроме того, при институте продолжило существовать приготовительное отделение, учрежденное в 1851 г. в память И.Х. Лазарева. Администрация была общей как для гимназических, так и для специальных классов, однако учебный процесс регламентировался отдельными уставами для гимназических и специальных классов.

Гимназические классы Лазаревского института имели целью *«доставлять воспитывающемуся в них юношеству общее образование и вместе с тем служат приготовительным заведением для поступления в университет и высшие специальные училища…»*[115]. Особенностью гимназических классов Лазаревского института являлось сохранение в них обязательного для всех обучающихся здесь армян преподавания армянского языка и словесности, а также Закона Божия Армяно-григорианской церкви. Они преподавались в классное время наравне с остальными предметами гимназического курса, но для них отводилось дополнительное число уроков. Весь учебный процесс в гимназических классах контролировался особым педагогическим советом.

Специальные классы по своей программе, организации учебного процесса, а также правам, предоставляемым выпускникам, являлись высшим учебным заведением. Согласно утвержденному 16 июня 1872 г. уставу целью специальных классов являлось «изучение восточных языков». Они имели свой особый совет, куда входили директор, инспектор, профессора и доценты. В специальных классах были учреждены следующие кафедры: 1. Армянской словесности; 2. Арабской словесности; 3. Персидской словесности; 4. Турецко-татарского языка; 5. Истории Востока; 6. Русской словесности; 7. Грузинского языка; 8. Практики персидского и турецкого языков; 9. Восточной каллиграфии. На кафедрах работали шесть профессоров, один доцент и два преподавателя. Несмотря на то что по времени общий учебный курс специальных классов укладывался в три академических года, однако по своему объему он был *«не только не меньше числа 4-летних лекций восточного факультета С.-Петербургского университета»*, но даже его превышал[116].

Главное внимание уделялось преподаванию трех основных восточных языков (арабского, персидского и турецкого), которым отводилось наибольшее число часов по сравнению с другими дисциплинами (четыре часа в неделю на каждый предмет на всех трех курсах). Что касается армянского и грузинского языков, то они считались обязательными только для студентов из армян, грузин и «кавказских стипендиатов». Профильным предметом считалась история Востока, которая читалась в течение всех трех курсов. Совет специальных классов выработал особую программу ее преподавания: она была разделена на три отдела, которые должны были читать два преподавателя. Один читал древний и средний период, а второй – новейшую историю стран Востока, с периода османского владычества. На кафедру истории Востока совет единогласно выбрал профессора Г.И. Кананова, на должность второго преподавателя согласился профессор Московского университета В.И. Герье[117].

Стремясь улучшить учебный процесс, совет специальных классов стал с первых дней вносить изменения и дополнения в учебный план. В 1872 г. была установлена должность отдельного преподавателя практических занятий по арабскому языку, не предусмотренная уставом. В 1876 г. введено преподавание французского языка в виде необязательного предмета по 6 часов в не-



Владимир Иванович Герье *(1837–1919).*
Художник Н.П. Богданов-Бельский

делю. Это было сделано по просьбе студентов, которые в 1874 г. подали в совет следующее ходатайство: *«Имея в виду то обстоятельство, что знание французского языка необходимо для основательного изучения восточных языков и что практическое применение упомянутых языков положительно обусловлено знанием французского, покорнейшей просим Совет назначить несколько уроков в неделю французского языка»*[118]. Существовала еще одна причина для введения французского языка в учебную программу специальных классов. Дело в том, что знание этого языка являлось обязательным для поступающих на Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, тогда как именно туда, как правило, поступали выпускники специальных классов, стремившиеся сделать карьеру в российском внешнеполитическом ведомстве.

В июле 1881 г. Н.Д. Делянова на должности директора института сменил профессор Георгий Ильич Кананов, сыгравший в свое время ключевую роль в сохранении Лазаревского института в качестве востоковедческого учебного заведения. Со времени его назначения на должность директора в институте начался процесс пересмотра программ преподавания восточных языков. За образец совет специальных классов целенаправленно брал методы и приемы преподавания языков в Санкт-Петербургском университете, а также Парижской школе живых восточных языков. После внимательного ознакомления с различными существовавшими в то время методиками практических занятий восточных языков совет склонился в пользу предоставления преподавателям практических занятий самостоятельности в разработке программ и проведении занятий. На заседании 3 февраля 1882 г. совет принял следующее решение: *«Преподавание языков арабского, турецкого и персидского на I курсе поручить практическим преподавателям Аттая, Сакову и Тер Захарову, при чем для арабского языка сохранено 8 час., а для турецкого и персидского допущено уменьшение не более как на один урок, с тем, чтобы на II и III курсах занятия означенными языками проходили в усиленном размере, именно по 6 уроков на предмет»*[119].

Совет повысил требования к студентам, которые с 1882 г. должны были сдавать не только устные, но также письменные экзамены по арабскому, персидскому и турецкому языкам. Оценку познаний студентов было решено выражать общим баллом после обсуждения в совокупности результатов письменных и устных экзаменов[120].

В 1883 г. Совет специальных классов поручил преподавателям С.Е. Сакову, М.О. Аттая и М.Д. Ризаеву подготовить специальную программу для занятий по арабской каллиграфии, которая должна была познакомить студентов в течение трех курсов с главными почерками арабского письма: на I курсе – насхи и его подвиды насхи-сульс, рук'а, дивани; на II курсе – насхи-таалик; на III курсе – шикесте.

Расписание классных занятий в лицейских классах Лазаревского института восточных языков

Дни	Часы	Предметы, языки и фамилии преподавателей	
Понедельник			
	от 12 ¼ до 1 ¼	*Русская словесность*	
	¼ 2 ¼	*/Попов/*	
	3 ½ 4 ½	*Армянская словесность /Эмин/*	
	4 ½ 5 ½	*Персидский язык*	*Лазарев*
		Татарский язык	
Вторник			
	3 ½ 4 ½	*Турецкий язык*	*Лазарев*
	4 ½ 5 ½	*Персидский язык*	
	5 ½ 6 ½	*Практика Турецкого языка /Саков/*	
Среда			
	12 ¼ до 1 ¼	*Русская словесность /Попов/*	
	3 ½ 4 ½	*Армянская словесность /Эмин/*	
	4 ½ 5 ½	*Персидский язык*	*Лазарев*
	5 ½ 6 ½	*Татарский язык*	
Четверг			
	3 ½ 4 ½	*Турецкий язык*	*Лазарев*
	4 ½ 5 ½	*Персидский язык*	
	5 ½ 6 ½	*Практика Турецкого языка /Саков/*	
Пятница			
	10 ½ 11 ½	*История Востока /Кананов/*	
	3 ½ 4 ½	*Армянская словесность /Эмин/*	
	4 ½ 5 ½	*Персидский язык /Лазарев/*	
	5 ½ 6 ½	*Практика Турецкого языка /Саков/*	
Суббота			
	1 2	*История Востока /Герье/*	
	3 ½ 4 ½	*Турецкий язык*	*Лазарев*
	4 ½ 5 ½	*Татарский язык*	
	5 ½ 7	*Практика Турецкого языка /Саков/*	

Примечание: *уроки Грузинского и Арабского языков еще не распределены, а потому не вошли в это расписание.*

Директор Статский Советник

Делянов [121].

В 1884 г. на основании доклада профессора С.Е. Сакова было постановлено в курсе турецкого языка отдать предпочтение «джагатайскому наречию», имевшему более широкое распространение в Средней Азии. При этом несколько часов оставлялось также для «адербейджанского» языка, широко распространенного в Закавказье[122].

Поскольку специальные классы Лазаревского института продолжали готовить студентов к государственной службе, то в 1882 г. на одном из заседаний совета было высказано мнение о необходимости продлить срок учебы в институте на полгода, чтобы студенты могли пройти курс юриспруденции. Совет рекомендовал уделить на юридические науки по три лекции в неделю в течение трех лет. Не относясь к востоковедению, они были необходимы для тех учащихся, которые хотели избрать карьеру чиновника. В 1891 г. совет, учитывая, что Лазаревский институт не обладал средствами для введения в учебный план юриспруденции, решил прибегнуть к помощи юридического факультета Московского университета. Предполагалось, что студенты специальных классов, желавшие изучать юриспруденцию, должны будут ходить на занятия на юридический факультет. При этом, чтобы хватило время на изучение всех дисциплин, студенты, пожелавшие прослушать курс юриспруденции в Московском университете, должны были учиться в Лазаревском институте два года на третьем курсе. В том же году совет обратился к попечителю Московского учебного округа с просьбой ходатайствовать о разрешении студентам третьего курса слушать лекции в Московском университете по государственно-правовым, юридическим и политико-экономическим дисциплинам. В 1892 г. такое разрешение было получено[123].

В сентябре 1897 г. директором Лазаревского института восточных языков был назначен ординарный профессор Московского университета Всеволод Федорович Миллер. Он родился в 1848 г. в Москве, в семье известного переводчика западноевропейской поэзии Ф.Б. Миллера. В 1865 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета. После его окончания в 1870 г., по представлению известного специалиста по санскриту профессора П.Я. Петрова, В.Ф. Миллер был оставлен на кафедре сравнительного языкознания для «совершенствования в науках». В 1873 г. он был направлен на два года за границу, в Берлин, Тюбинген и Прагу, для продолжения «совершенствования в науках». Вернувшись, В.Ф. Миллер защитил магистерскую диссертацию «Очерки арийской мифологии в связи с культурой…»[124]. С 1877 г. он преподавал историю Древнего Востока, санскрит и древнеперсидский язык в Московском университете, а также историю русского языка и древнерусской литературы на Высших женских курсах. В 1883 г. за работу «Осетинские этюды»[125] В.Ф. Миллер получил степень доктора сравнительного языкознания. Это исследование принесло автору широкую известность за рубежом как ведущего специалиста в области иранистики. С 1886 г. В.Ф. Миллер занимал должность ординарного профессора Московского университета по кафедре сравнительного языкознания и санскритского языка. В 1892 г. он перешел на кафедру русского языка и русской литературы. Одновременно с этим в 1885–1897 гг. В.Ф. Миллер являлся хранителем этнографического отделения Румянцевского музея.

С назначением В.Ф. Миллера директором Лазаревского института преподавание восточных языков в нем стало приобретать научный характер, но, как писал А.С. Хаханов, «без ущерба прежней особенности – практической подготовке студентов к деятельности на Востоке»[126]. В специальных классах института начали читаться различные новые курсы, которые должны были повысить уровень знаний студентов в восто-

Расписание еженедельных лекций в специальных классах[127]

	Курс I	*Курс II*	*Курс III*	*Итого*
Армянская словесность	*3*	*3*	*3*	*9*
Арабская словесность	*4*	*4*	*4*	*12*
Персидская словесность	*4*	*4*	*4*	*12*
Турецко-татарский язык	*4*	*4*	*4*	*12*
История Востока	*2*	*2*	*2*	*6*
Русская словесность	*3*	*2*	*2*	*7*
Грузинский язык	*2*	*2*	*2*	*6*
Французский язык	*2*	*2*	*2*	*6*
Практика				
Турецкого языка	*4*	*4*	*4*	*12*
Персидского языка	*4*	*4*	*4*	*12*
Арабского языка	*4*	*4*	*4*	*12*
Восточная каллиграфия	*1*	*1*	*1*	*3*

Памятник Лазаревым — основателям Лазаревского института.
Фото 1911 г.

коведческих дисциплинах. В 1898–1900 гг. для всех желающих приват-доцент Московского университета Николай Николаевич Харузин читал курс лекций по этнографии. С того же 1898 г. приват-доцент Левон Зармайрович Мсерианц начал читать курсы по сравнительному языкознанию и древнеперсидскому языку. С 1900 г. в программу специальных классов был введен курс мусульманского права, а с 1902 г. – курс истории ислама, преподавание которых было поручено профессору Агафангелу Ефимовичу Крымскому. В 1901 г. в специальных классах ввели преподавание «сартского» (узбекского) языка[128].

Высокий уровень преподавания восточных языков и других востоковедческих дисциплин в специальных классах Лазаревского института получил признание как в России, так и за рубежом. На Всероссийской выставке 1882 г. специальные классы были удостоены диплома II степени и серебряной медали за образцы восточного письма, исполненные студентами института. В 1900 г. специальные классы получили золотую медаль на Парижской выставке за ученые труды профессоров, а также за подготовленные его преподавателями учебные пособия по восточным языкам и экзаменационные письменные работы студентов, в том числе за исполненные ими образцы восточной каллиграфии.

Характерной чертой специальных классов в период пребывания профессора В.Ф. Миллера в должности директора института стало активное

Всеволод Федорович Миллер *(1848–1913)*

Николай Николаевич Харузин *(1865–1900)*

вовлечение студентов в научно-исследовательскую деятельность. Этому способствовали начавшие выходить в Лазаревском институте серийные научные издания – «Эминский этнографический фонд» и «Труды по востоковедению». В течение 1890-х годов около двадцати студентов специальных классов выступили со своими научными работами по востоковедению. Многие из них приняли участие в деятельности Восточной комиссии Императорского Московского археологического общества, а также Этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Около двенадцати студентов во время летних каникул предприняли с научной целью поездки в Османскую империю и Персию[129].

Однако, по мнению некоторых современников, блестящий ученый и хороший преподаватель, В.Ф. Миллер не подходил по своим качествам для административной работы. Так, выпускник Лазаревского института, а затем его преподаватель и известный ученый-тюрколог А.Е. Крымский считал, что *«к административной деятельности и к строгой карательной педагогике натура Вс. Миллера была в высшей степени непригодна… Педагогическое дело в гимназических классах при нем падало и падало, дисциплина ослабевала, сводилась на нет и закончилась разнузданностью, хаос ежегодно усиливался и усиливался»*[130]. Под «хаосом» и «разнузданностью» А.Е. Крымский имел

Всероссийская художественно-промышленная выставка 1882 г., в Москве. *Литография*

Медаль Всероссийской художественно-промышленной выставки в Москве, 1882 г.

Парижская выставка, 1900 г.

в виду период революции 1905–1907 гг., когда учащиеся гимназических классов Лазаревского института были активно вовлечены в революционное движение московского студенчества. В качестве директора В.Ф. Миллеру не удалось справиться с волнениями в стенах института. В этой связи представляется интересным его ответ на официальный запрос осенью 1905 г. попечителя Московского учебного округа, который требовал сообщить, *«чем объясняется то обстоятельство, что ученические волнения особенно обострились именно в Лазаревском институте, т.е. в его гимназических классах»*. В ответном рапорте В.Ф. Миллера говорилось: *«Источником происходивших у нас волнений является именно наш пансион с преобладающим кавказским элементом воспитанников. Сплоченные совместной жизнью в стенах Института, пансионеры всегда и раньше оказывали сильное влияние на приходящих учеников. В переживаемое нами тревожное время нервное возбуждение особенно сильно проявилось среди пансионеров-армян и других воспитанников, которых родители и родственники находятся на Кавказе и подвергаются всем опасностям местных кавказских волнений»*[131].

Негативный опыт, полученный В.Ф. Миллером в 1905–1906 гг., отразился на его отношении к гимназическим классам Лазаревского института, которые он стал воспринимать как досадную помеху для научно-исследовательской и преподавательской работы в специальных классах. Поэтому сразу после окончания революции 1905–1907 гг. он предпринял попытку избавиться от гимназических классов. А.Е. Крымский позднее вспоминал: *«Мечтая избавиться от гимназической обузы, Вс. Миллер в марте 1907 года составил и отправил в Министерство народного просвещения мотивированный проект преобразования специальных классов в совершенно самостоятельный Восточный институт, который бы ничего общего не имел с Лазаревскою гимназией*. Записка не достигла успеха в министерстве»[132]. Можно отметить, что, по всей видимости, В.Ф. Миллер не был одинок в своих желани-

ях. Среди профессорско-преподавательского состава специальных классов постепенно появлялись мысли о необходимости превращения Лазаревского института в полноценное высшее учебное заведение по востоковедению.

Между тем В.Ф. Миллер как директор Лазаревского института вызывал все больше и больше нареканий со стороны Министерства народного просвещения. Профессор А.Е. Крымский вспоминал: *«В 1910 г. недвусмысленно поставлена была Миллеру на вид нежелательность дальнейшего пребывания его в должности директора. Выбор в Академию наук в начале 1911 года послужил почетным выходом из создавшегося тяжелого положения…»*[133]. В феврале 1911 г. В.Ф. Миллер был избран ординарным академиком Петербургской академии наук. Поскольку новая должность требовала его постоянного присутствия в Петербурге, встал вопрос поиска его преемника в должности директора института. В письме к почетному попечителю от 16 мая 1911 г. В.Ф. Миллер писал: *«Что касается интересующего Вас, как и всех служащих в Институте, вопроса о моем заместителе, то, к сожалению, я ничего об этом не знаю положительно. Газетные слухи упорно называют будущим директором Института московского профессора церковного права Гидуляно-ва, которого все считают «другом министра Кассо». Вместе с тем газеты удивляются, какое отношение может иметь молодой проф. Гидулянов к Лазаревскому институту, так как он не может преподавать ни в специальных, ни в гимназических классах… Лично я думаю, что за отсутствием восточников можно было бы остановиться на профессоре филологе, но во всяком случае не на юристе, который будет чужд и гимназии, и специальным классам. Но, по-видимому, министр уже связал себя словом… Итак, Вы видите, что дело выбора нового директора – дело нелегкое. Но все же мне казалось бы, что в этом выборе министерству следовало бы считаться и с мнением почетного попечителя Лазаревского института»*[134]. Однако князь С.С. Абамелик-Лазарев не стал вмешиваться в ситуацию, вероятно, не желая входить в конфликт с Министерством народного просвещения.

В итоге на должность директора института 15 июля 1911 г. был назначен ординарный профессор Московского университета Павел Васильевич Гидулянов. Он родился в 1874 г. в городе Пятигорске в семье делопроизводителя Дагестанского народного суда. В 1898 г. П.В. Гидулянов закончил юридический факультет Московского университета, после чего некоторое время стажировался в университетах Берлина и Мюнхена. В 1900 г. он был оставлен на два года при Московском университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре церковного права; в ноябре 1903 г. получил звание приват-доцента. После защиты в декабре 1905 г. в Московском университете диссертации на тему «Митрополиты в первые три века христианства» он был утвержден в степени магистра церковного права. На следующий год П.В. Гидулянов был приглашен исполняющим должность экстраординарного профессора в Демидовский юридический лицей по кафедре церковного права. После защиты в декабре 1907 г. на юридическом факультете Московского университета диссертации на тему «Восточные патриархи в период четырех первых Вселенских Соборов» он был утвержден в степени доктора церковного права, а в 1909 г. назначен ординарным профессором Московского университета по кафедре церковного права.

К моменту назначения директором профессора П.В. Гидулянова перед Лазаревским институтом вновь встал вопрос организации для студентов специальных классов преподавания правоведческих дисциплин. Опыт нескольких лет убедил совет в том, что посещение студентами специальных классов института занятий на юридическом факультете Московского универ-

Лев Аристидович Кассо (1865–1914)

ситета неэффективно, отрицательно сказывается на учебном процессе в самом институте, а кроме того, по материальным причинам доступно не всем студентам. В итоге было принято кардинальное решение: полностью пересмотреть весь учебный план и устав специальных классов Лазаревского института, принятый в 1872 г.

Совет специальных классов, во-первых, предложил включить в учебную программу ряд юридических дисциплин, а также политическую экономию. Во-вторых, было высказано предложение расширить контингент абитуриентов за счет выпускников реальных и коммерческих училищ, кадетских корпусов, духовных семинарий. Интересно, что совет прямо указал на то, что для целей специальных классов подготовка учеников коммерческих и реальных училищ, обладавших в целом лучшим знанием новых языков, более полезна «для изучения Востока, чем воспитанников классических гимназий»[135]. Третье предложение совета касалось увеличения срока обучения до четырех лет. К разработке нового учебного плана специальных классов, а также программ новых дисциплин совет предложил привлечь профессоров и преподавателей Московского университета.

Показательно, что предложения по преобразованию специальных классов Лазаревского института, разработанные московской профессурой, подверглись жесткой критике со стороны Восточного факультета Санкт-Петербургского университета, что стало следствием различного видения целей преподавания востоковедных дисциплин. В Санкт-Петербурге преобладало классическое востоковедение, с углубленным изучением древней и средневековой истории Востока, памятников литературы и культуры отдаленных эпох; целью преподавания являлось воспроизводство прежде всего ученых-востоковедов, специалистов высокого уровня по истории, филологии, литературоведению, лингвистике. Что же касается Лазаревского университета, являвшегося главным центром востоковедения в Москве, то здесь с самого начала преследовались практические цели: получить в достаточном количестве, во-первых, переводчиков живых восточных языков, а во-вторых, специалистов, превосходно разбиравшихся в современных культурных, политических, правовых, общественно-экономических реалиях народов и стран Востока. Министерству иностранных дел, кавказской и туркестанской администрациям нужны были в большом количестве переводчики и чиновники. А поскольку Лазаревский институт был основан сначала как учебное заведение для армян, то наполнение востоковедческих дисциплин территориально ограничивалось Кавказом, Ближним и Средним Востоком.

В этой ситуации неудивительно, что петербургские профессора выступили, например, с критикой предложения расширить контингент абитуриентов. С их точки зрения ученый-востоковед являлся «штучным товаром», тогда как Лазаревский институт был

призван относительно массово готовить переводчиков и чиновников с востоковедческой квалификацией. Поэтому в ответе на замечания совет специальных классов писал: *«Не разделяя точки зрения факультета, совет продолжает настаивать на необходимости открыть более широкий доступ молодым людям среднего образования в специальные классы, причем ставит только одно условие, чтобы поступающие были достаточно подготовлены к изучению преподаваемых предметов»*[136].

Профессура Восточного факультета Санкт-Петербургского университета, с одной стороны, рекомендовала делать упор в преподавании востоковедческих дисциплин на Средневековье, а с другой – выступала против введения в преподавание общественно-экономических и юридических предметов. Совет специальных классов Лазаревского института, напротив, считал, что следует главное внимание в преподавании уделять современному периоду, а введение правоведческих и экономических дисциплин крайне необходимо для студентов института.

В то же время совет принял замечания петербургских коллег, которые касались изменений в штатном расписании. Согласно рекомендациям из Санкт-Петербургского университета совет предложил учредить в специальных классах семь кафедр: 1. Арабской словесности (12 часов); 2. Персидской словесности (12 ч.); 3. Турецко-татарской словесности (12 ч.); 4. Армянской словесности (8 ч.); 5. Грузинской словесности (8 ч.); 6. Истории Востока (6 ч.); 7. Русской словесности (6 ч.).

В целом принятый в 1912 г. новый учебный план специальных классов Лазаревского института более четко выразил направленность учебного заведения на подготовку дипломатов и чиновников. С 1912/13 академического года в специальных классах вводилось разделение на два отделения: дипломатическое и административное. В «Правилах испытаний для студентов специальных классов…» говорилось: *«…дипломатическое отделение предназначалось для лиц, желающих посвятить себя дипломатической деятельности или службе по Министерству иностранных дел. По административному отделению направляются лица, избирающие судебную или административную деятельность на наших окраинах, смежных с пределами Ближнего Востока, именно в Средней Азии, на Кавказе и т.д.»*[137].

В новый учебный план были включены следующие дисциплины: гражданское, торговое, государственное, международное, уголовное право, уголовный процесс, энциклопедия права, политическая экономия, а также история «восточного вопроса». Произошли изменения в преподавании истории Востока. Курс древней истории Востока был упразднен, а вместо него усилено преподавание «новой истории мусульманского Востока». Ряд дисциплин был выделен в группу «общих предметов», которые должен был сдать каждый студент независимо от того, на каком отделении он учился. К «общим предметам» относилось семнадцать дисциплин: арабская словесность, персидская словесность, турецко-татарский язык, история Востока, русская словесность, практика арабского языка, практика персидского языка, азербайджанский язык, восточная каллиграфия, энциклопедия права, политическая экономия в связи с финансами, основы гражданского права и процесса, торговое право, основы уголовного права и процесса, гражданский процесс, государственное право русское и важнейших иностранных держав в связи с административным правом, мусульманское право[138]. На первом курсе для студентов каждого из отделений начинали вводиться дисциплины специализации: на дипломатическом отделении – практика турецко-османского языка и французский язык, на административном отделении – армянская словесность и грузинский язык. Эти же предметы преподавались на втором курсе. К ним на последнем курсе добавлялся на дипломатическом

Утверждены Попечителемъ Моск. Уч. Ок. отъ 9 мая 1912 г. № 15033.

ПРАВИЛА ИСПЫТАНІЙ

для студентовъ Спеціальныхъ Классовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ Языковъ.

§ 1. Каждый студентъ, желающій получить аттестатъ, обязанъ прослушать и сдать экзамены по всѣмъ предметамъ, выдѣленнымъ въ группу общихъ.

§ 2. Въ группу общихъ входятъ слѣдующіе предметы:

а) Арабская словесность.
б) Персидская словесность.
в) Турецко-татарскій языкъ.
г) Исторія востока.
д) Русская словесность.
е) Практика арабскаго языка.
ж) Практика персидскаго языка.
з) Адербейджанскій языкъ.
и) Восточная каллиграфія.
і) Энциклопедія права.
к) Политическая экономія въ связи съ финансами.
л) Основы гражданскаго права и процесса.
м) Торговое право.
н) Основы уголовнаго права и процесса.
о) Гражданскій процессъ.
п) Государственное право русское и важнѣйшихъ иностранныхъ державъ въ связи съ административнымъ правомъ.
р) Мусульманское право.

А. Трехгодичный планъ преподаванія:

1) Первый курсъ

а) предметы общіе:

	1 сем.	2 сем.
Арабская словесность	4	4
Персидская словесность	4	4
Турецко-татарскій языкъ	3	3
Исторія Востока	2	2
Русская словесность	3	3
Практика Арабскаго языка	3	3
Восточная каллиграфія	1	1
Энциклопедія права	1	—
Политическая экономія	1	1
	25	26

б) предметы дополнительные:

Для студентовъ дипломатическаго отдѣленія.	1 с.	2 с.
Практика турецко-османскаго яз.	3	3
Французскій яз.	2	2
	5	5
Итого	30	31

Для студентовъ административнаго отдѣленія.	1 с.	2 с.
Армянская словесность	3	3
Грузинскій языкъ	2	2
	5	5
Итого	30	31

2) Второй курсъ

а) предметы общіе:

	1 сем.	2 сем.
Арабская словесность	4	4
Персидская словесность	3	3
Турецко-татарскій языкъ	3	3
Исторія востока	2	2
Русская словесность	2	2

« Правила испытаний для студентов Специальных Классов Лазаревского Института восточных языков». Б/м., 1912

отделении курс международного права, а на административном – курс узбекского (сартского) языка[139].

Из «Правил а) о приеме в студенты и сторонние слушатели Специальных Классов Лазаревского Института восточных языков; б) о прохождении курса студентами Специальных Классов» (1916)

«ПРАВИЛА

I.

О приеме в студенты Специальных Классов Лазаревского Института восточных языков в Москве.

1) Лазаревский Институт восточных языков находится в ведении Министерства Народного Просвещения и состоит из: а) гимназических классов, с курсом и правами классических гимназий Империи (при них пансион); б) Специальных Классов для изучения восточных языков, с правами высших учебных заведений (исключительно для приходящих).

2) В студенты Специальных Классов Лазаревского Института восточных языков принимаются:

А. Без дополнительных испытаний.

Молодые люди, не моложе 17-летнего возраста,

Главное здание Лазаревского института. *Фото 1911 г.*

окончившие с успехом полный курс в гимназии или в гимназических классах Лазаревского Института; окончившие курс четырех общеобразовательных или шести классов православных духовных семинарий или удовлетворительно выдержавшие в одной из гимназий или в Институте полное в этом курсе испытание и получившие установленное свидетельство...

II.

О приеме в сторонние слушатели Специальных Классов.

1. Сверх студентов, допускаются в Специальные Классы сторонние слушатели, желающие учиться одному или нескольким из преподаваемых предметов.

2. В число сторонних слушателей принимаются: а) студенты высших учебных заведений города Москвы; б) лица, прошедшие курс средних учебных заведений до VI класса включительно, безукоризненное поведение которых будет засвидетельствовано подлежащим учреждением...

III.

О прохождении курса в Специальных Классах Лазаревского Института восточных языков.

§ 1. Каждый студент, желающий получить диплом, обязан прослушать и сдать экзамены по всем предметам.

§ 2. В Специальных Классах преподаются следующие предметы:

а) Арабская словесность.
б) Турецко-татарский язык.
в) Персидская словесность.
г) Армянская словесность.
д) Грузинский язык.
е) История Востока.
ж) Русская словесность.
з) Практика арабского языка.
и) Практика персидского языка.
к) Практика османского языка.
л) Азербайджанский язык.
м) Сартский язык.
н) Мусульманское право.
о) Восточная каллиграфия.
п) Французский язык.
р) Энциклопедия права.
с) Политическая экономия, в связи с финансами.
т) Основы гражданского права.
у) Торговое право.
ф) Основы уголовного права и процесса.
х) Гражданский процесс.
ц) Государственное право.
ч) Административное право.
ш) Международное право.

Примечание 1-е. Согласно ст. 1102 Свода Законов т. XI, изд. 1893 г., армянская словесность обязательна для армян, грузинский язык – для грузин и кавказских стипендиатов.

Примечание 2-е. Французский язык обязателен для лиц, предполагающих служить по министерству иностранных дел.

§ 6. Курс учения в Специальных Классах распределяется на три академических года, или шесть семестров»[140]*...*

***

Среди студентов, поступавших в специальные классы, выделялось несколько групп в зависимости от целей, которые они преследовали при поступлении. Особо стояла немногочисленная группа студентов-востоковедов, проявлявших глубокий, живой интерес к Востоку и восточным языкам. Большая часть студентов хотела получить образовательный ценз для службы на дипломатическом поприще. Меньшая часть желала приобрести аттестат, дававший право на поступление вообще на государственную службу. Но таких с учетом трудности изучения восточных языков было немного, и, как правило, они покидали классы уже после первого полугодия.

В студенты специальных классов согласно уставу принимались лица всех сословий, вероисповедания и подданства: *«а) окончившие курс в средних учебных заведениях Российской империи с аттестатом зрелости, одобрительное поведение которых было засвидетельствовано начальством подлежащих заведений; б) посторонние лица, получившие свидетельство зрелости в гимназиях, если будет представлено достаточное ручательство в отлично-нравственном направлении этих лиц; в) студенты университетов и других высших учебных заведений, имеющие аттестаты зрелости, равно как окончившие курс в этих заведениях, при представлении свидетельства о безукоризненном поведении от начальства того учреждения, из которого они переходят в Институт»*[141].

Специальные классы имели значительное число стипендий в размере 300–400 рублей ежегодно: «Императорские», «Лазаревские», «Кавказские» и одна учрежденная калужским дворянством имени генерала М.Д. Скобелева. Благодаря этим стипендиям в специальных классах могли учиться студенты из малообеспеченных семей. Однако стипендии налагали на студентов определенные обязательства. В уставе говорилось: *«Лазаревские стипендиаты по окончании курса в специальных классах с отличием, по предоставлению совета и утверждению попечителя, оставляются при Институте для занятия разных должностей и обязаны прослужить при оном не менее шести лет. Кавказские же стипендиаты вступают в ведение кавказского начальства»*[142]. Помимо лазаревских и кавказских стипендий институт имел еще нескольких стипендий, учрежденных частными обществами и лицами, – Александровская стипендия, учрежденная при Лазаревском институте Московским армянским обществом «в ознаменование чудесного спасения жизни Императора Александра II 4 апреля 1866 г.», две стипендии имени статского советника Ивана Григорьевича Амирова; стипендия имени статского советника Даниила Гавриловича Кананова и др.[143]. Материальная забота о студентах, кроме назначения стипендий, выражалась также в выдаче различных пособий, освобождении от платы за слушание лекций, в поиске для них возможностей давать уроки, а также устройстве дешевой столовой. С 1900 г. студенты специальных классов по желанию за доступную плату могли получить в здании инсти-

Прихожая института

Актовый зал института

Класс естественной истории института

тута завтрак (за 2 рубля в месяц) и обед из трех блюд (за 6 рублей в месяц).

Отношение Калужского губернского предводителя дворянства к директору Лазаревского института от 1 декабря 1879 г.

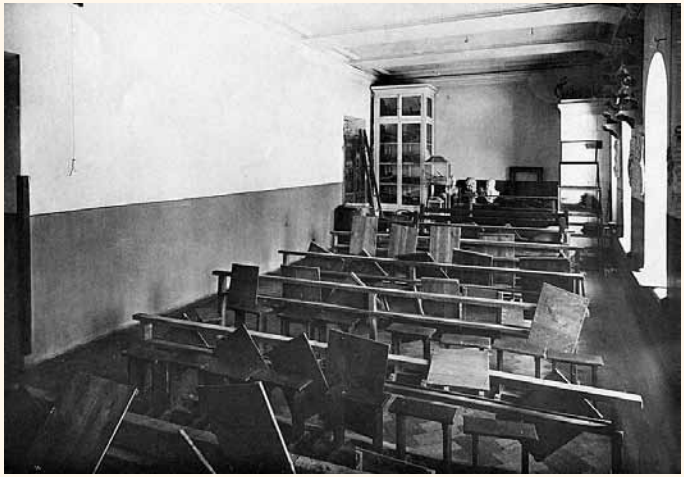
«Дворянство Калужской губернии во внимание к доблестным заслугам Генерал-Лейтенанта Михаила Дмитриевича Скобелева изъявило желание учредить в одном из высших учебных заведений стипендию его имени по его усмотрению, с тем чтобы выбор стипендиата при жизни Михаила Дмитриевича был предоставлен ему, а после смерти его стипендия имени его была назначаема по усмотрению г. Калужского Губернского Предводителя Дворянства.

Стипендию эту Михаил Дмитриевич Скобелев изъявил желание учредить в Лазаревском Институте восточных языков в Москве.

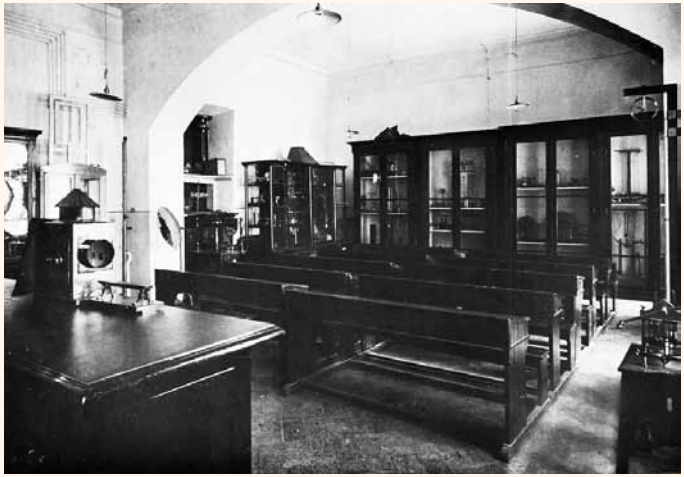
Предварительно представления постановления Дворянства, состоявшегося по сему предмету на Высочайшее утверждение препроводить вместе с сим за № 250, согласно циркуляра г. Министра Внутренних Дел от 15 Марта 1875 г., за № 3291 в Московское Губернское Казначейство шесть тысяч рублей билетами Восточного займа первого выпуска на имя Института в обеспечение этой стипендии, имею честь о том уведомить Лазаревский Институт для сведения.

Губернский Предводитель Е. фон-Розеберг, Секретарь Дворянства Гурьев»[144].

Специальные классы получили право принимать сторонних слушателей, состав которых был разнообразен. В их число вступали семинаристы, студенты высших учебных заведений, военные и духовные лица[145]. Среди военных было немало офицеров, проходивших службу в Туркестане. Так, в 1874 г. в классах слушал лекции подпоручик 7-го туркестанского батальона Илья Айтов, а в 1880 г. по ходатайству командующего Туркестанским военным округом в сторонние слушатели был записан прапорщик Джангир Баба Галиев. Православных священнослужителей интересовали восточные языки в целях предстоявшей миссионерской деятельности. Много приходило



Класс рисования института



Физический кабинет института

студентов из Московского университета, Петровской земледельческой академии, Технического училища из интереса к восточным языкам[146]. В 1887 г. руководство института ходатайствовало о разрешении открыть при специальных классах вечерние курсы для преподавания заинтересованным лицам одного из восточных языков. Открывшись в 1888 г., курсы сразу привлекли много слушателей. В 1890 г. на них записались 25 человек, в основном студенты Московского университета и Технического училища.

Несмотря на возраставшее год от года количество учащихся в специальных классах, все же оно было несравнимо с числом студентов в университетах или других высших учебных заведениях. Тем не менее совету приходилось постоянно держать под контролем посещаемость занятий и дисциплину. В 1877 г. в специальных классах была введена должность наблюдателя за студентами и сторонними слушателями. Его важнейшей обязанностью являлся надзор за посещением учащимися лекций. На основании полученного опыта совет специальных классов в 1888 г. разработал жесткие требования относительно посещаемости студентами лекций, а также карательные меры против «манкировок»[147].

Руководство института прилагало много усилий для того, чтобы заинтересовать студентов научными занятиями. Для поощрения учащихся согласно уставу специальных классов совет ежегодно предлагал им темы научных исследований, за выполнение которых давались золотые и серебряные медали или почетный отзыв. Первым золотую медаль получил в 1874 г. студент М. Готовицкий за сочинение «Религия друзов». В 1877 г. за перевод на русский язык с персидского четырех отделов книги «Тути-намэ» студент Л. Розештейн был награжден серебряной медалью. Студент И. Псаров получил в 1879 г. золотую медаль за сочинение по турецкому языку «Из книги Гумаюн-намэ». С 1880 г. совет прекратил назначать темы для научных работ студентов. Традиция была возрождена в директорство В.Ф. Миллера. На заседании совета 13 ноября 1900 г. было принято решение ежегодно предлагать студентам две темы: «одну по одному из мусульманских языков и одну поочередно по армянской словесности, грузинскому языку, русской словесности и истории

Столовая института

Чайная комната института

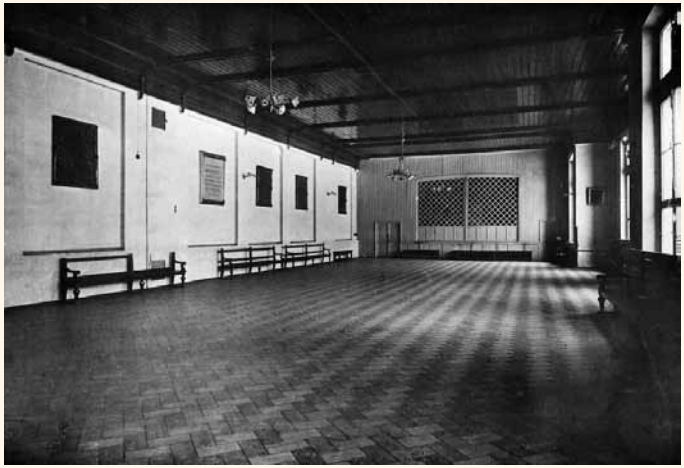
Востока». На следующий год золотую медаль присудили студенту Михаилу Попову за сочинение на тему «Демонологические представления арабов по Джахизу, Казвинию и Дамирию»[148].

Другим способом привлечь студентов к научно-исследовательской деятельности стали командировки за границу. Согласно § 152 устава совет специальных классов имел право *«способных молодых людей, с успехом окончивших курс Специальных классов, для усовершенствования в восточных языках посылать за границу на казенный счет»*. В первую очередь это делалось из стремления получить для института высококвалифицированных преподавателей восточных языков. Так, например, в 1896 г. со стипендией в размере 600 рублей в Сирию был послан А.Е. Крымский после того, как он окончил специальные классы Лазаревского института и историко-филологический факультет Московского университета.

Совет специальных классов Лазаревского института прилагал много сил для обеспечения будущего своих выпускников. Согласно § 24 устава специальных классов студенты, *«окончившие с отличным успехом полный курс учения и представившие сочинение по одному из преподаваемых в специальных классах предметов, в случае если последнее будет одобрено Советом, удостаиваются аттестата, дающего право на чин X класса»*[149]. Студенты же, «оказавшие на окончательном испытании успехи удовлетворительные», получали аттестат, «дающий право на чин XII класса»[150]. В § 38 специально оговаривалось, что студенты, получившие аттестаты с правом на получение X и XII классов, «в случае вступления в гражданскую службу, утверждаются в чинах, соответствующих этим классам». Что касается военной службы, то их право на поступление, а также на производство в офицерский чин должно было определяться действовавшими правилами по военному ведомству[151]. Еще одной привилегией выпускников специальных классов стало право носить особый знак. По Высочайшему повелению от 20 октября 1890 г. лицам, окончившим курс специальных классов с правом на чин X и XII классов, предоставлялось право носить особый золотой или серебряный вызолоченный жетон[152].

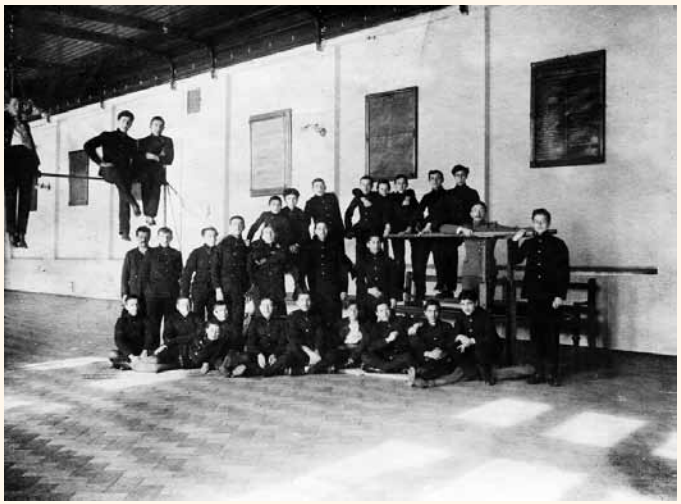
Несмотря на то что выпускники специальных классов имели существенные привилегии при поступлении на гражданскую службу, перед советом по-

Спальня института



Рекреационный зал института

стоянно стояла проблема обеспечения их дальнейшей судьбы. Довольно часто совет напрямую обращался в различные ведомства и учреждения с просьбами о предоставлении выпускникам специальных классов служебных вакансий. В 1876 г. туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман предложил совету через министра народного просвещения ежегодно предоставлять ему сведения о студентах, которые после окончания классов готовы были приехать на службу в Туркестан. Совет также постоянно ходатайствовал об обеспечении прав своих выпускников в случае их желания продолжить образование в других высших военных и гражданских учебных заведениях. В 1883 г. выпускникам специальных классов были официально предоставлены некоторые права и преимущества при поступлении их на службу в Туркестане, на Кавказе



Гимнастический зал института

Двор института

Знак об окончании специальных классов Лазаревского института (аверс и реверс). Утвержден 14 декабря 1900 г.

или в Министерство иностранных дел. С 1893 г. по распоряжению Министерства народного просвещения окончившим курс специальных классов было разрешено проходить испытания в комиссии Восточных языков при Санкт-Петербургском университете на диплом I и II степени без представления выпускного университетского свидетельства. В 1902 г. Главное управление военно-учебных заведений предоставило лицам, успешно окончившим специальные классы Лазаревского института, право на поступление без экзаменов в одногодичные отделения Московского и Киевского военных училищ наравне с лицами, окончившими другие высшие учебные заведения[153].

В течение всего периода деятельности специальных классов Лазаревского института количество студентов постоянно увеличивалось. К 1 января 1872 г. в специальных классах Лазаревского института значилось всего пять студентов и два сторонних слушателя. В 1880-х годах число учащихся доходило в среднем до двадцати, а в конце 1890-х – до пятидесяти человек. В 1902 г. в списках учащихся значилось 47 студентов и 15 сторонних слушателей. В течение 30 лет, с 1872 по 1902 г., в специальных классах окончили курс 184 студента.

***

Период истории Лазаревского института с 1872 по 1917 г. знаменателен тем, что в это время в его стенах преподавали лучшие представители московской школы востоковедения. Среди них были как имевшие широкое историко-филологическое образование ученые, так и великолепные практики, не имевшие классического высшего образования, но блестяще знавшие во всех тонкостях преподававшиеся ими восточные языки. Преподавателями высших специальных классов реорганизованного в 1872 г. Лазаревского института, на плечи которых легла нелегкая задача налаживания учебного процесса после проведенных в институте преобразований, стали профессор персидской словесности Степан Исаевич Назарянц, профессор турецко-татарского языка Лазарь Эммануилович Лазарев и профессор армянской словесности Никита Осипович Эмин. Вскоре к ним присоединились и новые преподаватели.

Следует отметить, что в специальных классах Лазаревского института сохранялась традиция преподавания восточных языков в практической плоскости. В воспоминаниях о преподавателях специальных классов выпускник института Хр. И. Кучук-Иоаннесов вспоминал: «*За исключением истории Востока,*

Премиальная медаль выпускнику Лазаревского института.
Вручалась с 1881 по 1896 г.

Знак 96-го выпуска Лазаревского института.
1914 г.

русской словесности и армянской словесности, преподавание всех остальных предметов было поставлено на практической основе; научных целей при изучении восточных языков Специальные Классы не преследовали»[154].

Кафедру персидской словесности в 1871 г. снова возглавил Степан Исаевич Назарянц, который вернулся в Лазаревский институт после проведенных здесь преобразований. Хр. И. Кучук-Иоаннесов вспоминал: *«Персидский язык преподавал проф. С.И. Назарьянц. На I-м курсе не было никаких учебных пособий и руководств, на что покойный профессор часто сетовал. Вследствие этого он был вынужден диктовать студентам грамматику персидского языка, а тексты для чтения и переводов из "Анвари Сохейли" писал на доске, откуда студенты, с грехом пополам, списывали и упражнялись в чтении; слова для переводов говорил сам профессор, ибо словарей не было еще. Для восточной каллиграфии проф. Назарьянц для каждого студента особо писал дома образцы и раздавал на лекциях. На II и III курсах у нас появилась Персидская хрестоматия А. Болдырева (Москва 1833 года) и Саади-Гулистан. При переводе из последнего мы пользовались русским переводом С.И. Назарьянца. Далее проф. Назарьянц читал нам историю персидской словесности»*[155].

В 1871 г. для ведения практических занятий по персидскому языку в Лазаревский институт был приглашен уроженец Персии Кирьякос де Мирза (Соломон де Мирза, Кирьяк Соломонович Демирза). Его слабое знание русского языка иногда мешало преподаванию: *«Персидскую практику преподавал сириец из Персии Соломон-Мирза,* – писал Хр.И. Кучук-Иоаннесов, – *который помимо своих лекций на ломанном русском языке всегда готов был заниматься с студентами и у себя на дому. Он писал на доске самые обыкновенные фразы, которые часто не мог переводить на русский язык, и на помощь к нему приходили обыкновенно студенты, знающие французский. Успехи бывали далеко не блестящие»*[156]. С 1880 г. в должности штатного преподавателя занятия по практике персидского языка вел в специальных классах Мирза Джафар Ризаев, издавший в Казани и Москве ряд учебных пособий[157].

Из «Обозрения преподавания в специальных классах Лазаревского Института восточных языков в 1910–1911 академическом году»

«… Преподаватель Мирза Джафар (18 час.). *А. Грамматика персидского языка и упражнение в чтении. 15 уроков по книге "Персидско-русско-француз. разговоров" Мирзы Джафара (М. 1896). Устные переводы с персидского на русский и письменные с русского на персидский, с представлением последних на экзамен. Чтение 32 стр. по хрестоматии М.А. Гаффарова (для 1 курса.) – Б. 10 уроков по "Книге разговоров" Мирзы Джафара, т.е. 16–26 с повторением предыдуших. Письменный перевод разных тем с русского на персидский яз., с представлением этих переводов на экзамен. Книга "Чехель-Тути" (СПб. 1901, изд. проф. Жуковского). "Гулистан" Саади, четыре рассказа. Чтение персид. Газ. Хаблуль Матин, изд. в Калкутте (для II курса) – В. Все уроки из II изд. "Книги разговоров» Мирзы Джафара, (Москва, 1896). Письменный перевод с русского на персидский язык на разные темы, с представлением этих переводов на экзамене. Чтение персидской газ. "Шамс", изд. в Константинополе. Кн. Путешеств. Ибрагим-бек, часть I. изд. в Каире, и 100 рубаи (четырехстиший) из поэта Хейяма (для III курса)»*[158].

После смерти в 1879 г. профессора С.И. Назарянца курс персидской словесности в специальных классах некоторое время вел профессор Л.Э. Лазарев, а с 1885 г. – Иван Николаевич Холмогоров. Он родился в 1825 г. в Симферополе в семье унтер-офицера. В приходской школе обратили внимание на его способности к изучению языков и перевели в знаменитую Первую Казанскую гимназию. В 1841 г. И.Н. Холмогоров окончил Восточное отделение Казанского университета, после чего в течение нескольких лет преподавал в различных учебных заведениях, был учителем персидского языка в Астраханской и русского языка в Пензенской гимназиях. В 1848 г. он был определен в Казанский университет преподавателем арабского языка и словесности. Став в 1851 г. кандидатом восточной словесности, И.Н. Холмогоров в 1852–1855 гг. исполнял обязанности профессора Института восточных языков при Одесском Ришельевском лицее, а с 1857 г. состоял инспектором Астраханской гимназии. В 1861 г. он вернулся на вновь открывшуюся в Казанском университете кафедру арабского языка, где через два года получил звание экстраординарного профессора. В том же 1863 г. ему было разрешено бесплатно читать курс персидского языка и истории персидской литературы. В 1865 г. И.Н. Холмогоров защитил в Санкт-Петербургском университете магистерскую диссертацию, посвященную творчеству Саади Ширазского. Однако в 1868 г. он был уволен из Казанского университета, некоторое время преподавал как внештатный учитель в Симбирской гимназии, пока в 1885 г. не был приглашен на должность исполняющего обязанности экстраординарного профессора персидской словесности в специальных классах Лазаревского института[159]. Как ученый-востоковед И.Н. Холмогоров зарекомендовал себя переводами с арабского и персидского языков, а также исследованиями по средневековой персидской и арабской литературе[160]. В частности, он считался знатоком жизни и творчества Саади Ширазского, а также лучшим переводчиком его произведений. В 1892 г., на следующий год после смерти И.Н. Холмогорова, кафедру персидской словесности возглавил профессор Московского университета Федор Евгеньевич Корш.

В конце 1893 г. в Лазаревский институт был приглашен барон Рейнгольд Рейнгольдович (Роман Романович) фон Штакельберг, которому поручили читать курс лекций по персидской словесности на I и II курсах и грамматику персидского языка для специальных классов. Он получил высшее образование в Страс-

Георгий Абрамович Муркос *(1846–1911)*

Иван Николаевич Холмогоров *(1819–1891)*

бургском и Лейпцигском университетах, где начал заниматься индо-иранской филологией у профессоров Г. Гюбшмана и Т. Нёльдеке. В 1886 г. в Страсбургском университете он получил степень доктора философии. Интересно, что под влиянием работы В.Ф. Миллера «Осетинские этюды» еще в университетские годы барон Р.Р. фон Штакельберг начал работать под руководством профессора Г. Гюбшмана над синтаксисом осетинского языка. В 1890 г. он вступил в переписку с В.Ф. Миллером, а несколько позже – с «Восточной комиссией», направив туда свою первую работу на русском языке – «Заметки о некоторых персидских словах в осетинском языке…»[161]. Завязавшиеся научные связи между бароном Р.Р. фон Штакельбергом и московскими востоковедами способствовали его приглашению в Лазаревский институт. В Москве помимо преподавательской деятельности барон Р.Р. фон Штакельберг занимался научными исследованиями в сфере иранистики и арменистики. Из его опубликованных работ следует отметить напечатанную в «Древностях восточных» статью «Персидское влияние на религию древних армян», а также статью «О значении армянских историков для изучения Сасанидской Персии» в сборнике «Братская помощь пострадавшим в Турции Армянам»[162].

Во главе кафедры арабской словесности в 1872 г. по рекомендации Санкт-Петербургского университета был поставлен Георгий Абрамович Муркос. Он родился в 1846 г. в Дамаске в семье арабского православного священника Авраама, приближенного антиохийского патриарха Мефодия. Образование Муркос получил сначала в Константинополе, в Эллинской школе Фенера на острове Халки, затем в Санкт-Петербургской духовной семинарии и на Восточном факультете Санкт-Петербургского университета. В сферу научных интересов Г.А. Муркоса входили история православия на Ближнем Востоке, а также история арабской литературы. Г.А. Муркос отдал много сил изучению и изданию арабских рукописей, находившихся в собрании Лазаревского института и библиотеке Московского главного архива МИД. В частности, он оставил подробное описание имевшихся в коллекции института арабских

рукописей, обнаруженных в Дагестане[163]. Современники особо отмечали сделанный им перевод арабской рукописи «Путешествие патриарха антиохийского Макария в Россию в первой половине XVII в.»[164]. Он много писал на темы рукописной культуры и книжности православных арабов. Его статьи в 1889–1899 гг. постоянно выходили в «Сборнике Московского Главного архива Министерства иностранных дел», в «Древностях восточных» Московского археологического общества и в «Трудах по востоковедению» Лазаревского института. Что касается исследований по истории арабской литературы, то здесь одним из главных научных трудов Г.А. Муркоса стал перевод арабского поэтического произведения VI в. «Муаллака Имру-уль-Кайса», изданный в 1885 г. в Санкт-Петербурге. Издание включало арабский текст, перевод и научные комментарии. Кроме того, в предисловии ученый, опираясь на труды арабистов Т. Нёльдке и В.Ф. Гиргаса, объяснил происхождение термина «муаллака (моаллака)», а также дал биографический очерк об Имру-уль-Кайса. Следует также упомянуть написанный им очерк «Новейшая литература арабов», изданный во втором томе «Истории всеобщей литературы, изд. Корша и Кирпичникова»[165].

В своих воспоминаниях о преподавателях специальных классов Лазаревского института Хр.И. Кучук-Иоаннесов писал: *«Арабский язык преподавал проф. Г.А. Муркос. Грамматику проходил он по записям, за неимением печатной грамматики; упражнения в чтении текстов из Корана, откуда переводились разные “суры”. Из арабской поэзии читали разные мозлакаты и касиды»*[166]. К заслугам Г.А. Муркоса как преподавателя можно отнести разделение в 1873 г. преподавания арабского языка между двумя преподавателями, один из которых должен был специально вести практические занятия языком. Еще в октябре 1871 г. он представил в совет специальных классов записку по этому вопросу. Совет согласился с приведенными Г.А. Муркосом доводами и ходатайствовал о дозволении *«для более успешного преподавания арабской словесности иметь особого преподавателя для практических занятий по арабскому языку»*. В марте 1873 г. по высочайшему повелению попечитель Московского учебного округа уведомил совет, что его прошение удовлетворено.

В ноябре 1872 г. профессор Муркос сообщил совету, что он исполнил его поручение и нашел преподавателя арабского языка, которым стал Михаил Осипович Аттая[167]. Он родился в 1851 г. в Дамаске. Обучался на медицинском факультете «в Сирийском евангелическом университете». Из-за своих политических убеждений и деятельности он был вынужден покинуть Османскую империю и переехать в Россию. С 1873 г. М.О. Аттая стал вести практические занятия по арабскому языку в специальных классах, с 1878 г. он одновременно стал заведующим библиотекой. Одной из главных его задач была подготовка учебных пособий и словарей. В 1884 г. вышло первое издание его «Практического руководства к изучению арабского языка», которое затем неоднократно переиздавалось с дополнениями[168]. В 1886 г. М.О. Аттая издал «Арабскую хрестоматию», куда вошли пословицы и рассказы из арабских книг, а в 1889 г. – сборник басен «Книга Калила и Димна»[169]. Наиболее крупной работой М.О. Аттая, итогом его сорокалетней преподавательской деятельности, стал «Арабско-русский словарь»[170].

О М.О. Аттая как преподавателе Хр.И. Кучук-Иоаннесов вспоминал: *«Арабскую практику преподавал М.О. Аттая, который предварительно писал на доске арабские фразы, заставлял студентов правильно читать и после уже заучивать их. Сначала дело шло туго по незнанию преподавателем русского языка, но вскоре студенты освоились с этим недостатком и часто прибегали к помощи французского языка, для преподавания которого, по просьбе самих же студентов, начальством Института был приглашен учитель*

французского языка в гимназических классах Лазаревского Института»[171].

Из «Обозрения преподавания в специальных классах Лазаревского Института восточных языков в 1910–1911 академическом году»

«…Преподаватель М.О. Аттая (13 ч.)

А. Арабская грамматика: Учение о звуках. Части речи: имя, – род, число и склонение, местоимения, числительные, глаголы правильные, удвоенные и гамзованные, их формы и спряжение. Разряды глаголов слабых и их неправильность вообще: а) глаголы подобно-правильные, б) недостаточные в) запутанные, г) слабо-гамзованные. Глаголы похвалы и порицания. Глагольные имена. Имена прилагательные и степени сравнения. Производные имена: а) имя места и времени, б) имя орудия, в) имя однократности действия, г) имя единичности, д) имя образа действия. Уменьш. Формы. Управляющие слова. Чтение и разбор: 1) 50 пословиц (с заучиванием наизусть). 2) 20 рассказов, 3) Исторические отрывки (не менее 20 страниц из хрестоматии Derenbourga (или Аттая). Каллиграфия, почерк насхи (Для I курса) – Б. Повторение грамматики на примерах и переводы с арабского на русский яз. и обратно, письменно и устно до 30 тем. из рассказов Л.Н. Толстого, III книжка. Курс арабской метрики по запискам. Чтение и разбор: а) из Калилы и Димны до 15 стр., б) из Сказок 1001 ночи до 30 стр., диктанты числом не менее 15 (для II курса), – В. Общий очерк мусульманского права. Чтение арабского текста по мусульманскому праву аль-Кулури, глава: Семейное право "Никах", 15 стр. Особенности простонародного арабского языка (по запискам) и 30 стр. из 1001 н. по народному произношению. История арабской литературы по книге Альмунтахаб 20 стр. Переводы письменные числом 15 (для III курса).

Каллиграфия (для I курса). – Почерк насхи, написать 15 стр. в тетрадке с грамм. разбором.

Пособия: Gaspari Arabiche Gramm. под ред. A. Műller. Idem. франц. перевод. Socin Arab Grammatik. Аттая, Практич. Руководство к изучению арабского яз. Его же, Хрестоматия, Durand et Cheikho Elementa grammaticae arabicae Derenbourg et Spiro Chrestemathie élémentaire de larabe littéraire Фан-ден-Берг. Основная начала мусульманского права; Мохтасар Аль-Кудури[172]*».*

Кафедру турецко-татарского языка специальных классов возглавлял вплоть до своей смерти в 1884 г. профессор Лазарь Эммануилович Лазарев. Вспоминая о нем, Хр.И. Кучук-Иоаннесов писал: «*Турецкий язык читал проф. Л.М. Лазарев. Турецкую грамматику он проходил со студентами по своему руководству, помещенному в начале его Турецко-татарского словаря (М., 1864). Упражнение в чтении сначала происходило тоже по этому словарю, потом читали разные отрывки из Сравнительной его хрестоматии турецкого языка (М., 1866)»*[173].

Преподавателем для практических занятий на кафедру в 1871 г. был приглашен Ставр Елевтериевич Саков. Он родился в 1846 г. в Османской империи в греческой семье и еще мальчиком попал в Россию. Образование он получил сначала в гимназии в Евпатории, а потом в лицейских классах Лазаревского института, которые закончил в 1869 г. Интересно, что, являясь преподавателем института, он одновременно слушал лекции на медицинском факультете Московского университета. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. он добровольцем вступил в качестве врача в действующую армию и участвовал в действиях Эриванского отряда генерал-лейтенанта А.А. Тер-Гукасова. Позже, уже оставив преподавательскую деятельность в Лазаревском институте, он открыл собственную клинику в Липецке. Между тем после смерти профессора Л.Э. Лазарева ему была поручена кафедра турецко-татарского языка. Одновременно он выполнял

обязанности греческого консула в Москве. Совмещение преподавательской деятельности с увлечением медициной, а также хлопотными обязанностями консула не могло не отразиться на деятельности С.Е. Сакова как ученого-востоковеда. Единственным его трудом стали изданные в 1906 г. литографированные лекции «Элементы турецкой (османской) грамматики», которые, впрочем, долгие десятилетия оставались востребованными студентами и преподавателями[174]. Хр.И. Кучук-Иоаннесов вспоминал: *«Турецкую практику преподавал С.Е. Саков. Пособием служила книга проф. Л.З. Будагова, адербейджанский текст который пересказывался по-османски. Это давало возможность знакомить студентов одновременно с особенностями и адербейджанского наречия, читались также "Турецкие диалоги" Мсерианца. Кроме того на доске писались разные турецкие фразы, которые заучивались студентами и служили основой упражнения и по методе Оллендорфа, а впоследствии по переделанному adhok руководству Казаса»*[175].

Из очерка В.А. Гордлевского «С.Е. Саков (1846–1921). Страничка из истории старого (московского) востоковедения»

«...Как профессор Саков был последний могикан, последний представитель отжившего и в России типа ученых; он хорошо знал и понимал османский язык, ухмыляясь в бороду, когда замечал промахи петроградских туркологов; но дальше начетничества не ушел. Ему недоставало филологического образования, и, отмахиваясь правой рукой, он отклонял от себя научную работу, ибо не видел в ней практического смысла. Ему, впрочем, и негде было выучиться научным приемам. Лицейские классы Лазаревского института (в отношении преподавания восточных языков) походили скорее на медресе. Старейшее поколение Специальных классов вспоминает, как проф. Лазарев, перешедший сюда из лицейских классов, создавал на лекциях восточную обстановку: он садился со слушателями на полу и, раскачиваясь, читал нараспев Коран. А вот еще рассказ, не без юмора передававшийся Саковым: Лазарев затевает урок выразительного чтения басни (на османском языке). Ну, я буду лев, распределяет роли профессор, ты (имярек) – тем-то, ну, а ты, Саков, будешь осел. Между учителем и учеником возникает препирательство. Я не хочу быть ослом, заявляет ученик, будьте вы, Лазарь Мануиловлч, ослом…

В течение десятков лет (до 1908 г.) Саков преподавал в Специальных классах различные тюркские языки – османский, азербайджанский, чагатайский... В Специальных классах Саков пытался ввести (внешние) университетские приемы преподавания – в течение года он читал и комментировал тексты, и только во время экзаменов производил проверку, определяя успешность студенческих занятий. Система, быть может, пригодная в университете, – в учебном заведении с практическим уклоном была не подходяща, студенты запускали частенько занятия. Саков это видел и устраивал иногда на дому перед экзаменами репетиции»[176].

В 1885 г. по рекомендации профессора С.Е. Сакова на кафедру был взят в качестве преподавателя разговорного турецкого языка Семен Григорьевич Дзерунян (Церуниан). Он родился в 1860 г. в семье турецких армян. Получил образование в горно-лесной школе, затем работал учителем армянского языка в школах Сиваса и Константинополя. С.Г. Дзерунян прекрасно знал живой разговорный турецкий язык, а также был хорошим педагогом. Итогом его преподавательской деятельности в специальных классах Лазаревского института стала изданная в 1909 г. работа «Турецко-русские разговоры».

В 1901 г. в связи с тем, что профессор С.Е. Саков по болезни временно отошел от преподавательской деятельности, по его рекомендации, поддержанной

профессором Ф.Е. Коршем, в институт в качестве стороннего преподавателя пригласили Мирзу Абдуллу Гаффарова «как обладающего солидными познаниями по турецко-татарскому языку». Он родился в Тавризе, вероятно, в 1868 г. Начальное образование получил в Александрии в арабской школе Мохеддина Неихани. В 1881 г. вернулся в Персию[177]. В специальных классах Лазаревского института он начал преподавать узбекский и азербайджанский языки, хотя больше был известен в истории востоковедения как иранист. В 1910/11 г. в связи уходом со штатной должности преподавателя практического персидского языка М.Д. Ризаева его обязанности были переданы М.А. Гаффарову[178].

Как иранист М.А. Гаффаров стал известен благодаря составленному им двухтомному «Персидско-русскому словарю». В предисловии к словарю профессор Ф.Е. Корш писал: *«Одной из слабых сторон новоперсидской филологии в Европе является сторона словарная, неудовлетворительность которой дает себя чувствовать особенно сильно потому, что словарь, наряду с грамматикой, представляет собой необходимое пособие к изучению любого иностранного языка… Ввиду такого положения дел преподаватель языков персидского, азербайджанского и сартского в специальных классах Лазаревского Института восточных языков, основательно усвоивший себе также языки арабский и османский, а из европейских – русский, французский и английский, Мирза Абдулла Гаффаров, родом из Тавриза… решил составить по возможности полный и точный персидско-русский словарь как письменного, так и разговорного языка со включением фразеологии, на основании не только работ своих предшественников, европейских и азиатских, но и плодов собственного, весьма обширного чтения персидских текстов и непосредственного знания живого персидского языка»*[179]. В помощь изучавшим историю персидской литературы М.А. Гаффаров издал двухтомный фундаментальный труд «Образчики персидской письменности с X в. до нашего времени»[180], который стал прекрасным дополнением к хрестоматии А.В. Болдырева. В нем были представлены отрывки из классических произведений персидской литературы: Фирдоуси, Саади Ширазского, Хафиза, Феридаддина Аттара и Джелаледдина Руми.

М.А. Гаффаров активно занимался и переводческой деятельностью. В 1913 г. он издал сборник «Персидские пословицы», который содержал 500 пословиц, большей частью собранных самим ученым. В примечаниях автор давал аналогичные русские, турецкие и азербайджанские пословицы. Редактором сборника выступил В.А. Гордлевский, который в предисловии написал: *«…я охотно согласился на предложение Мирзы Абдуллы Гаффарова популяризовать на русском языке персидские пословицы. Доля моего участия, впрочем, незначительна, я транскрибировал текст, не притязая на передачу простонародных диалектических особенностей, которые впрочем стушевывались в устах Мирзы Абдуллы Гаффарова, родом азербайджанца. Во время разбора пословицы Мирза Абдулла Гаффаров и отчасти брат его, Мохаммед Казим, делали ценные замечания об употреблении пословиц, комментировали их и т.д.»*[181]. В 1914 г. М.А. Гаффаров издал в Москве перевод на русский язык 20 газели (лирических стихотворений) персидского поэта XIV века Сальмана Саведжи, которого он отнес к поэтам «хафизовой плеяды»[182]. Кроме того, М.А. Гаффаров выступил автором и ряда исторических трудов. В 1913 г. он издал работу по персидской историографии в монгольский период, где провел детальный разбор наиболее значимых исторических произведений XIII–XVI вв., дал обширные комментарии и биографические сведения об историках этого периода, в частности о Мир-Хавенде Мохаммеде ибн Хавенд-шахе, о Хандемире Гияс-ад-дине ибн Хемам-ад-дине, и список имевшейся о них литературы[183]. В труде «О султанских грамотах турецким чиновникам на Кавказе при турецком владычестве» М.А. Гаффаров

разобрал двадцать шесть грамот, относящихся к периоду 1726–1821 гг.[184].

Из «Обозрения преподавания в специальных классах Лазаревского Института восточных языков в 1910–1911 академическом году»

«… Преподаватель С.Г. Церуниан (11 часов).

А. Разговоры преподавателя (в объеме 17 уроков). Чтение и пересказ анекдотов (для I курса). Б. Упражнение в разговоре. Перевод с русского языка на османский анекдотов и рассказов (для II курса).

В. Упражнение в разговоре. Перевод рассказов Чехова. Чтение передовых статей из газет "Ігдам", "Танін". Упражнение в почерке "pika", в связи с разбором официальных и коммерческих бумаг (для III-его курса.).

Для студентов II-го и III-го курсов обязательна подача домашних переводов.

Пособия: Османские разговоры преподавателя. Москва. 1909 (литографированное издание) O. Jehlitska Türkische Konversations-Grammatik. Heidelberg. 1895. M. Dal-Medico, Mèthode théorique et pratique pour lenseinement de la langue turque. C-ple. 1908, 2-е издание. Luigi Bonellie Stefano Jasigian, Il turco parlato (Lingua usuale di Costantinopoli). Milano. 1910.

Преподаватель Мирза Абдулла Гаффаров. (8 часов).

А. Азербайджанский язык, с его отличиями от османского. Азербайджанские пословицы, с заучиванием наизусть. Чтение драмы Нариманова "Надир-шах" (продолжение). Османский язык. Чтение избранных стихотворений современных османских поэтов. Каллиграфия: почерк: "талик"(для II-го курса).

Б. Сартский язык. Чтение образцов старой османской поэзии: Михри-хатун, Ашик-паша (по хрестоматии проф. В.Д. Смирнова). Каллиграфия. Почерки: "шикесте" и "дивани". (для III-его курса).

На экзамене обязательно представление тетрадей[185].

Кафедру армянской словесности после выхода в 1881 г. в отставку профессора Н.О. Эмина возглавил его ученик Григорий Абрамович Халатянц. В 1877 г. он окончил гимназические классы Лазаревского института и поступил на медицинский факультет Московского университета. После двух лет учебы после усиленных просьб и уговоров Н.О. Эмина Г.А. Халатянц перешел на историко-филологический факультет. Одновременно он начал посещать лекции профессора Н.О. Эмина в специальных классах Лазаревского института. После окончания университетского курса Г.А. Халатянц вскоре защитил магистерскую диссертацию на тему «Армянский эпос в истории Моисея Хоренского», а в 1883 г. занял кафедру армянской словесности в Лазаревском институте, где работал до конца своей жизни. Он вел курс грамматики древнеармянского языка, читал историю Армении и армянской литературы, вел специальный курс по критическому изучению сочинений древних армянских авторов – Агафангела, Фавста Византийского, Лазаря Парбского, Моисея Хоренского и др[186].. Г.А. Халатянц продолжил начатую Н.О. Эмином деятельность по исследованию и изданию памятников армянской литературы[187]. По его инициативе и под его редакцией была издана одна из древнейших армянских рукописей – Лазаревское Евангелие IX в.; при его участии вышла серия книг Эминского этнографического фонда. Заслуги Г.А. Халатянца в сфере арменистики были по достоинству оценены армянской общиной: в 1902 г. он был избран членом академии венецианских мхитаристов.

Занятия по грузинскому языку в специальных классах вел Илья Лазаревич Серебряков-Окромчеделов (Окромчеделошвили). Он родился в 1838 г. в семье крестьянина Сигнахского уезда. Уже в зрелом возрасте, выдержав экзамен на аттестат зрелости, он поступил на Восточный факультет Санкт-Петербургского университета. По его окончании в 1863 г. по армяно-гру-

зинскому разряду И.Л. Серебряков-Окромчеделов по рекомендации Санкт-Петербургского университета был приглашен в ноябре того же года в Лазаревский институт. В 1871 г. после преобразования штатов Лазаревского института он стал доцентом по кафедре грузинского языка. И.Л. Серебряков-Окромчеделов был известен не только как замечательный преподаватель, но также как автор нескольких работ по истории грузинской культуры: «Происхождение грузинского алфавита», «Клинообразные надписи близ о. Ван», «Заметки по грузинской летописи»[188]. О нем как о преподавателе Хр.И. Кучук-Иоаннесов вспоминал: *«По грузинскому языку И.Л. Окромчеделов на I курсе знакомил с грамматикой грузинского языка, читал басни Орбелиани из хрестом. Чубинова. На II курсе для перевода брал отрывок из романа Русуданиани, помещенный в той же хрестоматии Чубинова. При переводе делался полный грамматический анализ, как на первом курсе. Студенту сообщался способ пользоваться грузинским диксионером… Читал басни Крылова и переводил устно. На III курсе переводил отрывок из летописей Грузии под названием "Поход царя Вахтанга Горгаслана на Византию", 11 страниц и часть отрывка из Килилы и Дамны, текст которого состоит из прозы и стихов, страниц десять, помещенных в хрестоматии Чубинова, и две первые главы из поэмы Вепхвисткаосани и образцы грамот и купчих крепостей»*[189]. И.Л. Серебряков-Окромчеделов проработал в Лазаревском институте до 1889 г., после чего вышел в отставку.

В качестве своего преемника на кафедре грузинского языка И.Л. Серебряков-Окромчеделов рекомендовал совету специальных классов Александра Соломоновича Хаханова. Он родился в 1866 г. в городе Гори в семье священника. После окончания Первой Тифлисской гимназии А.С. Хаханов поступил на историко-филологический факультет Московского факультета. С 1900 г. он начал преподавать грузинский язык и словесность в специальных классах Лазаревского института, одновременно читал лекции по грузинской истории и литературе в Московском университете. За свою недолгую жизнь А.С. Хаханов успел сделать удивительно много. Общее число его работ доходит до восьмидесяти, главным его научным трудом стали «Очерки по истории грузинской словесности», вышедшие в Москве тремя выпусками в 1895, 1897 и 1902 гг.[190]. В них давался подробный обзор памятникам устной и письменной грузинской литературы с древнейших времен до конца XVIII в. Среди исторических работ следует отметить «Источники по введению христианства в Грузии»[191], а также монографию «Древнейшие пределы расселения грузин в Малой Азии»[192], которые продемонстрировали блестящее владение автором строгим историко-критическим методом. Первые печатные работы, написанные А.С. Хахановым на грузинском языке, – «Следы народной поэзии в Картлис-Цховреба», а также «Крепостное право в Грузии»[193], – были выполнены

Илья Лазаревич Серебряков-Окромчеделов *(1838–1898)*

в лучших традициях историков Московского университета В.И. Герье, П.Г. Виноградова и В.О. Ключевского. Итоги своих археологических исследований грузинских древностей А.С. Хаханов изложил в работе «Археологическая экскурсия на Кавказ». Кроме того, им были опубликованы в переводе грузинские средневековые исторические источники и литературные произведения: «Грузинские дворянские акты»[194], «Гуджары церковные»[195], поэма Ш. Руставели «Барсова кожа»[196] и др.

Из «Обозрения преподавания в специальных классах Лазаревского Института восточных языков в 1910–1911 академическом году»

«О. п. Г.А. Халатьянц (15 час.) *Историческая грамматика древнего армянского языка. – Чтение, перевод и комментарии из истории Стефана Сюнийского. – Географический очерк древней Армении (для I курса, отд. А.) – Грамматика восточного ново-армянского языка. – Чтение из хрестоматии Кусикина и Саргсянца (для I курса, отд. В.). Синтаксис классического армянского языка. – Чтение, перевод и комментарии из истории импер. Ираклия, еп. Себеоса. Очерк истории древне-армянской литературы (для II курса, отд. А.). Чтение из хрестоматии Кусикяна и Саргсянца – Обзор истории ново-арм. литературы (для II курса, отд. В.). Чтение, перевод и комментарии из истории Фавста Византийского, кн. IV. Из древней истории Армении (для III курса, отд. А.) – Чтение из хрестоматии Кусикянца и Саргсянца. – Обзор истории ново-армян. литературы (для III курса, отд. В.). – Обязательные годичные работы для I, II, III курсов отдела А.*

Пособия: Hübschmann, Armenische Grammatik, I и II (1895–97) Meillet, Esquisse dune grammaire de larméniene classique (1903). Зарбанальян, История древне-армянской литературы (1897). Г. Халатьянц, Лазарь Парпский и его труды, историко-литературн. Исследование. Инчичиан, Топография древней Армении, Hübschmann, Die altarmenische Ortsnamen (1907). Литографиров. лекции по древней истории Армении Г.А. Халатьянца (1910).

Григорий Абрамович Халатьянц *(1858–1912)*

И. д. доц. А.С. Хаханов (секретарь совета) (8 час.). *А. Этимология и синтаксис грузинского языка. Чтение и перевод легких отрывок из хрестоматии Гогебашвили, Мирианашвили и Чубинова (для I курса). – Б. Литература XII в. Чтение «Русуданиани» (для II курса). В. Чтение, перевод и комментарий Вепхвис-Ткаосани Руставели. – Обзор памятников истор. литературы. Очерк истории грузинской литературы XIII – XVIII вв. (для III курса)*[197].

Пособия: Грамматика, хрестоматия и словари Д. Чубинова. Дедаиэна Гогебашвили 1895. Хрестоматия Насидзе. Очерки по истории груз. словесности, вып. II и III. А. Хаханова М. 1897 и 1901»[198].

В качестве стороннего преподавателя в 1897–1904 гг. и в 1907–1908 гг. необязательные в специальных классах лекции по сравнительному языкознанию и древнеиранским языкам читал Левон Зармайрович

Мсерианц. Выпускник гимназических и специальных классов Лазаревского института, он в различные годы занимал должности приват-доцента Московского университета, а затем профессора Варшавского университета. В 1914 г. в связи с началом Первой мировой войны Л.З. Мсерианц покинул Варшаву и переехал в Москву, где снова начал читать лекции в специальных классах.

Со времени создания специальных классов Лазаревского института в течение 25 лет профессор Г.И. Кананов читал студентам I и II курсов курс истории Востока. На III курсе этот курс в течение 30 лет читал профессор В.И. Герье. Каждому курсу читался один из трех главных периодов истории Востока, который соответствовал таким же периодам в истории западных стран. На I курсе читалась *«древнейшая языческая культура, общая для Азии и для Европы»*. На II курсе освещался *«период монотеизма на Западе и на Востоке, антагонизма между христианством и исламом и распространения в Азии мусульманской культуры, приведшей Восток к застою»*. На III курсе профессор В.И. Герье *«останавливался по преимуществу на главных фазисах проникновения русского и европейского влыдычества в Азию»*[199].

В 1898–1900 гг. курс лекций по этнографии в специальных классах читал Николай Николаевич Харузин, один из основателей российской этнографии, историк и археолог. Его курс лекций в Лазаревском институте стал одним из первых лекционных курсов по этнографии в России и после его смерти был издан в четырех выпусках. Главное отличие курса Н.Н. Харузина заключалось в том, что он был основан на многочисленных данных из жизни русского народа, а также народов Сибири и Кавказа. В сборнике «Тридцатилетие специальных классов…» о его преподавательской деятельности в Лазаревском институте говорилось следующее: *«Всесторонне подготовленный к научной деятельности, с редкой энергией и живым интересом к этнографическим изысканиям, он открыл в Специальных Классах свои лекции в 1898 г. курсом по истории семьи и рода и в короткое время чтениями по этнографии настолько увлек студентов-ориенталистов, что уже через год некоторые из них под его руководством, взялись за самостоятельные работы, касающиеся быта и верований различных народностей России»*[200].

С 1881 г. в Лазаревском институте русскую словесность вел Алексей Николаевич Веселовский. Обладавший большой эрудицией, он подготовил курс лекций, где на основе метода сравнительного исторического анализа представил студентам историю взаимообусловленных влияний западной европейской и восточной лирики. Курсы его были посвящены сравнительно-историческому очерку лирической поэзии на Востоке, в Западной Европе и в России, сравнительной истории народного эпоса, теме Кавказа в русской литературе, истории ориентализма на Западе и в России и др.[201]. При создании курсов Веселовский использовал труды востоковедов О.И. Сенковского, Ф.Е. Корша и А.Е. Крымского. В связи с 70-летием ученого сотрудники Лазаревского института подготовили специальное издание «Восточный сборник в честь А.Н. Веселовского», которое было составлено из статей по востоковедению, а также переводов восточных авторов, подготовленных сотрудниками института.

Из очерка А.В. Гордлевского «Памяти А.Н. Веселовского (1843–1918)»

«…В истории Специальных классов Веселовский занимает исключительное положение. В старые, домиллеровские, времена, когда Специальные классы были не что иное, как бесцветная востоковедная школа, медресе, лекции Веселовского были своего рода откровением. Не ориенталист, он слушателям, задавленным восточ-

Алексей Николаевич Веселовский *(1844–1918)*

ными вокабулами, раскрывал красоты восточной поэзии, он внушал им интерес к востоковедению. Вступив в Специальные классы в 1881 г., он одно время делал там больше, чем кто-либо другой – "ориенталист". Его лекции в востоковедном заведении, в которых профессор русской словесности контрабандой знакомил и с западноевропейскими литературами, вводили в неведомый мир литературных идей и движений; это был как бы литературный мост, перекинутый с Востока на Запад; восточная поэзия находила себе место и освещение среди литератур других народов. "Лирическая поэзия на Востоке", "История начального периода драмы на Востоке и в европейской литературе", "Кавказ и Крым в литературных отражениях", "Восточное влияние в русской народной поэзии", "Восточное влияние в мировой литературе XVIII и XIX веков", "История научного и художественного ориентализма на Западе и в России"— вот заглавия некоторых специальных курсов, читанных им студентам-лазаревцам…»[202].

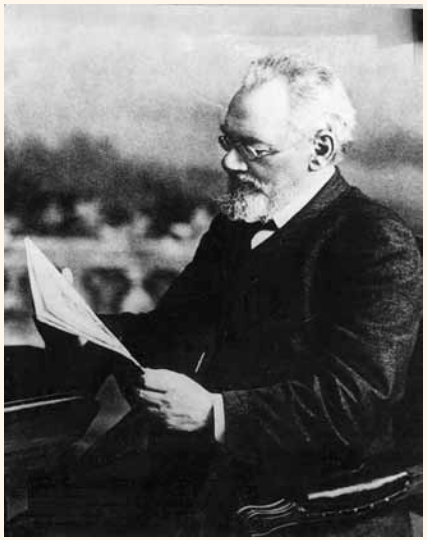
Не умаляя заслуг и талантов всех ученых-востоковедов, преподававших в Лазаревском институте, следует все же подчеркнуть, что своего рода камертоном преподавательской и научно-исследовательской деятельности в стенах института в конце XIX – начале XX в. стали четверо выдающихся ученых, представителей московской школы востоковедения – Ф.Е. Корш, Вс.Ф. Миллер, А.Е. Крымский и В.А. Гордлевский.

Федор Евгеньевич Корш являлся одной из самых крупных фигур дореволюционной московской школы востоковедения. Он родился в 1843 г. в Москве в семье известного московского публициста. В доме его отца часто бывали И.А. Гончаров, Н.А. Некрасов, И.С. Тургенев, А.В. Станкевич. Биографы ученого отмечали то влияние, которое оказала на формирование его личности интеллектуальная атмосфера дома и семьи, где он вырос. Высшее образование Ф.Е. Корш получил в Московском университете. Именно в студенческие годы проявился его интерес к истории и культуре Востока. Учась на историко-филологическом факультете, он одновременно начал посещать лекции по санскриту, по арабскому и персидскому языкам, которые читал профессор П.Я. Петров. Поскольку в это время в университете не преподавали турецкий язык, Ф.Е. Корш изучал его самостоятельно. В очерке «Ф.Е. Корш и востоковедение» профессор В.А. Гордлевский писал: *«Но вот, на склоне преподавательской деятельности профессора-полиглота, почти одновременно вошли в его аудиторию три студента: Ф.Е. Корш, Вс.Ф. Миллер, Ф.Ф. Фортунатов. Среди этой славной академической троицы, вознесшей языковедение в Московском университете на недосягаемую высоту, пальма первенства принадлежит Ф.Е. Коршу, – прозрачная ясность мысли, остроумный блеск изложения, безграничная широта горизонта, – все соединялось в этом тщедушном на вид, гениальном человеке, который каким-то одному ему открытым путем постиг тайны человеческой речи: когда он хотел, он был*

и классик, и славист, и ориенталист. Тип универсального ученого, которому ничто человеческое не было чуждо, Ф.Е. Корш был непостижимо многогранен в научных изысканиях…»[203].

Гениальность Ф.Е. Корша признавали уже его современники. Поразительным было то количество языков, которыми ученый прекрасно владел. Он мог свободно объясняться и писать на таких языках, как арабский, новогреческий, исландский, кумыкский, черкесский, персидский, турецкий и множество других. Идеально владел ученый античными языками и санскритом. Иранские, монгольские, тюркские, кавказские и финно-угорские языки также входили в арсенал Ф.Е. Корша. Современники называли его «русским Меццофанти». Ходил анекдот, что В.О. Ключевский, знакомя кого-то с Ф.Е. Коршем, представил его следующим образом: *«Вот это Корш Федор Евгеньевич – секретарь при Вавилонском столпотворении»*. Позднее Б.В. Миллер вспоминал, что на именинах его отца академика В.Ф. Миллера, где в числе гостей было много представителей разных народов Востока и Запада, Ф.Е. Корш разговаривал с каждым из них на его родном языке. Ученик Ф.Е. Корша А.А. Стариков, отмечал, что его учитель овладевал иностранным языком настолько, что не только мог свободно изъясняться на нем, но, главное, «умел быть остроумным на этом языке». В истории науки таких ученых насчитывались единицы[204].

После окончания университетского курса Ф.Е. Корш некоторое время совершенствовался в науках за границей. В 1869 г. он возвратился в Московский университет, где начал читать лекции. В это время ученый работал над проблемами русской диалектологии, фонетики, метрики, а также тюркских элементов в славянских языках. Одновременно он продолжал заниматься вопросами востоковедения. С октября 1890 г. Ф.Е. Корш перевелся ординарным профессором в Новороссийский университет по кафедре классической филологии. Весной 1892 г. он получил официальное предложение взять на себя преподавание персидской словесности в Лазаревском институте. Переговоры об этом начались еще в 1891 г., но некоторое время Ф.Е. Корш раздумывал, поскольку не считал себя вполне компетентным, чтобы принять предложение. Это было типично для него: сомнение в своих способностях, знаниях, скромность и самоирония. Последнее качество вкупе с большим чувством юмора было одной из характерных черт ученого. Среди студентов специальных классов Лазаревского института, а также среди московской профессуры ходили анекдоты о его остроумии. Известно, например, что на вопрос М.Д. Ризаева, как ему назвать статью о парном словосочетании типа сахар-махар, Ф.Е. Корш, не думая долго, ответил: «Как назвать? Очень просто: Статья-матья!»[205]. Несмотря на некоторые сомнения, в мае 1892 г. Ф.Е. Корш вернулся в Московский университет, а с осени начал преподавать персидскую словесность в специальных классах Лазаревского института.



Федор Евгеньевич Корш *(1843–1915)*

Из письма Ф.Е. Корша к В.И. Герье от 10 декабря 1891 г.

«Всем… и… Кананову я, конечно, очень благодарен за лестные мнения о моей многосторонней учености и моих способностях, но… если бы вы были правы хоть наполовину, одно из двух: или я всех надуваю относительно своего научного багажа (впрочем, не желая этого), или вас ослепляет дружба ко мне. Какой я, в самом деле, персиянин? Для ответа на этот вопрос привлеки хоть мирзу Джафара в качестве "благородного" свидетеля. Студенты Лазаревского института знают по-персидски, вероятно, лучше меня. Правда, года через два я пообучился бы… настолько, что не легко попался бы впросак, особенно при моем обыкновении признаваться без обиняков в незнании того, чего не знаю; но приготовление к лекциям до этого срока заняло бы у меня так много времени, что ото всякого другого дела я должен был бы отказаться… Все чаще и чаще я помышляю о досуге для научных трудов, этого, во всяком случае действительнейшего и притом благороднейшего утешения среди всех житейских горестей и мерзостей; как хорошо сидеть себе, да работать до тех пор, когда совершится та маленькая неприятность, после которой Денисов по заказу Грингмута напишет в "Моск. Вед": "отечественная наука понесла тяжелую потерю в лице Ф.Е. Корша… Мир твоему праху, честный труженик!"»[206].

Приглашение в Лазаревский институт дало новый толчок его научным исследованиям в этой области. Именно здесь в полной мере Ф.Е. Корш проявил себя как ученый-востоковед широчайшей эрудиции, как специалист в различных областях иранистики, арабистики, тюркологии. Характерно, что первая вступительная лекция Ф.Е. Корша в Лазаревском институте была посвящена персидскому языку и литературе. Со студентами ученый занимался чтением образцов из хрестоматий А.В. Болдырева, М.А. Гаффарова, Ф. фон Шпигеля и Дж. Пицци с историко-литературным вступлением, также читал курс по метрике[207].

Одной из любимых сфер научных исследований ученого была иранистика. Его ученик, профессор А.Е. Крымский, вспоминал: *«…надо послушать Ф.Е. Корша, когда он говорил о Фирдоуси и о его национально-героической "Шах-Наме", о пантеизме Джеляледдина Румийского, о змеино-голубиной мудрости Садия, о гедонизме Хафиза, о новейших реформаторских течениях в персидском обществе, положим, о бабизме с бехаитством. Вы слушали и чувствовали, что это – писатели его души, что они – его духовная пища, совсем такая же духовная его пища, как, например, и Гете, которого он чрезвычайно любил… Наличность в Корше такого любовного отношения к изучаемым восточным языкам и народностям наглядно подтверждается тем фактом, что восточные люди и народы, равно как представители "второстепенных" народностей, всегда густой толпой льнули к нему и обожали этого своего друга»*[208]. Ф.Е. Корш занимался изучением тематических связей восточных литератур народов Ближнего Востока и Запада, в частности «персидской суфийской поэзии и романтизма западных литератур». Другими темами, которые его интересовали, являлись история иранских языков и персидская поэзия, в частности метрика[209]. Ученый был и блестящим переводчиком персидской лирики. Посмертный сборник «Персидские лирики X–XV вв.», где были собраны все его переводы персидских поэтов, на долгие годы стал настольной книгой всех востоковедов-переводчиков[210].

Также увлеченно Ф.Е. Корш занимался тюркологией. Профессор В.А. Гордлевский писал: *«Официально, так сказать, Корш был иранист, потому что в Лазаревском Институте Восточных языков преподавал он персидский язык, но это была все-таки случайность, а скорее Корш был турколог, нежно любивший турецкие языки»*[211]. В сфере тюркологии

«Персидские лирики X–XV вв.» перевод с персидского языка М., 1916

Ф.Е. Корш первым из ученых подметил специфику метрики тюркского стихосложения. Биограф ученого Н.К. Дмитриев отмечал: *«Вопрос о классификации тюркских языков считался по тем временам главнейшей формой тюркологического синтеза. И в этом весьма сложном круге вопросов «дилетант» Корш разбирался настолько легко, был настолько хорошо в нем ориентирован, что создал свою особую систему классификации. Его система сохраняет и ныне свое значение в науке рядом с системой акад. В.В. Рыдлова, который в течение своей долгой жизни (1837–1918) только и занимался тюркскими языками»*[212]. В 1888–1889 гг. Ф.Е. Корш специально ездил на Северный Кавказ, чтобы изучить кумыкский язык, который представлял собой любопытный образец сочетания элементов тюркского и кавказских языков. В изучении кумыкского языка он являлся первопроходцем наряду с профессором В.Д. Смирновым и кумыкским писателем М. Османовым[213]. В архиве ученого хранились значительные материалы по кумыковедению, проблемы которого его всегда интересовали. Среди работ Ф.Е. Корша много ценных статей и работ по диалектологии тюркских языков, их истории, структуре, грамматике: «Классификация турецких племен по языкам», «Происхождение формы настоящего времени в западнотурецких языках», «Слово *"балдак"* и долгота гласных в турецких языках», «Древнейший народный стих турецких племен», «Универсалы Петра Великого к буджацким и крымским татарам» и др.

Восторженно отзываясь об огромной эрудиции Ф.Е. Корша, профессор В.А. Гордлевский справедливо отметил, что ученый не оставил после себя научной школы: *«Но школы Корш после себя не оставил. Да иначе не могло и быть: скептически-насмешливый ум Корша уже на университетской скамье подметил недостатки профессоров; он слушал все, что ему говорили, но не поступал так, как ему говорили, он ничего не принимал на веру. Но разве не довольно и того, что в каждом умел он возбудить мысль, что как звонкое эхо откликался он на все; а учеником Корша нельзя было стать: ученики Корша – "рождены, не сотворены"»*[214]. Однако, как отмечал биограф ученого Н.К. Дмитриев: *«Уместно вспомнить, что большинство профессоров-востоковедов МГУ составляют непосредственные ученики Ф.Е. Корша: Б.В. Миллер, А.А. Стариков, В.М. Насилов, Л.И. Жирков, М.С. Михайлов и Б.М. Гранде»*[215]. Соглашаясь также с точкой зрения А.П. Базиянца о том, что все перечисленные ученые одновременно были учениками В.Ф. Миллера и А.Е. Крымского, следует отметить, что как ученый Ф.Е. Корш являлся ярчайшим представителем и продолжателем традиций московской школы востоковедения. Современники и биографы отмечали, что он всегда охотно помогал молодым ученым-востоковедам. Так, в Лазаревском институте Ф.Е. Корш помог издать персидскую грамматику М.Д. Ризаеву, а М.О. Аттая – подготовить курс по арабской метрике.

Из очерка профессора А.Е. Крымского о Ф.Е. Корше как востоковеде

«...В проявлении востоковедных филологических знаний, по-видимому, значительную роль сыграло тогда завязавшееся в 1880-х годах сближение Ф.Е. Корша с Лазаревским институтом восточных языков и арабами М.О. Аттаей и Г.А. Муркосом, персом Мирзою Джафаром и турко-греком С.Е. Саковым. Первый признак этого сближения мы видим в рецензии Ф.Е. Корша "Арабский спектакль" (Русские ведомости. 1880, № 121). В 1885 г. Ф.Е. Корш напечатал в "Русской мысли" рецензию на перевод доисламской арабской поэмы "Моаллака Имрулькайса", сделанный Г.А. Муркосом. В том же, 1885, и в 1886 г. напечатана была Ф.Е. Коршем в "Archiv fur slavische Philologie" в высшей степени ценная востоковедная работа, начиная с которой все, что затем появляется из-под пера Ф.Е. Корша в этой отрасли, представляет собой несомненную, иногда чрезвычайно важную ценность в востоковедной науке. Работа, которую мы имеем в виду, – это объемистый разбор труда Миклошича "Die Turkische Elemente in den sudost und osteuropaischcn Sprachen". Здесь Ф.Е. Коршем не только поправлены многочисленные ошибки Миклошича, который мог о турецко-персидско-арабских словах, заимствованных славянами, говорить лишь с чужих слов, потому что восточных языков он не знал. Ф.Е. Корш, кроме того, сообщил и со своей стороны огромный ряд татаризмов и дал их точную этимологию. Работа Ф.Е. Корша кропотлива, талантлива и, к сожалению, доныне не превзойдена, хотя не исчерпывает предмета до конца. Нарушая хронологичность в нашем порядке изложения, укажем, что лет 20 спустя Ф.Е. Корш вернулся к этой теме, вызванной на то статьей СПб. профессора-тюрколога П.М. Мелиоранского "О турецких элементах в языке „Слова о полку Игореве"». В академических "Известиях" 1905–1906 гг. напечатана обширная полемика Ф.Е. Корша с П.М. Мелиоранским и с убедительностью показано, что специалист-тюрколог часто ошибается в своих этимологиях восточных слов. Вскоре после написания своей статьи 1885–1886 гг. о тюркских элементах в языках славян Ф.Е. Корш был одним из основателей Ученого азиатского общества, которое открылось в 1887 г. в Москве под скромным названием Восточная комиссия Императорского Археологического общества, и был избран председателем этой новонародившейся комиссии. Через пять лет он был приглашен на кафедру персидской словесности в специальные классы Лазаревского института. Таким образом, Ф.Е. Корш, имея несполна 50 лет от роду, явился официальным главой и патриархом московского востоковедения....»[216].

Через несколько лет после прихода Ф.Е. Корша в Лазаревский институт здесь же начал преподавать еще один выдающийся представитель московской школы востоковедения, Всеволод Федорович Миллер. Выше уже говорилось о его роли как директора для роста научной деятельности в стенах института. Ученик обоих ученых А.Е. Крымский так писал о Ф.Е. Корше и В.Ф. Миллере: *«Оба первоклассные таланты, оба — глубокоученые лингвисты, оба – всесторонне образованные люди с поразительною литературною начитанностью, оба – исследователи-художники с превосходным эстетическим чутьем, – они в течение всей жизни были, можно сказать, даже соперниками в славе»*[217]. В.Ф. Миллер был известен и как славист, и как специалист по санскриту. Однако в период его работы в Лазаревском институте главной сферой его научных интересов стало кавказоведение. В.Ф. Миллер не был кабинетным ученым, материал для кавказоведческих исследований он собирал в ходе длительных поездок по Северному Кавказу. Первая научная поездка туда была предпринята ученым в 1879 г.; вторая – летом 1880 г. в Осетию, когда он занимался сбором преимущественно этнографического материала, фольклорных текстов и нартских сказаний. В по-

ездке ученого сопровождал учитель Владикавказского реального училища С.В. Кокиев, позднее написавший известную этнографическую работу «Записки о быте осетин». Летом 1881 и 1883 г.г. В.Ф. Миллер совершил свои третью и четвертую поездки по Осетии, а в 1886 г. организовал последнюю крупную экспедицию в горные районы Чечни, Ингушетии, Осетии и Балкарии, во время которой изучал памятники материальной культуры – башни, жилые постройки, остатки христианских храмов, святилища, записывал местные предания, сказания о нартах, легенды, религиозные верования осетин[218].

В.Ф. Миллер широко известен как основоположник осетиноведения. Во время поездок на Кавказ ученый побывал во всех осетинских селах, беседовал с людьми на их родном языке, обоими диалектами которого он овладел. Отличное знание В.Ф. Миллером осетинского языка не раз отмечалось современниками. На основании собранных в первых поездках в Осетию полевых материалов В.Ф. Миллер составил в 1881 г. первую часть своих знаменитых «Осетинских этюдов», куда вошли осетинские тексты, главным образом нартские сказания, записанные преимущественно в Дигории. Во вторую часть, вышедшую в 1882 г., вошли лингвистические исследования, а также работы, посвященные древним религиозным верованиям осетин. Третью часть «Осетинских этюдов», изданную в 1887 г., составили «Исторические сведения об осетинах». Публикацию осетинских памятников В.Ф. Миллер продолжил и в последующие годы. В 1885 г. в русском переводе вышли «Осетинские сказки». В 1891 г. В.Ф. Миллер совместно с бароном Р.Р. фон Штакельбергом издал пять дигорских сказок с немецким переводом. Научный интерес представляют также «Дигорские сказания», опубликованные в 1902 г. с переводами и примечаниями В.Ф. Миллера в «Трудах по востоковедению», издававшихся Лазаревским институтом восточных языков. До конца жизни В.Ф. Миллер вместе с помощниками, сотрудниками-осетинами, работал над собиранием и составлением полного осетинского словаря. Его научная деятельность способствовала формированию местной научной школы осетиноведения. С осетинской интеллигенцией, в основном народными учителями, ученый вел переписку, привлекал их к научным исследованиям, оказывал помощь советами, посылкой программ для сбора материалов, а также своих трудов, пользовавшихся широкой популярностью.

Придя в Лазаревский институт в качестве директора, В.Ф. Миллер взял на себя преподавание истории Востока на I и II курсах. Он читал «историю древнего Востока до завоевания Персии Александром Македонским (Египет, Древняя Халдея, Ассирия, Вавилония, Финикия, Индия и Персия), останавливаясь преимущественно на религии, литературе и искусстве этих стран»[219]. По отзыву М.М. Ковалевского, В.Ф. Миллер с любовью следил за воспитанием «в числе других и кавказских уроженцев, которых так много поступало в указанное учебное заведение»[220].

Из «Обозрения преподавания в специальных классах Лазаревского Института восточных языков в 1910–1911 академическом году»

«Академик Ф.Е. Корш. (8 час.)

I курс: объяснение труднейших отделов персидской грамматики и чтение легких текстов из 1-ой части хрестоматии Мирзы Абдуллы Гаффарова с подробным грамматическим разбором.

II курс: чтение отрывков из Шах-Намэ Фирдоуси по 2-ой части тойже хрестоматии с историко-литературным введением.

III курс: чтение избранных отрывков и стихотворений Саади, Хафиза и других поэтов, преимущественно лирических, по 2-ой части тойже хрестоматии…

Проф. В.Ф. Миллер. (Директор Института). (3 часа). *А. История древнего Востока до завоевания Персии Александром Македонским: Египет, Ассирия, Вавилон, Финикия и Персия (для I курса).*

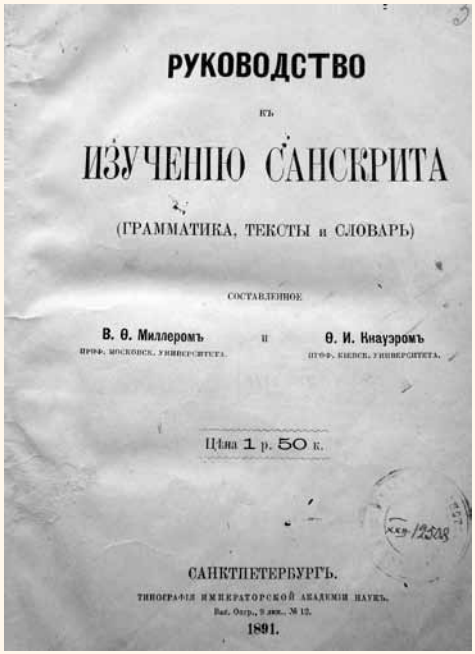
Пособия: Древняя история народов Востока Масперо, М. 1895. Исторические чтения. Древняя история. Египет, Ассирия. – Масперо, М. 1892. Бецольд. Ассирия и Вавилония. (Библиотека для самообразования). Eduard Meyer. Geschichte des Altertums 2 Auflage, I H. 1909. Гельмгольт. История человечества, том III. Литограф. Лекции проф. В.Ф. Миллера…

Санскритский язык (для желающих) 2 часа.

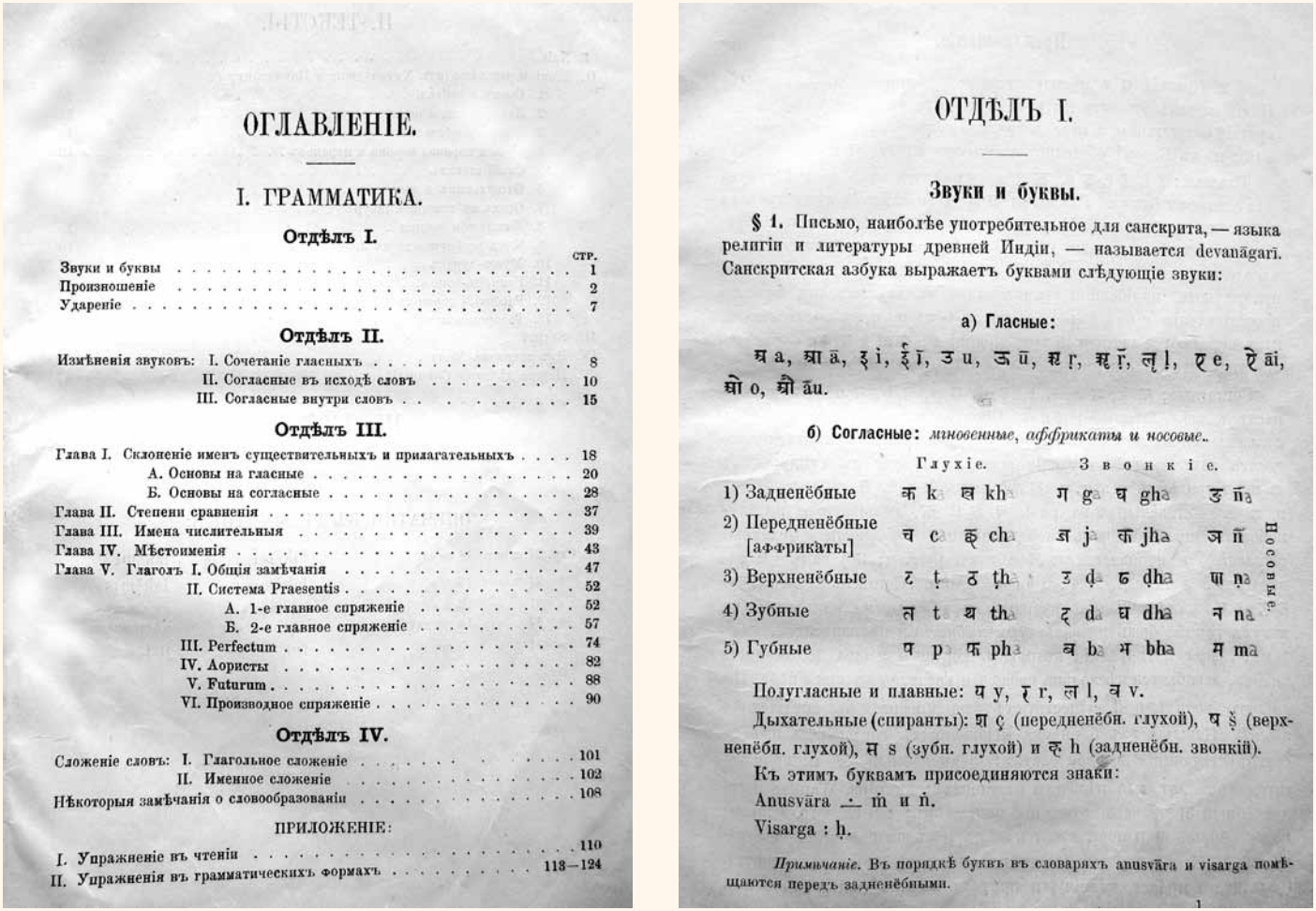
Пособие: Руководство к изучению Санскрита (Грамматика, тексты и словарь), составленное В.Ф. Миллером, г. Ф.И. Кнауэром. СПБ. 1881»[221].

Младшее поколение ведущих представителей московской школы востоковедения в Лазаревском институте представляли А.Е. Крымский и В.А. Гордлевский. Особое значение имеет тот факт, что оба они являлись выпускниками специальных классов института, а затем Московского университета. Оба после окончания университета были направлены для совершенствования в востоковедении в страны Ближнего Востока.

Агафангел Ефимиевич Крымский родился 15 января 1871 г. в семье учителя Владимира-Волынского городского училища. После окончания в 1889 г. Киевской коллегии Павла Галагана он решил поступить в специальные классы Лазаревского института восточных языков. На формирование А.Е. Крымского как ученого-востоковеда особое влияние в институте оказали профессор С.Е. Саков, под руководством которого он прошел практическую школу тюркских языков, а также профессора Ф.Е. Корш, А.Н. Веселовский и В.И. Герье. В 1892 г. А.Е. Крымский блестяще закончил курс специальных классов. Его диссертационная работа называлась «Перевод и толкование философского трактата Аль-Фараби, Главные вопросы философии». В 1896 г. А.Е. Крымский закончил историко-филологический факультет Московского университета. Все эти годы его учителями являлись профессора Ф.Е. Корш и В.Ф. Миллер, а также С.Е. Саков и С.Г. Дзерунян. Успехи молодого ученого не могли остаться незамеченными. После окончания университета А.Е. Крымский как стипендиат Лазаревского института был направлен в командировку за границу на два года в турецкие и арабские провинции Османской империи. Из писем ученого видно, что период его пребывания за границей стал временем интенсивной исследовательской работы, в частности изучения особенностей литературного арабского и турецкого языков, живой речи, народных говоров. В одном из писем-отчетов из Бейрута 14 (26) мая 1897 г. директору Лазаревского института Г.И. Кананову


РУКОВОДСТВО
КЪ
ИЗУЧЕНІЮ САНСКРИТА
(ГРАММАТИКА, ТЕКСТЫ и СЛОВАРЬ)
СОСТАВЛЕННОЕ
В. Ѳ. Миллеромъ и Ѳ. И. Кнауэромъ
Цѣна 1 р. 50 к.
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1891.

Титул книги «Руководство к изучению санскрита…». СПб., 1891



ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. ГРАММАТИКА.

Отдѣлъ I.

стр.
Звуки и буквы . . . 1
Произношеніе . . . 2
Удареніе . . . 7

Отдѣлъ II.

Измѣненія звуковъ: I. Сочетаніе гласныхъ . . . 8
II. Согласные въ исходѣ словъ . . . 10
III. Согласные внутри словъ . . . 15

Отдѣлъ III.

Глава I. Склоненіе именъ существительныхъ и прилагательныхъ . . . 18
А. Основы на гласные . . . 20
Б. Основы на согласные . . . 28
Глава II. Степени сравненія . . . 37
Глава III. Имена числительныя . . . 39
Глава IV. Мѣстоименія . . . 43
Глава V. Глаголъ I. Общія замѣчанія . . . 47
II. Система Praesentis . . . 52
А. 1-е главное спряженіе . . . 52
Б. 2-е главное спряженіе . . . 57
III. Perfectum . . . 74
IV. Аористы . . . 82
V. Futurum . . . 88
VI. Производное спряженіе . . . 90

Отдѣлъ IV.

Сложеніе словъ: I. Глагольное сложеніе . . . 101
II. Именное сложеніе . . . 102
Нѣкоторыя замѣчанія о словообразованіи . . . 108

ПРИЛОЖЕНІЕ:

I. Упражненіе въ чтеніи . . . 110
II. Упражненія въ грамматическихъ формахъ . . . 113—124

ОТДѢЛЪ I.

Звуки и буквы.

§ 1. Письмо, наиболѣе употребительное для санскрита, — языка религіи и литературы древней Индіи, — называется devanāgarī. Санскритская азбука выражаетъ буквами слѣдующіе звуки:

а) Гласные:

अ a, आ ā, इ i, ई ī, उ u, ऊ ū, ऋ ṛ, ॠ ṝ, ऌ ḷ, ए e, ऐ āi, ओ o, औ āu.

б) Согласные: *мгновенные, аффрикаты и носовые.*

	Глухіе.			Звонкіе.		
1) Задненёбные	क k	ख kh		ग g	घ gha	ङ ṅa
2) Передненёбные [аффрикаты]	च c	छ ch		ज j	झ jha	ञ ñ
3) Верхненёбные	ट ṭ	ठ ṭh		ड ḍ	ढ ḍha	ण ṇa
4) Зубные	त t	थ th		द d	ध dha	न na
5) Губные	प p	फ ph		ब b	भ bha	म ma

Носовые.

Полугласные и плавные: य y, र r, ल l, व v.

Дыхательные (спиранты): श ç (передненёбн. глухой), ष ṣ (верхненёбн. глухой), स s (зубн. глухой) и ह h (задненёбн. звонкій).

Къ этимъ буквамъ присоединяются знаки:

Anusvāra ं ṁ и ṅ.

Visarga ः ḥ.

Примѣчаніе. Въ порядкѣ буквъ въ словаряхъ anusvāra и visarga помѣщаются передъ задненёбными.

Страницы книги «Руководство к изучению санскрита...». СПб.,1891

молодой ученый писал: *«Отчасти из желания воспользоваться случаем для изучения арабской диалектологии, отчасти же даже в силу практической необходимости я прежде всего приступал к изучению живого арабского языка». В другом письме он отмечал: «До сих пор мною собрано пословиц более двух тысяч… Насколько позволяло время, я старался не ограничиваться одной лишь филологией, а читал также сочинения ориенталистов, касающиеся восточной истории и религии»*[222].

В 1898 г. решением совета специальных классов А.Е. Крымскому в виде опыта было поручено чтение четырех лекций по арабскому языку и словесности на I, II и III курсах. Получив в 1899 г. на Восточном факультете Санкт-Петербургского университета звание магистра арабской словесности, А.Е. Крымский уже на следующий год исполнял в специальных классах должность экстраординарного профессора арабской словесности, ведя занятия на всех трех курсах. Для

студентов он ввел курс по истории семитских языков, систематические упражнения в переводе с русского и французского языков на классический старо-арабский, а также курс по разбору историко-географических отрывков с чтением предварительных вводных лекций по арабской историографии. Ученый также читал студентам историю Корана с разбором хадисов, а на III курсе – историю арабской поэзии с чтением и объяснением важнейших поэтических размеров. Для лучших студентов А.Е. Крымский сверх положенной программы ввел выполнение обязательных домашних научных работ[223].

Помимо курсов по арабской словесности ученый систематически в течение двадцати лет вел также курс истории Востока – вначале совместно с В.И. Герье, а затем с В.Ф. Миллером. В 1912 г. он стал экстраординарным профессором кафедры истории Востока, читал студентам курсы по истории ислама, Персии и Османской империи. После кончины в 1915 г. Ф.Е. Корша совет передал ему часть курса по персидской литературе. В итоге в течение нескольких лет А.Е. Крымский фактически вел курсы на трех различных кафедрах: арабской словесности, персидской словесности и истории Востока.

За весьма короткий срок А.Е. Крымский подготовил учебные пособия, обеспечившие преподавание арабской, персидской, турецкой словесности, истории ислама, а также истории народов Ближнего и Среднего Востока. К 1910 г. были изданы следующие его работы: «Очерк развития суфизма» (1895), «Мусульманство и его будущность» (1899), «Лекции по Корану», «Лекции по истории семитских языков» и др. Под редакцией А.Е. Крымского вышли книги: «Источники для истории Мохаммеда и литература о нем», «Арабская поэзия в очерках и образцах», «История мусульманства». Среди работ по иранистике и тюркологии следует отметить «Лекции по истории Ирана» (1900), «История Персии, ее литература и дервишская теософия», «История Турции и ее литература от расцвета до начала упадка».

Так же как его старшие коллеги и учителя – Ф.Е. Корш и В.Ф. Миллер, А.Е. Крымский проявлял внимание и оказывал помощь студентам специальных классов, только начинавшим свой путь в науке. По его инициативе в 1903 г. студент Борис Всеволодович Миллер подготовил оригинальную работу – «Турецкие народные песни с нотами, текстом и переводом песен». При поддержке А.Е. Крымского, Ф.Е. Корша и С.Е. Сакова была издана работа выпускника института И.П. Лаптева по казахскому языку. Ученый отредактировал «Очерк литературной деятельности казанских татар», написанный студентом Н.И. Ашмариным, в будущем крупнейшим специалистом по чувашскому языку. Учениками А.Е. Крымского были крупный востоковед Владимир Федорович Минорский, известный арабист Харлампий Карпович Баранов, а также Владимир Александрович Гордлевский.

В.А. Гордлевский замыкает ряд наиболее выдающихся востоковедов, преподававших во второй половине XIX – начале XX в. в Лазаревском институте. После окончания гимназии в Гельсингфорсе он продолжил образование в специальных классах Лазаревского института. Тему своей первой научной работы «Обзор турецких сказок по сборнику Игн. Куноша» В.А. Гордлевский избрал по совету А.Е. Крымского. В конце 1880-х годов венгерский востоковед И. Кунош издал в Будапеште тексты турецких сказок, песен, загадок, а также тексты и сюжеты комедийного театра «Карагёз». В предисловии к своей работе молодой ученый писал: *«Я по совету А.Е. Крымского решился представить сокращенное изложение всех сказок»*[224]. Свое образование В.А. Гордлевский продолжил на историко-филологическом факультете Московского университета, который окончил с дипломом I степени.

Его студенческие годы пришлись на время преподавания в Лазаревском институте и Московском университете Ф.Е. Корша и В.Ф. Миллера, которые приняли живое участие в судьбе талантливого студента. Благодаря Лазаревскому институту В.А. Гордлевский получил возможность проверить и закрепить на практике знание персидского, арабского и турецкого языков во время командировки в Османскую империю. В 1910 г. ученый получил звание магистра, а в 1916 г. стал экстраординарным профессором. По мнению Е.Э. Бертельса, *«В.А. Гордлевский принадлежит к тому поколению востоковедов, в основу подготовки которых, в случае выбора им специальности по Ближнему Востоку, брались четыре языка: арабский, персидский, турецкий и татарский, а в пределах этих четырех языковых ученый был и историком, и литературоведом, и лингвистом, и этнографом»*[225]. Со времени прихода ученого в 1907 г. в специальные классы Лазаревского института в качестве преподавателя турецкого языка научная деятельность Гордлевского оказалась во многом подчиненной нуждам учебного заведения. По примеру старших коллег, в первую очередь А.Е. Крымского, он старался восполнить недостаток в учебных пособиях по турецкому языку и литературе. В первый же год преподавательской деятельности в институте В.А. Гордлевский принялся за перевод классического учебника доцента Восточной академии в Вене Г. Еглички «Практическое руководство для изучения турецкого языка». В работе над учебником ему помогали преподаватель турецкого языка С.Г. Дзерунян, а также несколько студентов специальных классов. Но работа затянулась, и книга вышла только через восемь лет под названием «Руководство для изучения османского языка с ключом. По материалам Г. Еглички». Преподавательская деятельность способствовала появлению работ В.А. Гордлевского по турецкой литературе, этнографии, фольклору. В 1909 г. вышло первое издание его работы «Очерки по новой османской литературе». Ее основу составили лекции, которые он читал в специальных классах. В предисловии к этой книге В.А. Гордлевский с благодарностью писал: *«Крымский был настолько любезен, что просмотрел мои очерки в последней корректуре и предупредил ряд промахов»*[226]. Интересно, что В.А. Гордлевский выступал не только как исследователь старой и новой турецкой литературы, но также как ее популяризатор, публикуя переводы отдельных произведений турецких авторов. В.А. Гордлевский получил известность и как собиратель турецкого фольклора, автор исследований различных жанров устного народного творчества: «Из истории османской пословицы и поговорки», «Османские сказания и легенды», «Османские сказки», «Образцы османского народного творчества» и др. Как историк В.А. Гордлевский занимался эпохой сельджукидов. Одной из первых его работ на эту тему стала статья «Из комментариев к староосманскому переводу хроники малоазийских Сельджукидов», которая вместе со многими другими послужила основанием для вышедшей в 1941 г. фундаментальной работы В.А. Гордлевского «Государство Сельджукидов Малой Азии».

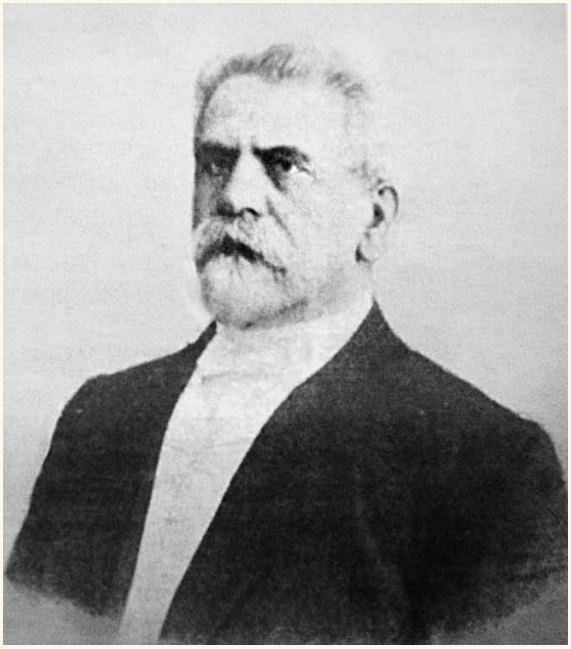
***

Одной из трудностей, с которой столкнулись специальные классы Лазаревского института после преобразования в 1872 г., стало отсутствие учебников по персидской и арабской словесности. Временным выходом из ситуации стало издание студенческих записей. В.В. Бартольд писал об этом: *«Бедность русской научной литературы не только в области востоковедения еще заставляет прибегать к изданию так называемых "пособий по лекциям"*[227], причем для этой цели часто служат студенческие записи, за которые преподаватель, давая разрешение на издание их в литографированном или печатном виде, конечно, не принимает

на себя полной ответственности»[220]. Таким способом в Лазаревском институте были изданы отдельные курсы, прочитанные профессором А.Н. Веселовским, а также в 1903 г. – лекции профессора В.И. Герье по новой истории Востока[228].

Сознавая потребность в хороших учебных пособиях по восточным языкам, совет специальных классов стремился путем оказания материальной поддержки побудить преподавателей к составлению учебных руководств, грамматик и хрестоматий. Так, 22 мая 1882 г. совет признал заслуживающими поощрения составленные М.О. Аттая и М.Д. Ризаевым учебники – практические руководства по арабскому и персидскому языкам. Совет постановил принять на счет института все издержки по их изданию, а также купить для специальных классов по 100 экземпляров по назначенной авторами цене[229].

Совет специальных классов много сделал для издания «Персидско-русского словаря» М.Д. Ризаева, а также составленного М.О. Аттая «Арабско-русского словаря». В обоих случаях совет обращался за помощью к почетному попечителю института, добиваясь выделения дополнительных средств. Так, по поводу словаря М.Д. Ризаева директор института В.Ф. Миллер писал попечителю: *«Дело идет об издании полного персидско-русского словаря, необходимость которого живо чувствуется всеми русскими ориенталистами»*[230]. Что касается «Арабско-русского словаря», то, когда на последнем этапе его подготовки к публикации автор-составитель столкнулся с целым рядом трудностей материального характера, решить проблему ему помогли его коллеги по Лазаревскому институту. Благодаря их ходатайству почетный попечитель князь С.С. Абамелик-Лазарев предоставил необходимую для издания словаря сумму 3000 рублей, и он был издан в Москве в 1913 г.



Михаил Осипович Аттая *(1852–1924)*

Из докладной записки профессора А.Е. Крымского директору Лазаревского института. Ноябрь 1912 г.

«Я имел возможность внимательно и обстоятельно ознакомиться с допечатываемым арабским словарем М.О. Аттая (вышло уже 54 листа, не допечатано приблизительно 11 или 15) и считаю нужным привлечь внимание Совета к этому высокополезному изданию, в котором испытывает настоятельную нужду не только Лазаревский институт, но и вообще русская наука и русское общество. До сих пор имелся арабско-русский словарь только один – проф. Гиргаса, составленный исключительно для Корана и для хрестоматии Гиргаса. Но за неимением других пособий даже тот словарь исполнял очень важную услугу. К настоящему времени словарь покойного Гиргаса превратился в библиографическую редкость. Между тем словарь, составленный М.О. Аттаею, не только включил в себя весь материал Гиргаса,

но во много раз превзошел его объемом. И не только Гиргаса превзошел. Достаточно сличить словарь М.О. Аттаи с известным арабско-французским словарем бейрутского восточного факультета, – и легко убедиться, что по обилию материала словарь М.О. Аттаи не уступает и бейрутскому. Сверх того, М.О. Аттая привлек к делу арабские слова более нового периода, простонародные и новолитературные, почему с помощью его словаря можно читать не исключительно старинные классические арабские произведения (как обстоит дело с другими словарями), но можно читать и произведения более новые, в том числе и арабские газеты, и памятники народной словесности… Автор, много лет проработавший и над составлением словаря, и над печатанием его, теперь находится в безвыходном положении и не может удовлетворить требованиям типографии и бумажной фабрики. Близкое к допечатанию издание должно в силу материальных условий приостановиться…»[231].

Большую роль в активизации научной деятельности Лазаревского института играли учрежденные в 1880-х и 1890-х годах в его стенах премии по арменистике. Так, в 1888 г. была учреждена премия Д.Г. Кананова за лучшие сочинения по армянскому языку, литературе, мифологии и истории Древней Армении. По положению, тема работ на премию Д.Г. Кананова устанавливалась советом специальных классов и заблаговременно (не позднее чем за два с половиной года) должна была быть объявлена через наиболее распространенные периодические издания, в том числе зарубежные. Соискателями могли стать ученые любой страны, а сама работа должна была быть представлена на одном из четырех языков: армянском, русском, французском, немецком. В 1890 г. совет предложил на премию исследовательскую тему «Армения при Багратидах. Политическое и социальное положение Армении в IX–XI вв.». Тема вызывала интерес, в институт было прислано несколько сочинений. В 1894 г. была признана лучшей и получила премию работа доктора философии Берлинского университета Арутюна Дагбашиана. В дальнейшем совет объявлял на премию такие значимые с научной и общественной точки зрения темы, как «Об армянском алфавите в связи с биографией Маштоца» (по случаю исполнявшегося в 1904 г. 1500-летия с времени изобретения армянского алфавита); «Свод и классификация сведений, сообщенных арабскими писателями об Армении и армянах, с научным комментарием представляемого переводного материала»; «Иранский элемент в армянском языке (сверх известных до сих пор исследований)»[232].

Предложение попечителя Московского учебного округа директору Лазаревского института Г.И. Кананова касательно премии Д.Г. Кананова от 3 августа 1888 г.

«Господину Директору Лазаревского Института восточных языков.

Государь Император, по всеподданнейшему докладу г. Министра Народного Просвещения, в 16 день минувшего Июля, Высочайше соизволил на учреждение при Лазаревском Институте восточных языков премии имени Статского Советника Кананова, с представлением Министерству Народного Просвещения права утвердить положение об упомянутой премии.

О таком Высочайшем повелении, сообщенном мне в предложении г. Министра Народного Просвещения от 25 прошедшего Июля, за № 10990, имею честь уведомить Ваше Превосходительство, для надлежащего распоряжения, в последствии представления Вашего от 24 Апреля сего года, за № 440, и препроводить при сем в копии утвержденное г. Статс-Секретарем Деляновым положение о названной премии.

Попечитель Граф П. Капнист. Правитель Канцелярии Н. Высотский»[233].

В марте 1893 г. было утверждено положение о фонде в 10 тысяч рублей имени Н.О. Эмина, который, согласно воле завещателя, должен был расходоваться на издание сборников материалов и исследований по армянской этнографии. Начать серию изданий по армянской истории и этнографии должны были публикации собственных переводов и трудов Н.О. Эмина. В том же году в институте была создана комиссия в составе Г.И. Кананова, Ф.Е. Корша и преемника Н.О. Эмина по кафедре армянской словесности Г.А. Халатянца, который стал составителем и редактором изданий «фонда Эмина». Всего было издано четыре выпуска, куда вошли сделанный Н.О. Эмином перевод «Истории Армении Моисея Хоренского», а также его статьи по армянской мифологии, археологии, истории и истории языка и литературы. После выхода этих сборников началось издание трудов по армянской этнографии, которые печатались под общим заглавием «Эминский этнографический сборник»[234]. В 1899 г. на средства князя С.С. Абамелик-Лазарева под редакцией профессора Г.А. Халатянца были изданы фототипическим образом древнейшее армянское Евангелие 887 г. по рукописи, находившейся в собрании института.

Из высочайше утвержденного положения об Эминском этнографическом фонде

«На основании Высочайшего повеления, 27 февраля 1893 г. утверждаю, 7-го марта 1893 г. Министр Народного Просвещения, Статс-Секретарь (подписал) Граф Делянов.

Положение о фонде имени тайного сов. Ник. Осип. Эмина при Л.И.В.Я.

1) На завещанный бывшим профессором Лазаревского Института восточных языков Тайн. Сов. Н.О. Эминым капитал в 10 000 рублей, хранящийся вкладом на вечное время в Московской Конторе Государственного Банка, учреждается при означенном Институте фонд имени Тайного Советника Никиты Осиповича Эмина.

2) Доходы этого фонда употребляются преимущественно на издание заслуживающих внимание сборников материалов и исследований по армянской этнографии и народной армянской литературе.

3) Как сборники, так и отдельные сочинения, печатаемые на средства фонда, должны иметь научное значение и относиться к армянской этнографии в широком значении этого слова, следовательно и к верованиям, древностям и истории Армении, равно как и к армянскому языку, устной и письменной литературе, искусствам. Сборники должны быть посвящены памяти Эмина.

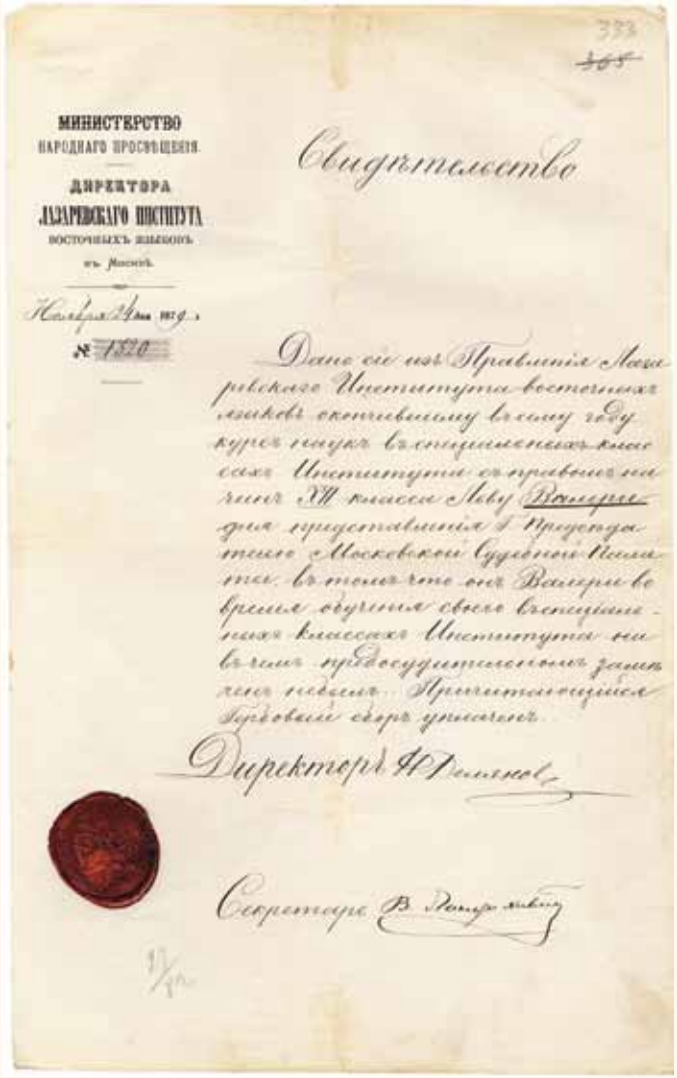
4) Печатаемые на средства фонда труды должны быть написаны преимущественно на армянском языке, но могут быть издаваемы и сочинения на русском языке, представляющие особенный научный интерес.

5) Издание сих сборников и вообще сочинений на средства фонда предоставляет Совету Специальных классов Лазаревского Института восточных языков…»[235].

С конца 1890-х годов благодаря большему притоку слушателей в специальные классы у Лазаревского института появились средства для издания научного серийного издания по востоковедению – «Трудов по востоковедению», в вышедших выпусках которых как в зеркале отразились все направления востоковедческих исследований, проводившихся в это время в стенах Лазаревского института. Арменистика была представлена работами Г.А. Халатянца, в частности «Армянские Аршакиды в *"*Истории Армении*"* Моисея Хоренского. Опыт критики источников», а также «История Армении. Древний период». Грузиноведение представляли работы А.С. Хаханова, который в четырех выпусках опубликовал в переводе несколь-

ко литературных памятников средневековой Грузии. Профессор В.Ф. Миллер поместил в «Трудах…» шесть работ по осетиноведению, а также исследования по истории и структуре татского языка. Особый интерес представляет выпуск 1902 г., в котором были опубликованы «Дигорские сказания по записям дигорцев И.Т. Самбиева, К.С. Гарданова и С.А. Туккаева, с переводом и примечаниями Всев. Миллера». Через два года в «Трудах…» вышла еще одна работа Миллера под названием «Ossetica», которая являлась переработкой и дополнением ранее изданных «Осетинских этюдов». Исключительное место в «Трудах…» занимали работы профессора А.Е. Крымского, которые в совокупности составили две трети всех опубликованных в серии исследований и представляли сразу несколько направлений – арабистику, иранистику и тюркологию. Иранистика была представлена в «Трудах…» также работами М.Д. Ризаева, М.А. Гаффарова и В.Ф. Минорского. Последний опубликовал интересную статью под названием «Материалы для изучения тайной персидской секты "Люди истины" результат поездок по Ирану». Три статьи по тюркологии издал в сборниках В.А. Гордлевский, из которых особенно стоит отметить работу «Образцы османского народного творчества» – сборник пословиц, поговорок, загадок, собранных им во время командировки в Османскую империю.

Важной частью научной деятельности в Лазаревском институте являлась работа с библиотечными фондами, которые постоянно пополнялись после реформы 1848 г. На это расходовали специальные ассигнования института; попечители постоянно покупали книги и древние рукописи в России и за границей – в Вене, Венеции, Париже, в странах Ближнего Востока. Отбор книг для пополнения библиотеки тщательно проводился специалистами из числа профессуры института. В «Отзыве ординарного профессора персидской



МИНИСТЕРСТВО
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.
ДИРЕКТОРА
ЛАЗАРЕВСКАГО ИНСТИТУТА
ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ
въ Москвѣ.

Свидѣтельство

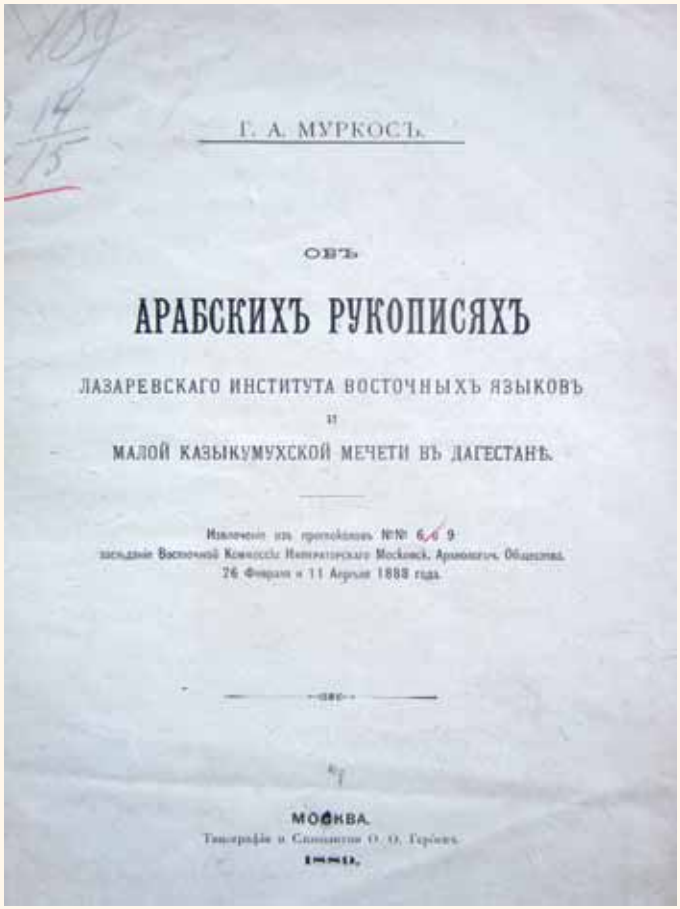
Свидетельство Льва Валери об окончании Специальных классов Лазаревского института. 1879 г.
АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 749/1. Д. 612. Л. 333

словесности Степана Назарянца» по поводу приобретения новой партии книг: *«Препровожденные ко мне господином инспектором восточные книги, которые предлагаются на покупку, я рассмотрел внимательно*

и нахожу, что большую часть их можно приобрести с пользою для восточной библиотеки Института… Сочинения, которые заслуживают быть приобретенными, я обозначил…»[236]. В список одобренных профессором для покупки книг вошли: 1. Священное Писание Ветхого и Нового Завета в персидском переводе в трех томах; 2. Священное Писание Ветхого и Нового Завета в арабском переводе; 3. «Шах-Намэ» Фирдоуси Тусского, литографическое издание; 4. «Тути-Намэ…» Персидский текст и английский перевод; 5. «Гулистан» Саади с пояснением на персидском языке, а также еще несколько редких изданий.

В 1872 г. из общего институтского книжного собрания для специальных классов была выделена отдельная библиотека, которая насчитывала 640 названий в 905 томах и 55 рукописях. В дальнейшем она пополнялась за счет средств, образовавшихся от остатков сумм, выделенных на содержание преподавательского состава специальных классов. Начало этой системе положил еще главный начальник института граф Д.А. Толстой, который разрешил употребить остаток средств (2100 рублей), выделенных на содержание профессоров, на приобретение книг для библиотеки специальных классов[237]. В течение 1872–1878 гг. за счет этих средств шло усиленное комплектование библиотечных фондов. В первые шесть лет библиотекой заведовал С.Е. Саков, которого в 1878 г. сменил М.О. Аттая. В 1896 г. благодаря энергии и заботе директора Г.И. Кананова, а также материальной помощи князя Г.И. Манук-бея было завершено строительство специального здания для библиотеки, куда были перенесены книжные фонды библиотек: фундаментальной, специальных классов и запасной[238].

Работавшие в Лазаревском институте преподаватели часто передавали библиотеке свои опубликованные научные работы, экземпляры диссертаций, переводы с восточных языков. Среди них следует отметить М. Топчибашева, который подарил институту *«две персидские рукописи, именно: историю Персии Хандомера 16 и 17 столетий; другая – собрание стихотворений персидского поэта Гафиза 14 столетия»*. Дарили книги и другие преподаватели – С. Шахазиз, И.Н. Холмогоров. Преподаватель В. Иоаннисянц во время поездки в Персию получил для библиотеки института «у многих почтенных армян книги на персидском и арабском языках и на азербайджанском наречии


Г. А. МУРКОСЪ.

ОБЪ

АРАБСКИХЪ РУКОПИСЯХЪ

ЛАЗАРЕВСКАГО ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ

И

МАЛОЙ КАЗЫКУМУХСКОЙ МЕЧЕТИ ВЪ ДАГЕСТАНѢ.

Извлечено изъ протоколовъ №№ 6, 6 9
засѣданій Восточной Комиссіи Императорскаго Московск. Археологич. Общества
26 Февраля и 11 Апреля 1888 года.

МОСКВА.
Типографія и Синодальная О. О. Гербекъ.
1889.

Титул книги Г. А. Муркоса «Об арабских рукописях Лазаревского института восточных языков» М., 1889

в количестве 91 экземпляра»[239]. Отдельные свои издания дарили Лазаревскому институту другие учебные заведения, в частности Московский и Санкт-Петербургский университеты.

В ряде случаев Лазаревский институт получал в виде даров довольно крупные книжные собрания. Так, в 1863 г. в состав институтской библиотеки вошло собрание книг профессора А.В. Болдырева. Инспектор Лазаревского института, профессор русской словесности А.З. Зиновьев в свое время приобрел у А.В. Болдырева собрание из 114 восточных книг и рукописей, которое затем подарил институту[240]. Свои книжные собрания институту завещали профессора Н.О. Эмин (1280 названий в 2505 томах), директор Г.И. Кананов (917 названий в 1388 томах), а также профессора И.Л. Серебряков-Окромчеделов, Г.А. Халатянц, В.Ф. Миллер и многие другие. В память о жертвователях Лазаревский институт в 1901 г. издал специальные книжные каталоги – «Библиотека Н.О. Эмина», «Библиотека Г.И. Кананова». В 1850 г. книжное собрание Лазаревскому институту подарили выпускники, скупившие у букинистов Тифлиса несколько десятков редких книг и рукописей.

Письмо Г. Матинова к попечителю Лазаревского института от 21 августа 1850 г.

«Ваше Превосходительство,
Милостивый Государь
Иван Акимович!

В течение многих лет Тифлисские букинисты, братья Энфианджианц, занимаясь собиранием Армянских древностей, составили замечательную и редкую библиотеку Армянских манускриптов, для приобретения которых вошли с ними в переписку Венецианское, Калькутское и Смирнское ученые Общества. Мы, воспитанники ваши, всегда хранящие в себе неугасимые чувства благодарности к виновникам своего воспитания, уже давно лелеяли желание выразить общим поступком питаемую нами признательность к своим благодетелям. Не имея надежды осуществлять наше намерение действием, более заслуживающим внимание высокой особы Вашей, мы приобрели эти драгоценные манускрипты для приношения в подарок Вашему Институту, в стенах которого получили то нравственное и умственное развитие, которое составляет основу счастия нашей жизни. Многие из Тифлисских почетных Армян, узнав о нашем намерении, упросили нас дозволить им принять участие в скромном поступке нашем, желая тем вместе с воспитанниками Вашими ознаменовать питаемые и ими чувства глубокого уважения и искренней благодарности к фамилии Вашей и к Вам, за неусыпные Ваши заботы о воспитании и преуспеянии Гайканского юношества, и все вместе поручили мне, как первого выпуска воспитаннику, с благоговением припоминающему родительские заботы об нас блаженной памяти отца Вашего Акима Лазаревича, просить Ваше Превосходительство принять, с свойственным Вам снисхождением, эти манускрипты, не как подарок, но как изъявление благодарности и признательности всех Армян к особе Вашей, как проявление избытка чувств сыновней любви к отцу благодетелю.

При сем имею счастье доложить Вашему Превосходительству, что каталог манускриптам, отправленным уже в Институт, и список лицам, принявшим участие в приношении их, представлены при письме к Его Превосходительству Христофору Акимовичу.

Примите уверение в искренней признательности и глубочайшем уважении воспитанников Ваших, в числе коих имею честь пребыть.

Вашего Превосходительства,
Милостивый Государь,
Покорнейший слуга
Степан Матинов»[241].

В 1885 г. совет решил составить каталог восточного фонда книг и рукописей, для чего была организо-

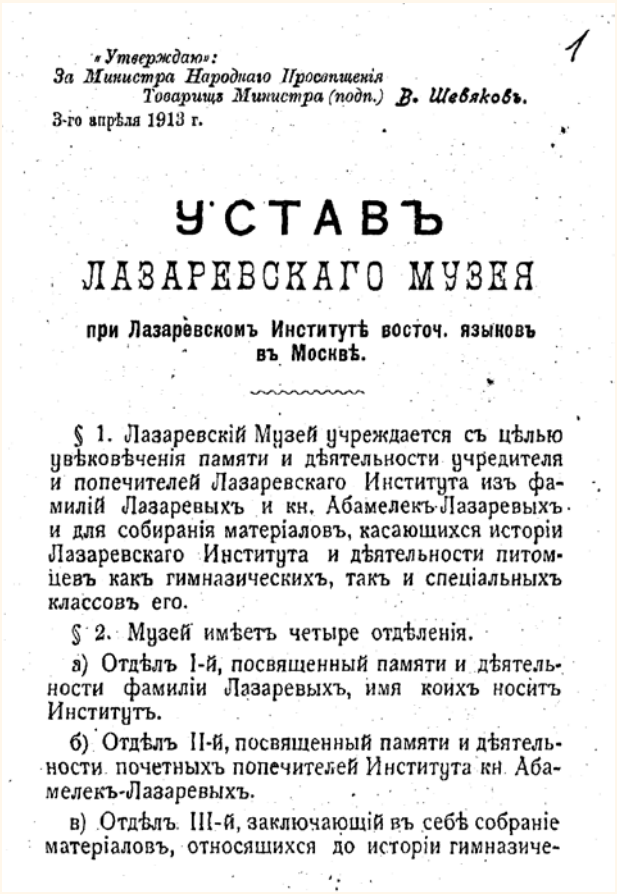
вана специальная комиссия *«для научной систематизации библиотеки и издания ея каталога в интересах ея всеобщей известности и облегчения пользования для занимающихся мусульманским Востоком»*. Изданный в 1888 г. «Каталог книг и рукописей библиотек Лазаревского института восточных языков» показал, что библиотека института насчитывала свыше 1800 названий книг и рукописей, хранившихся в библиотеке специальных классов, а также в Восточном отделе фундаментальной библиотеки института. Самыми большими из семи разделов каталога были армянский (913 названий), арабский (319), персидский (272), турецкий (201). Кроме этого, каталог включал также литературу на грузинском языке (42), санскрите и зенде (70), а также около 80 названий на других восточных языках. Особой гордостью библиотеки являлось собрание рукописей на персидском, арабском и турецком языках. Институт располагал несколькими десятками персидских рукописей таких всемирно известных авторов, как Саади Ширазский, Джами, Анвари, Руми. В коллекции 150 армянских рукописей находился уникальный манускрипт 887 г. – Лазаревское Евангелие, одна из самых древних армянских книг, дошедших до нашего времени.

Интересно, что библиотека специальных классов собирала в числе прочего неопубликованные научные труды как сотрудников института, так и посторонних авторов. Так, в каталоге 1888 г. значилась, например, рукопись Михаила Скибиновского «Арабская грамматика с изъяснением произношения арабских слов на российском языке. Писана в Астрахани 1810». В том же каталоге в арабском рукописном отделе значился «Специальный арабско-русский словарь для Корана», который в 1859 г. был составлен К.Ф. Спасским-Автономовым. В рукописном отделе значилась рукопись А.М. Худобашева «Персидская грамматика».

После 1888 г. ежегодно на закупку книг из казны выделялась крайне небольшая сумма – 266 рублей. В то же время значительные суммы на эти цели выделял сам институт. Как писал в 1899 г. директор В.Ф. Миллер, *«на библиотеку расходуется средним числом не менее 1000 рублей, так за последние пять лет (1894–1898 гг.) израсходовано на библиотеку 5774 руб. 85 коп.»*[242]. В последующие годы, когда было налажено издание «Трудов по востоковедению», у института появилась возможность создать обменный фонд для получения новинок отечественной и зарубежной востоковедческой литературы путем обмена с учебными и научными заведениями.

Продолжала пополняться библиотека и за счет подношений от отдельных лиц и учреждений. Так, ценный дар книгами был сделан институту «делегатом турецкого правительства на международном конгрессе доисторической археологии и зоологии, бывшем в Москве в 1892 г.». Другой подарок библиотека Лазаревского института получила от библиотеки его высочества Хедива через князя С.С. Абамелик-Лазарева. В 1902 г. Петербургская академия наук направила в адрес Лазаревского института около 120 названий своих изданий. В результате в 1903 г. в библиотеке специальных классов насчитывалось уже 7610 названий в 13 737 томах, а через десять лет – 12 066 названий в 19 876 томах. Все библиотечные фонды Лазаревского института к 1913 г. насчитывали около 40 тысяч книг.

Одним из последних начинаний в стенах Лазаревского института стала попытка в 1910-х годах создать при нем музей. Советом специальных классов была подготовлена и разослана листовка за подписями директора В.Ф. Миллера и секретаря совета, профессора А.С. Хаханова, в которой говорилось: *«Изучение Востока за последние годы дружными усилиями ориенталистов значительно подвинулось вперед… Лазаревский институт восточных языков, преследующий цель подготовлять молодых людей к практической дея-*



«Утверждаю»:
За Министра Народнаго Просвѣщенія
Товарищъ Министра (подп.) В. Шевяковъ.
3-го апрѣля 1913 г.

1

УСТАВЪ
ЛАЗАРЕВСКАГО МУЗЕЯ

при Лазаревскомъ Институтѣ восточ. языковъ
въ Москвѣ.

§ 1. Лазаревскій Музей учреждается съ цѣлью увѣковѣченія памяти и дѣятельности учредителя и попечителей Лазаревскаго Института изъ фамилій Лазаревыхъ и кн. Абамелекъ-Лазаревыхъ и для собиранія матеріаловъ, касающихся исторіи Лазаревскаго Института и дѣятельности питомцевъ какъ гимназическихъ, такъ и спеціальныхъ классовъ его.

§ 2. Музей имѣетъ четыре отдѣленія.

а) Отдѣлъ I-й, посвященный памяти и дѣятельности фамиліи Лазаревыхъ, имя коихъ носитъ Институтъ.

б) Отдѣлъ II-й, посвященный памяти и дѣятельности почетныхъ попечителей Института кн. Абамелекъ-Лазаревыхъ.

в) Отдѣлъ III-й, заключающій въ себѣ собраніе матеріаловъ, относящихся до исторіи гимназиче-

Устав Лазаревского музея. 3 апреля 1913 г.
РГИА. Ф. 880.Оп. 5. Д. 297. Л. 1–2 об.

тельности на Востоке, озабочен мыслью об организации при специальных классах Института восточного музея костюмов, изделий, фотографических снимков для наглядного ознакомления студентов с бытовыми особенностями народов Востока…»[243]. Эта инициатива была реализована в 1913 г., когда при институте был создан Лазаревский музей. Изменение первоначального замысла было связано с намечавшимся в 1915 г. торжественным празднованием 100-летия основания Лазаревского института. Музей создавался для *«увековечивания памяти и деятельности учредителя и попечителей Лазаревского института из фамилий Лазаревых и князей Абамелек-Лазаревых и для собирания материалов, касающихся истории Лазаревского института и деятельности питомцев как гимназических, так и специальных классов его»*[244].

§ 5. Лазаревский институт и «Восточная комиссия» в Москве

Освещая историю Лазаревского института в конце XIX – начале XX в., невозможно обойти стороной такое явление, как деятельность «Восточной комиссии» в Москве. Инициатива создания этого общества московских ученых-востоковедов принадлежала преподавателям Московского университета и Лазаревского института. В начале 1883 г. между факультетом восточных языков Санкт-Петербургского университета и Лазаревским институтом возникла переписка по вопросу создания научного объединения востоковедов. В сохранившейся записке по этому вопросу говорилось: *«В кругу профессоров историко-филологического факультета и Лазаревского института восточных языков уже давно возникла мысль составить общество с целью изучения древнего и современного Востока в культурно-историческом отношении. Эта мысль, вышедшая из тесного кружка, нашла себе полное сочувствие в среде многих лиц, хотя не занимающихся специально восточными языками, но интересующихся Востоком в том или другом отношении. Ближайшим поводом к выработке проекта устава предполагаемого общества послужило известие, полученное из Петербурга, о том, что и там задумывается общество с такими же целями»*[245]. Доставленный в Москву «проект петербуржского кружка» был рассмотрен на заседаниях совета Лазаревского института, но *«был*

найден не вполне целесообразным». Поэтому *«московский кружок избрал специальную комиссию для выработки нового проекта, который был одобрен в специальном заседании 31 марта 1883 г.»*[246].

Проект устава Русского восточного общества с сопроводительным письмом был направлен на имя декана факультета восточных языков Петербургского университета Василия Павловича Васильева. В сопроводительном письме говорилось: *«Сознавая, что Петербург с его факультетом восточных языков представляет наибольшее число специалистов по изучению Востока, московский кружок пришел к единогласному решению просить в лице Вашего превосходительства г.г. профессоров факультета восточных языков рассмотреть прилагаемый проект и высказать о нем свое мнение. Если мысль о двух отделениях Русского восточного общества – Петербургском, состоящем при факультете восточных языков, и Московском, состоящем при Лазаревском институте восточных языков, – встретит сочувствие в г.г. профессорах восточного факультета, в таком случае московский кружок просит их взять на себя инициативу ходатайства перед правительством о разрешении основать Русское восточное общество. Если же в силу каких-нибудь соображений (например, ввиду существования в Петербурге Восточного отделения при Императорском Археологическом обществе) профессора найдут неудобным осуществление прилагаемого проекта, в таком случае московский кружок будет ходатайствовать перед правительством об основании Московского общества любителей Востока»*[247].

Согласно представленному проекту общество создавалось «с целью изучения в культурно-историческом отношении древнего и современного Востока (преимущественно Кавказского края, Сибири, русских среднеазиатских владений)». Содержательная сторона деятельности общества должна была состоять в проведении публичных и закрытых заседаний, издании переводов литературных памятников восточных народов, собирании коллекций «вещественных памятников, знакомящих с жизнью и историей народов Востока», организации научных экспедиций, издании трудов общества *«в виде сборников или периодического журнала как на русском, так и на иностранных языках»*. Проект устава Русского восточного общества подписали известные представители московской школы востоковедения: Н.О. Эмин, Г.И. Кананов, Ф.Е. Корш, тогда еще доцент Московского университета, В.Ф. Миллер, доцент университета Н.О. Нерсесов, И.Н. Холмогоров, С.Е. Саков, И.Л. Серебряков-Окромчеделов, Г.А. Халатянц, М.Д. Ризаев, М.О. Аттая, М.В. Никольский, профессор истории русской словесности А.Н. Веселовский, доцент университета Ф.Ф. Фортунатов и др. Однако план организации общества, как написал позднее М.В. Никольский, *«не мог найти осуществления»*[248].

Между тем московским востоковедам из Московского университета и Лазаревского института нужна была площадка, где можно было независимо от потребностей учебного процесса и непосредственных нужд учебных заведений, в относительно свободном режиме заниматься исключительно научными исследованиями. На этот раз инициатором создания общества востоковедов стало Московское археологическое общество, созданное в 1864 г. известным русским археологом графом А.С. Уваровым. На очередном его заседании 24 апреля 1887 г. выступил секретарь Московского археологического общества М.В. Никольский с *«мотивированным предложением о пользе и необходимости учредить при Обществе отделение восточной археологии»*. Позже в посвященной десятилетию деятельности «Восточной комиссии» статье профессор Л.З. Мсерианц написал: *«В этом талантливом и со знанием дела написанном предложении г. Ни-*

кольский выставил на вид назревшую необходимость учреждения при [Московском археологическом] обществе специального отделения для занятий востоковедением»[249].

Обосновывая необходимость открытия «отделения восточной археологии», М.В. Никольский указал прежде всего на важность изучения памятников восточных цивилизаций в свете исследования связей и преемственности в общечеловеческом историческом процессе: *«В настоящее время ряд открытий повел к решительному выводу, что на Востоке, в древней Халдее и Египте, за пять-шесть тысяч лет до нашей эры уже процветали науки, искусства, государственность, что плодами этих цивилизаций воспользовались все переднеазиатские народы, равно как европейские, и прежде всего греки и римляне»*[250]. Во-вторых, М.В. Никольский указал коллегам на факт накопления большого массива восточных памятников, ежегодно поступавших на рассмотрение в Московское археологическое общество: *«В течение одного прошлого... года в Общество поступило значительное количество различного рода восточных памятников, а еще более снимков с надписями... на различных восточных языках. Кроме свыше 200 надписей с несторианских кладбищ близ Пишпека и Токмака, в Семиреченской области, написанных главным образом на сирийском языке, в Общество поступило много надписей на языках: арабском, еврейском, тюркском, есть и такие, язык которых неизвестен, так как никто еще не мог их определить. Большинство подобных надписей, по официальному докладу Обществу, сдается в архив и за неимением в виду лиц, могущих их разработать, остается вне исследования. Но и исследование надписей на языках, известных членам Общества, не может быть успешно, если они будут вести это дело врозь»*[251].

Сделав обзор изучения археологических памятников на восточных окраинах Российской империи, докладчик отметил успехи в исследованиях на Кавказе, но обратил внимание на недостатки в процессе изучения памятников Средней Азии. Вывод, сделанный автором доклада, был однозначен: «Систематическое преследование твердо намеченной цели приведет в известность и сконцентрирует все наличные силы по нашей науке и даже вызовет к деятельности новые»[252]. Другими словами, необходимо было планомерное и систематическое изучение памятников Востока по заранее составленной программе, с определенной научной целью. Для координации этой большой работы нужно было объединить усилия востоковедов в одной организации.

Предложение М.В. Никольского поддержали ведущие востоковеды Москвы Ф.Е. Корш, Н.О. Эмин, В.Ф. Миллер, Г.И. Кананов, В.К. Трутовский, с которыми предварительно консультировалась председательница Московского археологического общества графиня П.С. Уварова. В мае 1887 г. были утверждены «Правила Восточной комиссии» – своеобразный устав, первый параграф которого определял состав и цель нового объединения ученых Москвы: «Восточная комиссия» «образуется из членов Общества, желающих принять участие в изучении, издании и сохранении памятников восточной археологии»[253]. 29 сентября того же года на первом организационном заседании общества (Г.И. Кананов, В.Ф. Миллер, Н.В. Никитин, А.М. Павлинов, В.К. Трутовский, И.Н. Холмогоров и М.В. Никольский) большинством голосов его председателем был избран профессор Ф.Е. Корш, «товарищем председателя» – профессор В.Ф. Миллер, секретарем – М.В. Никольский, «так много содействовавший успеху самого дела»[254]. На этом же заседании было принято решение ввиду малочисленности состава «Восточной комиссии» пригласить к участию в ее работе в качестве постоянных членов профессоров Московского университета Н.О. Нерсесова и Ф.Ф. Фортунатова, приват-

доцента Г.К. Ульянова, кандидатов И.И. Соловейчика, С.С. Слуцкого и В.М. Истрина, а также профессоров Лазаревского института восточных языков – М.О. Аттая, Г.А. Муркоса, Г.А. Халатянца и И.Л. Серебрякова-Окромчеделова, а также «учителя Лицея цесаревича Николая» В.А. Грингмута[255].

31 октября 1887 г. началась деятельность «Восточной комиссии». В этот день в составе 25 членов состоялось первое ученое заседание комиссии[256]. Согласно «Правилам», выборные должности председателя и его товарища в комиссии замещались каждые три года. До 1912 г. должность председателя комиссии попеременно занимали профессора Ф.Е. Корш и В.Ф. Миллер[257]. После переезда В.Ф. Миллера в Санкт-Петербург и отказа Ф.Е. Корша от председательства на выборах в марте 1912 г. новым председателем был избран Владимир Константинович Трутовский – известный востоковед, выпускник специальных классов Лазаревского института и Учебного отделения Азиатского департамента МИД. Ответственный пост секретаря комиссии в течение почти девяти лет занимал М.В. Никольский, которого коллеги единодушно признавали душой «Восточной комиссии». В декабре 1896 г. его сменил Г.А. Халатянц, которого на должность секретаря пригласил Ф.Е. Корш[258]. Затем, с 1897 по 1901 г., секретарем комиссии был С.С. Слуцкий. На этом посту его сменил А.Е. Крымский, зарекомендовавший себя хорошим организатором научной деятельности комиссии.

Обширные задачи, поставленные учредителями «Восточной комиссии», скоро потребовали создания специального издания для публикации результатов научных исследований. «В заседании 29 марта 1888 г. [Московское археологическое] Общество по предложению... П.С. Уваровой постановило: разрешить Восточной комиссии самостоятельное издание ее трудов в формате и величине “Древностей” и открыть на это ежегодный кредит до 700 руб.»[259] Всего с 1889 по 1915 г. вышло пять томов «Древностей восточных».

С созданием «Восточной комиссии» существенно расширилась тематика исследований московских востоковедов. Большую роль в определении исследовательских тем играли корреспонденты комиссии, т.к. одной из главных ее задач являлось «определение и описание памятников», в том числе «разных вещей из частных собраний»[260]. Московская «Восточная комиссия» с первых дней своей деятельности зарекомендовала себя как открытая, доброжелательно настроенная ко всем своим корреспондентам. Доступность и уважение стали характерной чертой комиссии.

Одной из первых задач, с которой блестяще справилась «Восточная комиссия», стало определение подлинности, а также атрибуция коллекции месопотамских древностей доктора Блау, которая была переправлена в Московское археологическое общество драгоманом российского консульства в Багдаде Балтазаром для установления подлинности предметов. В сделанном на заседании «Восточной комиссии» 9 октября 1888 г. докладе сообщалось: «Археологическое общество поручило Комиссии подвергнуть исследованию коллекцию и дать о ней свое заключение. Так как вещи присланы без всякой описи, то М.В. Никольский... привел их в некоторый порядок и расположил по группам, причем обнаружилось чрезвычайное богатство и разнообразие предметов... среди присланных вещей некоторые оказались имеющими первостепенную археологическую важность…» О самой коллекции говорилось следующее: *«Эта чрезвычайно изящная, несомненной подлинности коллекция заключала в себе более 200 предметов, в том числе ряд редчайших вещей»*[261]. В числе предметов коллекции внимание московских востоковедов обратили на себя гиря с надписью «III тыс. до н.э»., две иероглифические таблички, «еврейско-вавилонская чаша с длинной и ясной надписью»[262].

Проект наградной медали Лазаревского института «За благонравие и успехи». Начало 1850-х годов

Разобранная и каталогизированная М.В. Никольским коллекция месопотамских древностей стала объектом исследований московских востоковедов. В «Древностях восточных» были опубликованы несколько интересных статей. Так, сам М.В. Никольский на основании изучения двух «таблеток» первым предложил сопоставить шумерскую клинопись с древнейшими пиктограммами с целью исследования происхождения клинописной графики. Московские востоковеды смогли опровергнуть сомнения некоторых западноевропейских коллег относительно подлинности коллекции доктора Блау. В 1891 г. коллекция в качестве экспоната была направлена в Лондон на IX Международный конгресс (съезд) востоковедов. Поскольку на конгрессе не было представителя Московского археологического общества, доклад о коллекции сделал известный французский востоковед Ж. Опперт. Коллекцию признали подлинной, а ее собирателю доктору Блау присудили почетный отзыв и медаль за заслуги[263]. Позднее коллекция была продана владельцем в США.

Другим крупным научным достижением «Восточной комиссии» стало введение в научный оборот коллекции глиняных табличек с клинописными текстами древней Халдеи, собранной известным русским историком и искусствоведом академиком Н.П. Лихачевым. Для описания и приведения коллекции в порядок секретарь «Восточной комиссии» М.В. Никольский вынужден был на несколько лет переехать в Санкт-Петербург. Итоги его деятельности по разбору, переводу и исследованию табличек были опубликованы в двух специальных выпусках «Древностей восточных»[264].

Объектом исследований членов «Восточной комиссии» Ф.Е. Корша, М.В. Никольского и С.С. Слуцкого стало присланное в Московское археологическое общество собрание 200 надписей с несторианских кладбищ Семиреченской области на различных восточных языках. Так, в феврале 1888 г. на очередном заседании комиссии С.С. Слуцкий сделал доклад «Семиреченские несторианские надписи». В свою очередь Ф.Е. Корш опубликовал статью «О турецком язы-

ке семиреченских надгробных надписей». Комиссии удалось установить постоянные связи с корреспондентами в Средней Азии: инспектором школ Ташкентского учебного округа А.И. Забелиным, директором Ташкентской мужской гимназии Н.П. Остроумовым, преподавателем сартского и узбекского языков в Ташкентской семинарии В.П. Наливкиным[265]. Из Ферганского областного музея в комиссию неоднократно обращались с просьбой прочесть обнаруженные древние надписи, атрибутировать сделанные археологические находки. Постепенно расширялись связи комиссии с провинциальными археологическими и архивными комиссиями, отдельными энтузиастами-востоковедами.

Интересные материалы поступали в комиссию от ее корреспондентов на Северном Кавказе и Закавказье, среди которых были инспектор народных училищ Елисаветпольской губернии А. Иоакимов; директор Кавказского музея в Тифлисе Г.И. Радде; архитектор А.М. Павлинов, много путешествовавший по Кавказу, фотографируя надписи на памятниках архитектуры. Переводом и атрибуцией арабских надписей, присылавшихся с Кавказа, занимался М.О. Аттая, который, в частности, разобрал «арабскую надпись на мечети при ханском дворце в г. Баку»[266]. Ему же была передана для перевода привезенная с Кавказа рукопись, «написанная частью на арабском, частью на черкесском языке. Арабский текст представлял собой рассказ о происхождении г. Дербента, о жителях Дагестана»[267]. Ознакомившись с рукописью по поручению «Восточной комиссии», М.О. Аттая пришел к заключению, что она может служить дополнением к известному сочинению А.К. Казем-Бека «Дербент-наме».

«Восточная комиссия» и сама организовывала археологические экспедиции, проводила полевые изыскания. В результате были достигнуты существенные успехи в изучении памятников материальной

Густав Иванович Радде *(1831–1903)*

культуры, сборе и анализе эпиграфики на территории Российской империи. Так, в ходе археологических экспедиций М.В. Никольского и А.А. Ивановского в Восточной Армении в середине 1890-х годов был собран богатый материал по истории государства Урарту. Результаты исследований были опубликованы в двух томах серии «Материалы по археологии Кавказа». В «Восточную комиссию» М.В. Никольский представил подробный очерк по истории Урарту, составленный на основе ассирийских и ванских памятников. В «Древностях восточных» были опубликованы его статьи – «Клинообразные надписи ванских царей, открытые в пределах России» и «Клинообразная надпись на Ганли-Тапа около г. Еревана». В 1896 г. Русское археологическое общество присудило М.В. Никольскому большую золотую медаль за исследование клинописных надписей, обнаруженных в Закавказье. Памятники Урарту стали темой для доклада Г.А. Халатянца «О некоторых географических названиях древней Армении в связи с данными ванских надписей»[268].

Большую коллекцию армянских надписей собрал и издал Хр.И. Кучук-Иоаннесов. Во время своих экспедиций на юго-запад Российской империи и в Крым он посетил Киев, Могилев, Каменец-Подольск (а также село Жванец, неподалеку от Каменца), Григорио-

поль, Измаил, Одессу, Аккерман, Феодосию, Кишинев. В общей сложности ему удалось собрать около 150 армянских надписей, из которых самыми древними оказались «аккерманская 967 года и феодосийская 1047 года»[269]. В своих командировках Хр. И. Кучук-Иоаннесов изучал также старинные армянские рукописи в частных коллекциях и хранилищах армянских церквей. Собранный материал позволил ему уточнить детали процессов миграций армянского населения на территории Восточной Европы. Розысками древних армянских манускриптов активно занимался Г.А. Халатянц, которому удалось обнаружить в Эчмиадзинской патриаршей библиотеке Паралипоменон в древнейшем армянском переводе с сирийского языка. Позднее ученый предпринял специальную поездку в Великобританию, чтобы ознакомиться со списком новооткрытых книг Паралипоменон в древнейшем армянском переводе[270].

Исследованиями по истории культуры и истории Грузии занимался в «Восточной комиссии» профессор Лазаревского института А.С. Хаханов. Он предпринял много поездок в Грузию, а также за рубеж в поисках грузинских рукописей. В результате были собраны сведения о грузинских рукописных собраниях в Лондоне, Вене, Берлине и Париже. Из исследований по истории Грузии стоит также отметить большую публикацию Г.Е. Церетели «Полное собрание надписей на стенах и камнях и приписок к рукописям Гелатского монастыря»[271].

Александр Соломонович Хаханов *(1866–1912)*

Результаты проведенных исследований, описание новых открытых источников сначала заслушивались в виде докладов, а затем обсуждались на заседаниях «Восточной комиссии». Часть докладов, представлявших интерес не только для востоковедов, выносилась на заседания Московского археологического общества. Как правило, это были сообщения о научных экспедициях, международных конгрессах, важных научных открытиях. «Восточная комиссия» в течение тридцати лет являлась не только площадкой для живого свободного общения московских востоковедов, но также эффективным координационным центром научно-исследовательской работы. Ее авторитет признавали как в России, так и за рубежом.

§ 6. Подготовка дипломатов. Лазаревский институт и Учебное отделение Азиатского департамента МИД

В 1859 г. Лазаревский институт посетил министр иностранных дел князь А.М. Горчаков. В своем отзыве Кавказскому комитету он отметил высокий уровень знания восточных языков его воспитанниками, поступившими на службу в МИД. Похвальный отзыв министра в адрес Лазаревского института был более

чем заслужен. Однако следует отметить, что выпускники института, как правило, не сразу попадали на службу в структуры внешнеполитического ведомства Российской империи. К 1859 г. уже сложилась и эффективно действовала особая система подготовки профессиональных переводчиков (драгоманов) и чиновников Министерства иностранных дел, важной составной частью которой стал Лазаревский институт.

Из журнала Кавказского комитета от 25 марта 1859 г.

«Слушан внесенный в комитет 28 Февраля отчет Попечителя Лазаревского Института Восточных языков о состоянии сего заведения за 1858 год… По рассмотрении сего отчета Министр Иностранных Дел, в присутствии комитета, отозвался, что он, во время пребывания своего в Москве, лично осматривал Лазаревский Институт восточных языков, входил во многие подробности умственного образования воспитанников и нашел заведение во всех отношениях отличным, особенно по системе обучения восточным языкам. Некоторые из воспитанников Института поступили на службу в Министерство Иностранных дел, и Министерство чрезвычайно довольно их знанием восточных языков и доброю их нравственностью. По выслушании сего, Комитет положил: о результатах отчета по Лазаревскому Институту восточных языков за 1858 год и о таком отзыве Министра Иностранных Дел довести до Высочайшего сведения Его Императорского Величества» [272].

В 1823 г. при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел было открыто принципиально новое учебное заведение – Учебное отделение восточных языков, получившее в 1835 г. статус университета. Расположенное неподалеку от Министерства иностранных дел, оно было учреждено со «специальною целью приготовления молодых людей к драгоманской службе при Императорских миссиях и Консульствах на Востоке»[273]. Драгоманами называли переводчиков-посредников восточных языков, в первую очередь турецкого, персидского и арабского, которые не только владели языками, но также знали «нравы и обычаи» стран Востока, что позволяло эффективно осуществлять переговоры и отстаивать интересы государства. Драгоманы не просто причислялись к дипломатическому корпусу – говорили, что «хороший драгоман стоит целого посольства».

Важное место во внешней политике России во второй половине XVIII–XIX вв. занимал «Восточный вопрос», который подразумевал непростые отношения Российской империи с Османской империей и Персией, претендовавшими на Закавказье, западное побережье Каспия и Восточное Причерноморье – территории, отошедшие к России в результате двух войн с Персией (1804–1813, 1826–1828 гг.) и двух – с Османской империей (1806–1812, 1828–1829 гг.). На Среднем Востоке, в Закавказье и Средней Азии сталкивались геополитические интересы великих империй: одной из основных соперниц России стала Великобритания, заключившая в XIX в. договоры с Персией и Афганистаном. Именно поэтому подготовке драгоманов при миссиях в странах Востока придавалось большое значение. Восточные языки изучали как выходцы из дворянских семей, так и разночинцы, которым редкие языки давали возможность попасть на государственную службу и повысить свой социальный статус. Условия дипломатической и консульской службы на Востоке были значительно труднее и опаснее, чем в европейских странах: непривычные климатические условия, перманентно сложная политическая обстановка, чуждая культура и порой враждебно настроенное местное население. Все это было под силу далеко не каждому молодому человеку.

По первоначальному проекту в Учебном отделении восточных языков предполагалось преподавать

шесть предметов: пять иностранных языков (арабский, персидский, турецкий, новогреческий и французский) и мусульманское право. Знание французского языка было абсолютно необходимым, поскольку преподавание восточных языков велось по французским учебным пособиям до тех пор, пока не появились собственные пособия, написанные профессорами Учебного отделения и Восточного факультета Санкт-Петербургского университета. Однако слушатели первого набора изучали только арабский, персидский и турецкий языки. Преподавание французского языка как учебного предмета было введено в 1825 г. Позднее количество изучавшихся языков было увеличено. Сначала в программу был добавлен новогреческий язык, с 1880-х годов – татарский язык, а в 1907 г. – английский язык. Неязыковые предметы пополнились международным правом и нумизматикой. Изучение пяти языков было обязательным для всех студентов отделения.

Может возникнуть вопрос: зачем было открывать специальное учебное заведение для подготовки дипломатов-востоковедов, если востоковедов готовили в Московском и Санкт-Петербургском университетах, а также в Лазаревском училище? К сожалению, неразработанность темы и недостаточная популяризация деятельности Учебного отделения приводят некоторых исследователей к необоснованным выводам о положении в отечественном востоковедении в XIX в. Так, А.М. Фирсова, не упоминая о самом существовании Учебного отделения, утверждает, что Восточный факультет Санкт-Петербургского университета был вынужден ограничиться «универсальным» образованием, отказавшись от теоретических изысканий и «поисков истины» в связи с необходимостью практической подготовки дипломатов[274]. На деле проблема заключалась в том, что в преподавании языков на Восточном факультете Санкт-Петербургского университета основное внимание уделялось теории языка, древним языкам Востока и тщательному изучению классической восточной литературы, в первую очередь поэзии. Так, в программе курса арабской словесности предполагалось изучение следующего материала: I курс: приват-доцент А.Э. Шмидт (I–II семестры) – «Грамматика и чтение легких текстов»; II–III курсы: ординарный профессор Н.А. Медников (III–IV семестры) – «Чтение исторических отрывков и анекдотов»; (V–VI семестры) – «Чтение истории III Абу-Ханифы Динавери»; IV курс: заслуженный ординарный профессор барон В.Р. Розен (VII–VIII семестры) – «Чтение и объяснение арабских стихотворений». Чтение и объяснение избранных глав из Корана. Чтение и объяснение грамматических текстов. История арабской литературы»; лектор А.Ф. Хашаб – практические занятия по арабскому языку[275]. Приходя на дипломатическую, драгоманскую, консульскую службу, выпускники Восточного факультета были вынуждены практически заново учить языки и особенности их применения в профессионально значимых ситуациях.

В отличие от Санкт-Петербургского университета в Лазаревском институте уделялось достаточное внимание практическому владению восточными языками, однако срок обучения был невелик. При обучении воспитанников Лазаревского института использовались те же университетские материалы, предоставлявшиеся Московским университетом. Само учебное заведение было негосударственным и до середины века не давало выпускникам права поступления на государственную службу. Более того, с открытием специальных классов как университетского факультета у руководства этим отделением возникло естественное желание усилить научное направление.

Анализируя положение дел с подготовкой востоковедов для службы во внешнеполитическом ведомстве, в частности роль Санкт-Петербургского университета и Лазаревского института, начальник Учебного отделе-

ния В.А. Жуковский в записке 1907 г. о предстоявшем реформировании Учебного отделения писал: *«Изменились ли теперь условия Нессельродовскаго времени, когда Учебное Отделение было создано, т.е. отпала ли необходимость в практически подготовленных для службы на Востоке в консульствах и миссиях лицах? Нет, – наоборот, с развитием русских интересов и политических задач России на Востоке, с открытием целаго ряда новых миссий, политических агентств, консульств и вице-консульств. Изменились ли с тех пор задачи Университета и в частности Факультета Восточных Языков настолько, чтобы они могли заменить Учебное Отделение? Нет, – по-прежнему задача Факультета – служение чистой науке, ученая обработка предметов, входящих в круг его преподавания, и какие-либо практические цели, будь то дипломатическия или коммерческия, сколько ни важны оне, задачи Факультета не составляют и составлять не могут. …Специальные классы Лазаревскаго Института (для языков передняго Востока)…по внутренней организации и учебной программе, выделенные из классов гимназических, преследуя не исключительно учебную цель, как Факультет Восточных языков, оказались учреждением, в котором… то устанавливается практическое преподавание восточных языков, то придается ему научное направление; такое стремление служить чисто научным интересам сказалось в Лазаревском Институте в 90-х годах прошлаго столетия и продолжается по настоящее время. Не удовлетворяясь окончившими курс Специальных классов для приема прямо на службу и принимая их лишь в слушатели Учебнаго Отделения с основательным знакомством французскаго языка Министерство Иностранных дел косвенно повлияло на введение преподавания этого языка в Специальных классах с 1875 года»*[276].

Развивая свою мысль о необходимости специальной подготовки переводчиков-востоковедов, В.А. Жуковский объяснял, что «не возможно и требование, чтобы молодой человек явился прямо со школьной скамьи в совершенстве владеющим разговорным и литературным языком Востока, – требование неисполнимое. Ведь совершенно забывают… что восточник в Университете только начинает свои занятия с азбуки, т.е. с того, с чего всякий другой студент начинает в первом классе гимназии, и то, что филолог, например, проходит в двенадцать лет, ориенталист усваивает в четыре-пять лет. Совершенно готовых к службе не нуждающихся в усовершенствовании и пополнении своих знаний чиновников не выпускает школа, не только в сфере драгоманской, но всякой другой деятельности. Учебное Отделение должно давать Министерству Иностранных Дел лиц с хорошим общим (и даже юридическим) образованием, знакомых с религией Востока, его географией, историей, законодательством, литературой, бытом, духовной стороной его обитателей, в языках Востока практически подготовленных настолько, чтобы лица эти по приезде на место службы и в обыденной жизни и при выполнении обязанностей (особенно в чтении и составлении деловых бумаг на восточных языках) не чувствовали на себе тяжелой и полной зависимости от туземцев и с наименьшей затратой времени на месте становились хозяевами своего положения во всех сторонах деятельности; при этом необходимость дальнейшаго усовершенствования в языке страны и ея изучение, конечно ни мало не устраняется и на долго остается значительной»[277].

Учебное отделение восточных языков, как явствует из учредительных документов, ставило целью подготовку студентов к практической деятельности, поэтому в основу преподавания был положен подход, который развивал профессионально значимые умения и навыки. Помимо традиционных учебных материалов по грамматике и классических текстов, студенты переводили и изучали дипломатические документы, копии

которых предоставлял Санкт-Петербургский главный архив МИД. За время существования Учебного отделения восточных языков его возглавляли А.А. Фонтон, Г.М. Влангали, Ф.П. Аделунг, П.И. Демезон, М.А. Гамазов, И.А. Иванов, В.А. Жуковский. Все они были знатоками восточных и европейских языков, известными переводчиками. Профессорско-преподавательский состав комплектовался из чиновников МИД и «просвещенных туземцев Востока», приглашавшихся для этой цели министерством. В разное время в Учебном отделении преподавали профессор персидского и турецкого языков П.И. Демезон, профессор персидского и турецкого языков, заведующий отделением, заслуженный профессор Санкт-Петербургского университета М.Д. Топчибашев; преподаватель арабского языка, уроженец Сирии С. (И.Г.) Нофаль; французский профессор-востоковед Ж.Ф. Деманж; профессор персидского языка, уроженец Баку М. (А.К.) Казем-Бек; профессор персидского и турецкого языков, уроженец Франции Ф.-Б. Шармуа; преподаватель новогреческого языка, драгоман Азиатского департамента МИД Г.С. Дестунис; преподаватель новогреческого языка, уроженец Сирии отец Герасим Яред (впоследствии архимандрит, ректор Псковской духовной семинарии) и др.

В Учебное отделение по итогам вступительных испытаний по русскому и французскому языкам принимались молодые люди российского подданства и православного исповедания, окончившие курс университета, гимназии или приравненного к гимназии учебного заведения. Темы для сочинений составлялись таким образом, чтобы можно было судить о знании абитуриентом не только русского языка, но и Востока. Экзамен по французскому языку включал в себя письменный и устный перевод с русского на французский язык и пересказ отрывка текста из французской книги. Состав приемной комиссии бывал обычно очень представительным. Так, в 1833 г. в комиссию входили такие известные государственные деятели, как князь В.П. Кочубей, граф А.Ф. Орлов, М.М. Сперанский, граф А.Х. Бенкендорф, адмирал И.Ф. Крузенштерн и др.[278]. Среди молодых людей, поступивших в разное время в Учебное отделение, были выпускники восьми российских университетов (44,3%), Лазаревского Института восточных языков (30,1%), лицеев (0,8%), гимназий (9,3%), некоторых училищ и духовных семинарий (6,4%), прочих учебных заведений (9,1%). Согласно архивным данным, с 1823 по 1915 г. в учебное заведение поступили 246 человек, успешно окончили Учебное отделение 211 воспитанников.

Отзыв директора Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте МИД тайного советника М.А. Гамазова о заметном улучшении преподавания восточных языков в специальных классах Лазаревского института от 18 октября 1882 г.

«Милостивый Государь

Георгий Ильич!

Имею честь уведомить Вас о получении отношения от 14 сего месяца № 1113 с приложенным к нему аттестатом студента Беляева.

Пользуясь этим случаем, считаю приятным долгом сообщить Вашему Превосходительству, что как этот молодой человек, так и товарищ его Уманец признаны в Совете управляемого мною Учебного Отделения, подготовленными, говоря вообще, едва ли не лучше двух кандидатов, одновременно с ними поступивших к нам из Университета.

В виду такого, на этот раз, перевеса Ваших студентов над университетскими, Совет Отделения не мог не заключить, что учебное дело Специальных классов Лазаревского Института заметно улучшилось проти-

ву прежнего. Приписывая такое отрадное улучшение влиянию просвещенной заботливости Вашего Превосходительства, я с особенным удовольствием позволяю себе уверить Вас, Милостивый Государь, что окончившие курс Специальных классов с таким же успехом, как упомянутые молодые люди, отличающиеся сверх того прекрасною выдержкою, будут всегда считаться здесь ценным приобретением для нашей службы на Востоке. Примите уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

М. Гамазов»[279].

Документы позволяют нам сделать выводы о программе и методике преподавания иностранных языков в Учебном отделении. Основное внимание уделялось развитию навыков перевода, письма и устной речи. Навыки аудирования и чтения развивались параллельно. Следует отметить, что студенты все время находились в языковой среде с иноязычными преподавателями и работали с книгами, поэтому развитие двух последних навыков происходило параллельно с остальными.

В связи с особенностью графики восточных языков в течение двух лет отдельным занятием была каллиграфия (письмо). Обучение начиналось с фонетического курса: изучались звуки и звуко-буквенные соответствия. Затем преподаватель диктовал буквы, а студенты их записывали. Далее предлагались слова, которые произносили, записывали и переводили на родной язык (при этом преподавание велось на французском языке).

Важную роль в учебном процессе отводили иноязычным материалам. К ним относились: различные грамматики, написанные как с опорой на один из западноевропейских языков («Grammaire elementaire du grec modern» М.Г. Схинаса и др.), так и российскими преподавателями, в том числе преподавателями Учебного отделения («Краткая арабская грамматика» А.В. Болдырева, «Грамматика турецко-татарского языка» М. Казем-Бека и др.); словари и лексиконы, изданные за рубежом, а также словари, созданные переводчиками МИД и преподавателями Учебного отделения («Краткий военно-технический русско-французско-турецко-персидский словарь с русскою транскрипциею восточных слов» М.А. Гамазова); сборники адаптированных и оригинальных учебных текстов; Библия и Коран на русском и изучаемых восточных языках; оригинальные произведения художественной прозы и поэзии («Гюлистан» Саади Ширазского, «The Vizir of Lankuran» и т.п.); статьи и заметки из газет и журналов на иностранных языках, которые выписывала библиотека Учебного отделения; рассекреченные документы Министерства иностранных дел, в том числе документы, полученные из российских миссий за рубежом (фирманы и пр.).

На всех этапах обучения обязательным было изучение грамматики, причем при работе с текстами использовался не только грамматический, но и логический анализ. Со второго семестра вводились занятия по разговорной речи – как монологической, так и диалогической. На курсовом и выпускном экзаменах было необходимо произнести подготовленную речь и принять участие в беседе. На этом же этапе обучения предлагались легкие тексты для чтения и перевода, перифраз отрывков из текстов. На более продвинутом этапе обучения в качестве текстовых источников использовались Коран, «Оды» Хафиза, классическая проза и поэзия, образцы современной прозы и поэзии, в частности на новогреческом языке. Важным текстовым источником служили газеты и журналы – как зарубежные, так и российские, заметки и статьи из которых использовались для перевода. Начиная со второго курса студенты переводили дипломатические и консульские документы.

Фундаментальная библиотека. Лазаревский институт.
Фото 1911 г.

Большое внимание в преподавании уделялось лингвокультурной составляющей. Студенты анализировали, а затем применяли на практике особенности стиля и лексического наполнения восточной речи с многочисленными метафорами, аллюзиями и пр. Пониманию лингвокультурных особенностей изучаемых иностранных языков и культур способствовали выбор изучаемой литературы, изучение страноведческого материала и летние стажировки студентов при российских миссиях за рубежом[280].

Таким образом, можно сделать заключение, что в Учебном отделении восточных языков была создана эффективная учебная среда, способствовавшая не только общей языковой подготовке воспитанников, но и профессионально направленному обучению.

Аттестация слушателей производилась ежемесячно по всем предметам. Оценки выставлялись по 12-балльной системе (в конце XIX в. была принята 5-балльная система), однако она предполагала возможность выставления дробного балла: за месяц можно было получить оценку 23/4 или, например, 41/2. Баллы отражали не относительную, как принято теперь, а абсолютную оценку знания языка, т.е. то, чего студент достиг в реальном владении иностранным языком. Это означало, что студенты младших курсов не могли иметь такие же оценки, как студенты старших курсов. Например, первокурсник мог иметь по итогам первого семестра оценку 13/4, что являлось достаточно высоким баллом. Таким образом, отличники могли иметь оценку от 2 до 12 – в зависимости от времени обучения.

По каждому языку выставлялись оценки за произношение, чтение, грамматику, лексику, «разговор» (в современной методике – говорение, или устная речь), устный и письменный перевод с русского/французского языка на восточный язык и с восточного языка на русский/французский язык. Эти оценки заведующий Учебным отделением каждый месяц представлял директору Азиатского департамента.

Фактически студентов аттестовывали по результатам усвоения языкового материала и развития речевых навыков, хотя в XIX в. подобная терминология еще не существовала. Отсутствие аттестации по аудированию объяснялась тем, что, во-первых, на занятиях слушатели постоянно находились в языковой среде, а во-вторых – специальные технические средства для аудирования еще не были изобретены. Аттестация по чтению включала в себя оценку не только умения хорошо читать вслух, но и «навыка изучающего чтения» (реферативный перевод). Этот навык развивался на базе художественных текстов (отрывков из книг), определенных программой. Ежемесячную аттестацию в Учебном отделении можно сравнить не только с современной оценкой уровня развития речевых умений и навыков, но и с «аспектизацией» языковых дисциплин, т.е. делением на аспекты: общий язык (в некоторых вузах – практика устной и письменной речи), домашнее чтение, грамматика, перевод и т.п.

Существовал и рейтинг студентов, хотя в то время такое слово не использовалось. Оценки по всем предметам складывались, и итоговая сумма отражала место

студента в рейтинговом листе. В отличие от принятой ныне системы выведения среднеарифметической оценки в каждую промежуточную аттестацию рейтинговая система УОВЯ была более объективной, так как не имела погрешности, неизбежной при делении и округлении рейтинговой промежуточной оценки. Итоговая аттестация проводилась дважды в год – в январе и в конце мая, перед летними каникулами.

Воспитанники получали жалованье, бесплатно проживали в помещении Учебного отделения, где могли получать консультации и общаться со своими преподавателями, проживавшими в том же доме. Пользование учебными пособиями и библиотекой также было бесплатным. При успешной сдаче выпускного экзамена обучение в Отделении засчитывалось в срок государственной службы. По окончании Учебного отделения выпускники направлялись на службу при российских миссиях и посольствах на Востоке.

В 1883 г. при Учебном отделении был учрежден Офицерский курс с целью подготовки офицеров для службы на Кавказе и в азиатских военных округах. Обучение восточным языкам и культурам Востока было рассчитано на три года и осуществлялось профессорско-преподавательским составом Учебного отделения. За 27 лет своего существования курсы подготовили около 130 офицеров-востоковедов, однако выпускников Лазаревского института среди них не было.

В начале XX в. Министерством иностранных дел было принято решение о реорганизации Учебного отделения и всей системы подготовки востоковедов. Руководство Учебного отделения предложило пересмотреть цели и задачи подготовки востоковедов, выдвинув план, при котором *«русское практическое востоковедение представляло бы собою одно органическое целое, в котором: 1. Учебное Отделение Императорскаго Министерства представляло бы собою консульский (драгоманский) отдел этаго целаго, для подготовки лиц к службе в странах Востока. 2. Специальные классы Лазаревскаго Института – окраино-административный для подготовки лиц для наших восточных окраин, в интересах Министерства Внутренних Дел. 3. Практические восточные курсы Общества востоковедения при Министерстве Торговли и Промышленности – коммерческий отдел, для подготовки лиц, должностных и частных, к службе на окраинах и вне пределов их в торгово-промышленных интересах государства и частных лиц, и 4. Ташкентские военные курсы – военный отдел для подготовки военных переводчиков»*.

После серии попыток реформировать работу Учебного отделения назрела необходимость создания нового учебного заведения – Дипломатического института – для профессиональной подготовки сотрудников Министерства иностранных дел. В конце мая 1917 г. была создана специальная Комиссия по реформе Учебного отделения восточных языков. Было принято предложение о разделении будущего института на три отдела: Европейский (Западный), Ближневосточный и Дальневосточный. На Западный отдел планировалось принимать лиц, окончивших высшие учебные заведения, в которых изучались юридические или политические науки, а также выпускников с историко-филологическим образованием; на Ближневосточный отдел – выпускников специальных классов Лазаревского института и факультета восточных языков Петроградского университета по Арабско-персидско-турецко-татарскому разряду. Наконец, на Дальневосточный отдел могли поступать выпускники факультета восточных языков Петроградского университета по Китайско-маньчжурско-японско-монгольскому разряду, а также выпускники Института восточных языков во Владивостоке.

10 октября (по старому стилю) 1917 г. Комиссия составила подробную справку о проделанной работе. Следующее заседание не состоялось в связи с произо-

шедшей Октябрьской революцией 1917 г., а через две недели Министерство иностранных дел, вместе с ним и Учебное отделение восточных языков были распущены. За время своего существования Учебное отделение выпустило более 250 высококвалифицированных востоковедов (считая выпускников Офицерского курса), достойно пополнивших ряды консульских работников Российской империи.

***

Архивные данные свидетельствуют, что Учебное отделение восточных языков окончили не менее 76 «лазаревцев», двое умерли во время учебы [П. Каткадамов, А. Зейрон (Серон)], двое были уволены (С. Добринский и С. Уманец), один – Рябинин – «исключен за неявкою». Некоторые выпускники Лазаревского института, а затем Учебного отделения с начала и до конца службы «специализировались» по одной стране, других судьба забрасывала не только в разные страны, но даже на разные континенты. Достаточно взглянуть на послужной список Б.Э. Блюма, А.П. Беляева, А.И. Кояндера, П.В. Максимова, К.А. Черкавского, М.Г. Жданова, М.С. Щекина и некоторых других.

По распределению больше всего выпускников направлялось в Персию, за ней следовали Османская империя, Балканы, Ближний Восток, Средняя Азия, Китай. Дальневосточное направление активизировалось после заключения Пекинского договора 1860 г. с Китаем. К 1912 г. Россия имела за рубежом 175 «штатных установлений» Министерства иностранных дел (посольств, консульств и вице-консульств, политических и дипломатических агентств) и 277 внештатных консулов, вице-консулов и консульских агентов. И если в европейских государствах консульские работники выполняли функции по защите прав российских подданных и торгово-экономических интересов России, то «на Балканах, Ближнем и Дальнем Востоке в их функции входили и политические задачи – восстановление и усиление политических позиций России, обеспечение прав православного населения Османской империи, постоянно подвергавшегося притеснениям. На Дальнем Востоке консулы решали сложные торговые дела, в особенности в Китае»[281]. Описывая специфику службы на Востоке, К.Н. Леонтьев, известный российский дипломат, философ и писатель XIX в., писал: *«Консул на Востоке это в меньшем виде посол, и посол в Константинополе это в большем размере консул. Послы при европейских дворах имеют дело только с государем и министром. Послы при дворах восточных (особенно в Турции) имеют дело и со двором, и с населением, и к своим подданным отношение их гораздо проще в принципе и многосложнее в частности»*[282].

В Персию из выпускников Лазаревского института после завершения обучения в Учебном отделении восточных языков были распределены: *Евреинов Владимир* (годы обучения в Учебном отделении: ? – 1907), *Зуев Сергей* (1897–1900), *Лойко Петр* (? – 1907), *Преображенский Борис* (1896–1899), *Решетов Иван* (1897–1898)[283].

Амиров Василий (1860–1862), секретарь и младший драгоман в Тегеране. Выйдя в отставку, работал нотариусом в Тифлисе.

Бакулин Федор (1863–1865), консул в Астрабаде, умер в 1878 г.

Блюм Борис (? – 1903), секретарь и драгоман консульства в Астрабаде; драгоман политического агентства в Бухаре (1911), вице-консул в Коломбо (1914) и в Ардебиле (1915).

Валери Лев (1880–1882), направлен в Тегеран, затем уволен от службы.

Введенский Павел (? – 1905), вице-консул в Тавризе и Урмии в 1906–1917 гг.

Гарейзе Артур (1912–1914), драгоман консульства в Реште, управляющий генеральным консульством в Тавризе.

Гильдебранд Герман (1907–1909), студент, затем 2-й драгоман генерального консульства в Тавризе; исправляющий обязанности секретаря и драгомана консульства в Кермане; секретарь генерального консульства в Тегеране; вице-консул в Казвине.

Григорович Иван (1868–1871), 1-й драгоман миссии в Тегеране.

Долгополов Борис (1904–1906), консул в Астрабаде в разгар революционных событий в Персии, затем вице-консул российской миссии в Хое.

Жданов Митрофан (1868–1870), направлен в Персию, в 1881–1883 гг. дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе, затем некоторое время прослужил в Азиатском департаменте, генеральный консул в Смирне (1904–1906 гг.) и Лионе (1911–1914 гг.).

Кирсанов Николай (1909–1911), драгоман консульства в Гиляне, исправляющий обязанности секретаря и драгомана консульства в Астрабаде, драгоман генерального консульства в Тавризе, секретарь генерального консульства в Тегеране.

Кохановский Лукьян (1867–1871), драгоман генерального консульства в Тавризе, консул в Астрабаде.

Левитский Александр (1879–1881), драгоман в Тегеране, секретарь в Астрабаде.

Лисовский Ростислав (? – 1906), вице-консул российской миссии в Соуджбулаге.

Мусников Климент (1879–1881), драгоман в Тегеране, секретарь в Мешхеде.

Никитин Василий (1908–1910), секретарь и временно управляющий российским консульством в Реште, вице-консул в Урмии.

Николаев Александр (1856–1857), секретарь в российском посольстве в Тегеране, консул в Скутари, затем служил чиновником в Военном ведомстве.

Олферьев Сергей (? – 1902), студент миссии в Тегеране, консул русской миссии в Маку. Служил в Персии и Османской империи секретарем, драгоманом, вице-консулом, консулом. В 1917 г. назначен генеральным консулом в Реште.

Петров Андрей (1863–1865), 2-й секретарь в Тегеране, генеральный консул в Тавризе.

Фланден Владимир (1887–1888), студент при российской миссии в Тегеране, умер в Москве в 1890 г.

Черкавский Константин (1887–1889), студент при российской миссии в Тегеране. В 1897 г. возглавил российское вице-консульство в Варне, в октябре 1906 г. направлен на работу в Сингапур.

Черкасов Анатолий, барон (1897–1898), служил в Мешхеде, затем вице-консул в Сеистане, консул в Керманшахе до его ликвидации 15 сентября 1920 г.

Штриттер Александр (1884–1886), студент, затем 2-й драгоман при российской миссии в Тегеране. В 1900 г. подарил незадолго до того построенному на территории миссии Свято-Николаевскому собору четыре большие иконы в серебряных окладах – Спасителя, Божией Матери, Святителя Николая и Святого Александра Невского, покровителя дипломатов.

В Османскую империю и другие регионы получили распределение:

Акимович Константин (? – 1904), генеральный консул в Пирее (Греция).

Беляев Алексей (1882–1884), состоял на службе в Константинополе и Иерусалиме (управляющий консульством в 1888–1889 гг.); консул в Дамаске.

Воеводский Алексей (1890–1892), 1-й секретарь российской миссии в Константинополе, затем служил в Болгарии и Марокко.

Золотарев Михаил (1856–1858), секретарь российского консульства в Скутари[284], некоторое время служил драгоманом в Будапеште, затем помощник секретаря в Константинополе, консул в Адрианополе. Умер в должности 2-го секретаря российского посольства в Константинополе.

Илларионов Николай (1862–1864), консул в Иерусалиме, консул в Адрианополе.

Ионин Александр (1854–1856), министр-резидент при князе Черногорском; посланник в Бразилии.

Ионин Владимир (1857–1859), консул в Дамаске.

Картамышев Петр (1880–1882), вице-консул в Сулине.

Фон Клемм Вильям (Вильгельм) (1883–1885), секретарь и драгоман политического агентства в Бухаре; генеральный консул в Бомбее, генеральный консул в Мешхеде; советник Третьего политического отдела МИД; после Октябрьской революции 1917 г. был представителем адмирала А.В. Колчака во Владивостоке до образования Дальневосточной республики.

Кояндер Александр (1865–1867), студент при российском посольстве в Константинополе, секретарь и драгоман при генеральном консульстве в Трабзоне. В 1872–1883 гг. последовательно студент, секретарь, первый секретарь при российской дипломатической миссии в Пекине, поверенный в делах в Китае. В 1883–1886 гг. министр-резидент в Цетинье (Черногория) и дипломатический агент в Болгарии. Затем дипломатический агент и генеральный консул в Египте (1886–1902 гг.), чрезвычайный посланник и полномочный министр в Португалии (1902–1910 гг.).

Кохманский Николай (1898–1900), служил в Алеппо.

Кудрявцев Алексей (1856–1858), агент МИД в Одессе.

Максимов Петр (1875–1876), студент, 3-й, 2-й, 1-й драгоман российского посольства в Константинополе; дипломатический агент и генеральный консул в Египте; министр-резидент в Черногории; посланник в Бразилии (по совместительству – в Аргентине, Чили, Уругвае, Парагвае).

Мюльфельд Сергей (1858–1860), чиновник по пограничным делам при кавказском наместнике.

Налетов Николай (1868–1871), студент[285] при российском посольстве в Константинополе, вице-консул в Синопе, управляющий генеральным консульством в Трабзоне. Имеются сведения о его службе в Рущуке (Болгария), Сараево и Кандии (о. Крит).

Петров Александр (1897–1898), студент российского посольства в Константинополе.

Попов Михаил (1901–1903), драгоман и секретарь генерального консульства в Урге и Харбине.

Халафов Сергей (1870–1873), студент при российском посольстве в Константинополе. Умер в должности секретаря-драгомана в Эрзеруме через два года после начала службы.

Фон Шлиппе Константин (? – 1907), секретарь дипломатического агентства и исправляющий обязанности русского консула в Каире.

Щербина Григорий (1889–1891), секретарь в Трабзоне, а затем в Константинополе.

В центральном аппарате МИД служили:

Бероев Никита (1823 – ?), переводчик в Азиатском департаменте.

Олесницкий Алексей (1910–1912), исправляющий обязанности секретаря в III политическом отделе[286].

Умов Иван (1910–1912), по окончании Учебного отделения восточных языков служил в центральном аппарате МИД, в 1912 г. исправляющий обязанности секретаря консульства в Александрии.

Рафальский Владимир (1908–1910), с 1908 г. на службе в МИД[287], в 1913 г. получил должность секретаря консульства в Трапезунде (Трабзоне), в 1915 г. состоял при посольстве в Риме. В 1919 г. был секретарем миссии правительства адмирала А.В. Колчака в Праге.

Щекин Михаил (1892–1894), служил при Азиатском департаменте МИД, российский консул в Триесте (1908), 1-й секретарь миссии в Пекине (1910), советник миссии в Токио (1912).

Авторы не располагают данными о месте службы следующих 23 выпускников: *Баранов Владимир* (1912–

ТРУДЫ ПО ВОСТОКОВѢДѢНІЮ,
издаваемые Лазаревскимъ институтомъ восточныхъ языковъ.
Выпускъ XLIII.

الشرقيّات

ВОСТОЧНЫЙ СБОРНИКЪ

ВЪ ЧЕСТЬ

А. Н. ВЕСЕЛОВСКАГО.

МОСКВА.
Типографія М. С. Аттія и К°. Маросейка, Косьмодаміанскій пер., д. № 5.
1914.

Титул книги «Восточный сборник в честь А.Н. Веселовского». М., 1914.

1915), *Бове Михаил* (1911–1913), *Виноградов Николай* (1906–1908), *Григорьев Александр* (1914 – ?), *Дмитриев Александр* (? – 1900), *Катин Владимир* (1912–1914), *Кетов Константин* (1897), *Котляров Иван* (1908–1910), *Левкиевский Евгений* (1911–1913)[288], *Максимов Евгений* (1906–1908), *Марисов Александр* (1913–1915), *Матвеев Владимир* (1901), *Мусатов Борис* (? – 1904), *Петров Федор* (? – 1905), *Пузанов Евгений* (1910–1912), *Родичев*

Измаил (1909–1911), *Самсонов Максимилиан* (? –1903), *Уринцов Юрий* (1908–1910), *Федоров Тимофей* (1912–1915), *Чаев Николай* (1910–1912), *Щербина Владимир* (1909–1911), *фон Эттинген Владимир* (1897), *Яновский Вильгельм* (1910–1912).

Чрезвычайно важной была деятельность сотрудников российских миссий на Балканах, где в определенные периоды истории отношения между мусульманским и христианским населением осложнялись до серьезных конфликтов, которые разрешались как дипломатическим, так и военным путем. Так, П.В. Максимов, более двадцати лет прослуживший драгоманом в Османской империи, не только отстаивал интересы Российской империи в Константинополе, но и защищал права армянского населения, притеснявшегося османами. В 1895 г., став свидетелем убийства армянина во время погрома, он поймал убийц и доставил их в полицию.

Одним из направлений работы российских дипломатов в странах Востока было укрепление позиций Русской Православной Церкви и защита прав православных христиан. В конце 1880-х годов сгладить противоречия между Антиохийской Церковью и греческими иерархами помогла деятельность посла в Константинополе И.А. Зиновьева и консула в Дамаске А.П. Беляева.

Урегулированием «проблем в отношениях официального Петербурга с греческой православной церковью, с Афоном и православными церквями на Балканах и Ближнем Востоке» также занимался Н.В. Кохманский, находившийся на дипломатической работе в разных городах Османской империи в 1900–1917 гг.[289]. В 1910 г. он был участником инспекции структур Императорского православного Палестинского общества.

Выпускники Лазаревского института и Учебного отделения, а также их преподаватели неоднократно участвовали в экспедициях, вели дневниковые записи, описывали быт, нравы, социокультурные особенности жизни местного населения, а также расположение стратегически важных объектов, промышленных предприятий и сельскохозяйственных угодий. Все эти данные обрабатывались и принимали форму аналитических записок, подававшихся в заинтересованные министерства и ведомства. Помимо сведений секретного характера, которые могли быть использованы в военно-политических целях, российские дипломаты публиковали в открытой печати статьи географического и этнографического характера. Так, С.П. Олферьев, находясь на дипломатической службе, активно печатался в российских изданиях: в журнале «Вестник землеустройства» увидели свет его «Письма из Турции» и статьи о землепользовании и сельском хозяйстве Турецкой Армении. П.И. Демезон за свой фундаментальный труд «Свод мусульманских законов», написанный по итогам путешествия в Бухару под видом татарского муллы, был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени.

Донесения сотрудников консульств являлись бесценным материалом, позволявшим дипломатическим работникам отслеживать динамику событий, происходивших в различных регионах мира и в странах, с которыми Россия поддерживала дипломатические отношения. Однако эти донесения, как правило, оставались в тех отделах департамента и у тех лиц, которым были адресованы, т.е. даже несекретные данные были зачастую недоступны широкому кругу сотрудников МИД. Поэтому настоящим прорывом в организации доступности информации послужило предложение об издании «Сборника консульских донесений» В.О. фон Клемма, который стал одним из его первых авторов. Сборник издавался в 1897–1910 гг. и публиковал наиболее важные и интересные с профессиональной точки зрения сообщения сотрудников дипломатических миссий и консульств по вопросам социально-экономического развития стран пребывания. Вместе с В.А. Жуковским, заведовавшим в то время Учебным отделением восточных языков, В.О. фон Клемм инициировал создание

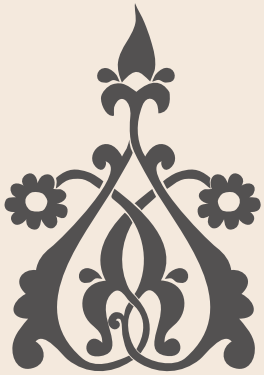
и стал председателем «Общества русских ориенталистов», куда вошли ведущие востоковеды – служащие МИД, некоторые преподаватели Восточного факультета Санкт-Петербургского университета и Лазаревского института. Общество издавало «Журнал Общества русских ориенталистов» (1910–1913 гг.), а также выпустило две книги ежегодника «Восточный сборник» (1913–1914 г.г.)[290]

После 1917 г. часть «лазаревцев» оказалась в эмиграции: М.К. Акимович (Греция), Б.А. Блюм (Франция), А.Л. Воеводский (Марокко), А.Ф. Гарейзе (Персия, Бразилия), Г.Г. Гильдебранд (Персия), Н.М. Кирсанов (Персия), В.О. фон Клемм (Китай, Германия, похоронен в Берлине), А.И. Кояндер (Швейцария), П.И. Лойко (Франция), В.П. Никитин (Франция), А.А. Олесницкий (Югославия), М.М. Попов (Китай), В.Т. Рафальский (Чехословакия), И.П. Умов (Египет), А.А. Черкасов (Франция), К.Г. фон Шлиппе (Египет), М.С. Щекин (Япония).

Некоторые из тех, кто остался в России (или вернулся на родину из зарубежных представительств), были репрессированы. Так, П.П. Введенский продолжил службу в Бухаре при советской власти, в апреле 1938 г. был арестован и расстрелян в Москве. В.А. Евреинов состоял консулом и руководителем российской разведки в Персии, остался в СССР, но в 1927 г. был обвинен как английскйй шпион и расстрелян 10 июня. С.П. Олферьев вернулся в Россию в 1918 г., отошел от дипломатической службы и занимался литературной деятельностью, в 1928 г. был арестован и сослан в Архангельск, после пересмотра дела был реабилитирован и вернулся в Москву, а затем по совету академика И.А. Орбели переехал в Ленинград, где сначала работал в библиотеке Ленинградского государственного университета, а затем главным библиотекарем Публичной библиотеки, умер в блокаду от дистрофии в 1942 г. М.И. Самсонов с 1904 г. служил 15 лет за границей, 2 июня 1919 г. вместе с женой В.А. Самсоновой был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму, в том же году М.И. Самсонов был расстрелян, а В.А. Самсонова была освобождена весной 1920 г.

ГЛАВА 3

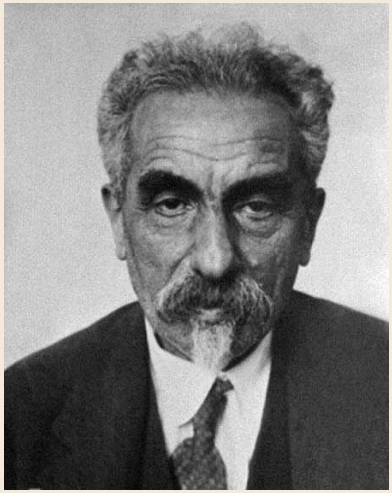
Московский институт востоковедения. 1921 – 1954 гг.



§ 1. От Лазаревского института к Московскому институту востоковедения: эпоха преобразований. 1917–1921 гг.

С первых дней своего существования советская власть испытывала крайнюю нужду в квалифицированных кадрах востоковедов. Большевики уделяли особое внимание национальной политике, главным принципом которой было признание права наций на самоопределение. Основы советской национальной политики изложены в опубликованной 2 (15) ноября 1917 г. Декларации прав народов России: *«Совет Народных Комиссаров решил положить в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России следующие начала: 1) Равенство и суверенность народов России. 2) Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. 3) Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений. 4) Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России»*[1]. Вновь созданный Наркомат по делам национальностей (Наркомнац) остро нуждался в востоковедах, специалистах по языкам и культуре народов Закавказья, Средней Азии, Сибири.

Кроме того, советское правительство сразу же объявило о намерении проводить особую внешнюю политику в отношении стран и народов Ближнего и Дальнего Востока. 20 ноября (3 декабря) 1917 г. оно обратилось с воззванием к трудящимся мусульманам России и Востока с изложением основ своей политики: *«Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов – Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов»*[2]. В обращении также говорилось о расторжении и ликвидации тайных договоров, заключенных Российской империей с другими империалистическими державами, в частности о разделе Османской империи и Персии[3]. В конце 1918 г. была создана организация Союз освобождения Востока, которая провела ряд собраний с участием А.В. Луначарского, М. Субхи, В.А. Гурко-Кряжина и др. В журна-



Николай Яковлевич Марр *(1865–1934)*

Агафангел Ефимович Крымский *(1871–1942)*

лах «Коммунистический Интернационал», «Вестник Народного комиссариата иностранных дел», «Жизнь национальностей» стали печататься статьи, в которых освещались последние политические события на Востоке[4].

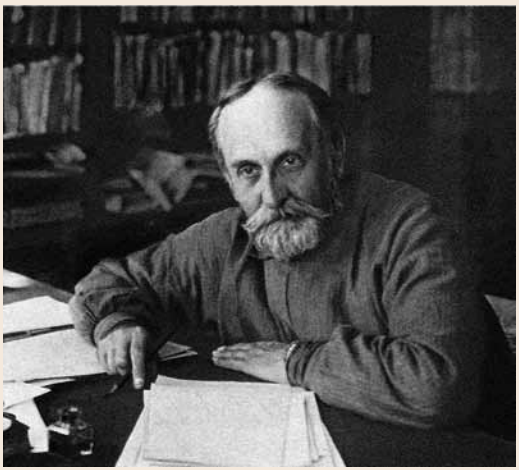
Большевикам нужны были не просто востоковеды, но лояльные советской власти. Профессор В.А. Гордлевский вспоминал: «Нужно прямо сказать, что часть интеллигенции пошла навстречу новой власти, часть ее саботировала, а часть выжидала»[5]. Среди активно поддержавших советскую власть востоковедов были академики Н.Я. Марр, С.Ф. Ольденбург, В.В. Бартольд, профессор И.А. Орбели, генерал А.Е. Снесарев и др. Группу профессоров Восточного факультета Петроградского университета, активно поддержавших советскую власть, возглавлял академик Н.Я. Марр. Из профессуры Лазаревского института советскую власть приняли А.Е. Крымский, М.О. Аттая, С.Г. Дзерунян и В.А. Гордлевский. Так, А.Е. Крымский возглавил делегацию от института, которая приветствовала Октябрьскую революцию 1917 г. Позднее он вспоминал: *«Когда в Москве произошла Октябрьская революция 1917 года, я был секретарем профессорского совета Лазаревского института. В то время ученые высшей школы Москвы, начиная с университета, постановили бойкотировать новую Советскую власть. Я, наоборот, искренне ее приветствовал и в первый же день, как только умолкли пушки, собрав заседание профессорского совета Института, склонил своих коллег послать как можно скорее депутацию к представителям Советской власти. Таким образом, из всех вузов Москвы Лазаревский институт был первым, который не замедлил заявить о своей верности советской революции»*[6]. В июле 1918 г. А.Е. Крымский был делегирован от специальных классов Лазаревского института восточных языков на съезд по реформе высшей школы. Профессор М.О. Аттая переводил на арабский язык документы советского правительства и отдельные коммунистические публикации.

В начале 1918 г. советской властью были предприняты шаги по поиску союзников в среде академической профессуры, в том числе среди московских и петроградских востоковедов. Первое же предложение советской власти о сотрудничестве встретило положитель-

Анатолий Васильевич Луначарский *(1875–1933)*

Василий Владимирович Бартольд *(1869–1930)*

ную реакцию Академии наук. В январе 1918 г. нарком просвещения А.В. Луначарский запросил Академию наук, *«какое участие она собирается принять в нашей культурно-просветительской работе и что может она дать в связи с мобилизацией науки для нужд государственного строительства, которую считает необходимой произвести новое правительство»*[7]. На собравшемся 24 января 1918 г. экстраординарном общем собрании Академии наук после сделанного непременным секретарем С.Ф. Ольденбургом сообщения о запросе наркома просвещения было принято следующее постановление: *«Академия полагает, что значительная часть задач ставится самой жизнью, и Академия всегда готова по требованию жизни и государства приняться за посильную научную и теоретическую разработку отдельных задач, выдвигаемых нуждами государственного строительства»*[8]. 9 апреля 1918 г. управляющий делами Совнаркома РСФСР Н.П. Горбунов от имени В.И. Ленина попросил Академию наук сообщить «об имеющихся предположениях экспедиций, предприятий и изданий»[9]. На следующий день состоялось заседание Отделения исторических наук и филологии, на котором с предложениями относительно улучшения работы в области гуманитарных наук выступили академики В.В. Радлов, Н.Я. Марр, В.В. Бартольд и др.[10] 18 февраля 1918 г. общее собрание Академии наук приняло постановление, в котором говорилось о готовности к сотрудничеству с советской властью[11].



Сергей Федорович Ольденбург *(1863–1934)*

Одновременно на повестку дня вышел вопрос о реорганизации образовательных и научных учреждений,

в которых ранее велось преподавание востоковедческих дисциплин. Уже 22 ноября 1917 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли декрет «Об учреждении Государственной комиссии по просвещению», которая была призвана разрабатывать решения в области народного образования, науки, культуры. Научный отдел комиссии стал первым советским правительственным учреждением по организации и руководству научной деятельностью. В июле 1918 г. прошел съезд по реформе высшей школы. Осенью 1918 г. функции Комиссии перешли к коллегии Наркомата просвещения (Наркомпроса). Функции контроля над решением вопросов, связанных с культурным строительством и народным образованием на национальных окраинах, взял на себя Наркомнац. Уже в декабре 1917 г. при нем были созданы национальные комиссариаты и национальные отделы, одной из задач которых являлось *«удовлетворение через органы Советской власти культурно-просветительских нужд масс населения данной национальности». Более того, Положением о Народном Комиссариате по делам национальностей предусматривалось, что Комиссариат «организует специальные ученые общества и учебные заведения для изучения жизни национальностей и подготовки кадров политических работников нерусской национальности»*[12]. Ключевым оставался вопрос: где, кому и как готовить новые кадры востоковедов?

Востоковедческие кадры были в основном сосредоточены в Петрограде (Петроградский университет), и Москве (Лазаревский институт восточных языков и Московский университет). Небольшое количество высококвалифицированных сотрудников работало в Азиатском музее Академии наук, а также в Учебном отделении Азиатского департамента МИД России. Исторически сложилось, что в Лазаревском институте востоковедение ограничивалось регионом Ближнего и Среднего Востока с приоритетом изучения живых восточных языков. В Петрограде при значительных успехах классической школы востоковедения изучение актуальных проблем современности было сосредоточено только в Учебном отделении Азиатского департамента. Между тем советской власти нужны были прежде всего специалисты по современным проблемам экономики, политики, культуры стран Востока. Поэтому не случайно первым среди учебных востоковедных заведений обратил на себя внимание именно Лазаревский институт восточных языков, как раз готовивший таких специалистов по странам современного Востока широкого профиля (дипломатов, чиновников, торговых агентов и т.д.).

Разработать проект преобразования специальных классов института в новый востоковедческий институт было поручено академику Н.Я. Марру, который привлек к этому делу В.В. Бартольда, С.Ф. Ольденбурга, Я.И. Смирнова, А.Э. Шмидта, И.А. Орбели. Комиссия рассмотрела несколько возможностей реформы: изменить статус самих классов или же превратить их в Восточный факультет Московского университета. Академик Н.Я. Марр подготовил два документа: «К вопросу о реорганизации Лазаревского института восточных языков» и «Записку о преобразовании Специальных классов Лазаревского института восточных языков в Этнологическо-историко-филологический факультет Лазаревского Переднеазиатского института». Академик выступал за сохранение института как отдельной научно-исследовательской единицы, поскольку считал, что «Лазаревский институт представляет сам по себе редкую ценность». Он считал необходимым вернуться к принципу осуществления начала подготовки востоковедов еще в стенах среднего учебного заведения. В проекте Н.Я. Марр писал: *«Тот обычный тип специального учебного заведения, средняя школа с надстройкой высшей, какое имеем в Лазаревском институте восточных языков с его гимназией, представляет собой нечто совершенно исключительное на всей территории Российского государства»*[13].

Академик предлагал сохранить старую систему Лазаревского института, при этом превратив специальные классы в факультет по изучению языков, литературы, истории и памятников искусства Передней Азии. Осознавая узость научно-исследовательской и преподавательской программы предлагаемого к созданию факультета, академик предлагал *«создать в Москве высшую школу теоретического востоковедения по Древнему Востоку учреждением на Историко-филологическом факультете университета кафедр ассирийского языка с семитической филологией, египтологии и индийской филологии»*[14].

Согласно разработанному уставу, создаваемый Этнологическо-историко-филологический факультет Лазаревского Переднеазиатского института должен был «обслуживать общие культурные востоковедные интересы России и армянского народа». Факультет разделялся на научно-теоретическое и научно-практическое отделения, перед которыми ставились следующие задачи: *«а) разработка востоковедения по письменным и неписьменным, живым и мертвым языкам, литературе, истории и памятникам искусства народов Передней Азии; в) сообщение учащимся систематического востоковедного образования по соответственным отраслям знания; с) ознакомление народных масс с достижениями науки по специальности Института»*[15].

Характерно, что Н.Я. Марр специально оговорил научно-практическое направление обучения в институте. Так, в одной из записок он писал: *«По практическо-научной части в высшей школе Лазаревского Института будут обучаться лица двух категорий – 1) студенты Института: те, кто стремится овладеть восточными языками и получить ориентальное образование в различных профессионально-практических целях, как то для преподавательской деятельности и для дипломатической службы или ведения общественных дел на Востоке, и 2) слушатели Института: студенты Университета и других высших школ, нуждающиеся (в практических целях) в усвоении отдельного предмета или группы предметов Этнологическо-историко-филологического факультета согласно потребностям их специальности»*[16].

В проекте много говорилось о сложной структуре научно-теоретического отделения и практически ничего – о научно-практическом отделении. Это объяснялось следующим образом: *«Разряды Отделения по практически-научным специальностям не могут иметь той сравнительной неподвижности или длительности состава, как по теоретически-научным специальностям. Жизнь с самодовлеющими источниками творчества, естественно, меняет свои требования, индивидуальные способности ищут независимо от существующих норм новых путей для достижения материального успеха в жизни, и соответственно разнообразны могут быть потребности в знании восточных языков и восточной жизни»*[17]. Другими словами, академик Н.Я. Марр как «классический» ученый-востоковед не слишком хорошо представлял, какие знания требуются для востоковеда-практика, призванного работать в государственных учреждениях.

Из «Записки о преобразовании Специальных классов Лазаревского Института Восточных Языков в Этнологическо-Историко-филологический факультет Лазаревского Переднеазиатского Института» академика Н.Я. Марра. 1918 г.

«Преподавание Теоретическо-научного Отделения в первое время будет протекать в русле четырех разрядов: I) словесного, II) археологии, этнографии и истории искусств, III) языковедения и этнологии и IV) исторического, со специализацией по каждому разряду или в сторону словесных памятников, или в сторону вещественной культуры и монументальных памятников

и соответственных учений об идеях и художественных формах, и с возможной специализацией в каждом из разрядов по исторической (сословно-религиозной) или этнической (народной) культуре:

Разряд словесный:

а) литература и история литературы,

б) народная словесность и сравнительное изучение народных литератур.

Разряд археологии, этнографии и истории искусств:

а) археология и искусство Древнего Востока и средневекового Востока (христианского и мусульманского),

б) этнография.

Разряд языковедения и этнологии:

а) языковедение – 1) история языка (фонетика, морфология и семасиология), 2) сравнительная грамматика,

б) этнология – 1) происхождение племенных типов и языков (диалектология: эволюция, дифференциация), 2) народные верования, культы и эпос.

Разряд исторический:

а) история – 1) государственных объединений и народов, 2) религий и религиозных институтов,

б) общественный строй и история права.

Не знание языка и не материалы сами по себе будут определять уклон специальности, а состав теоретических дисциплин, определяемый задачею разряда или его отдела»[18].

Наиболее оторванной от реальности частью проекта академика Н.Я. Марра стало его требование к количеству преподавательского состава института. В записке по этому поводу он писал: *«На Этнологическо-историкофилологическом факультете Лазаревского Института в дополнение к семи существующим кафедрам желательно учреждение новых пяти, обслуживаемых потребным для каждой из следующих двенадцати кафедр числом преподавателей – 14 профессоров, 12 доцентов и 5 ассистентов…»*[19]. Сознавая ограниченность кадровых ресурсов для таких широких планов, Н.Я. Марр предлагал «использовать ученые силы факультета Восточных языков» Петроградского университета, для чего необходимо было *«обеспечить им возможности регулярных приездов еженедельно, или в две недели раз, из Петрограда в Москву для чтения лекций и ведения практических занятий»*[20].

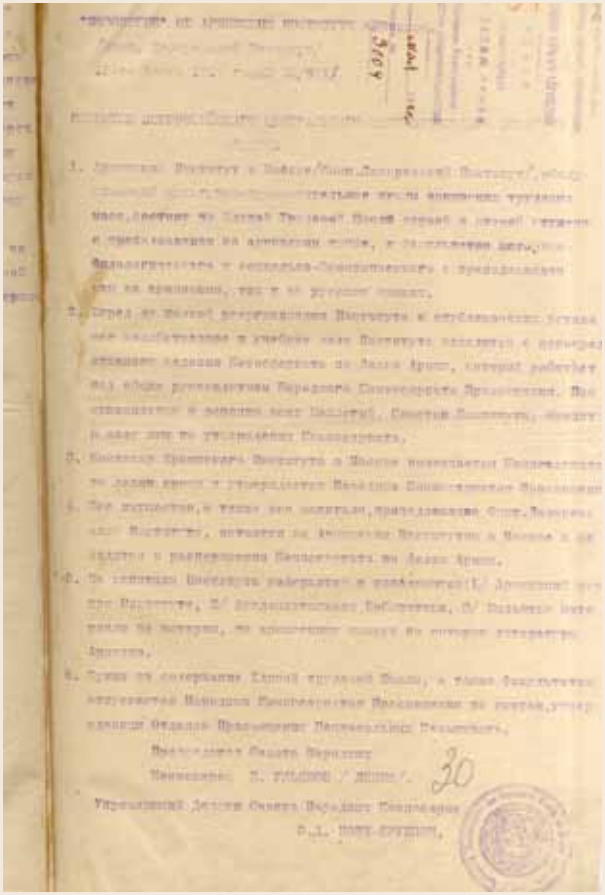
Несмотря на явное неудобство, большая часть петроградских востоковедов все же согласилась работать в Лазаревском Переднеазиатском институте. Так, в 1918/19 учебном году изъявили согласие читать курсы лекций В.А. Гордлевский, Н.Я. Марр, Л.З. Мсерианц, И.А. Орбели, А.Н. Самойлович, А.Э. Шмидт, А.А. Фрейман и другие востоковеды. На опубликованных в 1918 г. афишах объявлялось: *«В текущем учебном году на факультете состоится ряд эпизодических курсов, посвященных архаической, христианской и мусульманской культурам в Передней Азии. Лекторами приглашены: акад. В.В. Бартольд. Эпоха халифов Омейядов по новейшим исследованиям… Проф. Н.П. Сычев. Задачи изучения армяно-грузинского искусства… Проф. А.А. Васильев. Роль Малой Азии в истории Византии… Акад. С.Ф. Ольденбург. Изучение Ирана в России…»*[21].

Учебная программа нового института выглядела внушительно, но, по сути, являлась программой «классического востоковедения» с глубоким изучением археологии, этнологии, литературы, искусства, а также преподаванием мертвых языков и т.д. В программе явно делался упор на изучение эпох древности и Средневековья. Кроме того, как и раньше, она касалась только региона Ближнего и Среднего Востока. В 1925 г. востоковед М.П. Павлович писал о проекте академика Н.Я. Марра: *«…государственная жизнь ставила иные требования: нужны были практические работники, знающие не только Переднюю Азию, но и весь Восток и его языки»*[22]. С точки зрения Наркомнаца программа Лазаревского Переднеазиатского института не совсем отвечала насущным требованиям политики Советского государства.

***

В конце 1918 – начале 1919 г. процесс преобразования Лазаревского института пошел несколько по другому пути. Вместо преобразования института в востоковедческое учебное заведение с широким региональным охватом решено было придать ему более узкий профиль. Еще с июня 1918 г. комиссаром Лазаревского Переднеазиатского института был назначен П.Н. Макинцян – революционер-большевик, заведовавший отделом национальных меньшинств Наркомпроса. В прошлом П.Н. Макинцян закончил гимназические классы Лазаревского института. В Наркомнаце учитывали тесную связь Лазаревского института с историей армянской культуры и образования в России, поэтому контроль и опеку над институтом в наркомате взял на себя как раз отдел по делам армян. Не случайно в проекте преобразования института Н.Я. Марра особое место отводилось сохранению в учебной программе учебного заведения преподавания армянского языка, культуры и истории: *«...Лазаревский Институт уделяет равномерное научно-учебное внимание памятникам и материалам исторической и этнологической культур на протяжении исторической жизни армянского народа на всем пространстве его расселения в пределах коренной Армении, и вне ее, всегда в связи с изучением разнородной культурной среды, в которой жила и развивалась армянская народность...»*[23].

4 марта 1919 г. декретом СНК РСФСР, подписанным В.И. Лениным, Лазаревский Переднеазиатский институт был преобразован в Армянский институт. Это объяснялось целями национальной политики советского правительства. Мотивация создания Армянского института хорошо видна из отношения от 26 мая 1920 г. исполняющего обязанности комиссара Армянского института к заместителю комиссара по делам армян в Наркомнаце: *«...сообщаю, что по политическим мотивам Институт во избежание могущих возникнуть*



Положение об Армянском институте в Москве. 4 марта 1919 г.
ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. д. 50. Л. 2

недоразумений назван Армянским. Сделано это очевидно с той целью, дабы народные массы знали, что Рабоче-Крестьянское Правительство проводит решительно и последовательно защиту культурных нужд малых народностей»[24]. В другом документе, письме заместителя комиссара по делам армян в Наркомнац от 20 мая 1920 г., отмечалось: *«История бывшего Лазаревского института, роль этого института в истории армянской общественной мысли, специфическое значение этого института для детей, направ-*

ляющихся в течение долгих десятилетий из отдаленных уголков народной Армении в Москву, таковы, что и теперь в глазах широчайших масс армянского народа Институт этот является как бы народным достоянием… Этим и объясняется то ликование, которое вызвала политика Совнаркома по отношению к Институту. Решительность декрета зажала рты всем националистам. Народные массы увидели и убедились на деле, что рабоче-крестьянское правительство идет новым путем и стоит на страже интересов всех слабых»[25].

«ПОЛОЖЕНИЕ» ОБ АРМЯНСКОМ ИНСТИТУТЕ в Москве/бывш. Лазаревский Институт/18-го Марта 1919 года 55/607/

« 1. Армянский институт в Москве (быв. Лазаревский институт), обслуживающий культурно-просветительные нужды армянских трудовых масс, состоит из Единой Трудовой школы первой и второй ступени с преподаванием на армянском языке и факультетов историко-филологического и социально-экономического с преподаванием, как на армянском, так и на русском языках.

2. Впредь до полной реорганизации института и опубликования Устава все хозяйственное и учебное дело института находится в непосредственном ведении Комиссариата по Делам Армян, который работает под общим руководством Народного Комиссариата Просвещения. Постановления и решения всех Коллегий Советов Института входят в силу лишь по утверждению Комиссариата.

3. Комиссар Армянского Института в Москве назначается Комиссариатом по делам армян и утверждается Народным Комиссариатом просвещения.

4. Все имущество, а также все капиталы, принадлежащие бывш. Лазаревскому Институту, остаются за Армянским Институтом в Москве и находятся в распоряжении Комиссариата по Делам Армян.

5. На капиталы Института содержатся и пополняются: I/ Армянский музей при Институте, 2/ Фундаментальная Библиотека, 3/ Издаются материалы по истории, по армянскому языку по истории литературы Армении.

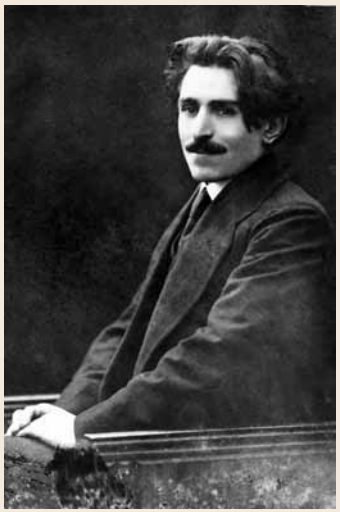
6. Суммы на содержание Единой трудовой Школы, а также Факультетов отпускаются Народным Комиссариатом Просвещения по сметам, утвержденным Отделом Просвещения Национальных Меньшинств.

Председатель Совета Народных Комиссаров В. УЛЬЯНОВ /ЛЕНИН/.

Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров В.Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ»[26].

Решением Комиссариата по делам армян Наркомнаца был организован совет Армянского института, куда вошли: В. Терян (В.С. Тер-Григорян), И.А. Орбели, П.Н. Макинцян, Н.Я. Марр и др. Комиссаром Армянского института был назначен поэт и революционер В. Терян.

Однако организовать учебный процесс в институте в условиях Гражданской войны 1917–1922 гг. и полной



Ваан Терян *(1885–1920)*

разрухи было крайне сложно. Основные усилия были направлены на поддержание деятельности армянской трудовой школы первой ступени. В стенах бывшего Лазаревского института расположились армянский беженский отдел, армянский комиссариат, а также детский сад на 30–40 детей. Что касается Армянского института, то он функционировал эпизодически ввиду частого отсутствия слушателей.

В докладной записке, направленной в сентябре 1920 г. в Наркомнац, говорилось: *«В настоящее время Армянский Институт не функционирует, нет слушателей. Зимою число слушателей колебалось от 5-ти до 12-ти человек. На некоторых лекциях число слушателей опускалось даже до одного. Максимальное число в благоприятные периоды доходило до 4–50-ти человек»*[27]. *Преподавательский состав института был малочисленным. В той же записке говорилось: «Армянский или Лазаревский институт: Декан Нерсесов по образованию юрист. Проф. Гордлевский – турецкий язык. Цируньян (С.Г. Дзерунян. – М.В.) – турецкий язык. Месерьян (Месерьянц. – М.В.) – сравнительное языковедение. Приезжают из Петрограда – Марр – Армянский и грузинский. Фрейман – Персидский язык, теория. Шмидт – Арабский, Котов – Калмытский, Оладьин…»*[28].

Семен Маркович Диманштейн *(1886–1938)*

***

Создание Армянского института не решило главного вопроса – организации центрального института востоковедения, способного осуществлять подготовку востоковедов по самому широкому профилю. Поэтому с начала 1920 г. в Наркомнаце активно обсуждалась идея создания такого института. В июне 1920 г. в Петрограде член коллегии Наркомнаца С.М. Диманштейн провел совещание с участием академиков С.Ф. Ольденбурга, Н.Я. Марра и В.В. Бартольда «по вопросу об Институте востоковедения». На совещании была намечена будущая структура института, которая должна была включить следующие отделы: арабский, афганский, турецкий, индийский, тибетский, китайский, японский, монгольский, армянский, грузинский, азербайджанский. Разработку программ для института было решено поручить С.Ф. Ольденбургу, Н.Я. Марру, В.В. Бартольду[29].

Из очерка профессора В.А. Гордлевского «Московское востоковедение после Октября (К тридцатилетию Октябрьской революции)»

«Накануне Великой Октябрьской социалистической революции московское востоковедение переживало болезненный кризис.

Рассадник московского востоковедения Лазаревский институт восточных языков из года в год чах. Осенью 1911 г. покинул Москву, избранный академиком, директор института Вс.Ф. Миллер, который пытался придать Лазаревскому институту облик научного учреждения. 1912 г. выкосил кавказоведение: сперва умер арменист проф. Г.А. Халатьянц, исследователь Моисея Хоренского, а вскоре сражен был туберкулезом грузиновед доцент А.С. Хаханов, горячо откликавшийся и на общественную жизнь

Грузии, и на общие литературоведческие темы, для которых он находил параллели в старой грузинской литературе. В 1915 г. умер гениальный филолог акад. Ф.Е. Корш. После Февральской революции руководил «“тремя языками мусульманскими”» (арабским, персидским, турецким) один проф. А.Е. Крымский, действительный член Украинской Академии…

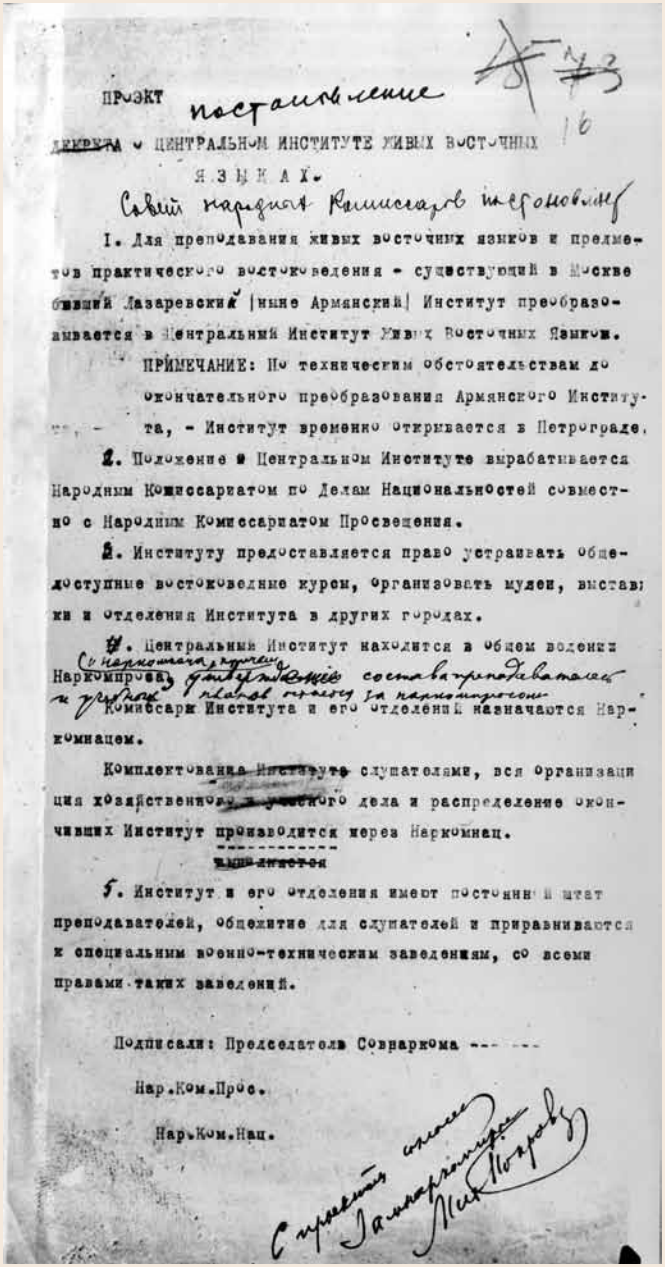
Проектируя в 1918 г. этнологическо-историко-филологический факультет Лазаревского Переднеазиатского института, Н. Я. Марр хотел подпереть ветхое здание, он цеплялся еще за мертвеца, подбирая обломки Лазаревского института. Однако наезды профессоров факультета восточных языков Петроградского университета на время вносили оживление. Уезжали гости, и снова надвигалась провинциальная тишина.

Но вот пора шатаний кончилась: ясно осознана была мысль о необходимости изучения живого, современного Востока, советского и зарубежного. В 1920 г. одновременно создан был Центральный институт живых восточных языков, который должен был готовить кадры для заграничной работы, и Краткосрочные курсы для подготовки практических, национальных работников на местах. Оба учебных заведения испытали сразу воздействие новых социальных сил, пришедших на смену старому порядку; их роднила между собой новая методология, марксистско-ленинская методология. Часто совпадали и проблемы, объединявшие в Институте и на Курсах изучение восточных народов, разделенных только государственными границами, которые разрывали живые их части; сближала также действовавшая в Москве и до революции практическая установка.

Таким образом, для внутреннего и зарубежного востоковедения продиктована была единая цель, через «единый, марксистский метод, внедряющий идею неразрывной связи между теорией и практикой...»[30].

31 августа 1920 г. СНК РСФСР принял постановление: *«Поручить Комиссии из председателей Наркомнаца, Наркомпроса и Наркоминдела в недельный срок представить в СНК-ом переработанный проект декрета о Центральном институте живых восточных языков… Созыв Комиссии и доклад поручить т. Каменскому».* Во время обсуждений проекта института петроградские востоковеды предлагали открыть институт в Петрограде, «поскольку они, связанные научной работой, не хотят переезжать в Москву». Однако в Наркомнаце сложилось твердое мнение, что открывать институт надо именно в Москве. На уже упоминавшейся сентябрьской 1920 г. докладной записке о состоянии Армянского института интересную резолюцию наложил член коллегии Наркомнаца М.Х. Султан-Галиев: *«Находящиеся в Москве востоковеды по преимуществу практики, тогда как в Петрограде почти исключительно теоретики. Это положение весьма красноречиво говорит о том, что Институт Живого, практического востоковедения скорее можно организовать в Москве, чем в Петрограде»*[32].

Идею открытия вуза в Москве поддержал В.И. Ленин: *«Когда тов. Диманштейн, проводивший в Петрограде… совещания, передал т. Ленину, что научные работники настаивают на открытии института в Петрограде, постольку они, связанные с научной работой, не хотят переезжать в Москву, т. Ленин еще раз категорически подтвердил, что новый востоковедный Вуз должен быть в Москве, если хотят, чтобы этот Вуз был практическим, отвечающим всем задачам и требованиям нашей политики на Востоке»*[33]. В пользу открытия института в Москве также выступил Президиум Центрального бюро Комнарвостока (Коммунистических организаций народов Востока) при ЦК РКП(б), принявший 25 августа 1920 г. решение о Центральном восточном институте, в котором говорилось: «*…требовать от Наркомнаца организации Института в Москве, расформировав бывш. Лазаревский институт, и влить в него Восточный факультет Петроградского университета»*[34].



ПРОЕКТ постановление

ДЕКРЕТА о ЦЕНТРАЛЬНОМ ИНСТИТУТЕ ЖИВЫХ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКАХ.

Совет народных Комиссаров постановил:

I. Для преподавания живых восточных языков и предметов практического востоковедения - существующий в Москве бывший Лазаревский (ныне Армянский) Институт преобразовывается в Центральный Институт Живых Восточных Языков.

ПРИМЕЧАНИЕ: По техническим обстоятельствам до окончательного преобразования Армянского Института, - Институт временно открывается в Петрограде.

2. Положение о Центральном Институте вырабатывается Народным Комиссариатом по Делам Национальностей совместно с Народным Комиссариатом Просвещения.

3. Институту предоставляется право устраивать общедоступные востоковедные курсы, организовать музеи, выставки и отделения Института в других городах.

4. Центральный Институт находится в общем ведении Наркомпроса, Наркомнаца и Наркоминдела, причем утверждение состава преподавателей и учебных планов остается за Наркомпросом. Комиссары Института и его отделений назначаются Наркомнацем.

Комплектование Института слушателями, вся организация хозяйственного и учебного дела и распределение окончивших Институт производится через Наркомнац.

5. Институт и его отделения имеют постоянный штат преподавателей, общежитие для слушателей и приравниваются к специальным военно-техническим заведениям, со всеми правами таких заведений.

Подписали: Председатель Совнаркома --- ---

Нар.Ком.Прос.

Нар.Ком.Нац.

Проект постановления СНК РСФСР о Центральном Институте живых восточных языков.
ГАРФ Ф. Р.-1318. Оп. 1. Д. 50. Л. 16

Постановление Совета народных комиссаров РСФСР «О Центральном институте живых восточных языков» от 7 сентября 1920 г.

«Совет Народных Комиссаров постановил:

1. Для преподавания живых восточных предметов практического востоковедения существующий в Москве бывший Лазаревский (ныне Армянский) институт преобразовывается в Центральный институт живых восточных языков.

Примечание. По техническим обстоятельствам до окончательного преобразования Армянского института Институт временно открывается в Петрограде[35].

2. Выработка положения о Центральном институте поручается Наркомнацу совместно с Наркомпросом и Наркоминделом.

3. Институту предоставляется право устраивать общедоступные востоковедные курсы, организовывать музеи, выставки и отделения Института в других городах.

4. Центральный институт находится в общем ведении Наркомпроса, Наркомнаца и Наркоминдела, причем утверждение состава преподавателей и учебных планов остается за Наркомпросом. Комиссары Института и его отделений назначаются Наркомнацем.

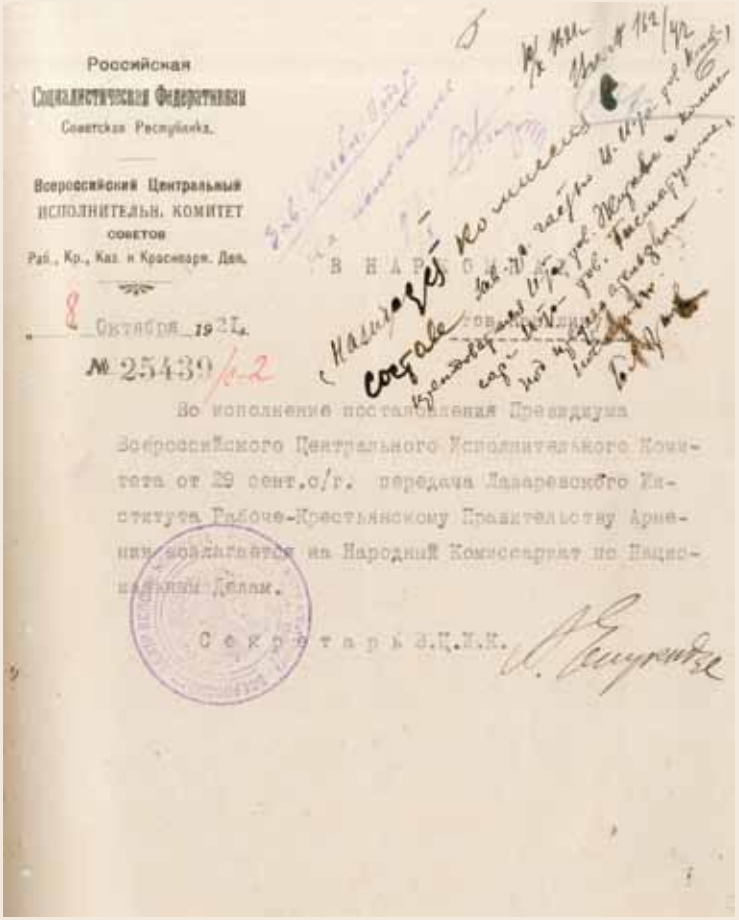
Комплектование Института слушателями, вся организация хозяйственного и учебного дела производится Наркомнацем. Распределение окончивших институт производится через Наркомнац и Наркоминдел.

5. Институт и его отделения имеют постоянный штат преподавателей, общежитие для слушателей и приравниваются к специальным военно-техническим учебным заведениям со всеми правами и выдачами довольствия для преподавателей и учащихся, присвоенными таким заведениям.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)
Управл. Делами Совета Нар. Комиссаров
В.Д. Бонч-Бруевич
Секретарь Совета Народных Комиссаров
Л. Фотиева
г. Москва, Кремль, 7/IX – 20 года[36]

В итоге постановлением СНК РСФСР от 7 сентября 1920 г. Центральный институт живых языков (ЦИЖВЯ) был организован в Москве. Что касается Армянского института, то он продолжал функционировать параллельно ЦИЖВЯ и был закрыт только после советизации Армении в конце 1920 г., когда в республике стали создаваться свои высшие учебные заведения. До преобразования Армянского института было решено, что ЦИЖВЯ некоторое время будет находиться в Петрограде.

В постановлении о создании ЦИЖВЯ говорилось также о праве института *«устраивать… отделения института в других городах»*. На основе этого пункта через некоторое время было решено создать на базе востоковедческих учебных и научных учреждений Петрограда Петроградский институт живых восточных языков. Таким образом завершился спор о том, где следовало бы создать учебное заведение – в Москве или Петрограде. При этом центральным считался именно московский институт.



Российская
Социалистическая Федеративная
Советская Республика.

Всероссийский Центральный
ИСПОЛНИТЕЛЬН. КОМИТЕТ
советов
Раб., Кр., Каз. и Красноарм. Деп.

8 Октября 1921 г.
№ 25439/к-2

Во исполнение постановления Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 29 сент.о/г. передача Лазаревского Института Рабоче-Крестьянскому Правительству Армении возлагается на Народный Комиссариат по Национальным Делам.

Секретарь В.Ц.И.К.

Решение ВЦИК о передаче здания Лазаревского института Рабоче-Крестьянскому Правительству Армении от 8 октября 1921 г.
ГАРФ Ф. Р.-1318. Оп. 1. Д. 504. Л. 6

24 октября 1920 г. было утверждено «Положение о Центральном институте живых восточных языков», в котором о целях института говорилось следующее: *«1. Центральный институт живых языков утверждается для преподавания живых восточных языков и предметов востоковедения. 2. Цель института – дать возможность лицам, готовящимся к практической деятельности на Востоке или в связи с Востоком в любой области (экономической, административно-политической... дипломатической, переводческой и др.), приобрести необходимые для них востоковедные знания и пройти систематическую школу практического востоковедения, а также подготавливать преподавателей и квалифицированных инструкторов для практических курсов востоковедения»*[37].

Систему комплектования института слушателями, всю административно-хозяйственную часть и учебный процесс контролировал Наркомнац. Он же по соглашению с Наркоматом иностранных дел (Наркоминделом) должен был руководить распределением выпускников по советским учреждениям. В институт могли допускаться к слушанию отдельных курсов с разрешения институтского совета «посторонние лица, желающие приобретать практические сведения о Востоке»[38]. Согласно «Положению…», управление учебным процессом возлагалось на педагогический совет, в состав которого входили все преподаватели, а также двое представителей от «курсантов». В свою очередь совет избирал на шесть месяцев педагогический комитет из семи человек во главе с директором. В составе педагогического комитета обязательно входил комиссар института[39].

26 ноября 1920 г. на первом заседании педагогического совета ЦИЖВЯ его директором был избран Михаил Осипович Аттая[40].Его ученик – Евгений Александрович Беляев в 1924 г. вспоминал: *«В годы революции престарелый Михаил Осипович со свойственной ему энергией продолжает работу в реорганизованном*

Мирсаид Султан Галиев *(1892–1940)*

Институте востоковедения, являясь его первым директором»[41]. Одновременно он преподавал на Восточном отделении академии Рабоче-крестьянской Красной армии, а также работал в бюро коммунистических организаций народов Востока, переводя политическую литературу на арабский язык. На должность директора института М.О. Аттая был выбран на полгода, а после истечения срока своих полномочий в мае 1921 г. попросил освободить его от обязанностей директора по состоянию здоровья[42]. Было символично, что первым директором ЦИЖВЯ, в дальнейшем преобразованного в Московский институт востоковедения, стал один из ведущих профессоров бывшего Лазаревского института восточных языков.

В январе 1921 г. занятия в ЦИЖВЯ начались. В «Отчете Народного Комиссариата по делам национальностей за 1921 г.» говорилось: *«Центральный институт живых восточных языков на основании постановления Совнаркома… был преобразован из бывшего Лазаревского института восточных языков и после подготовительной работы фактически приступил к занятиям в январе 1921 года»*[43]. Число слушателей составило около 200 человек.

После отставки в мае 1921 г. М.О. Аттая на должность директора ЦИЖВЯ был избран известный военный теоретик, а также востоковед-индолог Андрей Евгеньевич Снесарев, который, несмотря на значительные материальные трудности, сумел быстро наладить работу института. В своих воспоминаниях академик А.А. Губер писал: *«Высокий, импозантный, всегда подтянутый, в далеко не новой, но как-то особенно ладно сидевшей на нем военной форме, он спокойно налаживал работу нового института в бурной суете, столь отличной от привычной ему военной дисциплины и обстановки Восточного отделения Академии генерального штаба, которое он возглавлял… Андрей Евгеньевич недолго совмещал пост ректора Института живых восточных языков со своими многочисленными организационными и научными обязанностями военного. Но как профессор он продолжал работу с нами, студентами среднеазиатского факультета, с вниманием и исключительной точностью»*[44].

Можно утверждать, что именно А.Е. Снесарев задал вектор развития ЦИЖВЯ (а позднее Московского института востоковедения) как вуза, готовящего востоковедов-практиков для работы в различных советских учреждениях. В набросках к статье «Кадры востоковедов» А.Е. Снесарев писал: *«Каждый советский работник на Востоке должен быть четко подготовлен в знании восточного языка… Языковой подготовки, конечно, одной недостаточно, и она не может служить самоцелью, и в этом именно было, да, пожалуй, и сейчас еще наблюдается увлечение… Знание языка без знания основных сведений по социологии и экономике страны сразу же поставит советского работника в невыгодное положение, особенно в тех странах, где не изжит еще старый быт, а такие страны в подавляющем большинстве. Это лишит его возможности подойти вплотную к народу, который окажется отделенным от него непроходимой стеной, и может лишить его возможности учесть в порядке работы ряд фактов, имеющих большое значение для хода самой работы… Таким образом, подготовка востоковеда мыслима и реальна только при условии тесной связи с работой на известной ступени подготовки в тех органах и учреждениях, где они будут работать, и к*

Андрей Евгеньевич Снесарев *(1865–1937)*

Александр Андреевич Губер *(1902–1971)*

этому следует добавить практику в стране, куда они будут направлены…Наконец, и самое главное, должны быть подготовлены марксисты-востоковеды, что предполагает полный отказ от прежних условий подготовки. Не надо забывать, что советские работники на Востоке находятся в исключительных условиях и советские востоковеды должны выгодно отличаться своей подготовкой, как общей, так и специальной, и только тогда будет использовано полностью положение, которое предоставляется совполитике на Востоке»[45].

Согласно этому видению процесса подготовки востоковедов в институте стали выстраивать учебный план, в основе которого лежал курсовой принцип. Длительность курса определялась в два года учебы в институте и один год командировки «на Восток в пределах РСФСР или вне их». Согласно положению об институте, каждый слушатель мог избрать один основной восточный язык и соответствующую страну. В «Положении…» о преподававшихся в институте предметах говорилось: *«Институт имеет постоянный штат преподавателей и лекторов-туземцев для чтения лекций по живым восточным языкам: японскому, корейскому, китайскому, тибетскому, индостанскому, монгольскому, османскому, турецким наречиям, афганскому, персидскому, курдскому, арабскому, грузинскому, армянскому и другим, равно предметов востоковедения и социально-экономической дисциплины»*[46].

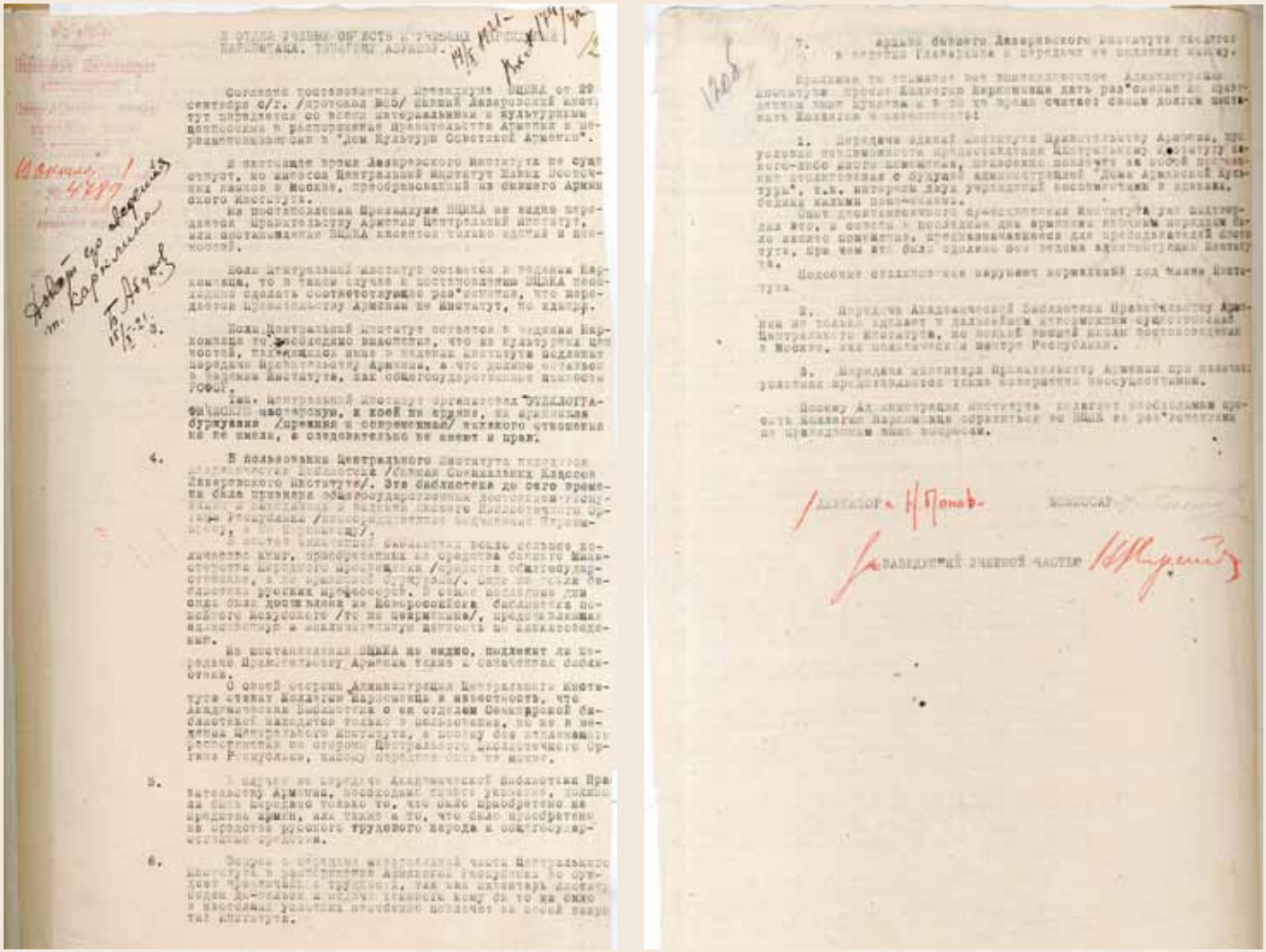
Предметы группировались по разрядам, образованным по языковому принципу. План каждого разряда предусматривал изучение слушателем восточного языка, западного языка, предметов востоковедения, общеобразовательных предметов (этнография, введение в языкознание, логика) и политико-экономических дисциплин. В институте вводилось изучение языков Дальнего Востока и Индии[47]. Особенность программы

Харлампий Карлович Баранов *(1892–1980)*

института заключалась в том, что приоритетным объектом исследовательской и преподавательской деятельности становились вопросы новой и новейшей истории, а также современные социально-экономические проблемы стран Востока. Расширялся географический диапазон изучаемых стран и языков путем включения в исследовательское поле института народов и стран Дальнего Востока и Индии[47].

Среди преподавателей были такие видные востоковеды, как арабисты М.О. Аттая и Х.К. Баранов, иранист М.А. Гаффаров, тюркологи В.А. Гордлевский и С.Г. Дзерунян, арменисты И.К. Кусикян, С.Н. Тер-Саргсянц. Ряд лекционных курсов вели петроградские востоковеды.

Одной из ключевых проблем для руководства, преподавателей и слушателей института стало отсутствие учебных пособий по многим новым дисциплинам: хрестоматий, словарей, грамматик, сборников по истории и экономике стран Востока. Поэтому усилия преподавателей были направлены на решение этой проблемы. Так, в 1921 г. профессор А.Е. Снесарев опубликовал



Докладная записка директора Центрального Института живых восточных языков в Наркомнац о передаче библиотеки Лазаревского института. 10 октября 1921 г. ***ГАРФ Ф. Р.-1318. Оп. 1. Д. 504. Л. 12***

книгу «Афганистан – первое учебное пособие для изучающих эту страну».

Сложным вопросом стала и проблема обеспеченности института помещениями, так как 29 сентября 1921 г. Президиум ВЦИК постановил переименовать здание бывшего Лазаревского института в Дом культуры Советской Армении и передать его «со всеми материальными и культурными ценностями в распоряжение Рабоче-Крестьянского правительства Армении»[48]. Наркомнац, которому было поручено осуществить передачу здания, предложил руководству института *«…войти немедленно в соглашение с Полномочным Представи-*

телем Армении по вопросу о предоставлении в пользование Центральному Институту живых восточных языков части здания бывш. Лазаревского Института и необходимых материальных и культурных ценностей / библиотеку, физический кабинет и пр./ ...в виду особой важности библиотеки быв. Лазаревского Института для нормального функционирования Центрального Института живых восточных языков, войти с Полномочным Представителем Армении в особое соглашение о порядке пользования библиотекой»[49]. Вопросы о пользовании институтом частью здания, а также о судьбе знаменитой библиотеки Лазаревского института вызвали определенные конфликты и трения, улаженные только в 1924 г., после того как ЦИЖВЯ, к тому времени уже преобразованный в Московский институт востоковедения, получил новое здание.

Из воспоминаний академика А.А. Губера

«Осенью 1920 г. я поступил в бывший Лазаревский институт восточных языков. В короткий период своего послереволюционного существования он назывался Передне-Азиатским институтом. В те времена для поступления в вуз требовалось лишь желание и возраст не менее 16 лет. И все же число студентов вряд ли превышало десяток. Практически на регулярные занятия нас ходило вначале не более трех-четырех человек. Рядом с очаровательным шестнадцатилетним мальчиком Володей Аракиным, совмещавшим обучение в институте с завершением средней школы, занимался более "старый" Василий Архипов, которому, наверное, было уже в то время лет 27. Он был довольно известным в Москве легкоатлетом и кроме востоковедения увлекался русским фарфором. Он был настоящим знатоком, безошибочно определявшим марки изделий.

Мы энергично принялись за изучение прежде всего арабской азбуки. Обучались мы сразу арабскому, персидскому и турецкому языкам. Большинство старых преподавателей бывшего Лазаревского института отсутствовали. Только Владимир Александрович Гордлевский жил в Москве и мог вести с нами регулярные занятия. Для преподавания персидского языка раз в неделю дня на два приезжали из Ленинграда иранист А.А. Фрейман и арабист В.Р. Розен. Мы довольно скоро, хотя и ошибаясь, научились читать литографированный турецкий текст под неизменные замечания Владимира Александровича – "не слышу", повторявшиеся до тех пор, пока наконец слово не произносилось правильно. Сперва мы наивно думали, что Гордлевский глуховат, и на его "не слышу" все громче и громче выкрикивали неправильно прочитанные слова. Понадобилось некоторое время, пока мы поняли скрытый смысл его "не слышу"»[50].

§ 2. МИВ – центр московского востоковедения. 1921 – 1954 гг.

С образованием Центрального института живых восточных языков поиски оптимальной для советской власти модели востоковедческого вуза не прекратились. 26 мая 1921 г. вышло «Положение о Народном Комиссариате по делам национальностей», в десятом параграфе которого говорилось: *«Отдел учебных заведений и учебных обществ имеет своей задачей централизацию дела изучения Востока, приближение востоковедения к практическим задачам жизни соответствующих народов, подготовку кадров политических работников для восточных республик и областей… Отдел ведает Обществом востоковедения, Коммунистическим университетом трудящихся Востока, Центральным институтом живых восточных языков…»*[51]. Перед востоковедческими учебными заведениями первоочередной вновь ставилась задача подготовки специалистов-практиков. Был поставлен вопрос о создании такого учеб-

ного заведения, где наряду с «живыми восточными языками» на первом месте в учебном процессе стояли бы страноведческие дисциплины. В этой ситуации только что созданный Центральный институт живых восточных языков оказался вновь затронут преобразованиями. Отдел учебных заведений и научных обществ Наркомнаца подготовил проект нового положения об институте, который был вынесен на рассмотрение ВЦИК. В результате «основные принципы, связанные с реорганизацией ЦИЖВЯ в Институт востоковедения» были утверждены, а Наркомнацу было поручено «выработать положение». 27 октября 1921 г. Президиум ВЦИК принял постановление *«о слиянии всех московских востоковедных учебных заведений в одно высшее учебное заведение»* – Московский институт востоковедения (МИВ), который должен был готовить *«работников по всем отраслям работы на Востоке и в связи с Востоком»*[53].

Из воспоминаний академика А.А. Губера

«Вскоре в Москве по ленинскому декрету вместо Передне-Азиатского института был создан новый Институт живых восточных языков. У его колыбели стоял М.П. Павлович, старый большевик, проведший долгие годы в эмиграции в Париже и стремившийся создать советский вариант École des langues orientales vivantes для изучения современных языков и проблем Ближнего и Дальнего Востока.

Уже в самом названии института содержался отказ от традиционно классического востоковедения. Интересы института были обращены к самым актуальным проблемам пробуждающегося Востока. Студентов в этот институт принимали лишь по путевкам партийных и советских организаций, но "стариков" зачислили автоматически, на основе заявления.

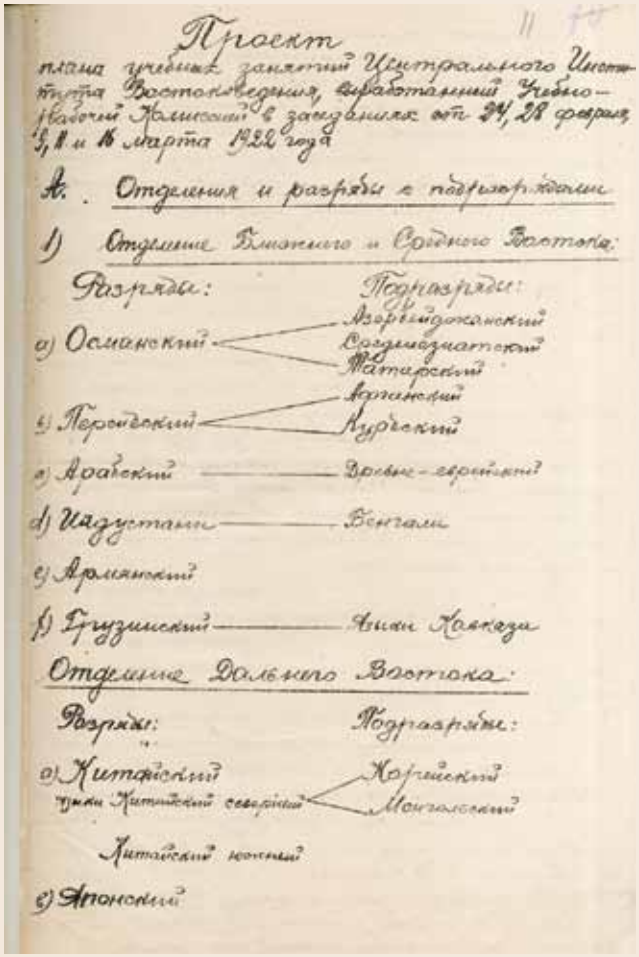
Я поспешил в Армянский переулок. Прекрасный особняк по-прежнему стоял некрашеным, сохраняя внутри все следы пребывания в нем "дикой дивизии", в казарму которой он был превращен при Временном правительстве. Но вместо холодного безмолвия, которое, конечно, не могли нарушить полдюжины студентов Передне-Азиатского института, меня встретила оживленная суета десятков молодых парней и девушек, оформлявшихся и уже зачисленных, выбиравших, в какую страноведческую группу определиться. Администрация, представленная в Передне-Азиатском институте лишь его директором профессором А.А. Нерсесовым и делопроизводителем лазаревских времен Синицыным, выросла в мощный ректорат и многочисленные канцелярии…

Условия занятий в институте в начале 20-х годов еще оставались нелегкими. В плохо освещенных, не отремонтированных и нетопленых классах было холодно. Вперемежку с записыванием лекций приходилось отогревать дыханием озябшие пальцы. Мы старались не снимать верхнего платья, правда, не очень-то предохранявшего нас от стужи»[54].

В утвержденном 2 мая 1922 г. коллегией Наркомнаца «Положении об Институте востоковедения в г. Москве» о целях и задачах созданного учебного заведения говорилось: «*1. Институт востоковедения – высшее учебное заведение, состоящее в ведении Народного Комиссариата по делам национальностей.* ***2. Институт востоковедения имеет целью подготовку работников по всем отраслям работы на Востоке и в связи с Востоком»***[55]. Характерно, что такая постановка цели института в исторической перспективе являлась продолжением традиций подготовки востоковедов-практиков в стенах Лазаревского института. В то же время цель института была сформулирована несколько расплывчато, что вызывало массу вопросов. Неясно было, для каких учреждений должен был институт готовить кадры, какой объем знаний и по каким дисциплинам должны были вынести из его стен выпускники. Все эти вопросы выяснялись, решались на протяжении 1920–1930-х

годов. На протяжении всего этого периода Московский институт востоковедения находился в процессе постоянных преобразований. Его руководство пыталось найти своего рода золотую середину между выполнением требований, предъявлявшихся институту Наркомнацем, ЦИК СССР и другие советскими и партийными органами власти и учреждениями, с одной стороны, и сохранением продолжавшей еще существовать дореволюционной традиции Лазаревского института в преподавании востоковедческих дисциплин – с другой. Фактически, целью всех преобразований, проводившихся в 1920–1930-е годы в институте, стал поиск оптимального соотношения между тремя блоками дисциплин – востоковедческими (языки, страноведение, история и культура), специальными (право, статистика, товароведение и др.) и общими «марксистскими» предметами (исторический материализм, политическая экономия, история революционных движений и др.).

Выбор соотношения этих дисциплин зависел в первую очередь от тех задач и целей, которые ставили перед руководством института курировавшие его органы советской власти. В период подчинения Наркомату по делам национальностей (1921–1924 гг.) задачи института были сформулированы предельно обобщенно: ***«подготовка работников по всем отраслям работы на Востоке и в связи с Востоком».*** Институту было предписано готовить кадры специалистов для союзных и автономных республик, правительственных и общественных организаций. Так, из 300 вакансий в институте на 1921–1922 гг. примерно две трети были *«распределены между наркоматами, заинтересованными в деле подготовки работников на Востоке: ЦК РКП – 20; Наркоминдел – 20; Наркомвнешторг – 15; ВЦСПС – 10; Наркомвоен – 10; Наркомпрос – 20; Наркомздрав – 5; ВСНХ – 5; НКВД – 5».* Помимо этого часть вакансий через Наркомнац распределялась следующим образом: *«Армения – 5; Грузия – 5; Азербайджан – 5; Белоруссия – 3; Украина –5; Абхазия – 3; Хива – 3; Бухара – 3; ДВР – 5; Башкирская – 3; Татарская – 5; Киргизская – 3; Туркестанская – 5; Горская – 5; Дагестанская – 5; Крым – 5; Буряты – 3; Якуты – 3...»*[56].


Проект
плана учебных занятий Центрального Института Востоковедения, выработанный Учебно-рабочей Комиссией в заседаниях от 24, 28 февраля, 3, 11 и 16 марта 1922 года

А. Отделения и разряды с подразрядами

1) Отделение Ближнего и Среднего Востока:

Разряды: Подразряды:

a) Османский — Азербайджанский, Среднеазиатский, Татарский

b) Персидский — Афганский, Курдский

c) Арабский — Древне-еврейский

d) Индустани — Бенгали

e) Армянский

f) Грузинский — Языки Кавказа

Отделение Дальнего Востока:

Разряды: Подразряды:

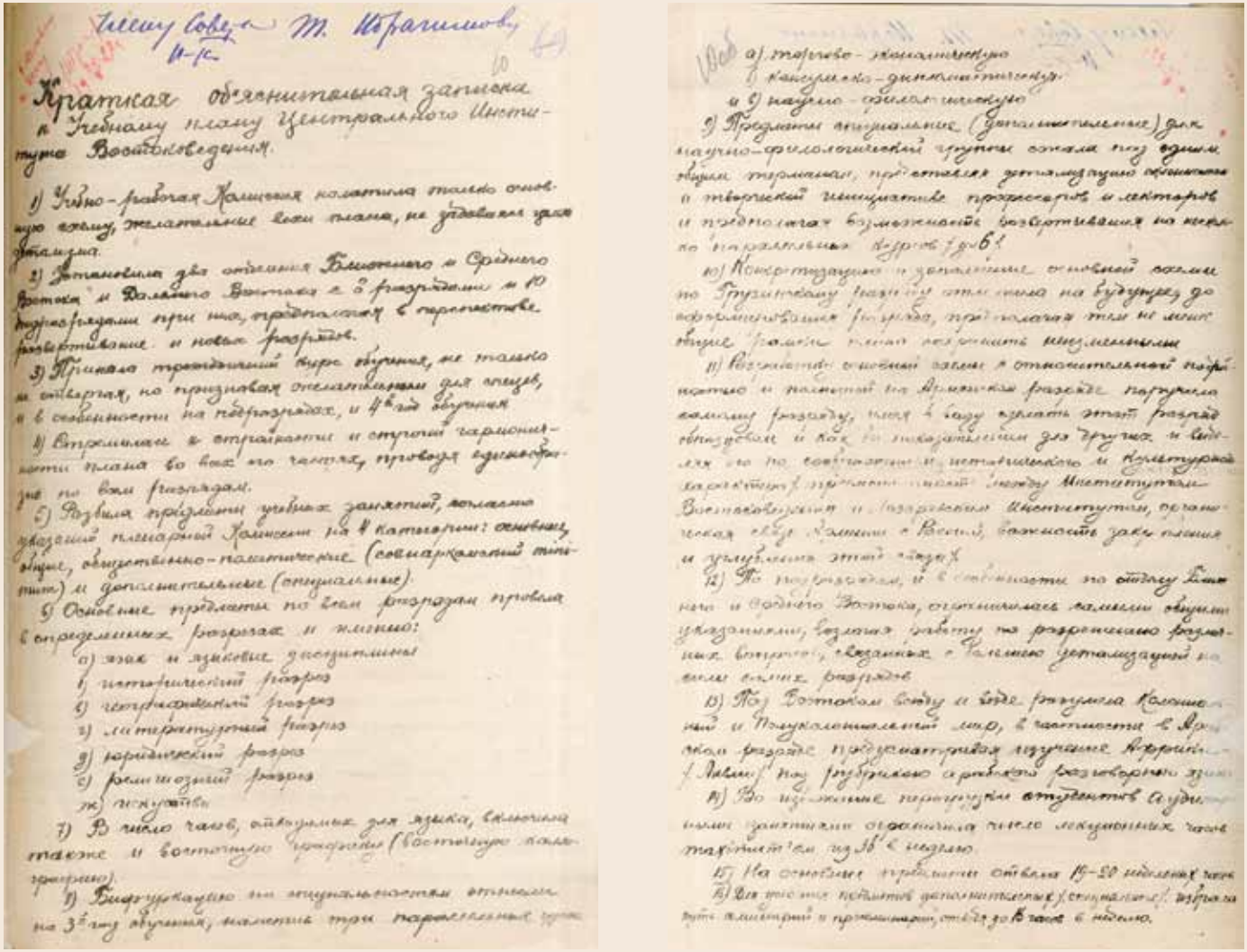
a) Китайский — Корейский, Монгольский

Китайский южный

b) Японский

Проект плана учебных занятий Центрального института востоковедения (с мая 1922 г. Московский институт востоковедения). Март 1922 г.
ГАРФ Ф. Р.-1318. Оп. 1. Д. 459. Л. 11

Составленный в феврале 1922 г. первый схематичный учебный план института в соответствии с имев-



Краткая объяснительная записка к учебному плану Центрального института востоковедения (с мая 1922 г. МИВ)
ГАРФ Ф. Р.-1318. Оп. 1. Д. 459. Л. 10–10 об.

шейся «разнарядкой» со стороны наркоматов, с одной стороны, предусматривал преподавание зарубежных и «союзных» восточных языков, а с другой – три направления специализации: а) торгово-экономическую; б) консульско-дипломатическую; в) научно-филологическую.

Длительность курса обучения составляла три года. В институте создавались два отделения (Ближнего и Среднего Востока, а также Дальнего Востока), делившиеся на восемь разрядов с подразрядами[57]. **Отделение Ближнего и Среднего Востока включало:** а) османский разряд: азербайджанский, среднеазиат-

ский, татарский подразряды; b) персидский разряд: афганский и курдский подразряды; c) арабский разряд: древнееврейский подразряд; d) индустанский разряд: бенгальский подразряд; e) армянский разряд; f) грузинский разряд: подразряд языки Кавказа. **Отделение Дальнего Востока включало:** a) китайский разряд: китайский северный, китайский южный, корейский и монгольский подразряды; b) японский разряд[58].

В каждом разряде все учебные предметы были разбиты на четыре категории: основные, общие, общественно-политические и дополнительные (специальные). Основные предметы были поделены на разрезы: а) язык и языковые дисциплины; б) исторический разрез; в) географический разрез; г) литературный разрез; д) юридический разрез; е) религиозный разрез; ж) искусство. В число предметов языкового разреза была включена «восточная каллиграфия»[59].

Детальная проработка дисциплин разрядов двух отделений была поручена самим преподавателям разрядов. Интересно, что особое внимание было уделено армянскому разряду. В «Краткой объяснительной записке» Учебно-рабочей комиссии, в частности, говорилось: *«Разработку основной схемы с относительной подробностью и полнотой на Армянском разряде поручила самому разряду, имея в виду сделать этот разряд образцовым и как бы показательным для других и* ***выделяя его по соображениям исторического и культурного характера, преемственности между Институтом Востоковедения и Лазаревским Институтом****, органическая связь Армении с Россией, важность закрепления и углубления этой связи»*[60].

В период с 1921 по 1924 г. в институте начали вводить обязательные, согласно декрету СНК от 4 марта 1921 г., курсы: развитие общественных форм, исторический материализм, пролетарская революция. Советская власть требовала, чтобы выходившие из стен института выпускники были не только востоковедами-

Алексей Иванович Иванов *(1878–1937)*

практиками, т.е. специалистами по современному Востоку, но и востоковедами-марксистами. Однако кадров ученых-марксистов, которые были в состоянии читать обязательные новые курсы, не хватало. Важную роль в их подготовке должны были сыграть созданные в Москве и Петрограде в 1921 г. Институт красной профессуры, а также учрежденная при Наркомнаце в декабре того же года Всероссийская научная ассоциация востоковедения (ВНАВ).

Усилиями новых учебных вузов и научных организаций нехватка кадров для преподавания новых общественно-политических дисциплин была ликвидирована. Однако сохранялась проблема – нехватки в Москве преподавателей-востоковедов. Из известных ученых в Москве преподавали А.И. Иванов, А.Н. Самойлович, В.А. Гордлевский и А.Е. Снесарев. Основная масса востоковедов была сконцентрирована в Петрограде. В этой ситуации уже в 1922 г. на коллегии Наркомнаца, а также собраниях представителей московской и петроградской профессуры и студентов активно обсуждался вопрос о слиянии Московского и

Петроградского востоковедческих вузов для концентрации всех наличных сил востоковедов. 6 ноября 1922 г. прошло заседание совета МИВ, на котором главным докладчиком выступил заместитель наркома по делам национальностей Г.И. Бройдо. Его доклад «О положении с Институтом востоковедения и живых восточных языков» интересен данной в нем общей характеристикой московской и петроградской востоковедческих школ, а также описанием той сложной ситуации, в которой находились московский и петроградский вузы. Наркомнац настаивал на необходимости сокращения одного из вузов: *«Основной причиной постановления Коллегии о сокращении одного из институтов является финансовое соображение. Второй причиной послужил вопрос о необходимости централизации востоковедных сил. Немногочисленные силы эти разделены между Петроградом и Москвой и распылены по разным заведениям. Необходимо их сконцентрировать, бросить на одно общее дело. При этом Коллегия полагала устранить те дефекты, какие наблюдаются ныне, и пережила ряд сомнений. Академизм, существующий в Петрограде, пустил слишком глубокие корни и, будучи сам по себе ценным, все же не отвечает современным заданиям. Практический уклон, правильно взятый Москвою, часто, однако, принимал такие формы, которые противоречат самому существу дела и поставленным Советской Россией заданиям... Коллегия полагала, что работа должна пойти путем сочетания петроградского академизма и московского практицизма за вычетом резких крайностей. Петроград должен отказаться от чистой теоретичности, воспользоваться опытом предыдущей работы Москвы и установить подлинное востоковедение, живое и жизненное. Нужно считать правильным сочетание этих двух уклонов и оставить один Институт востоковедения... сконцентрировав в нем все лучшее и ценное»*[61].

После долгого обсуждения совет института, очевидно ввиду сложности вопроса, принял относительно нейтральную резолюцию: *«Принимая жестокую необходимость слияния двух институтов в один, Совет Московского института востоковедения признает целесообразным произвести слияние лишь в Москве... Вместе с тем Совет просит Коллегию Наркомнаца о новом пересмотре вопроса по существу...»*[62]. Последнее слово осталось за петроградскими востоковедами, которые высказались категорически против решения о слиянии двух учебных заведений. Профессоров ПИЖВЯ поддержали общее собрание слушателей и коммунистическая ячейка. Против слияния двух вузов выступила также Коллегия востоковедов при Азиатском музее, которая в записке 21 ноября 1922 г. попыталась аргументированно доказать, что от «слияния не будет экономии»[63]. В результате объединение двух учебных заведений не состоялось.

***

До апреля 1924 г. Московский институт востоковедения находился в ведении Наркомнаца, а после его упразднения был передан в распоряжение Президиума ЦИК СССР. В это же время получил разрешение вопрос о новом здании для института. Постановлением Президиума ВЦИК от 3 марта 1924 г. институту было передано здание клуба Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) по Большому Златоустинскому переулку[64]. Это событие значительно облегчило его работу, хотя и не решило проблемы полностью. В отчете за 1926/27 учебный год отмечалось: *«Что касается здания самого Института по Б. Златоустинскому переулку*[64]*, то следует отметить, что оно не особенно пригодно под учебное заведение, более подходя под какое-либо торговое и конторское предприятие, а также что оно довольно обветшалое и требует частных ремонтов»*[65]. На следующий год институт получил новое название.

Нариман Кербалай Наджаф оглы Нариманов *(1870-1925)*

Михаил Павлович Павлович
(наст. имя , отчество и фамилия – Михаил Лазаревич Вельтман)
(1871–1927)

20 марта 1925 г. на заседании Президиума Совета национальностей ЦИК СССР было принято решение: признать *«необходимым Институту востоковедения при Президиуме ЦИК Союза ССР присвоить имя умершего председателя ЦИК Союза ССР тов. Нариманова Н.Н., о чем войти с ходатайством в Президиум ЦИК Союза ССР»*[66].

Между тем в институте все это время шла доработка «Положения о Московском институте востоковедения» и его учебного плана, каждый год утверждались их новые улучшенные редакции: 22 мая 1922 г., затем 8 марта 1923 г., наконец, 22 июня 1924 г.

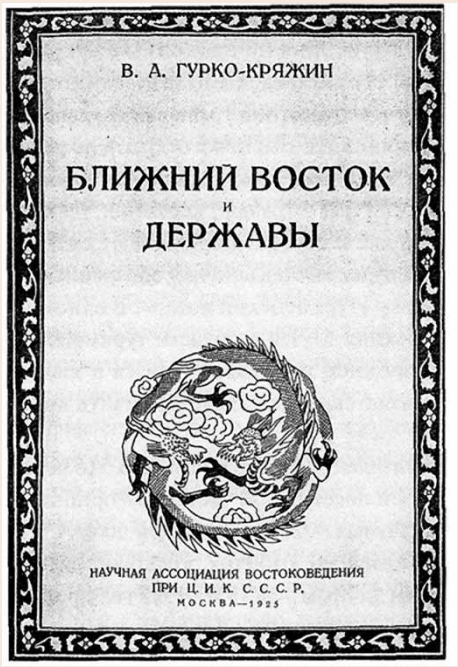
Большую роль в налаживании нормальной работы МИВ сыграл назначенный его ректором в 1923 г. Михаил Павлович Павлович (Михаил Лазаревич Вельтман). Как личность он представлял собой неповторимый сплав профессионального революционера с востоковедом. М.П. Павлович прошел большую школу революционной деятельности – от марксистских кружков, через аресты, ссылку, затем эмиграцию, возвращение, участие в революционных событиях 1917 г. и Гражданской войне. В эмиграции он активно публиковал на страницах различных изданий («Искра», «Наша заря», «Современный мир» и др.) статьи по вопросам международной политики. Сферой его особых интересов был Восток. Позднее М.П. Павлович писал: *«Находясь в Париже, посещал всех восточных революционеров, младотурок, персидских конституционалистов, индусских эмигрантов, китайских офицеров и т.д… Я сопровождал персидских революционеров – д-ра Абдулла-Мирзу и рабочего Раим-Заде во время их поездки по Европе, редактировал прокламации для персидских, китайских, индусских революционеров и сотрудничал в их журналах и газетах…»*[67]. В 1920 г. М.П. Павлович организовал проведение Первого съезда народов Востока, в 1921–1923 гг. он состоял членом коллегии Наркомата по делам национальностей, в декабре 1921 г. был избран руководителем Всероссийской научной

Обложка журнала «Новый Восток», издававшегося Научной ассоциацией востоковедения СССР

Титул книги М. П. Павловича «Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего». Л., 1925

ассоциации востоковедения. М.П. Павлович много писал по вопросам колониальной политики империалистических стран, социально-экономического строя стран Востока, а также о национально-освободительном движении.

Именно М.П. Павлович сыграл одну из важнейших ролей в становлении советского востоковедения. В 1926 г. в одной из своих статей он писал: *«Отличительной чертой молодого советского востоковедения, несомненно, является то, что оно стремится объяснить все социальные, политические, культурные процессы, происходящие в странах Востока, характер развития этих процессов, форму классовой структуры населения этих стран, основными чертами хозяйственной жизни, влиянием на них прошлой истории и т.д., причем вся жизнь современного Востока изучается советским востоковедением под углом зрения освободительной борьбы угнетенных народов желтого и черного континентов против империализма»*[68]. Следует отметить, что в это время между востоковедами-марксистами, наиболее яркими представителями которых были как раз М.П. Павлович, а также В.А. Гурко-Кряжин, и представителями старой школы русского востоковедения складывались напряженные отношения. В этой ситуации М.П. Павлович стремился найти пути сотрудничества между ними. Академик С.Ф. Ольденбург писал: *«обе стороны считали, что стоят на почве более правильных подходов к делу. [М.П. Павлович] много сделал лично, чтобы уменьшить остроту взаимного чрезмерного критического отношения. Его прекрасная речь в Москве на юбилейных торжествах Академии наук была вся на-*



Титул книги В.А. Гурко-Кряжина «Ближний Восток и державы». М., 1925

Титул журнала «Новый Восток». М., 1928

правлена к тому, чтобы показать, как люди его взглядов умеют ценить заслуги прежнего востоковедения и понимают всю важность строгости его научных методов»[69]. Характерно, что в первом номере журнала «Новый Восток» – главного печатного органа Всероссийской научной ассоциации востоковедения – были опубликованы статьи профессоров В.А. Гордлевского, Л.З. Мсерианца, А.А. Захарова, В.М. Викентьева, посвященные вопросам санскритологии, истории хеттов, Древнего Египта. Позже М.П. Павловичу удалось привлечь к сотрудничеству с журналом некоторых маститых ленинградских востоковедов – В.В. Бартольда, С.Ф. Ольденбурга и др.

При этом если строгость исследовательских методов, блестящее знание восточных языков «академических» востоковедов вызывали уважение у М.П. Павловича, то такие предметы их исследований, как древние восточные цивилизации и мертвые языки, нередко были поводом для его пренебрежительных, полемически запальчивых высказываний: *«Нам, конечно, не нужен санскрит, не нужны древнееврейские, финикийские и арамейские языки»*[70]. С точки зрения М.П. Павловича, главным предметом преподавания в востоковедческом институте должны были стать современные социально-экономические, социально-политические и культурные вопросы жизни стран Востока: *«...центром учебной и ученой деятельности Института должно было стать изучение живого Востока, а не только живых восточных языков самих по себе. Изучение последних должно было отныне явиться лишь могучим средством к углубленному познанию живого Востока, к общению с последним»*[71].

В новом «Положении об Институте Востоковедения», принятом 22 июня 1924 г. на заседании правления института, говорилось: *«Институт Востоковедения /ИВ/ в Москве есть высшее учебное заведение, состоящее в ведении ЦИКа СССР и имеющее целью подготовку: а/ дипломатических работников, работников торгпредств, уполномоченных НКВТ, смешанных Акционерных Обществ и пр. в странах Ближнего, Среднего и Дальнего Востока; б/ работников, обслуживающих культурные и хозяйственные нужды восточных народов, входящих в СССР; в/ научных специалистов по восточным языкам и востоковедению»*[72].

На этот раз цели были определены конкретно, но предельно широко. В соответствии с этим была спроектирована структура института и его учебная программа. Всеми делами института должны были ведать правление и совет, председателем которых являлся ректор, назначаемый ЦИК СССР. В состав правления института входили также заместитель ректора, заведующий учебной частью, представитель от студенчества и один член, назначавшийся Президиумом ЦИК СССР. Совет института должен был заниматься разработкой учебных планов, избранием кандидатов на профессорские и преподавательские должности. В него входили все члены правления, председатели бюро предметных комиссий, а также представители от собрания всех научных сотрудников, студентов, профсоюзных объединений, а также *«от заинтересованных в работе ИВ Наркоматов и учреждений /ЦИК СССР, СОВНАЦ, НКИД, НКВнешторг, НКвнуторг, СОВНАЦМЕН, Ассоциации Востоковедения, Российск. Вост. Торг. Палаты и др./»*[73]. Влияние этих учреждений на дела института было большим, поскольку от них зависело распределение его выпускников.

Институт разделялся на три факультета, или сектора: 1) Ближнего и Среднего Востока в составе пяти отделений: арабского, персидского, турецкого, афганского, индийского; 2) Дальнего Востока в составе трех отделений: китайского, японского, монгольского; 3) Союзного Востока в составе трех отделений: кавказского, среднеазиатского, восточнофинского (языки народов Урала и Поволжья). На третьем курсе для студентов начиналась специализация по следующим направлениям: 1) дипломатическая, 2) торгово-экономическая, 3) научно-педагогическая. При институте должны были быть учреждены научно-исследовательские институты, востоковедные курсы, а также рабочий факультет. Для целей преподавания в институте создавались научные кабинеты и библиотеки. Институт получал право «командировать наиболее успевающих студентов, а также научных работников за границу для теоретического и практического усвоения и изучения восточных языков и стран»[74].

Новая структура института отличалась логичностью, но в то же время и чрезмерным размахом. Учебный 1924/25 г. стал первым «нормальным» годом в Московском институте востоковедения. Общий набор составил 260 человек. С начала 1925/26 г. МИВ перешел от трехгодичного курса обучения к четырехгодичному. В этой связи по-новому была организована специализация студентов. Были введены три специальных уклона (разряда): дипломатический, экономический и политический[75]. Изменился стиль преподавания, которое до этого велось *«преимущественно лекционно»*. С начала учебного 1925/26 г. в учебный процесс активно стали вводиться семинарские занятия и лабораторные (самостоятельные) работы студентов. Соответственно изменились критерии и методы оценки достижений студентов. *«Переход к семинарскому и в особенности к лабораторному плану,* – говорилось в отчете учебной части за 1925/26 г., – *повел к определению знаний студента по его активному участию в повседневной работе, в проработке заданий, в посещаемости и пр. Зачеты сохранились лишь для тех исключительных*

случаев, когда у преподавателя остается сомнение в способностях и в знаниях студентов»[76]. Большое значение в учебном процессе стали играть открывшиеся в институте в 1925/26 г. языковые кабинеты: арабского, персидского, турецкого, японского и китайского языков, а также страноведческие кабинеты: персидский (иранский), индустанский, турецкий, китайский и японский. Институт приобрел подборку литературы, состоявшую из «более двух тысяч наименований книг на разных языках». Специально для кабинетов стали выписываться иностранные периодические издания. В том же отчете говорилось: *«К концу учебного года (*1925/1926 г. *– М.В.) кабинеты получили иностранных газет и журналов: на турецком языке – 5, на арабском – 3, персидском – 2, урду – 1, японском – 3, китайском – 2, английском – 16, французском – 10, немецком – 8, итальянском – 1. По многим вопросам политики и экономики стран в кабинеты систематически поступали газетные и журнальные вырезки»*[77].

Большое внимание уделялось библиотеке института. В отчете учебной части института за 1925/1926 г. говорилось: *«Все необходимые печатные произведения и рукописи сосредоточены в библиотеке ИВ. На 1-ое октября 1926 г. в ней числилось 24.320 томов, [которые] разделены по отделам: Китай, Япония, Аравия, Индия, Персия, Турция, СССР, Западная Европа, Филология, Религия, Периодическая литература, Рукописи. В истекшем учебном году библиотека обогатилась значительным количеством номеров. Сюда прежде всего вошла часть библиотеки Лазаревского Института Восточных языков в числе 5.634 книги. Кроме того, приобретено за границей на иностранных языках 1.036 экз. на сумму в 3.568 р. 11 к. и в СССР на русском языке 1.335 экз. на сумму 2.387 рубл. Помимо книг, приобретаемых библиотекой, выписывались газеты и журналы на разных языках. Все издания, хранящиеся в библиотеке, каталогизируются по карточной десятичной системе. Библиотека обслуживается тремя сотрудниками: завед. библиотекой и двое библиотекарей. С начала текущего учебного года на библиотеку была возложена обязанность обеспечивать книгами и пособиями кабинеты»*[78].

С середины 1920-х годов Московскому институту востоковедения в целом удалось решить вопрос с преподавательскими кадрами, во всяком случае по языковым и востоковедным дисциплинам. В 1926/27 г. институт располагал следующим составом научных работников: профессоров – 21, доцентов – 4, преподавателей – 31, лекторов – 9, ассистентов – 7. В институте в это время продолжали работать три известных востоковеда, преподававшие еще в Лазаревском институте: В.А. Гордлевский – профессор на кафедре турецкого языка; М.Д. Ризаев – преподаватель персидского языка; С.Г. Дзерунян – лектор на кафедре турецкого языка; в институте читал лекции по древней истории Персии и преподавал персидский язык Борис Всеволодович Миллер, сын бывшего директора Лазаревского института В.Ф. Миллера.

В 1925 г. в институте было торжественно отмечено 40-летие научно-преподавательской деятельности М.Д. Ризаева и С.Г. Дзеруняна. В газете «Известия» была опубликована посвященная этому событию заметка «Чествование героев труда»: *«В Институте востоковедения имени Нариманова состоялся вечер смычки профессуры с пролетарским студенчеством по случаю исполнявшегося 40-летия научно-педагогической деятельности двух старейших преподавателей Института: по кафедре турецкого языка – тов. Церуниана и персидского языка – тов. Мирза-Джафара… Студенческими организациями Института вынесено постановление, поддержанное правлением Института, о возбуждении ходатайства о присвоении т.т. Церуниану и Мирза-Джафару ввиду их исключитель-*

Николай Иосифович Конрад *(1891–1970)*

Николай Васильевич Кюнер *(1877–1955)*

ных педагогических заслуг звания профессоров»[79]. Из новых преподавателей Московского института востоковедения выделялся японист Олег Викторович Плетнер, о котором Р.Н. Ким писал: *«За семь лет (1922–1929) О.В. сделал то, что иной ученый не может сделать за всю свою долгую жизнь: создал плеяду молодых японистов – практических работников на Востоке, подготовил академическую смену, написал ряд любопытных и остроумных исследований по японской филологии, истории литературы и театра, опубликовал ряд популярных работ по Японии и, наконец, положил начало планомерному изучению экономической истории Японии, в частности аграрного вопроса»*[80]. Недостаток в штатных преподавателях, как правило, решался за счет привлечения профессоров со стороны. Так, из Ленинградского института живых восточных языков были привлечены профессор Н.О. Конрад для чтения курса истории Японии, профессор Н.В. Кюнер для чтения курса географии Китая и Японии[81].

Профессорско-преподавательский состав института активно работал над написанием и изданием «приспособленных к существующим методам преподавания учебников и пособий – хрестоматий, словарей, грамматик, сборников». В отчете учебной части говорилось: *«С начала прошлого учебного года издано: 1/ стеклографиею – Колоколов – Анализ китайских иероглифов. Миллер – конспект лекций древней истории Персии. Гордлевский – Османская хрестоматия… Кюнер – физическая география Японии. Кюнер – география Китая. Русско-Дальневосточные договоры и трактаты /сборник/. Советско-дальневосточные договоры /сборник/. Колоколов – Краткий китайско-русский лексикон. Плетнер – Учебник разговорного японского языка. 2/ типографией – Снесарев – Индия, страна, народ; выпуск 1.»*[82].

Из очерка профессора В.А. Гордлевского «Московское востоковедение после Октября (К тридцатилетию Октябрьской революции)»

«Учебные заведения “для внутреннего и наружного употребления” вперемешку одинаково изучали как внутренний Восток, так и зарубежный, да и слушате-

ли, для которых отменено было сперва представление свидетельства об образовании, попадали не туда, куда нужно, и в 1921 г. часть слушателей из Центрального института живых восточных языков была переброшена на Краткосрочные курсы.

Центральный институт живых восточных языков — предшественник Московского института востоковедения, твердо взявшего курс на зарубежный Восток, на первых порах обучал также и языкам Советского Востока; например, армянскому, азербайджанскому. Происходило это стихийно: институт хотел сосредоточить у себя все наличные востоковедные силы, какие находились в Москве, всем хотел предоставить работу. Положение об Институте востоковедения, в 1922 г. преобразованном в вуз, предусматривало, между прочим, изучение языков: среднеазиатских, татарского, курдского, афганского, древнееврейского, грузинского и др.

Но судьба института на протяжении его жизни была незавидна: ему грозила, и не раз, ликвидация (и впервые уже в 1922 г.); менялась целеустановка, а следовательно, и программы: от превалирования языков он переходил к запросам текущей жизни; менялся состав слушателей, потому что менялись и условия приема: вуз (гуманитарно-общественный) вдруг превратился в своего рода академию, куда поступали люди, окончившие вузы, какой угодно, только бы вуз, и шли инженеры, текстильщики, сельскохозяйственники (по молочному хозяйству) и т.д.»[83].

***

Между тем проведенная ректором М.П. Павловичем реорганизация института оказалась слишком громоздкой и не вполне эффективной. В связи с этим в 1926/27 г. были проведены новые изменения структуры института в сторону ее упрощения. В частности, упразднялась система факультетов, о чем сообщалось в отчете института за 1926/27 учебный год: *«Такая организация учебного дела… стала вызывать серьезные возражения, главным образом, с трех сторон, – 1/ со стороны несоответствия ее режиму экономии, 2/ со стороны несоответствия ее требованиям активного участия профессуры в учебно-педагогическом деле ИВ и 3/ вследствие того, что при факультетской системе сведена к нулю роль сектора. Учитывая эти два существенных и ряд менее значительных обстоятельств, Правление ИВ предложило Учебной Части провести реорганизацию учебного аппарата, ликвидируя факультетское строение»*[84].

С 1 января 1926 г. были упразднены деканаты, учебные советы факультетов. В результате основу структуры института составили секторы: 1. Японский; 2. Китайский; 3. Арабский; 4. Персидский; 5. Турецкий; 6. Индустанский. Характерно, что из структуры института исчез факультет или сектор «Союзного Востока» с его тремя отделениями. Вероятно, это было связано с появлением других учебных заведений, способных дать соответствующую языковую и предметную подготовку для будущих советских работников в советских республиках. С этого времени Московский институт востоковедения полностью сосредоточился на «зарубежных восточных странах».

В каждом секторе было организовано три кафедры: восточного языка (данного сектора), истории страны, народного хозяйства. Предметы, которые читались одновременно на всех секторах, – география восточных стран, история международных дипломатических отношений и др., были выделены в самостоятельные доцентуры. Предметы общего теоретического и политического образования (исторический материализм, политическая экономия, империализм, международное право, статистика, европейские языки) и ряд специальных курсов (банковское дело, товароведение, бухгалтерия) были оставлены в качестве самостоятельных курсов, без превращения в кафедры. Для решения вопросов методического характера в институте были

образованы три предметные комиссии: 1. Историческая; 2. Экономическая; 3. Языковая. Деятельность всех секторов и предметных комиссий возглавлялась Учебным советом института, председателем которого являлся ректор[85].

Недостатки и перекосы также обнаружились в учебном процессе. В отчете за 1926/27 г. была отмечена *«при огромной многопредметности недостаточная наполненность плана предметами востоковедного характера с исключительным выпячиванием на передний план языков…»*. Многопредметность стала ахиллесовой пятой Московского института востоковедения в 1920-х и 1930-х годах, вызывавшей постоянные дискуссии и попытки найти оптимальную модель. Эта проблема, в первую очередь, была вызвана желанием руководства советских учреждений, наркоматов получать из института идеально подготовленные кадры для работы на Востоке, причем по всем возможным направлениям. Исходя из этой установки они требовали введения в учебный план института все новых специальных, большей частью экономических курсов. Другой причиной многопредметности являлось преподавание в институте обширной группы предметов общего теоретического и политического характера. В том же отчете учебной части за 1926/27 учебный год по этому поводу говорилось: *«Многопредметность эта была вызвана главным образом включением предметов среднего образования, знание которых должно предполагаться уже при поступлении в ВУЗ, или которые могут научиться вне учебного плана ИВ, т.к. они не имеют научной связи с прямой задачей востоковедного ВУЗа»*[86].

С учетом всех обнаружившихся в учебном процессе недостатков и перекосов учебная часть института приняла в начале 1926 г. решение пересмотреть весь учебный план. К этому процессу были привлечены все предметные комиссии, руководство секторов, секция научных сотрудников. Новый учебный план Московского института востоковедения на 1926/27 учебный год составлялся под главную цель учебного заведения: *«Учебный план должен содержать в себе такие курсы и такое их распределение, которые в полной мере отвечали бы задаче, поставленной ИВ подготовить работников для проведения советской политики в деятельности советских учреждений и предприятий в Зарубежных Восточных странах. Такого рода работник должен иметь марксистское общетеоретическое и политическое образование, уметь пользоваться на первых же порах работы на Востоке разговорным языком данной страны и текущей политической литературой, знать политический и экономический быт и жизнь страны и, наконец, владеть некоторыми специальными практическими познаниями, необходимыми для работы в наших зарубежных учреждениях»*[87].

Исходя из поставленной цели, руководство института выделило четыре группы дисциплин как основу учебного плана: 1. Предметы общего теоретического и политического образования; 2. Языки; 3. Страноведческие предметы; 4. Специальные предметы. Главной проблемой являлось определение количества учебного времени, отводимого для каждой из этих групп дисциплин. Разработка в 1926 г. нового учебного плана основывалась на приоритете преподавания восточных и западных языков, а также востоковедческих дисциплин: под языки в нем отводилось около 60% времени, а под остальные предметы – около 40%. Было решено, что *«восточный язык изучается в течение всего четырехлетнего курса, причем первые три года по 10 часов в неделю и четвертый – 8 час.»*. Кроме того, было решено убрать из учебного плана предметы среднего образования: экономическую географию СССР, экономическую политику СССР, историю революционных движений XIX–XX вв., историю ВКП(б)[88].

Что касается дальнейшего наполнения учебного плана конкретным содержанием по предметам и времени, отводимому на их освоение, учебная часть института обязана была проконсультироваться с *«ведомствами, ведущими свои дела на Востоке»*.

Непростой вопрос о содержании учебного плана Московского института востоковедения имени Н.Н. Нариманова был вынесен 17 марта 1927 г. на обсуждение специально созванного совещания руководства института с представителями заинтересованных наркоматов. Первое, на что обратили внимание делегированные от советских учреждений чиновники, – это плохое владение восточными языками выпускников института. Так, заместитель заведующего Колониальным сектором Красного интернационала профсоюзов (Профинтерна) Х.Т. Эйдус подчеркивал: *«Оканчивающие студенты, как по дипломатическому разряду, так и по экономическому, должны знать языки восточный и западный. В отношении общественных предметов знания оканчивающих И.В. студентов вполне удовлетворительны, в отношении языка этого нельзя сказать – знание языков, особенно восточных, хромает»*[89]. В свою очередь, представитель Нефтесиндиката СССР Бродянский отметил: *«Студенты, оканчивающие Институт, не в состоянии здесь хорошо изучить восточный язык, им приходится, приезжая в восточную страну, практиковаться года 2 для того, чтобы знать достаточно хорошо этот язык»*[90]. Г.И. Лурье из Центрального союза потребительских обществ СССР (Центросоюза СССР) заявил: *«Изучение языков в Институте нужно уменьшить, потому что студенты, оканчивающие Институт, все равно не знают достаточно хорошо языки. Изучить их они могут только в той стране, язык которой они изучают»*[91]. В ряде выступлений была озвучена также мысль, что знание западных языков важнее в плане лучшего понимания студентами ситуации в странах Востока.

Относительно других предметов представители учреждений, связанных с внешней торговлей, настаивали на необходимости знания выпускниками института страноведческих дисциплин. Товарищ Бродянский от Нефтесиндиката в своем выступлении особенно подчеркнул, что *«для работы на Востоке нужно хорошо знать быт страны и историю культуры, так как обычаи играют там большую роль»*. Что касается различного рода экономических и правовых курсов специализации студентов, то в большинстве своем представители учреждений выступали не только за их сохранение, но даже за введение новых дисциплин, например *«коммерческой географии»*. Представитель Паркомторга СССР Кауфман по этому поводу заявил: *«Факт, что в Институте Востоковедения преподаются такие предметы, как бухгалтерия, статистика, банковское дело, не значит, что Институт готовит бухгалтеров, статистиков, банковских работников, но общее знакомство с этими предметами должно быть»*. Одновременно он предложил ввести в учебный план курс частного международного права и курс торговой политики[92]. Г.И. Лурье также настаивал на введении курса экономической политики СССР.

Точку зрения института на возможные решения вопроса о соотношении преподавания восточных языков и других востоковедческих предметов со специальными и общественно-политическими дисциплинами ясно выразили два замечательных ученых-японоведа, Н.И. Конрад и О.В. Плетнер. *«Нельзя заменять восточный язык западным… Восточный язык в руках наших студентов есть орудие нашей политики на Востоке. Учебный план продуман серьезно. Правильно взят курс на подготовку работников не отдельной узкой специальности, а работников-востоковедов. Узкую специальность студент, если ему будет необходимо, получит, работая на месте… Программу нужно строить по Вузовским дисциплинам, поэтому*

всем поправкам, вносившимся о расширении курсов, носящих специальный характер, и о введении новых узкоспециальных курсов, не место в востоковедном ВУЗе», – заявил в своем выступлении профессор Н.И. Конрад. Своего коллегу поддержал профессор Плетнер: *«Строя серьезную востоковедную программу, необходимо в первую голову научить студентов пользоваться туземной литературой… Западный язык студенты также должны знать, знание туземного языка не исключает полностью знания западного. Секция научных работников Института Востоковедения стоит за увеличение количества часов для западных языков, так же как за увеличение количества часов для восточных языков, особенно на старших курсах. Минимум знаний в языке для оканчивающего студента должен быть следующим: студент должен уметь свободно читать газету, литературу, документы и знать разговорный язык. При очень низком уровне знаний студентов увеличить количество часов для языка необходимо. 40% времени вполне достаточно для проработки общественных и других курсов. В программе ВУЗа необходимо иметь древнюю и новую историю страны, мыслить ВУЗ без этих курсов немыслимо. Расширять экономические курсы нет необходимости… Необходимо ввести курс введения в языкознание, но не общим курсом, а для каждого восточного языка отдельно. Необходимо в учебном плане произвести и перестановку – восточный язык нужно отнести к востоковедным дисциплинам»*[93].

Другой представитель Московского института востоковедения, Мухарджи Абони Тройлокович, выступая на совещании, отметил: *«Поднять уровень требований для поступающих студентов необходимо, так как если поступающие будут знать общие предметы, как, например, ленинизм, у них останется больше времени на специальные востоковедные вопросы»*[94]. Его поддержала преподаватель института А.А. Любарская, которая от имени предметной комиссии западных языков

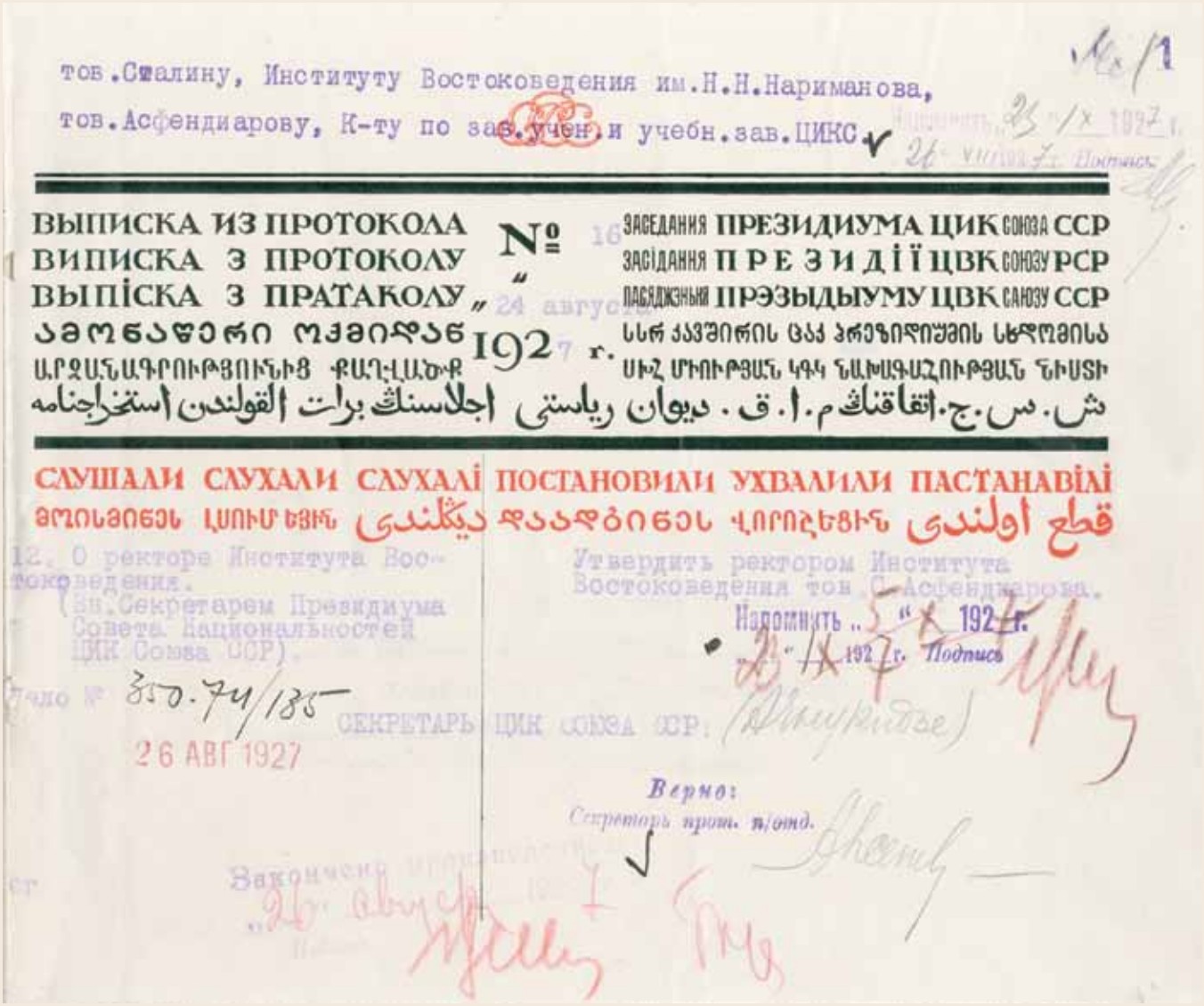
Санжар Джафарович Асфендиаров *(1889–1938)*

института особо подчеркнула: *«Для более успешного прохождения курса по западноевропейским языкам считаю необходимым повысить общую квалификацию поступающих в Институт Востоковедения и желательным принимать на I курс студентов с определенной подготовкой по западным языкам. Последний пункт особенно важен, так как сейчас очень часто, занимаясь западным языком, приходится ликвидировать неграмотность студентов по русскому»*[95].

Итоги дискуссии на совещании подвел заместитель ректора Московского института востоковедения М. Фурщик, который отметил: *«Представители ведомств по-разному подходили к учебному плану Института Востоковедения. Для удовлетворения запросов ведомств на основании их мнений, высказанных сегодня, нельзя создать одного ВУЗа, понадобилось бы несколько ВУЗов с различными уклонами. Институту Востоковедения нельзя ориентироваться на все ведомства, ему нужно держаться середины – этой серединой будет подготовка востоковеда-общественника»*[96].

Через дискуссии и совещания руководство Московского института востоковедения, а также курировавшие

его органы власти постепенно пришли к выводу, что институт должен выпускать, главным образом, «востоковедов-общественников» для Наркомата иностранных дел (НКИД). На совещании Комитета по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР 23 февраля 1928 г. ректор института С.Д. Асфендиаров заявил, что основная задача МИВ – *«подготовка квалифицированных работников для дипломатических ведомств Союза ССР в странах Среднего, Ближнего и Дальнего Востока»*[97]. В сформулированных по ито-



тов.Сталину, Институту Востоковедения им.Н.Н.Нариманова,
тов.Асфендиарову, К-ту по зав.учен.и учебн.зав.ЦИКС

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА ЦИК СОЮЗА ССР
ВИПИСКА З ПРОТОКОЛУ ЗАСІДАННЯ ПРЕЗИДІЇ ЦВК СОЮЗУ РСР
ВЫПІСКА З ПРАТАКОЛУ " ПАСЯДЖЭННЯ ПРЭЗЫДЫУМУ ЦВК САЮЗУ ССР
ԱՅՄՆԱՎՁԵՐՈ ՕՀՅՈՎԱՆ 192 г. ՍՍՀՄ ԺՈՂՈՎՐԴԻ ԿԱՅ ՆՐԵՁՈՎՈՒՄՆԵՐԻ ՍԽՎՈՒՄՆԵՐ
ԱՐՁԱՆԱԳՐՈՒԹՅՈՒՆԻՑ ՔԱՂՎԱԾՔ ՍԻՀ ՄԻՈՒԹՅԱՆ ԿԳԿ ՆԱԽԱԳԱՀՈՒԹՅԱՆ ԵՒՍՏ
ش.س.ج.اتفاقناك م.ا.ق. ديوان رياستى اجلاسنك براث القولندن استخراجنامه

СЛУШАЛИ СЛУХАЛИ СЛУХАЛІ ПОСТАНОВИЛИ УХВАЛИЛИ ПАСТАНАВІЛІ
ՁՈՐՆԱՐՈՅՆ ԼՍՈՒԻ ԵՅԻՆ دیكلندى ՈՐՈՇԵՑԻՆ قطع اولندى

12. О ректоре Института Востоковедения.
(Зав.Секретарем Президиума Совета Национальностей ЦИК Союза ССР).

Утвердить ректором Института Востоковедения тов.С.Асфендиарова.

Напомнить .. " " 192 г.
" " 192 г. Подпись

350.74/185
26 АВГ 1927

СЕКРЕТАРЬ ЦИК СОЮЗА ССР: (Авануков)

Верно:
Секретарь прот. п/отд.

Выписка из Протокола заседания ЦИК СССР № 16 от 24 августа 1927 г. *ГАРФ Ф. Р-3316. Оп. 32. Д. 15. Л. 1*

гам совещания *«Практических предложениях» указывалось: «1. Основными задачами Института Востоковедения считать подготовку квалифицированных работников для дипломатических и экономических ведомств Союза ССР в странах Среднего, Ближнего и Дальнего Востока. 2. Программы и учебный план Института в общем и целом признать удовлетворительными, в частности, они должны быть проработаны к будущему учебному году в следующем направлении: а) уничтожение многопредметности; б) устранение из плана ряда таких узкопрактических предметов, как товароведение, основы коммерческого счетоводства и т.п.; в) унификация предметов по линии увязывания конкретных дисциплин в общетеоретические… провести большую увязку преподавания предметов с общими дисциплинами марксистской методологии; г) на третьем и четвертом курсах уделить максимальное внимание изучению действующих договоров; консульской и коммерческой службе Союза ССР в странах зарубежного Востока за счет сокращения таких предметов, как товароведение, основы коммерческого счетоводства и прочее»*[98].

***

Предпринятые, согласно выработанным на совещании предложениям, меры по упорядочению учебного плана не решили главных проблем Московского института востоковедения. Поскольку он вынужден был продолжить готовить работников «востоковедов-общественников» не только для НКИД, но также для других, прежде всего торговых учреждений, то многопредметность продолжала сохраняться. Второй проблемой оставался более низкий по сравнению с Ленинградским восточным институтом имени А.С. Енукидзе уровень знания восточных языков выпускниками. Кроме того, объем изучаемых стран в ленинградском вузе был более широким[99]. Существование одновременно двух востоковедческих вузов привело к тому, что не все выпускники могли найти работу в советских учреждениях, возник переизбыток востоковедов-общественников.

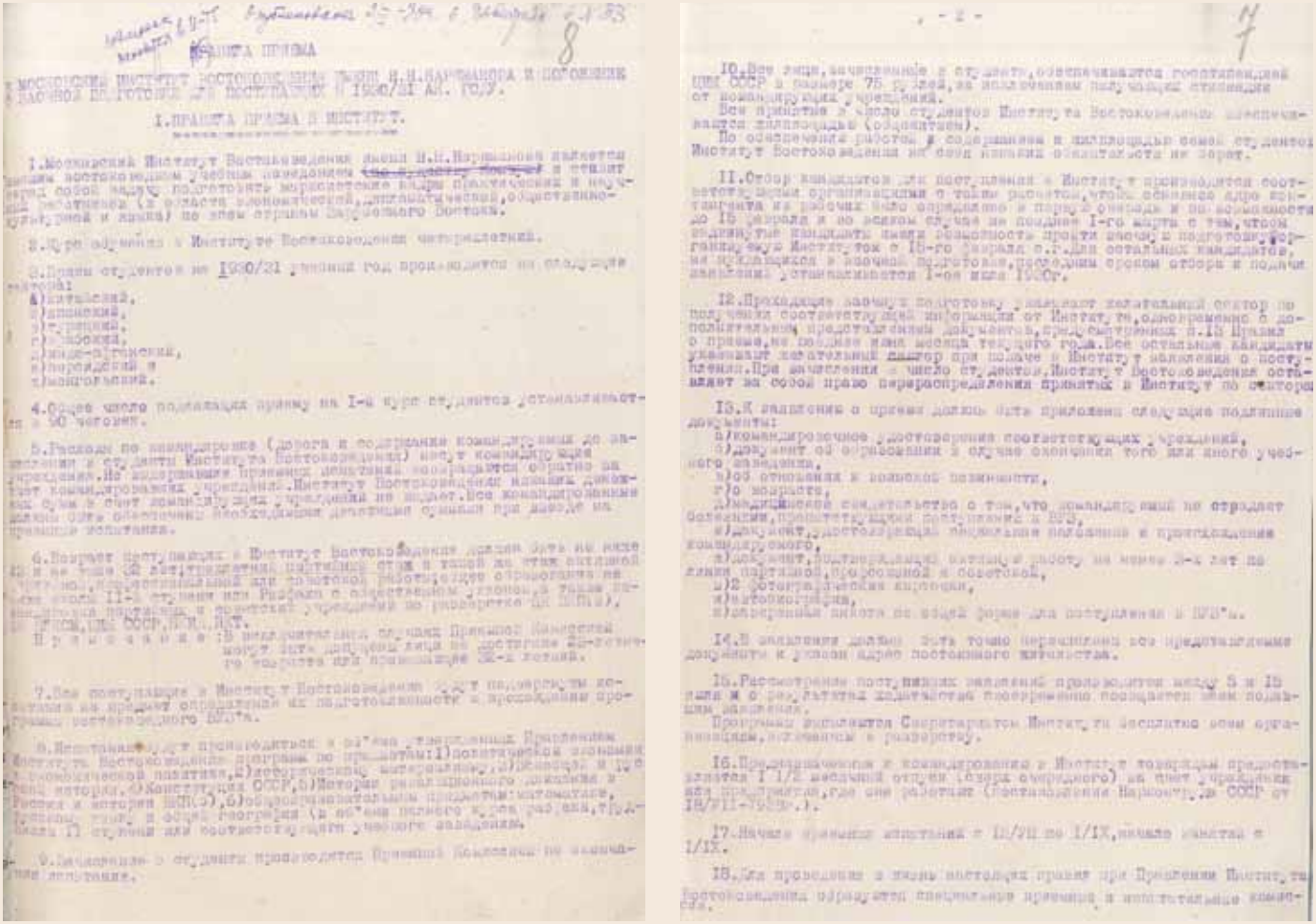
В этой связи снова был поднят вопрос о слиянии двух вузов с одновременным ужесточением условий приема и сокращением количества абитуриентов. В январе 1929 г. руководство Ленинградского восточного института направило письмо в ЦК ВКП(б), в котором в качестве главной причины необходимости слияния вузов указывалась невозможность для всех выпускников найти работу в государственных учреждениях по своему профилю: *«При одинаковости основных задач обоих ВУЗов нет надобности иметь два параллельных ВУЗа, тем более что продукция, выпускаемая обоими ВУЗами, используется сейчас лишь немного более чем наполовину и с успехом может быть выпущена одним ВУЗом и даже, если потребуется, в увеличенном количестве. Неполное использование продукции ЛВИ объясняется, во-первых, тем, что в первые годы своей работы Институт по свободным приемам получал в известной части неудовлетворительный в социальном и партийном отношении контингент студенчества… В то же время продукция МИВ не могла быть полностью использована главным образом по причинам плохой подготовленности студентов… При крайнем недостатке коммунистических востоковедных сил, а также при ограниченном составе действительно квалифицированных востоковедов, доставшихся нам от дореволюционного востоковедения и сконцентрированных в Ленинграде, совершенно необходимо сконцентрировать все силы в одном ВУЗе»*[100]. Естественно, что, с точки зрения руководства Ленинградского восточного института, будущий единый вуз должен был располагаться в Ленинграде.

Руководство Московского института востоковедения имени Н.Н. Нариманова поддержало идею создания единого вуза, но только в Москве, и, в свою

очередь, обратило внимание на проблемы Ленинградского восточного института. В записке ректора МИВ П.М. Никифорова в ЦИК СССР от 19 января 1929 г. говорилось: *«“Восточный Институт” в Ленинграде, делая ударение на лингвистические знания, выпускает студентов совершенно разоруженными в отношении марксистской подготовки… Вполне ясно, что студенты, не получившие предварительной марксистской закалки, преодолев востоковедные дисциплины под руководством старой академической профессуры, не могут удовлетворить тем требованиям, которые предъявляет и будет предъявлять наша партия к востоковедам. При наших требованиях знание языка, но незнание истории и экономики восточных стран недостаточно для зарубежной работы»*[101]. Что касается недостатков учебного плана МИВ, то его руководство признавало существование проблем, связанных с усвоением студентами восточных языков. В той же записке отмечалось: *«Московский Институт выпускает студентов также с однобокими знаниями: правда, они выходят с хорошей подготовкой по страноведению, знают историю и экономику восточных стран в достаточно углубленном объеме, но студенты Московского Института выходят с недостаточным знанием восточных языков… Причиной такого положения является то обстоятельство, что благодаря многопредметности студент не имеет возможности вложиться в бюджет своего учебного времени и принужден изучать одни дисциплины за счет других… студент не имеет возможности уделить достаточно времени для языкознания, особенно знания восточных языков, которые требуют весьма много времени»*[102]. Выход из ситуации П.М. Никифоров видел в следующем: *«Первое: выделить зарубежное востоковедение из всех других вузов и создать единый всесоюзный зарубежный востоковедный вуз. Второе: сосредоточить в Институте зарубежного востоковедения все преподавательские силы, связанные с зарубежным востоковедением. Третье: изъять из программы Института зарубежного востоковедения преподавание теоретических обществоведных дисциплин и сосредоточить все учебное внимание на полном и углубленном изучении всех востоковедных дисциплин. Четвертое: производить комплектование вузов студентами, окончившими коммунистические или другие вузы и имеющими специальное высшее марксистское образование»*[103] .

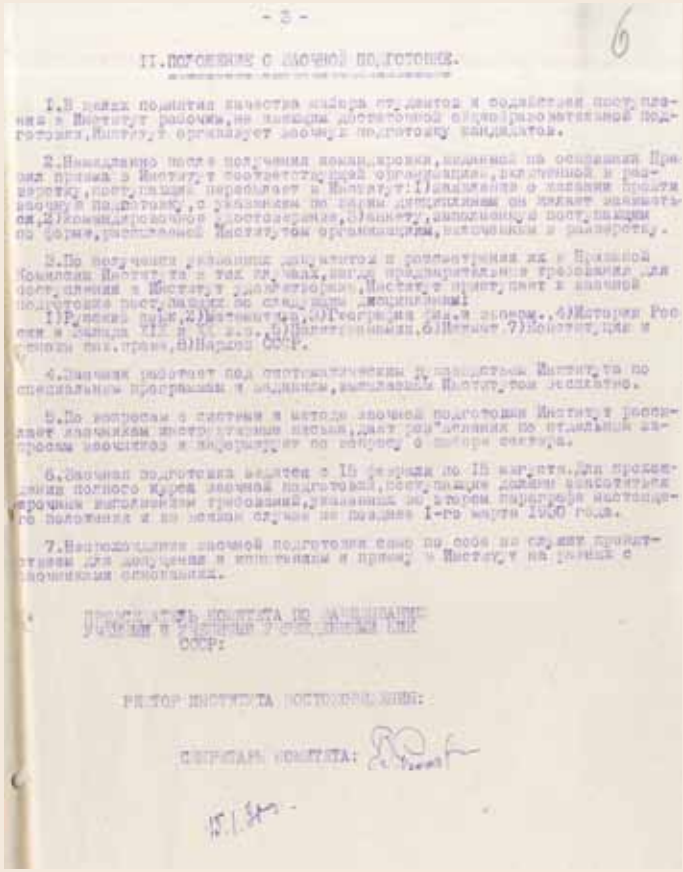
Вопрос о слиянии двух вузов в один, который располагался бы в Ленинграде, был сначала положительно решен 28 июня 1929 г. постановлением Оргбюро ЦК ВКП(б). Однако вскоре его же постановлением от 30 сентября 1929 г. было решено признать «в настоящий момент нецелесообразным слияние Института Востоковедения с Ленинградским Восточным Институтом»[104].

Тогда руководство и партийная организация Ленинградского восточного института предложили решить проблемы, связанные с существованием одновременно двух востоковедческих вузов, путем придания им разной специализации. В открытом письме в газету «Комсомольская правда» говорилось: *«Один из этих Институтов должен подготавливать конкретных работников для нужд внешней торговли с Востоком и [быть] передан в ведение Наркомторга, как отдельный ВУЗ. Таким образом ВУЗ получает четкую целевую установку, будет готовить работников определенной квалификации и тесно связан со своим основным потребителем. Второй ВУЗ должен быть востоковедным и подготавливать квалифицированных марксистов-востоковедов по конкретной отрасли (история, экономика, аграрный вопрос и т.д.) для нужд научно-исследовательских органов…референтуры НКИД и политических органов и преподавательского состава»*[105]. Роль первого вуза отводилась Московскому институту востоковедения.



Правила приема в Московский институт востоковедения имени Н.Н. Нариманова в 1930/31 учебном году.
ГАРФ Ф. Р-3316. Оп.23. Д. 867. Л. 7–8

20 марта 1931 г. на заседании Ученого комитета ЦИК СССР был вынесен на обсуждение вопрос о *«передаче Института Востоковедения в Наркомвнешторг с его последующим преобразованием в экспортно-импортный вуз по Востоку, подготавливающий оперативных работников по экспортно-импортным операциям в восточных странах»*[106]. Однако комитет выступил категорически против превращения Московского института востоковедения в узкопрофильный вуз по подготовке товароведов. В представленной в Оргбюро ЦК ВКП(б) записке говорилось: *«…при слабости разработки теории реорганизация Института им. Нариманова только в узкоспециальный вуз, где ведущим началом являлось бы товароведение и оперативная экономика, создавала бы угрозу отрыва теории революционной борьбы и перспектив*



Положение о заочной подготовке в Московском институте востоковедения имени Н.Н. Нариманова. 1930 г.
ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 23. Д. 867. Л. 6

некапиталистического развития в колониях и полуколониях от практики работы Наркомвнешторга в этих странах»[107]. В результате Ученый комитет постановил: *«Считать необходимым сохранение Института Востоковедения им. Нариманова в своем ведении в составе трех отделений: Торгово-Экономического, Консульско-Дипломатического и Общественно-политического с одновременной реорганизацией Института по линии решительного усиления специализации на отделениях, в соответствии с потребностями заинтересованных учреждений в подготовке той или иной квалификации специалистов»*[108].

В 1930/31 учебном году были ужесточены правила приема в МИВ: абитуриенты должны были иметь трехлетний партийный стаж, общее образование не ниже школы II ступени или рабфака, а также командировку государственного или партийного учреждения по разверстке ЦК ВКП(б). Вступительные экзамены сдавались по следующим предметам: «1) политическая экономия и экономическая политика, 2) исторический материализм, 3) всеобщая и русская история, 4) Конституция СССР, 5) История революционного движения в России и история ВКП(б), 6) общеобразовательные предметы: математика, русский язык и общая география (в объеме полного курса рабфака, трудовой школы II ступени или соответствующего учебного заведения)»[109]. В 1930 г. в институте была введена заочная подготовка «в целях поднятия качества набора студентов и содействия поступлению в Институт рабочим, не имеющим достаточной общеобразовательной подготовки»[110]. В структуре института был создан новый, седьмой сектор – монгольский. Из общественно-политических дисциплин в программе сохранились исторический материализм, политическая экономия, ленинизм. Специализация студентов на 4-м курсе велась по трем разрядам: 1. Дипломатический: а) история дипломатических отношений на Востоке, б) действующие договоры СССР с восточными странами, в) практика дипломатической и консульской службы, г) семинар по консульской работе; 2. Экономический: а) банковедение и балансоведение, б) товароведение, в) торговые договоры и практика на Востоке, г) семинарии по специальности; 3. Научный: а) история изучения страны (материаловедение по истории и нархозу страны), б) история языка, в) история литературы и материальной культуры, г) семинар по методологии[111]. В 1930 г. в институте была открыта аспирантура. Проблему при-

влечения молодых преподавательских кадров руководство института пыталось решать путем «контрактования» студентов «для дальнейшей научной работы в стенах Института». При переходе с третьего на четвертый курс «контрактанты» должны были быть «посланы на заграничную практику». Так, в 1930 г. институт запросил у Комитета по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР дополнительную сумму в 1800 долларов для 10 студентов к имевшимся у института 1500 долларам. Прожиточный минимум одного студента в год во время заграничной практики составлял 1000 долларов[112].

***

Постановлением ЦИК СССР от 28 июня 1936 г. Московский институт востоковедения и Ленинградский восточный институт были реорганизованы. В постановлении говорилось: *«1. Преобразовать Институт Востоковедения имени Нариманова в Москве и Восточный Институт в Ленинграде в Институты, готовящие знающих страну и язык работников для НКВнешторга, НКИД, НКО, НКВД и др. организаций и учреждений, а также преподавателей. Установить курс обучения в указанных институтах вместо 4 – 2 ½ года. 2. Прием слушателей в указанные институты производить лишь из лиц, получивших высшее образование, окончивших вузы и втузы и имеющих не менее 5-ти летнего партийного стажа. 3. Определить контингент набора на 1-й курс 1936 г. 170 человек, из них для Московского – 100 человек и для Ленинградского – 70 человек»*[113]. Таким образом ЦИК СССР попытался решить старую проблему с определением на работу выпускников вуза путем превращения МИВ в учебное заведение типа академии с сокращением как срока обучения, так и контингента абитуриентов. *«По смыслу этой реорганизации Институт должен был обеспечить подготовку по восточному языку, географии, истории и экономике стран зарубежного Востока для имеющих уже законченное высшее образование специалистов – членов ВКП(Б)»*[114]. Прием в институт только лиц, имевших высшее образование и обязательно являвшихся членами партии, позволил сократить в учебном плане общественно-политические дисциплины и большую часть учебного времени отдать под изучение восточных и западных языков, а также востоковедческие предметы.

Не обошли стороной МИВ и репрессии, в 1937 г. там прошли первые аресты. Как писали преподаватели института – доцент М. Благовещенский и П. Фесенко, *«пролезшее в институт враждебное руководство сделало все для того, чтобы политически обезоружить студенчество, изъяв из учебного плана изучение марксизма-ленинизма»*. В течение 1938–1940 гг. «последствия вредительства» были ликвидированы: в программу института было возвращено изучение истории ВКП(б) и других предметов. В 1938 г. был ликвидирован Ленинградский восточный институт, в результате МИВ остался «единственным в СССР специальным ВУЗом для подготовки кадров практических и научно-педагогических работников по вопросам зарубежного Востока».

В течение 1938 г. – первой половины 1939 г. работа МИВ была практически парализована. В письме ректора института М. Благовещенского в ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1939 г. говорилось: *«Ввиду того, что выпускаемые Институтом кадры ни в качественном, ни в количественном отношении не удовлетворяли наиболее насущные потребности соответствующих наркоматов /НКИД, НКВД, НКО и др./, более года тому назад был поставлен вопрос о новой реорганизации Института. Предполагается превращение Института в ВУЗ нормального типа с тремя основными факультетами / лингвистический, экономический и правовой/ и особым факультетом для подготовки и переподготовки кадров специального назначения для ответственной работы по вопросам Востока в СССР и за границей.*

Срок обучения предполагается продлить с 2 ½ лет до 4–5 лет. С этой целью Дирекцией и Парткомом Института был направлен ряд докладов в ЦК ВКП(б)… и др. с просьбой практически разрешить вопросы, связанные с задачами, профилем и структурой нашего института… Однако мы до сего времени не имеем решения по всем этим вопросам. Ввиду этого Институт находится в крайне затруднительном положении, так как не может развернуть самых неотложных подготовительных работ к будущему учебному году. Отсутствие определенного решения о нашем Институте не дает нам возможности приступить уже сейчас к организации набора студентов, к подбору преподавательских кадров, к расставлению учебных программ и планов и т.д. Создается, таким образом, угроза срыва нормальной подготовки 1939/40 уч. года»[115].

Обращения руководства МИВ возымели свое действие. 28 июля 1939 г. Всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНК СССР постановил: *«В целях улучшения подготовки кадров для практической научной и педагогической работы по вопросам зарубежного Востока – реорганизовать Московский институт Востоковедения имени Нариманова во ВСЕСОЮЗНЫЙ ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ»*[116]. Основной задачей института объявлялась *«подготовка кадров, владеющих современными восточными языками для практической научной и педагогической работы в учреждениях и организациях СССР по вопросам зарубежного Востока»*. Институт должен был готовить: «*а) переводчиков восточных языков; б) преподавателей восточных языков, хорошо знающих историю, географию и экономику отдельных стран Востока; в) референтов и переводчиков по странам Востока из состава в первую очередь практических работников наркоматов и учреждений СССР»*[117].

Срок обучения в институте был определен в три года. В институте появилось два факультета: 1. Лингвистический, готовивший переводчиков; 2. Особый факультет – для подготовки и переподготовки *«кадров специального назначения»*. Одновременно сохранялись старые языковые секторы: китайский, японский, монгольский, иранский, афганский, турецкий, арабский. Теперь во Всесоюзный институт восточных языков принимались лица, имевшие среднее образование и являвшиеся членами партии или комсомольцами. На Особый факультет принимались лица, *«имеющие образование не ниже среднего (в объеме десятилетки) из состава практических работников по Востоку по командировкам ЦК ВКП(б), наркоматов и др. учреждений союзного значения»*. При институте сохранялась аспирантура, *«готовящая специалистов по языкам и литературе, истории и экономике стран зарубежного Востока»*[118]. Библиотека института была значительно пополнена книгами из других учебных заведений и насчитывала теперь 245 тысяч томов. Кроме того, в институте было создано свое издательство, в котором уже в 1940 г. было издано более 20 публикаций.

***

В годы войны Всесоюзный институт восточных языков был эвакуирован в город Фергану Узбекской ССР, но продолжал готовить студентов. В конце 1943 г. институт вернулся в Москву, но после пребывания в эвакуации он как учебное заведение был дезорганизован, тем более что часть его материальной базы в Москве была утрачена. В результате он был преобразован и вновь получил название Московский институт востоковедения. 27 января 1944 г. СНК СССР принял постановление *«О мероприятиях по укреплению Московского института Востоковедения»,* в котором говорилось: *«В целях укрепления Московского института Востоковедения и улучшения подготовки специалистов востоковедов Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет: 1. Увеличить срок обуче-*

ния в Московском институте Востоковедения с 3 до 4 лет. 2. Обязать Комитет по Делам Высшей Школы при Совнаркоме СССР: а) довести к 1 октября 1944 г. количество студентов в Московском институте Востоковедения до 700 человек; б) пересмотреть и утвердить учебные планы и программы… усилив в них общеобразовательную и страноведческую подготовку выпускаемых специалистов по востоковедению…»[119]. Студенты, аспиранты и профессорско-преподавательский состав освобождались от призыва в Красную армию. Институту передавалось новое здание бывшего Московского института истории, философии и литературы (Ростокинский проезд, дом 13а) со всеми постройками и оборудованием; под общежитие студентов было передано несколько корпусов в Алексеевском студенческом городке; библиотеку Московского института востоковедения включили в число научных библиотек союзного значения. МИВ был доукомплектован преподавательским составом и начал регулярный плановый прием студентов. 3 октября 1944 г. последовало новое постановление СНК СССР «О мероприятиях по улучшению подготовки кадров по странам зарубежного Востока в Московском институте Востоковедения». Согласно ему, МИВ должен был готовить *«высококвалифицированных референтов-переводчиков по странам зарубежного Востока»*. Срок обучения увеличивался до пяти лет. В программу входили востоковедческие дисциплины: восточные языки и литература, новая история Востока, ислам и мусульманское право, буддизм, ламаизм, конфуцианство, даосизм, синтоизм и др. Наряду с ними студенты изучали ряд дисциплин, касавшихся выбранной ими для специализации страны Востока, в том числе физическую и экономическую географию выбранной страны и сопредельных с ней стран Востока, этнографию, древнюю, среднюю и новую историю выбранной страны, современный государственный строй выбранной страны и сопредельных стран. Кроме того, в учебном плане значились такие предметы, как история внешних отношений СССР, история дипломатии и международное право.

В начале 1950-х годов в МИВ ежегодно принимались 250–300 человек; в 1954 г. всего в институте обучалось 896 человек. На двух факультетах (Ближнего Востока и Дальнего Востока) имелись отделения: китайское, синьцзянское, монгольское, японское, корейское, турецкое, иранское, индийское, арабское, афганское и индонезийское. Выпускники института знали восточный язык выбранной ими страны, ее историю и экономику, западный язык (английский или французский), имели основательную подготовку в марксистско-ленинских дисциплинах (на их изучение выделялась значительная часть учебного времени). В разные годы официальная запись в дипломе о полученной специальности формулировалась по-разному: «востоковед», «референт по стране», «страновед».

В 1948–1952 гг. должность директора института занимал бывший работник Министерства внешней торговли Д.И. Тарковский, а в 1952–1954 гг. – иранист К.А. Болдырев, работавший ранее на историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. Преподавательский состав института отличался неоднородностью. Наряду с кафедрами, возглавлявшимися такими крупными востоковедами, как академик В.А. Гордлевский, член-корреспондент Н.К. Дмитриев, профессора Х.К. Баранов, Г.Д. Санжеев, Г.Н. Войтинский, Э.Я. Брегель, Н.Ф. Яковлев и др., существовали кафедры со слабым преподавательским составом. Серьезный ущерб преподавательским кадрам МИВ был нанесен в период борьбы с «космополитизмом» и «марризмом». В частности, как «неразоружившийся маррист» из МИВ был изгнан крупный лингвист профессор Н.Ф. Яковлев.

В первой половине 1950-х годов МИВ оказался в некотором кризисе. Институт совсем не готовил специалистов по странам Юго-Восточной Азии и Цейлону,

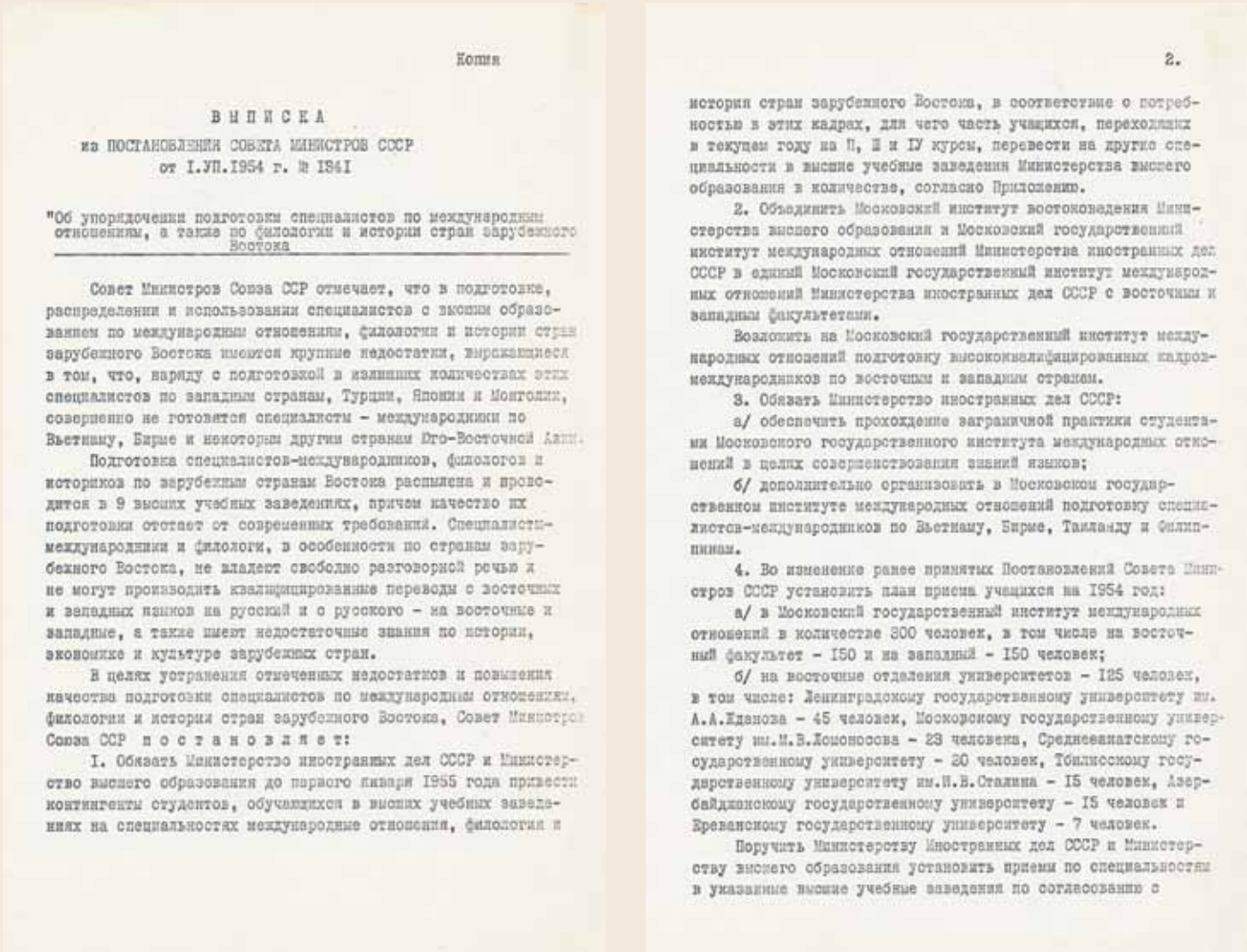
что во многом обусловило дефицит специалистов по этим странам. Попыткой решить эту проблему стало ориентирование в 1952 г. пятерых выпускников, владевших французским и имевших склонность к языкам, на изучение в аспирантуре Вьетнама с перспективой стать преподавателями вьетнамского языка, истории и экономики страны. Обнаружился недостаток учебников, словарей восточных языков, методических пособий. Имелись трудности и с распределением выпускников МИВ, так как прием в институт производился на общих основаниях, а при распределении выпускники с «неблагополучными анкетами» испытывали трудности. В результате в 1953 г. из 220 выпускников не получили работу 57 человек. В ЦК КПСС поступали десятки жалоб от нераспределенных студентов института.

***

Поводом для начала разработки нового проекта преобразования Московского института востоковедения стало письмо 1-го секретаря Центрального комитета Коммунистической партии Таджикской ССР Б.Г. Гафурова, отправленное 11 мая 1950 г. в ЦК ВКП(б) на имя Г.М. Маленкова. В нем, в частности, говорилось: *«...Победа народно-освободительного движения в Китае с каждым днем оказывает все большее влияние на все страны Востока... Влияние революционного Китая особенно сказывается на положении в Индии и Пакистане. Нет никакого сомнения, что в ближайшее время мы будем свидетелями крупнейших событий в этих странах. Однако мы к этим событиям подготовлены очень плохо… Кадры востоковедов готовят: Институт востоковедения в Москве, восточные факультеты Московского, Ленинградского, Тбилисского, Ереванского и Ташкентского университетов. Кадры, выпускаемые этими учебными заведениями, стоят на крайне низком уровне. В 1947–1948–1949 гг. в Таджикистан на практику приезжали группы выпускников этих Учебных заведений. Почти все они не могут разговаривать на индустани, урду и пушту, только при помощи словарей в состоянии перевести легкий текст. Выпускники Института востоковедения и восточных факультетов плохо знают географию, историю, этнографию восточных стран и современное положение в них. Я считаю, что сейчас крайне необходимо предпринять целый ряд неотложных мер по исправлению создавшегося положения»*[120].

Г.М. Маленков поручил ответить на письмо Б.Г. Гафурова ответственным работникам ЦК ВКП(б) В.С. Кружкову, Ю.А. Жданову, М.Д. Яковлеву, которые ограничились общим ответом. Однако тревогу о состоянии и подготовке востоковедных кадров выразили и в самом ЦК ВКП(б) (с 1952 г. КПСС). По заданию М.А. Суслова сотрудники аппарата ЦК подготовили докладную записку «О состоянии научной работы в области востоковедения»[121], в которой, в частности, говорилось о неблагополучии в деле подготовки востоковедов. В ней говорилось: *«Подготовка кадров по востоковедению в вузах и научных учреждениях отстает от растущих потребностей научной и практической работы, ведется без учета наших возросших государственных интересов в странах Ближнего, Среднего и Дальнего Востока... По многим важным странам Востока специалисты совершенно не готовятся... Запущенность дела подготовки кадров по новой и новейшей истории Востока является серьезной помехой на пути развития советского востоковедения»*[122].

1-й секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев дал поручение заведующему отделом административных и торгово-финансовых органов ЦК КПСС А.Л. Дедову разобраться с положением в МИВ. 28 марта 1953 г. А.Л. Дедов внес предложения о мерах по устранению выявленных в МИВ недостатков, касавшихся в основном организационно-финансовых вопросов: *«Поручить Министерству иностранных дел, Комитету го-*



Копия

ВЫПИСКА

из ПОСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР
от I.УП.1954 г. № 1341

"Об упорядочении подготовки специалистов по международным отношениям, а также по филологии и истории стран зарубежного Востока

Совет Министров Союза ССР отмечает, что в подготовке, распределении и использовании специалистов с высшим образованием по международным отношениям, филологии и истории стран зарубежного Востока имеются крупные недостатки, выражающиеся в том, что, наряду с подготовкой в излишних количествах этих специалистов по западным странам, Турции, Японии и Монголии, совершенно не готовятся специалисты – международники по Вьетнаму, Бирме и некоторым другим странам Юго-Восточной Азии.

Подготовка специалистов-международников, филологов и историков по зарубежным странам Востока распылена и проводится в 9 высших учебных заведениях, причем качество их подготовки отстает от современных требований. Специалисты-международники и филологи, в особенности по странам зарубежного Востока, не владеют свободно разговорной речью и не могут производить квалифицированные переводы с восточных и западных языков на русский и с русского – на восточные и западные, а также имеют недостаточные знания по истории, экономике и культуре зарубежных стран.

В целях устранения отмеченных недостатков и повышения качества подготовки специалистов по международным отношениям, филологии и истории стран зарубежного Востока, Совет Министров Союза ССР п о с т а н о в л я е т:

I. Обязать Министерство иностранных дел СССР и Министерство высшего образования до первого января 1955 года привести контингенты студентов, обучающихся в высших учебных заведениях на специальностях международные отношения, филология и

2.

история стран зарубежного Востока, в соответствие с потребностью в этих кадрах, для чего часть учащихся, переходящих в текущем году на П, Ш и IУ курсы, перевести на другие специальности в высшие учебные заведения Министерства высшего образования в количестве, согласно Приложению.

2. Объединить Московский институт востоковедения Министерства высшего образования и Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел СССР в единый Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел СССР с восточным и западным факультетами.

Возложить на Московский государственный институт международных отношений подготовку высококвалифицированных кадров-международников по восточным и западным странам.

3. Обязать Министерство иностранных дел СССР:

а/ обеспечить прохождение заграничной практики студентами Московского государственного института международных отношений в целях совершенствования знаний языков;

б/ дополнительно организовать в Московском государственном институте международных отношений подготовку специалистов-международников по Вьетнаму, Бирме, Таиланду и Филиппинам.

4. Во изменение ранее принятых Постановлений Совета Министров СССР установить план приема учащихся на 1954 год:

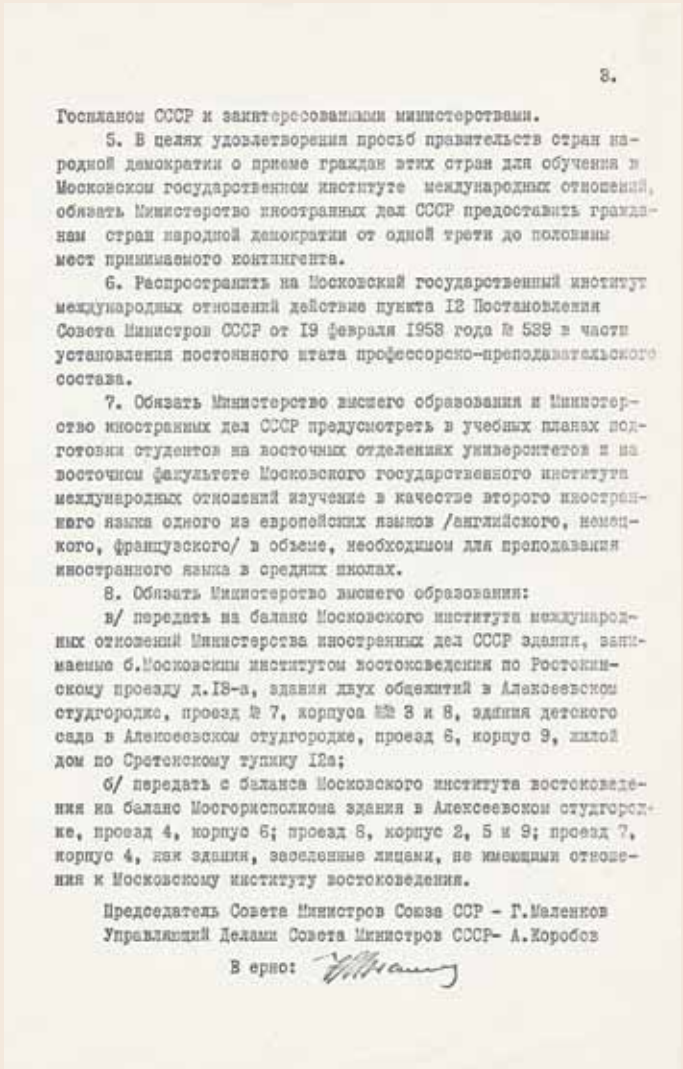
а/ в Московский государственный институт международных отношений в количестве 300 человек, в том числе на восточный факультет – 150 и на западный – 150 человек;

б/ на восточные отделения университетов – 125 человек, в том числе: Ленинградскому государственному университету им. А.А.Жданова – 45 человек, Московскому государственному университету им.М.В.Ломоносова – 23 человека, Среднеазиатскому государственному университету – 30 человек, Тбилисскому государственному университету им.И.В.Сталина – 15 человек, Азербайджанскому государственному университету – 15 человек и Ереванскому государственному университету – 7 человек.

Поручить Министерству Иностранных дел СССР и Министерству высшего образования установить приемы по специальностям в указанные высшие учебные заведения по согласованию с

Выписка из постановления Совета министров СССР № 1341 от 1 июля 1954 г.

сударственной безопасности при Совете министров СССР, Министерству обороны, Министерству внешней торговли, Министерству внутренних дел, ТАСС, Комитету радиовещания, Главному управлению гражданского воздушного флота совместно с Министерством высшего образования СССР внести в ЦК КПСС необходимые предложения об использовании выпускников института на работе в центральных и местных органах этих министерств и ведомств. Поручить Министерству высшего образования СССР сократить число студентов на 1, 2, 3-м курсах путем перевода их в другие высшие учебные заведения. Начиная с 1954 г.



8.

Госпланом СССР и заинтересованными министерствами.

5. В целях удовлетворения просьб правительств стран народной демократии о приеме граждан этих стран для обучения в Московском государственном институте международных отношений, обязать Министерство иностранных дел СССР предоставить гражданам стран народной демократии от одной трети до половины мест принимаемого контингента.

6. Распространить на Московский государственный институт международных отношений действие пункта 12 Постановления Совета Министров СССР от 19 февраля 1958 года № 539 в части установления постоянного штата профессорско-преподавательского состава.

7. Обязать Министерство высшего образования и Министерство иностранных дел СССР предусмотреть в учебных планах подготовки студентов на восточных отделениях университетов и на восточном факультете Московского государственного института международных отношений изучение в качестве второго иностранного языка одного из европейских языков /английского, немецкого, французского/ в объеме, необходимом для преподавания иностранного языка в средних школах.

8. Обязать Министерство высшего образования:

а/ передать на баланс Московского института международных отношений Министерства иностранных дел СССР здания, занимаемые б.Московским институтом востоковедения по Ростокинскому проезду д.18-а, здания двух общежитий в Алексеевском студгородке, проезд № 7, корпуса №№ 3 и 8, здания детского сада в Алексеевском студгородке, проезд 6, корпус 9, жилой дом по Сретенскому тупику 12а;

б/ передать с баланса Московского института востоковедения на баланс Моссовета здания в Алексеевском студгородке, проезд 4, корпус 6; проезд 8, корпус 2, 5 и 9; проезд 7, корпус 4, как здания, заселенные лицами, не имеющими отношения к Московскому институту востоковедения.

Председатель Совета Министров Союза ССР – Г.Маленков
Управляющий Делами Совета Министров СССР– А.Коробов

В ерно:

сократить прием в Московский институт востоковедения до 60–65 человек»[123].

Вопрос о закрытии МИВа не ставился, но конкретных предложений по улучшению структуры института и качества учебного процесса в записке также не содержалось. Совет министров СССР оперативно откликнулся на предложения А.Л. Дедова распоряжением № 9464-Р от 18 июля 1953 г., предоставив руководству МИВ право сократить прием абитуриентов. На первый курс в 1953 г. было принято 200 человек вместо 330; часть студентов второго и третьего курсов была переведена в другие вузы. Для студентов-выпускников пятого курса, не получивших распределения, был организован шестой курс для переподготовки на преподавателей западного языка средней школы.

Аналитическая записка А.Л. Дедова была направлена министру культуры СССР П.К. Пономаренко, которому предлагалось высказать свое мнение по вопросу подготовки востоковедов и их распределения. 22 октября 1953 г. он послал свои предложения на имя Н.С. Хрущева: *«Основной недостаток в распределении молодых специалистов, оканчивающих Институт востоковедения, вытекает, главным образом, из того, что существует разрыв между планированием подготовки и действительной потребностью народного хозяйства в специалистах-востоковедах. В данном случае органы Госплана СССР, которые занимаются вопросами планирования приема в вузы и составления плана межведомственного распределения молодых специалистов, в достаточной степени не изучают этот вопрос и не проявляют настоящей заботы по выявлению потребности в специалистах-востоковедах... Мероприятия, направленные на выполнение распоряжения Совета министров СССР от 18 июля 1953 г. № 9464-Р, приведут в соответствие выпуск специалистов-востоковедов с потребностью народного хозяйства в них при устранении недостатков в распределении их со стороны Госплана СССР. Какие-либо другие дополнительные мероприятия проводить в настоящее время считаю нецелесообразным»*[124].

Докладная записка А.Л. Дедова и мнение П.К. Пономаренко поступили в Отдел науки и культуры ЦК КПСС, специалисты которого в письме на имя

Н.С. Хрущева от 31 октября 1953 г. уведомили его о решениях по данному вопросу: *«Министр культуры СССР т. Пономаренко сообщил, что меры, предусмотренные распоряжением Совета министров СССР от 18 июля 1953 г., позволяют привести в соответствие выпуск специалистов востоковедов с потребностью в них народного хозяйства. Проведение каких-либо других дополнительных мероприятий, по мнению т. Пономаренко, в настоящее время является нецелесообразным. Отдел науки и культуры ЦК КПСС с мнением т. Пономаренко по данному вопросу согласен. Считаем возможным на этом закончить рассмотрение докладной записки т. Дедова»*.

Однако неожиданно 1 июля 1954 г. Совет министров СССР принял постановление № 1341 «Об упорядочении подготовки специалистов по международным отношениям, а также по филологии и истории стран зарубежного Востока», которое предусматривало закрытие Московского института востоковедения и перевод его студентов пятого курса, а также преподавательского состава в Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) Министерства иностранных дел. Распределение выпускников Восточного факультета МГИМО возлагалось на Министерство иностранных дел. Одновременно Министерству высшего образования поручалось до 15 сентября 1954 г. закончить перевод студентов в другие вузы (всего на втором, третьем и четвертом курсах обучалось 673 студента). В связи с принятыми решениями в МГИМО был организован новый Восточный факультет, первым деканом которого стал китаист Г.А. Ганшин.

ГЛАВА 4

МГИМО–Университет

§ 1. Становление востоковедных школ МГИМО

В 1954 г. в состав МГИМО был включен Московский институт востоковедения. В результате реорганизации МГИМО существенно расширился перечень изучаемых языков и стран (Китай, Индия, Иран, Турция, Афганистан, страны Арабского Востока). Профессорско-преподавательский состав пополнился видными востоковедами, в том числе – заведующим кафедрой языков Ближнего и Среднего Востока, известным арабистом Харлампием Карповичем Барановым, профессором Бетси Яковлевной Шидфар, крупным ученым-тюркологом Владимиром Михайловичем Насиловым, прекрасным теоретиком и практиком персидского языка Лазарем Самойловичем Пейсиковым, блестящим знатоком китайского языка Николаем Николаевичем Коротковым, видным японистом Евгенией Львовной Наврон-Войтинской. Директором МГИМО в ноябре 1955 г. был назначен заведующий кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока Ленинградского университета профессор Михаил Сергеевич Иванов.

Преподаватели-востоковеды принесли с собой традиции российской востоковедной школы: уважительное, трезвое отношение к тому народу Востока, чей язык, историю, культуру, традиции изучали.

Именно эта школа дала стране академика РАН, видного государственного деятеля Евгения Максимовича Примакова, крупнейших ученых – академиков Владимира Степановича Мясникова, Нодари Александровича Симонию, видных советских и российских дипломатов Игоря Алексеевича Рогачева, Александра Николаевича Панова, министра иностранных дел России Сергея Викторовича Лаврова, Чрезвычайного и Полномочного Посла России в Индии Александра Михайловича Кадакина, Посла России в Китайской Народной Республике Андрея Ивановича Денисова и многих других. Практически все посольства в странах Азии и Африки возглавляют выпускники МГИМО, ректором которого является академик Анатолий Васильевич Торкунов – также востоковед и выпускник МГИМО. Выпускником востоковедной школы МГИМО является и ректор Дипломатической академии Е.П. Бажанов (китаист).

Выпускники-востоковеды трудятся в государственных и правительственных структурах, международных организациях, а также отстаивают интересы стра-

Лазарь Самойлович Пейсиков

Харлампий Карлович Баранов

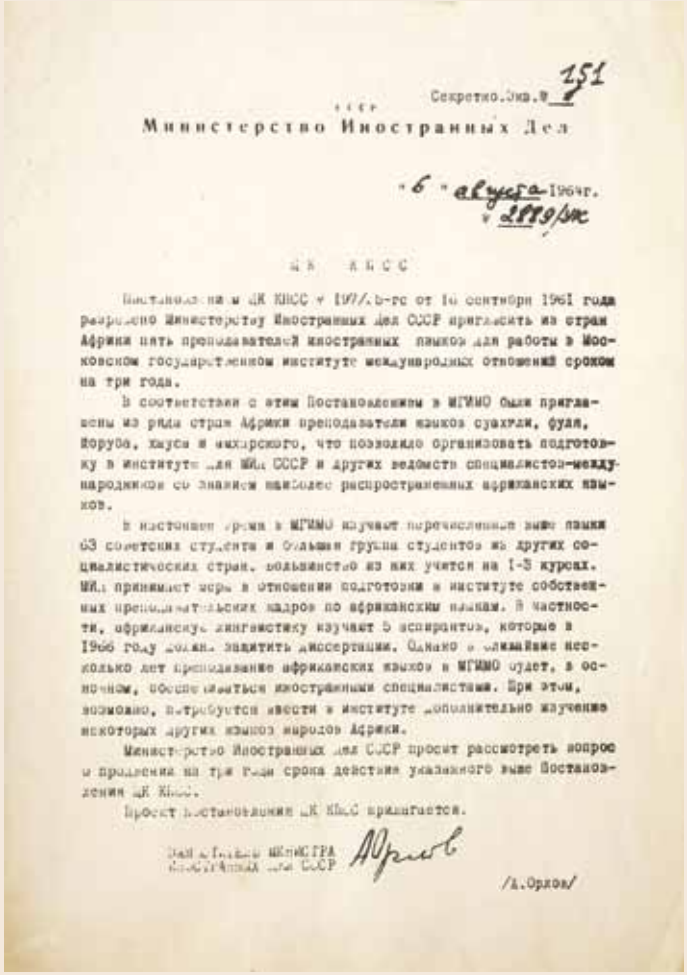
Бетси Яковлевна Шидфар

Евгения Львовна Наврон-Войтинская

ны, работая в спецслужбах. Леонид Владимирович Шебаршин возглавлял ПГУ (разведка) КГБ СССР. Директором Службы внешней разведки России и, позднее, первым заместителем министра иностранных дел России являлся Чрезвычайный и Полномочный Посол Вячеслав Иванович Трубников.

Включение в состав МГИМО такого крупного учебного заведения, как Московский институт востоковедения, имело серьезные позитивные последствия. В МИВ все студенты изучали два иностранных языка – восточный и западный. Принцип изучения двух языков был распространен на все специальности МГИМО.

В 1960-е годы продолжилось расширение «языковой базы» МГИМО. Советский Союз установил дипломатические отношения с десятками новых государств Африки и Азии, что потребовало подготовки специалистов, знающих не только восточные языки, но и языки народов Африки – хауса, йоруба, фула и другие. В МГИМО началось становление африканистики. До этого времени знатоки языков народов Африки работали в основном как этнографы, а школы африканистов развивались в институтах АН СССР и Ленинградском университете. В последующие годы в институте сло-



Секретно.Экз.№ 151

СССР

Министерство Иностранных Дел

«6» августа 1964г.

№ 2879/мк

ЦК КПСС

Постановлением ЦК КПСС № 1077-р от 16 сентября 1961 года разрешено Министерству Иностранных дел СССР пригласить из стран Африки пять преподавателей иностранных языков для работы в Московском государственном институте международных отношений сроком на три года.

В соответствии с этим Постановлением в МГИМО были приглашены из ряда стран Африки преподаватели языков суахили, фула, йоруба, хауса и языка киконго, что позволило организовать подготовку в институте для МИД СССР и других ведомств специалистов-международников со знанием наиболее распространенных африканских языков.

В настоящее время в МГИМО изучают перечисленные выше языки 63 советских студента и большая группа студентов из других социалистических стран, большинство из них учится на 1-3 курсах. МИД принимает меры в отношении подготовки в институте собственных преподавательских кадров по африканским языкам. В частности, африканскую лингвистику изучает 5 аспирантов, которые в 1966 году должны защитить диссертации. Однако в ближайшие несколько лет преподавание африканских языков в МГИМО будет, в основном, обеспечиваться иностранными специалистами. При этом, возможно, потребуется ввести в институте дополнительно изучение некоторых других языков народов Африки.

Министерство Иностранных дел СССР просит рассмотреть вопрос о продлении на три года срока действия указанного выше Постановления ЦК КПСС.

Проект Постановления ЦК КПСС прилагается.

Заместитель Министра Иностранных дел СССР А.Орлов

/А.Орлов/

Постановление МИД СССР № 151 от 6 августа 1964 г.

жилась своя школа африканистов из числа выпускников, прошедших подготовку в аспирантуре.

Первым деканом Восточного факультета был назначен Иосиф Иосифович Палюкайтис, выпускник Лазаревского института, работавший ранее в НКИД СССР и Московском институте востоковедения.

Середина 1970-х годов ознаменовалась существенным усилением прикладного характера исследований ученых МГИМО. Существенные преобразования

Владимир Степанович Мясников

Евгений Максимович Примаков

Нодари Александрович Симония

имели место и в обучении иностранных студентов. В 1977 г. деканом, а затем и проректором по международным связям стал востоковед Анатолий Васильевич Торкунов, ныне академик Российской академии наук, в 1992 г. возглавивший МГИМО на переломном для института этапе.

Книжная коллекция Лазаревского института в Музее редкой книги МГИМО

Игорь Алексеевич Рогачев

Сергей Викторович Лавров

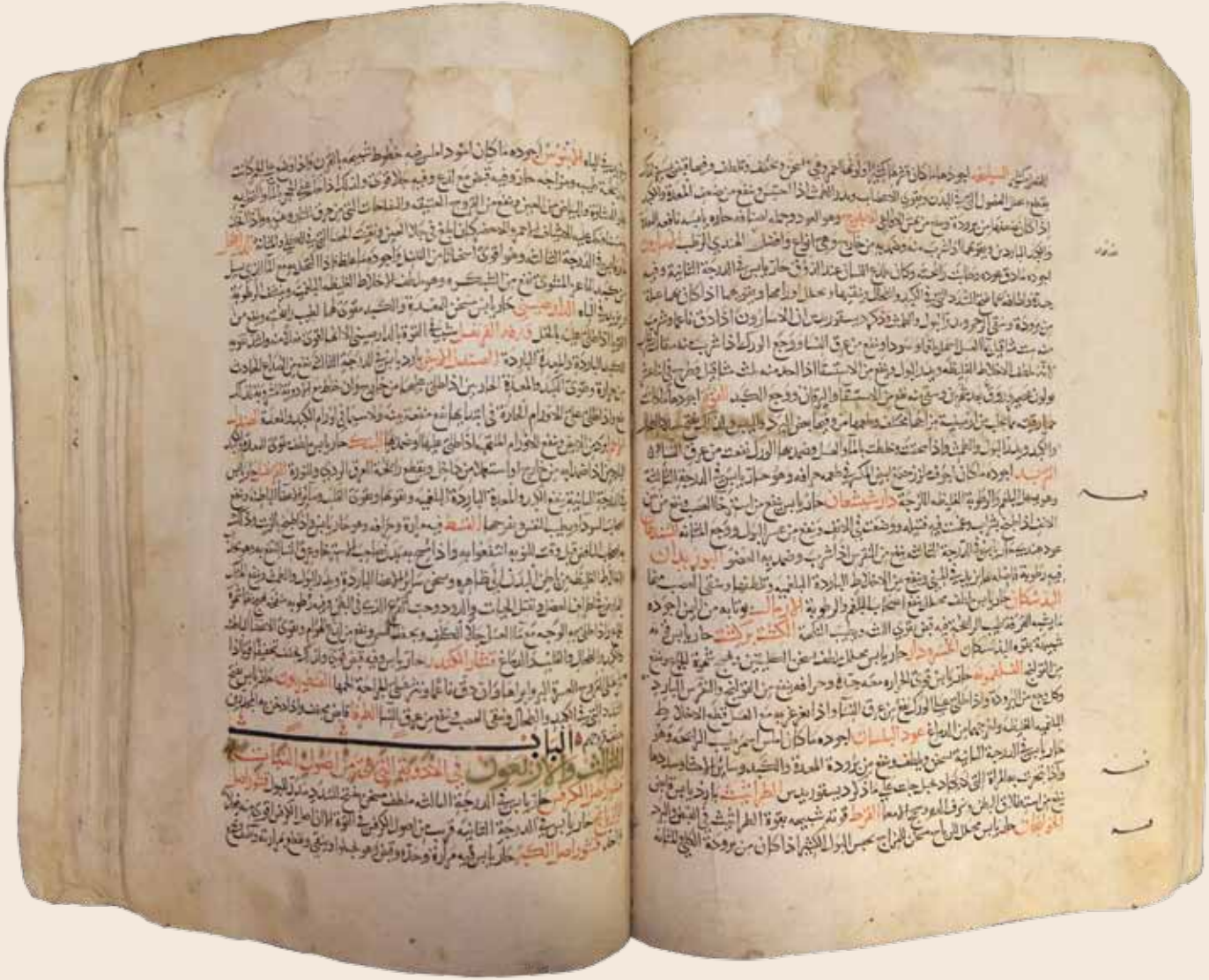
Александр Николаевич Панов

В 1954 г., когда в состав МГИМО был включен Московский институт востоковедения, произошло слияние двух библиотек. Это значительно обогатило книжную коллекцию, так как Институт востоковедения вел свою летопись от Лазаревского училища восточных языков, располагавшего, как уже отмечалось, прекрасным книжным собранием. Гордостью библиотеки МГИМО являются 176 рукописей и более 21 тысячи редких изданий XIII – начала XX в. Среди них первые и прижизненные издания произведений выдающихся ученых, писателей и общественных деятелей, книги с автографами Н.М. Пржевальского, А.Н. Куропаткина, А.Е. Крымского и других известных людей. Фонды Лазаревской библиотеки насчитывали около

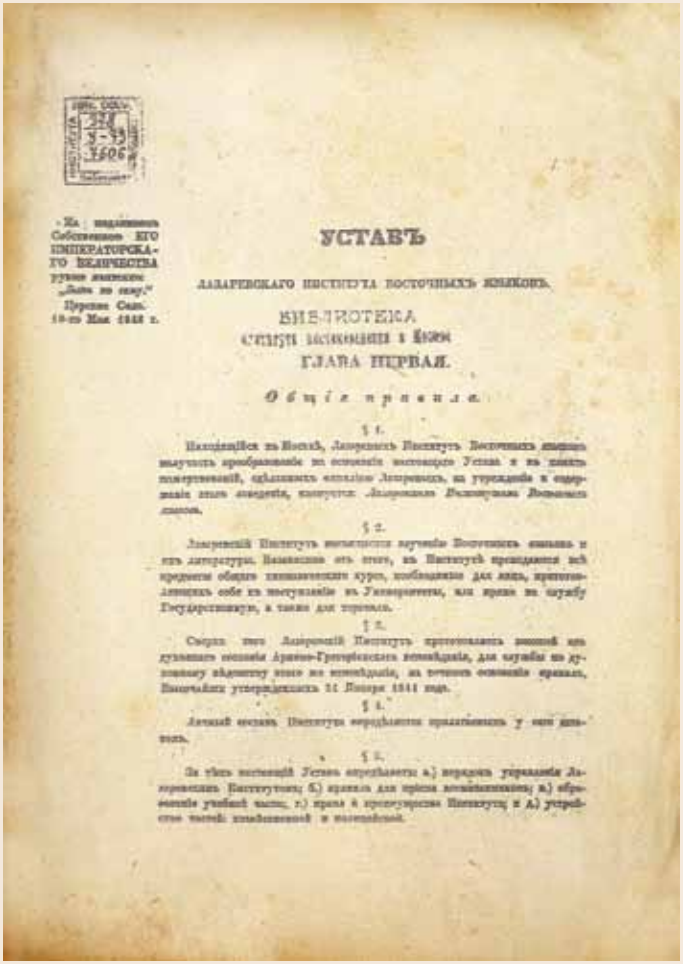
Евгений Петрович Бажанов

Собрание книг библиотеки Лазаревского института в Музее редкой книги МГИМО

40 тысяч томов, более трех тысяч из которых унаследовал МГИМО. Среди них: «Устав Московскаго Лазаревскаго института восточных языков 1848 года, мая, 10 дня»; «Грамматика турецко-татарского языка», составленная М.А. Казем-Беком и изданная в Казани в 1839 г.; книга о законах и установлениях китайского правительства, вышедшая в 1781 г. в переводе А.Л. Леонтьева (переводчика Коллегии иностран-



Медицинская энциклопедия на арабском языке «Камил ас-синаат-тиббийа ал-маруфби-л-малаки», 1281 г.



УСТАВЪ

ЛАЗАРЕВСКАГО ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общія правила.

УСТАВЪ

МОСКОВСКАГО ЛАЗАРЕВСКАГО

ИНСТИТУТА

ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ

1848 года мая 10 дня

Устав Московского Лазаревского института восточных языков 1848 г.

ных дел). Самая старая книга в собрании библиотеки МГИМО – медицинский трактат на арабском языке, написанный в 1281 г. Рукопись привезена из Сирии и подарена библиотеке Лазаревского института его преподавателем, известным востоковедом, профессором А.Е. Крымским.

В Музее редкой книги, фактически являющимся читальным залом редких и ценных изданий, проводятся экскурсии для учащихся и гостей университета, тематические выставки книг и рукописей из фонда библиотеки. В музее представлены живописные полотна и сувениры, подаренные известными политическими и общественными деятелями. Достойное место в музее занимают рукописи и редкие книги по восточной тематике.

Сегодня МГИМО успешно сохраняет свое «восточное лицо», являясь ведущим вузом страны по подготовке востоковедов-международников.

Основная востоковедная работа сосредоточена в МГИМО на факультете международных отношений, где преподается самый широкий спектр восточных языков. Сегодня из пятидесяти трех языков, преподающихся в МГИМО, двадцать четыре составляют государственные языки стран Азии и Африки.

В настоящее время из 16 кафедр, входящих в структуру факультета, подготовку востоковедов обеспечивают профилирующие и языковые кафедры, на которых работают около 100 преподавателей.

К числу профилирующих кафедр, обеспечивающих подготовку востоковедов, относятся:

– кафедра востоковедения – крупный учебный и научный центр изучения Востока, готовящий специалистов по всему спектру фундаментальных и прикладных дисциплин, обращенных к исследованию актуальных проблем востоковедения и современного социально-политического развития стран Азии и Африки, а также их внешней политики;

– кафедра международных отношений и внешней политики России – комплексный учебно-научный центр, разрабатывающий вопросы истории и современного периода международных отношений. Она обеспечивает теоретическую подготовку специалистов-международников, в том числе востоковедов. В течение многих лет кафедра ведет научные исследования в области международных отношений и политики России в различных регионах Востока;

– кафедра дипломатии, обеспечивающая всестороннюю подготовку высококвалифицированных специалистов-международников, способных включиться в практическую работу в системе МИД России и в других звеньях государственного аппарата Российской Федерации без дополнительного обучения. Освоение преподаваемых на кафедре дисциплин полезно для работы и в других сферах, в том числе в экономических структурах;

– кафедра мировой экономики – одна из старейших в МГИМО, специализированная кафедра по изучению экономических дисциплин и экономического регионоведения на факультете международных отношений. В настоящее время на кафедре читается более 40 лекционных курсов по отдельным странам и регионам Востока.

Преподавание восточных языков на факультете ведут следующие кафедры:

– кафедра языков стран Ближнего и Среднего Востока – преподавание арабского и турецкого языков, иврита, а также ряда языков Закавказья и Средней Азии – узбекского, туркменского, азербайджанского;

– кафедра индоиранских и африканских языков – преподавание индийских языков хинди, урду, бенгальского, иранских – персидского, дари, пушту, таджикского, а также африканских языков – амхарского и суахили;

– кафедра китайского, вьетнамского, лаосского и тайского языков осуществляет языковую подготовку студентов-международников, специализирующихся на изучении стран Восточной и Юго-Восточной Азии;

– кафедра японского, корейского, монгольского и индонезийского языков ведет языковую подготовку студентов, специализирующихся на изучении Японии, Корей, Монголии и Индонезии.

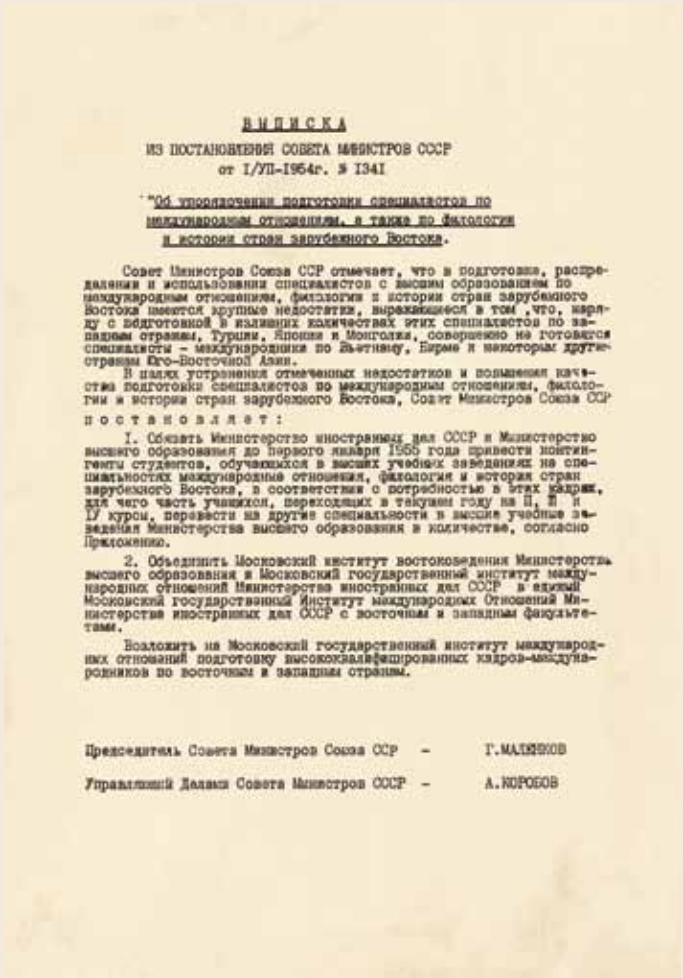
При факультете работают курсы редких языков, на которых школьники в течение двух лет изучают восточные языки, экономико-политическую географию Востока, историю стран Востока, знакомятся с бытом, культурой и литературой стран Азии и Африки. Цель курсов – подготовить учащихся к поступлению в МГИМО в рамках целевого набора МИД.

§ 2. Востоковедные школы. Преподавание языков и международные исследования

После объединения МИВ с МГИМО и вхождения его сотрудников в ряды МГИМО на факультете международных отношений были созданы условия для дальнейшего развития лучших востоковедных традиций. Были образованы Восточный факультет и девять кафедр восточных языков, которые до этого в МГИМО не преподавались. Немало известных ученых продолжили здесь свою научную и педагогическую деятельность.

Вторая половина XX в. потребовала дисциплинарной специализации внутри востоковедения, отражением чего стало появление работ по истории, дипломатии, экономике стран Востока и одновременно научной актуализации знания. Примером быстрой реакции на перемены, происходившие в мире в условиях крушения колониальной системы на стыке 1950–1960-х годов, была подготовка специалистов-международников по странам Африки, среди которых следует упомянуть таких выпускников, защитивших кандидатские и докторские диссертации, как А.М. Глухов, В.В. Егоров, П.И. Польшиков, Г.В. Фокеев.

Академики Е.М. Примаков, А.В. Торкунов, С.Л. Тихвинский, В.С. Мясников на заседании, посвященном 185-летию Лазаревского института восточных языков



ВЫПИСКА

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР
от I/УП-1954г. № 1341

"Об упорядочении подготовки специалистов по международным отношениям, а также по филологии и истории стран зарубежного Востока.

Совет Министров Союза ССР отмечает, что в подготовке, распределении и использовании специалистов с высшим образованием по международным отношениям, филологии и истории стран зарубежного Востока имеются крупные недостатки, выражающиеся в том ,что, наряду с подготовкой в излишних количествах этих специалистов по западным странам, Турции, Японии и Монголии, совершенно не готовятся специалисты – международники по Бирме и некоторым другим странам Юго-Восточной Азии.

В целях устранения отмеченных недостатков и повышения качества подготовки специалистов по международным отношениям, филологии и истории стран зарубежного Востока, Совет Министров Союза ССР

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

I. Обязать Министерство иностранных дел СССР и Министерство высшего образования до первого января 1955 года привести контингенты студентов, обучающихся в высших учебных заведениях на специальностях международные отношения, филология и история стран зарубежного Востока, в соответствии с потребностью в этих кадрах, для чего часть учащихся, переходящих в текущем году на II, III и IУ курсы, перевести на другие специальности в высшие учебные заведения Министерства высшего образования в количестве, согласно Приложению.

2. Объединить Московский институт востоковедения Министерства высшего образования и Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел СССР в единый Московский государственный Институт международных Отношений Министерства иностранных дел СССР с восточным и западным факультетами.

Возложить на Московский государственный институт международных отношений подготовку высококвалифицированных кадров-международников по восточным и западным странам.

Председатель Совета Министров Союза ССР – Г.МАЛЕНКОВ

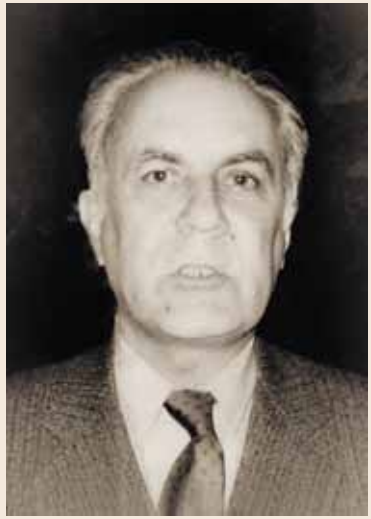
Управляющий Делами Совета Министров СССР – А.КОРОБОВ

Выписка из постановления Совета Министров СССР №1341 от 1954 г.

Востоковедов всегда отличала их преданность профессии, стремление глубже постичь Восток во всем его многообразии. Будущие известные – и не только в нашей стране – академики и доктора наук приобщались к исследовательской работе еще в рамках научных студенческих кружков (сегодня – научных клубов), а после окончания института – пройдя обучение в аспирантуре.

Сергей Леонидович Тихвинский

Леонид Борисович Алаев



Арлен Ваагович Меликсетов

Кафедра востоковедения МГИМО готовит специалистов по всему спектру фундаментальных, прикладных и востоковедных дисциплин, сочетающих в себе всю многоаспектность богатейшего историко-культурного наследия, традиционных основ афро-азиатских обществ и их нынешнего состояния, формируемого вызовами современности. Состав преподаваемых дисциплин включает как предметы традиционного историко-цивилизационного цикла, так и новые курсы, потребность в которых вызвана запросами современности.

История кафедры связана с именами известных ученых и дипломатов – Сергея Леонидовича Тихвинского, Леонида Николаевича Кутакова, Петра Владимировича Милоградова, Эсфири Яковлевны Файнберг, Татьяны Сергеевны Коротковой, Леонида Борисовича Алаева, а также представителя более молодого поколения, первого в МГИМО историка-африканиста Василия Васильевича Егорова. Нынешние преподаватели – по большей части их ученики.

Исследовательские ориентиры кафедры были определены известным китаеведом Арленом Вааговичем Меликсетовым, который заведовал ею в 1969–1986 гг. Эти ориентиры обращены к актуальным проблемам комплексного востоковедения и современного социально-политического и внешнеполитического развития стран Азии и Африки.

Вторая половина 1980-х годов оказалась не лучшим временем для кафедры. «Перестройка» коснулась и ее. В 1985 г. кафедра востоковедения, объединенная с кафедрой истории стран Европы и Америки, получила название «всеобщей истории». Объединение было недолгим, и в 1989 г. все вернулось на круги своя.

С 1989 по 1999 г. заведующими кафедрой были Галина Борисовна Горошко, Надежда Васильевна Степанова и Лариса Михайловна Ефимова. В эти годы с особой силой проявились лучшие черты коллектива: ответственность, чувство локтя, забота об общем деле и друг о друге. Сотрудники вели научную работу, выпускали учебные пособия, обновляли программы. Защищались кандидатские и докторские диссертации. Кафедра сохранила свой учебно-методический и научный потенциал, чему во многом способствовали два обстоятельства.

Алексей Дмитриевич Воскресенский

Дмитрий Викторович Стрельцов

В течение многих лет преподавателем кафедры (а до того – ее студентом и аспирантом) был Анатолий Васильевич Торкунов, ныне академик РАН, ректор МГИМО. В 1995 г. он защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора политических наук по корееведческой проблематике. Материалы диссертационного исследования вошли в опубликованную им в соавторстве с Е.И. Уфимцевым монографию «Корейская проблема: новый взгляд». На основе редких документальных материалов в монографии по-новому раскрываются причины и последствия раскола Корейского полуострова.

Наследие профессора А.В. Меликсетова обрело новую жизнь под руководством другого китаеведа – доктора политических наук, профессора Алексея Дмитриевича Воскресенского, возглавлявшего кафедру в 1999–2008 гг., а в настоящее время являющегося деканом факультета политологии. А.Д. Воскресенский – автор многих работ, изданных в России и за рубежом, посвященных широкому кругу международных исторических, политических и культурологических проблем. Под его руководством сформировалась магистерская программа «Изучение регионов стран Азии и Африки» по зарубежному регионоведению – первая магистратура по данному направлению, открытая на постсоветском пространстве, и одна из первых такого рода в мировом образовательном процессе.

В 2008 г. заведующим кафедрой стал доктор исторических наук, профессор Дмитрий Викторович Стрельцов, известный японовед, автор монографий «Внешнеполитические процессы в странах Востока», «Япония: экономика и общество в океане проблем». В 2013 г. его монография «Япония как “зеленая сверхдержава”» была удостоена Национальной экологической премии. Д.В. Стрельцов – главный редактор интернет-журнала «Japan Studies».

Одной из важнейших составляющих в подготовке специалиста-востоковеда является страноведение, а в его рамках – углубленное изучение общественно-политической истории и современного политического процесса. На кафедре регулярно выпускаются учебные пособия, обобщающие исследования как сотрудников

кафедры, так и других отечественных и зарубежных ученых, посвященные современному развитию отдельных государств Азии и Африки.

Для обеспечения нового учебного курса по политической культуре стран Азии и Африки был подготовлен и опубликован под редакцией Л.М. Ефимовой сборник научных статей преподавателей кафедры при участии сотрудников ИСАА при МГУ «Политическая культура стран Азии и Африки».

За последние десять лет кафедра востоковедения реализовала широкий спектр образовательно-научных инноваций в сфере современных международных отношений и внутриполитического развития стран Азии и Африки, включая вопросы истории, культуры, цивилизации и их влияния на общественно-политическую жизнь афро-азиатских сообществ.

Обновлены все действующие программы курсов в соответствии с требованиями стандартов нового поколения (компетентностный подход). Подготовлены программы новых элективных учебных курсов в бакалавриате факультета международных отношений и бакалавриате факультета политологии: «Зарубежные модели государственной службы», «Традиционная дипломатия», «Ислам в странах Юго-Восточной Азии», «Внешнеполитический процесс в странах Востока» и др.

Профессорско-преподавательский состав кафедры активно участвовал в подготовке курсов для магистратуры по направлению «Зарубежное регионоведение». Среди вновь разработанных программ – «Регионы Востока в мировой политике», «Региональные вызовы современному мировому порядку», «Политические системы и политические процессы в странах Азии и Африки», «Этнополитические и межконфессиональные конфликты в профильном регионе», «Социально-политическая мысль народов Востока: история и современность», «Процессы модернизации и трансформации в профильном регионе», «Этнопсихология и деловой этикет народов профильного региона» и др.

Кафедра активно сотрудничает с другими востоковедными организациями России и прежде всего с Институтом востоковедения и Институтом Дальнего Востока РАН. Ведущие ученые этих научных центров профессора В.Я. Белокреницкий, И.Д. Звягельская, С.Г. Лузянин в течение многих лет работают в МГИМО. Преподаватели кафедры в свою очередь принимают участие в проводимых ИВ РАН и ИДВ РАН научных конференциях, издаваемых коллективных трудах, выступают оппонентами по кандидатским и докторским диссертациям. Преподающие в МГИМО ученые-востоковеды консультируют правительственные и неправительственные организации и учреждения, выезжают в качестве экспертов в составе делегаций на переговоры.

Преподаватели кафедры являются авторами многих монографий, учебников и учебных пособий, посвященных различным аспектам внутреннего развития стран Востока, их внешней политики, в том числе отношениям с Россией. Значительное число работ по Китаю и по широкому кругу международных истори-

Ирина Доновна Звягельская

Михаил Сергеевич Иванов,
директор МГИМО в 1955–1957 гг., выпускник восточного отделения Ленинградского государственного университета, по совместительству являлся старшим научным сотрудником Института востоковедения АН СССР. Одновременно руководил кафедрой истории стран Востока МГИМО. В период его руководства активизировалась редакционно-издательская деятельность МГИМО: в 1956 г. было организовано издательство Института международных отношений. С сентября 1970 г. он заведовал кафедрой стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова.

ческих проблем принадлежит профессору кафедры, декану факультета политологии МГИМО А.Д. Воскресенскому.

А.Д. Воскресенский является ответственным редактором коллективных монографий – «Восток и политика: Политические системы, политические культуры, политические процессы: Научно-методический комплекс», «“Большая Восточная Азия”: мировая политика и региональные трансформации: научно-образовательный комплекс», «Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные», «Китай в мировой политике» и «Восток/Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений» – рекомендованных Учебно-методическим объединением вузов Российской Федерации в качестве учебных пособий для студентов, обучающихся по специальности «Международные отношения» и «Регионоведение». Авторами разделов в этих монографиях являются практически все преподаватели кафедры.

Заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор Н.П. Малетин – автор нескольких учебных пособий по внешней политике стран Юго-Восточной Азии и АСЕАН. Такие его работы, как «АСЕАН – три десятилетия внешней политики», «Вьетнам в системе международных отношений Юго-Восточной Азии (1976–1994)» (в соавторстве), «АСЕАН – три десятилетия, три политики», стали первыми комплексными исследованиями проблем международных отношений в регионе Юго-Восточной Азии, заполнившими существовавший до этого пробел в отечественной историографии.

Л.М. Ефимова – автор значительного числа работ по Индонезии, другим странам ЮВА, опубликованных в российских и зарубежных изданиях. Ей принадлежат разделы в «Исторической энциклопедии Юго-Восточной Азии» (изд-во Санта-Барбара – Оксфорд), статьи в журнале «London Weekly». Ценным учебным пособием является монография Л.М. Ефимовой «Ислам и политика в Индонезии».

Современные проблемы арабских стран нашли отражение в работах профессора Н.В. Степановой. Ею опубликованы учебное пособие «Ирак: 1968–1988», разделы в коллективных монографиях, касающиеся проблем модернизации, интеграции и конфликтных ситуаций в арабском мире. В соавторстве с Г.Б. Горошко изданы два учебных пособия по ключевым вопросам новой истории Востока.

Учебное пособие профессора С.Б. Дружиловского «Турецкая республика в 80–90-е гг.» является базовым ориентиром для всех, кто изучает современную Тур-

цию. Под редакцией С.Б. Дружиловского были подготовлены и выпущены в издательстве МГИМО материалы к лекционному курсу «Новейшая история стран Азии и Африки». Им изданы учебные пособия по актуальным проблемам современного Ирана периода исламской революции и особенностям развития этой страны в 1990-е годы.

Итогом многолетних исследований стали монографии декана факультета международных отношений (МО) Ю.А. Булатова, посвященные сложным вопросам внутриполитического развития Афганистана, – «Хальк и Парчам: основные этапы борьбы за завоевание власти в Афганистане», «К вопросу о возникновении революционно-демократического движения в Афганистане», «Хальк и Парчам в борьбе за политическое лидерство в демократическом движении Афганистана в последние годы существования монархии». В 2009–2011 гг. в рамках сотрудничества МГИМО – БиПи кафедра реализовала научно-исследовательский проект «Внешнеполитический процесс в странах Востока», который завершился изданием одноименной коллективной монографии, вышедшей под редакцией Д.В. Стрельцова.

В 2012 г. увидела свет коллективная монография «Экологические проблемы стран Азии и Африки», подготовленная авторским коллективом профессоров и преподавателей кафедры под редакцией Д.В. Стрельцова и Р.А. Алиева. В том же году увидели свет подготовленные при участии профессоров и преподавателей кафедры учебник «Современные международные отношения» (под ред. академика А.В. Торкунова) и посвященный Азии второй том энциклопедического справочника «Политические системы современных государств».

В 2013 г. кафедрой было подготовлено и издано учебное пособие «Политическая система современной Японии» (под ред. Д.В. Стрельцова).

Юрий Алексеевич Булатов

Среди изданий последних лет необходимо выделить учебное пособие И.Д. Звягельской «История государства Израиль», серию пособий профессора А.Л. Емельянова – «Новая история Африки южнее Сахары», «Колониальная история Африки южнее Сахары», «Постколониальная история Африки южнее Сахары», а также монографию Д.В. Стрельцова «Япония как “зеленая сверхдержава”».

Среди профессоров и преподавателей-иранистов, много лет посвятивших преподавательской работе в МГИМО, прежде всего следует назвать доктора исторических наук, профессора Петра Владимировича Милоградова и кандидата исторических наук Татьяну Сергеевну Короткову, работавших на кафедре в 60–70-х годах прошлого века и подготовивших несколько сотен специалистов-международников для государственных учреждений СССР.

С конца 1970-х годов до настоящего времени иранское направление на кафедре востоковедения ку-

Виктор Григорьевич Коргун

рирует ученик П.В. Милоградова и Т.С. Коротковой, выпускник МГИМО 1977 г., кандидат исторических наук, профессор Сергей Борисович Дружиловский, который кроме многочисленных статей по истории и внешней политике Ирана опубликовал учебное пособие «Социально-политическая история Ирана (конец 1970-х – 1980-е годы» (М.: МГИМО, 1989), монографию «Исламская республика Иран на рубеже 80–90-х годов» (М.: МГИМО, 1992), а также главы в учебниках и в учебных пособиях, в том числе в учебнике «Современные международные отношения» (М.: Аспект Пресс, 2012) и в учебном пособии «Новейшая история стран Азии и Африки» / Ред. и сост. С.Б. Дружиловский (М.: МГИМО-Университет, 2008). Все они активно используются в учебном процессе.

В 1983–2009 гг. С.Б. Дружиловский преподавал также историю Афганистана.

Иранистическое направление в МГИМО в течение ряда лет тесно связано с сотрудничеством с Институтом востоковедения РАН.

Так, после Т.С. Коротковой и С.Б. Дружиловского историю Афганистана преподавал Виктор Григорьевич Коргун – ведущий российский афганист. В 1975 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Социально-политический кризис в Афганистане в конце 20-х – начале 30-х годов XX в.», в 2000 г. – докторскую диссертацию на тему «Формирование и эволюция политической системы современного Афганистана, 1919–1999 гг.». С 2003 г. вплоть до своей кончины он являлся бессменным заведующим сектором Афганистана в Институте востоковедения Российской академии наук.

В.Г. Коргун – автор более 200 научных работ, в том числе пяти монографий. Выдающийся вклад в изучение истории Афганистана В.Г. Коргун внес своими монографиями «Афганистан в 20–30-е годы XX века. Страницы политической истории» (1979), «Интеллигенция в политической жизни Афганистана» (1983), «Афганистан: политика и политики» (1999), «История Афганистана. XX век» (2004), «Россия и Афганистан. Исторические пути формирования образа России в Афганистане» (2009).

Бессменным преподавателем истории арабского Востока на протяжении многих лет на кафедре востоковедения была Надежда Васильевна Степанова – кандидат исторических наук, доцент, работавшая в институте с 1956 г. Она автор более 20 работ, в том числе по общим социально-политическим проблемам развития стран Азии и Африки в новое и новейшее время; учебного пособия «Ирак: 1968–1988 гг.» (М., 1992).

В настоящее время основные учебные курсы по арабскому Востоку («История арабских стран», «Политические системы и политический процесс в арабских странах» и др.) читает Сапронова Марина Анатольевна – выпускница Восточного отделения факультета международных отношений МГИМО, доктор исторических наук, профессор, работающая на кафедре с 1991 г., – автор многих монографий и учебно-методической литературы по социально-политическому и государственно-правовому развитию арабских стран, в частности, таких как «Арабский Восток: власть и конституции» (М., 2001); «Высшие органы государственной власти арабских республик» (М., 2007), «Высшие органы го-

Леонид Николаевич Кутаков,
ректор МГИМО в 1963–1965 гг., выпускник исторического отделения Московского института истории, философии и литературы. С началом Великой Отечественной войны он был призван в действующую армию, откуда в 1943 г. направлен на учебу в Высшую дипломатическую школу НКИД СССР по восточному отделению. С 1946 г., окончив ВДШ с отличием, Леонид Николаевич работал в Архивном управлении МИД СССР в должности атташе, а затем – до 1951 г. – заведующим научно-издательским отделом.

Защитив в 1947 г. кандидатскую диссертацию, Л.Н. Кутаков совмещал работу в центральном аппарате МИД с преподаванием на кафедре всеобщей истории МГИМО (1947–1951). В 1955 г. он был направлен в КНР советником директора Пекинского дипломатического института. Вернувшись в 1957 г. на родину, вновь занял должность заместителя директора МГИМО по научной работе. В 1958–1960 гг. Л.Н. Кутаков работал советником Посольства СССР в Японии.

сударственной власти арабских монархий: конституционный статус и политическая практика» (М., 2008); «Иракская конституция в прошлом и настоящем: из истории конституционного развития Ирака», изданная в Багдаде на арабском языке в 2012 г., и др. По учебным пособиям М.А. Сапроновой «Арабо-мусульманский мир: история, география, общество» (Казань, 2013) и «Политический процесс в арабских странах» (М., 2008) учатся студенты не только МГИМО, но и других востоковедных вузов и факультетов.

Проблематикой ближневосточного конфликта и социально-политического развития Израиля на кафедре востоковедения занимаются доктор исторических наук, профессор Ирина Доновна Звягельская («Ближневосточный клинч. Конфликты на Ближнем Востоке и политика России» (М., 2014)), а также доктор исторических наук, профессор Александр Владимирович Крылов, автор таких монографий, как «Генезис и эволюция израильской поселенческой политики: цели, формы и методы» (2013), «Израильские поселения на оккупированных арабских территориях (1967–2007)» (М., 2011) и др.

Арабисты МГИМО, в частности кафедры востоковедения, в рамках учебного процесса, научно-практических конференций, а также в составе советских (российских) делегаций на международных форумах, внесли свой вклад в разработку и реализацию внешнеполитического курса нашей страны.

Особенностью ближневосточного направления в МГИМО является то, что представлено оно не только преподавателями и научными работниками, но и дипломатами, долгое время работавшими в системе МИД.

Наследный принц Королевства Саудовская Аравия Султан Бен Абдель Азиз Аль Сауд в МГИМО, 2007 г.

Активно сотрудничает с МГИМО известный дипломат Чрезвычайный и Полномочный Посол, выпускник МГИМО 1967 г. Алексей Борисович Подцероб, до 2006 г. работавший в Центральном аппарате МИД России и российских посольствах в Алжире, Ливии, Тунисе, Египте. Перу А.Б. Подцероба, кандидата исторических наук, ведущего научного сотрудника Института востоковедения РАН принадлежат многие монографии, затрагивающие вопросы российско-арабских отношений, социально-политического развития Арабского региона и роли ислама во внутренней и внешней политике.

На кафедре востоковедения всегда преподавали высококвалифицированные востоковеды-историки – специалисты по странам Юго-Восточной Азии. Лионель Яковлевич Дадиани вел курсы по политическим системам государств ЮВА в МГИМО в 1953–1962 гг. Он в 1950 г. с отличием окончил юридический факультет МГИМО. Много лет курс по истории Индонезии читала Елизавета Ивановна Гневушева, широко известная как кропотливый исследователь жизни и деятельности великих русских путешественников, открывших не только для России, но и для мира культурные богатства народов Юго-Восточной Азии. Историю стран Индокитая вел В.А. Зеленцов – ученый и практический работник внешнеполитического фронта. Многие из последующих преподавателей кафедры являются их учениками. Практически все нынешние доценты и профессора, ведущие занятия по региону ЮВА, работали в странах специализации в качестве переводчиков и ответственных сотрудников дипломатических учреждений. Это профессора Л.М. Ефимова, Н.П. Малетин, доценты Е.В. Колдунова, Н.В. Яковлева. Все они являются выпускниками МГИМО, прошедшими все ступени обучения и подготовки внутри университета. Их всегда отличали увлеченность своей профессией, стремление глубже постичь Юго-Восточную Азию во всем ее многообразии. С 2002 г. на кафедре востоковедения работает доцент К.А. Ефремова, выпускница Санкт-Петербургского государственного университета и специалист по Мьянме, защитившая кандидатскую диссертацию в МГИМО.

Николай Павлович Малетин

Заслуженный деятель науки РФ, доктор исторических наук, профессор Н.П. Малетин известен своими работами по международным отношениям и внешней политике государств Юго-Восточной Азии. В 1980 г. в соавторстве с М.С. Капицей он опубликовал политическую биографию первого президента Индонезии Сукарно, а затем монографии «Индонезия: внешняя политика "нового порядка"» (М., 1987) и «Внешняя политика Филиппин (1946–1966 гг.)» (М., 1988, в соавторстве с И.Б. Борисовой). Н.П. Малетин – автор целого ряда учебных пособий по проблемам АСЕАН, он имеет большое количество учеников в России и за рубежом.

Профессор Л.М. Ефимова опубликовала монографии «Религиозные традиции в политической жизни современной Индонезии: 1965–1992» (М.: МГИМО, 1992) и «Сталин и Индонезия. Политика СССР в отношении Индонезии в 1945–1953 годах: неизвестные страницы» (М.: МГИМО, 2004). Эта работа, основанная на важнейших документах из архива И.В. Сталина, привлекла внимание мировой науки и была издана на индонезийском, английском и китайском языках. В 2014 г. в МГИМО (У) вышло ее учебное пособие «Ислам в Юго-Восточной Азии: 21 век» и еще несколько десятков статей и глав в монографиях и учебниках, в том числе изданных в МГУ им. М.В. Ломоносова.

И в концептуальном, и в практическом смысле регионоведческая школа МГИМО по ЮВА – важнейшая в стране.

Современные исследования Юго-Восточной Азии, осуществляемые научно-педагогическими кадрами МГИМО, можно разделить на несколько тематических направлений.

К первому относятся страноведческие работы по истории и современному развитию стран региона, опубликованные Л.М. Ефимовой, Н.П. Малетиным, Е.А. Яковлевой, Е.В. Колдуновой в таких коллективных монографиях, подготовленных кафедрой востоковедения, как «Глобализация и поиск национальной идентичности в странах Востока», «Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные», «Внешнеполитический процесс в странах Востока», «Экологические проблемы стран Азии и Африки», «Территориальный вопрос в Афро-Азиатском мире», «Россия и страны Востока в постбиполярный период». К печати готовятся фундаментальные работы по истории стран Азии и Африки в XX в. и социальному протесту на Востоке, разделы которых также концентрируют внимание на странах Юго-Восточной Азии.

Отдельного упоминания в рамках данного тематического направления заслуживают исследования политических систем и политического процесса в странах региона. Этому посвящены страновые разделы в неоднократно переизданной коллективной монографии под редакцией А.Д. Воскресенского «Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы», а также в энциклопедическом справочнике «Политические системы современных государства» (том 2 «Азия», редактор тома – Е.В. Кол-

Анатолий Васильевич Торкунов,
ректор МГИМО с 1992 г. С 1974 г. работает в МГИМО. В 1977–1983 гг. занимал должности старшего преподавателя, доцента кафедры истории и культуры стран Азии и Африки, декана по работе с иностранными учащимися, проректора по международным связям. В 1983–1986 гг. находился на дипломатической работе – второй, первый секретарь Посольства СССР в Вашингтоне. В 1986 г. был избран деканом факультета международных отношений, в 1989 г. назначен первым проректором МГИМО. С 1992 г. – ректор МГИМО.

В 2003 г. избран членом-корреспондентом Российской академии наук, в мае 2008 г. – академиком РАН. С октября 2010 г. является заместителем академика-секретаря Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН.

А.В. Торкунов – автор или соавтор более 200 научных работ, включая 10 индивидуальных монографий, ведущий специалист по международным отношениям, их региональным подсистемам в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Северо-Восточной Азии, новейшей истории Кореи, истории и практике дипломатии и дипломатической службы. Его научные интересы сосредоточены в области изучения воздействия исторических и внутриполитических факторов на формирование внешнеполитических стратегий государств, исследовании международных конфликтов и путей их разрешения. Среди его изданий: «Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 годов» (М., 2000), «The War in Korea. It's Origin, Bloodshed and Conclusion» (Tokyo, 2001), «История Кореи: новое прочтение» (М., 2003), «Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории» (М., 2008). А.В. Торкунов – соавтор и ответственный редактор учебников «Современные международные отношения» (М., 1998; М., 2000; М., 2013), «Внешняя политика Российской Федерации. 1992–1999» (М., 2000), «Китай в мировой политике» (М., 2001), «Современные международные отношения и мировая политика» (М., 2004), «Дипломатическая служба» (М., 2013), «Дипломатическая служба зарубежных стран» (М., 2015), а также второго тома «Очерков истории Министерства иностранных дел. 1917–2002 гг.» (М., 2002).

Является членом и руководителем секции Научного совета при Совете безопасности Российской Федерации, президентом Российской ассоциации международных исследований, председателем Российской ассоциации содействия ООН, председателем Совета директоров ОАО «Первый канал», сопредседателем Российского исторического общества, сопредседателем российско-польской Группы по сложным вопросам и Комиссии по сложным вопросам истории российско-японских отношений.

дунова), изданном в рамках масштабного проекта «Политический атлас современности». Ряд работ В.В. Сумского посвящен проблемам национализма, авторитаризма и политического развития в странах Юго-Восточной Азии («Национализм и авторитаризм. Политико-идеологические процессы в Индонезии, Пакистане и Бангладеш», «Фердинад Маркос. Зарождение, эволюция и упадок диктатуры на Филиппинах», «Фиеста Филипина. Реформы, революция и активное ненасилие в развивающемся обществе»).

Второе направление исследований Юго-Восточной Азии, активно развивающееся в МГИМО, связано с исследованиями АСЕАН и проблем интеграции в Восточной и Юго-Восточной Азии. В рамках данного направления можно отметить работы Н.П. Малетина, А.А. Байкова, Е.В. Колдуновой. В настоящее время монография Н.П. Малетина «АСЕАН: четыре десятилетия развития» является наиболее комплексным исследованием деятельности Ассоциации, опубликованным на русском языке. Н.П. Малетин, почти всю свою профессиональную жизнь посвятивший анализу эволюции АСЕАН, рассматривает пять хронологических периодов в развитии Ассоциации: становление, реакция на события в Восточном Индокитае, превращение АСЕАН в общерегиональную организацию в ЮВА после присоединения к ней Вьетнама, Лаоса, Мьянмы и Камбоджи, период экономического кризиса и современный период, связанный с попытками Ассоциации укрепить свои позиции в АТР. В 2010 г. под редакцией Е.В. Кобелева, Г.М. Локшина и Н.П. Малетина была опубликована монография, подготовленная коллективом авторов Института Дальнего Востока РАН и МГИМО «АСЕАН в начале XXI века: Актуальные проблемы и перспективы». Это издание логически дополнило монографию Н.П. Малетина и было сконцентрировано на современных проблемах, связанных с деятельностью Ассоциации.

К третьему направлению можно отнести исследования общерегиональных проблем, проблем безопасности, региональных институтов и актуальных вопросов международных отношений в Юго-Восточной Азии в контексте макрорегиональных процессов в АТР. В частности, данный комплекс проблем рассматривался в следующих коллективных монографиях: «Азиатско-Тихоокеанский регион и Центральная Азия: контуры безопасности» под редакцией А.Д. Воскресенского и Н.П. Малетина, «Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии» под общей редакцией А.В. Торкунова и «Большая Восточная Азия: мировая политика и безопасность» под редакцией А.Д. Воскресенского. К этому направлению относятся также работы Е.В. Колдуновой по проблемам региональной безопасности («Безопасность в Восточной Азии: новые вызовы») и исследования К.А. Ефремовой, посвященные анализу внешнеполитического поведения буферных государств на примере Мьянмы.

Вопросы регионализма и развития региональных институтов в Юго-Восточной Азии затрагиваются в учебниках нового поколения по зарубежному регионоведению под редакцией А.Д. Воскресенского, опубликованных в 2014 г. («Мировое комплексное регионоведение: введение в специальность», «Практика зарубежного регионоведения и мировой политики»).

Одним из основателей отечественной школы прикладного анализа стал арабист Марк Арсеньевич Хрусталев, работавший в системе аналитического обеспечения МИД СССР, затем и России. М.А. Хрусталева по праву считают одним из отцов-основателей школы системно-структурного анализа, по настоящее время развиваемой в МГИМО. Совместно с академиком Е.М. Примаковым профессор Хрусталев разработал методологию проведения ситуационных анализов. Еще во второй половине 1970-х годов в учебный план

Марк Арсеньевич Хрусталев

факультета международных отношений сначала в качестве факультативного, а затем обязательного предмета был введен курс «Теория международных отношений», одним из инициаторов этого стал М.А. Хрусталев.

Всегда с огромным интересом студенты слушали его лекции по курсу «Внешняя политика арабских стран», который он читал в МГИМО, где проработал более 40 лет. В 1990 г. М.А. Хрусталев стал руководить Проблемной лабораторией МГИМО. Как теоретик и практик международно-политического анализа, по мере накопления опыта научной работы он отходил от региона специализации и переходил к глобальным теоретическим исследованиям.

Ученики и последователи «школы Хрусталева» продолжают рассматривать в качестве одной из важнейших задач подготовку высококвалифицированных специалистов-экспертов, способных к проведению различных форм международно-политического анализа.

Среди крупнейших работ последних лет, посвященных исследованиям стран Востока в области международных отношений, – монография «Политические портреты деятелей стран Ближнего и Среднего Востока» – очерки, изданные под редакцией В.В. Наумкина и В.В. Попова (МГИМО-Университет, 2015), «История Японии» – под редакцией Д.В. Стрельцова (МГИМО-Университет, 2015), коллективная монография «Неспокойное соседство. Проблемы Корейского полуострова и вызовы для России» под редакцией Г.Д. Толорая (МГИМО-Университет, 2015), опубликованная на японском языке монография А.В. Торкунова и В.И. Денисова «Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории» (2013).

Изучение дипломатии в МГИМО имеет давние традиции. Подготовка профессионального дипломата невозможна без солидной научной базы. МГИМО был и остается первопроходцем на этом направлении. Его ученым нет равных в распутывании хитросплетений дипломатической службы в прошлом и настоящем. Корни школы дипломатии уходят далеко в историю Лазаревского института.

Свидетельством высокого уровня дипломатической востоковедной школы МГИМО в настоящее время являются, в частности, работы заведующего кафедрой – известного дипломата, доктора исторических наук А.Н. Панова, посвященные дипломатической службе Японии. В его исследованиях, включающих в себя пласт исторической архивной документации, а также широкий круг современных источников и литературы, анализируются механизмы функционирования современной японской внешнеполитической службы, а также роль и место национальных традиций и особенностей. Первую работу в этой области – «Дипломатическая служба Японии и эволюция японо-российских отношений в послевоенный период (1945–1995)» – А.Н. Панов опубликовал в издательстве МГИМО еще в 1994 г.

В 2006 г. вышла в свет монография Г.В. Киреева – Чрезвычайного и Полномочного Посла, работавшего до своей кончины профессором кафедры

Игорь Александрович Мелихов

дипломатии, – «Россия—Китай. Неизвестные страницы пограничных переговоров». На основе анализа международно-правовых документов, переговоров России с Китаем, происходивших в различное время, в книге дана широкая историческая картина трехсотлетнего территориального размежевания между двумя державами. При этом главное внимание уделяется его завершающему этапу – пограничным переговорам конца 1980-х – начала 1990-х годов, разработке и подписанию Соглашений о границе на Восточной части от 16 мая 1991 г. и на Западной от 3 сентября 1994 г., сложному процессу демаркации границы в 90-е годы прошедшего века.

В 2007 г. доцент кафедры дипломатии, кандидат исторических наук Е.М. Богучарский опубликовал монографию «Дипломатия и дипломатическая служба Алжира (1962–2006 гг.)».

Особо следует отметить вклад, внесенный в развитие иранистического направления востоковедной школы МГИМО Чрезвычайным и Полномочным послом Евгением Дмитриевичем Островенко. Помимо ряда книг – «Тридцать лет с Афганистаном и Ираном» (2010), «Дипломатические службы Ирана и Афганистана» (2013), «На трех континентах. Страноведческие записки» (2013), – где содержатся ценнейшие сведения по истории и дипломатии Ирана, Афганистана и других стран, он создал «Русско-персидский словарь дипломатической лексики» (МГИМО, 2013) – уникальное издание, крайне необходимое для подготовки международников – специалистов по Ирану и Афганистану.

Заведующим кафедрой дипломатии с 2007 по 2014 г. был Игорь Александрович Мелихов – Чрезвычайный и Полномочный Посол, доктор исторических наук, профессор. И.А. Мелихов долго работал в различных арабских странах, был послом России в Государстве Катар, Саудовской Аравии и одновременно занимался научными исследованиями и области социально-политического развития арабских стран. Его книга «Монархии Персидского залива: этап модернизации» является настольной для всех, кто хотя бы в незначительной степени прикоснулся к изучению специфики развития государств Аравийского полуострова.

Нынешний проректор по кадровой политике – кандидат исторических наук Владимир Михайлович

Владимир Михайлович Морозов

Морозов – гебраист, окончил бакалавриат и магистратуру МГИМО по направлению «Регионоведение», занимал должность третьего секретаря Посольства России в Израиле, ведет активную преподавательскую (на кафедре дипломатии) и научную деятельность. Он является автором нового учебного курса «Переговорные комплексы XXI века: теория и практика», задуманного как базовый предмет практической дипломатии. Отличительной чертой курса является организация аналитических практикумов, в ходе которых с участием студентов проводится имитация переговоров по актуальной проблематике. Изданные многочисленные научные работы В.М. Морозова затрагивают проблематику международных отношений на Ближнем Востоке, ближневосточного урегулирования, интеллектуальной миграции в Израиль, российско-израильских отношений и других аспектов социально-политического развития Ближневосточного региона.

Леонид Рудольфович Сюкияйнен – крупнейший специалист по мусульманскому праву, труды которого широко известны не только в России, но и за рубежом, выпускник МГИМО 1969 г. Защитил в 1974 г. кандидатскую диссертацию на тему «Местные органы государства в странах социалистической ориентации Арабского Востока», в 1988 г. – докторскую диссертацию по мусульманскому праву. С 2003 г. Л.Р. Сюкияйнен работает профессором на кафедре финансового права Государственного университета – Высшей школы экономики, является заместителем декана факультета права. Л.Р. Сюкияйнен – автор более 150 научных работ. Наиболее значимый его вклад в российскую науку связан с разработкой проблем общей теории мусульманского права и его сравнением с другими правовыми системами, а также с освещением истории мусульманско-правовой мысли. Монография «Мусульманское право» (Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. М.: Наука, 1986) стала настольной книгой для всех исследователей, специализирующихся в области сравнительного правоведения и мусульманского права.

Кафедра мировой экономики была образована в 1958 г. в результате слияния кафедр экономической географии стран Запада и экономической географии стран Востока.

Ряд преподавателей пришли на кафедру при объединении МГИМО с Институтом востоковедения. Доцент И.И. Полюкайтис (выпускник Лазаревских специальных курсов 1913 г.), ставший впоследствии профессором кафедры, занимал должность декана в Институте востоковедения, а ранее работал в качестве эксперта в Народном комиссариате внешней торговли СССР и руководил некоторыми его подразделениями. Иосиф Иосифович владел пятью иностранными языками, трудился на кафедре до глубокой старости, отдавая все свои знания и силы будущим востоковедам.

Участник Великой Отечественной войны, офицер-артиллерист, кавалер орденов Отечественной войны и Красной Звезды, доцент В.М. Алексеев после тяжелого ранения окончил Институт востоковедения, в ко-

Александр Иосифович Медовой

Владимир Николаевич Шитов

тором работал с 1950 г. Владимир Михайлович был специалистом по экономике стран Ближнего, Среднего Востока и Турции.

Заметный след в истории института оставила профессор Н.П. Семенова, которая до последнего дня жизни трудилась на кафедре. Она умела передать богатые знания по экономической географии и экономике Кореи и Монголии многим студентам-мгимовцам.

В 1956 г. на кафедру пришел Александр Иосифович Медовой, один из продолжателей традиций отечественной школы востоковедения. Его научные труды и учебные пособия по экономике Индии и других развивающихся стран и поныне остаются ориентирами для аспирантов и студентов. Некоторые его труды переведены на иностранные языки. Профессору А.И. Медовому удается соединять несоединимое – Восток и Запад, ему в одинаковой степени под силу анализ экономических проблем «обоих миров».

Видным специалистом по экономике Японии являлся В.В. Алексеев. Его учебные пособия по экономике Японии, лекции и семинары, обширные знания истории этой страны позволяли студентам «дышать воздухом» загадочной Страны восходящего солнца. Доброжелательный, всегда ровный и спокойный, Валентин Владимирович длительное время возглавлял деканат по работе с иностранными учащимися.

Много лет на кафедре работает профессор В.Н. Шитов – бессменный декан факультета международного бизнеса и делового администрирования МБДА, работавший в прошлом экспертом по экономическим проблемам стран Тропической Африки в международных организациях. Владимиром Николаевичем написаны исследования по экономическим проблемам стран Тропической Африки.

Всю свою жизнь с кафедрой связал доцент С.В. Жданов. Сергей Владимирович является признанным специалистом по экономике и истории арабских стран, его разработки и публикации по ваххабизму дают научную картину происходящих событий в исламском мире и в России.

Экономику Ирана, а в последние годы и Афганистана в течение многих лет преподает кандидат эконо-

мических наук, ведущий сотрудник Института востоковедения РАН Нина Михайловна Мамедова – один из самых авторитетных специалистов по современному Ирану. В 1990–2000-е годы экономику Афганистана преподавал кандидат экономических наук, доцент Георгий Петрович Ежов, внесший вклад в афганистику, опубликовав в 1990 г. монографию «Экономическая география Афганистана».

Преподаватели кафедры публикуют авторские монографии, учебники и учебные пособия по экономике Востока. В последние годы были изданы монографии В.В. Алексеева «Очерки экономики Японии», А.И. Медового и Н.В. Галищевой «Экономика Индии», Н.В. Галищевой «Индия в мировом хозяйстве на рубеже веков». Началась публикация серии монографий В.Н. Шитова по экономике Африки южнее Сахары.

С первого дня существования МГИМО глубокому **изучению иностранных языков** уделялось самое серьезное внимание. Выпускники университета не являются лингвистами в прямом значении этого слова, но их практическое владение иностранными языками на протяжении десятилетий не вызывало нареканий ни с чьей стороны. Очень часто в плане прикладной лингвистики они весьма успешно конкурировали с лучшими выпускниками ведущих лингвистических вузов. На изучение двух обязательных иностранных языков в МГИМО всегда отводилось более трети учебного времени.

В начале 1980-х годов на базе языковых кафедр факультета международных отношений был создан Научно-методический совет кафедр иностранных языков. Эти годы связаны также с началом широкого использования технических средств обучения в учебном процессе и оснащения аудиторий автоматизированными обучающими системами.

В 2000-х годах была разработана концептуальная основа преподавания восточных языков, включающая инновационную составляющую, внедрен компетентностный подход, а также инновационные методики преподавания и изучения иностранных языков,

С точки зрения компетентностного подхода к изучению иностранного (в том числе восточного) языка в Университете в систему его изучения входят: обучение «общему языку» – основы базовой фонетики, грамматики и лексики; обучение «языку профессии»: в широком смысле – знание «специальной лексики соответствующего дискурса» (общественно-политического, экономического, юридического, медиа-дискурса), а также обучение переводу.

Так называемый общий иностранный язык («речевая практика» языка) составляет основу дальнейшего овладения «языком профессии». И поскольку изучение иностранных языков в МГИМО традиционно носит прикладной характер, «язык профессии» всегда занимал особое место в учебном процессе.

На сегодняшний день в преподавании иностранных языков на кафедрах, как правило, выделяются следующие аспекты: общий язык, язык профессии, специальный перевод (в зависимости от профиля кафедры это может быть перевод общественно-политический, экономический или юридический), деловая переписка (дипломатическая, коммерческая, юридическая), аннотирование и реферирование текстов профессиональной направленности.

Специфику профессиональных компетенций преподавания восточных языков определяют следующие основные факторы.

Студенты в абсолютном большинстве случаев начинают изучать язык «с нуля», и задача преподавателя состоит в том, чтобы в достаточно сжатые сроки (4–6 лет) подготовить специалиста по соответствующему направлению, чтобы он мог работать в МИД России, российских загранучреждениях или в международной организации. Это предопределяет необходимость на-

личия высокого уровня компетентности преподавателя в области знания восточного языка.

Абсолютное большинство стран Востока составляют страны с иной религиозной средой, определяющей их самобытную культуру, национальные традиции, речевой, бытовой этикет и этикет общения. Задачей преподавателя является преодоление культурной дистанции, обучение культуре иноязычного речевого общения, приобщение обучающегося к языковой и концептуальной моделям страны преподаваемого языка. Преподаватели восточных языков должны обладать суммой знаний по истории, религии, литературе, культурным традициям, а также владеть спецификой речевого этикета, этикета бытового, культурного и профессионального общения.

Лингвострановедение присутствует в преподавании восточных языков с начального этапа обучения, в учебниках общего языка отражены не только специфические языковые реалии, но и реалии культурной жизни, бытового и религиозного этикета, национальные традиции страны преподаваемого языка. На кафедрах также созданы специальные учебники и учебные пособия по лингвострановедению.

В преподавании ряда восточных языков следует учитывать фактор диглоссии, т.е. не только строгую стилистическую дифференциацию в языке, но и существование двух форм функционирования общенародного языка: литературной и обиходно-разговорной, характеризующихся существенными различиями (в ряде восточных языков существуют диалекты, без знания которых выпускник не может осуществлять коммуникацию). Это обусловливает необходимость не только выделения дополнительного аспекта – речевой практики, – но и изучения соответствующего диалекта (например, египетский, алжирский для студентов, изучающих арабский язык, тегеранский диалект для студентов, изучающих персидский язык, бенгальский язык Бангладеш и бенгальский язык штата Западная Бенгалия в Индии и др.).

Преподаватель восточного языка обеспечивает не только умение обучающегося говорить, читать, переводить, писать эссе на профессиональные темы, но и свободное владение языком профессии, т.е. суммой понятий, категорий и терминов, связанных с будущей профессией обучающегося и отражающей набор дисциплин, изучаемых студентом, при выделении доминирующего аспекта в соответствии с его профилем (общественно-политического, экономического и др.). За многолетнюю историю преподавания восточных языков в МГИМО накоплен огромный опыт в области лингвистики языка профессии, специальной лексикографии, проблем преподавания специализированного перевода, методики преподавания языка профессии. На кафедрах созданы и постоянно обновляются комплексы учебников и учебных пособий, специализированные словари.

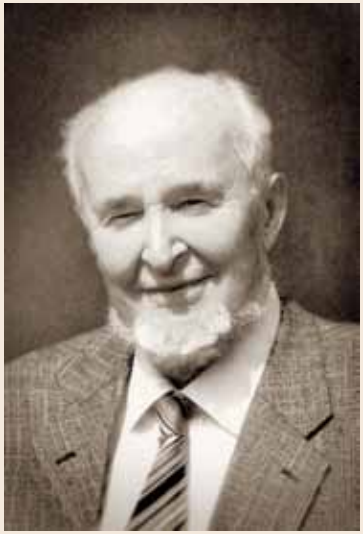
Особое внимание в преподавании восточных языков уделяется языку профессии. Это объясняется в первую очередь тем, что учебники общего языка МГИМО должны учитывать специфику будущей профессии выпускников-международников. Созданные на «восточных» кафедрах учебники и учебные пособия по языку профессии практически все уникальны, так как в других вузах преподавание аспекта, традиционно именуемого общественно-политическим переводом, сводится в основном к работе с прессой и не охватывает в полном объеме сумму знаний по языку профессии, необходимых выпускнику МГИМО в соответствии с его профилем. Еще более узкоспециализированный аспект – восточный язык для экономистов и юристов – разрабатывается в основном в МГИМО.

Ряд восточных языков преподается в качестве вторых языков (в дополнение к обязательному первому восточному и второму западному), что обусловлива-

ется стремлением расширить возможности выпускников, не ограничивая их работой только в одной стране или в одном департаменте МИД. Особое значение придается преподаванию восточных языков в качестве второго для студентов, обучающихся по направлению подготовки «Регионоведение», поскольку это значительно расширяет их профессиональные возможности. Как правило, в качестве вторых восточных изучаются языки родственные или близкородственные (например, азербайджанский, узбекский – в группах, изучающих турецкий язык; урду – в группах студентов, изучающих язык хинди, пушту; таджикский – в группах, изучающих язык дари; африкаанс – в группах, изучающих голландский язык, и др.). Это обусловило создание программ для вторых восточных языков, способствующих выполнению задач и достижению образовательных результатов по соответствующим направлениям подготовки.

Особого внимания заслуживает тот факт, что языковыми кафедрами ведется большая внеаудиторная работа: под эгидой кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока работают Ближневосточный клуб и Турецкий клуб, под руководством кафедры индоиранских и африканских языков – Индоиранский клуб, под руководством кафедры японского и других языков – Клуб японского языка. На заседаниях клубов регулярно обсуждаются актуальные вопросы истории, культуры, внешней и внутренней политики стран изучаемого языка и соответствующих регионов. Организуются вечера, телемосты, встречи с представителями политического и делового мира.

Преподаватели-востоковеды поддерживают тесные связи с посольствами и культурными представительствами стран изучаемых языков, регулярно участвуют в мероприятиях, организуемых этими представительствами, и привлекают студентов к участию в культурных и научных мероприятиях.



Евгений Петрович Челышев

Кафедры выступают организаторами и соорганизаторами всероссийских конкурсов и олимпиад по восточным языкам (китайский, японский, арабский, хинди, персидский и др.). Студенты МГИМО регулярно становятся победителями лингвистических и лингвострановедческих конкурсов, как всероссийских, так и международных.

В МГИМО сложилось целое созвездие **школ преподавания языков Азии и Африки.**

Преподавание индийских и иранских языков ведется в МГИМО с 1954 г., когда в результате слияния с Московским институтом востоковедения в МГИМО была основана кафедра индийских языков (сегодня – **кафедра индоиранских и африканских языков).** В 1954–1956 гг. ею заведовал доцент М.Н. Сотников, с 1956 по 1975 г. – доктор филологических наук, профессор Евгений Петрович Челышев, ставший впоследствии академиком РАН. С 1975 по 1990 г. во главе кафедры стоял доктор филологических наук, профессор Залман Мовшевич Дымшиц. С 1990 г. кафедру возглавлял видный индолог, доктор филологических

Залман Мовшевич Дымшиц

Олег Георгиевич Ульциферов

наук, профессор, заслуженный деятель науки России, почетный доктор ряда индийских университетов Олег Георгиевич Ульциферов. С 2004 г. кафедру возглавляет кандидат филологических наук, профессор Елена Львовна Гладкова.

Можно с уверенностью сказать, что в 1954 г. в МГИМО из Института востоковедения пришли одни из наиболее талантливых и видных специалистов-индологов, привнеся в наш институт лучшие традиции отечественного востоковедения.

Первоначально иранские языки преподавались на кафедре языков стран Ближнего и Среднего Востока. А созданная в 1959 г. кафедра африканских языков длительное время существовала самостоятельно. В 1995 г. в состав кафедры индийских языков влилось иранское отделение кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока, а в 1999-м – кафедра африканских языков. В результате кафедра получила свое нынешнее наименование. Ныне она ведет преподавание языков хинди, урду, бенгальского, персидского, дари, пушту, таджикского, амхарского, суахили и африкаанс. В некоторых группах осуществляется преподавание одновременно двух близкородственных языков: хинди и урду, дари и таджикского, пушту и дари.

Кафедра африканских языков была создана в МГИМО в 1959 г. Первыми африканскими языками, изучение которых началось на кафедре, были суахили, амхарский, а чуть позже фула, йоруба, хауса. В 1974 г. на кафедре началось преподавание малагасийского языка. В 1980-е годы к преподаваемым на кафедре языкам прибавился язык сомали, а с 1990 г. – язык африкаанс.

Для изучения этих языков была отобрана группа талантливых преподавателей западных языков. Практически все преподаватели кафедры «первой волны» защитили кандидатские диссертации по преподаваемым языкам.

В свое время на кафедре работали доцент Э.Б. Ганкин (амхарский язык, работал на кафедре с 1959 по 1972 г.); доцент Е.Н. Мячина (заведующая кафедрой с 1965 по 1993 г., язык суахили); доцент В.А. Маянц (язык йоруба, работала на кафедре с 1968 по 1987 г.), доцент Л.Я. Шишкова (язык хауса

«Амхарско-русский словарь» (Э.Б. Ганкин, М., 1969)

«Суахили-русский словарь» (Е.Н. Мячина, М., 1987)

и сомали, работала на кафедре с 1966 по 1991 г.), доцент Н.В. Потехина (язык суахили; в 1959–1964 гг. – заведующая кафедрой; в институте работала с 1959 по 1995 г.); старший преподаватель Т.Ю. Конашкова (язык хауса, работала на кафедре с 1974 по 1994 г.), старший преподаватель Г.В. Зубко (язык фула, работала на кафедре с 1967 по 1972 г.), старший преподаватель Н.Н. Ракова (язык африкаанс, работала на кафедре с 1991 по 1999 г.); доцент В.Л. Сулима (язык йоруба, работал на кафедре с 1963 по 1987 г.); доцент Н.В. Воробьева (малагасийский язык, работала на кафедре с 1974 по 1999 г.).

В 1990-е годы преподавание африканских языков стало постепенно сворачиваться – уменьшилось число набираемых групп, и из преподавания стали исключаться некоторые невостребованные языки.

За годы преподавания африканских языков в МГИМО был подготовлен целый ряд учебников, учебных пособий, учебных материалов по всем африканским языкам, изучаемым в университете. Наиболее значительные из них: «Русско-амхарский словарь» (Э.Б. Ганкин, М., 1966); «Амхарско-русский словарь» (Э.Б. Ганкин, М., 1969); «Учебник языка суахили» (Н.В. Громова, Е.Н. Мячина, М., 1973); «Грамматика языка суахили» (Е.Н. Мячина, издана в Оксфорде); «Суахили-русский словарь» под редакцией Е.Н. Мячиной (М., 1987);) «Учебник языка йоруба для I–II курсов» (В.А. Маянц, М., 1978); «Учебник языка сомали для I–II курсов» (Л.Я. Шишкова, М., 1974); «Учебник амхарского языка для III курса» (Е.П. Завадская, М., 1979); «Русско-амхарский разговорник» (Е.П. Завадская, М., 1985), «Учебник амхарского языка для первого курса» (Е.П. Завадская, 2007); «Учебник амхарского языка для второго курса» (Е.П. Завадская, М., 2007); «Амхарский язык. Общественно-политический перевод. Учебник: уровень “бакалавриат”» (Е.П. Завадская, М., 2011), «Учебный словарь общественно-политической лексики амхарского языка» (Е.П. Завадская, М., 2004), «Русско-суахили словарь» под редакцией Н.Т. Петренко (М., 1997), (автор – Д.В. Поликанов, студент группы суахили МГИМО); «Пособие по общественно-политическому переводу (язык суахили)» (Н.Т. Петренко, М., 1999); «Учебник языка суахили для второго курса» (Н.Т. Петренко, М., 2003); «Учебник языка африкаанс» (А.К. Игнатенко, М., 2000); «Учебное пособие по общественно-политическому переводу с языка африкаанс» (Н.Н. Ракова, М., 1997); «Учебное пособие по грамматике языка африкаанс» (Н.Н. Ракова, М., 1997) и многие другие.

Амхарский язык преподается с 1959 г. Первым преподавателем амхарского языка был кандидат филологических наук, доцент Эммануил Берович Ганкин – востоковед, африканист, лексикограф, переводчик, автор двух словарей («Русско-амхарский словарь», 1965 и «Амхарско-русский словарь», 1969).

Его научные труды нашли признание не только в стране, но и за рубежом. Э.Б. Ганкин был награжден золотой медалью Эфиопии.

С 1972 по 2012 г. амхарский язык в МГИМО преподавала кандидат исторических наук, доцент Евгения Петровна Завадская – ведущий специалист по амхарскому языку, культуре и истории Эфиопии. С 1993 по 1999 г.

Евгения Петровна Завадская

Е.П. Завадская заведовала кафедрой африканских языков в МГИМО. Она принимала участие в международных конгрессах по эфиопской проблематике, занималась переводом произведений эфиопских авторов на русский язык, создала полный курс учебников амхарского языка для студентов МГИМО. Большую ценность для специалистов, связанных с амхарским языком, представляют словари, разработанные Е.П. Завадской: «Русско-амхарский словарь общественно-политической и экономической лексики» части I и II (М., 2004), «Приложение к амхарско-русскому словарю» (М., 2006), «Амхарско-русский и русско-амхарский учебный словарь новой лексики амхарского языка» (М., 2012).

С 2012 г. по настоящее время занятия по амхарскому языку (основной курс, магистратура) в МГИМО ведет старший преподаватель Лариса Николаевна Чернышева. Л.Н. Чернышева составила программу по амхарскому языку для магистратуры, обновила программу по амхарскому языку (основной курс) для бакалавриата, подобрала и разместила в мультимедийном каталоге МГИМО аудиоматериалы на амхарском языке для студентов I курса МО (уроки, диалоги, тексты), составила электронные версии «Тематической подборки аудиоматериалов и учебных текстов» и «Подборки газетных и журнальных статей проблемного характера».

В процессе обучения используются учебники Е.П. Завадской: «Учебник амхарского языка для студентов I курса» (М., 2007); «Учебник амхарского языка для студентов II курса» (М., 2007); «Учебник амхарского языка для III–IV курсов (М., 2007); «Общественно-политический перевод» (М., 2011).

Язык **суахили** – крупнейший из африканских языков по численности говорящих на нем и наиболее известный как в Африке, так и далеко за ее пределами. По разным оценкам, насчитывается 80–100 миллионов носителей языка суахили, населяющих обширные территории государств Восточной и Центральной Африки.

Первыми преподавателями языка суахили в МГИМО были доцент Н.В. Потехина (в 1959–1964 гг. – заведующая кафедрой; в институте работала с 1959 по 1995 г.), канд. филол. наук доцент Е.Н. Мячина (заведующая кафедрой с 1965 по 1993 г.).

С 1995 г. по настоящее время язык суахили в МГИМО преподает доцент Наталья Терентьевна Петренко, переводчик высшего уровня, также владеющая навыками синхронного перевода (с 1971 по 1995 г. работала на иновещании в системе Гостелерадио СССР).

Н.Т. Петренко – автор всех учебников, которые сегодня используются в преподавании языка суахили в МГИМО: «Учебник языка суахили для первого курса. В 2-х частях», 2004 (в соавторстве с проф. Н.В. Громовой); «Учебник языка суахили для второго и третьего годов обучения (УМК)» (М.: МГИМО, 2010); «Учебное пособие по общественно-политическому переводу для студентов 3–4 курсов бакалавриата» (М.: МГИМО, 2007). Н.Т. Петренко созданы аудиокурсы для первого и второго годов обучения (2004–2006) и мультимедийный сборник новостных передач и тематических сюжетов телевидения Танзании (МГИМО, 2007).

Н.Т. Петренко участвует в крупном проекте по созданию словарей языка суахили. В 2012 г. был издан «Суахили-русский словарь» в соавторстве с профессором Н.В. Громовой и профессором Е.Н. Мячиной. В на-

Учебные пособия по хинди из библиотеки Лазаревского института в Музее редкой книги МГИМО

стоящее время проект продолжается – ведется работа по созданию «Русско-суахили словаря».

Преподавание языка **хинди** в практических целях началось в России в 1947 г. – в год провозглашения независимости Индии, хотя хинди преподавался и до этого в качестве регионального языка. На начальном этапе почти не было ни учебных пособий, ни словарей. Школа преподавания языка хинди в МГИМО берет начало в 1954 г.

С 1951 г. язык хинди преподавал Залман Мовшевич Дымшиц, в 1956 г. на кафедре начал работать Олег Георгиевич Ульциферов (заведующий кафедрой с 1990 по 2004 г.), в 1961 г. – Владимир Иванович Горюнов, во второй половине 60-х годов хинди начала преподавать доцент Лидия Борисовна Кибиркштис. В течение ряда лет язык хинди на кафедре преподавала Ирина Кимовна Башкирова – нынешний Генконсул в Калькутте (Индия).

Навсегда свое имя в историю школы преподавания хинди в МГИМО вписал доктор филологических наук, профессор Залман Мовшевич Дымшиц (более привычно – Семен Моисеевич), возглавлявший кафедру индийских языков с 1975 по 1990 г. Фронтовик, выпускник Московского института востоковедения, профессор Дымшиц был создателем фундаментальной учебной базы для изучения языка хинди в нашей стране. Индолог-лингвист, методист и профессионал-практик, Залман Мовшевич более 40 лет занимался научно-педагогической деятельностью. Профессор З.М. Дымшиц является автором более 80 работ. Наиболее известные из них: «Очерк грамматики хинди» (Дели, 1966); «Грамматика языка хинди [на языке хинди]» (М., 1983); «Практическая грамматика языка хинди» (Дели, 1985); «Грамматика языка хинди [в двух томах]» (М., 1986). Ему принадлежат шесть учебников по языкам хинди и урду, ряд хинди-русских и русско-хинди словарей и разговорников. По его учебникам занимались многие поколения индологов-дипломатов, они использовались в качестве основных учебных пособий в других российских вузах, где преподавался хинди.

Профессор Залман Мовшевич Дымшиц в октябре 1940 г. был призван в Советскую армию и прослужил

до июля 1946 г., прошел всю Великую Отечественную войну, с июля 1941 по 9 мая 1945 г. Он участвовал в боях под Ленинградом, Сталинградом, на Кавказе, в освобождении Варшавы и взятии Берлина, за что был награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны, 12 боевыми и трудовыми медалями, благодарственными грамотами. После демобилизации в 1946 г. З.М. Дымшиц поступил в Московский институт востоковедения, который окончил с отличием в июне 1950 г. Педагогическую и научную деятельность Залман Мовшевич начал в 1951 г., когда был приглашен на преподавательскую работу в Московский институт востоковедения, где работал сначала преподавателем, а с 1953 по 1954 г. – старшим преподавателем кафедры индийских языков. С 1954 г., после объединения МИВ и МГИМО МИД СССР, З.М. Дымшиц стал старшим преподавателем, а с 1959 г. – доцентом кафедры индийских языков МГИМО, в 1956 г. он был назначен заместителем заведующего кафедрой индийских языков, в 1960 г. защитил кандидатскую диссертацию, а в 1962 г. ему было присвоено ученое звание доцента.

В сентябре 1968 г. Залман Мовшевич был избран на должность профессора кафедры индийских языков. В июне 1969 г. он защитил докторскую диссертацию. В марте 1970 г. ему было присвоено ученое звание профессора. С 1975 по 1990 г. З.М. Дымшиц заведовал кафедрой индийских языков МГИМО.

Под руководством профессора З.М. Дымшица были разработаны уникальные учебные пособия по индийским языкам: учебники по языкам хинди, урду, бенгали, учебники по политическому переводу, двуязычные словари, разговорники, учебные пособия по сингальскому языку и др.

Вклад профессора Дымшица в российскую индологию невозможно переоценить. Высокую оценку получил первый в мировой практике стабильный учебник языка хинди, опубликованный в издательстве «Наука» в 1969 г. Именно по этому «Учебнику языка хинди» по сей день занимаются многие поколения индологов-дипломатов. Общий объем работ профессора Дымшица превышает 400 печатных листов.

Много лет он занимался переводческой деятельностью и редакторской работой. Им переведен с языка хинди ряд художественных и поэтических произведений. Под его редакцией вышли словари, многие учебные пособия, научные сборники, переводы. Учебники и теоретические работы, вышедшие из-под пера З.М. Дымшица, стали популярным не только в СССР, но и во многих других странах, включая Индию. Высокий профессиональный уровень и глубокое знание материала способствовали тому, что книга профессора Дымшица «Очерк грамматики хинди» принята в качестве учебного пособия в ряде университетов Индии. Его книги «Язык урду» и «Современная грамматика хинди» были изданы в Великобритании и Индии. Многие поколения индологов, молодых ученых овладевают языками хинди и урду в учебных заведениях и научных учреждениях нашей страны и других стран по трудам Залмана Мовшевича.

Заметный след в истории кафедры оставил и Владимир Иванович Горюнов, также выпускник Московского института востоковедения. В 1961 г. Владимир Иванович пришел на работу в МГИМО и прошел путь от преподавателя до профессора. В 1971 г. он защитил диссертацию и стал кандидатом филологических наук. За укрепление индийско-советской дружбы награжден Международной премией им. Дж. Неру. Свои знания В.И. Горюнов использовал и в работе над словарями, учебниками и пособиями по языку хинди.

Неоценимый вклад в преподавание хинди в МГИМО внес заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор филологических наук, профессор, почетный профессор МГИМО Олег Георгиевич

Владимир Иванович Горюнов

Ульциферов, руководивший кафедрой индоиранских и африканских языков с 1990 по 2004 г.

О.Г. Ульциферов окончил МГИМО в 1955 г. Почти вся его трудовая деятельность была связана с МГИМО, где он с короткими перерывами проработал с 1956 по 2014 г. О.Г. Ульциферов прошел путь от преподавателя до заведующего кафедрой индийских языков, которую возглавил в 1990 г. Реорганизация кафедры индийских языков в 1995 г. осуществлялась по его инициативе, и можно утверждать, что кафедра индоиранских и африканских языков в своей сегодняшней форме была практически создана профессором О.Г. Ульциферовым.

Будучи очень плодовитым автором, профессор Ульциферов стремился стимулировать коллег к созданию учебников и учебных пособий. Ему удалось запустить и «поставить на поток» процесс работы над учебными произведениями. Писать начали практически все: как опытные, так и молодые преподаватели. О. Г. Ульциферов возглавлял кафедру до 2004 г., и за время его руководства были созданы уникальные учебники и пособия по языкам хинди, бенгальскому, персидскому, урду, пушту, таджикскому, амхарскому и суахили, а кафедра стала одним из ведущих центров подготовки специалистов по индийским, иранским и африканским языкам в России.

Во многом рост творческой активности кафедры был обусловлен еще и тем, что Олег Георгиевич стимулировал его личным примером. Ведущий специалист в области теории и практики языка хинди не только

О.Г. Ульциферов преподает хинди. У доски – будущий посол Китая в Индии

Встреча Л.И. Брежнева и Индиры Ганди в Москве

в России, но и за ее пределами, профессор О.Г. Ульциферов был автором более 20 учебников языка хинди, четыре из них имели гриф Министерства высшего и среднего специального образования СССР и Государственного комитета по высшей школе.

Среди его трудов не только полный курс написанных в разные годы и неоднократно переиздававшихся и обновлявшихся учебников языка хинди для бакалавриата и магистратуры, но также лингафонные курсы, учебники и учебные пособия по специальным аспектам: политическому, экономическому и юридическому переводу языка хинди, в частности «Политическая система Индии» (2003), «Лингафонный курс языка хинди» (2007), «Индия: лингвострановедение для бакалавриата» (2010), «Язык хинди. Самоучитель для начинающих» (2011). По его учебникам ведут занятия все высшие учебные заведения Российской Федерации, где преподается язык хинди. По ним изучают язык хинди и в странах СНГ (Украина, Узбекистан, Таджикистан), и в некоторых странах Восточной Европы (Польша, Болгария, Чехия, Словакия).

Сфера научных интересов профессора Ульциферова поражает своей широтой. Не будучи филологом по образованию, он стал одним из создателей современной научно-практической школы преподавания языка хинди в России, глубоко разрабатывал все аспекты теоретической и практической грамматики языка, а также методику его преподавания. В крупных научных трудах профессора Ульциферова дается современное толкование грамматики языка хинди, что признано не только в России, но и за ее пределами, особенно в Индии. Две работы – «Глагол в хинди» и «Практическая грамматика хинди» – изданы в Индии и включены в список обязательной литературы ряда индийских университетов. К числу последних его работ, посвященных грамматике языка хинди, относятся «Практическая грамматика современного литературного языка хинди. Фундаментальный курс», опубликованная в издательстве «Восток—Запад» в 2005 г., а также статья «Современный литературный язык хинди (становление и развитие грамматической мысли)» в «Вестнике МГИМО» (№ 4, 2008 г.).

Профессор Ульциферов был непревзойденным знатоком индийской культуры. В 1999 г. была опубликована его монография «Индия. Карманная энциклопедия», за ней последовали «Индия. Лингвострановедче-

ский словарь» (2003) и «Культурное наследие Индии» (2005). И наконец, в последние годы жизни Олег Георгиевич завершил работу над двумя фундаментальными трудами – «Индия. Энциклопедический словарь» и «Культура Индии: прошлое и настоящее».

Фундаментальные знания профессора Ульциферова нашли отражение в еще одной сфере его творческой деятельности – составлении словарей. Первый «Хинди-русский учебный словарь» для индийцев, изучающих русский язык, он составил еще в 1962 г. Затем был создан ряд специальных хинди-русских и русско-хинди словарей и, наконец, «Современный русско-хинди словарь» (2004) и «Современный хинди-русский словарь» (2009).

Преподавательскую деятельность Олег Георгиевич успешно сочетал с практической. В 1975–1979 гг. он работал в Индии представителем Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами, советником посольства СССР.

Среди преподающих язык хинди на кафедре индоиранских и африканских языков в настоящее время, самым опытным наставником является Клара Усаголиевна Дрюкова – выпускница факультета международных отношений МГИМО 1962 г. К.У. Дрюкова начала работу на кафедре индийских языков в МГИМО с 1976 г. В течение многих лет она вела преподавание языка хинди на всех курсах по всем аспектам.

В 1990-х – начале 2000-х годов она посвящала свою деятельность в основном учебным пособиям по разговорной практике языка хинди. В этот период ею были созданы «Учебное пособие по образцам художественной прозы на языке хинди» (1985), «Учебное пособие по речевой практике и переводу языка хинди для магистратуры» (2002).

Одновременно К.У. Дрюкова начала внедрять в учебный процесс аудио- и видеоматериалы, что в тот период было новаторством. В числе ее работ – хрестоматия к видеокурсу «Культурология современной Индии» (1999) словарь к видеокурсу «Культурология современной Индии» (1999), и позднее – аудиокурс «Хиндустан ки кахани» – «Рассказ об Индии» (2001) и хрестоматия к нему (2003).

В дальнейшем К.У. Дрюкова посвятила свою деятельность разработке учебных произведений, посвященных языку профессии, – в основном экономике. В числе ее трудов – «Учебное пособие по языку хинди для студентов старших курсов в двух частях. Экономика Индии. Часть 1» (2006), «Учебно-методический комплекс «Общественно-политический и экономический перевод. Язык хинди» (2011).

С 1995 г. язык хинди преподает кандидат филологических наук, доцент Александр Александрович Сигорский – выпускник Института восточных языков – ныне ИСАА при МГУ. А.А. Сигорский прошел серьезную практику изучения языка хинди, в течение года обучаясь в Университете Дж. Неру в Дели, затем работал в секции хинди индийской редакции издательства «Прогресс». В 1996 г. защитил кандидатскую диссертацию «Язык памятника XVI–XVII вв. «Слово о 252 вишнуитах» (грамматика старого браджа)».

А.А. Сигорский продолжает свою научную деятельность, регулярно публикуя статьи в российских и зарубежных журналах. К числу его последних публикаций относятся, в частности, статьи Evidentiality in Hindi: A Typological View, опубликованные в Lingua Posnaniensis (2011–2013).

В настоящее время преподавательская деятельность А.А. Сигорского сосредоточена на преподавании хинди как второго восточного языка, а также на составлении учебных пособий по разговорному хинди. В соавторстве с индийским профессором Нилам Саксеной им создано учебное пособие по развитию навыков устной речи «Слушай, читай, рассказывай» (2013).

Премьер-министр Индии Манмохан Сингх – Почетный доктор МГИМО, 2013 г.

В рамках научно-практической школы преподаватели кафедры в течение всей истории кафедры участвовали в работе по составлению словарей: профессор В.И. Горюнов – в создании первого в нашей стране русско-хинди словаря, изданного в 1957 г.; профессор Е.П. Челышев – русско-хинди карманного словаря; профессор З.М. Дымшиц – нескольких карманных и учебных словарей, изданных в 1958, 1981 и 1987 гг. Профессор О.Г. Ульциферов составил «Хинди-русский учебный словарь» (1962), «Хинди-русский словарь и русско-хинди общеэкономический и внешнеторговый словарь» (1974), «Хинди-русский словарь общественно-политической лексики» (1981), «Современный русско-хинди словарь» (2008) и «Современный хинди-русский словарь» (2009). О.Г. Ульциферов и А.А. Сигорский выпустили «Русско-хинди словарь устойчивых глагольно-именных словосочетаний» (2002).

Бенгальский язык, на котором говорят на северо-востоке Индийского субконтинента, является одним из наиболее распространенных языков мира. У истоков преподавания бенгальского языка в нашей стране стояли два индийца – Дауд Али Датт и Джэк Литтон, которым помогал Иван Степанович Колобков. С 1950 г. бенгальский язык начал преподавать Александр Петрович Гнатюк-Данильчук. С 1974 г. преподаванием бенгальского языка занимался известный лингвист и литературный переводчик Борис Михайлович Карпушкин, а с 1976 г. – профессор Людмила Михайловна Чевкина.

С 2001 г. бенгальский язык (основной курс и курс перевода) преподает кандидат филологических наук, доцент Ирина Тенгизовна Прокофьева, она же читает специальный курс «Введение в историю бенгальской культуры, литературы и языка». В 2013 г. ею создан «Учебник бенгальского языка для 2-го года обучения (в двух частях)».

И.Т. Прокофьева ведет научные исследования в разных областях бенгальской филологии и культуры, участвовала во многих международных, всероссийских и межвузовских конференциях. Ею опубликован ряд статей по истории бенгальского языка и бенгальской культуре, в том числе и в зарубежных изданиях. И.Т. Прокофьева – автор монографии «Рабиндранат Та-

гор “Гитанджали”. Музыкальные поэмы» (в соавторстве с Т.Я. Морозовой, М.: Восточная литература, 2011), автор, составитель и ответственный редактор коллективной монографии «Портрет и скульптура», созданной в рамках проекта «Под небом Южной Азии» (М.: Восточная литература, 2014).

Урду относится к тем языкам Южной Азии, преподавание которых началось в России еще в XIX в. Он являлся одним из основных языков, который изучали в Московском институте востоковедения (МИВ), созданном в 1921 г. Первыми преподавателями этого языка были Мелитина Ивановна Клягина-Кондратьева и индиец Эс-Хабиб Вафа. После Второй мировой войны урду преподавали Дауд Али Датт, его ученик Юрий Лукич Лавриненко и Владимир Степанович Мереш, до 1954 г. возглавлявший в этом институте кафедру индийских языков. В 1948 г. на кафедру в МИВ пришли работать две его выпускницы: Серафима Кузьминична Городникова и Лидия Борисовна Кибиркштис. Преподавание урду в МГИМО ведется с 1954 г.

С 1953 г. после окончания очной аспирантуры и защиты кандидатской диссертации преподавать язык урду начала выпускница МИВ Антонина Александровна Давидова, ставшая впоследствии профессором кафедры. А.А. Давидова – высококвалифицированный преподаватель и методист, один из ведущих специалистов по языку урду в нашей стране. А.А. Давидова являлась автором учебников языка урду, а также многих теоретических статей по проблемам грамматики, фразеологии и лексике урду. Ее работы получили положительную оценку и за пределами страны.

В 1960 г. преподавать язык урду на кафедре начал доцент Виктор Герасимович Филимонов, также выпускник МИВ 1952 г. В 1975 г. он защитил кандидатскую диссертацию. В.Г. Филимонов имел колоссальный опыт практической переводческой работы, много лет отдав работе в издательстве литературы на иностранных языках. Перейдя на преподавательскую работу в МГИМО, В.Г. Филимонов не оставил переводческую и научную деятельность, опубликовав ряд статей, в том числе и на языке урду, в советских и зарубежных изданиях. Свой богатейший опыт В.Г. Филимонов использовал и в работе над словарями и учебниками по языку урду.

За годы работы секцией урду были созданы многие пособия и учебные материалы по общественно-политическому и экономическому переводу, пособия для старших курсов по материалам пакистанской и индийской печати, а также пособия по речевой практике и художественной литературе. Общий процесс создания учебных пособий реализовался изданием в 1969 г. первого учебника языка урду для первого года обучения (авторы С.К. Городникова и Л.Б. Кибиркштис). Среди наиболее ярких учебников стоит отметить учебники языка урду А.А. Давидовой для второго года обучения (1970), ее же «Учебник языка урду для третьего курса» (1980), «Учебное пособие по общественно-политическому переводу для четвертого курса» (1983), «Учебное пособие по экономическому переводу для студентов третьего курса» (1983), «Учебное пособие для четвертого-пятого курсов» (1992), «Сборник газетных и публицистических материалов для старших курсов» (1999). В.Г. Филимонов являлся автором нескольких учебных пособий, в том числе по экономическому переводу, а также лингафонному аспекту обучения. А.А. Ануфриев составил «Учебное пособие по художественному переводу для студентов 3–4 курсов» (1980).

Существенным вкладом в теоретическое осмысление и, следовательно, в преподавание языка урду явилась посмертная монография профессора Залмана Мовшевича Дымшица «Грамматика языка урду» (2000). В 2003 г. А.А. Давидова выпустила «Учебник языка урду для первого года обучения», который и по сей день используется в учебном процессе в МГИМО

Наталья Валерьевна Мелехина

и получил заслуженное признание в других вузах, где ведется преподавание урду. Традиции школы преподавания языка урду в МГИМО нашли продолжение в работах доцента Натальи Валерьевны Мелехиной.

Секция урду многие годы также занималась словарной работой. Так, Л.Б. Кибиркштис была соавтором «Карманного урду-русского словаря» (1958), профессор А.А. Давидова совместно с Ю.Л. Лавриненко составила «Карманный русско-урду словарь» (1958), доцент В.Г. Филимонов опубликовал «Учебный русско-урду словарь» (1990).

В настоящее время основной преподаватель языка урду – выпускница МГИМО (У) 2001 г. кандидат исторических наук, доцент Наталья Валерьевна Мелехина, начавшая работу на кафедре после окончания магистратуры.

Н.В. Мелехина успешно сочетает преподавание языка с научной деятельностью в области истории и внешней политики Пакистана.

Будучи преподавателем языка урду на кафедре индоиранских и африканских языков, Н.В. Мелехина окончила заочную аспирантуру в МГИМО, в 2008 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Кашмирский конфликт: эволюция, типология и пути урегулирования». В это же время, продолжая традиции кафедры по созданию учебников по языку профессии, опубликовала «Учебное пособие по общественно-политическому переводу для 3 и 4 курсов (язык урду)» (2006), а позднее выступила в качестве одного из соавторов учебно-методического комплекса «Общественно-политический перевод. Персидский язык. Уровень – бакалавриат)» (2010).

Н.В. Мелехина продолжает работу и над базовым курсом языка урду. В 2014 г. ею был создан учебно-методический комплекс «Язык урду для регионоведов».

Преподавание **персидского языка** в МГИМО началось в 1954 г. после реорганизации МИВ. Сначала язык преподавался на кафедре арабского, персидского и афганского языков, которая в 1962 г. была преобразована в кафедру языков стран Ближнего и Среднего Востока. В 1995 г. иранская секция была переведена на кафедру индийских языков.

Собрание книг по персидскому языку из библиотеки Лазаревского института в Музее редкой книги МГИМО

Школа преподавания персидского языка в МГИМО сложилась во многом благодаря многолетней плодотворной деятельности кандидата филологических наук, доцента Софьи Дмитриевны Клевцовой и доцента Георгия Вениаминовича Арсаниса, начавших преподавать персидский язык с 1954 г. и всю свою жизнь посвятивших работе в университете.

В течение ряда лет в 1960-х годах на кафедре языков стран Ближнего и Среднего Востока персидский язык преподавал один из выдающихся ученых-иранистов – доктор филологических наук, профессор Лазарь Самойлович Пейсиков, позднее заведовавший кафедрой иранской филологии ИСАА при МГУ. В период работы в МГИМО им была создана монография «Тегеранский диалект» (1984), переведенная на персидский язык и до настоящего времени являющаяся практически единственным крупным трудом, посвященным разговорному персидскому языку.

Кандидат филологических наук, доцент С.Д. Клевцова начала преподавать персидский язык в МГИМО в 1954 г. В 1955 г. она защитила диссертацию по теме «Местоимения в современном персидском языке».

В 1960-х годах С.Д. Клевцова была уже сложившимся специалистом по методике преподавания не только персидского языка, но и русского языка для иностранцев. Она принимала участие в создании учебника «Русский язык для лиц, владеющих персидским языком» (1961), который был переиздан в Иране в 1968 г. Будучи прекрасным специалистом по грамматике персидского языка и методике его преподавания, за двадцать лет (1960–1980-е годы) С.Д. Клевцова создала базовый курс учебников, которые по праву могут считаться одними из лучших учебных материалов по персидскому языку для студентов неязыковых вузов: «Учебник персидского языка для 1-го года обучения» (1966, 2-е изд., 1984) и «Учебник персидского языка для 2-го года обучения» (1966).

С.Д. Клевцова уделяла внимание аспекту разговорного персидского языка, впоследствии ставшему обязательным в процессе обучения. В 1970 г. она написала «Учебное пособие по разговорной практике».

КНИГА
Персидско-Русско-Французскихъ
РАЗГОВОРОВЪ,
МИРЗА-ДЖАФАРОМЪ.
Часть I.
МОСКВА.
1896.

Книга персидско-русско-французских разговоров. (М.,1896)

ПЕРЕВОДЧИКЪ
СЪ РУССКАГО ЯЗЫКА
НА
ПЕРСИДСКІЙ.
А. В. СТАРЧЕВСКІЙ.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Переводчик с русского языка на персидский, (СПб.,1886).

К числу важнейших заслуг С.Д. Клевцовой в области преподавания персидского языка в МГИМО относится то, что она заложила основу школы преподавания языка профессии. Ее перу принадлежат первые учебные произведения по общественно-политическому переводу и дипломатической переписке для студентов, изучающих персидский язык, в частности «Учебное пособие по политпереводу для 3 курса» (1982), «Учебное пособие по политпереводу для 4 курса» (1983), а также «Дипломатические документы. Учебное пособие для 4–5 курса факультета МО» (1984).

По учебникам Софьи Дмитриевны студенты МГИМО изучали персидский язык в течение тридцати лет. Продолжая свою деятельность в сфере обучения русскому языку как иностранному, С.Д. Клевцова создала учебные словари «Персидско-русский словарь» (1984) и «Русско-персидский словарь» (1982.) для иранцев, изучающих русский язык. Эти словари издавались и продолжают переиздаваться в Иране.

Доцент Георгий Вениаминович Арсанис также начал свою деятельность в МГИМО в 1954 г., где работал до 2000 г. Г.В. Арсанис был непревзойденным знатоком разговорного языка – тегеранского диалекта и активно использовал его в процессе обучения. Это было новаторством, поскольку до середины 70-х годов многие преподаватели персидского языка (в том числе и носители) считали неуместным внедрение в методику преподавания тегеранского диалекта – так в то время называли разговорный язык. В 1984 г. Г.В. Арсанис написал учебное пособие «Тегеранский диалект», изданное в МГИМО на кафедре языков стран Ближнего и Среднего Востока. Это было первое учебное пособие по разговорному персидскому языку. Его перу принадлежит также целый ряд учебных пособий по разговорному языку, созданных на основе рассказов персидских писателей.

Обладая глубокими знаниями персидского языка и иранской культуры, Г.В. Арсанис много внимания уделял в преподавании классической персидской ли-

тературе и фольклору иранского народа. В его арсенале был неисчерпаемый запас пословиц, поговорок, крылатых выражений и фразеологизмов. Он учил студентов читать стихи, петь народные песни и частушки. Много времени уделял и произведениям современных иранских поэтов. Еще в 1950-х годах им были составлены сборники «99 рассказов» и «33 рассказа» со словарем и комментариями, ставшие теперь библиографической редкостью. Перу Г.В. Арсаниса принадлежат изданные в МГИМО «Учебник персидского языка (начальный курс)» (1980), «Сказки и басни на персидском языке» (1985). Уникальным учебным пособием являлось ныне, к сожалению, утраченное «Учебное пособие по частной и коммерческой переписке (скоропись – шекясте)». К прискорбию, остался незавершенным его последний труд – «Учебник персидского языка (продолжающий курс)», который автор начал писать незадолго до своей кончины.

Будучи ассирийцем по происхождению, Георгий Вениаминович Арсанис уделял значительное внимание изучению своего родного языка – ассирийского. Он был автором ряда уникальных учебников по ассирийскому языку. В 1970-х годах обучение ассирийскому языку велось по «Вводному курсу ассирийского языка», написанному им в соавторстве с братом Мароной Вениаминовичем Арсанисом.

Его перу принадлежат сборник переводов «Ассирийские пословицы и поговорки», а также статья «Современный ассирийский язык» в энциклопедии «Языки народов СССР», изданные в 60-х годах прошлого века. В 1990-х годах Г.В. Арсанис создал уникальное учебное произведение – «Учебник ассирийского языка».

С 1982 г. по настоящее время персидский язык на кафедре преподает кандидат филологических наук, доцент Елена Львовна Гладкова – заведующая кафедрой индоиранских и африканских языков с 2004 г.

Продолжая традиции, заложенные предшественниками школы преподавания персидского языка

Фотография кафедры индоиранских и африканских языков МГИМО

в МГИМО, она является автором ряда учебников и учебных пособий по языку профессии для международников («Учебное пособие по общественно-политическому переводу (персидский язык) для студентов III курса факультета международных отношений» (2002), «Учебное пособие по общественно-политическому переводу (персидский язык)» (2007), «Персидский язык для экономистов-международников: Учебное пособие для старших курсов и магистратуры» (2008), «Персидский язык. Общественно-политический перевод: Учебно-методический комплекс. Уровень – бакалавриат» (2010) – в соавторстве с Е.В. Семеновой и Н.В. Мелехиной). Учебники Е.Л. Гладковой по языку профессии становились лауреатами Литературной премии им. Фирдоуси, учрежденной Культурным представительством Исламской Республики Иран в Москве.

Е.Л. Гладкова принимает участие во внешних проектах. В соавторстве с заведующим кафедрой иранской филологии ИСАА при МГУ доктором филологических наук, профессором Владимиром Борисовичем Ивановым в 2004 г. она подготовила «Учебник персидского языка для 2-го года обучения» (2004), удостоенный 13-й Международной премии «Книга года в Иране на иностранном языке», а также «Самоучитель персид-

ского языка для начинающих», «Персидский язык. Самоучитель для начинающих» (2011).

Е.Л. Гладкова ведет научно-исследовательскую деятельность. Сфера научных интересов – язык политики в Иране, политический дискурс современного персидского языка. Помимо целого ряда опубликованных по этой тематике статей, в 2013 г. в серии «Научные школы МГИМО» вышла ее монография, посвященная развитию и пополнению общественно-политической лексики современного персидского языка «Пути развития общественно-политической лексики современного персидского языка» (2013).

Школа языка **пушту** в МГИМО была создана Константином Александровичем Лебедевым – учеником основоположника Московской школы изучения пушту Мартироса Григорьевича Асланова (1897–1977).

М.Г. Асланов окончил Московский институт востоковедения (МИВ) в 1942 г. В 1930–1939 гг. находился на дипломатической службе в посольстве СССР в Афганистане. В 1939–1942 гг. организовал преподавание пушту в Московском институте востоковедения, положив начало как обучению этому языку, так и его изучению. В 1942 г. назначен начальником кафедры Военного института иностранных языков (ВИИЯ), на этой должности проработал до 1947 г. В 1946 г. Мартирос Григорьевич Асланов становится научным сотрудником Института языка и мышления, в котором проработал до 1950 г., перейдя в Институт востоковедения (1950–1958), а затем в Институт этнографии (1958–1967) АН СССР. Награжден медалями СССР. Опубликовал более 50 работ. Автор фундаментального «Афганско-русского словаря: 50 000 слов» (1966; 1983).

К.А. Лебедев окончил Московский институт востоковедения в 1942 г. и вскоре начал там же преподавать язык пушту. В 1949–1954 гг. исполнял обязанности заведующего кафедрой языка и литературы пушту МИВ. После присоединения МИВ к МГИМО в 1954 г. К.А. Лебедев продолжил преподавание в новом институте вплоть до 1985 г. В 1967–1969 гг. был проректором МГИМО МИД СССР по научной работе.

К.А. Лебедев опубликовал около 100 научных работ. Основные труды: «Грамматика языка пушту» (1956, 1970, 1988), «Карманный афганско-русский словарь» (1962), «Карманный русско-афганский словарь» (1967), «Учебник языка пушту для 1-го курса» (1969), «Русско-афганский (пушту) словарь» (в соавт., 1973, 1983), «Карманный пушту-русский словарь» (1985, 2000), «Учебник языка пушту для 2-го курса» (1992), «Синтаксис современного языка пушту» (1996), «Афганский народ – пуштуны» (1997), «Ислам в именах, названиях и терминах» (в соавт., 1997), «Афганистан: Язык. Литература. Этнография» (2003).

В настоящее время язык пушту на кафедре преподает кандидат исторических наук, доцент Юрий Павлович Лалетин – выпускник МГИМО. Ю.П. Лалетин начал работать на кафедре с 1985 г. Преподавать язык пушту начал будучи студентом четвертого курса.

Ю.П. Лалетин – автор ряда учебников и учебных пособий. Он принимал участие в создании «Пушту-русского словаря», неоднократно редактировал и рецензировал учебные пособия и словари. Ю.П. Лалетиным созданы «Учебное пособие по языку пушту для студентов 1-го курса. Части I–II» (М.: МГИМО, 2002), «Учебник языка пушту для первого года обучения» (М.: МГИМО, 2014).

Ю.П. Лалетин – еще один пример способности выпускника МГИМО успешно сочетать учебно-методическую работу по восточному языку с научной деятельностью по истории Востока. В 2010 г. вышла его монография «Очерки по средневековой и новой истории Афганистана. (в соавторстве с М.Р. Арунovой, в 2011 г. – глава «Государство и племя в политической системе Афганистана» в коллективной монографии «Восток и политика: Политические системы,

политические культуры, политические процессы» под редакцией А.Д. Воскресенского. В 2013 г. – глава «Афганистан» в монографии «Политические системы современных государств: Энциклопедический справочник»: В 4 т. (т. 2: Азия) под редакцией академика РАН проф. А.В Торкунова.

Школа преподавания языка пушту дала много замечательных специалистов-международников и деятелей культуры. Широко известен ее выпускник, замечательный русский советский писатель Юлиан Семенович Семенов, окончивший Московский институт востоковедения в 1953 г., перед самым его слиянием с МГИМО. В 1968 г. выпускником МГИМО с языком пушту стал Александр Прохорович Лосюков, работавший в 2007–2008 гг. заместителем министра иностранных дел России. Среди выдающихся выпускников МГИМО с языком пушту следует упомянуть также ряд послов и других сотрудников министерств и ведомств, отстаивающих внешнеполитические интересы России, в частности, Чрезвычайных и Полномочных Послов Андрея Левоновича Аветисяна, Бахтиера Маруфовича Хакимова.

Преподавание языка **дари** как первого восточного языка началось в МГИМО в 1985 г. (до этого дари изучался в группах пушту как второй восточный). Первый набор на этот язык был на факультете международных экономических отношений. С 1985 по 2011 г. занятия по языку дари вела кандидат филологических наук, доцент Елена Владимировна Семенова – специалист с большим практическим опытом владения языком дари, неоднократно находившаяся в командировках в Афганистане. Ею создан ряд учебно-методических разработок по базовому курсу, а также заложена основа обучению языку дари как языку профессии.

В настоящее время язык дари преподает кандидат филологических наук, доцент Вячеслав Владимирович Мошкало. В.В. Мошкало – сотрудник МИД России, советник первого класса, старший советник отдела научных исследований Историко-документального департамента МИД России.

Языки дари и пушту ведет преподаватель Памир Хаятулла Зиярмаль – аспирант МГИМО. П.Х. Зиярмаль – автор «Пушту-русского словаря географических названий» (2015, в соавторстве с Ю.П. Лалетиным) и «Русско-англо-пушту и пушту-англо-русского словаря компьютерных терминов и интернет-комуникаций» (2015).

С 1999 г. на кафедре индоиранских и африканских языков введено преподавание таджикского языка в качестве второго восточного в группах, изучающих язык дари. Преподавателем таджикского языка до 2011 г. была кандидат филологических наук Е.В. Семенова, создавшая ряд учебных пособий по этому языку. Среди ее учебников отдельно следует отметить «Начальный курс таджикского языка» (М.: МГИМО, 2008), созданный специально для студентов, изучающих язык дари, и включающий упражнения, рассчитанные на то, чтобы облегчить студентам переход с арабской вязи на кириллицу.

Авторский коллектив в составе профессора В.Б. Иванова, Е.В. Семеновой и Х.О. Хушкадамовой создал комплекс учебников по таджикскому языку: В.Б. Иванов, Е.В. Семенова, Х.О. Хушкадамова «Учебник таджикского языка для стран СНГ: В 2 ч.» Ч. 1, 2. М.: Ключ-С, 2009.

В настоящее время **таджикский язык** на кафедре преподает доктор социологических наук, профессор Халимахон Отамбековна Хушкадамова.

Десятки выпускников-иранистов МГИМО впоследствии занимали ответственные посты, прежде всего в Министерстве иностранных дел СССР и России. Среди них можно назвать Чрезвычайных и Полномочных Послов в Иране и Афганистане: С. Третьякова, В. Гудева, К. Шувалова, А. Марьясова, А. Садовникова,

Арабские книги, доставшиеся МГИМО в наследство от Лазаревского института восточных языков

Л. Джагаряна, Е. Островенко, Л. Аветисяна, З. Кабулова, в настоящее время возглавляющего Третий департамент Азии МИД России, а также нынешнего руководителя Международного департамента Государственной думы РФ М. Пашкова. Некоторые из них стали членами коллегии Министерства иностранных дел России. Все удостоены различных государственных наград.

На **кафедре языков стран Ближнего и Среднего Востока** преподаются арабский, иврит, турецкий, а также языки ряда стран Закавказья и Средней Азии: узбекский, туркменский и азербайджанский. Кафедра является учебно-научной и структурной наследницей кафедры арабистики, созданной в 1871– 1872 гг. при Лазаревском институте восточных языков, где впервые в Москве наряду с языками народов Закавказья началось преподавание и научное изучение языков Ближнего Востока.

Кафедре удалось сохранить и развить преемственность российской арабистической и востоковедной школы. В течение полувека (с 1924 по 1975 г.) кафедру возглавлял профессор Харлампий Карпович Баранов, выдающийся ученый-арабист, создатель московской школы арабистики. Выпускник Лазаревского института восточных языков (1915), он связал свою творческую судьбу с научно-педагогической деятельностью, одним из уникальных плодов которой явился «Арабско-русский словарь» (1940–1946, с дополнениями в последующих прижизненных изданиях) – первый полный словарь современного арабского литературного языка, по сей день доказывающий свою универсальность и незаменимость для арабистов всех специальностей.

С 1975 по 1991 гг. и с 1996 по 2004 гг. кафедру возглавлял профессор Ноэль Карибович Усманов – известный востоковед и филолог. Его работы посвящены изучению проблем современной арабской литературы – «Проза египетского писателя Тауфика аль-Хакима», «Современный тунисский роман», арабские разделы в III и IV томах «Истории литературы Востока». Явля-

Харлампий Карпович Баранов со студентами

ясь превосходным педагогом и методистом, профессор Н.К. Усманов за годы руководства кафедрой сумел организовать учебную, научно-методическую, факультативную и внеаудиторную работу со студентами таким образом, что это стало целостным, методически насыщенным процессом обучения по всем преподаваемым на кафедре языкам.

С 1991 по 1996 гг. кафедру возглавлял профессор Сергей Андреевич Кузьмин – замечательный востоковед и прекрасный педагог, автор «Учебника арабского

Ноэль Карибович Усманов

Кульсум Оде-Васильева

К.В. Оде-Васильева со студентами

языка для первого года обучения», по которому начинали и по-прежнему начинают его успешно изучать все новые поколения арабистов.

С 2004 года кафедрой заведует кандидат филологических наук, доцент Андрей Владимирович Штанов, турколог, автор более 50 научных, научно-методических работ, в том числе учебника «Базовый курс турецкого языка», монографии по теории перевода и методике его преподавания.

Арабскую филологию на кафедре развивали в предвоенные годы и такие известные арабисты, как семитолог Б.М. Гранде, араб-палестинец Али Либерман (Эль-Фахри), К.В. Оде-Васильева (Кульсум Ода).

Хорошо известны труды К.В. Оде-Васильевой – «Учебник арабского языка» (1936), «Образцы новоарабской литературы» (1928, 1949), предисловия и комментарии к переводам арабских литературных произведений.

В послевоенный период на кафедре арабского языка оставил заметный след Н.С. Каменский своей оригинальной работой «Вводный курс современного арабского языка» (1952).

Самобытной и талантливой фигурой на кафедре был выдающийся педагог, арабист-энциклопедист, профессор В.Н. Красновский (1927–1997). Хорошо известны его составленный совместно с Эль-Фахри единственный в своем роде карманный «Русско-арабский словарь», а также написанный в соавторстве с С.А. Кузьминым «Практический курс арабского языка» (1961).

В эти же годы на кафедре работала А.З. Рашковская, спутник жизни, коллега В.Н. Красновского. Она создала в соавторстве с другими сотрудниками кафедры «Учебник арабского языка для 2-го курса МГИМО», читала лекции по истории арабской литературы.

Вопросам арабской диалектологии были посвящены работы (1953, 1955) доцента А.Ф. Султанова (1904–1996), имевшего богатый опыт практической деятельности в арабских странах и много лет проработавшего на кафедре. Ему принадлежат две статьи, посвященные проблемам новейшего периода арабской литературы: «Египетская литература на новом этапе» (1955), «Ос-

Торжественное открытие Центра арабского языка в МГИМО, 2009 г.

новные вехи развития современной культуры в Египте» (1957).

Профессор Б.Я. Шидфар (1928–1993) успешно сочетала исследовательскую работу с преподаванием арабского языка. Ею созданы фундаментальные труды и переводы по классической арабской литературе – перевод с комментариями «Жизнь и подвиг Антары» (1969), «Андалузская литература» (1970), «Очерк арабо-мусульманской культуры VII–XII вв.» (1971), перевод и примечания к «Жизнеописанию Фаиха, сына царя Зу Язана» (1975), «Абу-Нуввас» (1978), «Ибн Сина» (1981), «Абу-ль-Аля аль-Маари» (1985) и др., а также учебники и учебные пособия по арабскому языку.

Современную арабскую литературу Ливии исследовала безвременно ушедшая Н.С. Фетисова-Лютова (1940–1992), активно участвовавшая в написании различных учебных пособий.

Труды по грамматике и культуре арабов оставил Д.А. Баширов – «Выражение категории определенности в современном литературном арабском языке» (1953) и др.

На кафедре работал блестящий педагог и методист В.С. Сегаль, составивший начальный курс арабского языка и другие учебные пособия.

Профессор В.И. Соловьев был арабистом глубокой востоковедческой культуры, тончайшим знатоком арабской лексики, элитным переводчиком.

Много лет посвятил изучению арабских экономических и коммерческих текстов профессор Р.З. Айтуганов, создав учебные пособия по этим аспектам арабского языка.

Профессор С.А. Кузьмин возглавлял кафедру в 1991–1996 гг. Его ранние научные работы посвящены вопросам арабского синтаксиса. Им был подготовлен «Учебник арабского языка для 1-го курса», выдержавший ряд переизданий, по которому в настоящее время ведется преподавание арабского языка на 1-м курсе.

Профессор Б.В. Романов исследовал проблемы лексикологии, руководил написанием ряда кандидатских диссертаций.

Профессор Н.К. Усманов в первый же год своей работы заведующим кафедрой начал вводить в учеб-

Почетный доктор МГИМО король Иордании Абдалла II Бен Аль Хусейн, 2004 г.

ный процесс преподавание живых разговорных языков арабских стран с использованием самых передовых методик и современных средств обучения. Создав, еще работая в ИСАА, курс истории современной арабской литературы, он продолжил преподавание этого предмета в МГИМО, организовав факультативы для студентов. Н.К. Усманов вел серьезные научные изыскания, им были написаны разделы по арабской литературе в многотомном издании МГУ «История литератур Востока», монография «Проза Тауфика Аль-Хакима», «Тунисский роман» и другие труды. Их список составляет 75 наименований, а объем превышает 100 печатных листов. Профессору Н.К. Усманову была присуждена премия, носящая имя его учителя Х.К. Баранова. Имя Н.К. Усманова, ученого и пропагандиста отечественной науки, широко известно за пределами МГИМО. Во многих университетах и других научных организациях арабских стран он читал лекции и проводил семинары, в 1971–1974 гг. работал представителем Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами в Египте, в 1991-1996 гг. – в Ливане.

В течение многих лет на кафедре работала Т.Н. Савенко, создавшая в соавторстве много ценных учебных пособий – по дипломатической переписке (1953), арабскому литературному языку и др.

Профессор кафедры М.В. Малюковский проработал на кафедре в МГИМО 15 лет, преподавая арабский язык, обучая студентов тонкостям перевода, знакомя их с реалиями Арабского Востока, читая лекции по исламоведению. В своей диссертации «Начальный этап мусульманской реформации в Египте» (1954) он исследовал процесс становления мусульманской реформации.

И сегодня арабский язык преподают высококвалифицированные арабисты, своей деятельностью сформировавшие важные направления школы арабского языка: проблемами диалектологии занимаются кандидаты филологических наук, доценты Ф.З. Хайрудинов и Э.В. Яковенко, старший преподаватель Н.Е. Кузьмина; вопросы методики преподавания арабского языка входят в сферу научных интересов заместителя заведующего кафедрой, доцента Т.Ф. Куликовой, доцента Т.В. Оверченко, классическую и современную арабскую ли-

тературу исследуют кандидаты филологических наук, доценты Н.А. Успенская, Н.М. Шуйская, вопросы политического дискурса активно изучают и реализуют в учебном процессе кандидат филологических наук, доцент М.А. Иванова и доцент Н.Я. Пантюхин, лингвострановедческое направление изучения и преподавания арабского языка находится в ведении кандидата филологических наук, доцента Е.В. Кухаревой, процессы лексической номинации в арабском языке исследует преподаватель Ю.С. Айвазян, изучением внешней политики стран Персидского залива и лингвострановедением стран Арабского Востока занимается преподаватель Ю.К. Суворова.

Кафедра обеспечивает высокий уровень теоретического и практического преподавания современного арабского литературного языка и разговорных языков целого ряда арабских стран. Ежегодно кафедра выпускает 20–25 международников-арабистов, работающих в международной, политической, экономической, юридической, журналистской, научной и других сферах в Российской Федерации, в странах СНГ и дальнего зарубежья.

За последние 10 лет были написаны, изданы и активно используются в учебном процессе учебники и учебные пособия нового поколения, основывающиеся на компетентностном подходе к преподаванию арабского языка, а также фундаментальные научные работы по паренимике, культуре и литературе арабского языка: Яковенко Э.В. «Учебник арабского языка для продолжающих: В 2 кн», под ред. Т.В. Оверченко, 2009–2010; Яковенко Э.В. «Арабский язык. Практический курс перевода», под ред. С.А. Кузьмина. 2-е изд., 2009; Кухарева Е.В. «Арабский язык. Лингвострановедение», М., 2011; Шуйская Н.М. «Хрестоматия по современной арабской литературе: В 2 ч.», под ред. Н.К. Усманова, 2008; Куликова Т.Ф. «Русско-арабский лексический минимум для I курса», 2008; Оверченко Т.В., Яковенко Э.В. «Русско-арабский лексический словарь-минимум для студентов-международников второго курса», 2012; Яковенко Э.В. «Арабский язык. Практический курс перевода», под ред. С.А. Кузьмина. 2-е изд., 2009; Кузьмина Н.Е. «Арабский язык. Международные экономические отношения. Язык профессии», 2010; Пантюхин Н.Я. «Арабский язык: международные отношения: экономический аспект: Учеб.-метод. комплекс», 2013; Кухарева Е.В. «Национальный менталитет в зеркале арабских пословиц. Исследование проблемы взаимосвязи и взаимозависимости языка и национального менталитета с лингвистической точки зрения», 2011; Пантюхин Н.Я. «Арабский язык. Регионоведение: Учеб.-метод. комплекс», 2011; Шуйская Н. «Поэтесса рассказа: новеллистика Гады ас-Самман. 60–90 гг. XX века: Монография», 2013. Успенская Н.А. «Восток–Запад–Россия: процесс культурного взаимодействия», 2011.

Представителями школы арабистики МГИМО в настоящее время являются многие известные дипломаты и ученые.

Институт Африки с 1992 г. возглавляет действительный член РАН Алексей Михайлович Васильев – выпускник Восточного отделения МГИМО 1962 г. В период 1986–1993 гг. ректором Дипломатической академии МИД России был Чрезвычайный и Полномочный Посол Олег Герасимович Пересыпкин (выпускник МГИМО 1959 г.).

Среди российских выпускников-арабистов старшего поколения хотелось бы упомянуть профессора Марка Арсеньевича Хрусталева, однокурсников академика Е.М. Примакова, А.В. Салтанова и заместителя министра иностранных дел России М.Л. Богданова, послов В.В. Гнедых, Ю.С. Грядунова, В.П. Полякова, О.Г. Пересыпкина, А.Г. Бакланова, Б.Ф. Болотина, А.В. Вдовина, В.П. Воробьева, Н.В. Картузова, С.В. Кирпиченко, В.И. Кузьмина, П.В. Стегния, Г.П. Тарасова, В.Е. Титоренко, А.М. Максудова.

Преподавание **иврита** в МГИМО ведется с начала 1950-х годов. Наиболее известными гебраистами, работавшими в МГИМО, были Ф.Л. Шапиро и А.И. Рубинштейн.

Феликс (Файтель) Львович Шапиро (1879–1961) – знаток иврита, настоящий подвижник в деле изучения и преподавания этого языка, прошел сложный жизненный путь, пока в 1953 году не был приглашен преподавать МГИМО МИД СССР. Несмотря на весьма почтенный возраст, он с радостью принял предложение.

Заметным событием периода «хрущевской оттепели» стал выход в свет в 1963 г. в тогдашнем Государственном издательстве иностранных и национальных словарей «Иврит-русского словаря», составленного Ф.Л. Шапиро. Верными помощниками Ф.Л. Шапиро в подготовке словаря стали Р.П. Марголина и А.И. Рубинштейн. За предшествующие десятилетия это было первое в Советском Союзе издание подобного рода, напечатанное быстро разошедшимся тиражом в 25 тысяч экземпляров.

С 1953 г. до дня своей кончины в 1961 г. Ф.Л. Шапиро работал невероятно много, по 15 – 18 часов в сутки. Помимо преподавания языка, он читал доклады об иврите, лекции по этнографии, собирал и обрабатывал пословицы для сборника «Пословицы и поговорки народов Востока», писал учебник, готовил очерки

Феликс (Файтель) Львович Шапиро

по истории развития иврита, сотрудничал в научных журналах, писал статьи для энциклопедий (литературной и театральной). Однако основной работой ученого был иврит-русский словарь. Он успел закончить его и сдать первую корректуру, но вышло издание лишь в 1963 г., через два года после смерти автора. Работу по завершению подготовки словаря к изданию проделал Б.М. Гранде.

Некоторое время иврит в МГИМО преподавал Абрам Иосифович Рубинштейн. Он был актером Киевского еврейского театра. Еще до войны театр собирался выехать на гастроли в Америку, однако перед самым отъездом Абрам Иосифович заболел ангиной, у него поднялась высокая температура, и ему пришлось остаться дома. Вся труппа еврейского театра улетела в Америку, так и не вернувшись больше в СССР.

С 1999 г. в МГИМО иврит преподает доцент Юрий Ильич Костенко, являющийся автором уникального учебника языка иврит, признанного не только в России, но и за рубежом, в том числе и в ведущих учебных центрах Государства Израиль. Он подготовил «Иврит для всех. Самоучитель языка иврит» (2013), а также две

Юрий Ильич Костенко

Президент государства Израиль Ш. Перес в МГИМО, 2010 г.

актуальные лексикографические работы – «Иврит-русско-английский словарь актуальной общественно-политической лексики» / Ю.И. Костенко, Е.В. Киричук, Д.Д. Турбина, 2015, и «Русско-иврит-английский словарь актуальной общественно-политической лексики», 2015.

Турецкий язык на кафедре преподается с 1954 г. Здесь работали видные востоковеды-тюркологи – профессор В,М. Насилов, профессор П.И. Кузнецов, профессор Р.А. Аганин, доцент В.А. Арабаджи. Значительный вклад в развитие туркологии в МГИМО в 1980–2000-е годы внесли старший преподаватель

Литература по турецкому и османскому языкам из библиотеки Лазаревского института в Музее редкой книги МГИМО

Встреча Президента Азербайджанской Республики И.Г. Алиева, выпускника МГИМО и ректора А.В. Торкунова с азербайджанскими студентами, 2004 г.

Н.П. Румянцева, долгое время работавшая бок о бок с Р.А. Аганином, профессор А.А. Колесников, профессор В.М. Запорожец, доценты К.А. Белова, А.А. Епифанов, старший преподаватель И.А. Свистунова.

В настоящее время учебный процесс обеспечивают высококвалифицированные преподаватели: заведующий кафедрой, кандидат филологических наук, доцент А.В. Штанов (автор около пятидесяти научных и методических работ по теории перевода; учебника «Турецкий язык. Базовый курс. Учебник в четырех частях. Часть 1. В двух книгах. Книга студента», 2010; «Турецкий язык. Базовый курс. Учебник в четырех частях. Часть 1. В двух книгах. Книга преподавателя», 2010; «Турецкий язык. Базовый курс. Учебник в четырех частях. Часть 2. В двух книгах. Книга студента», 2014; «Турецкий язык. Базовый курс. Учебник в четырех частях. Часть 1. В двух книгах. Книга преподавателя», 2014; научной монографии «Технология перевода и методика преподавания (компетентностный подход)», 2011.

Профессор В.М. Запорожец – один из ведущих туркологов страны, специалист по истории Турции, автор уникальной монографии «Сельжуки», переведенной и изданной также на английском языке; кандидат исторических наук, доцент И.И. Иванова – известный историк-турколог. На кафедре работают и молодые перспективные сотрудники – старший преподаватель Р.А. Зезюля, который также является аспирантом-соискателем по кафедре востоковедения. Начиная с 2013 г. кафедру пополнил доцент А.А. Костюхин – большой

знаток турецкого языка и Турции, имеющий богатый переводческий и дипломатический опыт работы в стране.

Коллектив преподавателей турецкого языка отличает высокий уровень теоретической и практической подготовки, академический по содержанию и творческий по форме подход к преподаванию турецкого языка с учетом имеющегося как отечественного опыта, так и опыта преподавания в МГИМО.

Преподавание **азербайджанского языка** в МГИМО МИД России началось в 1997/98 учебном году.

У истоков формирования школы преподавания азербайджанского языка в МГИМО стояли Мотабар Гейдарович Алиев, а также заведующий тюркским сектором кафедры профессор Владимир Михайлович Запорожец, которые разработали концепцию преподавания азербайджанского языка с учетом профессионального компонента МГИМО, а также составили первую не только в МГИМО, но и в современной России учебную программу преподавания азербайджанского языка.

Сегодня азербайджанский язык в МГИМО преподает Абузар Мусаевич Багиров, PhD, писатель, журналист, главный научный сотрудник Института литературы им. Низами Национальной академии наук Азербайджана, заместитель председателя Всемирного конгресса азербайджанцев.

Туркменский язык в качестве второго иностранного языка преподается в МГИМО с 2000 г. Его преподавание в нашей стране было введено в качестве второго иностранного языка впервые. Ранее в учебных заведениях России опыта преподавания данного языка не было.

Научное изучение туркменского языка началось с работ таких российских ученых, как И.А. Беляев, А.Н. Самойлович, А.П. Поцелуевский и др.

С 2000 г. по настоящее время туркменский язык преподает доцент кафедры языков стран Ближнего

«Карманный русско-узбекский словарь», (Лапин С.А. Самарканд,1899)

и Среднего Востока, кандидат философских наук Мая Мередовна Клычева. Ею составлена программа преподавания туркменского языка на факультете МО (бакалавриат). На занятиях по туркменскому языку преподаватель стремится сочетать традиционные методики преподавания и возможности современных мультимедийных систем, активно привлекая к работе интернет-ресурсы и свежую туркменскую прессу.

Преподавание **узбекского языка** в МГИМО в качестве второго восточного языка началось с 2000 г. и ведется на факультете международных отношений.

С момента основания преподавание узбекского языка осуществляет доцент кафедры Алишер Маджитович Саматов, большой знаток восточной культуры и философии.

Кафедра японского языка (сегодня – **кафедра японского, корейского, индонезийского и монгольского языков**) образована в 1954 г. и является одной из старейших в МГИМО. Заслуга создания жизнеспособ-

ного коллектива, продолжающего работать и сегодня, по праву принадлежит первой заведующей – кандидату филологических наук, доценту Евгении Львовне Наврон-Войтинской. Много времени и сил она посвятила разработке методики обучения восточным языкам и вопросам организации учебного процесса.

Состав языков, которые преподавались на кафедре, не всегда был одним и тем же, но японский преподавался всегда, и заведующим кафедрой всегда был специалист по **японскому языку**. Поэтому знакомство с кафедрой стоит начинать именно с японского сектора.

На первые десятилетия работы кафедры приходится расцвет педагогической и творческой деятельности Степана Федотовича Зарубина, интереснейшего, высококлассного специалиста, имевшего огромный опыт работы в качестве переводчика высшей категории в России и за рубежом. В соавторстве с А.М. Рожецкиным С.Ф. Зарубин создал фактически первый в России фундаментальный «Русско-японский словарь», на котором выросло не одно поколение отечественных и многих зарубежных японистов и японских русистов.

РУССКО-ЯПОНСКІЙ
СЛОВАРЬ,

«Японско-русский словарь», (И. Гошкевич, СПб.,1857)

Значительным событием для кафедры был приход на работу в МГИМО в конце 1950-х годов Святослава Витальевича Неверова. Начальное и среднее образование он получил в японской школе в Харбине. Работая в МГИМО, защитил кандидатскую, а затем и докторскую диссертации, специализировался в области «те-

Святослав Витальевич Неверов

Борис Павлович Лаврентьев

Премьер-министр Японии Я. Накасонэ выступает в МГИМО, 1994 г.

ории языкового существования», одного из главных направлений японской социолингвистики. Святослав Витальевич является автором популярных русско-японских разговорников и ряда уникальных, до сих пор не утративших своего значения пособий по японскому языку. За работу по составлению «Большого японско-русского словаря» вместе с другими его авторами он был удостоен Государственной премии.

Профессор Борис Павлович Лаврентьев в течение долгих лет, с 1972 по 1998 г., возглавлял кафедру. Он имел большой опыт практической работы в посольстве СССР в Японии, занимался историей японской мысли, много переводил, изучал проблемы китайских заимствований в японском языке, чему и посвятил свою кандидатскую диссертацию. В дальнейшем исследовательские интересы Бориса Павловича были сконцентрированы на грамматике и лексикографии. Вышедший в 1982 году «Самоучитель японского языка» Б.П. Лаврентьева сразу стал библиографической редкостью и впоследствии неоднократно переиздавался. Можно с уверенностью сказать, что все работающие с японским или изучающие этот язык с благодарностью произносят имя одного из соавторов и редактора «Японско-русского словаря» (1986), автора «Практической грамматики японского языка» (1998) и многих других работ. Борис Павлович Лаврентьев награжден орденом «Знак Почета».

В разное время на кафедре японский язык преподавали И.И. Румянцева, Н.Д. Неверова, Р.Б. Ноздрева, Т.И. Тарасова, О.С. Немчина, Т.А. Розанова, Т.И. Карягина, О.Р. Лихолетова, Н.В. Раздорская, Т.Б. Резникова, Е.В. Сладкова.

В 1998 г. заведующей кафедрой стала кандидат филологических наук, профессор Татьяна Михайловна Гуревич, которая исследует проблемы межкультурной коммуникации, занимается вопросами методики преподавания восточных языков. С 2011 г. кафедру возглавляет кандидат филологических наук, доцент Сергей Владимирович Чиронов.

Преподаватели кафедры продолжают модернизацию методического обеспечения учебного процесса. Подготовлены новые учебники «Японский язык:

Премьер-министр Японии Р. Хасимото в МГИМО, 1997 г.

Культурные контакты России и Японии» (Т.М. Гуревич, старший преподаватель кафедры Н.Н. Изотова), «Японская иероглифика. Сборник заданий и упражнений для старших курсов» (О.Р. Лихолетова, С.В. Чиронов). Вышли «Японский язык. Юридический перевод для специалистов-международников», «Японский

Выступление Почетного доктора МГИМО, премьер-министра Японии Есиро Мори, 2013 г.

язык. Устный и письменный перевод» для старших курсов С.В. Чиронова. Старший преподаватель кафедры Е.В. Сладкова – автор нового учебного курса разговорного японского языка на базе полнометражного мультфильма «Унесенные призраками».

Одной из главных традиций, поддерживающихся на кафедре, является постоянная привязка научной и методической работы к реалиям использования языка, практическая и коммуникативная ориентация обучения. Кафедра постоянно пополнялась преподавателями с опытом работы на различных участках в системе МИД.

За годы существования кафедры все ее ведущие сотрудники не просто имели переводческий опыт, но были признанными специалистами в области перевода. Блестящим переводчиком был Б.П. Лаврентьев. В синхронном переводе зарекомендовал себя С.В. Чиронов.

Валентина Николаевна Дмитриева

Первые в Москве кафедра и отделение **корейского** языка открылись в Московском институте востоковедения (МИВ) в сентябре 1945 г., когда после освобождения Кореи государству понадобились квалифицированные специалисты по стране для содействия ее послевоенному устройству в соответствии с советско-американскими договоренностями. Корейский язык преподавался в МИВ и в 1930-е годы, в институте даже издавались краткие пособия по нему[1], однако систематической подготовки студентов-кореистов не велось. Главой созданной в 1945 г. кафедры стал И.И. Хван Донмин, советский кореец. Учиться первым московским корееведам было непросто: почти не было учебников, словарей, корейских газет[2]. Институтские пособия, составленные при участии профессора А.А. Холодовича, появились только в начале 1950-х годов. Помимо языка, в МИВ преподавались и страноведческие дисциплины: например, курсы экономики и географии Кореи вели Н.К. Вайнцвайг, В.Т. Зайчиков[3]. В.Т. Зайчиков в 1951 г. издал один из первых советских экономико-географических справочников о Корее[4].

Первый набор студентов-кореистов МИВ включился в международную работу еще до выпуска. В 1948–1949 гг. они были направлены в КНДР, где работали переводчиками при группе советских специалистов из Министерства высшего образования, преподавали корейцам русский язык и совершенствовали свои знания корейского. Студенты стали очевидцами исторических событий: образования КНДР, установления советско-северокорейских дипломатических отношений.

Можно сказать, что с открытием корейского отделения в МИВ в 1945 г. начался новый, современный этап в развитии кореесведения в нашей стране. Именно тогда развернулась систематическая работа по подготовке специалистов по Корее в СССР: выпускники 1950 г. стали первыми в стране дипломированными корееведами[5].

Преподавание корейского языка в МГИМО началось с образованием кафедры японского и других языков народов Дальнего Востока в результате слияния с МИВ в 1954 г. Среди первых преподавателей, пере-

шедших в МГИМО, были носители корейского языка – защитившиеся в МИВ кандидаты филологических наук, авторы многих учебников и учебных пособий – специалист по фонетике В.А. Хван Юндюн и знаток иероглифики Хан Дыкпон. С 1954 по 2011 г. в МГИМО работала почетный профессор В.Н. Дмитриева, одна из ветеранов отечественного корееведения, начавшая преподавать еще в МИВ в 1950 г. С конца 1950-х годов к преподаванию стали привлекать Т.А. Новикову, тогда студентку старших курсов, в итоге проработавшую в МГИМО до 2013 г. Доцент Т.А. Новикова взрастила не одно поколение корееведов, у нее обучалось большинство преподающих корейский язык в МГИМО сегодня.

За годы работы кафедры ее преподавателями было подготовлено и издано множество учебных пособий, использовавшихся и использующихся для преподавания корейского языка не только в МГИМО, но и в других ведущих востоковедческих вузах СССР и впоследствии России. Первые учебники корейского для МГИМО начали выходить в 1950–1960-е годы. Они выпускались в издательстве университета небольшим тиражом и были рукописными из-за невозможности набирать корейский шрифт. К сожалению, не все первые пособия сохранились[6].

В.Н. Дмитриева за годы своей жизни издала более двух десятков учебных пособий по разным аспектам преподавания языка (в том числе военно-политическому и экономическому переводу), при этом совершенствуя базовый учебник, переизданный в 2008 г. под названием «Корейский язык. Практический курс».

Учебник «Практический курс корейского языка. Начальный этап» Н.В. Иващенко (первые четыре его издания – в соавторстве с Т.А. Новиковой) многократно переиздавался и является одним из самых популярных учебников корейского языка в России. В 2014 г. был выпущен учебник Н.В. Иващенко для продолжающих, успешно использовавшийся и до публикации в 2014 г. для преподавания корейского на II–III курсах МГИМО. В 2008 г. Т.А. Новикова и О.В. Аптеева (преподаватель кафедры в 2000–2003, 2006–2009 гг.) издали учебник общественно-политического перевода «Корейский язык для специалистов-международников». Я.Е. Пакулова является автором «Учебника по иероглифике для изучающих корейский язык», активно использующегося в МГИМО и иных вузах для преподавания иероглифики. В настоящий момент преподавателями кафедры ведется активная работа по подготовке новых учебных пособий (учебник начального уровня, хрестоматия корейской поэзии и пособие по переводу прессы).

Помимо зарубежных аудиовизуальных материалов, а также актуальных сообщений средств массовой информации Северной и Южной Кореи, в преподавании также используются мультимедийные пособия, разработанные сотрудниками кафедры. Так, оба тома учебника Н.В. Иващенко подкреплены мультимедийным курсом. Я.Е. Пакулова разработала учебные материалы по фильму «Контакты». А.Ф. Синякова подготовила курс «Корейский язык в диалогах» и разработку «ООН и международные организации». Мультимедийные занятия проходят в аудитории 3109 и аудитории 2153 им. проф. В.Н. Дмитриевой.

Сегодня работой корейской секции руководит В.Е. Сухинин, Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в КНДР (2006–2012). На кафедре также трудятся доцент А.Ф. Синякова, старший преподаватель Н.В. Иващенко, старший преподаватель Я.Е. Пакулова, старший преподаватель И.В. Дьячков.

Разумеется, с 1950-х годов в МГИМО преподавался и изучался не только корейский язык, но и различные страноведческие дисциплины. Исходя из специфики института основное внимание всегда уделялось общественно-политическим направлениям и прикладным исследованиям истории, экономики, политики, права Кореи.

Ректор МГИМО А.В. Торкунов на церемонии присвоения звания Почетного гражданина Сеула, 2013 г.

Долгое время лекции по истории, политическому устройству и международному положению Кореи читал ректор МГИМО, д-р полит. наук, академик РАН А.В. Торкунов[7].

Всегда активной была «ротация» между академической средой МГИМО и дипломатическими кругами. Так, долгое время корееведческие дисциплины в институте преподавал посол, д-р ист. наук В.И. Денисов, посвятивший большую часть жизни дипломатической карьере. Его перу принадлежит более ста научных, публицистических работ и учебников по истории Кореи, корейскому урегулированию, ядерному вопросу. Сегодня В.И. Денисов продолжает заниматься исследовательской деятельностью как главный научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО.

С недавнего времени историю и политику Кореи на кафедре востоковедения преподают А.В. Воронцов и профессор Г.Д. Толорая (с некоторыми перерывами он преподавал в МГИМО с 1980-х годов). А.В. Воронцов возглавляет отдел Кореи и Монголии Института востоковедения РАН, активно занимается исследовательской деятельностью, опубликовал немало работ о современной истории Кореи, международных отношениях в Азии. Г.Д. Толорая также является автором издававшихся в России и за рубежом публикаций по экономике и политике Северо-Восточной Азии, проблемам Корейского полуострова (некоторые из них были подготовлены в соавторстве с А.В. Воронцовым). Так, в 2015 г. под редакцией Г.Д. Толорая вышла коллективная монография «Неспокойное соседство: проблемы Корейского полуострова и вызовы для России»[8], авторами глав в которой стали известные и молодые кореисты, в том числе С.С. Сулина, И.В. Дьячков.

С 1954 по 2001 г. в МГИМО страноведческие дисциплины преподавала профессор, выпускница МИВ Н.П. Семенова (1924–2002), издавшая множество учебных пособий по экономике Кореи. С 2004 г. курсы по экономике региона читает д-р экон. наук, профессор кафедры мировой экономики С.С. Суслина, автор многочисленных научных работ о внешнеэкономических связях в Азии, хозяйственных моделях двух Корей.

Визит делегации Института международных отношений и национальной безопасности Республики Корея в МГИМО, 2010 г.

Доцент кафедры конституционного права, канд. юрид. наук Н.П. Гуреева (к слову, закончившая МГИМО с корейским языком) является одним из немногих российских специалистов по правовой системе КНДР.

Среди выпускников МИВ[9] и МГИМО, изучавших корейский язык, множество видных общественных, политических деятелей и ученых, в том числе Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации, ректор МГИМО, д-р полит. наук, академик РАН А.В. Торкунов; Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в КНДР (1992–1996) Ю.Д. Фадеев* (1932–2014); Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в КНДР (1996–2001) д-р ист. наук В.И. Денисов; Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в КНДР (2001–2006) и Турции (2013–н/в) А.Г. Карлов; член-корреспондент РАН, руководитель Центра азиатско-тихоокеанских исследований, заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений РАН В.В. Михеев; Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в КНДР (2015 – наст. время) А.И. Мацегора; канд. ист. наук, руководитель Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН (ЦКИ ИДВН РАН) в 1996–2003 гг. В.П. Ткаченко*; канд. полит. наук, руководитель ЦКИ ИДВ РАН А.З. Жебин; д-р экон. наук, заведующий сектором стран Восточной Азии Центра постсоветских исследований Института экономики РАН, профессор кафедры востоковедения МГИМО Г.Д. Толорая; д-р экон. наук, профессор кафедры мировой экономики МГИМО С.С. Суслина; д-р экон. наук, известный экономист Н.Е. Бажанова (1947–2014), видные советские и российские кореееведы В.Н. Дмитриева* (1927–2012) Н.П. Семенова* (1924–2002), Л.Р. Концевич*, Ю.А. Мазур* (1924–1998).

Корейский язык в МГИМО изучали и студенты из Чехословакии, ГДР, Польши, Монголии. Многие из них пошли на дипломатическую службу в своих странах и заняли высокие посты во внешнеполитических ведомствах, стали послами в Корее. Среди них были, например, Ше Зденек, Эдвард Блага, Валентин Ружич, Атанас Младенов, Милан Хупцей и др[10].

Сегодня студенты с интересом изучают корейский язык и, несмотря на его сложность, при должном старании добиваются успеха, с университетских лет подключаясь к ответственной переводческой работе. Так, учащиеся кафедры в качестве переводчиков-волонтеров участвовали в подготовке таких важных международных мероприятий, как зимняя Олимпиада в Сочи 2014 г. и саммит АТЭС во Владивостоке в 2012 г.

Индонезийский язык стал преподаваться в МГИМО с 1954 года, переняв эстафету и все лучшие традиции у МИВ. Первым преподавателем индонезийского языка стала Людмила Александровна Мерварт – основоположница преподавания и изучения индонезийского языка в России Людмила Александровна родилась в семье известного петербургского врача. В 1910 г. она окончила Высшие женские (Бестужевские) курсы, в 1911-м – Восточный факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. В 1914—1918 гг. вместе с мужем, известным индологом, участвовала в организованной Императорской академией наук экспедиции в Индию и на Цейлон. В 1924 г., вернувшись в Петроград через Британскую Малайю, стала, как и муж, сотрудником Музея антропологии и этнографии, интенсивно занималась изучением малайской и индонезийской культур. В 1927 г. стажировалась по малайскому языку во Франции и Нидерландах. В мае 1936 г. была удостоена степеней кандидата обществоведения и кандидата филологических наук (без защиты).

В 1945 г. Людмила Александровна организовала преподавание малайского (индонезийского) языка в Военном институте иностранных языков, а позднее – в Московском институте востоковедения и Московском государственном институте международных отношений (1949—1958). Подготовила большое число специалистов-востоковедов, издала ряд пособий по индонезийскому языку, литературе и письменности.

Людмила Александровна Мерварт

Л.А. Мерварт стала Почетным членом Международного института антропологии (Франция), член-корреспондентом Королевского института языковедения, страноведения и этнографии (Нидерланды). Ее перу принадлежит более 10 учебников и пособий по индонезийскому языку, по которым училось в МГИМО не одно поколение будущих специалистов по Индонезии. С начала изучения индонезийского языка вместе с Л.А. Мерварт преподавал и коммунист Семаун.

Много сил и умения отдал преподаванию в МГИМО не только индонезийского языка, но и навыкам письменного перевода известный российский историк и востоковед Гавриил Леонидович Кессельбреннер.

В годы Великой Отечественной войны (1941–1945) он служил в действующей армии. В 1950 г. окончил Военный институт иностранных языков (ВИИЯ) и в 1952 г. – исторический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. В 1949—1954 гг. преподавал в Московском институте востоковедения, в 1950—1955 гг. – в Военном институте иностранных языков, с 1955 г. – в МГИМО.

В 1959 г. защитил диссертацию и получил ученую степень кандидата исторических наук.

Г.Л. Кессельбреннер автор ряда трудов по истории и литературе Индонезии, учебных пособий по индонезийскому и малайскому языкам, в том числе «Западный Ириан. Неотъемлемая часть Индонезии» (1960, перевод на индонезийский язык – 1961 и 2003), «Антология современного индонезийского романа» (1966), «Хрестоматия малайских текстов» (1967), «Учебные материалы по политпереводу» (1990). Переводил художественную литературу с индонезийского языка.

С середины 1980-х годов публиковал исследования по истории российской дипломатии и другим вопросам русской истории, в том числе «Хроника одной дипломатической карьеры: дипломат-востоковед С. Л. Лашкарев и его время» (1987), «Крым: страницы истории» (1994) и трехтомный биографический свод «Известные дипломаты России» (1996—2002).

С середины 1950-х годов на кафедре работал еще один выпускник ВИИЯ Юрий Алексеевич Шолмов, впоследствии ставший генеральным консулом в Сурабае, а затем послом на Филиппинах. В 1954-1955 гг. в МГИМО преподавала Наталья Федоровна Алиева, автор «Грамматики индонезийского языка» и множества трудов по языкознанию стран Юго-Восточной Азии. Нельзя не вспомнить и трагически ушедшего из жизни в 1958 году Бориса Григорьевича Морозова, преподававшего военный перевод.

Получившая специализацию в МИВ, но ставшая выпускницей МГИМО Лилия Ивановна Ушакова начала трудиться старшим преподавателем в МГИМО с 1956 года, проработав до этого в советском представительстве в Индонезии.

В течение двух лет индонезийский язык преподавал и Сергей Иванович Громов, впоследствии ушедший на практическую работу.

Одним из первых зарубежных преподавателей, приглашенных на работу в МГИМО стал индонезиец – профессор Интойо, специалист по индонезийской филологии и литературе, известный также как поэт и один из основоположников и классиков современной индонезийской литературы (и, кстати, личный друг президента Сукарно). Профессор Интойо прибыл в СССР по межправительственному соглашению с Индонезией. Он преподавал в МГИМО около 15 лет, подготовил ряд учебных пособий. Он также автор многочисленных учебных материалов по индонезийскому языку и литературе для всех факультетов (индонезийский язык преподавался в основном на факультетах МО и МЭО, а в некоторые годы и на МЖ и МП).

На поприще преподавания индонезийского языка профессора Интойо, после его кончины в 1970 г., сменила его дочь Интойо Виджи Утами (Ами Интойо), окончившая МГУ по направлению искусствоведение. Интойо Виджи Утами получила звание доцента, написала нескольких учебных пособий для I и II курсов.

Будучи носителем индонезийского языка, который был ее родным, Ами Интойо вела занятия на всех курсах, обучая студентов двустороннему общественно-политическому переводу. Про этом на занятиях она широко делилась различными сведениями об Индонезии, ее народах, культурных традициях и современной жизни.

Ами Интойо вместе с коллегами по кафедре подготовила несколько поколений выпускников МГИМО со знанием индонезийского языка, которые до настоящего времени успешно работают в Индонезии и других странах ЮВА.

С начала 1960-х в число преподавателей индонезийского языка МГИМО стали входить и собственные кадры. Среди них следует вспомнить Роберта Нисоновича Коригодского, преподававшего в МГИМО с 1964 по 1978 гг., автора двухтомного индонезийско-русского словаря, и Виктора Владимировича Сумского, ныне

Церемония присвоения бывшему премьер-министру Сингапура Ли Кван Ю звания Почетного доктора МГИМО, 2005 г.

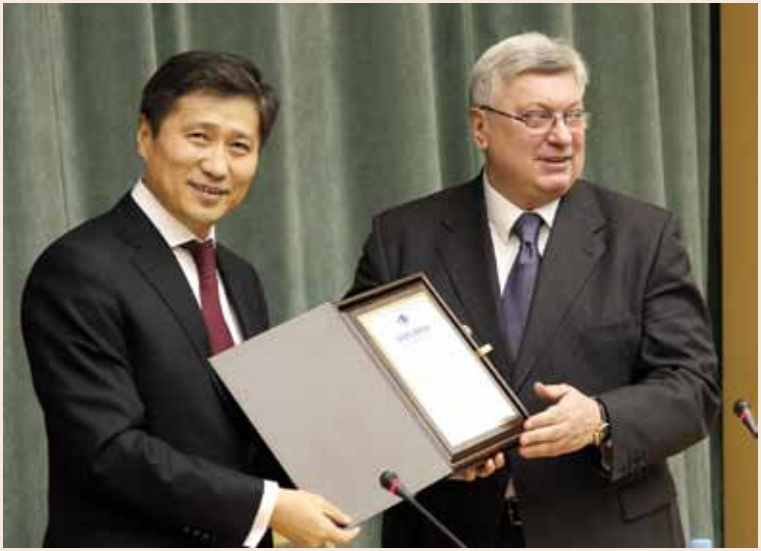
возглавляющего Центр АСЕАН при МГИМО. В 1980-е годы преподавали выпускник МГИМО Вячеслав Федорович Урляпов. Нельзя не отметить Веронику Анатольевну Новосельцеву, которая стала преподавать сразу после окончания МГИМО в 1990 г., а с 2003 г. работает в посольстве России в Индонезии и выступает в качестве переводчика на самом высоком уровне.

В 1955 г. на кафедру пришел Сергей Иванович Савченков, который совмещал педагогическую деятельность с работой в редакции вещания на Индонезию Всесоюзного Радио. Он имеет квалификацию «Переводчик высшей категории», в 1950–60-е годы сопровождал множество индонезийских правительственных, парламентских и военных делегаций, был отмечен благодарностью президента Индонезии во время работы форума «Большой двадцатки» в Петербурге в 2013 г., опубликовал ряд статей в периодической печати. С.И. Савченков возглавляет индонезийскую секцию.

В конце 1990-х годов управление языковой подготовки МГИМО возглавил еще один выпускник ВИИЯ, владеющий индонезийским языком, профессор Геннадий Иванович Гладков.

С 2011 г. в составе секции работает доцент Николай Александрович Толмачев, востоковед, кандидат исторических наук, член Союза писателей России, автор ряда научных работ и множества энциклопедических статей, имеющий также опыт работы в российском посольстве в Джакарте. Им подготовлены учебник индонезийского языка для международников, пособие по страноведению на индонезийском языке и русско-индонезийский словарь дипломатической, международной и общественно-политической лексики.

В число выпускников индонезийской секции входят послы В.Г. Еремченко, В.В. Малыгин, В.Н. Морозов, В.А. Павловский, В.Ю. Плотников, В.В. Самойленко, В.А. Селезнев, С.И. Семиволос и А.И. Хмельницкий, видные дипломаты Александр и Алексей Шилины, известные востоковеды: доктора наук и профессора А.Ю. Другов, Л.М. Ефимова, В.А. Жаров, Н.П. Малетин, Б.Б. Парникель, Л.Ф. Пахомова, В.В. Сикорский,



Премьер-министр Монголии СухбаатарынБатболд, выпускник МГИМО, на церемонии присвоения звания Почетного доктора, 2010 г.

В.А. Сумский, В.Ф. Сычев, генерал В.С. Ушаков, журналист С.С. Захаров, преподаватель русского языка в индонезийских и малазийских вузах К.А. Сигаева.

Послами своих стран в Индонезии стали выпускники МГИМО болгары Б. Мирчев, К. Химирски, венгр И. Дебрецени, немец (ГДР) Г. Голих, поляк Т. Лукашук и словак Ш. Розкопал. Ряд иностранных выпускников индонезийского отделения стали послами своих стран в других государствах, включая СССР и Россию, но в первую очередь, безусловно, в Индонезии.

Весомый вклад в преподавание **монгольского языка** в МГИМО внес писатель, переводчик, дипломат доцент В.С. Бильдушкинов, работавший на кафедре с 1972 по 1987 г.

Большая педагогическая и научно-методическая работа проведена старшим преподавателем кафедры Н.В. Фалеевой, которая преподает монгольский язык. Она подготовила ряд учебных пособий, в том числе «Внешняя политика Монголии на современном этапе» для старших курсов (М., 2007). В 2004 г. она была награждена Почетной грамотой МИД Монголии «за весомый вклад в дело подготовки квалифицированных специалистов в области внешних отношений Монголии», в том же году удостоилась медали МГИМО «За заслуги».

Кроме того, Н.В. Фалеева является востребованным переводчиком, в том числе на высшем и высоком уровне. В синхронном переводе зарекомендовал себя В.С. Бильдушкинов.

Минувшее десятилетие было отмечено значительной инновационной активностью. С 2003 г. практически полностью был обновлен фонд учебников и учебных пособий, используемых в образовательном процессе. Эта работа почти полностью ведется силами самой кафедры. Прежде всего следует указать на подготовленное Н.В. Раздорской комплексное «Учебное пособие по общественно-политическому переводу для студентов II–III курсов» на японском языке, «Учебное пособие по корейскому языку. Военно-политический аспект» В.Н. Дмитриевой, пособие Н.В. Фалеевой «Внешняя политика Монголии на современном этапе».

Кафедра китайского, вьетнамского, бирманского, лаосского, тайского и кхмерского языков (сегодня – **кафедра китайского, вьетнамского, лаосского и тайского языков**) МГИМО была создана в 1954 г. на базе кафедры китайского языка Института востоковедения, который в том же году вошел в состав МГИМО в качестве восточного факультета. Первым заведующим кафедрой (1954–1959) был кандидат филологических наук, доцент Николай Николаевич Коротков – большой знаток как современного, так и классического **китайского языка**. В своих работах он исследовал проблемы исторической грамматики китайского языка. Затем кафедру возглавил кандидат филологических наук, доцент Борис Николаевич Исаенко (1959–1965). Он был блестящим преподавателем, посвятившим себя делу подготовки кадров китаистов, одним из лучших специалистов в области китайского языка. Эти специалисты высочайшего класса осуществляли переводы трудов ведущих политических и государственных деятелей КНР. Ими был создан (в соавторстве с И.И. Советовым-Чэн) первый в СССР учебник китайского языка.

В 50–60-е годы на кафедре трудились китаисты с мировым именем – доктор филологических наук Юрий Владимирович Рождественский, доктор филологических наук Вадим Михайлович Солнцев (впоследствии член-корреспондент АН СССР / РАН, директор Института языкознания РАН), Михаил Георгиевич Прядохин – блестящий переводчик-синхронист, работавший на советско-китайских встречах на высшем уровне (в соавторстве с Л.И. Прядохиной им был составлен «Краткий словарь трудностей китайского языка»).

В 1965–1988 гг. заведующим кафедрой был доктор филологических наук, профессор Владимир Иванович Горелов. Он имел большой опыт переводческой работы. Свою трудовую деятельность начал на КВЖД. В дальнейшем им было написано более 50 научных работ и учебных пособий. В.И. Горелов много лет посвятил теоретическому изучению китайского языка, в результате чего им были созданы такие труды, как «Практическая грамматика китайского языка», «Стилистика китайского языка», «Пособие по переводу с русского языка на китайский» и др.

Юрий Владимирович Рождественский

Вадим Михайлович Солнцев

Доценты Нина Георгиевна Ранинская и Александр Варламович Котов проработали на кафедре более тридцати лет. Студенты МГИМО много лет учились по «Учебному пособию по политпереводу», созданному доцентом Н.Г. Ранинской. Этот требовательный педагог неизменно пользовалась уважением и любовью студентов и коллег. А.В. Котов работал военным переводчиком китайского языка. Он является одним из первых разработчиков методики преподавания иероглифической письменности, автором пособия по китайской скорописи. Созданные А.В. Котовым словари («Русско-китайский словарь», «Китайско-русский словарь-минимум») являются частью того фундамента, на котором зиждется мощное здание российского китаеведения.

Не одно поколение китаистов подготовила Анна Федотовна Бондаренко, участница Великой Отечественной войны.

Председатель Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао в МГИМО, 2003 г.

Это же можно сказать и о вкладе в работу кафедры, который внесли Галина Николаевна Морозова и Нелли Никитична Дикая. Их усилиями было создано «Учебное пособие по китайскому языку» (по бытовой тематике).

Многие годы трудились на кафедре Людмила Георгиевна Егорова и Любовь Ивановна Прядохина. Л.Г. Егорова – крупный специалист в области экономического перевода и коммерческой корреспонденции, ею был создан ряд учебных пособий по данной тематике. Выпускники с любовью вспоминают занятия с Л.Г. Егоровой. Л.И. Прядохина – автор многих учебных пособий для младших и старших курсов, отзывчивый человек, щедро делившийся своим опытом с молодыми коллегами.

Хорошей подготовкой по китайскому языку выпускники МГИМО во многом обязаны преподавателям-китайцам: И.И. Советову-Чэн, Ли Шухуа, Чжао Нюлань, Цзо Чжэньгуань и другим, передававшим студентам не только языковые, но и страноведческие знания.

В 1988 г. кафедру возглавил кандидат филологических наук, профессор Александр Федорович Кондрашевский. Он являлся автором ряда статей по типологии китайской иероглифической письменности, составителем программ курсов китайской лексикологии, истории китайской иероглифической письменности, одним из соавторов базового учебника «Практический курс китайского языка», учебника по общественно-политическому переводу, учебника «Китайский язык для делового общения». Активно работал в области устного перевода.

С 2011 г. кафедрой руководит доктор философских наук, профессор Алексей Николаевич Алексахин.

В кандидатском и докторском диссертационных исследованиях им было разработано самостоятельное научно-практическое направление «Универсальная звукофонемная теория китайского языка путунхуа и китайских региональных языков (диалектов)», получившее признание и высокую оценку В.М. Солнцева, Ю.В. Рождественского, В.И. Горелова. Благодаря этому впервые в истории языкознания китайские фонологические системы, согласные и гласные фонемы оказываются включенными в общий глоттогонический процесс развития единого по своей сущности языка человека.

А.Н. Алексахин – автор первого в России курса «Теоретическая фонетика китайского языка» (Базовый

Председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин в МГИМО, 2013 г.

курс теоретической фонетики современного китайского языка путунхуа). Он – автор уникального издания, сделанного на основе собственных полевых лингвистических исследований одного из типичных южнокитайских диалектов хакка (кэцзя) – «Диалект хакка (китайский язык). Фонология, морфология, синтаксис» (первое издание – 1987 г., второе – 2013 г.). Он также является автором первого в России учебного пособия «Начальный курс разговорного шанхайского языка». Одна из последних научных монографий А.Н. Алексахина – «Китайские фонологические системы в межцивилизационном контакте Востока и Запада» (М.: ВКН, 2015 400 с.).

На кафедре реализуется инновационная методика преподавания китайского языка путунхуа на основе теоретического и практического вывода о том, что с 1958 г. слова китайского языка путунхуа имеют две письменные формы: традиционную (иероглифическую) и новую (звуко-буквенную). В учебный процесс внедряются соответствующие учебные пособия («Алфавит китайского языка путунхуа. Буква–Фонема–Звук речи–Слог–Слово» М., 2008, 2010; «Вводный курс практической фонетики китайского языка путунхуа. Для русскоязычных студентов. Фонема-Звук речи-Слог-Слово». М., 2013). Автором этих пособий является А.Н. Алексахин.

В настоящее время на кафедре трудится высокопрофессиональный коллектив китаистов. Это старшие преподаватели О.Н. Маслакова, Ю.В. Магдалинская, преподаватели А.А. Войцехович, кандидат исторических наук И.Ю. Гутин, Д.Л. Адамова, М.А. Гулева, М.М. Самсонов, С.Б. Ерасов. На кафедре работают

CỘNG HOÀ XÃ HỘI CHỦ NGHĨA VIỆT NAM

ĐỘC LẬP - TỰ DO - HẠNH PHÚC

CHỦ TỊCH

NƯỚC CỘNG HOÀ XÃ HỘI CHỦ NGHĨA VIỆT NAM

TẶNG

HUÂN CHƯƠNG HỮU NGHỊ

TRƯỜNG ĐẠI HỌC NGOẠI GIAO QUỐC GIA MATSCOVA (MGIMO)

Liên bang Nga

Đã có nhiều đóng góp tích cực trong việc đào tạo nguồn nhân lực cho Việt Nam, góp phần phát triển quan hệ hữu nghị giữa Việt Nam và Liên bang Nga

CHỦ TỊCH

NƯỚC CỘNG HOÀ XÃ HỘI CHỦ NGHĨA VIỆT NAM

Trần Đức Lương

Свидетельство о награждении МГИМО орденом Дружбы. Социалистической республики Вьетнам, 2006 г.

приглашенные преподаватели китайского языка из КНР. В 2014 г. это доценты Ли Цюмэй и Ню Яцинь.

Кафедра гордится выдающимися выпускниками-китаистами, в числе которых – заместители министра иностранных дел Российской Федерации, послы С.О. Рахманин, Л.П. Моисеев, А.И. Денисов, С.С. Разов, Ю.Б. Кашлев, В.Я. Воробьев, председатель Сената Парламента Казахстана К.-Ж. Токаев, ректор Дипломатической академии МИД России Е.П. Бажанов и др.

В 1954 году была образована первая группа **вьетнамского языка**. С того момента и по 1985 год ведущим преподавателем вьетнамского языка была И.И. Глебова, кандидат филологических наук, автор учебника «Начальный курс вьетнамского языка», «Большого вьетнамско-русского словаря» и целого ряда учебных пособий и публикаций.

Большая заслуга в издании «Начального курса вьетнамского языка», первого вьетнамско-русского словаря и в становлении преподавания вьетнамского языка в МГИМО принадлежит гражданину ДРВ (ныне СРВ) Ву Данг Ату, который преподавал в МГИМО до 1963 г.. Большой вклад в совершенствование преподавания и особенно в использование технических средств обучения внес старший преподаватель кафедры В.Г. Ворожцов, работавший в МГИМО с 1964 по 1975 г. С 1975 по 1999 г. вьетнамский язык преподавала кандидат филологических наук, профессор И.Е. Алешина, автор многих словарей, разговорников и учебных пособий. В настоящее время на кафедре работают преподаватели Е.И. Тюменева и С.Е. Глазунова.

Преподавание **тайского языка** впервые началось в нашей стране в МГИМО в 1954 г. В числе первых

преподавателей были доктор филологических наук Л.Н. Морев, кандидат филологических наук Ю.Я. Плам, кандидат филологических наук М.Ф. Фомичёва.

Собрана и применяется обширная библиотека аудио-, видео- и мультимедийных средств обучения, в том числе «Лингафонный курс тайского языка» Брауна для студентов 1–2 курсов; записи Радио Таиланда и тайского телевидения; мультимедийные курсы по национальной культуре и традициям, девятичасовой мультимедийный курс «Таиландский дневник» (политика, экономика, общество); коллекция кино- и видеофильмов. В качестве носителей языка в учебном процессе регулярно участвуют граждане Таиланда.

В преподавание тайского языка введен курс лингвострановедения, планируется введение курса этнопсихологии. Налажено получение новейших общественно-политических журналов из Таиланда, фильмов и других учебных материалов.

С 1954 г. в МГИМО изучался также **тагальский (филиппинский) язык**. Сначала его преподавал политический эмигрант с Филиппин Мануэль Крус. Затем уже на более высоком уровне тагальский язык изучался и преподавался в МГИМО учеником Мануэля Круса Игорем Витальевичем Подберезским. Он в 1962 году окончил Восточный факультет МГИМО, потом аспирантуру МГИМО по специальности «тагальская филология». В 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1984-м – докторскую. В 1970–1971 гг. стажировался в Филиппинском государственном университете в Маниле. Позже заведовал сектором в Институте востоковедения РАН, с 1998 г. работал в Институте мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО РАН) в должности ведущего научного сотрудника, где занимался проблемами цивилизационного и культурного взаимодействия.

И.В. Подберезскому принадлежит ведущая роль в ознакомлении широкого российского читателя с фи-

Справа на фотографии Лев Николаевич Морев

липпинской культуройОн является автором семи книг и свыше ста статей по проблемам языка, культуры и литературы Филиппин, Юго-Восточной Азии и Азии в целом, а также ряда книг по проблемам религии в России. Книги Подберезского соединяют культурологический, исторический и социологический подходы и одинаково интересны филиппинистам разных специальностей и широкому кругу читателей. Он стал членом Союза писателей, переводил филиппинскую литературу, издал семь книг переводов.

Преподавание **бирманского языка**, государственного языка Республики Союз Мьянма, началось в МГИМО в 1957 г. В числе первых преподавателей бирманской секции были Тамара Андреевна Гуськова и ее ученица Светлана Дмитриевна Борисенко. В учебном процессе в то время участвовали приглашенные из Мьянмы профессора У Маун Маун Ньют и У По Чо Мьин.

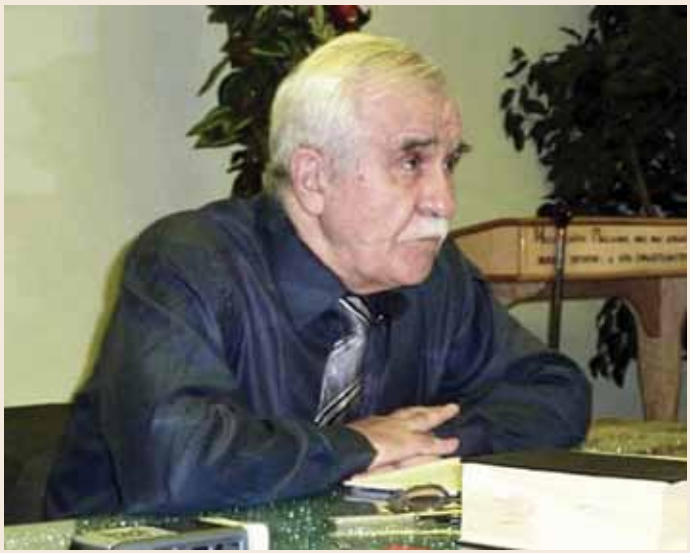
С 1969 г. на кафедре работал носитель бирманского языка Аунг Вин, составивший «Учебное пособие по общественно-политическому переводу» (М., 1978). С 1973 г. ведущим преподавателем бирманского языка

была Ирина Михайловна Тагунова. Она – один из авторов книги «Бирманский язык». Ею подготовлены учебные пособия по бирманскому языку для 1 и 2 курсов и учебное пособие для старших курсов.

В числе выпускников МГИМО – бирманистов автор монографий о Мьянме, доктор исторических наук, ответственный сотрудник МИД Н.А. Листопадов, а также Чрезвычайный и Полномочный Посол В.В. Назаров.

Кхмерский язык с 1964 г. в МГИМО начал преподавать Лонг Сеам, профессор Педагогического института г. Пномпеня. Более 30 лет кхмерский язык на кафедре преподавала доцент Роза Сергеевна Плам. Она является автором многих учебных пособий по кхмерскому языку и одним из авторов (совместно с Лонг Сеамом) первого в нашей стране «Краткого русско-кхмерского словаря».

Среди новых языков государств ЮВА был введен **лаосский язык**. Лаосский язык в МГИМО начал преподавать в 1972 году заведующий сектором языков Восточной и Юго-Восточной Азии Института Востоковедения АН Юрий Яковлевич Плам после длительной командировки в Лаос с целью изучения лаосского языка и подготовки учебных материалов. Ю.Я. Плам и позднее Л.Н. Морев совмещали преподавание лаосского языка со своей основной научной деятельностью в Институте востоковедения Академии Наук. Ю.Я. Плам, Л.Н. Морев и их коллеги создали первый в нашей стране лаосско-русский и русско-лаосский словари. В 1980–1985 гг. лаосский язык преподавала выпускница факультета МО МГИМО Елена Александровна Яковлева, в настоящее время профессор кафедры востоковедения МГИМО; в 1985–1989 гг. – выпускница МГИМО Людмила Георгиевна Воробьева, назначенная позже на высокий пост посла России в Малайзии; с 2003 по 2007 г. к.э.н., доцент Людмила Михайловна Кунтыш; ее сменил в 2006–2007 учебном году Сергей Иванович Лизогуб. С 2007 г. лаосский язык изучается параллельно с тайским. Эти занятия ведет сотрудник кафедры востоковедения МГИМО доцент Елена Александровна Яковлева.



Игорь Витальевич Подберезский

§ 3. Исследовательские центры МГИМО, занимающиеся проблематикой Востока

Центр АСЕАН при МГИМО МИД России был открыт 15 июня 2010 г. Он создан в соответствии с договоренностью, зафиксированной в меморандуме о взаимопонимании тогдашнего генерального секретаря Ассоциации государств Юго-Восточной Азии Сурина Питсувана и ректора МГИМО А.В. Торкунова. (Рис. Согласно этому документу, Центр призван содействовать распространению информации о диалоговом партнерстве Россия–АСЕАН, развитию экономических связей, обменов в сфере науки, культуры и образования, а также гуманитарным контактам между Россией и странами, входящими в Ассоциацию, проведению

и поощрению научных исследований по проблемам АСЕАН и стран, входящих в нее.

О своей деятельности и планах Центр ежегодно отчитывается перед Совместным комитетом сотрудничества Россия–АСЕАН. В остальное время рекомендации и оценки, касающиеся текущих и будущих дел, дает ему Исполнительный совет. В составе совета – по три представителя от России и АСЕАН. Сопредседателем этого органа с российской стороны является проректор МГИМО по международному сотрудничеству и общественным связям А.В. Силантьев. Со стороны АСЕАН аналогичная позиция отведена послу, представляющему в Москве страну-координатора диалогового партнерства Россия–АСЕАН. В настоящее время это посол Малайзии Дато Зайнол Аби-дин Омар. Бессменным членом совета с российской стороны является профессор кафедры востоковедения МГИМО Н.П. Малетин – заслуженный деятель науки России, опытнейший педагог и исследователь, следящий за эволюцией АСЕАН с момента ее основания.

Директором Центра АСЕАН, с одобрения секретариата АСЕАН в Джакарте, назначен Виктор Владимирович Сумский – выпускник МГИМО, доктор исторических наук, специалист по проблемам новейшей истории и современного развития стран ЮВА, работавший ранее в МИД и исследовательских институтах Российской академии наук. В разные годы В.В. Сумский стажировался и преподавал в университетах Филиппин, Великобритании, США. С 2004 по 2010 г. представлял Россию в Совете Европейской ассоциации по изучению Юго-Восточной Азии (EuroSEAS). Владеет индонезийским и английским языками. Основные области научных интересов – политическое развитие стран ЮВА, история и современное состояние АСЕАН, регионализм и международные отношения в Азии. В.В. Сумский – автор трех монографий («Фиеста Филипина. Реформы, революции

Ректор МГИМО А.В. Торкунов и Генеральный секретарь АСЕАН Сурин Питсуван подписывают соглашение о создании центра АСЕАН при МГИМО, 2009 г.

и активное ненасилие в развивающемся обществе» кн. 1–2. М.: Восточная литература, РАН, 2003; «Фердинанд Маркос. Зарождение, эволюция и упадок диктатуры на Филиппинах». М.: ИМЭМО, 2002; «Национализм и авторитаризм. Политико-идеологические процессы в Индонезии, Пакистане и Бангладеш», М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1987), а также многих докладов и статей, опубликованных в России и за рубежом – в США, Великобритании, Китае, Индии, Японии, Южной Корее, Сингапуре, Индонезии, на Филиппинах.

В качестве экспертов в Центре работают доктор исторических наук Е.А. Канаев и доцент кафедры востоковедения, кандидат политических наук Е.В. Колдунова. К сфере исследовательских интересов Е.А. Канаева относится комплекс проблем Южно-Китайского моря, вопросы морской безопасности в регионе, региональные политические и экономические изменения.

Министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров, ректор МГИМО А.В. Торкунов и заместитель генерального секретаря АСЕАН С. Сисувонг на торжественной церемонии открытия центра АСЕАН

Одной из последних его работ является «Конфликт из-за островов Южно-Китайского моря: история, характер урегулирования, перспективы эволюции», (М.: Готика, 2007). Е.В. Колдунова специализируется на изучении Таиланда и Лаоса, политических систем и политических процессов в странах Юго-Восточной Азии в целом, проблем безопасности в Азии, роли АСЕАН, Юго-Восточной Азии и АТР в макрорегиональных и глобальных трансформациях. Среди ее работ такие публикации, как «Отношения России и Таиланда», Россия и страны Востока в постбиполярный период, под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2014. С. 255–272; «Политические системы и политические культуры стран Юго-Восточной Азии (Таиланд, Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Мьянма, Филиппины, Бруней Даруссалам)», Восток и политика: Политические системы, политические культуры, политические процессы, под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Аспект Пресс, 2011. С. 397–420; «Безопасность в Восточной Азии: новые вызовы». М.: Навона, 2010.

На регулярной основе с Центром АСЕАН сотрудничают коллеги, представляющие другие российские вузы, институты РАН, экспертно-аналитические центры, общественные организации, бизнес-структуры, средства массовой информации.

Центр поддерживает тесные контакты с посольствами всех стран – членов АСЕАН в Москве, оперативно откликаясь на предложения, поступающие от них.

Виктор Владимирович Сумский

Встреча ректора А.В. Торкунова с Генеральным секретарем АСЕАН ЛеЛыонгМинь в МГИМО, 2014 г.

К долгосрочным проектам сотрудничества с посольствами государств Юго-Восточной Азии относится проведение серии тематических мероприятий – дней каждой из стран региона – в МГИМО. Так, в марте 2011 г был организован День Индонезии, в октябре 2013 г. прошел День Брунея, в мае 2014 г. – День Мьянмы. Программы этого рода включали как официальную часть, связанную с обсуждением роли и места каждой из стран в Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, так и культурную, призванную показать богатство их духовного наследия и специфику современной жизни. В рамках этих мероприятий демонстрировались фотовыставки художника-путешественника С.Л. Ковальчука, привлекавшие внимание не только студентов и преподавателей МГИМО, но и широкой общественности, интересующейся ЮВА. Работа в рамках этой программы будет продолжена.

Важнейший проект, нацеленный на поощрение гуманитарных связей, – организация Молодежных саммитов Россия–АСЕАН. Идея их проведения была предложена в декабре 2012 г. тогдашним постоянным представителем Индонезии при АСЕАН И Геде Нгурахом Сваджаей. Спустя всего несколько месяцев, в мае 2013 г., на площадках МГИМО и медиахолдинга РИА «Новости» состоялись первые встречи этого цикла. В рамках 1-го саммита обсуждались самые разнообразные вопросы – от приоритетов двусторонних отношений до перспектив совместных проектов в сфере бизнеса, образования, высоких технологий. Участники с удовольствием знакомились друг с другом, делились личным опытом изучения России и Юго-Восточной Азии. По итогам саммита группа участников подготовила иллюстрированную брошюру, содержавшую презентации, фотоматериалы, краткие изложения прошедших дискуссий.

Центр быстро стал обязательным местом посещения для иностранных делегаций из стран Юго-Восточной Азии. В июле 2014 г. в Центре побывал генеральный секретарь АСЕАН Ле Лыонг Минь. Он встретился с ректором МГИМО А.В. Торкуновым и большой группой российских экспертов, занимающихся изучением Юго-Восточной Азии и АТР. Помимо этого, Центр уже неоднократно посещали делегации министерств иностранных дел, аналитических центров, парламентских и общественных структур Индонезии, Вьетнама, Лаоса, Филиппин, Малайзии, Мьянмы.

Центром установлена широкая сеть партнерств как с российскими, так и с зарубежными организациями. Среди партнеров Центра – Российский национальный комитет Азиатско-Тихоокеанского совета сотрудниче-

Министерская встреча Россия - АСЕАН, Куала-Лумпур, 2015 г.

ства по безопасности (РНК АТССБ); Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации; Бюро творческих экспедиций; Деловой совет Россия–АСЕАН; кафедра истории Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии ИСАА МГУ; журнал «Международная жизнь»; ОАО Научно-производственное объединение «РЕКОД»; Общество «Нусантара»; ПИР-Центр (Политические исследования России); Российский совет по международным делам (РСМД); Центр азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН; Центр изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН; Центр по изучению Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН; «Российская газета». Центр АСЕАН активно сотрудничает с Центром изучения АСЕАН Института исследований Юго-Восточной Азии (Сингапур), Дипломатической академией Вьетнама, Управлением политических исследований и разработок МИД Индонезии, Институтом международных отношений Камбоджи, Институтом дипломатии и международных отношений МИД Малайзии.

Интенсивное сотрудничество с российскими и зарубежными партнерами позволяет Центру постоянно участвовать в научной и экспертно-аналитической работе. За время, прошедшее с момента его основания, Центром АСЕАН реализован ряд значимых проектов, имевших положительный резонанс в России и за рубежом. В активе Центра – проведение совместных конференций с партнерами из Вьетнама (конференция «Российско-вьетнамские отношения в XXI веке: реализация всеобъемлющего стратегического партнерства», ноябрь 2012) и Сингапура (конференция «Россия–АСЕАН: основы и перспективы партнерства», апрель 2011), многочисленные «круглые столы» с индонезийскими, филиппинскими, малазийскими, вьетнамскими, таиландскими, камбоджийскими, мьянманскими коллегами.

Иностранные студенты на встрече центра АСЕАН

В 2012 г. Центром АСЕАН в партнерстве с сингапурским Институтом исследований Юго-Восточной Азии (ISEAS) была издана фундаментальная коллективная монография «АСЕАН–Россия: основания и перспективы партнерства» – ASEAN–Russia: Foundations and Future Prospects / Ed. by Victor Sumsky, Mark Hong and Amy Lugg. Singapore: ISEAS, 2012, представляющая подробный и комплексный анализ отношений России с Ассоциацией, а также с ее отдельными участниками. Двумя годами ранее экспертным активом Центра был подготовлен специальный выпуск журнала «Международная жизнь», приуроченный ко 2-му саммиту Россия–АСЕАН и анализирующий состояние диалогового партнерства России с Ассоциацией накануне его 15-летнего юбилея. Совместно с ПИР-Центром была организована серия семинаров, посвященных ситуации в Мьянме («Мьянма в АСЕАН: проблемы региона и интересы России», март 2011), китайско-американским противоречиям («США и Китай в Азии: взгляд из России», декабрь 2011), проблемам кибербезопасности и сотрудничеству России и АСЕАН в этой области («Общая повестка России и АСЕАН в киберпространстве: противодействие глобальным угрозам, укрепление кибербезопасности и развитие сотрудничества», декабрь 2013).

Центром установлены рабочие контакты с Российским советом по международным делам. При активном участии В.В. Сумского, Е.А. Канаева и Е.В. Колдуновой подготовлено два аналитических доклада по итогам первого и второго Азиатско-Тихоокеанских форумов, организованных РСМД в преддверии и после завершения российского председательства в АТЭС. Директор и эксперты Центра АСЕАН регулярно публикуют на портале РСМД аналитические материалы, освещающие наиболее актуальные события и процессы в Юго-Восточной Азии. Среди них – Сумский В.В., Канаев Е.А., Колдунова Е.А. «Интересы России в Азиатско-Тихоокеанском регионе: безопасность и развитие. Итоги первого азиатско-тихоокеанского форума», М.: Проспект, 2012; «Азиатско-тихоокеанские ориентиры России после саммита АТЭС во Владивостоке: к итогам Второго азиатско-тихоокеанского форума», В.В. Сумский (рук.) и др., гл. ред. И.С. Иванов, РСМД. М.: Спецкнига, 2013.

Развивается сотрудничество Центра с российскими министерствами и парламентскими структурами. Так, в июне 2014 года экспертный актив Центра принял участие в «круглом столе» «Поворот России к Востоку и перспективы отношений с АСЕАН», организованном Государственной думой Федерального собрания Российской Федерации. В 2012 году Центром по заказу Министерства экономического развития было выполнено исследование под названием «Разработка стратегии торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества в формате диалогового партнерства Россия – АСЕАН».

В.В. Сумский и Е.В. Колдунова активно взаимодействуют с «Российской газетой» в рамках проекта “Russia Beyond the Headlines” и его изданий в странах Юго-Восточной Азии. Директор и эксперты Центра участвуют в работе РНК АТССБ, «второй дорожки» Регионального форума АСЕАН по безопасности (АРФ), Диалога Шангри-ла. Их комментарии, посвященные ситуации в Юго-Восточной Азии и АТР, регулярно

Заседание Делового совета Россия — АСЕАН

появляются в печатных и электронных изданиях ПИР-Центра, на интернет-порталах МГИМО, Фонда стратегической культуры, «Russia Direct» и “East Asia Forum”. Ссылки на высказывания и мнения сотрудников Центра нередко можно видеть в таких изданиях, как «Известия», “The Moscow Times”, «Йомиури Симбун», “The Australian”, “The Star”.

Важной практической стороной работы Центра является установление контактов с представителями предпринимательских кругов, которых интересуют возможности ведения бизнеса в России и странах Юго-Восточной Азии или уже активно его развивающих. Так, в марте 2013 года была проведена презентация вьетнамского культурно-делового центра, открывающегося в Москве, а в октябре того же года в Центре АСЕАН прошел мастер-класс организатора бизнес-проекта «Лаосский чай» А. Жирякова. В рамках мероприятия студенты МГИМО, специализирующиеся на изучении стран Юго-Восточной Азии, смогли из первых уст узнать об этнопсихологических особенностях ведения бизнеса в Лаосе и существенно расширили свои представления об этой стране. Центр АСЕАН находится в постоянном контакте с Деловым советом Россия–АСЕАН. В июне 2013 года директор Центра принял участие в работе Делового форума Россия – АСЕАН в рамках Петербургского международного экономического форума. Деловой форум стал первым и, по сути, знаковым событием для деловых сообществ России и стран Юго-Восточной Азии, заинтересованных в совместных проектах.

Научная литература, опубликованная центром АСЕАН

Культурно-просветительская деятельность, в которую вовлечен Центр АСЕАН, призвана популяризировать знания о Юго-Восточной Азии в России и российскую культуру и искусство в Юго-Восточной Азии. Центр регулярно проводит фотовыставки, посвященные странам АСЕАН, оказывает содействие отечественным мастерам искусства в организации их путешествий в страны региона. Центр помогал в планировании творческих экспедиций во главе с художником В.Н. Анисимовым в Малайзию, Сингапур, на Филиппины, путешествий фотографа С. Ковальчука в Бруней, Мьянму, Камбоджу, Лаос. Результатом этих поездок неизменно становятся удивительные по красоте и образности художественные экспозиции и фотовыставки, а также фотоальбомы, рассказывающие о странах Юго-Восточной Азии.

Образовательная деятельность – еще одна существенная составляющая работы Центра. Директор и эксперты Центра АСЕАН читают лекции и ведут семинары, посвященные истории и современному развитию Юго-Восточной Азии, роли АСЕАН в международных отношениях, взаимодействию России и АСЕАН, осуществляют научное руководство студентами бакалавриата и магистратуры, оппонируют диссертации, подготовленные по тематике, связанной с деятельностью Центра.

В Центре проходят кинопоказы, презентации книг, лекции, «круглые столы» и собеседования с известными отечественными и зарубежными специалистами по Юго-Восточной Азии, встречи с российскими послами в странах Юго-Восточной Азии и послами стран Юго-Восточной Азии в Москве. Так, при подготовке к 1-му Молодежному саммиту Россия – АСЕАН в МГИМО состоялись семинары с послом по особым поручениям МИД России А.А. Ивановым и послом Малайзии в России Дато Зайнолом Абидином Омаром.

Библиотека Центра открыта для всех желающих. Она регулярно пополняется самыми свежими отечественными и зарубежными изданиями, посвященными АСЕАН, общественно-политическим и экономическим проблемам ЮВА. Сайт Центра АСЕАН и его страница в социальной сети «Фейсбук» представляют читателю наряду с экспертными материалами текущую информацию о культурных мероприятиях, проходящих в России и посвященных странам ЮВА.

Таким образом, за прошедшие несколько лет Центр сформировался и как организация, призванная

содействовать развитию диалогового партнерства России – АСЕАН, и как структурное подразделение МГИМО, неразрывно связанное с жизнью Университета. По признанию многих российских студентов и студентов из стран Юго-Восточной Азии, обучающихся в МГИМО, участие в деятельности Центра АСЕАН внесло особую, в чем-то даже неповторимую ноту в их студенческую жизнь и, будем надеяться, профессиональное становление.

Центр исследований Восточной Азии и Шанхайской организации сотрудничества (ЦИВА). Создан в 2004 году. В его задачи входит изучение политических, экономических интеграционных и других процессов в Восточной Азии, включая территорию российского Дальнего Востока, а также в зоне деятельности Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Основная форма работы – подготовка аналитических записок для МИД России, других органов государственной власти по проблемам изучаемых регионов, входящих в них государств и российской политики в этой части Азии.

За время существования Центра в нем сложилась научная школа, основанная на комплексном подходе к изучаемым вопросам, сочетании методов практической внешнеполитической работы и теоретического анализа проблем, а также передачи опыта известных ученых и практиков молодым специалистам в процессе совместных исследований. Его специалисты и публикации известны многим в России и за рубежом. В Центре работает ряд известных ученых, многие сотрудники имеют значительный опыт работы в МИД России, в том числе на посольских должностях, а также молодые сотрудники. Ряд молодых специалистов после нескольких лет работы в Центре перешли на работу в МИД России, другие российские ведомства и международные организации.

С момента основания Центр возглавляет Александр Владимирович Лукин, доктор исторических наук, доктор философии Оксфордского университета, известный специалист по Китаю, российско-китайским отношениям и проблемам АТР.

Корейским направлением занимается главный научный сотрудник, доктор исторических наук, профессор Валерий Иосифович Денисов – дипломат с более чем 30-летним стажем, работавший послом России в КНДР (1996-2001), а затем – послом по особым поручениям МИД России, представителем МИД при ЕврАзЭС, автор более 100 научных и публицистических работ. В числе недавних публикаций: Торкунов А.В., Денисов В.И, Ли Вл.Ф. «Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории (на японском языке)» (М., 2013); Денисов В.И. «Политико-правовой анализ депортации советских корейцев с Дальнего Востока в Среднюю Азию» (М., 2013), отв. ред. А.А. Орлов, ред. вып. П.Б. Паршин; Денисов В.И. «Смена власти в Южной Корее: новые лица или новый курс?» (М., 2013); «Корейское урегулирование и интересы России», под ред. В.И. Денисова, А.З. Жебина, (М., 2008).

На направлении ШОС работают ведущие научные сотрудники, кандидаты исторических наук М.А. Конаровский и В.Я. Воробьев (также занимающийся внешней политикой и российско-китайскими отношениями). Михаил Алексеевич Конаровский – известный российский дипломат, занимал должности советника посольства России в США, посла в Республике Шри-Ланка, Афганистане и Хорватии, заместителя генерального секретаря Шанхайской организации сотрудничества, автор научных публикаций по проблемам международных отношений и многосторонней дипломатии России на Среднем Востоке, в Центральной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Виталий Яковлевич Воробьев – известный российский китаевед и дипломат, признанный эксперт по

Семинар центра исследований Восточной Азии и Шанхайской организации сотрудничества

вопросам российско-китайских отношений, истории формирования российско-китайской границы, принимал непосредственное участие в разработке концепции Шанхайской организации сотрудничества, в 1993–1998 годах – Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Малайзии и по совместительству в государстве Бруней-Даруссалам. В 1998–2006 годах – посол по особым поручениям – специальный представитель Президента Российской Федерации по делам Шанхайской организации сотрудничества, в 2007–2010 годах – Чрезвычайный и Полномочный Посол России на Филиппинах и Республике Палау (по совместительству).

Кроме А.В. Лукина и В.Я. Воробьева, на китайском направлении работают старший научный сотрудник, известный журналист-китаевед И.Е. Денисов, опытный дипломат-китаевед А.Ф. Мочульский, а также младший научный сотрудник, специалист по энергетической политике Китая, выпускница факультета международных отношений МГИМО М.С. Скрябина, в 2013 году успешно защитившая кандидатскую диссертацию о политике КНР в области энергетической безопасности, и младший научный сотрудник А.Ю. Овсянникова. Политикой Японии и российско-японскими отношениями занимаются ведущий научный сотрудник, кандидат политических наук А.В. Иванов (также ведущий общий вопросы российской политики в АТР) и младший научный сотрудник, выпускница факультета международной журналистики МГИМО О.В. Пузанова.

Александр Владимирович Лукин

С 2005 года ежегодно осенью ЦИВА совместно с Японской ассоциацией культурных связей с зарубежными странами проводит в МГИМО российско-японскую научную конференцию ученых и журналистов под общим названием «В поисках новых путей развития Евразии» (до 2007 года – «Развитие и стабильность в Северо-Восточной Азии»), в которой принимают участие ведущие российские и японские ученые и журналисты-международники. С 2011 года Центр является организатором ежегодных российско-китайских конференций МГИМО и Китайского института международных проблем (КИМП) МИД КНР, которые поочередно проводятся в Москве и Пекине.

В мероприятиях, подготовленных Центром, активно участвуют ведущие специалисты из научных и практических организаций России и многих стран мира.

За время своей работы Центр исследований Восточной Азии и ШОС превратился в ведущий российский научный центр по изучению проблематики ШОС, а также в активного участника неофициального диалогового механизма «второй дорожки» в рамках ШОС. В 2006 году он выступил одним из учредителей Форума ШОС. Согласно регламенту, принятому на прошедшем в МГИМО первом, учредительном, заседании Форума, «Форум является многосторонним, общественным консультационно-экспертным механизмом, образованным для содействия и научной поддержки деятельности ШОС, развития взаимодействия научно-исследовательских и политологических центров государств – членов ШОС, проведения совместных исследований по актуальным вопросам круга ведения Организации, разъяснения задач и принципов деятельности ШОС, расширения её связей с научными и общественными кругами, а также поощрения обменов мнениями между учеными и экспертами в сферах политики, безопасности, экономики, экологии, новых технологий, в гуманитарной и других областях». В состав Форума вошли по одному авторитетному научному учреждению от каждого государства – члена ШОС, получившему статус национального исследовательского центра ШОС. В России этим статусом обладает ЦИВА, в других государствах-членах: Китайский центр исследований ШОС (созданный на базе Китайского института международных проблем МИД КНР), Международный институт современной политики (Республика Казахстан), Институт стратегического анализа и оценки при Президенте Кыргызской Республики, Центр стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан, Институт стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан. В мероприятиях «второй дорожки» также активно участвуют представители исследовательских центров государств – наблюдателей ШОС (Индия, Иран, Монголия, Пакистан) и других заинтересованных стран.

В 2006 году ЦИВА выступил инициатором создания Российского общественного научно-экспертного совета по ШОС, в состав которого вошли специалисты-эксперты по проблематике ШОС из ведущих россий-

ских научных и практических организаций. Председателем Совета был избран ректор МГИМО академик РАН А.В. Торкунов. В Центре подготовлены к печати и изданы в серии аналитических докладов ИМИ материалы первого, учредительного, заседания Форума. Кроме того, сотрудниками ЦИВА был подготовлен ряд аналитических записок по вопросам развития ШОС, получивших высокую оценку МИД и Администрации Президента России.

Сотрудники ЦИВА активно участвуют в составлении, редактировании и публикации научных монографий, научных сборников и статей в журналах, входящих в основные российские и зарубежные научные рейтинги. Под редакцией А.В. Лукина ежегодно публикуются материалы российско-японской научной конференции ученых и журналистов, опубликован сборник материалов конференции МГИМО—КИМП, материалы Всероссийской научно-практической конференции «Российско-китайское сотрудничество: проблемы и решения» (М., 2007). Подготовлены и опубликованы монография А.В. Лукина «Медведь наблюдает за драконом: Образ России в Китае в XVII–XXI вв.» (М., 2007), объемная монография, посвященная аспектам истории и современного состояния российско-китайских отношений «Россия и Китай: четыре века взаимодействия», под ред. А.В. Лукина (М., 2013); сборник статей «Стратегия России в Центральной Азии и Шанхайская организация сотрудничества», под ред. А.В. Лукина (М., 2012); сборник статей «Япония в Восточной Азии: внутреннее и внешнее измерения» (М., 2009) и многие другие.

Сотрудники ЦИВА участвуют в подготовке изданий учебников и коллективных монографий МГИМО, таких как энциклопедический справочник «Политические системы современных государств» (Т. 2. Азия); «Практическая психология для дипломатов»; «Восток и политика: Политические системы, политические культуры, политические процессы»; «Внешнеполитический процесс в странах Востока»; «Международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе».

Центр поддерживает широкие контакты со многими университетами и научными организациями как внутри страны, так и за рубежом. Среди них – Институт мировой экономики и международных отношений РАН, Институт Дальнего Востока РАН, Институт востоковедения РАН, Российский институт стратегических исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока и Институт экономических исследований ДВО РАН, Дальневосточный государственный университет, Центр исследований политики в Северо-Восточной Азии Института Брукингса (США), Центр стратегических и международных исследований (США), Институт европейских, российских и евроазиатских исследований Университета им. Дж. Вашингтона (США), Международный институт стратегических исследований (Лондон, Великобритания), Институт социального развития Евразии Госсовета КНР, Институт Восточной Европы, России и Центральной Азии АОН КНР, Шанхайский институт международных исследований (КНР), Институт Сибири АОН провинции Хэйлунцзян (КНР), Институт Восточной Азии (Республика Корея), Японская ассоциация культурных связей с зарубежными странами, Институт оборонных и стратегических исследований (Сингапур) и Институт политологии Academia Sinica (Тайвань). Центр работает в тесном взаимодействии с заинтересованными подразделениями МИД России, прежде всего с Первым департаментом Азии, Департаментом общеазиатских проблем и Департаментом АТР.

Центр проводит собственные исследования по вопросам международных отношений и внутренней политики в государствах Восточной Азии и зоны деятельности ШОС, а также ведет большую организационную работу по проведению научных конференций, семинаров и других научных мероприятий в этой области.

Параллельно с этим Центр одной из важнейших своих задач видит также объединение лучших сил научно-экспертного сообщества, вне зависимости от институциональной принадлежности, для достижения стоящих перед ним целей. Цели эти – анализ ситуации в исследуемом регионе и выработка рекомендаций по проведению оптимальной российской политики в отношении государств и международных организаций, к нему относящихся. Именно поэтому авторами аналитических материалов Центра и активными участниками его мероприятий являются сотрудники не только ЦИВА и кафедр МГИМО, но и других научных центров и университетов России и других стран мира.

Научную работу в ЦИВА вели приглашенные исследователи – заместитель директора Института государственного управления Цзилиньского университета (КНР), профессор Лю Цинцай, директор Института эстетики Чунцинского университета (КНР), профессор Хуан Лян, профессор исторического факультета Гонконгского университета М. Шэр. Для выяснения мнения сотрудников Центра по вопросам международной ситуации в изучаемом регионе его постоянно посещают зарубежные исследователи и журналисты, а также сотрудники зарубежных посольств и представительств в Москве.

Центр ближневосточных исследований. Создан в мае 2004 года. За прошедшие годы Центр стал ведущим научным подразделением МГИМО, занимающимся изучением ближневосточного региона и координацией профильных исследований и научно-практических мероприятий. Среди исследовательских проектов ЦБВИ следует выделить: «Россия и Ближний Восток», «Политические и экономические системы стран Ближнего Востока: современное состояние и возможные схемы трансформации», «Пути взаимодействия России со странами Ближнего Востока в совместной борьбе с международным терроризмом», «Наши соотечественники за рубежом», «Россия и Организация исламского сотрудничества», «История и современность Государства Израиль».

Одно из центральных направлений исследований – анализ ближневосточного конфликта и путей его урегулирования. В связи с возобновлением в 2007 году переговорного процесса (саммит в США) была предпринята проработка конкретных направлений урегулирования. Также проанализирована роль армии на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху глобализации и модернизации.

В Центре проведено фундаментальное исследование истории Государства Израиль, проблем становления и развития его партийной системы и экономики. Опубликованная в 2005 году монография «Государство Израиль» основана на использовании документальных свидетельств, архивных материалов, анализе многих ранее неизвестных широкой аудитории фактов.

По программе ЦБВИ «Наши соотечественники за рубежом» (данное направление является одним из приоритетов МИД России и его загранучреждений) проведено исследование деятельности Императорского Православного Палестинского общества (ИППО) и русской Духовной миссии в Иерусалиме (РДМ). Рассмотрена подвижническая роль руководителей и сотрудников РДМ по приобретению и освоению для православия Святых для христианского мира мест на Синае и в Палестине, деятельность ИППО по поддержке духовных интересов России за рубежом, оказанию помощи паломническому движению. Подготовлен доклад о русскоязычной общине в Израиле.

Отдельным направлением работы Центра стало участие в подготовке энциклопедических и справочных изданий: написан ряд страновых статей для первого издания Большой российской энциклопедии и экономико-политического справочника «Страны и регионы мира» (МГИМО).

Круглый стол Центра ближневосточных исследований

Сотрудники Центра приняли участие в подготовке второго тома энциклопедического справочника «Политические системы современных государств».

Отдельным направлением работы Центра стало участие в подготовке аналитического доклада Института международных исследований МГИМО «Проблема пресной воды. Глобальный контекст политики России» (2012).

В 2011 году была завершена научно-исследовательская работа «Возможные сценарии развития ситуации на Ближнем Востоке», выполненная по заказу Управления Президента РФ по внешней политике. Авторы исследования проанализировали различные аспекты формирования ситуации в регионе, разработали сценарии развития событий для различных государств, а также сформулировали консолидированные рекомендации для органов государственной власти России по проведению оптимальной стратегии в различных сценариях развития событий.

Высокая степень неопределенности во многих ближневосточных странах требует ведения постоянного мониторинга региональных событий, рассмотрения возможных вариантов трансформационных процессов. В аналитическом докладе «Многовариантный прогноз развития ситуации в регионе БВСА» (2014) представлены прогнозы и сценарные проработки развития ситуации на Ближнем Востоке и в Северной Африке – на страновом и субрегиональном уровнях.

Одним из инициаторов создания Центра был Валерий Павлович Воробьев. Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации Валерий Павлович окончил факультет международных отношений МГИМО в 1970 году. В общей сложности В.П.Воробьев опубликовал 22 монографии, среди которых: «Политическая и государственная система НДРЙ» (М., 1978); «Государство Израиль: правовые основы возникновения и статус личности» (М., 2001); «Высшие органы власти государства Израиль» (М., 2002); «Конституционно-правовая система Государства Израиль» (М., 2002). Профессор Воробьев является крупнейшим отечественным специалистом в области конституционного права Государства Израиль,

Валерий Павлович Воробьев

он единственный российский ученый – израилевед, работы которого изданы в Израиле на иврите и русском языке, а также опубликованы в арабских странах.

Среди специалистов Центра – известные российские исследователи Ближнего Востока. Директор ЦБВИ Андрей Васильевич Федорченко окончил МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор. Входит в состав экспертного совета Института Ближнего Востока. Работает на постоянной основе в качестве члена Совета Всемирного конгресса ближневосточных исследований (WOCMES). Представляет Россию в Европейской ассоциации ближневосточных исследований (EURAMES). Научные интересы: социально-экономическое развитие ближневосточных стран, экономика переселенческих государств, система международных отношений на Ближнем Востоке, российская внешняя политика в Западной Азии. Один из создателей российской научной школы израилеведения. А.В. Федорченко – автор более 200 научных работ, в том числе 10 книг. Его основные научные труды опубликованы в журналах «Мировая экономика и международные отношения», «Проблемы современной экономики», «Международная жизнь», «Азия и Африка сегодня», «Современная конкуренция», в научных изданиях США, Японии, Венгрии, арабских стран и Израиля. Он является автором статей в Большой российской энциклопедии, ряде других энциклопедических изданий, учебных пособий по мировой экономике.

Ведущий научный сотрудник Центра Александр Владимирович Крылов окончил Институт стран Азии и Африки при МГУ. В 2013 году защитил диссертацию на соискание степени доктора исторических наук по теме «Генезис и эволюция израильской поселенческой политики на оккупированных арабских территориях (1967–2007 гг.)». В настоящее время – один из наиболее компетентных специалистов по вопросам постоянного статуса ближневосточного урегулирования (границы, беженцы, статус Иерусалима, израильские поселения). Автор более 100 научных трудов, в том числе пяти монографий.

ЦБВИ развивает международные связи с арабскими странами, Ираном, Израилем, Турцией, США, ФРГ, Японией, странами СНГ. Развивая сотрудничество с российскими и зарубежными коллегами, ЦБВИ не опасается конкуренции. Обширный ближневосточный

Андрей Васильевич Федорченко

регион – весьма широкое поле для научных исследований. Работая в МГИМО, сотрудники Центра значительное внимание уделяют интеграции результатов своих исследований в учебный процесс, поддерживают постоянные связи с кафедрами МГИМО, не только сочетают научную работу с преподавательской деятельностью, но и разрабатывают новые методики обучения, содействуют научно-исследовательской деятельности студентов. Многие студенты, магистранты и аспиранты МГИМО – частые гости Центра, сотрудники которого являются их научными руководителями и консультантами. Ведется совместная работа ЦБВИ и студенческого Ближневосточного клуба МГИМО. На основе подготовленного ЦБВИ и подписанного МГИМО и фондом «Русское общество друзей Еврейского университета в Иерусалиме» соглашения организованы регулярные стажировки студентов МГИМО в Израиле.

Центр партнерства цивилизаций. Центр партнерства цивилизаций, созданный в 2007 году, стремится внедрять идеи диалога цивилизаций на базе взаимного уважения и признания равноправия сторон. Сотрудники Центра принимали активное участие в подготовке и издании целого ряда сборников, прежде всего: «Россия и Организация исламской конференции» (2007), «Толерантность: опыт России и Султаната Оман» (2008), «Возможен ли мир на Ближнем Востоке» (2010), «Партнерство цивилизаций: нет разумной альтернативы» (2011), «Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше?» (2013).

Кроме того, в 2009 году в свет вышла монография доктора исторических наук, профессора, ведущего научного сотрудника ЦПЦ Александра Иосифовича Вавилова «Политика США в мусульманском мире на примере арабских стран: опыт критического анализа», а в 2012 году было издано учебное пособие «Страны Ближнего Востока: проблемы и перспективы развития», автором которого также является А.И. Вавилов. В 2013 году в свет вышла работа научного сотрудника Центра Э.Д. Эшба «Актуальные проблемы современной Абхазии».

Важным направлением деятельности ЦПЦ является установление и развитие контактов с зарубежными научными и учебными центрами, общественными организациями. Сотрудники Центра участвовали в большом количестве научных форумов и конференций. Среди них: международная конференция по проблемам терроризма (Тунис, ноябрь 2007), конференция по вопросам химического разоружения (Тегеран, декабрь 2007), международный форум «Цивилизация в научных прогнозах Питирима Сорокина» (Бейрут, 2011), конференция «За человеческое сближение и гармонизацию» (Оман, 2012), международный форум по Сирии, по инициативе Фонда Карнеги (Бейрут, 2013), конференция Валдайского ближневосточного клуба по вопросам политического ислама (Марракеш, 2013), пятый Международный экономический саммит России и стран Организации исламского сотрудничества (Казань, 2013) и др.

Директор Центра партнерства цивилизаций Вениамин Викторович Попов, в недавнем прошлом Посол по особым поручениям, специальный представитель Президента России по связям с Организацией Исламская Конференция и другими международными исламскими организациями, является членом российско-американской Дартмутской группы ученых и общественных деятелей, которая регулярно собирается в России и США для обсуждения актуальных проблем взаимоотношений между двумя державами.

Центр партнерства цивилизаций организует и собственные мероприятия научно-экспертного характера с участием представителей четырех основных российских конфессий, парламентских и государственных структур, МИД России, членов российского и зару-

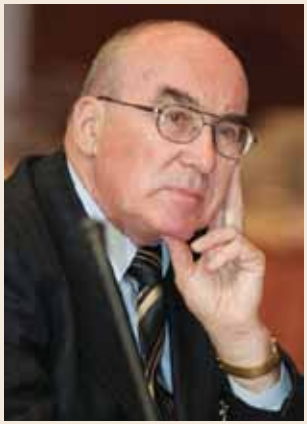
Ситуационный анализ Центра партнерства цивилизаций

бежных экспертных сообществ, осуществляет контакты с другими научными центрами, государственными и общественными организациями. ЦПЦ оперативно реагирует на события, происходящие на мировой арене. Среди наиболее важных мероприятий – «круглый стол» «Исламо-христианский диалог в современном мире», прошедший в МГИМО в мае 2011 года. В 2014 году ЦПЦ вновь провел в МГИМО «круглый стол», посвященный контактам между христианами и мусульманами в целях совместной борьбы против экстремизма и терроризма.

Помимо вопросов, связанных с взаимодействием двух монотеистических религий, ЦПЦ уделяет пристальное внимание современным процессам на Ближнем Востоке. В частности, Центр провел ситуационный анализ на тему «Шиито-суннитские отношения на современном этапе».

Сотрудники принимают активное участие в работе группы стратегического видения «Россия – исламский мир», координатором которой является директор ЦПЦ В.В. Попов. Группа провела ряд плодотворных встреч в Москве, Казани, Стамбуле, Джидде, Кувейте.

Центр проблем Кавказа и региональной безопасности. Учрежден в 2004 году как Центр кавказских исследований. В 2010 году получил новое название. При создании Центра были определены три главных направления деятельности: прикладная аналитика современных политических и социально-экономических процессов на пространстве Северного Кавказа и Южного Кавказа; создание условий для широкой и плодотворной дискуссии по актуальным проблемам истории, этнологии и современной политики Кавказа с участием российских и зарубежных экспертов, и политиков;



Вениамин Викторович Попов

фундаментальные исторические и социологические исследования ключевых проблем региона.

В рамках направления прикладной аналитики сотрудники Центра разрабатывают следующие проблемы: Южный Кавказ в международных отношениях, региональная безопасность и урегулирование этнополитических конфликтов; становление и развитие государственных и общественно-политических институтов Азербайджана, Армении и Грузии; политическая и социально-экономическая ситуация в Абхазии, Южной Осетии и Нагорном Карабахе; основные тенденции социально-политического развития республик Северного Кавказа.

Одним из результатов деятельности Центра в сфере прикладной аналитики стал выпуск нескольких номеров аналитических записок и докладов НКСМИ, а затем ИМИ: «Кавказ: реалии против соблазнов» (2005. Вып. 9.), «Уроки кризиса в Абхазии» (2005. Вып. 7), «Конфликтный потенциал и процессы трансформации в Кавказском регионе» (2006. Вып. 4); «Внутренние и внешние факторы в динамике современного развития Кавказа» (2008. Вып. 6); «Информационно-пропагандистские аспекты конфликта вокруг Южной Осетии» (2008. Вып. 10), «Проблемы безопасности на Южном Кавказе: российско-грузинские отношения и перспективы долгосрочного урегулирования грузино-абхазского и грузино-югоосетинского конфликтов» (2011. Вып. 3). Сотрудники Центра активно публикуются на страницах научной периодики вне МГИМО.

В 2007–2014 годах сотрудники Центра проводили исследования по проблематике черкесского этнического движения, получившей особую актуальность в связи с проведением зимней Олимпиады 2014 года в г. Сочи. В 2007 году, на завершающем этапе кампании по продвижению российской олимпийской заявки, важнейшее значение приобрел вопрос, связанный с общеполитическим имиджем Российской Федерации на международной арене, в том числе с проблемами освещения межнациональных отношений в Северо-Кавказском регионе. В этой связи исследователями Центра для Олимпийского комитета России была подготовлена справка «К вопросу о событиях на Северо-Западном Кавказе во второй половине XIX в. (адыги в политике Российской империи)», которая получила высокую оценку руководства комитета. В течение 2009–2010 годов по просьбе Олимпийского комитета России велся мониторинг ситуации на Северном Кавказе с целью определения основных угроз проведению Олимпийских игр. В марте 2011 года Центр подготовил и провел в МГИМО конференцию «“Черкесский вопрос”: историческая память, историографический дискурс, политические стратегии». В 2012 году сотрудники Центра Н.Ю. Силаев и М.А. Волхонский приняли участие в реализации проекта «*“*Черкесский вопрос*”*: национальное движение в современности» в рамках V Открытого конкурса Института общественного проектирования (ИНОП) «Проблемы развития современного российского общества». В течение года были проведены масштабные полевые исследования (интервью, опросы) в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Адыгее, Краснодарском крае, на материале которых был под-

Конференция Центра проблем Кавказа и региональной безопасности

готовлен доклад «“Черкесский вопрос”: национальное движение в современной России».

В 2013 году старший научный сотрудник Н.Ю. Силаев провел полевые исследования (интервью, опросы) в рамках реализации исследовательского проекта «Местное самоуправление на Северном Кавказе: структуры власти и механизмы распределения ресурсов» (грант ИНОП).

Из фундаментальных исследований сотрудников Центра необходимо в первую очередь отметить издание сборников документов по новой и новейшей истории Кавказа. В 2008 году вышел в свет сборник «Конфликты в Абхазии и Южной Осетии. Документы 1989–2006 гг.», в котором были опубликованы тексты около 300 важнейших документов по истории грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов. За эту работу авторскому коллективу была присуждена премия МГИМО им. И.Г. Тюлина. В 2011 и 2012 годах вышло два тома сборника документов «Кавказский вектор российской политики», которые позволяют на основе солидной и репрезентативной подборки исторических документов отследить ключевые вехи и основные направления российской политики на Кавказе на протяжении большого исторического периода с середины XVI по конец XVIII века.

К сфере фундаментальных исследований также относится издание книг и статей по различным проблемам истории и современности Большого Кавказа.

Владимир Владимирович Дегоев

Здесь в первую очередь следует сказать об исследовательских работах директора Центра доктора исторических наук, профессора Владимира Владимировича Дегоева, среди которых: «Россия, Кавказ и постсоветский мир: прощание с иллюзиями. (Историко-политическая эссеистика)» (2006); «Кавказ и великие державы 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия» (2009); «История, опрокинутая в политику. Три досье "до востребования"» (2013); «Приз для победителя. Международное соперничество на Кавказе в первой трети XIX века» (в соавторстве с И.И. Стамовой) (2013); «Непостижимая Чечня. Шейх-Мансур и его время (XVIII век)» (2013). Из исследовательских работ сотрудников Центра необходимо отметить монографию В.М. Муханова «Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский» (2007), а также его работу в соавторстве с М.А. Волхонским «По следам Азербайджанской Демократической Республики» (2007). В 2014 году вышла в свет книга, посвященная 200-летию подписания Гюлистанского мирного договора между Российской империей и Ираном, – «Дорога на Гюлистан», авторами которой являются В.М. Муханов, М.А. Волхонский, а также О.Р. Айрапетов.

Как уже отмечалось, одним из приоритетных направлений работы Центра является развитие диалога по проблемам Кавказа с российскими и зарубежными экспертами. С 2004 года было возобновлено издание «Кавказского сборника», который стал специализированным периодическим изданием, призванным скоординировать и объединить профессиональные усилия исследователей-кавказоведов. Издание полностью себя оправдало. К 2014 году выпущено 8 томов, на страницах которых опубликованы статьи и материалы исследователей, представляющих различные научные школы и исследовательские центры современного кавказоведения.

Другим важным вектором стало налаживание диалога с экспертами и общественно-политическими деятелями по самым различным проблемам современной жизни на пространстве Северного и Южного Кавказа. Из множества мероприятий – конференций, «круглых столов» и ситуационных анализов, проведенных сотрудниками Центра, следует выделить несколько наиболее сложных и перспективных, где были достигнуты определенные успехи. В первую очередь большое внимание уделялось налаживанию диалога между российскими и зарубежными экспертами по проблемам этнополитических конфликтов в Нагорном Карабахе, Абхазии и Южной Осетии, а также развитию отношений России с государствами Южного Кавказа. Так, в ноябре 2004 года был проведен «круглый стол» «Диалог по Нагорному Карабаху: в поисках позитивного потенциала» с участием представителей министерств иностранных дел России и Армении, и представителей экспертных сообществ России, Армении и Азербайджана. В феврале 2005 года Центр провел международную конференцию «Экономическое и политическое пространство Южного Кавказа: угрозы, вызовы, перспективы», а в марте того же года совместно с Центром постсоветских исследований – международную конференцию «Центральная Азия – Каспий – Кавказ: международное политико-энергетическое измерение». В сентябре 2011 года был проведен «круглый стол» «Российско-армянские отношения».

В 2008 году сотрудники Центра принимали активное участие в дискуссиях, имевших место в экспертном сообществе, относительно конфликта России и Грузии, а в конце года провели конференцию «Новая архитектура безопасности на Южном Кавказе после 8 августа 2008 г.». Признание Российской Федерацией незави-

Конференция Центра проблем Кавказа и региональной безопасности

симости Абхазии и Южной Осетии еще более актуализировало тему развития отношений России с двумя республиками. В марте 2010 года по заданию МИД России сотрудники Центра провели международную научно-практическую конференцию «Россия – Абхазия: 200 лет дружбы и взаимоотношений». В сентябре того же года было проведено заседание одной из секций 6-го Конвента РАМИ «Закавказская геополитическая конъюнктура и мировой кризис: сценарные варианты».

С 2009 года Центр активно занимается вопросами организации и поддержания диалога с экспертным сообществом Грузии, направленного на донесение до грузинской общественности взглядов России по ключевым вопросам региональной безопасности и зачастую деструктивной роли внешних игроков в этих вопросах. Работа в этом направлении энергично велась, прежде всего, старшими научными сотрудниками Н.Ю. Силаевым и В.М. Мухановым. В феврале 2013 года Н.Ю. Силаев и старший преподаватель кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО А.А. Сушенцов представили в Тбилиси доклад «Грузия после выборов и перспективы российско-грузинских отношений». Доклад готовился в тесном сотрудничестве с представителями МИД и Администрации Президента РФ. Текст доклада был обсужден в ходе ситуационного анализа, проведенного в МГИМО с участием представителей МИД и АП. Его презентация в Тбилиси, проведенная в партнерстве с грузинской НПО «Международный центр по конфликтам и переговорам», вызвала большое внимание как грузинских экспертов, так и прессы. В том же месяце Н.Ю. Силаев при поддержке Администрации Президента Российской Федерации

Семинар Центра постсоветских исследований

организовал поездку грузинских экспертов на Северный Кавказ. Были проведены встречи с представителями органов государственной власти и местного самоуправления Северной Осетии, Дагестана, Кабардино-Балкарии, с представителями научной общественности и молодежи трех республик. В июле 2013 году Н.Ю. Силаев и В.М. Муханов приняли участие в конференции «Эксперты в поисках выхода для российско-грузинской нормализации», организованном Грузинским фондом стратегических и международных исследований. В июле 2013 года В.М. Муханов участвовал в работе летней научной школы в Тбилиси, посвященной истории российско-грузинских отношений. В октябре 2013 года Н.Ю. Силаев при поддержке Администрации Президента Российской Федерации представил в Грузии доклад «Этнос и политика на Северном Кавказе: "черкесский вопрос"». Доклад направлен на преодоление ошибочных представлений о Северном Кавказе, распространенных в Грузии и легших в основу так называемой новой северокавказской политики М. Саакашвили, и на укрепление благоприятного международного публичного контекста вокруг предстоящей Олимпиады в Сочи. Партнером в презентации доклада в Тбилиси стала грузинская НПО «Центр глобальных исследований».

Центр постсоветских исследований. Все международно-политические трансформации потребовали создания в 1999 году в МГИМО специального аналитического центра по постсоветским проблемам. Первым руководителем Центра постсоветских исследований (ЦПСИ) стал заведующий кафедрой международных

отношений и внешней политики России доктор исторических наук, профессор Михаил Матвеевич Наринский, его заместителем – Артем Владимирович Мальгин, ныне проректор МГИМО.

Основной задачей ЦПСИ в первый период стало формирование коллектива единомышленников, способных разобраться в хитросплетениях отношений между «новыми независимыми государствами». Необходимо было накопить соответствующий информационный багаж, проанализировать первые шаги новых независимых государств на пути укрепления суверенитета и установления отношений с евроатлантическими структурами, определить желательные для российской стороны векторы деятельности СНГ. Центр проводил межведомственные конференции по проблематике СНГ и его взаимоотношений с Евросоюзом, выпускал информационно-аналитические сборники статей по региональной тематике – Южный Кавказ, Центральная Азия и др.

В 2006–2008 годах руководство ЦПСИ перешло к профессору кафедры мировых политических процессов Ксении Петровны Боришполец. В этот период, учитывая накопленный багаж знаний, стало возможным комплексное междисциплинарное изучение проблем и тенденций развития на пространстве бывшего СССР. Сложилась научная школа постсоветских исследований. В подготовленных в тот период аналитических материалах отмечалось, что внутрирегиональное сотрудничество стран Содружества, прежде всего на экономическом поле, подошло к «красной черте», за которой неизбежно последует критическое переосмысление пройденного государствами – участниками СНГ пути. Подчеркивалось, что у партнеров растет неудовлетворенность сложившейся ситуацией, они стремятся вырваться из состояния экономической второстепенности, оздоровить национальную экономику, опираясь на тесное взаимодействие, и на равных встраиваться в мировую хозяйственную систему. Поэтому аналитики ЦПСИ предлагали устранять реальные причины неудовлетворенности стран положением дел в Содружестве и на основе их объективного анализа совместно разрабатывать новую философию взаимоотношений, отвечающую интересам всех стран-участниц. Научные сотрудники ЦПСИ в своих работах высказывали мысль о том, что настала пора экономического прагматизма – национальные элиты и бизнес-сообщества ННГ требуют взаимного учета национально-государственных интересов. Было подготовлено несколько сборников докладов о международных отношениях в Центральной Азии.

С 2008 года директором Центра является доктор исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посланник Станислав Иванович Чернявский.

Действуя в тесной координации с другими подразделениями ИМИ, ЦПСИ обеспечивает охват всех ключевых проблем и направлений мировой политики и экономики, касающихся постсоветского пространства, способствуя тем самым закреплению за МГИМО статуса и позиций ведущего национального центра экспертно-аналитического сопровождения выработки внешнеполитических и внешнеэкономических решений. Готовятся аналитические справки и доклады, даются краткосрочные и среднесрочные прогнозные оценки, и рекомендации. Соответствующие аналитические записки лишены наукообразности и нацелены на решение практических задач.

Идеи некоторых записок используются при подготовке научных публикаций. Из увидевших свет в последние годы необходимо отметить статьи К.П. Боришполец «Евразийский тренд международного сотрудничества», «Ежегодник ИМИ» (М., 2014). Большой практический интерес представляют публикации: Никитина Ю.А., Шишацкий М.В. «Потенциал России и ОДКБ в сфере урегулирования конфликтов и проведе-

Станислав Иванович Чернявский

ния миротворческих операций: возможности для международного сотрудничества», Россия в региональных интеграционных проектах, под ред. М.М. Лебедевой. М.: МГИМО-Университет, 2013; Nikitina Y. "How the CSTO Can (and Can-not) Help NATO", PONARS Eurasia Policy Pespectives. Policy Conference September 2013. – PONARS Eurasia, 2013. P. 64–68; Nikitina Y. "Security cooperation in the Post-Soviet area within the Collective Security Treaty Organization", Dynamics of Economic and Political Recomposition in the Post-Soviet Space. January 2013. (ISPI Studies. No. 152); Болгова И.В., Байков А.А. «Малая Евразия»: международные отношения в подсистеме постсоветских государств».

Среди подготовленных в последнее время монографий наиболее значимыми представляются работы К.П. Боришполец «Евразия и Россия» и С.И. Чернявского «Десять лет истории Азербайджана: 2003–2013», М.: Флинта, 2013. 400 с.

§ 4. Воспоминания востоковедов «О МИВе и о мире»

Ти Хэвэнь, или «Спокойный человек, который интересуется культурой»

(По материалам журнала MGIMO Journal об академике С.Л. Тихвинском)

Сергей Леонидович Тихвинский, один из старейших российских востоковедов-китаистов, академик РАН, пришел в дипломатию более 75 лет назад. В 1938 году он стал сотрудником НКИД СССР, куда его направили по комсомольской путевке с пятого курса филологического факультета Ленинградского университета.

«В 30-е годы комплектование дипломатического ведомства носило в какой-то степени случайный характер, – вспоминает С.Л. Тихвинский. – Вуза, который бы готовил дипломатов, не было, поэтому мидовские кадры пополнялись за счет уже зрелых людей, преимущественно членов партии, с высшим и совсем необяза-

тельно гуманитарным образованием. Например, посол в Канаде Зарубин имел инженерную специальность, посол в Китае Панюшкин служил начальником пограничной заставы. Замминистра Семенов преподавал политграмоту, а другой замминистра – Громыко – был дипломированным экономистом. Однако репрессии 1937 года сильно ударили по мидовским кадрам, и на дипслужбу стали набирать даже студентов-старшекурсников. В их число довелось попасть и мне. Поэтому я в каком-то смысле завидую сегодняшним студентам МГИМО: они с молодых лет ориентированы на работу в области внешней политики и связанных с ней торгово-экономических направлений».

Интересно, что в ранней юности Сергей Леонидович не собирался быть ни китаистом, ни дипломатом – в школе он серьезно увлекался химией. Но, как это часто бывает, все изменила встреча с неординарным человеком, который увлек его рассказами о дальних странах, о мало кому известном в те годы Китае...

Сергей Тихвинский – коренной ленинградец. Он родился 1 сентября 1918 года, говоря сегодняшним языком – в День знаний. «Мое первое детское воспоминание связано с ленинградским наводнением 1924 года. Наша семья жила на Большом проспекте Васильевского острова, и из окна квартиры я наблюдал, как сильный ветер с Финского залива гнал волны, поднимая уровень Невы выше ординара. Последнее, что я увидел перед тем, как меня и моего младшего брата Диму уложили спать, были арбузы, принесенные откуда-то водой. Я заснул с твердым убеждением, что утром проснусь и все эти арбузы будут моими! Но к утру вода уже спала, с ней, видимо, уплыли и арбузы...»

Детство Тихвинского было типичным для подростка того времени. «Тогда все увлекались арктическими походами, следили за эпопеей «Челюскина», освоением Севморпути, восхищались Папаниным, Шмидтом. Вот и мы с братом решили удрать в Арктику. Пришли к трапу ледокола «Малыгин», но нас оттуда шуганули. Пришлось несолоно хлебавши возвратиться домой. Родители, обеспокоенные нашим долгим отсутствием, меня, как заводилу, выпороли, а брата лишь пожурили».

***

В школе № 35 Октябрьского района Ленинграда, где учился будущий академик, ряд предметов преподавался на немецком языке.

«В те годы была модной левацкая идея, когда школьники обучали сами себя, – так называемый Дальтон-план. Я увлекался химией, поэтому был ассистентом преподавателя на опытах: управлял колбами, реостатами, зажигал спиртовки... На протяжении всего10-го класса вечерами я ходил на химфак университета, где прошел курс количественного анализа, но неожиданно интерес к химии перебило сильное желание заняться Востоком. А получилось этотак. Однажды летом мои родители сняли дачу на Малых Ижорах.

Через забор от нее стояла дача, которую тогда же снимал известный ученый-китаевед академик Василий Михайлович Алексеев. А прямо у забора мы, мальчишки, оборудовали на березе шалаш, чтобы наблюдать в бинокль за судами, шедшими по Морскому каналу.

Познакомившись с Алексеевым, мой отец довольно часто гулял вместе с ним, и профессор много рассказывал ему о Китае. Глядя в бинокль на залив, я прислушивался к их разговору, и постепенномое воображение захватили картины Востока».

Вернувшись в Ленинград, Сергей начал интересоваться путешествиями в Китай, запоем читал книги Семенова-Тян-Шанского, Грум-Гржимайло, Обручева.

* * *

Учился Сергей отлично, после 10-го класса его на встрече отличников ленинградских школ наградил ча-

сами сам Сергей Миронович Киров. «Это меня немного расстроило. Дело в том, что о окончании 9-го класса отец подарил мне отличные карманные часы Павла Буре, которые он, военврач, пронес через всю Первуюмировую войну. Поэтому я поехал в гороно и ппросил поменять подарок Кирова на что-нибудь другое. Мне предложили путевку по Беломорско-Балтийскому каналу, который тогда только открыли. Это было захватывающее приключение. Я проехал с экскурсией по Кольскому полуострову до Хибин, а оттуда по железной дороге вернулся в Ленинград…»

Между тем Сергей твердо решил связать свою судьбу с Востоком и по окончании школы поступил на филологический факультет ЛГУ. «Я был единственным, кто подал заявление на китайское отделение. Остальные 27 человек, из которых была сформирована наша китайская группа, изначально хотели изучать романские, англосаксонские и другие языки. Но их принудительно определили на китайское направление, потому что профессурато была, а студенты туда не шли. (Но такой подход все равно не помог – на пятый курс из всей группы перешли только два человека: я и одна девушка, Валя Исакович...) На самой первой лекции нас ждал шок.

Президент России В.В. Путин вручает государственную премию в области науки и техники С.Л. Тихвинскому

Сегодняшние преподаватели назвали бы метод обучения, которым пользовался академик Алексеев, возмутительным. Он пришел в аудиторию и, ничего не говоря, стал мелом на доске писать иероглифы. Я их видел и раньше – в Эрмитаже, где хранились коллекции китайского искусства, но теперь впервые наблюдал, как их пишут. Василий Михайлович исписал всю доску, потом раздался звонок на перемену. Алексеев сказал: «А теперь списывайте». Но как? В какой последовательности? Ничего этого мы еще не знали.

Это потом у нас появился кореец Хван, который учил иероглифике,от него мы узнали, что в китайском языке нет алфавита, а есть ключевая система, состоящая из 214 ключей... Между тем перемена закончилась, и на второй половине лекции Алексеев написал на доске перевод – как оказалось, это были выдержки из книги афоризмов Конфуция «Лунь Юй»: «Учиться и постоянно совершенствоватьсвои знания – это ли не радость? Если друг возвратился из дальних стран – это ли не счастье?» Написал и ушел, сказав: «К следующему разу выучить написание». Все обалдели. Половина группы сразуже отсеялась. Я вернулся домой, а это было 1 сентября, мой день рождения. Родители встретили меня в приподнятом настроении: «Сережа, давай посидим за столом, отметим!» Но я, наскоро перекусив, закрылся в комнате и стал рисовать эти, как мне сперва показалось, каракули. Родители были в шоке: то папа зайдет, то мама – посмотрят, покачают головой и уходят. Я полночи не спал, и они вместе со мной. Утром разбудили, а перед уходом в университет спросили: «Сережа, а может, поменяешь специальность?» Но я былупрямым. И с методом академика Алексеева смирился, вспомнил, как отец примерно таким же способом учил меня плавать: заходил со мной в воду по горло, отпускал, а сам делал шаг назад. Я, барахтаясь, плыл за ним, а он все отступал... Ведь до революции Алексеев сам так учил китайский, он был из кантонистов – детей солдат, которые

росли в детдоме, и там использовались жесткие методы воспитания. Но на старших курсах Василий Михайлович был «человечнее»: приходил на занятия в старомодном сюртуке, в целлулоидном накрахмаленном воротничке, с огромным чемоданом. Он садился перед нами за стол, открывал крышку чемодана, вынимал карточки и по ним читал лекцию».

***

Когда Сергея Тихвинского направили в НКИД, не дав окончить филфак, его определили на должность переводчика. Обложившись словрями, он полгода переводил с китайского дипломатические ноты. А потом, в один прекрасный день в начале мая 1939 года, его вызвали к только что назначенному наркому иностранных дел Вячеславу Молотову.

«Молотов встретил меня расспросами: кто мои родители, где я учился? Но главное, насколько хорошо я знаю китайский язык? Я сказал: письменный перевод у меня хороший, а устный – не очень.В университете мы ведь живого китайца не видели, произношение и разговорный язык изучали по пластинкам в фонетическом кабинете профессора Щербы. Однако Молотова мои ответы, похоже, удовлетворили, и через некоторое время меня вызвали к нему снова. Но в его кабинет уже не пригласили – нарком вышел и сказал: «Поехали». На Кузнецком Мосту, где тогда располагался НКИД, мысели в «ЗиЛ» с бронированными стеклами – Молотов на переднее сиденье, я сзади – и прямым ходом в Кремль. Поднялись к его кабинету председателя Совета народных комиссаров. В секретариат, где меня попросили подождать приема, вскоре зашел маленький толстенький китаец в очках и поздоровался по-английски. Я ему ответил по-китайски, на чистом пекинском, мандаринском наречии, которому нас учили: «Ни хао». Он: «Молодой человек, давайте лучше говорить по-английски, я южанин – мое произношение даже на юге не все понимают». Когда мы с ним зашли в кабинет Молотова, я чуть не потерял дар речи: там были Сталин, Ворошилов и замнаркомин-дел Потемкин. Они поздоровались с китайским гостем и со мной заруку, сели. Начался разговор. Сунь Фо – так звали китайца – просил у советского правительства третий заем для приобретения советского вооружения: самолетов, орудий и другой техники. В ходе беседы в кабинет заглянул Микоян, нарком внешней торговли, которому передали список заказанной техники. Затем Сталин подошел к стене, взял палку с крючком, зацепил одно из колец, которые висели под потолком, и опустил карту, на которой была изображенатерритория СССР и Северного Китая. Разговор переключился на обсуждение трассы, по которой с Турксиба в северо-западную китайскую провинцию Ганьсу перегонялись наши самолеты, а грузовики везли военные грузы. Все это я переводил, не подозревая, что через короткое время окажусь стажером в нашем генконсульстве в Урумчи, столице провинции Синьцзян, и сам проеду по этой трассе, увижу, в каких сложных

С.Л. Тихвинский отстаивает позиции СССР на одной из международных коференций

условиях – в пустыне, без воды – шли в Китай наши караваны с вооружением, столь необходимым Китаю для отражения японской агрессии».

***

К началу Великой Отечественной войны Сергей Тихвинский уже вернулся в Москву, а в октябре 1941 года стало ясно, что правительственные органы придется эвакуировать. Молотов и его секретариат остались в столице, а весь штат НКИДа вместе с дипломатическим корпусом отправился поездом в Куйбышев. Однако в начале декабря Тихвинского отозвали в Москву: нужны были люди на китайском направлении.

«В феврале 1942 года мне поручили работать с первой с начала войны иностранной делегацией. Это были монгольские представители, сопровождавшие большой эшелон с мороженым мясом, валенками, полушубками, перчатками – в подарок Западному фронту, которым командовал генерал Г. К. Жуков.

Монголы его хорошо знали, он был героем Халхин-Гола, почетным гражданином Монголии. Руководство делегации состояло из трех человек: премьер-министра Лупсана, Янжимы, вдовы основателя МНР Сухэ-Батора, а также Шагдарсурена, военного адъютанта Чойбалсана и будущего министра иностранных дел Монголии.

И вот в конце февраля мы приехали в ставку Жукова в подмосковное Перхушково. Жуков встретил монголов как старых друзей (вопреки распространенному мнению мне он показался обаятельнейшим, веселым человеком). Когда монголы сказали, что привезли ему в подарок юрту, Жуков засмеялся: «А что я с ней буду делать?» Он открыл дверь в свой кабинет, а там была батарея телефонных аппаратов: «Куда я дену всю эту связь? Мне же ее заново надо проводить. Лучше подарите юрту командующему 49-й армией Западного фронта генерал-лейтенанту Захаркину, он должен на днях освободитьЮхнов, она ему нужнее».

Почему я рассказываю историю? Не из праздного желания показать, с какими великими людьми столкнула меня судьба. Дело в том, что именно от Жукова я узнал, как погиб мой младший брат. С началом блокады Ленинграда он в составе дивизии народного ополчения находился на передовой, защищая участок возможного прорыва немцами обороны города. В какой-то момент родители перестали получать от него письма. А Жуков в тот период как раз возглавлял по поручению Сталина операцию по обороне Ленинграда. На этой ночной встрече с монгольскими друзьями он и рассказал, что принял решение открыть по месту предполагаемого прорыва немцев шквальный огонь из всех орудий – армейской артиллерии, сил Северного флота... Немецкий прорыв был остановлен, но в этой мясорубке погибла и вся дивизия народного ополчения».

***

Дипломатическая и научная карьера С. Л. Тихвинского развивалась успешно. До 1957 года он находился на работе в Китае, Великобритании и Японии, работал на Генассамблеях ООН. Впоследствии занимал руководящие должности в изданиях и НИИ Академии наук, представлял СССР в ЮНЕСКО. В 1980–1986 годах был ректором Дипломатической академии и параллельно – академикомсекретарем Отделения истории АН СССР. Но вся жизнь Тихвинского была связана с изучением Китая: его кандидатская диссертация была посвящена Сунь Ятсену, докторская – движению за реформы в Китае в конце XIX века... Одной из самых захватывающих страниц его дипломатической биографии было участие в признании Советским Союзом КНР в момент ее провозглашения в Пекине 1 октября 1949 года. «Пекин тогда назывался Бейпином, – вносит поправку Сергей Леонидович, – что в переводе: «северное спокойствие», а я в тот момент был там советским генконсулом. События развивались так. В августе 1949 года, после окончания гражданской войны, в Бейпине была созвана

политическая консультативная конференция с участием всех демократических сил и политических партий. Конференция приняла временную конституцию народного Китая, его пятизвездный флаг (большая звезда в окружении четырех маленьких символизировала союз китайской компартии с рабочим классом, крестьянством, мелкой и национальной буржуазией), а на 1 октября была назначена церемония провозглашения КНР. На нее пригласили и меня. Но, поскольку мы в тот период пытались делать вид, что не помогаем коммунистам, – я даже формально закрыл генконсульство, оставшись лишь связником между нами и китайцами, – мне пришлось запросить Москву: как мне быть? Громыко, который тогда был замминистра, прислал ответ: «Можете присутствовать, но не выдвигайтесь на первый план» (он вообще любил давать такие лаконичные указания). Я так и сделал: встал в самом низу деревянной трибуны, расположенной на площади Тяньаньмэнь у подножия высокой стены из красного кирпича. А на вершине стены находилась высокая галерея, где стояли Мао и все руководство народной республики. В начале церемонии Мао взял слово и заявил, что наступил исторический момент: 28 лет борьбы против милитаристов и феодалов закончились победой китайского народа. Потом он, видимо, нажал какую-то кнопку, и в центре площади поднялся большой китайский флаг. Прозвучали 28 артиллерийских залпов, оркестр сыграл гимн Китая («Марш партизан»). Затем состоялась внушительная демонстрация жителей и гостей города, закончившаяся грандиозным фейерверком. А позже, перед правительственным банкетом, мне доставили личное письмо от Чжоу Эньлая, только что назначенного премьером Госсовета КНР, с информацией состоявшемся празднике и с просьбой о признании нового китайского государства. Я перевел письмо на русский язык, а шифровальщик послал его «молнией» в Москву. На следующий день, рано утром, от советского правительства пришла телеграмма новому китайскому руководству, в которой говорилось: Советский Союз признает исторический факт провозглашения Китайской Народной Республики и готов установить с ней дипотношения. Следующая телеграмма сообщала о моем назначении временным поверенным в делах СССР в КНР – до приезда посла».

***

А до этого исторического события, еще летом 1949 года, С.Л. Тихвинскому посчастливилось познакомиться с Мао Цзэдуном. «Это получилось благодаря министру железнодорожного транспорта Ковалеву, которого Сталин сделал представителем ЦК КПСС в Маньчжурии. Во время Великой Отечественной войны Ковалев ведал всеми военными перевозками и помог восстановить железные дороги, взорванные гоминьдановцами. Когда он переехал из Маньчжурии в Бейпин, то поселился на территории генконсульства и как-то в июне пришел с предложением: «Хотите познакомиться с Мао? Тогда вечером поедем в его резиденцию». Нас привезли к монастырю с высокой стеной. Мы прошли через ворота и встретили там Чжоу Эньлая, Лю Шаоци и других руководителей. В какой-то момент китайцы замерли и разом повернули головы в направлении горбатого мостика, перекинутого через небольшой пруд.

По нему величественно шествовал Мао Цзэдун. Ковалев пошел ему навстречу, поздоровался и помахал мне рукой. Когда он представил меня Мао, тот протянул мне свою руку и после рукопожатия занялся своеобразным анкетированием: сколько мне лет, давно ли я в Китае, кто мои родители, где я учил китайский язык? Затем мы сели за стол: во главе – Мао, Ковалев по правую руку, а я по левую (левая сторона считается у китайцев почетной, но сказать об этом Ковалеву было неудобно). Во время обеда говорил только Чжоу Эньлай. Он, в частности, развлек гостей рассказом об

инциденте, который произошел во время перехода Народно-освободительной армии Китая через реку Янцзы в Нанкин (столицу Гоминьдана, хотя к тому времени гоминьдановцы ее уже покинули). В том месте река была особенно широка – 2,5 км! И надо же такому случиться, что путь китайцам в это время пересекала шедшая вверх по течению канонерка англичан, которая в результате попала как бы в ловушку! Причем удрать от китайцев она тоже не могла, так как у нее закончилось топливо. Чтобы избежать дипломатического инцидента, хитрые китайцы подстроили так, что на англичан вышел подставной торговец, который продал им уголь, а потом позволили лодке выскользнуть из ловушки! Рассказ Чжоу Эньлая всем очень понравился, китайские руководители были весьма довольны тем, как они объегорили «западных чертей»... Следующий раз мне довелось пообщаться с Мао в декабре того же года, когда он собрался на 70-летие Сталина в Москву. Я провожал его по железной дороге до границы и даже сфотографировал в вагоне присланного за ним специального советского поезда».

***

В конце 50-х годов Тихвинский вернулся в Москву из годичной командировки в Японию, где он занимался вопросом нормализации советско-японских отношений в качестве первого поверенного в делах СССР до приезда посла И.Ф. Тевосяна. В Москве Сергей Леонидович понял, что его тянет в науку. Однако и с дипломатией он порывать не хотел. «Громыко с пониманием отнесся к моему желанию и разрешил мне совмещать эти два занятия. В 1958 году я связал свою судьбу с МГИМО, став преподавателем и заведующим кафедрой истории стран Востока, а параллельно в течение десяти лет возглавлял в МИДе отдел стран Азии во вновь созданном Управлении планирования внешнеполитических мероприятий.Ушел я с кафедры только в 1980 году, приняв приглашение статьректором Дипакадемии МИД СССР».

***

Академику Тихвинскому 96 лет, но он по-прежнему активен в науке.«Мы сейчас готовим десятитомник истории Китая. Три тома уже вышло, работа над остальными продолжается, но... Знаете, в чем трагедия нашего китаеведения? Оно стареет. Люди стареют, уходят... У нас много талантливой молодежи, а ученых среднего поколения – людей наиболее плодовитых, знающих язык и существо дела, – крайне мало. К сожалению, начиная с 70-х годов образовалась большая дыра в подготовке китаеведов. Но молодежь у нас хорошая!»

Долгие годы проработав в МГИМО, С.Л. Тихвинский с гордостью считает себя его частью. «Анатолий Васильевич Торкунов был на нашей кафедре аспирантом. Я радуюсь, что он сделал большую карьеру и на научном, и на преподавательском, и на административном поприще, был по заслугам избран в академию. Он молодец, потому что сделал МГИМО привлекательным для зарубежного образова- тельного сообщества. Благодаря его ректорскому опыту и личному обаянию у студентов есть возможность общаться с видными миро- выми деятелями, историческими личностями, которые с удовольствием приезжают в университет и выступают перед студентами и преподавателями, – это великое дело! Так держать! Студентам же я хочу пожелать не замыкаться в узкой специализации, выходить за ее пределы, изучая весь комплекс мировой политики и международных отношений, а также их правовых и экономических аспектов. Да, это дополнительная нагрузка, но тяжело в учении – легко в бою!»

***

С.Л. Тихвинский гордится тем, что в научных и общественных кругах Китая он давно известен под своей «китайской фамилией». Это дань особого уважения.

А получил он эту фамилию так. В 1943 году, вскоре после приезда на работу в посольство СССР в Чунцине, ставшем столицей Китая после оккупации Нанкина Японией, молодой дипломат встретился с видным китайским общественным деятелем Го Можо. И тот задал Тихвинскому странный на первый взгляд вопрос: «У вас есть китайская фамилия?» – «Нет», – ответил Сергей Леонидович. «Сейчас мы вам ее сделаем. Как звучит ваша фамилия по-русски – Тих-вин-ский? Тогда ваша китайская фамилия – Ти Хэвэнь, где Ти – «ровный, спокойный», Хэ – «обширный, любопытный», а Вэнь– «культура». Я думаю, – заключил Го Можо, — получилась прекрасная фамилия, которая, как мне кажется, соответствует вашей личности: «Спокойный человек, который интересуется культурой».

Стратагема Мясникова

(Интервью академика В.С. Мясникова журналу MGIMO Journal)

В кабинете у академика РАН, видного ученого-китаеведа Владимира Степановича Мясникова висит на стене картина с изображением носорога. «У китайского судьи в средневековом суде над креслом тоже весело полотнище с изображением носорога как символа проницательности судьи. Я узнал это из книг Роберта ван Гулика, нидерландского дипломата, который много лет жил в Китае, хорошо знал китайский язык. Он был востоковедом-гением, ученым высшего порядка, в исследованиях которого открылись многие тайны Востока. Я не хочу сказать, что я такой же проницательный, как средневековые китайские судьи. Мне близка исследовательская культура Роберта ван Гулика. Я всегда работаю со словарем и справочником, проверяя и перепроверяя факты, прежде чем ставить подпись под своим трудом. А у меня уже более 500 работ». Владимир Степанович считает, что эту культуру привил ему Московский институт востоковедения – МИВ, куда он поступил в 1950 году. Правда, окончил В. С. Мясников МГИМО, с которым организационно был впоследствии объединен его вуз.

– Как вы выбрали китайское направление?

– Мы все были в плену романтики... В Китае тогда победила революция, а до этого шла гражданская война. Наша страна помогала революционным силам. К тому же, у меня оба брата учились в Институте востоковедения – один на турецком, другой на уйгурском отделении. Хотя я мог оказаться и на химфаке.

– Была склонность к точным наукам?

– Наоборот, любил литературу. Поэтому сначала пошел в МГУ, на филологический. А там сказали: запишитесь в очередь и ждите три дня. Я был золотым медалистом, гордо развернулся и ушел. Старший брат Александр дал совет: иди к нам, у нас нет очередей… Я и поступил на китайское отделение.

– А как же химия?

– Мой отец дружил с академиком Ксенофонтом

Александровичем Кочешковым, был такой крупный химик-органик, Герой Социалистического Труда, который как-то сказал: отдай мне Володьку, я сделаю из него химика. Но, как видите, я стал академиком-международником, а вот Владимир Александрович Тартаковский, мой друг детства, с которым я сидел за одной партой (тоже, кстати, золотой медалист), как раз готовился в МГИМО, а стал академиком-химиком! Как Господь тебя ведет, так и живи – это главное в жизни.

– Что вспоминается об учебе в МГИМО?

– Наибольшее впечатление на меня произвел профессор Всеволод Николаевич Дурденевский, он читал международное право. Несмотря на возраст – около 80 лет, это был красивый мужчина. Он не позволял себе прийти на лекцию без галстука. Но главное – Дурденевский лично разрабатывал все международно-правовые акты советского государства, начиная с первых дней революции. Это были не лекции, а рассказы от непосредственного участника исторических событий. У нас был курс, который создавался с прицелом на бурное развитие отношений с только что возникшей КНР, поэтому приняли сразу 120 человек. Хотя раньше на китайском отделении училось 10-15 студентов.

– А отношения вскоре, наоборот, ухудшились. Был «кризис перепроизводства»?

– Планирование у нас всегда хромало и страдало от бездумных решений. Как-то, на встрече с Мао Дзедуном, Хрущев попросил его прислать нам несколько миллионов китайцев для освоения Сибири. Мао пообещал, и нас стали готовить переводчиками для них. Но потом это решение отменили, и выпускников с китайским стали отправлять учителями английского языка в Среднюю Азию! А еще Хрущев был специалистом по закрытию институтов: сначала закрыл учебный Институт востоковедения, потом академический Институт китаеведения. Один неумный дипломат написал ему, что встречался с Мао, который сказал: «Вы открыли какой-то Институт китаеведения? Изучают только колониальные страны, а мы с вами социалистические». Институт закрыли, наше китаеведение понесло существенный урон. Я как-то в Японии поинтересовался, сколько у них китаеведов? Более 10 тысяч. У нас же их тогда было всего семьсот человек. В Америке мне сказали, что у них ежегодно защищается 50-60 докторских по Китаю. У нас – 1-2 диссертации в 2-3 года. А докторов-китаеведов было всего около 50 человек.

– И это притом, что Китай – самый большой наш сосед…

– У СССР была общая граница с Китаем протяженностью 7518 км! Смотрите, как действуют американцы, у которых этой границы нет. Когда правительство Ричарда Никсона решило отказаться от политики «отбрасывания коммунизма» и нормализовать отношения с Китаем, в Белый дом пригласили группу ведущих американских китаеведов. Их спросили: сколько вы получаете в год – 30 тысяч долларов? Мы вас приглашаем поработать на администрацию за 120 тысяч. При условии, что вы оставите все свои иные занятия. Задача: установить дипотношения с КНР. Ученые просчитали все ходы и проанализировали все сценарии. Через два года Никсон поехал в Пекин и подписал Шанхайское соглашение. У нас же, после того, как Горбачев съездил в Китай, по радио выступил тогдашний член политбюро А. Н. Яковлев, который сказал – и я почти слово в слово помню его безответственное заявление: «В течение долгих лет разного рода востоковеды не могли нормализовать отношения с Китаем, а вот мы с Михаилом Сергеевичем приехали и в три дня все решили». Действительно, мы к тому времени 25 лет вели переговоры по границе, но китаеведов в этом винить нельзя, какие у нас были руководители (вспомните Хрущева) – такой была и политика.

– Как вы пришли в науку?

– Защитив диплом по истории русского китаеведения, я получил рекомендацию в аспирантуру, но без места. Работой нас тоже не обеспечивали... Я долго оставался без работы, но китаисты знали друг друга и помогали: в одном месте письма попросят с китайского перевести, в другом – с английским поработать. Наконец в 1956 году был принят на работу в Институт китаеведения АН СССР, начал ходить в архив МИДа. На шее у родителей я никогда не сидел. Единственная проблема заключалась в том, что у меня не было жилья: а я еще женился, и мы жили всемером в одной комнате. Между тем я готовил кандидатскую, которая была связана с историей формирования нашей границы с Китаем. Параллельно работал на стройке такелажником, построил два дома на Можайском шоссе. Сейчас проезжаю мимо – салютую! Кандидатскую я закончил в 1964 году и успел вручить ее нашей правительственной делегации, которая ехала на первые переговоры с Китаем по границе. Она получила полную историческую картину формирования наших границ и наших прав. Китайцы до сих пор говорят: Мясников создал научную концепцию формирования советско-китайской границы.

– Можете назвать открытие, которым гордитесь?

– В 1957 году я работал в Центральном государственном архиве древних актов, где и сделал одно открытие. Просматривая лист за листом Монгольский фонд, я нашел документы о первой поездке русских в Китай. Десятки историков изучали фонд до меня, но эти документы почему-то не нашли. Господь мне подарил. Я подготовил публикацию, в которой уточнил сведения не только китаеведа М.И. Сладковского, но и самого Н.М. Карамзина! В книге Сладковского о торговых связях Советского Союза с Китаем было написано, что первая поездка русских в Китай состоялась, по китайским источникам, в конце XVI века, а в найденных мною документах – в начале XVII. Оказалось, что, во-первых, источник Сладковского – не китайский, это перевод на китайский язык работы японского историка, который, в свою очередь, эти сведения взял у Карамзина. Но Карамзин не работал в этих архивах! Пришлось ученым пересматривать многие вещи в китаеведении.

– Это, наверное, стало хорошей основой для докторской?

– Нет, докторская была посвящена открытию более высокого класса. Вы знаете, что такое стратагемность в китайском мышлении? Стратагема (по-китайски «чжимоу», то есть сообразительность, изобретательность, находчивость) – это стратегический план, в котором заключена ловушка для противника. Нет, китайцы – не нация ловких обманщиков, просто она приучена традицией не браться за какое-либо дело без составления стратегического плана. Это во многом объясняет то место, на котором они находятся в мире сейчас. Изучая отношения Китая с нашей страной в XVII веке, я открыл, что стратагемность – основа китайской дипломатии. И почерпнула она ее из древних философских и военных трактатов. Величайший военный мыслитель Древнего Китая Сунь-цзы, автор трактата «О военном искусстве», требовал облекать предварительные расчеты в форму стратагем. Стратагемная дипломатия черпала средства и методы не в принципах, нормах и обычаях международного права, а в теории военного искусства, носящей тотальный характер и утверждающей, что цель оправдывает средства. Хорошо известна, например, стратагема № 3 «Убить чужим ножом» из трактата «36 стратагем» – своеобразного «банка данных», который тщательно скрывался от иностранцев.

– А что, кстати, гласит 36-я стратагема?

– Некоторые китайские специалисты говорят, что лучшая стратагема – 36-я: «Если нет другого выхода – обратись в бегство». Стратагемность стала чертой национального характера. Китайцы – народ, умеющий стратегически мыслить, составлять долгосрочные пла-

ны как на государственном, так и на личностном уровне, и использующий ловушки для достижения успеха.

– С таким соседом надо держать ухо востро.

– Есть источник XVII века, который называется «Стратегические планы усмирения русских». В течение более двух десятилетий китайский император вынашивал и реализовывал стратагему, нацеленную на вытеснение русских из Приамурья.

– Раз мы там все еще живем, значит, она не сработала? Но есть, о чем задуматься…

– И чему научиться у китайцев. Во-первых, не отказываться от традиций, а взять их на вооружение. В китайских школах изучают Конфуция, даже заучивают наизусть. Это моральный кодекс строителя, но не коммунизма, а нового Китая. И это не религия, а этическое философское учение. Поэтому у миллиардеров, живущих в Гонконге, есть личная программа борьбы с бедностью в Китае. В дополнение к программе правительства.

– Что для вас звание академика?

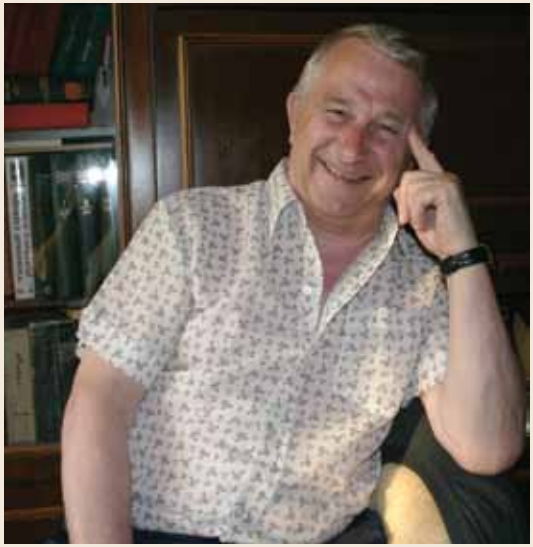
– Возможность работать. До гробовой доски! Если я доктор наук, меня могут сократить, уволить. Академика уволить нельзя. Но положение обязывает. Я должен ежегодно сдавать в Президиум РАН отчет о том, что сделал за год. И это брэнд, марка! Я не могу делать что-либо кое-как. Если я ответственный редактор книги, я иногда вкладываю в нее больше, чем ее автор, потому что я знаю больше него. А если не знаю больше, то не берусь. И я не подписываю работу, которую подготовили другие. Жить надо не по лжи, как учит нас Александр Исаевич Солженицын.

– Когда к вам пришло понимание, что Китай – ваша судьба?

– До сих пор не пришло. Вообще говоря, мне нужно было бы быть врачом, хирургом. Я все больше это понимаю. Я не могу видеть больного человека, но мне не хватает знаний, поэтому не имею права его лечить. Но и равнодушным оставаться не могу. Я состоялся в китаеведении, выполнил свою миссию. Но и врачом я был бы не последним. Моя мама и еще несколько родных были врачами, лечить людей мое наследственное призвание.

О.Г. Ульциферов – профессор Кафедры индоиранских и африканских языков

(Интервью профессора О.Г. Ульциферова газете «Международник»)



В год юбилея выпуска 1955 года мы публикуем его рассказ о том, как в МГИМО возникло индологическое направление после того, как наш вуз в 1954 году был объединен с Московским институтом востоковедения, в котором учился Олег Георгиевич.

...Объединение с МГИМО не было гладким. Мне было полегче, я играл в баскетбольной команде и знал многих мгимовцев по совместным играм. У меня было много хороших друзей в Комитете комсомола МГИМО. Это и Олег Гриневский, один из самых выдающихся наших дипломатов, и Николай Соловьев, будущий наш

посол в Японии. А когда стал учиться в аспирантуре, меня без вопросов взяли в Комитет комсомола.

Для меня долгая дорога к МГИМО началась в 1950 году. У себя в Иванове я был видным спортсменом, чемпионом области по боксу, у меня был первый разряд по баскетболу и по шахматам, и все шло к тому, что я буду поступать в Инфизкульт. Но когда я по рекомендации Ивановского городского комитета по спорту пришел в Институт физкультуры в Москве, я понял, что для спортивного поприща я не слишком гожусь.

Расстроенный, я вернулся к тете, которая жила в поселке Подбельского. Она-то и напомнила мне о том, что мама хотела видеть меня востоковедом. Благо Московский институт востоковедения (МИВ) был почти рядом, на Ростокинском проезде.

Я был провинциальным пареньком без комплексов и поэтому без очереди прошел в приемную комиссию. А там сразу попросили назвать страну, по которой предстояло специализироваться. У меня был выбор: Индия или Китай. Китай был «плох» тем, что там рисовали непонятные значки, а я рисовать не умел, поэтому и выбрал Индию. И вот я сижу перед членом приемной комиссии, который меня спрашивают: «Какой язык?» Удивленно отвечаю: «Как какой, индийский» – «А такого языка нет» – «Как нет? Индия есть, а индийского языка нет?» Мне объяснили, что в Индии много языков, есть, например, хинди, а есть бенгали. Про хинди я слышал впервые в жизни, а вот с бенгали были какие-то ассоциации: бенгальские огни, бенгальские тигры... Выбрал бенгали. А после мандатной комиссии просмотрел список группы с бенгали, но своей фамилии не нашел. Как же так? Я сдал экзамены почти на все пятерки, набрал 23 балла из 25… И тут я увидел, что моя фамилия – в списке группы хинди. Начал возмущаться, почему меня записали на хинди. И слышу сзади чей-то голос: «А тебе не один черт?» Действительно, подумал я, какая разница. И оказался в группе хинди, где было 16 человек.

О.Г. Ульциферов в футбольной команде МИВа

Надо сказать, что изучение этого языка началось в институте только в 1947 году, после того как Индия стала доминионом. Незадолго до этого в Москву из Дели вернулся корреспондент ТАСС Петр Васильевич Гладышев, где он вместе с женой работал с 1942 года. Его жена, Александра Ивановна, и стала преподавать нам язык хинди.

Московский институт востоковедения (МИВ) был по-своему уникальным вузом. Он не очень вписывался в советскую систему образования. Основное внимание там уделяли стране и ее языку, а идеологические дисциплины студенты учили, как бог на душу положит, и никого не упрекали за низкие оценки. МИВ состоял из двух факультетов: Ближневосточного и Дальневосточного, которые, в свою очередь, были разбиты на отделения по языкам: Японское, Китайское, Индийское, Персидское, Арабское и т.д. Заправлял всеми делами комсомольское бюро отделения. Старшекурсники шефствовали над молодежью.

Как только мы поступили, к нам на курс пришел Борис Клюев, четвертокурсник и секретарь бюро ВЛКСМ, а с ним его заместитель Александр Медовой (теперь профессор кафедры мировой экономики МГИМО), посадили нас всех вместе, рассказали про институт, что можно и что нельзя. Тем самым мы были приняты в дружное студенческое сообщество.

Вуз был маленький, около тысячи человек. Самым большим было китайское отделение, примерно 400 человек. За ним следовало индийское, более 100. Самым маленьким – турецкое: 25 человек. В то нелегкое время у нас была свобода слова демократия. Вы бы видели наши производственные собрания перед каждой сессией. На них царил подлинный демократизм. Можно было выйти и высказать декану Касаеву любые претензии, и никто бы тебя за это не наказал. Декан сидел, все записывал, только затылок у него краснел. Студент мог высказать критику в адрес любого преподавателя. И были случаи, когда по инициативе студентов преподавателю выносили выговор.

В МГИМО тоже был силен демократизм. Когда нас объединяли, большие изменения произошли и в его учебном процессе. И эти перемены не понравились студентам, которые даже устроили нечто вроде забастовки: вышли на Крымскую площадь, пытаясь перекрыть движение. Никаких репрессий, кстати, не было. Это был просто студенческий протест, к нему прислушались, и конфликт был исчерпан

В нас не было стремлений к меркантильности и карьеризму. Тогда люди были другие – небогатые, а потому равные. Ни у одной девочки не было шубы из натурального меха. У многих было по одному платью, в котором они ходили до этого в школу. У меня же была одна пара штанов и ботинок. Ботинки были всесезонные (мне и в голову не приходило, что нужно было покупать зимнюю обувь). В этих ботинках я учился, в них я и женился – на своей одногруппнице Наташе, с которой мы в браке уже более 50 лет.

Мы получали стипендию в размере 430 рублей. За отличную сессию добавляли 25%. На старших курсах я получал повышенную, и у меня выходило более 800 рублей. (Для сравнения: кило красной икры высшего сорта стоило 50 рублей, полный обед в студенческой столовой – 3 рубля, банка крабов – 6 рублей, бутылка водки – 20 рублей, пива – 2 рубля 20 копеек, билет в баню – 30 копеек, проезд на метро – 50 копеек, трамвай – 30 копеек.). Мои исторические штиблеты стоили 105 рублей. Поход в ресторан «Метрополь» обходился рублей в 25.

О.Г. Ульциферов на занятиях

Поскольку наш профсоюз был довольно богатым, он арендовал на праздники, особенно на Новый год, лучшие московские залы, приглашал корифеев сцены, народных артистов. По всему институту пускали опросник, кого студенты хотели бы видеть на концерте. Однажды у нас выступал Иван Козловский, один из лучших теноров, народный артист СССР. Было видно, что он халтурит: на таких концертах он обычно пел не в полную силу, быстро-быстро так, полушепотом. Тогда четверокурсник Юра Лагунов, сидевший на первом ряду, стал громко возмущаться. Козловский прервался и сказал: «Вы не умеете себя вести, молодой человек» – «А вы петь не умеете!», – ответил Юра.

У нас была очень дружная группа. Мы всюду ходили вместе. Если кто-то заболевал, к нему шли все шестнадцать, если хотели пойти в кино, я покупал 16 билетов и т. п. Если у тебя кончились деньги и нечем заплатить даже за трамвай, главное – добраться

до группы, даже если нужно было для этого пройти пол-Москвы. А там ты уже мог не беспокоиться, за тебя заплатят и тебя накормят. Мы активно занимались спортом, на индийском отделении была сильнейшая баскетбольная команда, которую уважительно называли «командой кривоногих».

В праздники каждое отделение обязано было провести свой вечер. Обычно мы готовили его весь год, делая прежде всего декорации с огромным Тадж-Махалом, нарисованным на заднике. Наши девочки вместе с Александрой Ивановной делали в кабинете директора сари из белых штор. Это был, по сути, фольклорный капустник. Мы критиковали «декханат», пели индийские песни. Обычно вел концерты Юра Владимиров, высокий красавец, из дворян, который был очень похож на индийского принца из нашумевшего тогда фильма «Индийская гробница».

Преподаватель Джек Бенголович Литтен, природный бенгалец, учил нас петь индийские песни. Но на пластинке, которую мы хранили, была записана всего лишь одна из них, мы ее учили, а затем пели дружно и задорно. Позже, правда, выяснилось, что это была песня Армии национального освобождения – националистов, которые хотели освободить Индию от англичан на деньги фашистской Германии и империалистической Японии. В контекст послевоенного времени эта песня, мягко говоря, вписывалась с трудом.

Мой курс дал такого известного дипломата, как Игорь Рогачев, бывшего посла в Китае, только что ставшего сенатором от Амурской области; Алексеева Валентина, бывшего генконсула в Осаке, который теперь преподает на Кафедре мировой экономики. Кроме них, мы можем похвастать двумя академиками – Нодаром Симония, который еще в институте отличался высокой эрудицией, теперь он директор ИМЭМО, и Владимиром Мясниковым, работающим в Институте Востоковедения. Курс дал много известных докторов наук, корреспондентов газет.

Прошло полвека, но они стоят перед моими глазами. По-разному сложились наши судьбы, кое-кого уже, к сожалению, нет. Я вспоминаю о них с нежной любовью и буду помнить всегда. Все, что случилось с нами в те годы, – давняя история, поэтому и все наши проказы подлежат амнистии за давностью лет...

А.И. Медовой о МИВе и учебе в МГИМО

(По материалам журнала MGIMO Journal)

А.И. Медовой и Е.М. Примаков

Профессор МГИМО, известный индолог Александр Иосифович Медовой, отметивший в декабре 2013 года свой 85-летний юбилей, считает самой боль-

шой своей удачей без малого 60 лет работы в МГИМО. «Куда меня только не сманивали за эти годы, но я читал лишь лекции на стороне. Потому что всегда помнил мудрый совет моей, к сожалению, уже ушедшей супруги: где хочешь работай, а из МГИМО не уходи!»

После окончания школы выбор А. Медового пал на индийское отделение Московского института востоковедения. «У меня был знакомый студент в институте, который настоятельно советовал индийское направление: страна большая, интересная, убеждал он меня, еще не было ни одного выпуска, а кадры скоро будут нужны – Индия на пороге независимости. Но на собеседовании в институте я почему-то сказал, что хочу изучать Японию. Это сейчас неплохой выбор, а тогда Япония лежала в руинах и было непонятно, что с ней будет. Проректор, с которым я беседовал, профессор Санжеев, пожалев несмышленого абитуриента, взял с полки книгу на японском, открыл ее. У меня зарябило в глазах от иероглифов, и я сказал: нет, пусть будет Индия! Я благодарен этому человеку».

В 1954 году Институт востоковедения объединили с МГИМО, а с 1956-го Медовой начал преподавать в институте экономику Индии. Процесс преподавания ему нравится прежде всего возможностью, не нарушая этические нормы, провоцировать студента, вызывать на спор, мягко проводя свою позицию, заставлять его вырабатывать собственную. «Хорошая лекция – это инструмент воспитания студента, который должен понимать, что он ответственная личность, ведь в его руки в конечном итоге и перейдет страна. Поэтому заниматься надо не из-за оценки, а из-за той большой задачи, которая встанет перед ним в будущем. Можно забыть все цифры, они со временем превратятся в статистический хлам. Но надо по-настоящему понимать те мировые проблемы, которые еще долго будут стоять перед нами».

Об истории преподавания вьетнамского языка в МГИМО.

(Глебова И.И.)

Первая группа вьетнамистов была сформирована в 1954 г. (после подписания в июне 1954 г. Женевских соглашений по Индокитаю), перечислить фамилии самых первых и всех остальных преподавателей вьетнамского языка, не забыв о заслугах каждого, назвать фамилии выпускников-вьетнамистов, в том числе иностранцев, ставших послами во Вьетнаме и других странах Юго-Восточной Азии и даже в Китае, не забыть тех выпускников, которые быстро дослужились до генеральских погон. И, конечно, отметить, что нынешний Чрезвычайный и Полномочный посол РФ в СРВ – опять экс-выпускник МГИМО Вадим Серафимов (до него был Андрей Татаринов – тоже наш).

Ограничиться только этими сведениями означало бы ничего не сказать о вьетнамистах.

Первые вьетнамисты «зародились» сразу в нескольких местах и почти одновременно – в 1951-1952 гг.

В 1951 г. в МИВе (Московском институте Востоковедения) появились аспиранты по специальности «история Вьетнама» – Шилтова А.П. и «экономика Вьетнама» – Мазаев А.Г. Не имея представления о вьетнамском языке, оба надеялись на французский, на котором в «Ленинке» и «Историчке» было много серьезных трудов по истории Вьетнама. Кроме того, историей Вьетнама уже занимался С.А.Мхитарян, и задолго до него – крупнейший востоковед А.А.Губер. Новейшая история Вьетнама развертывалась у всех на глазах. Экономика Вьетнама была как бы «вещью в себе».

В 1951 г. группе студентов турецкого отделения того же МИВа было предложено по окончании института в 1952 г. поступить в аспирантуру по вьетнамской филологии (Глебова И.И. и Иванов В.В.), истории

Вьетнама (Зеленцов В.А.) и экономике Вьетнама (Мордвинов В.В.).

В том же 1951 г. стали готовить двух вьетнамистов – Подольского М.Г. и Федорцова Е.Ф. в ВДШ. Вьетнамский язык им преподавал вьетнамский аспирант.

А вот в МИВ'е занятий по вьетнамскому языку поначалу не было – надеялись на русское «авось»: пока аспиранты занимаются сдачей кандидатского минимума, найдется преподаватель.

В 1952 г. набрали группу вьетнамистов на истфак МГУ. Им преподавали язык два вьетнамских аспиранта.

В том же 1952 г. отправили в Кантон для изучения вьетнамского языка двух сотрудников МИД – Кузнецова Ю. и Харкевича Ю.

И примерно тогда же на радио пригласили двух вьетнамцев для радиовещания на Вьетнам, а к ним «приставили» П.И.Алешина – студента истфака МГУ, который должен был, ежедневно работая с вьетнамцами, быстро овладеть их языком. У П.И.Алешина были великолепные лингвистические способности, а диковинным вьетнамским произношением он овладел в совершенстве.

Почему руководство Советского Союза вдруг предприняло в 1951-1952 гг. целый ряд мер по подготовке вьетнамистов?

В 1945 г. во Вьетнаме под руководством Хо Ши Мина победила Августовская революция. 2 сентября 1945 г. была провозглашена ДРВ – Демократическая Республика Вьетнам (с 1976 г. – СРВ). Но с французскими колонизаторами пришлось бороться до 1954 г. до подписания Женевских соглашений. В 1950 г. Хо Ши Мин в очередной раз побывал в Москве, был принят И.В. Сталиным. На Хо Ши Мина Сталин возлагал большие надежды: Хо Ши Мин проходил идеологическую подготовку в КУТВ'е и был самым выдающимся и образованным вьетнамским патриотом-революционером. Кстати, он неплохо владел русским языком, и китайский и французский языки для него были родными. Хо Ши Мин обратился к Сталину с просьбой посылать в ДРВ военных специалистов. Их посылали небольшими партиями, в конце концов их оказалось 5000! Хо Ши Мин попросил также незаметно, через Хайфон присылать современную военную технику. Судя по всему, Хо Ши Мин намекнул, что Вьетнам будет бороться до полного освобождения страны от иноземных захватчиков. Наши специалисты не сбивали ни французских, ни позднее американских самолетов: они учили вьетнамцев делать это. Вьетнамцы оказались на редкость сообразительными.

В январе 1950 г. были установлены дипломатические отношения между СССР и ДРВ без обмена посольствами – во Вьетнаме шла Война сопротивления против французских колонизаторов.

И вот в 1951 г. произошла почти детективная история, положившая начало подготовке вьетнамистов.

Прошел слух, что в 1951 г. Сталин получил от Хо Ши Мина какое-то послание не на французском языке, а на … вьетнамском. На ту беду в Москве не было ни одного знающего русский язык «своего» вьетнамца. Вьетнамиста со знанием вьетнамского языка в природе не существовало. Можно себе представить гнев вождя! Послание повезли в Париж, где его перевел то ли знавший вьетнамский язык «свой» француз, то ли вьетнамец. В Москве немедленно сделали вывод: надо срочно готовит вьетнамистов.

Каким образом эта история стала известна в МИДе и за его пределами? В МИДе говорили, что по высочайшему повелению из какой-то западной страны срочно вызывается в Москву сотрудник МИДа – Рабанэ, который в свое время занимался с вьетнамцами в КУТВе и знал азы вьетнамского языка. Рабанэ не был персонажем мифическим – он действительно существовал, но к 1951 г. он уже забыл то немногое, что знал.

Такова легенда – быль.

А отдуваться пришлось вьетнамистам-первопроходцам.

Экономисты – А.Г.Мазаев и В.А.Зеленцов – в срок защитили кандидатские диссертации. Филологам – Глебовой И.И. и Иванову В.В. было не до диссертаций – надо было серьезно заниматься вьетнамским языком хотя бы на базе имеющихся в библиотеке примитивных учебников вьетнамского языка на французском языке и вьетнамско-французских и французско-вьетнамских словарей. Загвоздка была в произношении: вьетнамский язык оказался тональным! В северном диалекте 6 тонов, играющих смыслоразличительную роль, тонируется каждый слог! Филологи учили вьетнамские слова «зрительно», пока не появился П.И.Алешин с его прекрасным произношением. Пару недель он объяснял, как надо произносить вьетнамские звуки и тоны, а потом принес вьетнамские газеты “Cứu Quốc”, “Lao Động” и, не мудрствуя лукаво, велел переводить какую-то заметку. Так его обучали языку вьетнамские коллеги на радио. Дело пошло!

В 1954 г. МИВ слили с МГИМО. В МГИМО появилось восточное отделение. В январе 1955 г. в ДРВ (СРВ) было направлено посольство СССР. (Первым послом был Лаврищев А.А., после него – Зимянин М.В. «Знатоками» вьетнамского языка в первом нашем посольстве в ДРВ были: Ю.Кузнецов, Ю.Харкевич, Н.И.Никулин, Е.Ф.Федорцов и М.Г.Подольский.) Хорошо подготовленные вьетнамисты-мгимовцы стали нужны позарез! Вьетнамисты-филологи оказались на кафедре китайского языка под началом М.Н.Короткова. С 1954 г. по 1965 г. кафедрой руководил Б.С.Исаенко, затем – В.И.Горелов. Как-то незаметно кафедра китайского языка преобразовалась в кафедру китайского, бирманского, вьетнамского и тайского языков.

Как оказался во Вьетнаме Н.И.Никулин? Он изучал язык то в группе П.И.Алешина, то в ИСАА, но больше надеялся на себя. Закончив в МИВе синзянское отделение, он пошел в отдел кадров МИДа и заявил, что знает вьетнамский язык и готов отправиться во Вьетнам на работу. Ему обрадовались и отправили в ДРВ вице-консулом (консулом был Фаткулин).

Первая группа студентов-вьетнамистов, сформированная в 1954 г., оказалась очень сильной. Все студенты были не только талантливы, но и горели желанием изучать вьетнамский язык: Хамидулин Р.Л., Ванюшин В.Т., Губер А.А., Грамматчиков Г. и Милош Фреборт (ЧССР). А преподаватель вьетнамского языка В.В.Иванов сам нуждался в хорошем преподавателе – носителе языка. Я приступила к преподаванию в сентябре 1955 г. Тогда уже была набрана очередная вьетнамская группа: Кривоногов, Шашихин В., Локшин Г., Мотес (ГДР) и Клаус Матцке (ГДР). Учебников не было, словарей тоже. Каким-то чудом у нас оказалась брошюра с речью Вышинского на вьетнамском языке и Устав ООН. Сравнивая вьетнамский и русский тексты, удалось пополнить свои куцые знания большим количеством общественно-политической лексики, а она была очень нужна: учебными материалами служили вьетнамские газеты “Cứu Quốc” “Lao Động”. Мы с В.В.Ивановым уже прилично знали газетную лексику, но с бытовой лексикой дело обстояло неважно. Иванов уехал во Вьетнам.

Все изменилось с приездом преподавателя вьетнамского языка Ву Данг Ата, который проработал в МГИМО 9 лет. Ву Данг Ат был выходцем из довольно богатой семьи, получил во Вьетнаме классическое образование, которое требовало обязательного знания «китайских иероглифов», а французским языком владел свободно. Мы не ожидали, что приедет вьетнамский преподаватель с хорошим знанием русского языка. И вот на кафедре появился интеллигентный вьетнамец маленького роста и как ни в чем не бывало заговорил по-русски. Оказалось, что русский язык он изучил в … Китае. Не знаю, как обстоит дело сейчас,

но тогда китайцев обучали русскому языку по простой методике: студенту полагалось каждый день выучить немыслимое количество русских слов и готовых фраз. В 1956 г. я наблюдала в Пекине, как китайцы зубрили русский в парке: ходит китаец туда-сюда и твердит русское слово, русскую фразу по сто раз. Ву Данг Ат любил И.С.Тургенева. Однажды он пришел с распухшими глазами. Оказалось, что он всю ночь читал «Первую любовь» и «Асю» и плакал.

Только с появлением Ву Данг Ата стала возможна работа над первым учебником вьетнамского языка (Глебова И.И., Ву Данг Ат. Начальный курс вьетнамского языка. М., 1963) и над первым вьетнамско-русским словарем (Глебова И.И., Зеленцов В.А., Иванов В.В., Никулин Н.И., Шилтова А.П. Вьетнамско-русский словарь. Под редакцией И.М.Ошанина. М., 1961).

Ву Данг Ат учил студентов живой разговорной речи. Однажды студенты второго курса пожаловались мне на «неправильную» методику Ву Данг Ата: войдя в аудиторию, он начинает распекать каждого по-вьетнамски за плохое прилежание, в том числе и «неисправимых» отличников. Я пошла на урок Ву Данг Ата и была поражена: он действительно по очереди распекал каждого, употребляя при этом даже афоризмы, пословицы и поговорки, говорил быстро, но студенты хорошо его понимали, то и дело возражали ему – в общем, в обиду себя не давали! И понимали они быструю вьетнамскую речь на слух куда лучше меня! Тогда мы с Ву Данг Атом стали проводить занятия по двустороннему переводу.

Некоторые наши первые вьетнамисты имели просто компьютерную память: Хамидулин Р.Л., Ванюшин В.М., Локшин Г. И не только первые. Бле-стящими способностями обладали Вольфганг Тюммель, Баздырев, Серафимов В., Тюменева Е.И., Политов С., Татаринов А., Семенов Б., Венцлаускас В., Петрачков А., Надь Андраш, Пантелеев Е., Пермяков В., Пушик А., Тоймер Йорг – всех не перечислишь.

Когда наших вьетнамистов стали направлять на работу в наше посольство во Вьетнаме, там на них не могли нарадоваться: они были абсолютно готовы к практической работе. Хамидулин Р.Л. впоследствии стал Чрезвычайным и Полномочным послом РФ в СРВ, а затем в Австралии. Успешно работали Кривоногов и Шашихин В., Глазунов Е.П., Свиридов В., Исаев М. и многие-многие другие. Наш выпускник М.М.Ильинский стал известным корреспондентом «Известий», написал не одну книгу о Вьетнаме. Многие вьетнамисты оставались во Вьетнаме и во время войны, когда на Вьетнам летели американские бомбы, в Ханое сравнивались с землей старинные улицы, а приличных бомбоубежищ просто не было. Нельзя не сказать о выпускниках ВДШ: Сычеве В.Н., Шведове В.А., Горяченкове Ю., Головченко, Акиниязове Р. Во время войны женам наших дипломатов было предложено покинуть Вьетнам. И все же 8 жен ухитрились оставаться на своих «боевых постах».

Несколько лет на вьетнамском отделении не использовались ТСО: не было лингафонных кабинетов и не было преподавателей-энтузиастов.

Первым энтузиастом оказался преподаватель вьетнамского языка В.Г.Ворожцов. Он проработал на кафедре 14(?) лет. В институте было много вьетнамцев, но попробуй найди такого, который мог бы толково наговорить вьетнамские тексты и упражнения! Один говорит на центральном диалекте и его не понимают вьетнамцы-северяне, другой – северянин, но с плохой дикцией. В.Г.Ворожцов раздобывал или сам записывал радиопередачи на вьетнамском языке для Вьетнама. Не любя заглядывать в чужие пособия, В.Г.Ворожцов шел своим путем, давая студентам элементы синхронного перевода – сначала простые, а потом трудные. Кстати, наш предыдущий посол в СРВ (А.Татаринов) учился в группе В.Г.Ворожцова.

Энтузиасткой использования ТСО стала также И.Е.Алешина. Она часто работала с вьетнамскими

делегациями, обладала таким же хорошим произношением как П.И.Алешин. «Коньком» И.Е.Алешиной было ставить произношение у студентов первого курса и бесконечно тренировать студентов старших курсов в лингафонном кабинете. Однажды группа студентов 4-го курса взмолилась: ну зачем И.Е.Алешина заставляет их переводить в быстром темпе с русского языка на вьетнамский большие числа и даты? Не понимали, что в устном переводе числа и даты как раз-то и подводят.

Во времена «расцвета» вьетнамского отделения, когда вьетнамские группы были на всех курсах факультетов МО и МЭО, появились молодые преподаватели – Л.Л.Сандакова и Е.И.Тюменева (обе выпускницы МГИМО), потом Е.Р.Зубцова и Н.Ф.Трухачева (обе выпускницы ИСАА). Занялись работой над учебником вьетнамского языка для II-III курсов. Различных пособий было уже подготовлено немало, но не было учебника с солидными грамматическими разработками. Над учебником работали не один год, был он напечатан в институтской типографии и, фактически, за счет авторов. (И.И.Глебова, Л.Л.Сандакова, Е.И.Тюменева. Учебное пособие по вьетнамскому языку для II-III курсов. МГИМО, 1986. (под общей редакцией И.И.Глебовой и Н.Ф.Трухачевой)). Некоторые тексты в этом пособии не созвучны нынешней эпохе, но оно все равно может быть успешно использовано в учебном процессе: ведь пособия по грамматике вьетнамского языка как не было, так и нет! Созданы новые солидные словари (К.М.Аликанов, В.В. Иванов, И.А.Мальханова. Русско-вьетнамский словарь в двух томах. М., «Русский язык», 1977; И.И.Глебова, А.А.Соколов, Вьетнамо-русский словарь. Под редакцией И.И. Глебовой и Ву Лока. М., «Русский язык», 1992), а практической (или какой-нибудь другой) грамматики вьетнамского языка нет. И вряд ли она появится в обозримом будущем. К сожалению, вьетнамисты, которые могли бы подготовить грамматику вьетнамского языка, относились нетерпимо к взглядам друг друга. Творческий коллектив в составе И.Е. Алешиной, И.И. Глебовой и А.П. Шилтовой быстро распался именно по этой причине. Я часто вспоминаю В.И. Горелова, который много раз советовал мне перестать заниматься надуманной проблемой разграничения свободной и связанной морфемы, слова и словосочетания: «Эта проблема несущественна для китайского и вьетнамского языков». Он был прав: в предложении все расставляется по своим местам с помощью служебных слов, многочисленных частиц и интонации.

После освобождения Южного Вьетнама в 1975 г. у меня появились южно-вьетнамские газеты (прислал В. Шашихин) и записи южновьетнамского радио! Южновьетнамская речь очень мелодична, но без привычки ее понимаешь с трудом. Промучившись несколько часов над расшифровкой радиозаписи, я с победоносным видом явилась в одну из моих любимых групп (Пантелеев Е., Пермяков В., Пушик А., Кольцов, Тоймер Йорг, Рудерт Иоахим, Раевски Мирек, Эрмо Бохар) и включила магнитофон. Умные, хорошо подготовленные студенты вдруг сникли – почти не поняли запись. Кто-то съязвил: «Мяуканье мартовских котов!» Ребята не могли сходу уловить характер звуковых параллелей между северным и южным диалектами. А через неделю они делали последовательный перевод большими периодами.

На заре нашей вьетнамистики бытовало мнение о том, что номинативные единицы вьетнамского языка, состоящие из свободно употребляющихся односложных компонентов – это не сложные слова, а нечто иное: разве может сложное слово состоять из слов же? Например, hiểu biết «знать, понимать» (понимать + знать), yêu thương «любить» (любить + жалеть), xe tải «грузовик» (повозка + транспортировать), xe tang «катафалк» (повозка + траур). Пусть в предложении такие едини-

цы оформляются служебными словами в соответствии с их принадлежностью к определенным частям речи, что уже характеризует их как сложные слова, пусть их нельзя расчленять – все равно их сложный характер под вопросом, но доказать, что в предложении они функционируют как свободные словосочетания тоже невозможно. Англичане и не пытаются доказывать, что sea food («дары моря») – это не сложное существительное. Самый простой способ решения проблемы (надуманной) – считать свободные компоненты в составе таких номинативных единиц морфемами. А почему они, собственно говоря, морфемы? Но об этом ниже.

Куда проще квалифицировать как бесспорные слова китаизмы вроде tế bào (биол. «клетка») с загадочными для вьетнамиста (и для вьетнамца, не знающего китайский язык) значениями компонентов. Или слова вроде tài năng «талант, дарование» (талант + способность), năng khiếu «способность, дарование», khả năng «возможность, способность», в которых значение компонента năng осознается благодаря его присутствию в целом ряде употребительных слов, а значение другого компонента либо известно – если этот компонент может употребляться свободно (khiếu «дар, способность»), либо непонятно, но вьетнамиста-практика мало интересует этимология отдельного компонента (khả), если он знает значение и употребление двусложного слова khả năng. Вьетнамист и вьетнамец, не знающий китайского языка, смутно ощущает значение первого компонента в двусложном слове dã man «варварский», «дикий», «жестокий», а второго – нет (что-то вроде «дикий», «злой»). Порывшись в словарях китайского языка можно выяснить не значение, а этимологию многих связанных компо-нентов … в китайском языке, из которого вьетнамский язык позаимствовал огромное количество слов. Но какое отношение имеет этимология непонятных связанных морфем к грамматике вьетнамского языка? Если бы вьетнамисту-филологу вздумалось написать исследование на тему «Этимология морфем китайского происхождения в словах вьетнамского языка», он должен был бы написать десятки томов – слишком велико во вьетнамском языке число заимствований из китайского языка. А грамматический строй – иной. Свободные или несвободные морфемы – не все ли равно для вьетнамиста-практика, читающего и говорящего по-вьетнамски?

Прагматичные англичане не морочат голову себе и другим рассуждениями о том, может ли, скажем, сложное существительное состоять из двух существительных же. В серьезнейших грамматиках английского языка слова типа seashore «морской берег» (море + берег), seaman «моряк» (море + человек), fish-tail «рыбий хвост» (рыба-хвост), tea-spoon «чайная ложка» (чай + ложка) относятся к сложным существительным. Есть правило, по которому надо ставить на письме дефис между компонентами слова, но оно сплошь и рядом нарушается. А в устной речи никому нет дела до этого дефиса.

Очень важно и другое: одни и те же связанные компоненты двусложных слов ведут себя как двуликий (или даже многоликий) Янус: многоопытные вьетнамисты и вьетнамцы со знанием китайского языка осознают их значение, а начинающие вьетнамисты и огромная масса носителей вьетнамского языка (малограмотные крестьяне, например) не знают их значения. Спросите у крестьянина значение компонентов китаизма tế bào «клетка». Возможно, далеко не всякий знает значение китаизма в целом. Или слово «потенциал» в русском языке. Если провести опрос среди разных слоев россиян о том, что означает корень (морфема) «потенц» в словах «потенция» и «потенциал», то опрошенные крепко призадумаются: ведь «потенц» – не синоним слов «потенциал» и «потенция». Это один и тот же корень в разных словах.

Главное, по какому критерию, спрашивается, можно классифицировать связанные компоненты именно

как морфемы? Никакого объективного критерия нет. А субъективный фактор – плохой советчик, он не может быть научным обоснованием.

Но между корнями слов во флективных языках и компонентами слов в языках изолирующего строя – дистанция огромного размера.

Грамотному китайцу не надо блуждать среди слов, состоящих из каких-то морфем с загадочным значением: грамотный китаец знает иероглифы. А неграмотного китайца не волнуют значения компонентов: он просто говорит по-китайски.

А вьетнамисту или вьетнамцу, не знающему китайский язык, при встрече с заимствованием из китайского языка, состоящим из двух связанных компонентов, достаточно знания значения слова в целом. Любознательный человек, конечно, может выяснить этимологию компонентов (этимологию, но не точное значение), посмотрев в соответствующий словарь китайского языка.

Трехсложные номинативные единицы, построенные по четкой модели из свободно употребляющихся компонентов, вроде máy xay thịt «мясорубка» (машина + молоть + мясо) по мнению некоторых вьетнамистов – это нечто среднее между словами и словосочетаниями: многие из них в живой речи могут быть расчленены. Например: Tôi muốn mua một cái máy biết xay thịt nhanh. Можно составить список таких слов и посмотреть, какие из них легко поддаются расчленению, а какие нет (мешает терминологичность). Но это не принесет никакой пользы хорошо подготовленному вьетнамисту, который при необходимости легко расчленит трехсложное образование. Вьетнамисту-лингвисту, конечно, надо знать этимологию морфем, лексикограф просто обязан выяснять их этимологию, а вьетнамисту-практику надо просто хорошо знать значение двусложных слов, независимо от реальных значений или этимологии компонентов.

ПРИМЕЧАНИЯ
К ГЛАВЕ 1

[1] *Дмитриев А.А.* Пермские землевладельцы Лазаревы и их преемники князья Абамелик // Исторический вестник. 1893. Т. LII. С. 425–427.

[2] Цит. по: Исторический очерк Лазаревскаго института восточных языков, с краткою биографиею учредителей института и с приложениями к биографии и очерку. СПб., 1855. С. 8–9.

[3] *Байбуртян В.А.* Армянская колония Новой Джульфы в XVII в. Ереван, 1969. С. 25, 79.

[4] Там же. С. 94–95.

[5] Армяно-русские отношения в XVII веке. Сборник документов. Ереван, 1953. С. 25–26.

[6] Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. I. СПб., 1880. С. 79.

[7]Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века. Сборник документов. Т. 2. Ч. 1. Ереван, 1964. С. 169–170.

[8] Там же. Т. 2. Ч. 2. Ереван, 1967. С. 37.

[9] Там же. С. 427.

[10] [*Лобанов П.В.*] Д.Я. Земской. Один из птенцов Петра Великого // Русская старина. 1883. Т. 40. № 10. С. 69.

[11] *Асадов Ю.А.* Исфаганский род Лазаревых М., 2000. С. 11–12.

[12] Цит. по: *Неклюдов Е.Г., Попова-Яцкевич Е.Г.* Род Лазаревых. Екатеринбург, 2013. С. 17.

[13] *Дмитриев А.А.* Указ. соч. С. 430.

[14] *Кузнецова Л.К.* О жалованных князю Г.Г. Орлову портретах Екатерины II // Эрмитажные чтения к 100-летию со дня рождения В.Ф. Левинсона-Лессинга. СПб., 1993. С. 24–26.

[15] Там же.

[16] Собрание актов, относящихся к обозрению истории Армянского народа. М., 1833. Ч. 1. С. 177.

[17] *Чуприянов В.* О деятельности рода Лазаревых в Прикамье // Первые Лазаревские чтения по истории армян России. М., 2003. С. 74–75.

[18] Цит. по: *Амирханян А.Т.* Тайны дома Лазаревых. Фрагменты истории московской армянской общины XIV–XX веков. М., 1992. С. 30.

[19] Материалы для истории Лазаревского института восточных языков, издаваемые иждивением г. почетного попечителя князя Семена Семеновича Абамелик-Лазарева. Вып. 1. М., 1914. С. XIV–XV.

[20] Там же. С. V.

[21] Там же. С. XIV–XV.

[22] Речи и отчет, произнесенные в торжественном собрании Лазаревского института. М., 1865. С. 17–18.

[23] Цит. по: *Амирханян А.Т.* Указ. соч. С. 30.

[24] Цит. по: *Базиянц А.П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973. С. 16.

[25] *Базиянц А.П.* Над архивом Лазаревых. Очерки. М., 1982. С. 46.

[26] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1252. Оп. 2. Д. 177. Л. 3.

[27] Материалы для истории… С. XVI.

[28] *Амирханян А.Т.* Указ. соч. С. 32.

[29] Материалы для истории… С. 3.

[30] РГАДА. Ф. 1252. Оп. 2. Д. 177. Л. 3.

[31] Цит. по: *Базиянц А.П.* Над архивом Лазаревых. С. 49.

[32] Там же. С. 50.

[33] Материалы для истории… С. 2.

[34] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 880. Оп. 5. Д. 152. Л. 41–42.

[35] Материалы для истории… С. VI–VII.

[36] Исторический очерк Лазаревского института… СПб., 1855. С. 29–30.

[37] Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. Ч. III. М., 1838. С. 73–74.

[38] *Зулумян Б.С.* Литературно-научная деятельность Лазаревского института восточных языков // Вторые Лазаревские чтения по истории армян России. М., 2006. С. 56.

[39] Древности восточные. Т. 2. Вып. I. М., 1896. С. 145.

[40] Материалы для истории… С. XIX–XX.

[41] Исторический очерк Лазаревского института… СПб., 1855. С. 32.

[42] РГИА. Ф. 880. Оп. 5. Д. 152. Л. 191.

[43] В некоторых работа указывается другая дата — январь 1816 г.

[44] Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. Ч. III. М., 1838. С. 86.

[45] Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Департамент личного состава и хозяйственных дел. Оп. 464. Д. 1923. Л. 24–27 об.

[46] *Кананов Г.И.* Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков. 1815–1850 гг. М., 1891. С. 3.

[47] Там же. С. 4.

[48] Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. Ч. III. М., 1838. С. 41.

[49] Там же. С. 46.

[50] Там же. С. 70.

[51] Там же. С. 86.

[52] Там же. С. 41.

[53] Там же. С. 42–43.

[54] Там же. С. 51.

[55] Там же. С. 97.

[56] Цит. по: *Базиянц А.П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973. С. 22.

[57] Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. Ч. III. М., 1838. С. 98.

[58] Материалы для истории… С. 6.

[59] Там же. С. 6.

[60] *Рафиенко Л.С.* Лазаревы и М.М. Сперанский // Вторые Лазаревские чтения по истории армян России. М., 2006. С. 176–179.

[61] *Корф М.М.* Жизнь графа Сперанского. Т. 1. СПб., 1861. С. 82.

[62] Письма графа М.М. Сперанского к Х.Е. Лазареву. СПб., 1864. С. 6.

[63] Там же. С. 77–78.

[64] *Кананов Г.И.* Указ. соч. С. 127–128.

[65] Там же. С. 131.

[66] Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. Ч. III. М., 1838. С. 96–99.

[67] *Кананов Г.И.* Указ. соч. С. 132.

[68] Письма графа М.М. Сперанского к Х.Е. Лазареву. СПб., 1864. С. 59–60.

[69] Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. Ч. III. М., 1838. С. 95.

[70] Материалы для истории… С. 8.

[71] Собрание высочайших указов и актов, относящихся до Московского Армянского Лазаревых института восточных языков. СПб., 1839. С. 60.

[72] АВПРИ. Ф. Департамент личного состава и хозяйственных дел. Оп. 464. Д. 1923. Л. 24–27 об.

[73] *Маргарян Г.К.* Роль Христофора Лазарева в истории русско-армянских отношений // Вторые Лазаревские чтения по истории армян России. М., 2006. С. 244.

[74] Исторический очерк Лазаревского института восточных языков. СПб., 1855. С. 20–21.

[75] *Веселовский Н.И.* Сведения об официальном преподавании восточных языков. СПб., 1879. С. 5.

[76] *Воевода Е.В.* История организации профессиональной языковой подготовки специалистов-международников: от Киевской Руси к Российской империи. М., 2010. С. 74–81.

[77] *Веселовский Н.И.* Указ. соч. С. 24.

[78] Там же. С. 8.

[79] АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 94. Л. 26.

[80] *Веселовский Н.И.* Указ. соч. С. 14–15.

[81] Там же. С. 24–25.

[82] *Кананов Г.И.* Указ. соч. С. 134–135.

[83] Цит. по: *Базиянц А.П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973. С. 24.

[84] Там же.

[85] Собрание высочайших указов и актов... С. 68.

[86] *Кананов Г.И.* Указ. соч. С. 135.

[87] Собрание высочайших указов и актов… С. 18.

[88] Там же.

[89] Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянскаго народа. Ч. III. М., 1838. С. 114.

[90] Там же. С. 116–117.

[91] Там же. С. 117.

[92] Собрание высочайших указов и актов… С. 20.

[93] Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. Ч. III. М., 1838. С. 122–123.

[94] Там же. С. 131.

[95] Там же. С. 155–156.

[96] Там же. С. 446.

[97] Собрание высочайших указов и актов… С. 34.

[98] Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. Ч. III. М., 1838. С. 446.

[99] Собрание высочайших указов и актов… С. 30–32.

[100] Там же. С. 38–44.

[101] Там же. С. 53–56.

[102] Там же. С. 58–63.

[103] *Кананов Г.И.* Указ. соч. С. 143.

[104] Собрание высочайших указов и актов… С. 100–106.

[105] Там же. С. 105–106

[106] *Кананов Г.И.* Указ. соч. С. 146.

[107] Собрание высочайших указов и актов… С. 92.

[108] Там же. С. 218.

[109] *Кананов Г.И.* Указ. соч. С. 146–147.

[110] Исторический очерк Лазаревского института восточных языков. М., 1863. С. 47.

[111] РГИА. Ф. 880. Оп. 5. Д. 174. Л. 1–8.

[112] *Кананов Г.И.* Указ. соч. С. 147.

[113] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Том 16. СПб., 1841. № 14235. С. 87.

[114] Цит. по: *Базиянц А.П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973. С. 42.

[115] Там же.

[116] Под высочайшим покровительством состоящий Московский Армянский Лазаревых институт восточных языков. М., 1830. С. 4.

[117] Там же.

[118] Там же. С. 5.

[119] Там же. С. 7.

[120] Там же. С. 10.

[121] Там же.

[122] Материалы для истории… С. 21.

[123] Там же. С. 23–24.

[124] Исторический очерк Лазаревского института восточных языков. М., 1863. С. 43.

[125] Материалы для истории… С. 24–25.

[126] Там же. С. 26.

[127] Под высочайшим покровительством… С. 11.

[128] Там же. С. 11–12.

[129] Там же. С. 12.

[130] Там же. С. 6

[131] Там же. С. 8–9.

[132] *Базиянц А.П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973. С. 42.

[133] Под высочайшим покровительством… С. 35.

[134] Там же. С. 12.

[135] Там же. С. 12–13.

[136] Там же. С. 16–17.

[137] Собрание высочайших указов и актов… С. 140.

[138] Под высочайшим покровительством… С. 13–14.

[139] Там же. С. 17–18.

[140] Там же. С. 16.

[141] Там же. С. 18–19.

[142] Там же. С. 21.

[143] Там же. С. 14–15.

[144] Там же. С. 14.

[145] Там же. С. 15.

[146] Там же. С. 20.

[147] *Базиянц А.П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973. С. 31.

[148] Под высочайшим покровительством… С. 15.

[149] *Зулумян Б.С.* Указ. соч. С. 57.

[150] Там же. С. 58.

[151] Цит. по: *Базиянц А.П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973. С. 34.

[152] Зулумян Б.С. Указ. соч. С. 58.

[153] Цит. по: *Базиянц А.П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973. С. 35.

[154] РГИА. Ф. 880. Оп. 5. Д. 154. Л. 188 об.

[155] *Базиянц А.П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973. С. 36.

[156] Там же. С. 28.

[157] *Крачковский И.Ю.* Востоковедение в письмах П.Я. Петрова В.Г. Белинскому // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1953. С. 80.

[158] Цит. по: *Базиянц А.П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973. С. 28.

[159] *Стариков А.А.* Восточная филология в Московском университете // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1960. С. 156.

[160] *Базиянц А.П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973. С. 35.

[161] *Парсамян В.А.* Развитие исторической науки в Армении в первой половине XIX века // Известия Академии наук Армянской ССР. Общественные науки. 1953. № 6. С. 37.

[162] Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. Ч. III. М., 1838. С. 63–64.

[163] Там же. С. 67–68.

[164] Там же. С. 65.

[165] *Парсамян В.А.* Указ. соч. С. 37.

[166] *Кананов Г.И.* Указ. соч. С. 137.

[167] Там же. С. 139.

[168] Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. Ч. III. М., 1838. С. 119.

[169] Там же. С. 119–120.

[170] Собрание высочайших указов и актов… С. 184.

[171] Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. Ч. III. М., 1838. С. 455.

К ГЛАВЕ 2

[1] *Кананов Г.И.* Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков. 1815–1850 гг. М., 1891. С. 148.

[2] *Урушадзе А.Т.* Развитие образовательной политики Российской империи и формирование «национальных кадров» на Кавказе (1845–1854 гг.). // Кавказский сборник. Т. 9(41). М., 2015. С. 138–141.

[3] Там же. С. 140–141.

[4] Высочайше утвержденное положение о воспитании Кавказских и Закавказских уроженцев, на счет казны в высших и специальных учебных заведениях империи // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 24. Отделение I. СПб., 1850. С. 313–323.

[5] Исторический очерк Лазаревского института восточных языков. СПб., 1855. С. 50.

[6] Там же.

[7] *Кананов Г.И.* Указ. соч. С. 149.

[8] Там же. С. 151.

[9] Там же. С. 150.

[10] *Веселовский Н.И.* Сведения об официальном преподавании восточных языков в России. СПб., 1879. С. 21.

[11] *Кананов Г.И.* Указ. соч. С. 150.

[12] Там же. С. 151.

[13] Там же. С. 151–152.

[14] Там же. С. 153.

[15] Там же. С. 158.

[16] Там же. С. 160.

[17] Там же. С. 162–163.

[18] *Кананов Г.И.* Очерк пятидесятилетия Лазаревского института восточных языков. М., 1865. С. 33.

[19] Там же. С. 35.

[20] *Кананов Г.И.* Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков. 1815–1850 гг. М., 1891. С. 164.

[21] Там же. С. 164.

[22] Исторический очерк Лазаревского института восточных языков. СПб., 1855. С. 54.

[23] Материалы для истории Лазаревского института восточных языков, издаваемые иждивением г. почетного попечителя князя Семена Семеновича Абамелик-Лазарева. Вып. 1. М., 1914. С. 15.

[24] *Кананов Г.И.* Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков. 1815–1850 гг. М., 1891. С. 151; Исторический очерк Лазаревского института восточных языков. СПб., 1855. С. 63–64.

[25] *Кананов Г.И.* Указ. соч. С. 169.

[26] Высочайшие указы, устав и штат Лазаревского института восточных языков в Москве и правила онаго высочайше утвержденные. М., 1852. С. 83–84.

[27] Цит. по: *Базиянц А.П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973. С. 81.

[28] Торжественный акт Лазаревского института восточных языков по случаю высочайше дарованных прав в 10 день Мая 1848 года. М., 1848. С. 5.

[29] Высочайшие указы, устав и штат Лазаревского института… С. 16, 18.

[30] Там же. С. 70.

[31] Отчет о состоянии Лазаревского института восточных языков в 1861/62 академическом году, читанный на акте директором Института статским советником Неверовым. М., 1862. С. 24–27.

[32] *Кананов Г.И.* Указ. соч. С. 174.

[33] Там же. С. 184–185.

[34] Там же. С. 186–189.

[35] Там же. С. 192.

[36] Высочайшие указы, устав и штат Лазаревского института… С. 22, 24.

[37] Исторический очерк Лазаревского института восточных языков. М., 1863. С. 64.

[38] *Базиянц А.П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973. С. 98.

[39] *Кананов Г.И.* Европа и Турция в Армянском вопросе // Русская мысль. 1886. Кн. XI, XII.

[40] *Кананов Г.И.* Очерк пятидесятилетней деятельности Лазаревского института восточных языков. М., 1865; *Кананов Г.И.* Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков. 1815–1850 гг. М., 1891.

[41] Высочайшие указы, устав и штат Лазаревского института… С. 25.

[42] Там же. С. 50–54.

[43] Там же. С. 30.

[44] Материалы для истории… С. 36–37.

[45] Высочайшие указы, устав и штат Лазаревского института… С. 33.

[46] Программы Лазаревского института восточных языков и правила о приеме воспитанников в оный. М., 1859. С. 4.

[47] Высочайшие указы, устав и штат Лазаревского института… С. 42, 44.

[48] Там же. С. 44.

[49] Исторический очерк Лазаревского института восточных языков. М., 1863. С. 75, 77, 78.

[50] Там же. С. 82.

[51] Высочайшие указы, устав и штат Лазаревского института… С. 40, 42, 44.

[52] Исторический очерк Лазаревского института восточных языков. М., 1863. С. 75.

[53] Отчет о состоянии Лазаревского института восточных языков в 1861/62 академическом году… С. 11–12.

[54] Исторический очерк Лазаревского института восточных языков. М., 1863. С. 77.

[55] Высочайшие указы, устав и штат Лазаревского института… С. 56, 58.

[56] Там же. С. 66.

[57] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 880. Оп. 5. Д. 211. Л. 5–5 об.

[58] Там же.

[59] Высочайшие указы, устав и штат Лазаревского института… С. 60.

[60] *Базиянц А.П.* Указ. соч. С. 90.

[61] Цит. по: *Базиянц А.П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973. С. 74.

[62] История Армении Моисея Хоренского – V в., с примечаниями и приложениями. М., 1858.

[63] Цит. по: Базиянц А.П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973. С. 74–75.

[64] Там же. С. 75–76.

[65] История Ахвани (Азиатской Албании) Моисея Каханкатуаци – X в. М., 1860.

[66] Хронография Мхитара Айриванского, – XIII в. М., 1860.

[67] Всеобщая история Вардана Великого – XII в., с объяснениями и приложениями. М., 1861.

[68] История Сюникской провинции Степаноса Сюникского – XIII в. М., 1861.

[69] Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозванию – XI в. с объяснениями и приложениями. М., 1864.

[70] *Назарян С.И.* Розовый кустарник шейха Муслехеддин Саади Ширазского, славный под названием Гулистана / Пер. с перс. М., 1857.

[71] *Шофман А.С., Шамов Г.Ф.* Восточный разряд Казанского университета // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. II. М., 1956. С. 426.

[72] *Куликова А.М.* Российское востоковедение XIX века в лицах. СПб., 2011. С. 133.

[73] *Арешян С.Г.* Армянская печать и царская цензура. Ер., 1957. С. 137.

[74] Цит. по: *Базиянц А.П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973. С. 61.

[75] *Базиянц А.П.* Указ. соч. С. 62.

[76] *Назарян С.И.* Указ. соч.

[77] Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков. М., 1903. С. 16–17.

[78] Цит. по: *Базиянц А.П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973. С. 72.

[79] *Веселовский Н.И.* Сведения об официальном преподавании восточных языков в России. СПб., 1879. С. 158.

[80] Цит. по: *Базиянц А.П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973. С. 77.

[81] *Веселовский Н.И.* Указ. соч. С. 21–22.

[82] Там же. С. 17–18.

[83] Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков. М., 1903. С. V.

[84] *Кананов Г.И.* Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков. 1815–1850 гг. М., 1891. С. 21.

[85] Исторический очерк Лазаревского института восточных языков. М., 1863. С. 75–76.

[86] Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков. М., 1903. С. VI.

[87] Там же. С. VI.; Речи и отчет, произнесенные в торжественном собрании Лазаревского института восточных языков по случаю совершившегося пятидесятилетия. М., 1865. С. 4–6.

[88] Речи и отчет, произнесенные в торжественном собрании Лазаревского института восточных языков по случаю совершившегося пятидесятилетия. М., 1865. С. 4–6.

[89] Цит. по: *Базиянц А.П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973. С. 84.

[90] *Кананов Г.И.* Указ. соч. С. 40.

[91] *Базиянц А.П.* Указ. соч. С. 86.

[92] *Куликова А.М.* Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVIII в. – 1917 г.). СПб., 1994. С. 297.

[93] Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков. М., 1903. С. IX–X.

[94] РГИА Ф. 880. Оп. 5. Д. 284. Л. 18–18 об.

[95] Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 153. Учебное отделение восточных языков. Оп. 668. Д. 155. Л. 50 об. – 51.

[96] Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков. М., 1903. С. 80.

[97] Цит. по: Базиянц А.П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. С. 88–89.

[98] Там же. С. 89.

[99] Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков. М., 1903. С. 7.

[100] Там же. С. 9.

[101] АВПРИ. Ф. 153. Учебное отделение восточных языков. Оп. 668. Д. 155. Л. 53 об.

[102] Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков. М., 1903. С. 84.

[103] Там же. С. 84–85.

[104] Там же. С. 10.

[105] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1252. Оп. 1. Д. 1966. Л. 1–5 об.

[106] *Кананов Г.И.* Указ. соч. С. 215.

[107] РГИА Ф. 880. Оп. 10. Д. 133.

[108] Цит. по: *Неклюдов Е.Г., Попова-Яцкевич Е.Г.* Род Лазаревых. Екатеринбург, 2013. С. 177.

[109] Высочайше утвержденный устав Лазаревского института восточных языков. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 47. Ч. 2. СПб., 1875. № 51655. С. 1145.

[110] *Неклюдов Е.Г., Попова-Яцкевич Е.Г.* Указ. соч. Екатеринбург. 2013. С. 176.

[111] *Абамелик-Лазарев С.* Джераш. СПб., 1897. С. 30.

[112] РГИА. Ф. 759. Оп. 62. Д. 98. Л. 15–19.

[113] *Кананов Г.И.* Указ. соч. С. 246–247.

[114] Цит. по: Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков. М., 1903. С. 20.

[115] Цит. по: *Базиянц А.П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973. С. 91.

[116] Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков. М., 1903. С. 7.

[117] Там же. С. 10.

[118] Там же. С. 28.

[119] Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков. М., 1903. С. 29.

[120] Там же. С. 30.

[121] РГИА. Ф. 880. Оп. 5. Д. 284. Л. 31–31 об.

[122] Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков. М., 1903. С. XIV–XV.

[123] *Базиянц А.П.* Указ. соч. С. 156.

[124] *Миллер В.Ф.* Очерки Арийской мифологии. (Асвины-Диоскуры). М., 1876.

[125] *Миллер В.Ф.* Осетинские Этюды. Ч. I: Осетинские тексты. М., 1881.

[126] Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков. М., 1903. С. 21.

[127] Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков. М., 1903. С. 11.

[128] Там же. С. XV.

[129] Там же. С. XVI.

[130] *Крымский А.* В.Ф. Миллер (Некролог) // Голос минувшего. 1913. № 12. С. 319.

[131] Цит. по: *Базиянц А.П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973. С. 151.

[132] *Крымский А.* Указ. соч. С. 319

[133] Там же.

[134] Цит. по: *Базиянц А.П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973. С. 160–161.

[135] *Базиянц А.П.* Указ. соч. С. 156.

[136] Цит. по: *Базиянц А.П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973. С. 157.

[137] Правила испытаний для студентов специальных классов Лазаревского института восточных языков. М., 1912. С. 2.

[138] Там же. С. 1.

[139] Там же. С. 3–5.

[140] Правила а) о приеме в студенты и сторонние слушатели Специальных Классов Лазаревского института восточных языков; б) о прохождении курса студентами Специальных Классов. М., 1916. С. 3, 10–12.

[141] Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков. М., 1903. С. 36.

[142] Там же. С. 6–7.

[143] Там же. С. 42.

[144] *Кананов Г.И.* Указ. соч. С. 209.

[145] Правила а) о приеме в студенты и сторонние слушатели Специальных Классов Лазаревского института восточных языков; б) о прохождении курса студентами Специальных Классов. М., 1916. С. 3–6.

[146] Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков. М., 1903. С. 37.

[147] Там же. С. 38.

[148] Там же. С. 40–41.

[149] АВПРИ. Ф. 153.Учебное отделение восточных языков. Оп. 668. Д. 155. Л. 56 об.

[150] Там же.

[151] Там же. Л. 57 об.

[152] Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков. М., 1903. С. 86.

[153] Там же. С. 87.

[154] Цит. по: Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков. М., 1903. С. 17.

[155] Там же. С. 16.

[156] Там же.

[157] *Мирза Джафар.* Книга персидско-русских разговоров. Казань, 1883; он же. Книга персидско-русско-французских разговоров. М., 1896; он же. Грамматика персидского языка. Казань, 1884.

[158] Обозрение преподавания в специальных классах Лазаревского института восточных языков в 1910–1911 академическом году. М., 1910. С. 5–6.

[159] *Базиянц А.П.* Указ. соч. С. 105.

[160] *Холмогоров И.Н.* «Гюлистан Саади», с персидского. М., 1882; он же. История арабской литературы / История всеобщей литературы изд. Корша и Кирпичникова. Т. II. СПб., 1885.

[161] *Мсериан Л.* Барон Рейнгольд фон Штакельберг (Некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. 1908. № 8. С. 47.

[162] Братская помощь пострадавшим в Турции Армянам. М., 1897.

[163] *Муркос Г.А.* Об арабских рукописях Лазаревского института восточных языков и малой Кызыкумухской мечете в Дагестане. М., 1889.

[164] Путешествие антиохийского патриарха Макария/ Пер. с араб. Вып. 1–5. М., 1896–1900.

[165] История всеобщей литературы изд. Корша и Кирпичникова. Т. II. СПб., 1885.

[166] Цит. по: Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков. М., 1903. С. 16.

[167] Там же С. 26–27.

[168] *Аттая М.О.* Практическое руководство к изучению арабского языка. 3-е изд. Казань, 1900.

[169] *Аттая М.О.* Арабская хрестоматия. Казань, 1886; он же. Книга Калила и Димна, или сборник басен, известных под именем Бидная. М., 1889.

[170] Словарь арабско-русский. М., 1913.

[171] Цит. по: Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков. М., 1903. С. 16.

[172] Обозрение преподавания в специальных классах Лазаревского института восточных языков в 1910–1911 академическом году. М., 1910. С. 4–5.

[173] Цит. по: Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков. М., 1903. С. 16.

[174] *Базиянц А.П.* Указ. соч. С. 119–120; Гордлевский В.А. С.Е. Саков (Некролог) // Новый Восток. Кн. 1. М., 1922. С. 442.

[175] Цит. по: Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков. М., 1903. С. 16.

[176] *Гордлевский В.А.* Избранные сочинения. Т. IV. М., 1968. С. 404.

[177] *Рзаев А.К.* Азербайджанские востоковеды XIX века. Баку, 1986. С. 126.

[178] *Базиянц А.П.* Указ. соч. С. 142.

[179] *Гаффаров М.А*. Персидско-русский словарь. Т. 1. М., 1914. С. II.

[180] *Гаффаров М.А.* Образчики персидской письменности с X века до нашего времени. Ч. I–II. М., 1906–1916.

[181] *Гаффаров М.А.* Персидские пословицы // Древности восточные Т. IV. М., 1913.

[182] *Гаффаров М.А.* Из газелей Сальмана Саведжи. М., 1914.

[183] *Гаффаров М.А.* Из истории персидской историографии монгольского периода // Древности восточные. Т. IV. М., 1913.

[184] *Гаффаров М.А.* О султанских грамотах турецким чиновникам на Кавказе при турецком владычестве // Древности восточные. Т. 2. Вып. 2. М., 1901.

[185] Обозрение преподавания в специальных классах Лазаревского института восточных языков в 1910–1911 академическом году. М., 1910. С. 6–7.

[186] Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков. М., 1903. С. 22.

[187] *Халатьянц Г.А.* «Армянский эпос» в Истории Армении Моисея Хоренского, опыт критики источников. Ч. 1–2. М., 1896; Мар-Абас Мцурнийский или Псевдо-Агафангел. Венеция, 1897; Историческая поэма из времен Тамерлана — Григория Хлашского, с биографическим очерком автора. Вахаршапат, 1897, и др.

[188] Императорское московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914). Т. II. М., 1915. С. 323.

[189] Цит. по: Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков. М., 1903. С. 17.

[190] *Хаханов А.С.* Очерки по истории грузинской словесности. Вып. I: Народный эпос и апокрифы. М., 1895; Вып. II: Древняя литература до конца XII в. М., 1897; Вып. III: Литература XIII–XVIII вв. М., 1902.

[191] *Хаханов А.С.* Источники по введению христианства в Грузии. М., 1893.

[192] *Хаханов А.С.* Древнейшие пределы расселения грузин по Малой Азии. М., 1890.

[193] *Хаханов А.С.* Крепостное право в Грузии. Тифлис, 1890.

[194] *Хаханов А.С.* Грузинские дворянские акты и родословные росписи. М., 1893.

[195] *Хаханов А.С.* Гуджары церковные с приложением очерка о положении грузинской церкви. Кутаис, 1891.

[196] *Хаханов А.С.* Грузинская рукописная поэма «Барсова кожа» // Древности восточные. Т. II. Вып. I. М., 1896.

[197] Обозрение преподавания в специальных классах Лазаревского института восточных языков в 1910–1911 академическом году. М., 1910.С. 8–9.

[198] Там же.

[199] Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков. М., 1903. С. 24.

[200] Там же. С. 116.

[201] Там же. С. 22.

[202] *Гордлевский В.А.* Избранные сочинения. Т. IV. М., 1968. С. 444.

[203] *Гордлевский В.* Ф.Е. Корш и востоковедение. Пг., 1917. С. 1–2.

[204] *Дмитриев Н.К.* Федор Евгеньевич Корш. М., 1962. С. 7.

[205] Там же. С. 33.

[206] Цит. по: *Богданов А.В.* Федор Евгеньевич Корш. Ашхабад, 1982. С. 78.

[207] Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков. М., 1903. С. 23.

[208] *Баскаков Н.А., Баскаков Ник. А.* Академик Ф.Е. Корш в письмах современников. К истории русской филологической науки. М., 1989. С. 174.

[209] *Базиянц А.П.* Указ. соч. С. 107.

[210] *Дмитриев Н.К.* Указ. соч. С. 9.

[211] *Гордлевский В.* Ф.Е. Корш и востоковедение. Пг., 1917. С. 5.

[212] *Дмитриев Н.К.* Указ. соч. С. 10.

[213] Там же. С. 13, 17.

[214] Гордлевский В. Указ. соч. С. 6.

[215] *Дмитриев Н.К.* Указ. соч. С. 25.

[216] *Баскаков Н.А., Баскаков Ник. А.* Указ. соч. С. 143–144.

[217] *Крымский А.* В.Ф. Миллер (Некролог) // Голос минувшего. 1913. № 12. С. 319.

[218] *Калоев Б.А.* В.Ф. Миллер — кавказовед. Орджоникидзе, 1963. С. 24–31.

[219] Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков. М., 1903. С. 24–25.

[220] *Ковалевский М.М.* Памяти В.Ф. Миллера // Этнографическое обозрение. 1914. № 3–4. С. 20.

[221] Обозрение преподавания в специальных классах Лазаревского института восточных языков в 1910–1911 академическом году. М., 1910. С. 5, 7, 9.

[222] Цит. по: *Базиянц А.П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973. С. 124.

[223] Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков. М., 1903. С. 25.

[224] *Гордлевский В.А.* Обзор турецких сказок по сборнику Игн. Куноша. М., 1900. С. 1–2.

[225] Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому. М., 1953. С. 6–7.

[226] Гордлевский В.А. Избранные сочинения. Т. II. М., 1961. С. 351.

[227] *Бартольд В.* История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925. С. IX.

[228] *Герье В.И.* Новая история Востока. Лекции проф. В.И. Герье, читанные в 1901–1902 г. на II и III курсах специальных классов Лазаревского института восточных языков. Изд. студента III курса К. Золотницкого, литография Иванова. М., 1902.

[229] Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков. М., 1903. С. 18.

[230] Цит. по: *Базиянц А.П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973. С. 141.

[231] Там же. С. 117–118.

[232] *Базиянц А.П.* Указ. соч. С. 136.

[233] *Кананов Г.И.* Указ. соч. С. 230.

[234] Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков. М., 1903. С. 48.

[235] Там же. С. 49–52.

[236] Цит. по: *Базиянц А.П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973. С. 94.

[237] Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков. М., 1903. С. 55–56.

[238] Там же. С. XVIII.

[239] Цит. по: *Базиянц А.П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973. С. 94.

[240] Исторический очерк Лазаревского института восточных языков. М., 1863. С. 5.

[241] *Кананов Г.И.* Указ. соч. С. 174–175.

[242] Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточных языков. М., 1903. С. 18.

[243] Цит. по: *Базиянц А.П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973. С. 159.

[244] РГИА. Ф. 880. Оп. 5. Д. 297. Л. 1.

[245] Цит. по: История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М., 1997. С. 90.

[246] Там же.

[247] Там же. С. 91.

[248] Там же. С. 91–92.

[249] *Мсерианц Л.З.* Десятилетие Восточной комиссии Московского археологического общества // Известия Калужской ученой архивной комиссии. 1898. № 1. С. 26.

[250] Древности восточные. Т. I. Вып. III. М., 1893. С. 7–8.

[251] Там же. С. 4.

[252] Там же. С. 5.

[253] Там же. С. 11.

[254] *Мсерианц Л.З.* Указ. соч. С. 26, 27.

[255] Там же.

[256] Древности восточные. Т. II. Вып. II. М., 1901. С. 185.

[257] Там же. Т. IV. М., 1913. С. V.

[258] Там же. Т. II. Вып. II. М., 1901. С. 134.

[259] Там же. С. 195.

[260] Там же. С. 187.

[261] Там же. С. 188.

[262] Там же. Т. I. Вып. III. М., 1893. С. 370.

[263] Там же. Т. II. Вып. I. М., 1896. С. 81.

[264] Там же. Т. III. Вып. II. СПб., 1908; Там же. Т. V. М., 1915.

[265] Там же. Т. I. Вып. II. М., 1891. С. 29.

[266] Там же. Т. II. Вып. I. М., 1896. С. 75.

[267] Там же. С. 78.

[268] Там же. Т. II. Вып. II. М., 1901. С. 158.

[269] Там же. Т. II. Вып. III. М., 1903. С. 75.

[270] Там же. С. 22, 23.

[271] Там же. Т. I. Вып. II. М., 1891. С. 223–278.

[272] Цит. по: Исторический очерк Лазаревского института восточных языков. М., 1863. С. 79.

[273] АВПРИ. Ф. 153. Учебное отделение восточных языков. Оп. 668. Д. 97. Л. 6.

[274] *Фирсова А.М.* Культурно-исторические проблемы лингвообразования в России / Автореф. дисс. … доктора пед. наук. Н. Новгород, 2009. С. 34.

[275] АВПРИ. Ф. 153. Учебное отделение восточных языков. Оп. 668. Д. 248. Л. 252.

[276] АВПРИ. Ф. 153. Учебное отделение восточных языков. Оп. 668. Д. 23647. Л. 14–15.

[277] Там же. Л. 16.

[278] Там же. Д. 102. Ч. V. Л. 139.

[279] Цит. по: *Кананов Г.И.* Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков. 1815–1850 гг. М., 1891. 247.

[280] АВПРИ. Ф. 153. Учебное отделение восточных языков. Оп. 668. Д. 126. Л. 1.

[281] *Воловников В.Г.* Вклад в изучение Востока дипломатического ведомства Российской империи в XVIII – начале XX века. Автореферат дисс. … кандидата ист. наук. М., 2004. [Электронный доступ]

URL: http://cheloveknauka.com/vklad-v-izuchenie-vostoka-diplomaticheskogo-vedomstva-rossiyskoy-imperii-v-xviii-nachale-xx-veka#ixzz3h6hNOiGI (дата обращения: 25.07.2015).

[282] *Леонтьев К.Н.* Из воспоминаний консула // Леонтьев К.Н. Моя литературная судьба. М., 2000. С. 324.

[283] Дополнительными сведениями из АВПРИ или личных архивов авторы не располагают.

[284] Турецкое название города Шкодер в Северной Албании.

[285] Студент при посольстве » в XVIII–XIX вв. одна из первых должностей для молодых дипломатов, поступавших на службу в Коллегию иностранных дел / Министерство иностранных дел.

[286] Специализацией Третьего политического отдела были страны Средней Азии, Персия, Индия и Цейлон.

[287] Учебное отделение восточных языков было подразделением министерства.

[288] Известно, что в ходе Первой мировой войны 1914–1918 гг. «к боевой награде был представлен дипломатический чиновник, прикомандированный к штабу Первого Кавказского кавалерийского корпуса, Е.В. Левкиевский» // Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. Сборник документов. Тула, 2014. С. 14.

[289] *Грушева А.Г.* Реформирование школ Палестинского общества в Сирии – проекты российских представителей и представления местного населения (по данным инспекции 1910 г.) // Письменные памятники Востока. № 2 (21), осень – зима 2014. [Электронный ресурс] URL: http://ippo.ru/history/school/s/10/ (дата обращения: 25.07.2015).

[290] *Воловников В.Г.* Указ. соч.

К ГЛАВЕ 3

[1] Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 41.

[2] Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1959. С. 34.

[3] Там же. С. 35.

[4] *Кузнецова Н.А., Кулагина Л.М.* Из истории советского востоковедения 1917–1967. М., 1970. С. 3–8.

[5] *Гордлевский В.А.* Памяти В.Ф. Минорского // Гордлевский В.А. Избранные сочинения. Т. IV: Этнография, история востоковедения, рецензии. М., 1968. С. 470.

[6] Цит. по: Становление советского востоковедения. М., 1983. С. 187.

[7] *Луначарский А.В.* Воспоминания и впечатления. М., 1968. С. 204–205.

[8] Ленин и Академия наук. Сб. документов. М., 1969. С. 6.

[9] Цит. по: Организация науки в первые годы Советской власти. Л., 1968. С. 124.

[10] *Хейфец А.Н., Шаститко П.М.* В.И. Ленин и становление советского востоковедения // Становление советского востоковедения. М., 1963. С. 19.

[11] Академия наук СССР. М., 1968. С. 26.

[12] Справочник Народного Комиссариата по делам национальностей. М., б.г. С. 6.

[13] *Марр Н.Я.* К вопросу о реорганизации Лазаревского института восточных языков. Пг., 1918. С. 123.

[14] Там же.

[15] Цит. по: *Базиянц А.П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973. С. 192.

[16] *Марр Н.Я.* Записка о преобразовании Специальных классов Лазаревского Института Восточных Языков и Этнологическо-Историкофилологический факультет Лазаревского Переднеазиатского Института. Пг., 1918. С. 10.

[17] Там же. С. 11.

[18] Там же. С. 12–13.

[19] Там же. С. 14.

[20] Там же. С. 9.

[21] Цит. по: Становление советского востоковедения. М., 1983. С. 190.

[22] Цит. по: *Базиянц А.П.* Из истории советского востоковедения в 1917–1922 гг. // Становление советского востоковедения. М., 1983. С. 52.

[23] *Марр Н.Я.* Указ. соч. С. 4.

[24] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 50. Л. 3.

[25] Там же. Л. 1.

[26] Там же. Л. 2.

[27] Там же. Л. 27.

[28] Там же. Л. 26.

[29] Там же. Д. 62б. Л. 4 об.

[30] *Гордлевский В.А.* Московское востоковедение после Октября (К тридцатилетию Октябрьской революции) // Гордлевский В.А. Избранные сочинения. Т. IV: Этнография, история востоковедения, рецензии. М., 1968. С. 337–338.

[31] ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 62б. Л. 22.

[32] Там же. Д. 50. Л. 27.

[33] Цит. по: *Базиянц А.П.* Из истории советского востоковедения в 1917–1922 гг. // Становление советского востоковедения. М., 1983. С. 54.

[34] ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 62б. Л. 20.

[35] Цит. по: *Базиянц А.П.* Из истории советского востоковедения в 1917–1922 гг. // Становление советского востоковедения. М., 1983. С. 55.

[36] Цит. по: Становление советского востоковедения. М., 1983. С. 166–167.

[37] *Кузнецова Н.А., Кулагина Л.М.* Указ. соч. С. 229.

[38] Там же. С. 229.

[39] Там же. С. 230.

[40] ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 702. Л. 27.

[41] Цит. по: *Базиянц А.П.* Из истории советского востоковедения в 1917–1922 гг. // Становление советского востоковедения. М., 1983. С. 60.

[42] ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 702. Л. 27.

[43] Отчет Народного Комиссариата по делам национальностей за 1921 г. М., 1921. С. 18, 20.

[44] Андрей Евгеньевич Снесарев. Жизнь и научная деятельность. М., 1973. С. 11.

[45][Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.a-e-snesarev.ru/trudi/kadri_nabroski.html (дата обращения: 15.09.2015).

[46] *Кузнецова Н.А., Кулагина Л.М.* Указ. соч. С. 229.

[47] Отчет Народного Комиссариата по делам национальностей за 1921 г. М., 1921. С. 18–19.

[48] Цит. по: *Базиянц А.П.* Из истории советского востоковедения в 1917–1922 гг. // Становление советского востоковедения. М., 1983. С. 60.

[49] ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 504. Л. 9.

[50] *Кузнецова Н.А., Кулагина Л.М.* Указ. соч. С. 229.

[51] Отчет Народного Комиссариата по делам национальностей за 1921 г. М., 1921. С. 19.

[52] Там же.

[53] Там же.

[54] Андрей Евгеньевич Снесарев. Жизнь и научная деятельность. М., 1973. С. 11.

[55] *Кузнецова Н.А., Кулагина Л.М.* Указ. соч. С. 230.

[56] Отчет Народного Комиссариата по делам национальностей за 1921 г. М., 1921. С. 19.

[57] ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 459. Л. 10.

[58] Там же. Л. 11.

[59] Там же.

[60] Там же. Л. 10 об.

[61] Там же. Оп. 1. Д. 64. Л. 54–56.

[62] Там же. Л. 63 об.

[63] Там же. Ф. Р-1235. Оп. 38. Д. 64. Л. 85–88.

[64] Там же. Оп. 72. Д. 1081. Л. 5.

[65] Там же. Ф. Р-3316. Оп. 19. Д. 907. Л. 22.

[66] Там же. Оп. 18. Д. 763. Л. 2.

[67] Деятели СССР и революционного движения России. М., 1989. С. 577–578.

[68] Цит. по: *Кузнецова Н.А., Кулагина Л.М.* Из истории советского востоковедения. 1917–1967. М., 1970. С. 26.

[69] Там же.

[70] Цит. по: *Базиянц А.П.* Из истории советского востоковедения в 1917–1922 гг. // Становление советского востоковедения. М., 1983. С. 74.

[71] Цит. по: *Базиянц А.П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973. С. 202.

[72] ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 18. Д. 633. Л. 18.

[73] Там же.

[74] Там же.

[75] Там же. Оп. 21. Д. 911. Л. 67 об.

[76] Там же. Л. 63.

[77] Там же. Л. 65 об.

[78] Там же. Л. 64 об.

[79] Цит. по: *Базиянц А.П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973. С. 121.

[80] *Ким Р.* О.В. Плетнер // Новый Восток. 1929. Кн. 25. С. 381–383.

[81] ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 21. Д. 911. Л. 65.

[82] Там же. Л. 64 об.

[83] *Гордлевский В.А.* Московское востоковедение после Октября (К тридцатилетию Октябрьской

революции) // *Гордлевский В.А.* Избранные сочинения. Т. IV: Этнография, история востоковедения, рецензии. М., 1968. С. 345.

[84] ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 21. Д. 911. Л. 68.

[85] Там же. Л. 68 об.

[86] Там же. Л. 67 об.

[87] Там же. Л. 66 об.

[88] Там же. Л. 66–66 об.

[89] Там же. Л. 39.

[90] Там же. Л. 41.

[91] Там же. Л. 38.

[92] Там же. Л. 40.

[93] Там же. Л. 36.

[94] Там же. Л. 38.

[95] Там же. Л. 35, 34.

[96] Там же. Л. 34.

[97] Там же. Л. 100.

[98] Там же. Л. 120.

[99] Там же. Л. 105.

[100] Там же. Оп. 64. Д. 829. Л. 10–10 об.

[101] Там же. Л. 12.

[102] Там же.

[103] Там же. Л. 12–12 об.

[104] Там же. Л. 46.

[105] Там же. Д. 971. Л. 5.

[106] Там же. Д. 1120. Л. 1.

[107] Там же. Л. 2.

[108] Там же. Л. 4.

[109] Там же. Оп. 23. Д. 867. Л. 8.

[110] Там же. Л. 6.

[111] Там же. Д. 788. Л. 7–7 об.

[112] Там же. Оп. 21. Д. 864. Л. 25–25 об.

[113] Там же. Оп. 1. Д. 1728.

[114] Там же. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 9013. Л. 4.

[115] Там же. Л. 4.

[116] Там же. Л. 14.

[117] Там же.

[118] Там же. Л. 15.

[119] Там же. Ф. Р-5446. Оп. 46а. Д. 4776. Л. 9.

[120] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 132. Д. 341. Л. 13.

[121] *Шаститко П.М.* Век ушёл: сцены из истории отечественного востоковедения. М., 2009. С. 46.

[122] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 455. Л. 39.

[123] Цит. по: *Шаститко П.М.* Век ушёл: сцены из истории отечественного востоковедения. М., 2009. С. 48–49.

[124] Там же. С. 50.

[125] Там же.

К ГЛАВЕ 4

[1] Библиография Кореи. 1917–1970 / Сост. Л.М. Володина. М., 1981. С. 138.

[2] *Дмитриева В.Н.* Из автобиографии: как я стала кореeведом // Современное российское кореeведение: Справочное издание / Сост. Л.Р. Концевич, Т.М. Симбирцева. М., 2006. С. 238. (Серия «Российское кореeведение в прошлом и настоящем». Т. 3).

[3] Современное российское кореeведение: Справочное издание / Сост. Л.Р. Концевич, Т.М. Симбирцева. М., 2006. С. 50. (Серия «Российское кореeведение в прошлом и настоящем». Т. 3).

[4] *Зайчиков В.Т.* Корея. М., 1951. 480 с.

[5] *Дмитриева В.Н.* Из автобиографии: как я стала кореeведом // Современное российское кореeведение: Справочное издание / Сост. Л.Р. Концевич, Т.М. Симбирцева. М., 2006. С. 239–240. (Серия «Российское кореeведение в прошлом и настоящем». Т. 3).

[6] *Дмитриева В.Н.* Из автобиографии // Энциклопедия корейцев России / Под ред. Б. Цоя. М., 2003. С. 846.

[7] *Торкунов А.В.* Корейская проблема: новый взгляд / А.В. Торкунов, Е. П. Уфимцев. М.: Анкил, 1995. 156 с.; *Торкунов А.В.* Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 годов / А.В. Торкунов. М., 2000. 312 с.; *Торкунов А.В.* Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории / А.В. Торкунов, В.И. Денисов, Вл.Ф. Ли. М., 2008. 544 с.; История Кореи: (новое прочтение) / Под ред. А.В. Торкунова. М., 2003. 430 с.

[8] Неспокойное соседство: проблемы Корейского полуострова и вызовы для России: Коллективная монография / [А.В. Торкунов и др.]; под ред. Г.Д. Толорая. М., 2015. 344 с.

[9] Выпускники МИВ отмечены звездочкой (*).

[10] *Дмитриева В.Н.* Из автобиографии // Энциклопедия корейцев России / Под ред. Б. Цоя. М., 2003. С. 846.

ГЛАВЫ ИЗ ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ.
Лазаревский истиут – Московский институт востоковедения – МГИМО

Подписано к печати 30.09.2015. Формат 60×901/16
Усл. печ. 41,28 л. Тираж 1000 экз. Заказ №
ЗАО Издательство «Аспект Пресс»
111141, Москва, Зеленый проспект, д. 8.
E-mail: info@aspectpress.ru; www.aspectpress.ru.
Тел.: 8(495) 306-78-01, 306-83-71

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, www.оаомпк.рф
тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ISBN 978-5-7567-0816-5
9 785756 708165